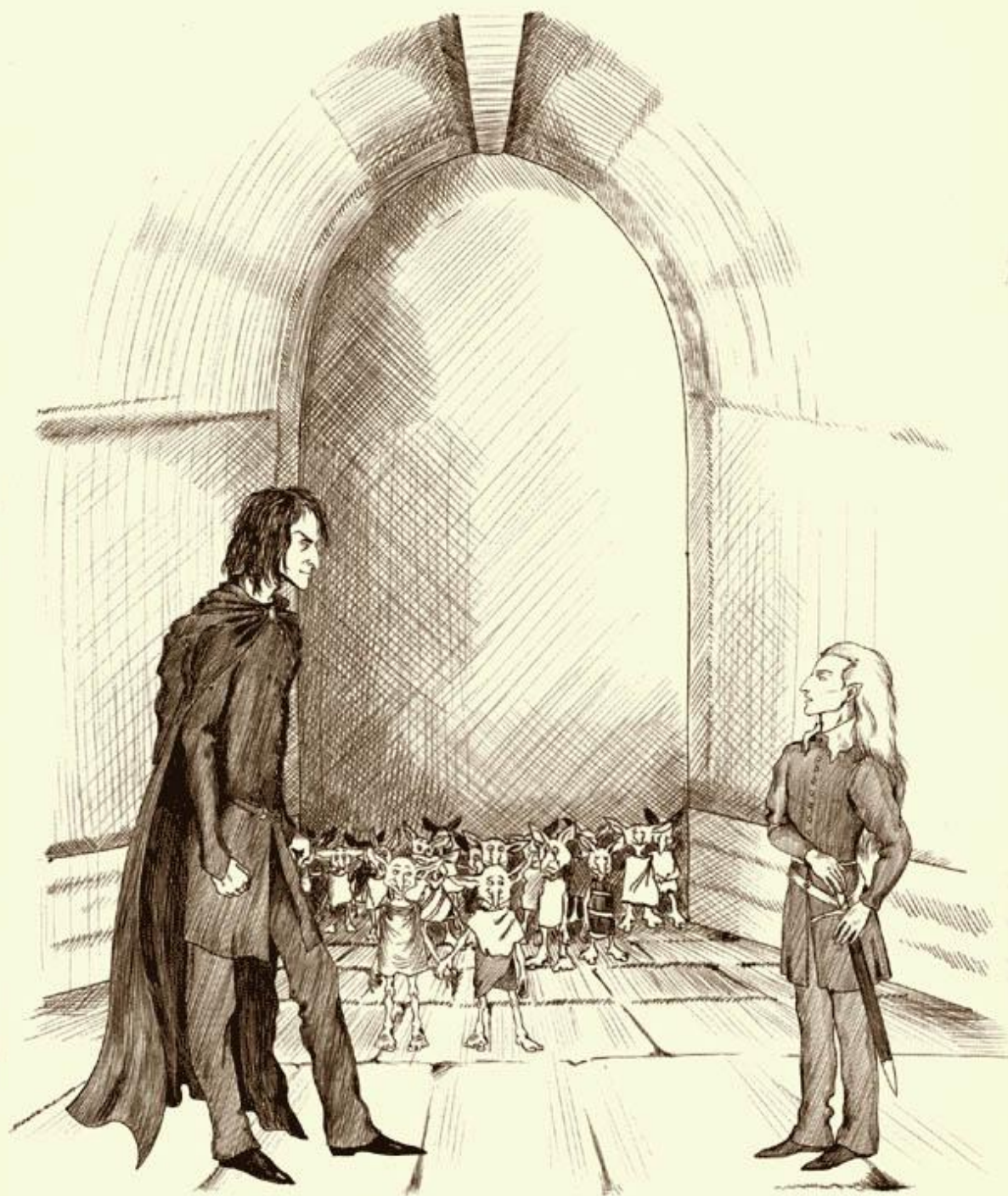

Гарри Поттер и Лесные Тени

Constance Ice

Гарри Поттер и лесные тени с иллюстрациями — С: Народный перевод Гарри Поттера, 2002. — 332с.

ISBN not allocated

Harry Potter, names, characters and related indicia are copyright and trademark of Warner Bros.™ 2000. Harry Potter publishing rights copyright J.K Rowling, 1997. Based on the J.K Rowling book series. English title: Harry Potter and wood shadows.

This book in part or in whole can not be sold, purchased, rented or distributed on any other commercial basis.

Это произведение написано по мотивам серии книг Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Данная книга, частично или полностью, может распространяться только бесплатно. Купля-продажа и возмездный прокат запрещены.

Не рекомендуется лицам моложе 15 лет.

© **Constance Ice**, carbonit@rambler.ru, 2002-2003

© Иллюстрации. Viss, visskrapivnica@yandex.ru, 2003
Египетская Мау, 2003

© Оформление. Народный перевод Гарри Поттера, 2002-2003.
Впервые опубликовано онлайн в 2002 году.
Корректор: Нейтрон

® Вёрстка. Ombro, 2005

Народный перевод Гарри Поттера
www.honeyduke.com или www.yarik.com (официальное зеркало)
Электронная почта: mail@yarik.com

Глава 1. Начало лета.

Земля была очень жесткая, а трава выжжена настолько, что шуршала под ногами, как сентябрьское сено. Комья земли то и дело набивались в ботинки, шнурки развязались в самый неподходящий момент и, пачкаясь, тащились по земле, застревая среди остатков колючих кустиков давно засохших еще с весны одуванчиков. Почва казалась такой тяжелой, словно сделанной из того же металла, что и гвозди, с помощью которых полчаса назад закрыли крышку над лицом Фреда Уизли.

Гарри опустил на корточки и, наконец, завязал проклятые шнурки. Пока никто не заметил, он заодно воспользовался этим, чтобы потихоньку вытереть очередную предательскую слезу, повисшую у него на ресницах. Пожалуй, кроме него, никто вокруг не стеснялся своего горя. Мистер Уизли раскачивался из стороны в сторону и тихо стонал. У него сильно поседел виски, и он высох так, словно не ел несколько дней. Глубокие черные провалы на месте глаз у Молли Уизли были выплаканы давным-давно, слез у нее больше не осталось, и она только мучительно кусала губы, опираясь на руку Чарли. Сама она была не в силах держаться на ногах. Билл, Гермiona и Рон стояли возле самой могилы, заваленной цветами, Гермiona тихо плакала, выжимая уже давно промокший платок. Перси с абсолютно безумным выражением лица поднимал с колен Джорджа, отчаянно рыдавшего у горы цветов, почти скрывшей камень с надписью: *Фред Джаспер Уизли (1978-1996)*. Джинни прятала свое заплаканное лицо на груди у Джона Трайткриспа, который выглядел, как меловая стена. Сквозь толпу людей, пришедших проводить в последний путь Фреда, он разглядывал еще три маленькие могилки на семейном кладбище Уизли: *Амброуз Уизли (1889-1982)*, *Унифрид Уизли (1897-1977)* и *Энн Джаспер Трайткрисп (1949-1987)*. Остановившись глазами на последней надписи, мистер Трайткрисп стискивал губы в болезненно тонкую полоску и прижимал к себе Джинни с такой силой, что от ее слез на воротнике его траурного костюма появлялись расплывающиеся пятна.

Гарри оглядел толпу скорбящих. Анжелину, бледную от пролитых сегодня слез, поддерживает тоже периодически вытирающий глаза Ли Джордан. Алисия и Кэтти стоят вместе с Оливером Вудом, взявшим на сегодня отгул в Министерстве, чтобы проводить в последний путь умершего друга. Оливер за два года вытянулся и стал совсем взрослым, но сегодня он казался съезжившимся, как столетний старичок, подобно Минерве МакГонаголл. Старенькая профессор, декан колледжа Фреда сегодня рыдала, как обычная бабушка, потерявшего любимого шалуна-внука. В толпе Гарри выхватывал лица школьных товарищей Фреда, коллег его отца и брата: пару раз возле Артура Уизли мелькнуло малоприметное сморщенное личико Мундугнуса Флетчера и пожилой Сирены Козловски из отдела Магического образования. Валери Эвергрин оторвалась от профессора МакГонаголл и, аккуратно раздвигая толпу, прошла к Джорджу. Она коснулась ладонью плеча Перси, жестом отослав его к отцу, и наклонилась над Джорджем. Гарри не слышал, что и как она ему говорила, но потом он заметил, как Джордж, выслушав мисс Эвергрин, кивнул, полез в карман за платком, не нашел его и благодарно принял из рук Валери маленький белый квадратик ткани. Вытерев глаза, он пошел к Артуру следом за Перси и обнял отца. Тяжелый для всех обряд завершился, родные и друзья отправились положить последние цветы на могилу. Гарри обратил внимание, что многие сотворили цветы прямо на месте, но он за неимением пока палочки, пошел вперед и положил на могилу букет немножко увядших за это время махрово-красных роз. Розы ему дала мисс Эвергрин перед тем, как они нырнули в камин мадам Росмерты.

Похороны в семье волшебников, оказались такими же, как и в любой другой обычной семье, разве что без священника. Все теперь шли через поле к Норе на поминки. На кухне сновали две сестры миссис Уизли, с ужасающей холодностью отнесшиеся к появлению мистера Трайткриспа. Он пробормотал что-то, отдаленно напоминающее «здравствуйте», и поспешно ретировался в гостиную. Джинни и Гермiona, утерев слезы, заставляли подносы стаканами и тарелками. Гарри ткнулся было к ним, но его помощь отвергли и отправили в гостиную к мужчинам. Мужчины сидели вокруг камина, из которого кто-то поминутно появлялся или исчезал, и тихо беседовали, вспоминая Фреда.

— А помните, он как-то засунул в камин навозную бомбу? Молли тогда возила Джинни к врачу в Лондон, у девочки была краснуха. Она вернулась и наступила на бомбу в камине. Мы несколько дней не могли выветрить этот запах, а прутьев в маминой метле заметно поубавилось.

— М-да, а мне вспоминается другое. Фред однажды угостил всех нас кислотными леденцами от Зонко. Помнишь, Рон, как мама навешала ему горячих за дырку в твоём языке?

— И первую сову о выходах Фреда прислали в первый же день его учебы в Хогвартсе. Дамблдор в полном восторге написал, что никогда не слышал, как шляпа поет хорошо поставленным оперным басом, плавно переходящим в дамское контральто. Совершенно не пойму, как он этого добился, еще ничего не умея? Может, и Джордж к этому тоже руку приложил? Эй, а где он?

— Тихо, Билл, он на террасе сидит. Почему никто не пойдет к нему, черт побери, не поговорит? Господи, из всей семьи он страдает больше всех! Почему же...

— Не надо, Перкинс. Валери уже пошла поговорить с ним. Он никого из нас не слушает. Пожалуй, только Дамблдор или мисс Эвергрин может утешить его. Надо же, собрался идти в колледж авроров! Ни за что не отпущу, тем более что он в таком состоянии не может принять правильного решения. Лучше уж пусть продолжает делать свои фокусы.

— До смеха ли ему теперь будет, папа?

— Господи, ну за что ты забрал его у нас, за что? Он же был такой талантливый мальчик, никому никогда не делал зла! Он и Джордж — это же сердце нашей семьи, Минерва! Такое чувство, словно сердце разорвали пополам...

— Молли, не надо, дорогая. Ты должна быть сильной. Нам всем понадобится сила теперь.

— Джинни, еще виски мистеру Флетчеру. Спасибо,

милая... Она страшно пережила все это, Мундгнус. Даже не знаю, как и благодарить Джона. Я-то думал, что он последняя скотина, а он сумел так ее поддержать. Молли тоже ему очень признательна. Вот оно, доказательство, что маглы иногда могут быть намного сильнее нас. Хотя бы и морально.

— Ты же сам говорил, Артур, что он много лет назад сам тяжело это пережил. Я тут принес вам кое-что. Надо бы это размножить и пустить в Министерстве так, чтобы побольше народу это прочитало. Возьмешься, Артур?

— Сам-Знаете-Кто на этот раз перешел все границы. Убивать детей... Мало ему его вечной жертвы — Гарри Поттера...

— Осторожно, Хьюз, вон он стоит! Вот черт, бедный парень, а? И этот его шрам...

— Эх, Сэм, трое детей за два года. Помнишь сына Амоса Диггори? Если бы я стоял тогда напротив Сам-Понимаешь-Кого, когда он поднял на него руку!..

— То хоронили бы мы еще и тебя, Перкинс. Одно дело — снимать заклятия с кусающихся чашек, и другое — сражаться с самым сильным черным магом современного мира. Мундгнус что-то обещал принести почитать. Какой-то проект закона, не знаешь, о чем это все?

— Не имею ни малейшего представления, Сэм. Передай-ка бутербродик.

— На одной из станций метро в Манчестере видели дементора. Ей-богу, не вру!

— Молли, говорят, была совсем плоха. Артур вызывал врача из Абердина, Ну, Майка Резника, ты его знаешь. Хахачары не к месту, конечно, он прописал ей что-то такое зеленое и пахнущее эвкалиптовым сиропом. Видишь, она даже смогла встать сегодня. Майк у нас голова.

Гарри нашел глазами Рона и кивнул ему. Рон в ответ хлопнул по табуретке рядом с собой, присоединяясь, мол, но Гарри покачал головой и вышел во двор. Знакомый запущенный сад радостно тянул к нему свои увешанные плющом ветки, а неряшливо расплзшиеся вдоль давно не крашенного забора кусты шиповника и выродившихся роз хищно норовили зацепить его колючками. Гномов не было видно, видимо, перед поминками кто-то постарался как следует размножить весь сад. На заборе уныло сидел Криволапсус, его прислали с Минервой МакГонаголл. Огромный кот задумчиво лизал заднюю лапу и тоскливо прижимал к голове уши.

— Эй, ты Джорджа не видел? — устало спросил Гарри. Криволапсус посветил на него своими диковатыми фарами и, конечно, ничего не ответил.

Джордж нашелся на веранде с другой стороны дома. Он сидел на крыльце, поджав колени, а Валери Эвергрин обнимала его за плечи и что-то говорила на ухо. Джордж, казалось, не слышал ни единого слова из того, что она шептала ему.

— Я все равно пойду учиться туда! — упрямо твердил он. — Наплевать мне теперь на все хохмазины мира. Я отомщу за Фреда. Я покажу им! Я...

— Мальчик, ты не думаешь, что месть — не лучший способ начинать свою жизнь? — Валери нетерпеливо прервала Джорджа. — Может статься, что в один прекрасный день, когда ты будешь уже совсем не молод, вдруг обнаружится, что жизнь не ограничивается одним только чувством мести, а годы и годы уже будут потрачены на бесплодные усилия изменить то, что изменить невозможно. Фреда уже не вернешь, Джордж. Оттуда никто не возвращается. Но зачем ты добровольно хочешь отправиться туда раньше времени, когда сейчас ты будешь куда больше нужен своим родным, чем своему погибшему брату? Если ты не хочешь оставаться в стороне, у меня есть к тебе встречное предложение, которое поможет тебе быть не менее полезным всему магическому миру, чем в качестве аврора.

— Какое? — спросил Джордж, нервно дергая под мантией удавку галстука.

— Это насчет чесночных бомб. Дело в том, что Министерство заинтересовалось этим проектом. Я и сама могу свидетельствовать, что лучшей техники уничтожения вампиров просто нет! В общем, если идея с хохмазином пока не умерла, я могу обещать тебе, что Министерство согласно наверняка вложить в хохмазин внушительные средства. Ты же понимаешь, это будет на пользу не только для изготовления чесночных бомб, но и «угольков на палочках».

— То есть, правительство готово сделать заказ на чесночные бомбы? — неуверенно пробормотал Джордж.

— Вот именно, мальчик! Уже готов проект. Мундугнус Флетчер над этим работает, он готов стать посредником между тобой и Министерством. И работа будет оплачена так, что ваша семья не будет нуждаться, как обычно — прозрачно намекнула Валери. — Ты же знаешь, что до пенсии твоему отцу осталось немного. А материально поддерживать семью сможет только Перси, но даже его зарплаты министерского начальника не хватит, чтобы обеспечить всех. Твоя мама болеет, Рону и Джинни еще нужно учиться. Да и тебе нужно будет строить свою жизнь. Заводить семью, наконец. Потом открыть хохмазин — это то, что ты всегда хотел сделать, и ты способен сделать это. Это твоя мечта. Зачем отказываться от нее в тот момент, когда она может стать реальностью?

— Я... не знаю — Джордж уронил голову на колени и замотал рыжими волосами. — Но Рон и Джинни... И папа с мамой... Я же хочу защитить их! — воскликнул он в сердцах. — Если я стану аврором, то это мне удастся, я знаю, и это будет справедливо! А бомбы... Я же не сам смогу бросить их в того мерзавца, который Фреда... — он не договорил.

— Я убила Нотта, но Бладштейна будут судить — заметила Валери. — Это справедливо. Это лучше, чем если бы ты уничтожил его сам. Наказание должно соответствовать преступлению. *Быстрая* смерть Бладштейна от твоих рук... не находишь ли, что это облегчило бы его участь? В какой-то мере, конечно. И отяготило бы еще больше твою собственную совесть. — Она похлопала Джорджа по рыжеватой макушке.

— Сынок, ты здесь? — голос мистера Трайткриспа раздался с другой стороны веранды. — Прошу прощения, Джо, и вы, мисс, за то, что стал невольным свидетелем...

— Забудьте, дядя Джон — Джордж поднял на магла свои воспаленные глаза. — Вы что-то хотели мне сказать?

— В общем, да — бухгалтер немного помялся и, аккуратно поддернув черную штанину, присел на пыльное крыльцо рядом с Джорджем. — Знаешь, я когда-то тоже думал, что в жизни должен заниматься исключительно защитой человека, которого я действительно люблю. Но принесло ли это счастье Энн? Сейчас я уже знаю, что нет. Может, мне следовало больше доверять ей. От судьбы не уйдешь, Джордж, и не нужно принуждать себя отказываться от своего таланта во имя мести. Месть — это не справедливость. Я раньше считал, что никогда не смогу больше принять ваш мир, после ухода Энн. Но все изменилось. Тебе нужна твоя семья, сынок. А им — твой талант. Мы все нужны друг другу, Джо!

— Ох, дядя Джон — прошептал Джордж и позволил такому сухому и строгому на вид человеку себя обнять. — Я не знаю, что мне делать. Все говорят мне, чего я *не* должен делать, а что же должен?

— Я тоже кое-что скажу тебе. Вот — мистер Трайткрисп достал из кармана какие-то сложенные листы бумаги. — Я навел справки в этом вашем — он недовольно сощурился. —

Министерстве. В отделе Магической недвижимости. Так вот, я узнал условия аренды небольшого магазинчика на Диагон-аллее: вполне нам по средствам.

— Нам? — непонимающе сморкаясь в платочек мисс Эвергрин, переспросил Джордж.

— Ну, если ты не против... словом, я проанализировал ситуацию, Джинни попросила... Это действительно может быть выгодно. И если ты не возражаешь, то я могу войти в долю. Бухгалтер тебе не помешает, а потом, когда Джинни закончит курсы и получит образование, то она сама займется этим. Так ты не против? — выражение лица у Джона Трайткриспа было такое, словно он нырял в неизвестный ему, но точно кишасший крокодилами омут.

— Против! Дядя Джон, да я только рад!

— Значит, ты согласен взяться за дело? — еще раз уточнил бухгалтер. — Если да, то мы с господином Флетчером, очень симпатичный старичок, кстати, завтра же займемся этим делом. Он будет писать рекомендацию на правительственный кредит для изготовления чесночных... э-э-э... бомб, а я займусь оформлением бумаг на недвижимость.

— Да, сэр, я согласен — обреченно вздохнул Джордж.

— Ну вот и славно, Джордж — Валери Эвергрин похлопала его по плечу. — А теперь, если не возражаешь, тут еще есть человек, которому с тобой *очень* нужно поговорить. Гарри — повернулась она к угрюмоватому подростку. — Мы переночуем здесь, а завтра я отвезу тебя к Дурслям.

Гарри осторожно вышел из-за дерева.

— Это я, Джордж — обреченно сказал он. — М-можно я?..

Джордж похлопал по ступеньке рядом с ним. Мистер Трайткрисп тактично поднялся и подал руку мисс Эвергрин.

— Хорошо, что вы здесь, Джон — негромко сказала она. — Джорджу нужна ваша поддержка.

— Что смогу, то сделаю, мисс Валери. Кстати, тот чемоданчик, о котором вы беспокоились, уже у меня — полушепотом заметил он. — Не хотелось бы его оставлять здесь надолго, понимаете, такая толпа народу...

— Не волнуйтесь, я сейчас заберу его. Пойдемте? — она оперлась на его руку, и они оба побрели к дорожке, ведущей в кухню.

— Там эти гарпии... Если они заметят — услышал Гарри недовольное брюзжание мистера Трайткриспа. — то от чемоданчика ничего не останется! А там куча...

— Как вы не любите своих родственников, Джон! — перебила его Валери.

— Уже не всех не люблю...

Гарри опустил на ступеньку.

— Джордж, ты правда считаешь, что я не виновен. Честно?

— При чем тут ты, Гарри — Джордж сцепил кулаки, и его ногти впились в ладонь. — Это все то мерзкое, преступное существо, которое называют Вольдемортом! Я знаю, что он уже не человек! Человек не может совершать такие преступления и оставаться человеком! Я бы убил его своими руками, а они говорят такое... Сквозь их слова просвечивает — и не думай, Джордж, ты еще маленький! — Джордж сердито тряхнул головой. Слезы снова брызнули у него из глаз. — Сколько раз ты уже сталкивался с Вольдемортом и остался жив! Я знаю, что смогу убить его, знаю! А они говорят...

— Джордж, я правда стоял перед ним совершенно безоружный, я видел его в этот раз. Но если бы не... — Гарри чуть не сказал «Орден Феникса». — Если бы мне не помогли профессор Снейп и профессор Эвергрин, то меня бы ничто не спасло.

— Я слышал другое. Говорят, ты их спас — уронил Джордж небрежно. — Каково это — быть героем?

— Плохо! — прорвало Гарри. — Плохо, когда вокруг тебя умирают твои друзья, а ты остаешься жить с этим! Я предпочел бы умереть, Джордж, но пока Вольдеморт жив, и я чем-то смогу помочь Дамблдору, то я, и ты тоже, никто из нас не должен ныть и жаловаться! Мы сделаем то, что сможем сделать, чтобы помочь уничтожить Вольдеморта! Но я никому бы не пожелал выходить один на один с ним. Никому! Я не хочу, чтобы твоя мама хоронила еще и тебя!

Это возымело какое-то действие. Они помолчали. Джордж все это время нервно кусал ногти. Потом сказал:

— Ладно, Гарри. Проехали и забыли. Знаешь — добавил он. — Если бы Дамблдор разрешил, ты бы хотел поработать летом в нашем хохмазине?

— Нашем?

— Ну да. Ты вложил деньги. Дядя Джон вложил деньги. Мы с папой вложим. Мы пайщики, так это делается. Так что, хочешь поработать? Джинни тоже будет летом мне помогать.

— Знаешь, Джордж, я бы очень хотел, но, боюсь, Дамблдор меня опять никуда не отпустит без мисс Эвергрин, как и прошлым летом. Давай я тебе напишу потом, договорились? — Гарри встал и пожал руку Джорджу. — Я Хедвигу пришлю.

— Она в нашей совяльне сидит сейчас. Когда будете уезжать, не забудь забрать ее. Слушай, у меня такое чувство, что я уже год ничего не ел. Пойдем, может, на кухне еще что-то осталось?

«Вот так, — подумалось Гарри. — Люди умирают, но другие-то люди остаются жить. И им нужно еще кое-что сделать на этой земле. И есть им тоже хочется...»

На кухне уже никого не было, кроме большого блюда с бутербродами и пирожками. В гостиной гудел разноголосый хор родственников, и звенели стаканы и бокалы: Джинни с Гермионой собирали посуду. Джордж только успел протянуть Гарри пирожок с капустой, как тут же в камине что-то завозилось, и посыпались искры. Пепел сердито пыхнул, осыпав Гарри и Джорджа мелкой серостью, моментально набившейся в нос, и на пол в облаке сажи грохнулась знакомая маленькая фигурка в черной мантии. Фигурка раздраженно чихнула и незлегантно вытерла чумазый нос кулаком.

— Клара! — воскликнул Гарри, вытирая, а точнее, развозя пепел по лицу. — Откуда ты взялась?!

— Мерлин меня побери, Клара, что ты здесь делаешь? — Джордж уже помогал подняться юной герцогине Ярнли на ноги. Она вытряхнула немножечко пепла и пыли из ушей и, заревев, повесилась на шею Джорджу.

— О, Джордж! Я прочла в Дейли Пророке, что похороны были сегодня! Джордж, это ужасно! — выла Клара, брызгая слезами на мантию Джорджа. — Я очень просила, чтобы папка отпустил меня на похороны, но он меня не пустил. Тогда я украла с полки кружаную муку и сбежала! Джордж, я должна была сказать тебе, как я сочувствую! О, Джордж, как тебе должно быть больно! У-у-у-у! — Клара снова заревела, некрасиво раззявив рот, да так громко, что родственники и гости притихли в комнате, видимо, опасаясь, что к ним пожаловал какой-то особо громогласный дракон. Чарли, тут же среагировав, возник на кухне. В руке кроме палочки у него был единственный нашедшийся в доме подручный инструмент для усмирения чудовищ — старинная двузубая вилка.

— Что это за... — Чарли недоумевающе оглядел засыпанный грязью и пеплом пол (Клара везде, где прошла, оставила за собой аккуратные черные следы). — Чудище! — заключил Чарли, в ужасе рассматривая покрытую черными разводами сажи и слез физиономию девочки с вздернутым носом и лохматым хвостом волос, криво повязанным дорогой бархатной лентой. — Гарри, ты ее знаешь?

— Угу. Это Клара Ярнли, она с нами учится — кивнул Гарри, с интересом разглядывая, как Джордж подает Кларе полотенце, чтобы она вытерла слезы, а Чарли при помощи своей палочки ликвидирует устроенное Кларой на кухне безобразия. Черные следы ушли обратно в камин, а огонь перестал плевать комочками сажи и вновь запылал ровно, гулко шумя в трубе.

— Джордж, а ты и не говорил нам, что у тебя есть подружка — устало отдувался Чарли, собирая последние ошметки пепла со стула, на который приземлилась Клара сразу после своего появления. — О, прости, она же совсем маленькая — извинился он, когда лицо Клары выглянуло из недр полотенца, и Чарли получил возможность его как следует рассмотреть.

— Я не маленькая! — рявкнула Клара, в последний раз темпераментно всхлипывая в полотенце и отшвыривая его в угол.

— И она — не моя подружка — ощерился Джордж.

— Ну, ладно-ладно! — умиротворяюще заметил Чарли. — Гарри, ты не мог бы пойти и успокоить маму, она, наверное, думает, что это к нам в камин по ошибке свалился гиппогриф.

Но Молли и Артур Уизли уже были на кухне.

— Боже, что это? — миссис Уизли всплеснула руками, глядя на чумазую девчонку, развозившую по мантии остатки грязи.

— Мать честная, да это же дочка сэра Преториуса Ярнли — из-за спины Артура выглянул Мундугнус Флетчер. — Миледи, что вы тут делаете? Если герцог не знает, где вы сейчас, то он надерет вам уши! — пожилой коллега мистера Уизли, видимо, хорошо знал характер клариного отца. Наверное, был с ним знаком.

— Герцог? — брови мистера Уизли поднялись почти до самых поседевших волос.

— Я пришла, чтобы... э-э-э, принести соболезнования — прошептала смущенная обилием взрослых Клара.

Ну и сцена, подумал Гарри, устало плетясь в гостиную. По дороге его выловили Рон с Гермионой и потащили наверх. Родственники уже расходились, и, видимо, Рон решил, что будет лучше и для Гарри, и для них (с нескрываемым любопытством разглядывавших шрам в виде молнии и судорожно его обсуждающих), если он не пойдет во двор проводить их вместе с остальными Уизли.

— Гарри, что Клара здесь делает? — попробовала провести отвлекающий маневр Гермиона.

— Пришла, чтобы принести соболезнования — невнятно объяснил Гарри, заходя вслед за Роном в его спальню и плюхаясь на кровать. — От нее вполне можно было этого ожидать, разве ты еще не понял, Рон? — он упал лицом в подушку и почувствовал, что может вечно так лежать, пока нет необходимости ни о чем думать. И говорить. Ни с кем. Даже с Роном. Или Гермионой.

Тишина опустила на комнату тяжелым душным июньским вечером. Внутри этой тишины было очень жарко и больно. И еще там сидели три подростка, которым очень хотелось снова стать беззаботными детьми, но подло ударившая их в спину жизнь не позволяла в эту минуту им быть откровенными даже друг с другом. Его друзья оставались его друзьями, но уже не впервые Гарри даже в их присутствии ощутил острый приступ одиночества. У всех была половинка: у Рона — Гермиона, у мистера Уизли — его жена, у Перси — его работа, у Чарли — его драконы, у Билла — его долг. А Клара, кажется, просто напрашивается стать половинкой Джорджа. Маленькая герцогиня побежала утешить своего рыжего рыцаря, подарившего ей первый танец на первом балу. Где же его половинка, где? Или ему так и суждено оставаться Мальчиком-Который-Выжил-И-Остался-Один-На-Всем-Белом-Свете? От этого колкого и правдиво жестокого чувства взросления обожгло болью нервы. Неужели завтра придется вернуться к Дурслям? Я не перенесу этого, подумал Гарри. После всего, что произошло, провести лето у Дурслей — это же медленная пытка, хуже той, что сейчас ледяными пальцами сжимает его сердце.

Я один. Совсем один.

— Гарри, пожалуйста, не молчи — попросила Гермиона, присаживаясь на кровать рядом с Гарри. От прикосновения ее руки к своему плечу, Гарри внезапно испытал чувство вины. Как может она жалеть его? Ведь рядом — Рон. Не он — Рон потерял брата! Рону больнее, думал Гарри. Почему же кажется, что Рон переживает это куда проще, чем он сам? Это ненормально. Или просто Рон сильнее его? Все Уизли удивительно сильные: с такой отчаянной выдержкой встретить смерть своего сына и брата. Миссис Уизли, правда, держится с трудом, но кто может осудить ее? Она — мать.

Он не может остановиться, иначе у него не хватит сил бороться. Он ходит, двигается, говорит. Даже утешает Джорджа. Знает, что если завтра произойдет что-то страшное, то он встанет и плечом к плечу со своими друзьями будет сражаться за остатки будущего. Но их будет двое, а он — совсем один.

Потомок Годрика Гриффиндора остался один на всем белом свете именно в этот момент, хотя он уже прожил сиротой шестнадцать лет. Он не чувствовал никакой поддержки, потому что решил, что теперь поддержкой ему станет он сам. Но, тем не менее, никогда еще Гарри так ни желал почувствовать вместо руки Гермионы на своем плече руку отца. Отец. Это заставило его вспомнить еще об одной вещи. Он не мог держать это в себе, настолько правдоподобной казалась ему его страшная догадка.

— Знаете, я хотел сказать вам одну вещь — Гарри запнулся под насторожившимся цепким взглядом Гермионы и взволнованными глазами Рона. — В общем, я слышал один разговор... Не могу сказать, кто и с кем говорил, но, в общем... мне кажется, что я правильно их понял — его пальцы впилась в одеяло. — У Вольдеморта есть сын.

Ответом ему были два ошарашенных взгляда. Рон так и сел на пол.

— Это когда же он успел им обзавестись? — тупо спросил он.

— Гарри, ты что, знаешь, кто он? — Гермиона, как всегда, ухитрилась схватиться за самую суть.

— Знаю. Это профессор Снейп — Гарри отвернулся и посмотрел в окно. В саду было так темно, что ничего сквозь стекло разглядеть было невозможно.

Тихий потрясенный выдох.

— Ничего себе! — прошептал Рон. — Но это, конечно, вполне естественно. У сынка точно характер папочки. Как же мы не догадались с самого начала!

— Гарри, ты точно уверен? — настойчивый голос Гермионы вывел Гарри из состояния ступора. — Ты правильно все понял? Мне кажется, это не может быть правдой!

— Почему? — Рон перевел на нее глаза. — Он такой же садист и...

— И спасал нам жизни столько же раз, сколько Вольдеморту пытался их отнять — провозгласила Гермиона, сжигая Рона взглядом. — Они что, так похожи внешне, Гарри, что ты мог подумать... Этот разговор: там четко и ясно было сказано, что Снейп — сын Вольдеморта?

— Да нет — признал Гарри. — Но она сказала, что он не должен чувствовать вину перед своим отцом из-за того, что когда-то предал его, потому что уже давно искупил свою вину. Что он не такой, каким отец хотел его видеть, в общем, что-то вроде.

— Это профессор Эвергрин сказала Снейпу? — продолжала методично допрашивать Гарри Гермиона.

— Ага. И я услышал. И еще одно — Гарри призадумался, прежде чем сказать друзьям еще об одной вещи. Каково было бы ему, если бы его лучший друг признался, что может читать твои мысли? Поэтому он, скрепя сердце, решил поведать только часть правды, не касающуюся его самого. — Я думаю, что не ошибся еще и потому, что Снейп — ментолегус. Черт, я всегда это подозревал! Но и Вольдеморту, оказывается, тоже.

— Ого! — Гермиона вытаращилась на Гарри. Ее глаза стали похожи на криволапсусовы — такие же огромные и блестящие. Она явно знала, о чем говорит Гарри.

Рон тоже знал, но он прежде всего поинтересовался:

— А почему ты считаешь, Гарри, что это — доказательство его родства с Вольдемортом?

— Гарри прав — взволнованно перебила его Гермиона. — Чтение мыслей обычно передается детям от родителей, я как-то листала книгу об этом. Я, правда, не знаю больше никого, кто умеет делать такие вещи...

— Снейп сказал, что Дамблдор и Моуди — тоже ментолегусы — объяснил Гарри. — Он говорил, что есть еще и другие колдуны, которые читают мысли, но он не назвал их имена. Дамблдор не годится в отцы Снейпу — слишком стар. А Моуди, в общем, я не думаю, что их со Снейпом связывает что-то, кроме ненависти.

— Ты же сам говорил, что Снейп предал своего отца — возразил Рон. — А если речь шла о том, что он перешел на сторону Упивающихся Смертью? Если его отец — Моуди, то он должен был бы живьем вкрутить его в землю! Он не Барти Строрбс! Он бы пришел своего родного сына за здорово живешь, если бы заподозрил его в чем-то подобном.

— Не думаю — пробормотал Гарри. Эти выяснения в стиле «мыльной оперы», которые обожала тетя Петунья, нагнали на него очередной приступ ступора. Какая разница, кто отец Снейпа? Гарри не был уверен, что способен признаться в этом вслух, но его стойкая все эти годы ненависть к омерзительному учителю Зельдеделия куда-то делась, прошла, растворилась в благодарности к человеку, который спас ему жизнь, чуть ни пожертвовав своей. И в жалости к полумертвому, израненному физически и духовно человеку, который упрямо отказывался показать хоть кому-то, что он способен испытывать те же чувства, что и остальные простые смертные. Отказывался простить самого себя. — Рон, мисс Эвергрин сказала, что мы останемся у вас до завтра — бесцветно сказал Гарри подушке, сегодня сменившей свою рыжую наволочку с эмблемой «Пуляющих Пушек» на обычную серую. — Можно я здесь слегка посплю?

— Ага. Я постелю себе на тюфяке. Ты — Рон переглянулся с Гермионой и стал отчаянно пытаться подыскать правильное слово. — Не должен мучить себя. Гарри нам пришлось...

— Да, Рон. Конечно. Спокойной ночи.

Рон еще и утешает его! Дикость какая-то. Он сам нуждается в утешении. А Джордж — еще больше. А Молли Уизли — тем более. Ну почему он не может подобрать нужного слова! Я — камень, думал Гарри, засыпая. Хагрид, Чу, Фред, даже Сириус — это его потери. Не оплакать — больше сил нет. И не простить себя. Никогда. Только идти вперед. И думать, думать...

Но даже сквозь сон где-то глубоко внутри его продолжали щекотать невыясненные детали, и остатки детского любопытства подбросили ему еще один неразгаданный секрет:

За кого же выходит замуж профессор Эвергрин?

Глава 2. Жених профессора Эвергрин.

Утро оказалось серым, мрачным и холодным, в отличие от душного вчерашнего дня. Гарри вышел на веранду и, зябко поежившись, завернулся в мантию покрепче. Сильно задувало за воротник. Он вышел за калитку Норы и посмотрел на расстилающееся перед ним поле и темную кромку леса на холмах вдали. Почему-то у Гарри возникло чувство, что если он побежит к этому лесу быстрее ветра, так, чтобы его безжалостно хлестали жесткие прутьики вереска, чтобы ноги увязали в зеленой тяжести июньской травы, чтобы ненасытный медовый запах цветов обволакивал его жадным туманом, то он сможет убежать от смерти. Не своей. Гарри больше всего желал, чтобы другие перестали отдавать жизни за него. Ему скоро будет шестнадцать, и он не хотел, чтобы, начавшись со смертей, его юность оказалась погребена под ними навсегда. В таком возрасте желания берут верх над разумом, но разум Гарри до сих пор не допускал его в дебри желаний. В воздухе так сладко пахло летним лугом, что Гарри устыдился своего странного, налетевшего ниоткуда ощущения полноты жизни, потому что, напомнил он себе, прямо за этим лесом находится маленькое семейное кладбище, на котором вчера стало одной могилой больше.

Но жизнь не хотела уходить, несмотря на острую боль потери. Она цвела в каждом лилово-розовом лепестке вереска, жужжала с каждой присевшей на этот лепесток пчелой, таинственно шелестела листьями в саду и осторожно, но целенаправленно, пробиралась вместе с Криволапсусом сквозь заросли выродившейся малины вслед за пестрой несущей миссис Уизли.

Кот мяукнул и походя потерся плоской мордочкой о ногу Гарри. Что-то есть хочется, не находишь? Как считаешь, эта толстая глупая птица не подходит мне в качестве небольшой закуски?

— Криволапсус! Кис-кис! Молочка не хочешь? — Валери Эвергрин, с еще мокрым после умывания лицом и полотенцем через плечо ставила на веранду миску с молоком. Криволапсус издал утробное «Мр-р-р-ря-у-у!» и, топоча как небольшой слон, побежал к своему завтраку. — Доброе утро, Гарри. Ну что, готов ехать к родственникам?

— Доброе утро, профессор. Вы считаете, что это не опасно? Вольдеморт, наверное, уже знает наверняка, где меня искать. Нас могут там поджидать, чтобы убить.

— Упивающиеся Смертью? Нет, не думаю. Хотя, возможно, они по другой причине постараются войти в контакт с твоими родственниками, — она вытерла лицо и присела на перила, наблюдая за тем, как Криволапсус, забыв о вальяжно гуляющей по двору курице, жадно хлюпает молоком в миске.

— С Дурслеями? Да они же не терпят волшебников! Они даже говорить с ними не захотят! — перед глазами Гарри возникла картина: тетя Петунья орет на Люциуса Малфоя, размахивая своей любимой чугунной сковородкой, и требует, чтобы он немедленно убрался из их дома, а дядя Вернон держит Вольдеморта на мушке своего ружья. Дико, конечно, но Дурслеи способны поступать только так, если речь идет о волшебниках, и им наплевать, добрые они или злые. Это может быть для них слишком опасно, вдруг пришла мысль в голову Гарри.

— Ты еще помнишь нашего бывшего друга Смиткинса, Гарри? — поинтересовалась мисс Эвергрин. Гарри кивнул. — Так вот, у твоих дяди и тети вполне могут появиться точно такие же причины пообщаться со сторонниками Вольдеморта, как и у него. Дурслеи ведь любят деньги. Значит, нам нужно успеть раньше Упивающихся Смертью, иначе даже закон не сможет спасти тебя от них. Надо вытаскивать тебя с Бирючиновой аллеи, такие родственники, как твои дядюшка и тетушка, способны продать родную мать.

— Вы считаете, что Дурслеи могут просто продать меня Вольдеморту? — Гарри осторожно взвешивал эту идею.

— Не исключено. Привет, Чарли, — Валери кивнула одному из старших братьев Уизли. Он выходил из кухни, дожевывая оставшийся от вчерашних поминок пирожок, и заправлял в штаны обыкновенную клетчатую ковбойку. Чарли выглядел ужасно усталым и заспанным. На щеке виднелся рубец от подушки.

— Уезжаешь? — видимо, Чарли был с ней на ты, несмотря на разницу в возрасте, впрочем, подумал Гарри, это естественно, они же когда-то вместе учились. Он с трудом проглотил остатки пирожка и ожидающе уставился на Валери. Между ними пробежала короткая искра понимания, которой не мог не заметить Гарри.

— Да, прямо сейчас. Нужно успеть, пока кое-кому не пришли в голову те же мысли, что и мне. Надеюсь, что мы пока опережаем их на пару дней, — мисс Эвергрин торопливо рылась в карманах, разыскивая ключи от машины. — Мистер Флетчер уже дезаппарировал?

— Пару часов назад, — кивнул Чарли. — Он встал, наверное, в три ночи. Они с папой долго говорили.

— Отлично. Флетчер сказал тебе, что нужно делать?

— Угу. Начну, пожалуй, с родителей Гермiony. Она вчера уже написала им письмо, — коренастый и серьезный, Чарли достал из кармана небольшой блокнот и быстренько пролистал его, просматривая содержимое. — Грэйнджеры, Томасы, Криви, Макферсоны — и это только на сегодня. Не хотелось бы оставлять маму, но делать нечего, к тому же с ней будет Рон. Да, со своими драконами мне придется пообщаться еще не скоро, — вздохнул он. — Хорошо хоть Джинни и Джордж не будут участвовать в этом. Им больше чем всем нам нужно время, — Чарли неловко глянул на Валери, и она моментально раскусила его взгляд.

— Не бойся, твоему дяде Джону можно полностью доверять. Я — доверяю. А нервы у Джинни еще крепче, чем у меня. Она сильная девочка.

— Хотел бы я сказать то же о себе, — проворчал Чарли.

— Где Билл? — немного нервно спросила мисс Эвергрин. — Он мне срочно нужен. И еще — Перси уже ушел?

— Билл на кухне, допивает кофе, а Перси дезаппарировал вместе с мистером Флетчером. Ну, удачи всем нам, я пошел. Гарри, береги себя, — Чарли приветливо кивнул подростку и тут же с легким хлопком испарился.

— Билл! — громко заорала Валери, нарушив сонную тишину утра.

Билл Уизли выглянул из-за двери.

— Чего вопишь, люди спят, — недовольно сказал он, собирая рыжие волосы в хвост. — Иду я уже! Что, есть задание, мисс начальница?

— Есть, есть, дорогуша, да еще как много, — мисс Эвергрин уселась на перила террасы и извлекла из недр своей необъятной куртки небольшой пакет с документами. — Вот эти бумаги возьми с собой в Министерство и отдашь Катберту Мокритцу лично в руки. Он знает, что это. Скажи, что все подписано без вопросов. Он спросит, к кому нужно обратиться, скажешь — к Хвостодеру, он у наших местных гоблинов за главного. Это первое, — она вручила Биллу сверток. — Так. Дальше ты отправишься к Перси... нет-нет, не криви физиономию! У него ты встретишься с одной знакомой тебе барышней и поступишь в полное ее распоряжение. Она знает, что делать, Перси заверил меня, что она прекрасно говорит на языке троллей. Ты за нее головой отвечаешь, понял?

— Интересно, о какой это барышне идет речь? — Билл смешно выкатил глаза. — Она хоть симпатичная?

— Тебе понравится, дорогуша, — пообещала Валери. — Эта красотка всем нравится. Голову только не потеряй, она тебе и на плечах еще понадобится.

— Многообещающее начало, — хмыкнул Билл и растворился в воздухе.

— Так, — Валери мысленно перебирала еще кучу дел, которые необходимо было переделать. — Гарри, теперь ты. У меня есть и для тебя кое-какие ценные указания.

— Да, мисс Эвергрин, — подтянулся Гарри.

— Собственно, они такие же, как и в прошлом году. Никуда без меня не ходить. Во всем меня слушаться. У тебя пока нет палочки, ты не можешь себя пока защитить, понимаешь? Как только разберемся с твоими родственниками, я тут же отправлю сову мистеру Олливандеру, но до тех пор ты должен быть предельно осторожен. Ясно?

— Ясно. Профессор, а как вы хотите с ними разобраться? Вы попросите у них разрешения снова забрать меня на лето? — этого Гарри хотелось больше всего на свете.

— Нет, я намерена более коренным образом изменить твою жизнь, — она тряхнула головой, и пушистая белокурая челка заплесала у нее на лбу. — Садись-ка рядом со мной. Вот так. Знаешь, Гарри, у меня есть к тебе предложение. Уж и не знаю, как ты его воспримешь, но... — предложение, по всей вероятности, было очень серьезным, так как мисс Эвергрин даже слегка смутилась. Ее рука легла на плечо Гарри с приятной ободряющей надежностью. — Прошлым летом ты уже жил со мной. Тебе понравилось? Я не была с тобой слишком резка или, возможно, слишком натягивала поводок? Ты ведь уже взрослый парень, Гарри, но тебе и семья нужна, нормальная семья. Я знаю, когда-то ты мечтал жить с Сириусом. Впрочем, не будем сейчас об этом, — спохватилась она, увидев, как у Гарри потемнело лицо.

— Что вы, мисс Эвергрин. Прошлым летом было очень здорово, — поскорее ввернул Гарри, чтобы сгладить ситуацию и заставить себя не думать о Сириусе.

— Ты не согласишься снова провести лето у меня?

— Что, опять в Хаммерсмите? — Гарри вспомнил жирный загривок Паджетта и осколки горшка на голове у Ральфа МакАбра.

— Нет-нет. Эту квартиру для меня снимало Министерство Магии. Она, конечно, была чудесна, но сейчас я уже не работаю у них, поэтому мне придется вернуться в свой старый дом в Девоншире. Поедешь со мной? Я хочу сказать, ты не согласился бы остаться жить со мной насовсем? Если ты скажешь, что согласен, то я договорюсь с твоими дядей и тетей о передаче опекуна над тобой мне, — она перевела дух, и сразу стало видно, как трудно ей было оформить эту мысль. Она явно волновалась, что скажет Гарри, потому что его слова озвучили бы его отношение к ней. — Директор Дамблдор уже одобрил мое решение, — быстро добавила она.

Гарри врос в землю. Боже! Навсегда попрощаться с Дурслеями! Это же мечта всей его жизни! Не будет больше изнуряющей пахаловки по дому, полуголодного существования под тем предлогом, что дурслеевского Диплодока-Дадли нужно держать на диете. Не будет решеток на окнах, домашних заданий, спрятанных под одеялом, и жалкой полки с учебниками вместо книжного шкафа. Не будет криков, запретов, язвительного шипения тети Петунии, холодной злобы дяди Вернона и увесистых плюх от Дадли и его компании. Уехать от них, быть от них свободным — что может быть лучше?! А то, что сменить опекуна для него, значит, остаться с Валери Эвергрин, совсем не вызывало у него чувство неловкости и смущения. Напротив, из всех взрослых, которых он знал, она вызывала у Гарри ощущение наибольшего доверия и надежности. Разве что кроме Дамблдора. Но Валери была молода, из нее прямо-таки извергалась энергия, и он иногда чувствовал, что она не совсем похожа на учителя, а, скорей, на хорошего друга, который мог серьезно и методично обучать его чему-то, а через несколько секунд она уже будет хохотать до слез вместе с ним над какой-нибудь шуткой, как девчонка. Остаться с ней? Это был отличный выход! Но как же...

— Но как же ваш жених, мисс Эвергрин? Он не будет против? — воображение уже давно нарисовало Гарри здорового красавца с могучей мускулатурой, тупо плящущегося на Валери Эвергрин, наподобие Паджетта. Волшебника, конечно, из какого-нибудь богатого старинного рода, имеющего большое влияние, которое так сейчас необходимо Дамблдору и его сторонникам, чтобы поднять все магическое сообщество против Вольдеморта. Гарри совсем не был уверен, что мисс Эвергрин так уж хочется замуж, тем более, за такую фигуру, но ничего другого он просто не мог себе представить.

— О, об этом ты и вовсе не должен волноваться, Гарри. Мой жених совсем не против того, что ты будешь жить с нами. Он сделает то, что я ему скажу только потому, что ему будет приятно доставить мне радость! Он чудесный человек, очень добрый, умный и никогда и ни в чем не будет возражать мне, — последние слова, как показалось Гарри, Валери Эвергрин произнесла с едва заметным оттенком сожаления. — Вы понравитесь друг другу, обещаю тебе! Так что ты скажешь? — вновь забеспокоилась она, осторожно заглядывая ему в глаза.

— Черт, да, конечно да! Я всегда хотел, чтобы... Но как же заставить Дурслей согласиться отпустить меня? — Гарри был уверен: несмотря на то, что дядя и тетя его ненавидят, возможность отпустить его туда, где ему будет хорошо, заставит их еще упорнее сопротивляться такому исходу дела. Нет, так просто он не вырвется из их когтей.

— А это уже мое дело. Если ты согласен, то я сегодня же вытащу тебя из этого омота. Клянусь, — Валери Эвергрин радостно затянула молнию на куртке и еще раз проинспектировала содержимое многочисленных карманов. Обнаружив палочку, она обрадовалась ей, как доброму другу. — Ага. Ну, что ж, трогаем?

— Уже? — растерянно пробормотал Гарри.

— Конечно, чего же время терять?

— Погодите минуточку, а мне можно попрощаться с Уизли и Гермионой? — взмолился Гарри.

— Ладно, давай, только быстренько, и поедем к твоей родне, — Валери кивнула Гарри и извлекла свой маленький серебристый мобильник. — Бода? Привет, красавчик, да это я. Ну что, мой ненаглядный уже у вас?..

Ненаглядный? Это не про своего ли жениха она спрашивает? Бода, кажется, раньше работал вместе с ней в Отделе Тайн, может, ее будущий муж тоже оттуда? Странное описание она дала своему будущему мужу. Не понять, то ли она любит его, то ли нет. Может быть, ей не нравится, что ее избранник в перспективе — подкаблучник? Любопытство терзало Гарри, как девчонку-

первоклашку из Слизерина, но он сдержался. Может, она сейчас будет говорить с ним, ему бы не хотелось, чтобы мисс Эвергрин поймала его на том, что он подслушивает подобные разговоры.

Миссис Уизли с черными кругами под глазами сидела за столом, на который накрывали Гермиона и Джинни. Рон и Джордж медленно возили ложками в тарелках с овсянкой, демонстрируя потрясающее нежелание двигаться и вообще что-то делать. Гарри заметил, что, наверное, только сейчас Рон позволил горю прорваться наружу сквозь свою сдержанность. На его щеках отчетливо виднелись следы слез, пальцы с обглоданными ногтями, дрожь, обрывали кружево со скатерти.

— Рон, — внезапно строгим голосом сказала Джинни. — Оставь скатерть в покое!

— Что? — еле-еле проснулся Рон.

— Не обрывай оборку, я сказала!

В то время, когда миссис Уизли явно не могла справиться со своей трагедией и пребывала в полной прострации, тихонько покачиваясь из стороны в сторону (Гарри в ужасе понял, что именно так вела себя безумная Лиза Лонгботтом, уже много лет находящаяся в психиатрической клинике), Джинни твердо решила взять на себя роль главы семьи. Гарри увидел, что она точно так же ловко, как обычно это делала сама Молли Уизли, обращается с кастрюльками и сковородками. Ее палочка в несколько взмахов отправляла в мойку грязную посуду, а кухонные ножи рьяно набрасывались на огурцы и булки хлеба. Из Джинни выросла хорошая хозяйка. Внезапно Гарри осознал, что Джинни уже не та маленькая рыжая девочка, которая краснела каждый раз, когда ухитрялась поймать его взгляд. Перед ним была вполне взрослая девушка, невысокая, бледная и худая, с грустными глазами, твердо поджатыми решительными губами и хрупкими тонкими пальчиками. Каждое движение Джинни было порывисто, точно взмах крыльев молодого лебедя. Такая юная, она, тем не менее, на фоне убитой горем матери казалась намного старше. Да, мы все повзрослели, ничто так не старит, как горе (в волосах мамы Рона явственно виднелись новые седые пряди), подумал Гарри, в который раз удивляясь своей неспособности сказать что-то в утешение. Почему нельзя просто подойти и обнять ее? Нет, тогда Джинни уткнется ему в плечо и расплачется, а ее слез Гарри уже не смог бы вынести. К тому же, Джинни не могла проявить свою боль при матери, чтобы миссис Уизли не стало еще хуже, поэтому она прятала горе за внешней твердостью, изредка позволяя ему прорваться только на скорбно изогнутые уголки губ.

— Овсянки, Гарри? — Джинни подошла к нему с кастрюлькой.

— Нет, спасибо. Я хотел попроситься, — после некоторой заминки сообщил Гарри. — Я уезжаю.

Миссис Уизли подняла мокрые от слез глаза.

— Сынок, но куда ты пойдешь? Не возвращаться же тебе к этим, — она не терпела Дурслей почти так же, как и сам Гарри. — Останься здесь, Гарри, у нас безопасно!

— Не могу. Мисс Эвергрин сказала, что забирает меня. Дамблдор тоже так хочет.

— Гарри, тебе сейчас нельзя показываться никому на глаза! — воскликнула Гермиона, бросая вилки в раковину. — Если Вольдеморт узнает, что ты вернулся к Дурслеям, то... — она покосилась на миссис Уизли.

— Гарри, малыш мой, я не хочу, чтобы и с тобой случилось то же, что и с Фредом! — громко заплакала Молли Уизли. Гарри не выдержал вида слез миссис Уизли и рискнул перебить ее:

— Я обещаю, что со мной ничего не случится! Я не могу позволить этого, слишком много нам еще нужно сделать!

Некоторое время все переваривали его отчаянный возглас. В глазах у Гермионы мелькнул огонек одобрения и гордости за самообладание Гарри. Рон долго смотрел на него, а потом кивнул.

— Если ты считаешь, что так лучше, Гарри, то делай то, что должен, — их взгляды встретились, и Гарри понял: медальон Ордена Феникса оттягивает шею не только ему одному, Рон и Гермиона тоже знают, что им, скорее всего, придется много поработать в этом году.

— Обещайте, что позаботитесь о Гермионе.

— Обещаю! — тут же воскликнул Рон, но миссис Уизли перебила его.

— Артур вчера сказал, что маглорожденным колдунам и их родственникам лучше укрыться у знакомых чистокровных волшебников. Во всяком случае, на первое время. Поэтому...

— Поэтому Чарли привезет сюда еще и моих маму и папу, — призналась Гермиона. — Честное слово, я не знаю, как они отреагируют на это, но я буду спокойна за них только, когда они

рядом со мной. Мистер Уизли был так любезен, что разрешил всем нам остаться здесь на все лето.

— Мы будем рады принять их у себя, милая, — тихо сказала Молли Уизли. — В такое время все должны держаться вместе.

— Здорово, что можно будет познакомиться с твоими родителями поближе, Гермиона, — добавила Джинни, и смущенный Рон яростно зыркнул на нее. — Гарри, ты, честное слово, будешь осторожен? — она с надеждой вскинула на него все еще отчаянно влюбленный взгляд. Интересно, понимает ли она, как к ней относится Невилл, внезапно подумалось Гарри.

— Да, Джинни, конечно. Вы с Джорджем скоро уезжаете, верно? Это не будет опасно? — Гарри покосился на миссис Уизли.

— Дядя Джон поедет с нами, — беспечно заметила Джинни. — Он снимает помещение на Диагон-аллее под наш хохмазин, и мы с Джорджем поедем туда, чтобы прибраться. Уж на Диагон-аллее с нами точно ничего не случится, я уверена, мам, — мягко добавила она.

— Папа нас отвезет, вот от Кларинового отца вернется. Он по кружаной сети решил отвести Клару домой, да что-то вот задержался, — добавил до сих пор молчавший Джордж. — Видимо, сэр герцог до сих пор прочищает ему мозги.

Несмотря на тяжелую атмосферу, царившую в доме, Рон громко хмыкнул. Джинни и Гермиона нахмурились.

— Ладно, я поехал, — поспешил разрядить обстановку Гарри. — Я напишу вам, обещаю. Пока, Рон, — он обнял Рона и постучал его по костлявому плечу. — Крепись, — шепнул Гарри.

— Ты тоже, — шепотом ответил Рон. Гермиона повесилась на шею Гарри и зашмыгала носом. Джинни не посмела последовать его примеру и лишь пронзительно посмотрела в глаза Гарри, точно пытаясь запомнить его лицо перед долгой разлукой. Это заставило Гарри несколько неловко поежиться: сам он не питал к Джинни иных чувств, кроме дружеских. Джордж встал и через стол крепко пожал Гарри руку.

— Не пропадай!

Легко сказать — не пропадай, думал Гарри, бредя с клеткой для Хедвиги по росистой траве заднего двора к совяльне, распугивая всполошенно хрюкающих поросят, с наслаждением роющихся в луже у свинарника. Кто знает, что еще с ним случится в этом году, когда Вольдеморт объявился уже открыто и возвестил о своем появлении первыми жертвами? Кого ему еще предстоит потерять? О собственной смерти Гарри даже и не думал, просто удивительно.

Он поздоровался с обитателями маленькой, темной и сырой совяльни Уизли. Подслеповатым старым Эрролом, рыжим нагловатым Гермесом и гордо выставившим обросшую взрослыми перьями грудь Свинринстелем. И тут же попрощался с ними, запихнув сонную Хедвигу в клетку. Она обиженно взъерошила перья и отвернулась — нахал, спать, понимаете, не дает. Ты попроси меня еще письмо отправить, узнаешь, что такое месть разбуженной не вовремя совы!

Валери Эвергрин ждала его на той же веранде. Впрочем, не совсем ждала, она до сих пор говорила по телефону:

— Да. Тот же самый адрес, ничего не изменилось. Привезите его прямо туда и приведите перед этим его в приличный вид, чтобы тамошние маглы не слишком испугались... Да... Я знаю, но вы постарайтесь! — сердито сказала она трубке. — Не нервничай, Кешифр, старина. Знаю, что у всех нас много работы. Свою часть я наверняка обеспечу, не сомневайся. Значит, насчет охраны я могу быть уверена?.. Но моей тете не двадцать лет, чтобы с палочкой поджидать на углу Упивающихся Смертью! — она замолчала и терпеливо подождала, пока трубка перестанет кричать. — Вуд? Ну, пусть он, хорошо, хорошо. Привет Аластору и передай: ежели что случится — мой дом абсолютно безопасен. Пусть отправляет людей туда в любое время, даже если нас там уже не будет. Все, привет. Жду, — она чирикнула выключаемым мобильником и повернулась к Гарри. — Ты готов? Вот и отлично, твои вещи уже погружены. Можем ехать, — она спустилась с веранды на дорожку к калитке, за которой стоял тот самый феррари в виде кадиллака, на котором она увозила Гарри из дома в прошлом году. Возле заднего колеса нагло задрал хвост Криволапсус, пяля на Валери откровенные хамские глазищи. — Вот нахальная животино!

— А нам долго ехать? — Гарри засунул клетку с Хедвигой в багажник.

— Меньше секунды, — хмыкнула Валери. — Пока ты там копался, я даже успела превратить машину в портшлюз. Садись, скорей!

Гарри устроился на переднем сидении рядом с мисс Эвергрин, выпихнув на заднее небольшой, но тяжелый черный чемодан. Когда она посчитала до пяти и повернула ключ

зажигания, его привычно дернуло за пупок, поволокло в никуда, а затем отпустило. Серебристый туман, сгустившийся в машине, рассеялся. Гарри огляделся и удивленно осознал: они уже на Бирючиновой аллее. Знакомые палисаднички с ухоженными газонами, калитки, увитые старомодными розами и выглядывающие из-за белых заборчиков лапы давно отцветшей черемухи. Они проехали мимо домика миссис Фигг, и Гарри успел заметить, что его хозяйка, суровая старуха, усиленно делает вид, что подстригает кусты, совершенно в стрижке не нуждавшиеся. Гарри так часто приходилось заниматься у Дурслеев такой же работой, что он вполне мог считать себя садовым дизайнером высшего класса, поэтому он сразу же приметил, что Арабелла Фигг с Бирючиновой аллеи на самом деле вовсе бдит, ожидая их приезда, а вовсе не стрижет живую изгородь. Когда их машина пронеслась мимо, миссис Фигг даже бровью не повела, точно ее это не касалось. Валери Эвергрин тоже не повернула головы в сторону своей внучатой тетки и поехала дальше. Мимо купы тисовых саженцев, в которых ковырялся садовник. Мимо отчаянно милующейся на скамейке парочки (немного растерянный парень почему-то показался Гарри знакомым). Мимо первого утреннего бомжика, неизвестно каким образом забредшего в их квартал. Бомж уныло искал что-то грязной пятерней в зубах и проводил их машину завистливым взглядом. Мимо уткнувшегося в газету бизнесмена с сигарой, он опирался о свою машину и поминутно смотрел на часы, наверное, кого-то ждал.

В газете была дырка.

— Профессионалы, черт их побери, — недовольно покачала головой Валери Эвергрин. — Так откровенно переигрывает!

— Так это — колдун из отдела Тайн? — догадался Гарри. Он чуть не свернул шею, пытаясь разглядеть увлеченного утренней прессой человека, но у него оказалось настолько неприметное лицо, что Гарри его не запомнил.

— Ага. Эти люди — подсадки, Гарри. В такой час на Бирючиновой аллее все жители еще спят, сам знаешь, — она вывернула машину на стоянку возле дома мистера и миссис Дурсль и остановилась. — Поддай-ка мне тот чемоданчик. Спасибо. Нет, мантию можешь не снимать, — остановила она его, увидев, что Гарри пытается снять с себя школьную форму и остаться в стареньком свитере. — Не то, чтобы мне самой нравились мантии, но глаза твоей тетки, когда она увидит, во что одеваются волшебники — на это стоит полюбоваться! — Она поставила машину на охрану и решительно прошла к дому.

Гарри перевел дух. Сейчас все решится. Или свобода, или... что дальше будет, он не успел подумать, потому что Валери Эвергрин уже позвонила в дверь. Гарри думал, что теперь им придется ждать целую вечность, пока кто-нибудь из обитателей дома не проснется, но к его изумлению дверь открылась почти мгновенно. На пороге стоял дядя Вернон и с таким отвращением смотрел на мисс Эвергрин и Гарри, точно их появление означало, что его уволят с работы. Гарри сразу заметил, что дядя Вернон выглядит как-то странно. Усы у него устало и нервно обвисли, он дергал воскресным пиджаком, не попадая в рукав. Было похоже, что он куда-то собирался по важным делам и уже стоял на пороге, но ему помешали.

— Вы! — прошипел он придушенно и злобно. — Вы здесь! Мы думали, что ты уже никогда не вернешься, мальчик! Какого дьявола ты не приехал поездом и заставил нас проторчать целый час на вокзале?!

— Вам было отправлено письмо, в котором сообщалось, что Гарри привезу я, но если вы относитесь к совиной почте так старомодно, как мне кажется, то вы, сэр, сами виноваты, — холодно заметила Валери Эвергрин. — Кстати, доброе утро, мистер Дурсль.

— Доброе? — ошетинился дядя Вернон. — Еще какое доброе! Особенно после того, как приехал этот ублюдок! Заходи в дом, и чтобы тебя даже слышно не было! В свою комнату, живо!

У Гарри вновь проявилось многолетнее желание шваркнуть милого родственника по огромному красному носу, но он сдержался. И остался стоять на месте.

— Я догадывался, что вы — такая же ненормальная, как и этот! — мистер Дурсль был намерен, по всей вероятности, ни за что не пускать в дом такую подозрительную личность, как мисс Эвергрин. — Ваша сумасшедшая старуха тетка всегда была мне противна! — дядюшка Вернон с тщательно наигранным отвращением посмотрел на кэдиллак Валери и жадно сглотнул слюну. — Убирайтесь! И чтобы ноги вашей на пороге моего дома и близко не было!

— Увы, как бы мне ни хотелось расстаться с вами побыстрее, это невозможно, пока мы с вами не побеседуем, — Валери отстранила рукой обалдевшего мистера Дурслея и преспокойно вошла в дом. Гарри, воспользовавшись секундным обалдением дяди Вернона, последовал ее примеру.

Он тут же увидел тетю Петунию, стоявшую перед зеркалом в незнакомом ему (видимо, новом) костюме и со шляпкой в руках. Лицо у тетушки скривилось, словно от хронического несварения, а когда она оглядела его мантию, ее глаза начали метать молнии.

— Снять с себя эти тряпки, живо! — взвизгнула она, метнув злобный взгляд в сторону Валери. — А ты... ты... мерзкая, паршивая... Убирайся отсюда!!!

— Гарри, где тут у вас гостиная? — спокойно поинтересовалась Валери.

— Вон там, я покажу, — Гарри открыл перед ней дверь, и мисс Эвергрин зашла в комнату, набитую креслами, пуфиками, сельскими пейзажами, мраморными слониками и фотографиями Дадли в разных ракурсах. Она неодобрительно посмотрела на включенный телевизор (на канале повторного фильма показывали «Как украсть миллион?»), грохнула свой чемоданчик на журнальный столик, чуть не сломав его ножки, и упала на диван, измученно вытянув ноги.

— Ф-фух! Как же я устала! Да вы присаживайтесь, присаживайтесь, — кивнула она Дурслеям, засунувшим носы в собственную гостиную и онемевшим от такой наглости. — У меня к вам деловое предложение. Разрешите?, — она порылась в вазочке с печеньем, извлекла засохшую галету и грустно посмотрела на нее. — Жутко есть хочется, — призналась Валери. — Я сегодня не завтракала, не успела. Столько всего надо было сделать.

— Вызывай полицию, Петуния! — провозгласил дядя Вернон.

— Полицию? Отчего же, это можно, — Валери с готовностью протянула ему свой мобильник. — Воспользуетесь? Очень удобный тариф: вызов полиции — бесплатно. Мне это не будет стоить ни гроша.

— Вы что, издеваетесь? — прорвало даже тетю Петунию. Гарри просочился мимо возмущенно брызгающих слюной родственников и потихоньку отправился на кухню ставить чай. Мисс Эвергрин сама сказала, она не завтракала.

— Ничуть! — услышал Гарри из кухни, набирая воду в чайник. — Если вы вызовете полицию, то это только усугубит ваше положение, разве не понятно?

Воцарилась тишина, в которой, кажется, один Гарри не понимал, в чем, собственно, дело.

— О чем это вы? — деревянным голосом переспросил дядя Вернон. Судя по звукам, доносящимся из гостиной, он прошел в комнату и тоже присел на диван. Валери весело хрумкала печеньем.

— Я говорю о двух мальчиках, — жизнерадостно пояснила Валери Эвергрин. — И о двух возможных судебных разбирательствах.

Снова тихо.

— К-каких разбирательствах? — осторожно проговорила Петуния.

— Дело о жестоком обращении с несовершеннолетним ребенком. Бедняжка, его родственники так ненавидели его, что запирали на несколько дней в чулане, кормили объедками и — ужасно, представляете! — даже били! Особенно отличился его кузен, когда несчастный ребенок был еще совсем мал, этот мальчик, — кстати, его зовут Дадли Дурсль, не знаете такого? — лупил его чуть ли не круглые сутки! Представляете, какое впечатление это произведет на судьбу? Особенно, когда судья узнает, что в данный момент этот самый Дадли Дурсль находится под следствием: его обвиняют в том, что, будучи пьян, этот малыш разбил несколько витрин в ночном супермаркете, где ему отказались продать бутылку виски, потом угнал машину и на полной скорости сбил человека на улице. А человек-то выжил, не знаете? — она с искренним интересом ожидала реакции Дурслей, но ее не последовало, поэтому Валери уверенно продолжила. — Вы ведь сейчас собирались отправиться в банк, чтобы попросить кредит на выплату ущерба этому господину и его семье? А уж если несчастный скончается, вашему сыну, боюсь, придется несладко.

Гарри чуть не выпустил чайник из рук. Дадли чуть не убил человека? Невероятно! Впрочем, подумав, рассудил Гарри, это не так уже невероятно, но убийство — это уж слишком. Интересно, когда это он успел так радикально измениться в худшую сторону? Впрочем, от Дадли всего можно было ожидать. Нажрался как свинья, ничего себе. В общем, подобное перевоплощение могло удивить только дядю и тетю: для них Дадли все еще оставался маленьким ангелом, хотя Гарри мог бы поклясться, что его кузена вполне может ожидать блестящая карьера на преступном поприще, не будь он таким невозможным придурком.

— Суд, кажется, назначен на понедельник? — участливо спросила Валери Эвергрин. — Эй, Гарри, как там у нас с чаем?

— Сейчас! — Гарри воткнул вилку в розетку.

— Откуда вы знаете? — мрачно спросил дядя Вернон. — Хотя... такие, как вы... — он не закончил фразы.

— Чего вы хотите от нас? — задрезжал голос тети Петунии. — Вы нам угрожаете? Я не понимаю, что вам нужно?

— Я не угрожаю, — примирительно откликнулась мисс Эвергрин, выскребая из вазочки остатки печенья. — Я просто констатирую факт: если состоится слушание по обвинению в жестоком обращении с несовершеннолетним, злоупотреблении опекунскими правами и так далее, то вам, увы, придется несладко. Суд однозначно постановит — передать права на опеку над Гарри Джеймсом Поттером другим людям. Это все так печально, канительно и противно — вспомните, какую неблагоприятную роль здесь может сыграть пресса! — что я вам предлагаю кардинальное решение этой проблемы!

— Какое решение? — дрогнувшим голосом спросила миссис Дурсль. Дядя Вернон молчал.

— Ну, как же! Без всяких судебных волокит отказаться от права на опекунство, и этим избавить себя от хлопот. Разве не удобно? — Гарри вошел в комнату с подносом как раз в тот момент, когда Валери откинулась на диван и стала снимать с себя куртку с многочисленными карманами. — Где-то здесь у меня были эти бумажки... Ага! Вот! Прошу, сэр, — она вручила ворох документов опешившему дяде Вернону. — Прошение о передачи прав опеки, согласование с Советом по социальной защите несовершеннолетних, краткая характеристика с места работы предполагаемого нового опекуна, рекомендации и отзывы, финансовое положение, семейное положение...

— И что нам это даст! — отшвырнул документы дядя Вернон. Край заявления тут же угодил в чашку с чаем. — Вы считаете, что мы хотим избавиться от этого мерзавца? — Гарри как-то сразу понял, что речь идет о нем. — Это точно, *много лет* мечтаем! Но отдать его — куда? К таким, как *вы*? Он там станет еще большим уродом, чем был!

Большим уродом, чем Дадли, стать невозможно, чуть не вырвалось у Гарри, но он промолчал.

— Вы меня разочаровываете, мистер Дурсль, — грустно заметила Валери Эвергрин. — Вам не хочется подумать о Дадли? Каково ему сейчас в камере предварительного заключения? Кажется, вам не хватило средств, чтобы внести залог? Что, так дорого?

— Заткнись, мерзавка! — вскипела тетя Петуния, но дядя Вернон ухватил ее за руку и против воли усадил рядом с собой.

— Что вы предлагаете? — через силу спросил он. Ради своего ненаглядного ангела он был готов на все.

— Вот, это уже деловой разговор, — одобрительно заметила мисс Эвергрин. — Приятно, что вы все-таки решили прислушаться к голосу разума. Что ж, условия таковы: вы передаете мне права опекунства над Гарри Поттером, взамен чего получаете возможность не присутствовать на процессе в качестве обвиняемых в жестоком обращении над мальчиком. Свидетели, не волнуйтесь, найдутся — целая улица. Ваша соседка, например, миссис Арабелла Фигг, почтенная гражданка, подтвердит, что вы много лет измывались над ребенком...

— Мерзкая тварь! — не выдержала Петуния.

— Тихо, тихо, я еще не закончила, — Валери с явным удовольствием наблюдала, как цвет лица у тетушки Петунии меняется на темно-багровый. — Далее. После того, как вы подпишете документы, вы еще получите определенную сумму денег, достаточную, чтобы внести залог за Дадли, выплатить ущерб пострадавшему, умаслить владельцев супермаркета и хозяина угнанной машины. Сумма будет достаточно велика, от вас требуется только одно — немедленно уехать отсюда после завершения всех формальностей!

— Что-о-о?!

— Что слышали, сэр. Канары, — вам, кстати, там понравилось, кажется? — остров Уайт, Джерси. Или даже Швейцария. Мир велик. Но на Бирючиновой аллее вы не должны оставаться, ясно?

— Вам мало того, что вы ставите нам условия! Вы еще хотите *выгнать* нас из собственного дома?! — проорал Вернон Дурсль. — А вам не приходило в голову, что суд просто не даст вам возможности опекать мальчишку, хотя бы потому, что вы не замужем? Такому отвратительному синеому чулку, как вы, никто не позволит взять на воспитание ребенка! К тому же вы *слишком* молоды!

— Не думала, что это такой уж недостаток, — довольно ухмыльнулась Валери. — Спасибо за комплимент, сэр. С судом я уж как-нибудь разберусь. Он примет во внимание, что я в этом году выхожу замуж, и мой будущий, хм, супруг не возражает против того, чтобы взять на свое

попечение Гарри. Он вот-вот должен подойти. Вы познакомитесь, он вам, не сомневаюсь, понравится, и, право, вы не сможете ему отказать в такой мелочи, как отдать нам мальчика!

— Все предусмотрела, — злобно рявкнул мистер Дурсль.

— Но еще не все сказала, — Валери прихлебнула чай. — Тот несчастный, которого сбил ваш милый мальчик, он ведь в больнице. Так? В критическом состоянии? Боюсь, если он не выживет, вам придется туго. Поэтому я беру на себя улаживание и этой проблемы.

— Какой проблемы? — тетя Петунья очередной раз посмотрела на Валери, как на ненормальную. — Вы думаете, что сможете *исправить* и полуразбитую голову этого типа? Черепно-мозговая травма такого рода не лечится! — она не выдержала и ударилась в слезы.

— Вылечим, — утешила ее Валери Эвергрин. — Мне стоит только позвонить по телефону, и все уладится. Так что вы решили? Учтите, времени на размышления я вам не даю, — она снова налегла на чай (печенье, к ее величайшему сожалению, уже закончилось).

— Это шантаж! — прошипел мистер Дурсль.

— Что вы, сэр! Я просто хочу вам помочь, — всем своим сочувственно-скорбным видом Валери Эвергрин подчеркивала, что это действительно так.

Гарри замер. От решения Дурслеев зависела вся его дальнейшая жизнь. Никогда больше не видеть Дурслей, думал он, разглядывая сочащуюся потом розовую лысину дяди Вернона. Никогда — тетя Петунья сжала губы в черную точку, и ее морщины на угрюмом лице стали еще явственней. Внезапно, Гарри испытал жалость к этим людям. Да, они издевались над ним много лет, они мучили его, и в то же время так слепо любили Дадли, что не замечали, как их родной сын из года в год медленно, но верно, превращается в чудовище. Ну вот, они и получили то, что заслужили. Но теперь в своем унижении Дурслеи казались Гарри маленькими и жалкими, поэтому в эту секунду он был готов даже подойти и утешить их. Но он этого сделать не успел.

Потому что раздался звонок в дверь.

Валери медленно извлекла палочку из недр своих многочисленных карманов. Дядя Вернон и тетя Петунья уставились на палочку, как на дуло пистолета, точно ожидая, что она сейчас выстрелит.

— Пойди-ка, Гарри, посмотри, кто там пришел, — попросила мисс Эвергрин. Она встала с дивана и прошла мимо Дурслеев, не глядя на то, как те в ужасе прижались друг к другу и смотрели, как Гарри идет к входной двери, как Валери направляет на нее палочку, и ее глаза принимают жесткое и внимательное выражение, как у выбирающего цель снайпера. — Я, конечно, жду моего... э-э-э... жениха, но все может быть. Откроешь и сразу встань за дверь, если что.

Гарри перевел дух и подошел к белой двери, думая, кто сейчас за ней окажется: дюжина Упивающихся Смертью или здоровенный красавец с увесистыми кулаками. Он повернул ключ и...

Ни то ни другое.

На Гарри, склонив голову, с интересом смотрел молодой человек. Гарри решил, что он, пожалуй, молод, хотя, тут же поправился — не поймешь с первого взгляда, какого незнакомец возраста. Не то двадцать, не то сорок... Загадочный незнакомец был *ошеломляюще* красив. Длинное умное лицо. Глубокие благородные глаза удивительного фиолетового цвета прикрывали темные пушистые ресницы, которым могла позавидовать даже Парвати Патил; ее любимым развлечением было укладывание спичек на собственных ресницах — не меньше шести, как правило. Светло-русые волосы, закрывая уши, падали на спину, и, кажется, доходили до самой талии. На широких плечах незнакомца неловко смотрелся несколько консервативный светло-серый костюм, плохо сочетаясь с расслабленно хипповой внешностью: было заметно, что этот человек не привык к такой одежде. И — ого! — Гарри с изумлением увидел, что на тщательно отглаженных брюках молодого человека косо висит искусно сплетенный из узеньких ремешков пояс, на котором в серебристых ножнах покоится короткий меч. Рукоять этого благородного оружия была отделана сапфирами.

Этот поразительный человек любой женщине показался бы идеальным красавцем, если бы не одно «но»... Незнакомец был так невысок, что еле-еле доставал Гарри до плеча. И это — жених профессора Эвергрин?! Он же втрое ее меньше, растерянно решил парень.

— Благородный сэр, вы — Гарри Поттер, если я не ошибаюсь? — вежливо поинтересовался молодой человек. Гарри ошеломленно кивнул. — Рад видеть вас, *юный* лорд.

— Входите, входите, пожалуйста, — засуетился Гарри, пропуская в дом корректного господина, только что обозвавшего его лордом. Молодой человек зашел, с каким-то забавным любопытством осмотрел стены и потолок, но тут его взгляд уперся в улыбающуюся Валери

Эвергрин. Она стояла в дверях гостиной в облегающем свитерке и таких же джинсах (вид обалденный, подумал Гарри) и радостно раскрывала объятия. Из-за ее спины опасно подглядывали Дурслеи. При виде такого малютки-жениха губа у тетушки Петунии презрительно оттопырилась. Дядя же Вернон в ужасе смотрел на небольшой меч на бедре у странного косматого недомерка.

— *Дорогой!* — Валери уже летела навстречу молодому человеку. Его лицо засияло от счастья. Спустя секунду они уже целовались так, словно не делали этого по меньшей мере лет десять. Гарри скромно отвернулся: дабы не смутить жениха своим гренадерским, по сравнению с ним, ростом, Валери пришлось встать на одно колено. Вид у них обоих был крайне забавный, но они оба, очевидно, были безгранично счастливы видеть друг друга. Гарри был потрясен, насколько же его предположения оказались неправильны.

— Гарри! — восхищенно позвала его Валери, наконец, оторвавшись от любимого человека. Ее глаза горели от радости. — Гарри! Разрешите представить: *Глориан Глендэйл*, наследный принц *Леса Теней*. И твой будущий опекун.

Слово *принц* dokonало тетку Петунию окончательно, и она грохнулась в спасительный обморок.

Глава 3. Дом на болотах.

— И сколько же денег вы нам предлагаете? — мистер Дурсль был не намерен отступить.

— Всего-то навсего миллион фунтов, — наивно захопала ресницами Валери Эвергрин и любовно погладила скромный черный чемоданчик. — Я собрала банкнотами, но если вы предпочитаете золотом...

Что бы ни предпочитали Дурслеи, это уже было в прошлом, думал Гарри, выходя за Валери и (мистером? сэром? его высочеством? — ни одно из этих обращений к нему как-то не подходило) Глендэйлом на улицу к машине. Дурслеи выползли за ними на крыльцо, будучи пока не в силах осознать величины своего приобретения. Как только все откачали тетю Петунию и вставили на прежнее место челюсть дяди Вернона, события закрутились бешеной круговертью. Гаррины родственники внезапно развили бешеную активность: мистер Дурсль бросился подписывать бумаги, не читая, миссис Дурсль села на телефон, чтобы позвонить в полицейский участок и предупредить, что залог будет внесен прямо сейчас. А мисс Эвергрин сделала одну странную вещь, она достала мобильный телефон, набрала номер и сказала в трубку:

— Все в порядке, Бода. Можете давать зелье, — и тут же выключила телефон.

Гарри оглянулся. Ну, вот и все. Прощай, Бирючиновая аллея! Ему вдруг стало грустно и немножко совестно за свое отвращение к дяде и тете: Дурслеи ненавидели его, но они уже давно отбывали свое наказание за свои грехи в виде Дадли. Гарри понимал, что стоит Дадли понять размер свалившегося на него богатства, как он, не спрашивая родителей, тут же его растратит. Величина «выкупа» сперва немного ошарашила Гарри, но теперь он понимал, что у Дурслеев деньги надолго не задержатся: у них же есть жадная прорва по имени Дадли. Но вот они уедут, и у него вообще не останется родственников, хотя, честно говоря, иногда ему казалось, что лучше их вообще не иметь, чем иметь таких. Валери Эвергрин положила ему руку на плечо, и Гарри вновь почувствовал, какая же она теплая и надежная. Она — будущее, понял Гарри, но как же Дурслеи? Неужели все? Машина мисс Эвергрин повернет за поворот, и Дурслеи останутся в прошлом? Поддавшись внезапному порыву, Гарри повернулся к дяде Вернону и тихонько спросил у мисс Эвергрин:

— С ними правда, ничего не случится?

— Не беспокойся, Гарри, за ними присмотрят, — похлопала его по плечу Валери. — Я опасалась, что такая же мысль о выкупе твоей опеки у Дурслеев придет в голову мсье Риддлю раньше нас. Но, надеюсь, мы успели, теперь твоим родственникам уже ничего не грозит. Ну, золотой мальчик, можешь прощаться!

— М-м-м, — Гарри не знал, что и сказать. — До свидания, дядя Вернон. Надеюсь, у вас все будет в порядке, — он повернулся к мистеру Дурслею и смотрел на то, как розовая потная лысина его бывшего опекуна багровеет от... Кто знает, от чего? Может, стыд? Совесть?

— Прощай, мальчик, — мистер Дурсль не смотрел на Гарри, но тому почему-то показалось, что глаза дяди Вернона в этот момент ему бы хотелось увидеть больше всего на свете. Мистер Дурсль, однако, не повернулся. — Хочется верить, что ты узнаешь сам, что сделать в этой жизни, чтобы стать нормальным человеком.

— Тетя Петуния...

— Прощай, Гарри Поттер, — чопорно поджала губы миссис Дурсль. Больше ни слова от своих родственников Гарри не услышал. Дверь дома № 4 по Бирючиновой аллее закрылась за ним навсегда.

У машины их уже ждал собранный сотрудник Отдела Тайн в неприметном, чуть грязноватом костюме. Он выглядел как опаздывающий на работу клерк — поминутно смотрел на часы и, поджав губы, теребил тугой воротник белой сорочки. Кешифр, подумал Гарри, а, впрочем, может быть и любой другой, я что-то их плохо запомнил, между собой виденные Гарри раньше сотрудники Отдела Тайн мало различались. Их незаметность не придавала им эффективности Джеймсов бондов, но эффективности в работе приносила, несомненно, больше.

— Домой, мисс Эвергрин? — солидно выпятил грудь Кешифр.

— Да, Кешифр, домой, наконец-то! — Валери потянулась и нежно посмотрела на своего жениха. Маленький аккуратный волосатик улыбнулся ей и склонился к ее руке. — Глориан, зачем же такие проявления нежности. Мы на улице, все-таки, мне неловко, — прощбетала она. — И здесь полно моих бывших коллег!

— Любви нельзя стыдиться, моя госпожа, — Глориан Глендэйл склонил голову набок, изучая выражение лица Валери Эвергрин. — Ей нужно только гордиться. Я — горжусь тобой. Горжусь тем, что такая женщина сказала мне «да».

— Я не заслуживаю такого отношения к себе, — вздохнула Валери, заталкивая на заднее сидение свою куртку. — Гарри, давай, дуй назад, укроешься, поспишь немного. Я не хочу снова возиться с портшлюзом, к тому же не известно, куда мы приземлимся — там, везде, где нет людей — сплошные болота, просто негде появиться. Я и аппарировать туда иногда боюсь. А ехать нам часа три-четыре и, думаю, машину, скорее всего, менять не придется. Ты же за этим проследил, верно, Кешифр, дорогуша? Как там вообще дела, а? Аластор вас еще не замучил? Чем вообще пахнет? Большой заварушкой?

— Мы к этому состоянию близки, — скептически заметил сотрудник Отдела Тайн. — Но надеемся на лучшее. Кроме вас, Дикоглаз Моуди — единственный человек, который способен реально смотреть на кашу, которая варится сейчас в нашем котле. Впрочем, Фудж начинает оправдывать наше доверие. Почти. Сегодня он даже изволил спуститься с небес, подписать кое-какие документы и принять вместе с Дикоглазом и мистером Уизли делегацию авроров из Болгарии.

— Мистером Уизли? — удивился Гарри.

— Я имею в виду мистера Перси Уизли, — пояснил Кешифр, важно зыркая во все стороны в поисках возможных диверсий. — Бумаги Мундугнус вам показывал, мисс Эвергрин?

— Воззвание уже подготовлено, — кивнула Валери. — Мундугнус и Уизли сделают все, что нужно. Фудж им препятствовать не будет, это уже с ним обсуждено. Пусть только он объявится, мы уж сумеем поднять на ноги все волшебное сообщество. А если понадобится — и маглов тоже.

— Простите, мисс Эвергрин, — Гарри было неловко спрашивать, да еще и в такой момент, но это было совершенно необходимо. — А откуда взялись те деньги, которые вы отдали Дурслеям? Я обязательно вам отдам. Не сразу, конечно, но отдам обязательно!

— О, благородный сэр, не стоит беспокоиться, — Глориан Глендэйл с уважением посмотрел на Гарри. — Это — мой свадебный подарок госпоже.

— Миллион? — глаза у Гарри медленно, но верно поднимались до самой шевелюры.

— Нет, Гарри. Кольцо было такое красивое, я таких драгоценностей никогда в руках не держала, — с сожалением вздохнула Валери. — Изумруд величиной с голубиное яйцо, золотая вязь, представляешь? Но когда Али Башир предложил мне за него такие деньги, я не смогла отказаться, сам понимаешь. Мистер Трайткрисп по моей просьбе произвел обмен галлеонов на фунты стерлингов по актуальному курсу. Слишком многое было поставлено на карту, тебя могли бы у Дурслей просто купить приспешники Вольдеморта. Но, слава Мерлину, все прошло благополучно, и ты теперь свободен. Что, ты не рад?

— А разве, — Гарри покосился на Глориана Глендэйла, но тот весело рассмеялся.

— Это — все лишь безделушка, лорд Гарри. Когда мы с миледи Валери вернемся домой, то на нашей свадьбе на ней будет надето куда больше драгоценностей!

— Ну уж нет, Глор, — запротестовала Валери Эвергрин. — Обвешивать меня драгоценностями, как елку на Рождество, я не позволю!

— А что такое «елка на рождество», — недоуменно переспросил наследный принц.

Кешифр посмотрел на него с профессиональной небрежностью, за которой скрывалось отчаянное любопытство. Гарри же подумал, что этот принц и точно — вышел из лесу. Валери же сияюще улыбнулась.

— Ничего, Глор, я потом тебе все расскажу. Да, Гарри, уже едем, один только вопрос, Кешифр. Бладштейна, МакАбра и Червехвоста будут скоро судить? Когда мне нужно будет присутствовать?

Сотрудник отдела Тайн устало вздохнул. На этот вопрос ему отвечать ужасно не хотелось, потому что он не знал, что именно ответить. Азкабан. Больное место.

— Очень вовремя спросили, — проворчал он, раздраженно вертя пуговицы на пиджаке. — Азкабан им точно пожизненно обеспечен. Сегодня уже туда еду. Меня назначили руководителем одной из бригад магического правопорядка, их уже двенадцать набрали из-за того, что боятся неприятностей с дементорами. Но, думаю, и этого мало. Мы же никогда не вели учет дементоров. Сколько их там, двести? Триста? Тысяча? Если они удумают что-то устроить, то мы будем бессильны.

— Ну, одно утешение — дементоры думать не могут, мозга-то у них нет, — радостно ободрила его Валери Эвергрин, мисс бывшая начальница.

— Вот поэтому я и беспокоюсь, — огорченно поведал им свои страхи агент Кешифр. — Никогда не знаешь, чего ждать от существа, которого нет мозгов — только одни злобные ощущения и зверский голод.

— Тогда поднакопи счастливых мыслей, Калеб, — посоветовала Валери, копаясь в карманах. — Вспомни тот день, когда мы с ребятами отправились на пикник в Броккенских горах: как Бода напился огневиски и изображал танец живота. Как Мэри-Сью под мухой пересказывала нам содержание своего очередного романа и сморкалась тебе в карман. Как ты сам угостился заговоренной русской квашеной капустой, и у тебя вместо ушей выросли листья. Как Данхилл превратился в петуха, и мы искали его по окрестным деревням, пока не нашли в курятнике одной маглянки, где он распевал песни своему новоиспеченному гарему...

— Знает же, как поднять человеку настроение, — Кешифр хмыкнул и похлопал Гарри по плечу. — Да, Гарри Поттер, с таким защитником ты не пропадешь, нет, не пойму, зачем вы все-таки уволились? Такая быстрая карьера! Такие способности!

— Дорогой мой, я не честолюбива! К тому же, мне нужно быть свободной. Если в ближайшее время что-нибудь случится, то я смогу отреагировать быстрее, чем Министерство... Ну и личная жизнь, сам понимаешь, — Глориан был ужасно счастлив, когда Валери нежно взяла его за руку, но это выглядело в глазах Гарри, как простая демонстрация ее чувств к жениху перед Кешифром. Чтобы тот побыстрее отвязался.

Похоже, тот, наконец, понял, что у этой парочки и Гарри Поттера есть куда более серьезные дела. Он засобирался.

— М-да... Желаю счастья, мисс Эвергрин, — Кешифр вынул из кармана древние серебряные часы размером с мяч для гольфа. — Я присмотрю за переездом миссис Фигг, не волнуйтесь за свою тетушку, — он уставился на циферблат с таким рвением, точно сквозь него собирался присматривать за почтенной старушкой Арабеллой Фигг.

— И если будут какие-то новости о суде над Бладштейном и компанией, Калеб, — посылай сову, — напутствовала его Валери в последний раз, доставая из кармана яркую конфетку. — Не хочешь на дорожку, а? Глориан, садись вперед. Ты, Гарри, — назад.

— Спасибо, — Кешифр благодарно принял у Валери из рук полосатый гостинец.

Когда они уже отъезжали, Гарри обернулся и в заднее стекло увидел, как серьезный сотрудник Отдела Тайн Министерства Магии Калеб Кешифр превратился в павлина и ужасающе заорал дурным голосом.

— Ему не помешает немного развеселиться, — расхохоталась Валери. — Это Павлиньи Пастилки, Гарри, напиши Джорджу, что они уже прошли полевые испытания!

— Бедняга Кешифр, — посочувствовал чиновнику Гарри, успев увидеть, как из хвоста павлина выпадают радужные перья перед тем, как машина завернула за угол.

— Не бедняга он, а растяпа, Гарри. Видимо, та капуста его так ничему и не научила. Ему нужно быть осторожнее, — покачала головой Валери Эвергрин. — Глор, спрячь свой меч под пиджак, ага, вот так. Еще не хватало нам неприятностей с полицией, если кто заметит, что у нас есть оружие. А наложение заклятия Забвения на полицейских по согласованию с магловским премьер-министром возможно лишь с его личного разрешения. Гарри, там подушка есть, нашел?

— Ага, спасибо, — Гарри уже взбивал подушку и накрывался курткой Валери. Он покосился на принца Глориана. Тот относительно спокойно отнесся к езде на машине, но Гарри почему-то упорно преследовала мысль о том, что для него все это — в новинку, уж больно много любопытства было во взгляде Глендэйла, когда он рассматривал рычаг переключения скоростей, ключ зажигания и наклонялся, чтобы получше изучить педали газа и тормоза. Нет, ну откуда могло взяться такое странное существо? Впрочем, Гарри считал, что Глориан — личность хоть и странная, но приятная, и поладить с ним не составит труда. То, что он не слишком хорошо разбирался в магловских реалиях, подтверждало предположение Гарри, что жених мисс Эвергрин — из старинного колдовского рода. Надо же, какие у него странные фиолетовые глаза, никогда не видел таких, подумал Гарри, поуютнее устраиваясь под теплой курткой. На мгновение Гарри кольнуло воспоминание о том, как в первую ночь, когда он узнал о том, что волшебник, он ночевал под курткой Хагрида. Стало больно, но боль пришла уже не острая, отравленная чувством вины, а приглушенная воспоминаниями о том, как они вместе покупали учебники и перья к школе, как Хагрид подарил ему Хедвигу (сейчас она тихонько ухала в своей клетке, когда машина подсакивала на ухабах узкой проселочной дороги), как Хагрид принес ему альбом с фотографиями родителей. Потеря не забывалась, но колючая мука ушла куда-то далеко-далеко. Он начал засыпать.

— Расскажи мне о том, что у вас нового происходило, Глор. До сих пор не верю, что Куно согласился отпустить тебя сюда, — негромко попросила мисс Эвергрин, выезжая на скоростную трассу. Сквозь неумолимо наваливающийся сон Гарри успел услышать ответ:

— Отец пытался отговорить меня, но когда услышал, что мы вместе вернемся обратно уже навсегда, то.., — Глориан аккуратно расправил длинные русые волосы, и Гарри, лицо которого легонько задела мягкая, пахнувшая полевыми цветами прядь, сонно приоткрыл глаза и увидел, что из-за волны волос Глориана выглядывает кончик острого, как у домовых эльфов уха.

Показалось, спросил себя Гарри. Или нет? Наверное, я уже сплю. Это было не так, но спустя секунду он уже и в самом деле крепко спал, подложив кулак под щеку и все еще вдыхая неизвестно откуда взявшийся запах полевых цветов.

Проснулся он, когда машина с визгом одолела какой-то особенно крутой поворот и увязла в грязи. Гарри спросонья не понял, ни где он находится, ни с кем сидит в машине. Валери, ворча, вылезла из-за руля и пошла разбираться с упрямым кадиллаком. Гарри не знал, что именно она сделала, но увидел отблески искр от ее палочки на лобовом стекле. Потом Валери Эвергрин недовольно чихнула: оскорбленная таким вмешательством выхлопная труба плюнула в нее пылью в отместку за то, что Валери осмелилась почистить ее с помощью волшебной палочки, дабы рук не марать. Глориан, как человек, не продвинутый в бытовых вопросах, но очень послушный (а ему было велено оставаться в машине и не светиться со своим драгоценным мечом где ни попадя), невинно сидел на месте и волновался, отчего Валери так долго нет. Поэтому, когда в окно машины заглянула невероятно сердитая физиономия мисс Эвергрин с аккуратно обведенными пылью кругами вокруг глаз, он даже немножко испугался. Гарри тоже. Но он привык и не к таким зрелищам. Поэтому он сделал то единственное правильное, что разрешалось в такой ситуации — громко засмеялся.

— Гарри, ты уже проснулся? Давай-ка, помоги, — тут же радостно обломала его Валери.

Пришлось помогать: чистить выхлопную трубу старой рубашкой мисс Эвергрин (в полосочках и оборочках). Толкать упрямое механическое средство передвижения без помощи палочки. И выслушивать сердитое ворчание Валери Эвергрин, которая жаловалась на то, что пока не существует столько нужных в быту заклятий, а Отдел Экспериментальной Магии вместо того, чтобы делом заниматься, проводит опыты с блокирующими магию способностями гоблинов. Быт, как вынес Гарри из ее тирады, был ее камнем преткновения, он, к тому же, еще с прошлого года помнил, что без заботы Винки она мало что могла сделать по дому, разве что посуду помыть.

— В этом году все будет иначе, — горестно вздохнула она. — Гарри, пообещай, пожалуйста, что будешь помогать мне по хозяйству.

— А как же Винки? — удивился Гарри, отнюдь не обрадованный перспективой быть снова поставленным к станку работы по дому. Ему казалось, что у Дурслей он наработался на всю жизнь, и присутствие домового эльфа в доме ему виделась надежным гарантом его свободного времени. — Она что — уволилась?

— Я не могла уволить Винки, Гарри, — возразила Валери, ковыряясь где-то в глубине багажника (она укладывала на место полосатенькую рубашечку). — Я же отвечаю за нее, как я могу ее бросить! Это смертельно оскорбило бы бедняжку, а она и так в этой жизни натерпелась. Нет, просто перед Глорианом неудобно.

— Сломалась? — наследный принц Леса Теней высунул голову в окно и интересовался будущим кадиллака.

— Что, Глор?

— Машина сломалась?

— Нет-нет, милый, мы уже закончили, — Валери Эвергрин громко захлопнула багажник и тяжело вздохнула.

Хм, интересно, при чем тут этот молодой человек? Какое он к Винки имеет отношение?

Они объехали Эксетер, шумный, насквозь прокопченный город, где на окраинах сажей были покрыты даже стены домов. Вокруг замелькали совершенно одинаковые скучные пейзажи: склоны сероватых холмов, покрытые ядовито-зеленой травой, и небольшие, поросшие вереском полянки между редкими, одиноко возвышающимися в степи антрацитово-темными скалами. Машин на дороге поубавилось, солнце перевалило за полдень, и Гарри начал нетерпеливо ерзать — ему уже давно хотелось есть. Спал он всего пару часов, но чувствовал себя куда более отдохнувшим, чем утром, после полубессонной ночи, наполненной призраками, чувством вины и взмокшими от пота простынями, сбившимися оттого, что он постоянно ворочался. Сейчас свежий воздух немного остудил его мысли и чувства.

Ему было откровенно интересно, о чем будут говорить мисс Эвергрин и загадочный Глориан Глендэйл, но, видимо, самую интересную часть их беседы он благополучно проспал, потому что их общение теперь ограничивалось только вопросами интересующегося каждой окружающей его мелочью Глориана и обстоятельными ответами Валери. Принца интересовало все: от дорожных знаков до рекламных щитов (особенно его заинтересовало изображение белого медведя с бутылкой шампуня в лапе, Глориан изумился тому, как ловко маглы сумели приручить опасное животное).

— Даже я на такое не способен, медвежий язык такой сложный, — с легкой завистью заметил он. Гарри в этом «даже» почудилось что-то, похожее на тщеславие, но он тут же понял, что ошибся, потому что Глориан добавил. — Зато ты помнишь, моя госпожа, как отец говорил в нашем лесу с гигантской медведицей? Вот он, действительно, может все.

— Ту медведицу потом маглы так и затравили? — негромко спросила Валери.

— Да, — коротко ответил ее жених и замолчал. Повисла пауза, смысл которой Гарри не совсем понял.

Они свернули на Дартмурское шоссе, и въехали в городок под названием Ньютон Эббот, который у Валери Эвергрин пробудил что-то, типа, приступа ностальгии, потому что она стала часто отвлекаться и тихо вздыхать. Реакцию у нее вызывало все: от фонтана на площади среди розовых клумб до приземистого здания с чугунной табличкой «Полицейское управление Ньютон Эббота», причем, последнее — особенно. Она остановила машину, вышла и с минуту смотрела на то, как в полицейское управление заходят люди и выходят из него.

— Мисс Эвергрин, мы здесь остановимся? — спросил Гарри, свесив голову из окна машины.

— Что, Гарри? А, нет, нам еще немножко совсем ехать, — очнулась от глубокой задумчивости Валери. — Наша цель — небольшая деревня под Ньютон Эбботом.

— Мы будем жить там? Там ваш дом?

— Наш дом, Гарри, — Валери Эвергрин снова включила зажигание.

Ньютон Эббот остался позади, и, проехав еще миль десять, машина начала подпрыгивать на кочках размытого проселка. Под колесами жадно чавкала грязь, а за стеклами автомобиля Гарри обозревал бесконечную заболоченную пустошь. Проселок уходил влево от главной дороги, возле которой стоял высокий серый камень, возвышаясь над указателем и табличкой «Добро пожаловать в Хитмарш! Триста лет лучшему вересковому пиву!» За указателем уже выстраивались в ряд несколько магазинчиков со скромно провинциальной одеждой и увешанными цветами шляпками на витринах, далее виднелась автостоянка, а над следующими, дубовыми дверями подмигивала неонем веселенькая вывеска «Хитмарш паб». Изогнутые трубки неона артистично пенились над зеленой пластиковой пивной кружкой.

— Хитмарш, — задумчиво пробормотал Гарри и спросил. — А почему мы не поехали прямо в город?

— Наш дом немного левее, — пояснила Валери, еле удерживая машину на скользкой и совершенно размытой после дождя дороге. — Что-то не так, Глориан, милый?

Наследный принц Леса Теней разгневанно раздувал ноздри и сурово смотрел прямо перед собой, стараясь, чтобы его взгляд не упал за окно.

— Священный камень возле какой-то рекламы! — по дороге он уже достаточно прилично усвоил, что такое рекламный щит, так часто им встречалась реклама.

— Не переживай так, Глор, — руль снова повернулся. — Время проходит, все меняется.

— Никакого почтения к прошлому!

— Напротив! У нас так любят прошлое, что даже используют его в качестве рекламы. Знаешь, сколько народу приезжает сюда на ежегодные пивные ярмарки? Их девиз — «Возвращение к истокам!» После того, как народ надугустируется под завязку, всех везут на автобусах к нашим местным менгирам, кромлехам и каменным кругам — приложиться к праху прошлого, — голос Валери звучал язвительно, но не весело. Глориан надулся было от возмущения, но любопытство пересилило:

— А что такое автобус?

Тяжелый случай, признал Гарри. Принц Глендэйл казался в его глазах вполне нормальным парнем, таких среди волшебников пруд пруди, но маглам он явно должен представляться безумцем.

Кадиллак проехал еще немного, и скучная бесконечность заболоченной пустоши вдруг сменилась невысоким забором из пестрого галечника, затем зеленью живой изгороди, и тут глазам Гарри открылся дом. Дом был очень старый, не менее ста лет, солидная викторианская

постройка из серого камня, буйно увитая темно-зеленым плющом, плети которого взбегали вверх по старинным стенам, оконным рамам и украшенному рядом маленьких колонн балкону над главным входом. Справа и слева от дома Гарри различил какие-то постройки, в одной из которых опознал гараж. Другую, с деревянными дверями, крытую камышом, он, после некоторого размышления, счел конюшней.

— У вас есть лошади? — поинтересовался Гарри. — А кто же за ними ухаживает? Тоже Винки?

— Нет, с тех пор, как я здесь больше не... Ну, то есть, с того времени, как мне пришлось уехать в Хогвартс и закрыть дом, ухаживать за лошадьми стало некому, но мне так не хотелось их отдавать или, тем более, продавать! Тогда директор Дамблдор и Хагрид предложили отличную идею: они принесли мне несколько дорсетских порлоков и предложили поселить их в конюшне. За лошадьми они присматривают просто замечательно!

— Порлоки? — удивился Гарри. — А кто это?

— Такие маленькие существа, ты их, наверное, сможешь увидеть в конюшне, если будешь вести себя тихо. Они не особенно любят людей, но лошадой обожают и ухаживают за ними прекрасно: кормят, чистят, даже иногда водят моих красавцев в ночное, — она вышла из машины, покопалась связкой ключей в здоровенном проржавевшем замке и с силой отодвинула воротину. — Идите в дом, Винки уже должна быть там.

Пока она ставила машину в гараж, Гарри и Глориан стояли, одинаково задрав головы, и рассматривали дом. Видно было, что в нем уже давно никто не живет: обычная в Девоншире железная приступочка для чистки грязной обуви возле дверей вся покрылась ржавчиной, по фасаду дома кое-где растекались зеленоватые пятна гнили, а низкий заборчик, отделяющий заросший сад от двора, почти завалился в кусты. Но в целом, как счел Гарри, от дома веяло старинным уютом, таким, который был просто необходим в этих мрачных местах. Этот уют, прятавшийся в резных ставнях и древних кружевных занавесочках на окнах, в обглоданных временем колоннах балкончика и старинном медном дверном молотке, внезапно запад Гарри в сердце, хотя он еще даже не видел дом изнутри. Но он уже знал, что здесь ему будет хорошо. Здесь все ему точно пело о свободе, которую он получил вместе с последней подписью дяди Вернона на последней бумажке. В глубине сада с наслаждением ссорились воробьи, ветер шевелил колючие кусты выродившихся старозаветных роз. С трех сторон дом окружали болота, из них торчали шоколадно-коричневые, похожие на эскимо на палочке, камыши, а за дорогой открывался вид на обширную пустошь, заросшую короткой жесткой травой, в которой мелькали головки желтых болотных ирисов. Край пустоши сливался с горизонтом, и в тумане тонули очертания далеких темных скал.

Свобода.

Глориан тоже отнесся к дому с вежливым интересом, но его явно больше тянуло в старый сад, откуда неслось разноголосое пение лягушек вперемешку с неумолчным воробьиным писком. Гарри показалось, что принц куда уютнее почувствовал бы себя именно там, а не внутри самого дома, он словно не вписывался в такую привычную для Гарри цивилизацию, даже со всей встречавшейся в ней волшебной прелестью. Глориан Глендэйл, как вдруг инстинктивно понял Гарри, к ней просто не принадлежал.

Гарри вежливо поднял медный молоточек и постучал в дверь. За ней тут же раздался дробный топоток и дверь, скрипя, точно от застарелого тромбофлебита, открылась. На пороге стояла обалдевшая от счастья Винки и взволнованно всплескивала маленькими лапками. От нее приятно пахло разнообразными кухонными ароматами — бифштексами, салатом (нет, по меньшей мере, тремя салатами, подсказал Гарри его изголодавшийся нос), пирогом с почками и клубничным джемом. Уши над белоснежной наколкой восторженно шевелились.

— Мастер Гарри! Мастер Гарри вернулся! — пищала Винки, обнимая его ноги с такой силой, что Гарри всерьез забеспокоился о возможности перелома. — Винки так ждала мисс Валери и мастера Гарри! Мастер Гарри, должно быть, устал с дороги? Винки приготовила мастеру Гарри горячую ванну и небольшой обед из пятнадцати блюд! Мастер Гарри должен сейчас же пойти посмотреть свою комнату, Винки там чистенько убрала, постелила свежее белье, повесила новый полог и... — Винки увидела, наконец, что Гарри не один и уставилась на незнакомого гостя. Ее нос задвигался от кончиков ботинок до светлой волны длинных волос и вновь опустился к рукоятке короткого меча, впитывая запах пришельца, глаза Винки расширились и стали как тарелки. Она молчала ровно секунду. А затем бросила ноги Гарри, кинулась на колени перед Глорианом Глендэйлом и завопила так громко, что в саду испуганно притихли воробьи.

— Наш принц! Наш принц вернулся-а-а-а!!! Наш принц! — она елозила где-то в районе его обуви, вытирая ее ушами и слезами счастья. Глориан же, как заметил Гарри, совсем не одобрил такой способ приветствия. Его всего трясло, глаза у наследника загадочного Леса Теней вылезли на лоб, руки затряслись. Он смотрел на Винки и, почему-то, ее наколку так, как в свое время упорно добивавшаяся либертэ для всех эльфов Гермiona. Глендэйл, бледный, с внезапно пролеглашей на лбу трагически глубокой складкой, выглядел так, словно ему только что показали его собственную смерть. Он поднял Винки с острых коленок, взял ее на руки и прижал к себе ее крохотное тельце, сотрясавшееся в такой радостной истерике, которая, как считал Гарри, доступна только фанаткам на рок-концертах.

— Да, — прошептал Глориан. — Всего тысяча лет, а как все изменилось. Когда я встретил Добби, то не хотел верить, но теперь вижу, что это правда, — под изумленный взгляд Гарри, принц Глендэйл прошел в дом, неся в руках Винки. По дороге он, по всей видимости, привычным жестом заправил светлые волосы за ухо. Сон Гарри оказался явью. Сейчас, видя рядом с Глорианом Винки, можно было отчетливо увидеть, насколько одинаковыми кажутся их аккуратные длинные острые ушки.

— Эльф! — ошарашено понял Гарри.

— Да! Он — эльф! Он — наш принц и повелитель! — прочиркала Винки между двумя драматическими всхлипами. — Последний из древних! Наш господин, перед которым мы все преклоняемся!

— Но он же не похож на тебя, Винки! — воскликнул Гарри, падая в соседнее кресло. — Он, как бы это сказать, больше похож на человека.

— И, тем не менее, он не человек, — Валери Эвергрин как раз снимала обувь и облекалась в пушистые розовые домашние тапочки. — Он — Древний Эльф, Гарри. Последний из рода Древних Эльфов.

— Но постойте, — наморщил лоб Гарри, пытаясь вспомнить, что Гермiona рассказывала им с Роном об эльфах в позапрошлом году, когда была охвачена страстным желанием улучшить условия работы домовых эльфов. Тогда он слушал вполуха, стараясь не уделять этому больше внимания, чем Тремудруму Турниру. Но теперь у него в голове всплыл один факт, о котором Гермiona, несомненно, упоминала. — Древние Эльфы — это же предки современных домовых, да? Но они же вымерли давным-давно!

— Вымерли, — честно подтвердила Валери, вешая куртку во вместительный старинный шкаф.

— Тогда откуда же?..

— Чем задавать вопросы и утирать нос Винки, честное слово, лучше бы вы сперва разулись, — голос у Валери стал сварливым, как у Снейпа.

Гарри и Глориан (как раз вытиравший Винки нос ее наколкой) одинаково опустили носы к грязным ботинкам. Последний из Древних Эльфов, господин и повелитель домовых эльфов, наследный принц Леса Теней Глориан Глендэйл, покраснел так же, как и пятнадцатилетний Гарри Поттер.

— Вот именно, — Валери постаралась усилить воспитательный момент. — Чужой труд надо уважать! — она в восторге, оттого, что нашла подходящую к случаю мораль, подняла указательный палец.

Никогда еще она не была так похожа на строгого профессора, как в эту минуту.

Глава 4. Древние Эльфы.

Дом казался живым существом: он шелестел старой черепицей при порывах ветра, налетавших из-за Дартмурских болот, тихонько поскрипывал старой столяркой дверей и окон, задумчиво вздыхал вытряхиваемыми белыми мебельными чехлами и хлопал выстиранным бельем на веревках во дворе. Мебель в нем была вся сплошь старая, не то, что модные диваны-кресла в лондонской квартире мисс Эвергрин. Из знакомых Гарри вещей в дом въехали только компьютер и многочисленные книги Валери, они вместе раскладывали их на полках в библиотеке в первый же день, она увеличивала их, а Гарри расставлял. Вознамерившись потихоньку подсчитать, сколько же у нее всего книг, на восьмой сотне Гарри сбился со счета. А затем, когда полки и, соответственно, свободное место кончилось, мисс Эвергрин невнятно пробормотала что-то, обмеряя на глазок потолок и стены, закрыла глаза, что-то мысленно представляя, а потом взмахнула палочкой и произнесла «*Дименсио!*» Стены на глазах удивленного Гарри точно поехали вглубь комнаты к большому окну, освобождая еще футов пять-шесть для книг и шкафов.

— Заклинание Пространственного Объема, — пояснила Валери, с трудом вручая Гарри только что увеличенную *Энциклопедию Черной Магии, издание второе, со снятым проклятием ужаса*. — Думаю, как раз в этом году вы с профессором Флитвиком будете его проходить. Полезная вещь, если бы не оно, никогда бы не смогла впихнуть все свои вещи в обычную комнату. Самое главное — снаружи не видно никаких изменений.

Библиотека, как пояснила Валери, открыта для Гарри в любое время суток. Она разрешила ему брать с полок и читать любую книгу, будь то *Посмертные воспоминания некроманта Скарлаттуса Стиффа* или *Чума Альбера Камю*. Последняя, к удивлению Гарри, заинтригованного названием (он решил, что это — один из учебников по зельям и противоядиям), оказалась романом магловского писателя. Валери долго хихикала над необразованностью Гарри, а затем посоветовала уделять магловским книгам такое же внимание, как и колдовской литературе. После этого она оставила его сидеть в кресле под тускловатым бра с *Чумой* на руках, а сама ушла накладывать последние заклятия на дом, не желая ничего упустить, чтобы, как она пояснила, потом не удивляться при виде непрошенных гостей. На доме уже и так лежали Ненаносимое и Ненаходяемое заклятие, на крыше под видом телевизионной антенны скрывался Сенсор Секретности, а в подвале стояла целая система из соединенных между собой горескопов, зломометров, аппародетекторов и колдоулавливателей. Дом на болотах постепенно обретал невидимый снаружи облик неприступной крепости. Теперь в нем было так же безопасно, как и в самом Хогвартсе.

Гарри, увлекшийся *Чумой*, поначалу даже забыл об обещании участвовать в уборке дома, но когда к нему заглянул Глориан и мягко попросил помочь Винки с посудой, пока они с Валери заканчивают выбивать мебель, Гарри отложил роман и отправился на кухню вытирать тарелки после весьма обильного обеда, который Винки закатила в честь их приезда. Тем временем, высокое происхождение Древнего Эльфа не мешало Глориану с удовольствием принимать участие в таких тривиальных делах, как уборка, Гарри подозревал, что все дело тут — в Валери. Глориан смотрел на нее с такой безграничной преданностью и восторгом, что казалось странным, как от такого взгляда нимб над ее белокурой головкой не становится видимым, не загорается ярким божественным огнем. Но нет, возможно, Глориан не хотел замечать того, что отчетливо видел Гарри: Валери была слишком реальной, слишком земной для такого восхищенного обожания, сравнимого, разве что, с обожанием в глазах Винки при виде самого Глора. Она уже не бухалась на колени при каждом его появлении, что можно было считать великим прогрессом, но все еще относилась к нему, как к божеству, спустившемуся на грешную землю.

Гарри протирал пыль в гостиной, небольшой уютной комнате: диваны приглушенно-темных оттенков, солидная дубовая мебель, традиционное для любого богатого английского дома столовое серебро, хрустальная люстра и бархатные портьеры. Но, как понимал Гарри, за всем этим не чувствовалась рука самой Валери, здесь все было приблизительно двадцатилетней давности, но очень хорошо сохранилось, как засушенный кусочек истории. Добравшись со своей метелкой до большого черного рояля, Гарри обнаружил на нем несколько фотографий, вне всяких сомнений, изображавших семью мисс Эвергрин. Заинтригованный (до этого он ничего не знал о ее родственниках), Гарри принялся рассматривать снимки высокого солидного мужчины с могучими плечами атлета и хитрой улыбкой записного шутника, его усы, как показалось Гарри, отчетливо хранили отражение какой-то проказы, не попавшей в кадр. Затем он обнаружил

фотографию маленькой хрупкой блондинки с залегшими под глазами тенями, это, несомненно, была мать Валери. С ласковой улыбкой женщина притягивала к себе ухмыляющееся дитя лет пяти: вихрастую девчонку с задорными хвостиками и скобкой на зубах. Вот, значит, какая она была в детстве. А вот еще фотография — девочка хохотала и болтала ногами, сидя на плечах у отца на фоне какого-то аттракциона в парке. Отец Валери на этом снимке был в форме полицейского...

Интересно. Гарри постарался повнимательнее разглядеть его погоны, но не смог определить точно его звание. Но явно не простой сержант. Отец Валери — полицейский? Занятно.

— Да, Гарри, мой отец служил в полиции. Был комиссаром в полицейском управлении Ньютон Эббота, — Гарри не услышал, как мисс Эвергрин вошла в комнату. Обернувшись, он увидел, что ее глаза изменились, веселые искорки в них погасли. Что это? Уж не плачет ли она?

Валери не плакала. Но вспоминать ей было, несомненно, больно.

— Мама умерла, когда меня было десять. Она долго болела, и отец очень страдал, когда это произошло. Думаю, он решил, что должен позаботиться о том, чтобы я не была такой слабой и хрупкой, как мама. Он поднимал меня в четыре утра, заставлял бегать вокруг болота, отжиматься и подтягиваться на турнике. Потом начал учить меня стрелять и бросать нож, честное слово, этого уже не он хотел, я сама упростила папу! Видишь ли, Гарри, я с детства представляла его в виде бесстрашного рыцаря в черном плаще и на белом коне, сражающегося с бандитами, мне так хотелось стать такой же, как он! А папа только смеялся надо мной, говорил, что лучше бы я выбрала карьеру адвоката. Заставил меня поступить в университет на юридическое отделение. Единственное, что он сделал, чтобы поддразнить мои мечты — купил мне лошадь, причем не белую, а пегую, беспородную, всю в рыжих пятнах. Наверное, именно тогда я поняла, что не обязательно иметь выдающуюся внешность, чтобы быть на высоте. Я очень люблю Ройсин, хотя она уже совсем старенькая.

— Ройсин — это ваша лошадь?

— Ага, она в конюшне. Если ты закончил, то можешь сходить познакомиться с ней. Только осторожно, не наступи на порлока, Гарри. Они часто прячутся в сене.

В конюшне было темно и пахло совсем не навозом, как думал вначале Гарри, а свежей травой. В стойле пофыркивали и жевали траву три лошади. Ройсин, Гарри сразу понял, что это она, была сама старая из них. Белая голова и рыжие пятна на спине и на брюхе, мягкие карие глаза, точно у ласковой бабушки. Она мелодично заржала, когда Гарри протянул ей ладонь с кусочками теплого, только испеченного Винки хлеба с отрубями. Ройсин внимательно оглядела подношение, шумно дыша Гарри в руку, затем аккуратно собрала все до последней крошки теплыми добрыми губами и благодарно уткнулась Гарри в плечо, уютно пофыркивая ему во взлохмаченную шевелюру и прядая ушами. Слева на Гарри косился рыжий конь, тоже, судя по затвердевшим от уздечки коркам на губах, не первой молодости, хоть и моложе Ройсин. Он подозрительно воззрился на Гарри, осторожно наклоняя голову и встряхивая длинной гривой, затем тщательно принюхался, и его нос безошибочно ткнулся именно в тот карман, в котором лежали остатки булки. Гарри угостил и его, буйный конь сперва недоверчиво прятнул в сторону, но потом, убедившись, что его не обманывают, и угощение настоящее, он милостиво согласился принять его у Гарри из рук.

Третьего коня юноша заметил не сразу. Вороной жеребец, еще совсем молодой, громко заржал под самым ухом у Гарри, точно дразня его, затем шарахнулся прочь, начал рыть копытом сено и снова игриво подал голос. Гарри испугался, не бросится ли на него конь, но тут жеребчик грациозно скакнул в его сторону, лицо Гарри задел шелковистый черный хвост, а конь уже снова стоял напротив, пар из носу, и глазом цвета спелой сливы задорно подмигивал Гарри. Угости, мол, и меня. Гарри щедро оделил и его.

— Его зовут Риок, — услышал Гарри голос Глориана Глендэйла под самым ухом. Он вздрогнул. Эльф сидел на квадратной упаковке сена в глубине конюшни и жевал соломинку. Его фиолетовые глаза мечтательно скользили с одной лошади на другую. — А это — Зигзаг. Хорошие лошади, и ухаживают за ними хорошо, видишь, сэр Гарри, как здесь чисто и в каком идеальном порядке конюшня? Я только что видел порлоков, они расчесывали им гривы и тихо хрюкали. Если долго сидеть, не двигаясь, то можно увидеть, как порлоки вылезают из сена в том углу. Думаю, там у них нора, — Глориан хлопнул по стожке рядом с собой, и Гарри аккуратно присел рядом.

Они застыли в ожидании минут на десять. Гарри удивился, как Глориан может тихо сидеть, не шелохнувшись. Его дыхание, как заметил Гарри, замедлялось, глаза останавливались на одной точке, и только длинные острые уши изредка подрагивали, стараясь уловить нужный звук. Гарри

представил, как Эльф точно так же стоит в лесу среди травы и деревьев, застыв неподвижно, пока не сольется с природой в одно целое, пока обитатели леса не воспримут его, как равного себе и друга. Странно, но Гарри подумал, что, должно быть, Эльфу сложно жить в доме. Лес или поле для него казались куда лучшим домом.

Внезапно, пальцы Глориана сомкнулись у Гарри на руке. И тут он тоже услышал это. В углу тихонько завозилось что-то маленькое и толстое, затем чей-то нос отчетливо всхрюкнул, сено задвигалось, и осторожно показался первый порлок. В тусклом свете единственного на всю конюшню фонаря Гарри разглядел его. Мордочка порлока напоминала вытянутый, почти как у слона, но похожий на свиной, пяточок. Пяточок тщательно принюхался, а затем порлок высунулся по пояс. Он весь зарос жесткими волосами, а лапки заканчивались четырьмя толстыми пальцами с короткой щетиной на ладошках. Порлок внимательно смотрел прямо на Гарри и Глориана и выглядел немного испуганно, но, тем не менее, продолжал с любопытством разглядывать незнакомцев. Его хоботок несколько раз тревожно втянул воздух. Гарри пошевелился, не в силах больше сидеть на затекших коленях, и порлок с тихим писком вновь исчез в своей норе. Мелькнули только раздвоенные розовые копытца.

— Ух ты! Это и есть порлок? — Гарри с воодушевлением представлял, как он расскажет о таком приключении Рону с Гермионой.

— Да, их здесь довольно много, — кивнул Глориан. — Видимо, прижились. Тут тепло и достаточно уютно, чтобы зимовать несколько лет.

— А что они едят? — Гарри все еще пребывал в эйфории по поводу встречи с первым в своей жизни порлоком. — Чем же они здесь питаются? Тоже сеном?

— О, нет, — покачал головой Эльф. — Навозом, конечно!

Порлоки тут же утратили для Гарри свою загадочную привлекательность. Фу!

— Это не так уж ужасно, — пытался объяснить Глориан Гарри уже за ужином. — Многие животные и волшебные существа имеют такие привычки и повадки, которые людям только кажутся дикими, а на самом деле составляют основу жизни в природе. Например, клубкопухи. Они любят слизывать соплю их хозяев во время сна. О, прости, дорогая, — Эльф виновато уткнулся в свою тарелку с исключительно вегетарианским рационом, видя, как у Валери вытянулось лицо. — Я все время забываю, что люди здесь часто стесняются естественных вещей.

— Да нет, Глор, это, пожалуй, вопрос этикета, — мисс Эвергрин положила Гарри еще салата. — Я не имею ничего против изумительных привычек клубкопухов, только не во время еды, пожалуйста!

— Странные привычки и обычаи людей тоже не менее интересны, — продолжил Глориан после некоторой неловкой паузы. — Я согласен, что некоторые приспособления весьма удобны: краны, например, или электричество. Но я не в состоянии понять нужность тифело...

— Телефона, дорогой!

— Ах, да! *Мы*, сэр Гарри, я имею в виду, своих соплеменников, общаемся по-другому. Несколько жестов или даже изменение запаха — все это куда практичнее. Или чтение мыслей — это же так естественно. Насколько я знаю, немногие из людей способны на такое.

— Ты ошибаешься, Глор, — мягко поправила его Валери Эвергрин. — Как раз Гарри на это способен. Мы только недавно узнали о том, что он — ментолегус.

— Правда? Это же замечательно! — Глориан Глендэйл отодвинул тарелку и с улыбкой поглядел на смущенного Гарри. — Надо развивать такие вещи! Среди людей это большая редкость!

— У меня есть книга, которая может мне помочь, — Гарри вспомнил о том, как она ему досталась. — Думаю, начать читать ее прямо сегодня вечером. Мисс Эвергрин, а можно я возьму в библиотеке еще кое-что?

— Гарри, я же сказала — бери, что хочешь!

— Но я подумал, что вы можете не разрешить мне полистать кое-какие манускрипты по Черной Магии...

— Черной, Гарри, магия становится, когда ее используют с черными целями. Во всех остальных случаях она — верный помощник любому волшебнику, который никому не желает зла.

Вечером, устроившись на кровати под ситцевым пологом в сиреневый и зеленый цветочек, Гарри пристроил здоровенный том у себя на коленях и радостно оглядел свою комнату. Теперь-то у него есть настоящая, своя комната, а не чулан, не бывший склад, расчищенный от хлама Дадли. Кровать, шкаф, зеркало, письменный стол и кресло перед ним. Гарри уже набил письменный стол своими сокровищами: учебниками и пергаментными свитками, засунул в ящик карту Мародера,

устроил Поющие Поганки на полочке под зеркалом и аккуратно повесил плащ-невидимку в шкаф, не боясь, что с ним что-то случится. Метла, его Всполох, уже лежала в боковом отделении шкафа вместе с набором техобслуживания для нее, Гарри еще не решил, как поступить с ней. С одной стороны, это был подарок Сириуса Блэка, воспоминания о котором больно резали по памяти, но, с другой стороны, это была просто метла, да еще и хорошая метла, отказываться от такой было грех, поэтому над судьбой Всполоха Гарри пока еще думал, со странным чувством отторжения не желая пока на него садиться. Золотой снитч, подарок Виктора Крума, тихонько шуршал в нижнем ящике письменного стола. На подоконнике за шевелящимися от ветра занавесками сидела Хедвига, его белая полярная сова, и тоже довольно осматривала свои владения. Она уже получила свой ужин в виде мелко нарезанных кусочков сырого мяса, но ей, видно, этого показалось мало, и она уже успела слетать на пустошь и вернуться с большущей жирной полевкой. Вид у Хедвиги был донельзя довольный, у нее словно было на клюве написано: там, где водятся такие великолепные мыши, могут жить и приличные совы, как я, например. Хедвига сыто, утробно ухнула и закрыла глаза, все еще продолжая сжимать остатки ужина в когтях.

Гарри принялся листать книгу. Она оказалась *Практическим пособием для начинающих ментолегусов*, и была наполнена самыми замечательными и нужными ему сведениями. Оказалось, что чтение мыслей — штука куда более сложная и муторная, чем Гарри казалось раньше. Помешать ментолегусу могло все, что угодно: от каменной стены до зевоты. Целый раздел посвящался болезням, которые нарушали способности мыслечения. Ветрянка, чесотка, пищевая аллергия, нервное расстройство и эмоциональная нестабильность понижали возможности ментолегуса чуть ли не вдвое, желтуха, свинка, менингит и расстройство желудка — втрое. Насморк считался бичом ментолегусов, так как в этом случае закладывало уши, и блокировался какой-то нервный канал в мозгу, отвечающий за мыслечение (Гарри дотошно изучил большую карту человеческого мозга и схему понимания чужих мыслей на соседней странице). В общем, в унынии понял Гарри, читать мысли, судя по всему, может только здоровый человек, спокойный как танк, к тому же исключительно в хорошую погоду, так как, например, при грозе электрические разряды молний могут повредить кору головного мозга у растяпы-ментолегуса, желающего узнать, что творится в голове у его приятеля. Судьба нового гарриного таланта повисла на волоске, читать книгу было до безумия интересно, но тут же возникла куча сомнений: в подобных условиях развивать в себе талант мыслечения, значит, терять время попусту. Гарри мог понять, что такие гиганты мысли, как Дамблдор и Моуди, могут отвлечься от мирской суеты и сосредоточенно читать мысли других, но сомневался, что сам способен на такой же подвиг. Глупо, конечно, отказываться от подобной возможности, если способности проявились, их нужно развивать, но это представлялось исключительно сложной проблемой, учитывая количество препятствий, стоящих на его пути. Он, наконец, понял, почему ментолегус-Снейп не смог узнать, что на самом деле было в головке у Клары, когда она отчаянно врала ему о якобы ограбивших ее слизеринцах: Снейп, человек находящийся в постоянном нервном напряжении, растерянный внезапной клариной истерикой и слезами, попросту не смог сориентироваться в ситуации. Зато его собранность в момент, когда его жизнь висела на волоске, и он сумел спасти и себя, и Гарри, просто восхитила юношу. Нет, Снейп казался ему уже не таким мрачным злодеем, как раньше. Этот человек куда более сложен, решил Гарри.

Вторая часть книги была заполнена упражнениями, совершенствующими способности начинающего ментолегуса. Гарри, бегло просмотрев страницы, решил отложить их постижение на утро, тем более что было уже за полночь, и на него неудержимо наваливался сон. *Свобода*, думал Гарри, чувствуя, как полог шевелится от теплого ветерка. Он, наконец, свободен. Неважно, что будет дальше, сегодня, сейчас у него появился настоящий дом. Засыпая, он улыбался.

Старинный особняк в Хитмарше действительно начал становиться его домом. Проходили дни, каждый из которых нес что-то новое и интересное. Гарри пропадал в библиотеке мисс Эвергрин, изучал книги о ментолегусах, старательно пытался следовать рекомендациям и выполнял все упражнения. Первое, что должен был уметь настоящий ментолегус, это овладение методиками быстрого расслабления мозга, чтобы обеспечить максимально близкий контакт с другим человеком. Гарри часами лежал на газоне посреди двора, стараясь очистить мозг от посторонних мыслей. Он старался изо всех сил, но ни расслабление, ни просветление, как говорилось в книгах, к нему не приходили. Гарри потихоньку начал приходить в отчаяние, и его стали посещать предательские идеи: а вдруг Снейп и Валери ошиблись, и он вовсе не ментолегус? А если все это — досадное недоразумение? Он уныло приходил к обеду, задумчиво ковырялся ложкой в тарелке, к отчаянию Винки не замечая, что она в эту тарелку положила. В конце концов, Валери

пристыдила Гарри, по ее мнению, нельзя было так небрежно относиться к труду других. В ответ он поделился с ней своими страхами. Мисс Эвергрин похлопала его по плечу.

— Не переживай так, Гарри. Может, ты слишком стараешься? Не нужно таких страшных усилий, не надрывай себя. Давай-ка лучше займись чем-нибудь другим для разнообразия.

И Гарри занялся. Точнее, это занятие для него придумала Валери. Первые дни Валери Эвергрин, как и прошлым летом, не отпускала его никуда одного. Когда она убедилась, что дома ему ничего не угрожает, она начала отправлять Гарри с Глорианом по утрам в степь, чтобы учиться ездить на лошади. Ему выделили Риока, самого молодого коня-четырёхлетку, который родился как раз в тот год, когда Валери закончила Хогвартс. Вначале Гарри не знал, с какой стороны подойти к шаловливому скакуну, тот все время норовил боднуть его головой и ускакать далеко в степь, заставляя Гарри нестись за ним и ловить поводья. Потом все пошло куда лучше. Валери и Глориан учили его быстро вскакивать на коня и ощущать движение мускулов животного под руками и ногами. Ездить на лошади оказалось не труднее, чем летать на метле, разве что тут Гарри чувствовал большую ответственность, потому что Риок был живым существом, к тому же весьма вредным. Глориан помогал Гарри управляться с конем, вообще, таланты Эльфа по части общения с различными животными были на удивление обширны. Понемногу, под руководством принца Глендэйла, Гарри перестал бояться, что Риок его сбросит. Они с конем подружились, и теперь он при виде Гарри вытягивал шею и радостно ржал, а когда парень подходил ближе, Риок со свойственной ему бесцеремонностью лез к нему в карманы, мокро фыркая и тычась мордой ему в руки, разыскивая кусочки булки, сахара, морковки или ириски, которые Гарри часто приносил своему любимцу. Как просто поладить с тем, кого любишь, думал Гарри, глядя, как Глориан лихо скачет на Зигзаге без седла, что-то нежно шепча ему в пушистое ухо. Девизом Эльфа была Любовь с большой буквы. Он так трепетно относился ко всему живому, что все животные любили его и беспрекословно ему подчинялись. Его просто обожали кони, Гарри не раз наблюдал, как Глориан тихо говорит с ними на своем языке, и парень мог поклясться, что лошади понимают Эльфа. Хедвига тоже с нежностью относилась к принцу и даже иногда приносила ему мышью в знак уважения (Валери каждый раз ужасно смеялась, когда Хедвига, описав круг под потолком гостиной, щедро роняла на колени к Глориану большую окровавленную крысу, приводя его этим в совершеннейший ужас). С таким терпеливым и умным учителем Гарри освоил искусство верховой езды почти за пару недель. Сперва Валери тоже выезжала с ними на пустошь, но не скакала на такой же бешеной скорости, жалея старую Ройсин, а на Зигзага она не садилась, не желая обижать старую лошадь, которая всегда ревновала и старалась укусить Зигзага за шею.

Обычно во время прогулок кроме пары одиноких велосипедистов и грузовых фургонов из магазинчиков Хитмарша, по дороге им никто не встречался. Разведав обстановку, мисс Эвергрин поняла, что пока никто не знает, где живет Гарри, его можно выпускать гулять и без нее. Поэтому она потихоньку свалила часть обязанностей по выпасу и Гарри, и лошадей на Глориана, а сама оставалась дома, занимаясь какими-то таинственными делами, которые ей подбрасывали прилетающие по нескольку раз в день незнакомые совы и строгие голоса в телефонной трубке. Впрочем, Глориан Глендэйл с удовольствием ездил в степь вместе с Гарри. Он жил с природой одной жизнью, как понял юноша, возможность вдыхать полной грудью свежий, чуть сладковатый воздух бескрайней степи его вдохновляла как ничто другое. Он любил в одиночку бродить и по болотам, хотя Валери всякий раз ужасно волновалась и порывалась каждые пять минут бежать за ним.

— Я понимаю, что с таким, как он, ничего не случится, — объясняла она Гарри, нервно комкая край блузки. — Но не могу перестать беспокоиться, понимаешь?

Гарри понимал. Он видел, что эти двое определенно любили друг друга, хотя нельзя было даже представить себе настолько разных... людей? Это было последним камнем преткновения, Гарри все еще не мог привыкнуть, к тому, что Глориан Глендэйл не был человеком, но со временем мальчик отвык замечать даже небольшой рост Эльфа. Валери была, конечно, иногда чересчур импульсивна, но чередование ее импульсивности и язвительного юмора с припадками холодной логики, как видно, приводили принца Глендэйла в восторг. Что же касается характера самого Глориана, то за всю свою жизнь Гарри не встречал настолько мягкого и покладистого существа. Добро, сострадание, тепло — всеми этими качествами Глориан был просто переполнен. Он был настолько вежлив и добр, прост и безгрешен, что Гарри не мог даже представить себе, что Глориан в состоянии причинить кому-нибудь боль. Но однажды ранним утром, когда они вместе отправились к далекой скале задолго до завтрака (их обычный за прошедшие недели

моцион), Риок вдруг точно взбесился, заскакал на одном месте и встал на дыбы, чуть не сбросив Гарри. Парень еле удержался в седле (ездить полностью без седла, как Глориан, он еще не научился), вцепившись в поводья и гриву коня. Глориан Глендэйл, ехавший чуть впереди, взволнованно вернулся и, спешившись, отвел Риока в сторону, погладил по морде и зашептал ему что-то на ухо. Гарри, перепуганный от перспективы быть сброшенным из седла, слез с коня и тревожно наблюдал за Глорианом. Закончив говорить с Риоком, принц внимательно осмотрел землю вокруг того места, где на коня напал внезапный приступ страха, и обнаружил змеиную нору. Гарри не успел опомниться, как Глориан что-то тихо сказал на эльфийском, из норы пулей вылетела змея, и принц одним свистящим ударом разрубил ее пополам, Гарри не успел даже заметить, как Глендэйл вытащил свой меч. Все произошло так быстро, что когда разрубленная надвое змея уже корчилась на земле, вызывая у Гарри тошноту и отвратительное воспоминание, меч был уже у Эльфа в ножнах.

— Змеи, сэр Гарри, — отвратительные существа, — спокойно пояснил Глориан, пряча под край магловского свитера драгоценное оружие. — Они — отражение древнего Зла. Оно вездесуще, и если поблизости есть змея, то нужно убить ее, чтобы она не привела за собой еще больше Тьмы.

Гарри не совсем понял, что сказал ему Глориан, но поверил ему. Призрак Нагини больше не тревожил его, как раньше, однако, следовало быть осторожнее. Кое как успокоив переволновавшегося Риока, они с Глорианом продолжили свой путь к каменным кругам на горизонте. Этих древних камней было в округе предостаточно. Большая часть, правда, скрывалась среди болот, ходить на которые мисс Эвергрин строго запретила Гарри. Любая невинно выглядящая полянка с цветочками могла при близком контакте оказаться страшно глубокой трясиной, засасывающей неосторожного путника за четверть часа, поэтому болота с их тайнами пока для Гарри оставались табу. Но старинных дольменов, стоящих на небольших холмиках или на перекрестках древних дорог, или менгиров, образованных двумя такими камнями и третьим, лежащим на них, было достаточно и на пустоши. Неизвестно откуда они взялись, как успел заметить Гарри, камней такой породы в округе не было, их могли привезти только издалека. От этих старинных памятников, которым стукнуло не меньше, а может, и больше чем две тысячи лет, веяло такой древностью, что кружилась голова. Часто, сидя под очередным менгиром, пока кони паслись в отдалении, Гарри чувствовал, что где-то глубоко внутри него просыпается таинственное ощущение сопричастности к этой древности. Кровь играла и звала, прикрыв глаза, представить, как в великих битвах прошлого, свидетелями которых были эти черные колоссы, сражались его предки Гриффиндоры. Глориан же осторожно прижимался одним из своих длинных чувствительных ушей к камню и слушал его старую песню с тем же наслаждением, что и ребенок, подносящий к уху морскую раковину, наполненную далеким шумом волн.

Навестив Черный Менгир, они поехали к еще одному любимому месту: каменным кругам на краю болота. Прямо за ними начиналась непроходимая топь, границы которой отмечали стрелки камышей и ползучей ивы. Цепь камней поменьше, размером с автомобильное колесо образовывала спираль, в центре которой лежал плашмя большой плоский камень с вырезанными на нем волнообразными полосами. Здесь они с Глорианом часто привязывали лошадей к вывороченной из земли сосне, а сами садились на камень и смотрели, как на востоке встает первый розовый луч солнца. Странно, но когда Гарри сидел в центре каменной кладки, на него каждый раз снисходило чувство, что его волшебные силы точно пробуждаются от какого-то толчка, словно, протяни он руки и скажи любое заклинание — и никакой палочки не понадобится! Именно в этом месте Глориан бывал наиболее разговорчив, а так как на этот день у Гарри был запланирован долгожданный разговор с Древним Эльфом, не следовало терять времени. Скоро встанет солнце, окрасит камни в желтоватый цвет раннего холодного девонширского утра, и Эльф снова скажет, точно услышав голос Валери, зовущей их: «Ну вот, хорошо съездили, а теперь миледи Валери и Винки ждут нас за завтраком».

— Глориан, то есть, принц Глендэйл, я давно хотел спросить кое о чем, — Гарри медленно прищурился, наблюдая, как Риок шаловливо выхватывает из-под недовольно морды Зигзага очередной клочок травы. — Винки и мисс Эвергрин говорят, что вы — Древний Эльф. Я им верю, вы действительно на эльфов немного похожи, но вы же совсем другой. Ну, я имею в виду, рост, волосы, глаза и прочее. И ведете вы себя по-другому, не так, как обычные домовые эльфы. Как вы познакомились с мисс Эвергрин? И почему она вдруг решила выйти за вас замуж? — Последний вопрос вылетел, когда Гарри уже сообразил, что он не слишком этичен, но Глориан только рассмеялся. Смеялся он приятно, от его смеха становилось тепло на душе.

— Должен ли я рассказывать тебе об этом, сэр Гарри? — полюбопытствовал Глориан, поудобнее устраиваясь на камне. — Возможно, моя госпожа должна сама поведать тебе об этом.

— Вы так странно говорите, — не выдержал Гарри. — Так говорят благородные рыцари в древних легендах, но никак не... — парень снова схватил себя за язык. Понятие «обычные люди» тоже не слишком подходило к Глориану, поэтому Гарри собрался с духом и, наконец, спросил то, что хотел спросить. — Откуда вы?

Глориан скользнул быстрым взглядом по лицу Гарри, точно оценивая, способен ли он понять ту великую тайну, которую просит раскрыть. Гарри придавал лицу волевою мужественность, способную вызвать на откровенность самого недоверчивого собеседника, и стал терпеливо ждать, оценит ли Глориан эту мину должным образом. Оценил Эльф ее, или нет, трудно сказать, но, тем не менее, он счел Гарри достойным узнать правду.

— Сэр Гарри, ты сказал, что я странно говорю, что я не похож на тех эльфов, к которым ты привык. Я не умею обращаться с такими простыми для тебя вещами, как телефон, краны, электрические лампы, — Глориан с трудом выговорил названия незнакомых предметов. — Я, наверное, кажусь тебе диким, нет, не отрицай это!

— Неправда! — горячо воскликнул Гарри. — Вы — самый добрый из всех людей, кого я встречал в своей жизни! Подумаешь, не умеете разговаривать по телефону! Мой лучший друг, он из семьи волшебников, тоже этого не умеет. Разве это что-нибудь значит?

— Это значит *многое*, — принц медленно водил пальцем по волнообразным бороздкам в камне. — Неужели ты не понял, почему миледи Валери называет меня Древним Эльфом?

Гарри тупо помотал головой, самому себе он казался последним идиотом, потому что разгадка, как он чувствовал, была явно намного проще всех его буйных фантазий.

— Мы познакомились с моей госпожой, когда она пришла в наш мир со своей миссией, — медленно, распевно начал свое повествование Древний Эльф. — Она была прекрасней всех женщин, которых я когда-либо видел. У нее тонкая, чуткая душа, какую не часто встретишь среди людей, неважно, волшебники они или нет. Как и подобные мне, она видит Природу как одну большую песню, льющуюся в сердце каждого живого существа. И она — герой, борец, она никогда не стояла перед препятствием, которые становились на ее пути к Свету. Она никогда не позволяла Тьме победить себя, она попросту никогда не видела причин, побуждающих многих ее сородичей обращаться к Злу, поэтому никогда не поступила бы так сама. Я не сомневаюсь, что в роду у нее были сильнейшие волшебники, безгранично сильные Белые Маги.

Пока эти дифирамбы ничего не объяснили Гарри. Но тут Глориан продолжил.

— Я жил за тысячу лет до того, как она родилась. Мои сородичи... мы вымираем, сэр Гарри. Наше сообщество куда сложнее организовано, чем ваше, и ей трудно было войти в него. Но, когда мы поняли, что она — посланец грядущего, мы приняли ее, как искру будущей надежды. Мы, Древние Эльфы, последние наследники Великой Магии Земли, надеялись, что она сможет пробудить нас к жизни. Но я полюбил ее, не повинуюсь долгу, а просто потому что ее нельзя было не полюбить. Все остальные мои братья и сестры... уже не могут продолжать наш род. Что-то случилось с нами, мы вырождаемся, и все новые и новые эльфы становятся... как это говорила госпожа, — Глориан старался вспомнить подходящее слово. — *Стерильными*. Оставшиеся из нас вынуждены делать то, что никогда не делали — вступать в браки с людьми, чтобы сохранить наш род. Но это не приносит нам тех плодов, на которые мы надеемся...

Он говорил еще долго, вгоняя потрясенного Гарри в еще большее изумление. А потом Эльф замолчал. Взошло солнце.

Когда они подъехали к дому, Валери, стоявшая на пороге, как-то сразу по их лицам поняла, что важный разговор состоялся. Глориан повел лошадей в конюшню, а Гарри поднял на нее глаза.

— Ты знаешь? — не вопрос — утверждение.

— Это невероятно, — у Гарри заплетался язык от стольких вопросов, которые под ним накопились, и на которые принц Глендэйл не мог ответить при всем желании.

Общество, построенное на безукоризненном подчинении главе рода. *Пчелиный рой*, вот какое сравнение пришло на ум Гарри, когда он узнал от Эльфа о том, как строго выполняются Эльфами приказы главы рода, его отца. Да, этим современные домовые эльфы, их потомки, на них так похожи, только роль родового князя им заменил Хозяин, чуть ли не обожествляемое существо и смысл жизни каждого домового эльфа. Общество, где все выполняют функции воинов-защитников их таинственного магического мира от внешнего Зла. Да, Глориан Глендэйл должен

был знать, что такое настоящее Зло, он с ним встречался. И он считает, что вымирание его сородичей — происки этого Зла. Ошибается ли он?

— Это был времяворот? — Гарри надеялся, что хоть в этом он был прав. Мисс Эвергрин согласно кивнула. Они присели на диван в гостиной, и Гарри почему-то непроизвольно перевел взгляд на фотографию ее отца. Знал ли он, что ее ждет? Знал ли он, что ей суждено было увидеть то, что было ровно тысячу лет назад?

— Подпространственный времяворот, Гарри. Экспериментальная модель. Отдел Тайн изучал тогда различные ее модификации. И я должна была его испытывать. Так я и попала туда. Странно иногда нами распоряжается жизнь, — Валери снова встала, и устало метнулась к окну, вцепилась в гардину, точно ожидая от нее какой-то поддержки. Нет, слишком много скопилось на ее плечах. — Никто не знал, что я увижу и с чем столкнусь. Но это было удивительно! Рыцарь в латах, — настоящий рыцарь! — проехал мимо меня в каких-то десяти шагах, стоило мне только появиться там! Настоящая романтика, так показалось мне сначала, а потом... Зло есть везде, Гарри. В прошлом тоже было много темных страниц, наверное, поэтому средневековые и называют Темным временем. Что-то страшное происходит там, что-то, что заставляет Древних Эльфов просить у нас помощи.

— Глориан мне рассказал, — Гарри немного смутился. — Но разве это возможно?! — это известие переворачивало се представления Гарри о том, как нужно вести себя в прошлом или будущем. Осторожность, крайняя осторожность, разве не об этом ему все время повторяла Гермиона, когда они воспользовались ее времяворотом, чтобы спасти Конькура и... Сириуса Блэка. Как можно безнаказанно путешествовать туда-сюда, рисковать целым миром, который может измениться от малейшего вмешательства со стороны? Это не укладывалось в голове. Неужели Министерство Магии, Отдел Тайн сознательно идут на эти изменения? — Я допускаю, что принц Глориан — единственный, кто может помочь убедить домовых эльфов встать на нашу сторону и сражаться с нами против Вольдеморта и Упивающихся Смертью. Но это же только часть сделки, верно? Что должны сделать мы? Чего Древние Эльфы хотят от нас?

— А разве ты не догадался, Гарри? — на белом лице глаза Валери казались огромными синими колодцами, в которых плескались искорки жертвенного огня. — Вторая часть сделки — я.

Гарри с открытым ртом застыл, внезапно прозревая. Любовь? И он думал, что это — любовь? Ему стало страшно.

— Когда Глориан уговорит домовых эльфов выступить на нашей стороне против Черного лорда, я должна буду выйти за него замуж и отправиться с ним. Навсегда.

Голос Валери Эвергрин затих, как потухшая свеча.

Глава 5. История Ордена Феникса.

Потом он услышал свой голос. Тихий, неверящий и немножко осипший.

— Но это же... Разве ваше присутствие не изменит прошлое, а, значит, и будущее?

— Время — тонкая ткань, Гарри. Нам очень легко порвать ее, особенно если мы будем жестоко ее кромсать, не сориентировавшись в основном законе времени: его течение определяет не поступок человека, а его *кровные связи*. Все поступки — это всего лишь поступки, они предreshены, коли чему-то суждено случиться, это случится, и ничего не изменишь. Но течение родовой крови в жилах предков человека, его потомков... это — вечное. Главное — не изменить течения крови.

Это было не совсем понятно, но все же Гарри осмелился заметить:

— Значит, Гермиона была права, когда говорила, что основная опасность для человека, попавшего в прошлое — убить себя или кого-то из своих предков?

— Да, конечно. Будущее читается в крохотных красных клеточках нашей крови, Гарри Поттер. Это — власть. Может быть, именно поэтому вампиры так любят ее, жидкую, сладкую власть, текущую в наших венах.

Голос Валери стал усталым и слабым. Гарри повернулся, чтобы уйти: по его мнению, она уже достаточно пережила на сегодня. Нет, каково это? Исчезнуть навсегда, оставить все, что ты любишь. Всех друзей, все увлечения, прежние занятия, работу ради... собственно, ради чего? Все выглядело так, словно Валери Эвергрин приносила себя в жертву, и это отчаянно не нравилось Гарри.

— погоди, Гарри, я еще кое о чем хочу попросить тебя, — мисс Эвергрин потерла лоб. — Не требуй объяснений у Глориана, пожалуйста. Он думает не так, как ты, он — другой, но это не значит, что он — не прав.

— Он покупает вас, как вещь! — не выдержав, вспылил Гарри. — Он не думает о том, хотите вы помочь ему, или нет!

— Он просто *любит* меня, Гарри! Когда ты поймешь, что такое любовь, ты поймешь и его. Его принципы другие, но ты не видишь, что они куда более благородны, чем тебе кажется. Им руководит любовь — и *долг*. Он считает, что мое присутствие поможет Древним Эльфам избавиться от Зла, которого они смертельно боятся.

— Значит, вы верите, что ваших жилах течет кровь великих Магов прошлого? — Гарри затаил дыхание.

— Я не знаю, Гарри, правда, не знаю. Но я ответила ему «да», и этого достаточно. Я *дала слово*. И это поможет нам получить поддержку у домовых эльфов. Если Глориан Глендэйл, наследный принц Леса Теней, скажет им, что необходимо всем восстать против Вольдеморта, то они сделают это с таким же благоговением, с каким Винки каждый раз бросается ему на шею. А домовых эльфов много, Гарри. Очень много.

— Вы любите его? — Гарри затаил дыхание, потому что вопрос был хоть и не очень корректен, но он знал, что Валери должна сказать ему правду. Хотя бы потому, что она такая, какая есть.

Молчание. А потом...

— Люблю. Конечно, люблю, — Валери Эвергрин сказала это небрежно, как нечто само собой разумеющееся.

Гарри вышел в сад и рассеянно посмотрел на то, как Глориан кормит с ладони воробья, топчущегося на спинке полуразвалившейся садовой скамейки. Эльф улыбался. И Гарри понял, что надо постараться понять это странное существо. Валери Эвергрин это удалось, почему бы не попробовать и ему? Но почему, почему у него все равно возникает такое чувство, что этот брак ей... *не по душе?*

Июль, между тем, шагал сквозь год своими раскаленно-летними шагами, каждый день принося новые открытия. На лошади Гарри ездил все лучше и лучше. Найдя общий язык с Риоком, парень открыл для себя, что, оказывается, эта премудрость — не премудрость. Он мог уже спокойно оседлывать и Зигзага, и Ройсин. Хотя они были не столь игривы и непредсказуемы, как Риок, наверное, вследствие своего возраста, но и Зигзаг, например, мог в любой момент взбрыкнуть и сбросить Гарри, если ему что-то было не по нраву, а Ройсин была капризна, как настоящая старая леди, и была склонна кусаться, если ей что-то не нравилось. Но Гарри ухитрился найти путь и к их сердцам при помощи не только морковки и сахара, но и скребницы. Ройсин обожала,

когда ее мыли и расчесывали гриву. Зигзаг терпел это с трудом, но принимал процедуру, как должное. Гарри обнаружил, что ухаживать за лошадьми так же интересно, как и за взрывастыми драклами, но куда более безопасно и приятно, конечно. Он теперь так часто пропадал в конюшне, что даже порлоки привыкли к Гарри и иногда даже высовывали свои длинные осторожные хоботки, чтобы посмотреть, как Гарри носит на вилах сено в ясли или убирает навоз стойле. Навоз Гарри корректно подвигал поближе к порлокам.

Но кроме увлечения лошадьми, у Гарри появились и другие занятия. Валери Эвергрин однажды, очередной раз отправляясь в Хитмарш на машине (застревавшем в каждой луже фиате), взяла Гарри с собой. После того, как они возле супермаркета загрузили покупки в багажник, она предложила:

— Не хочешь сам попробовать сесть за руль?

— Ух, хочу, конечно! — мечта Гарри о том, чтобы водить машину самому, начала превращаться в реальность. Тронувшись с парковки, он, первым делом перепутал педали газа и тормоза, потом, вспомнив, схватился за ключ зажигания, а потом, под хохот мисс Эвергрин вместо фар включил кондиционер.

— Ну что ж, первый блин комом, — прокомментировала профессор Эвергрин, выталкивая Гарри на пассажирское сидение. — Но с сегодняшнего дня мы начинаем наши уроки, согласен?

Еще бы не согласен! Лужок с короткой жесткой травкой стал для Гарри полигоном на весь июль. Он учился поворотам и разворотам так усердно, что саму мисс Эвергрин это даже приятно удивило. Она пока не разрешала Гарри выезжать на дорогу, но он учил правила дорожного движения, зубрил дорожные знаки наизусть и тренировался на пустоши, быстро покрывавшейся следами колес. Конечно, не обошлось и без приключений: однажды утром Гарри ухитрился въехать задом в живую изгородь и здорово ее помять (Винки была *очень сильно* расстроена). На следующий день Гарри сослепу проехался по системе аппаратодетекторов, замаскированных под семейство мухоморов, отчего ему целых три часа пришлось учиться менять покрышки под грозным оком бдительной Валери Эвергрин. Вскоре единственное, что Гарри пока не умел, было вытаскивание машины из мерзопакостной лужи, собственно, начала глубокого, наполненного голосистыми лягушками болотца на краю пустоши. Всякий раз, как левое колесо упрямо плюхалось в зеленую жижу, приходилось вылезать, бежать домой и звать мисс Эвергрин или Глориана, чтобы они помогли ему вытолкнуть машину из зловредной ямки. Валери пользовалась палочкой в качестве подручного инструмента (*Ваддиваси!* Видишь, Гарри, какое удобное заклинание?), Глориан не пользовался ничем, просто внимательно смотрел на машину, и она сама выбиралась из лужи, визжа, как несмазанная телега. Вскоре, Валери надоело каждый раз бежать Гарри на выручку, и фиат был заменен на лендровер с помощью заклинания *Конвертус Трансмогрификус*. Гарри отчетливо ощущал, что ему не хватает палочки и разрешения использовать ее летом. Мисс Эвергрин обещала, что пошлет сову мистеру Олливандеру, так что же она медлит?

Кроме этих приятных и, несомненно, полезных увлечений, Гарри продолжал постигать науку мыслечтения. Убедившись, что возле древних камней ему лучше думается, он ездил туда и часами лежал на большом камне посреди круга. Невероятно, но в этом месте расслабляться ему было куда легче. Вскоре, он начал замечать, что внутри иногда появляется загадочная легкость, воздух начинал вибрировать вокруг, становясь совсем прозрачным и звонким, наполняясь призрачным гулом и отблесками далеких звуков на поверхности его сознания. Судя по книге, что Гарри получил от Снейпа, это была несомненная удача, если бы рядом с ним находился кто-нибудь, возможно, Гарри и услышал бы его мысли, но никого рядом не было. Валери пропадала дома, особенно, в последнее время, после того, как к ней принеслась сова от Кешифра, а следом за ней с недовольным скрипом явился ястреб Дикоглаза Моуди. Она тут же кинулась рыться в книгах, выискивая какое-то загадочное и сложное заклятие, а потом отправилась к своему компьютеру и начала отсылать письма одно за другим. После этого она позвонила Дамблдору, но после десяти минут довольно вежливой и корректной беседы разговор, внезапно, пошел на несколько повышенных тонах. Гарри уже давно заметил, что при всем уважении к великому волшебнику и ее непосредственному работодателю, Валери относилась к Дамблдору с некоторой фамильярностью, в глазах Гарри граничащей с легкомыслием. И это вызывало у него чувство легкого беспокойства, потому что он знал, что, с одной стороны, та Валери Эвергрин, которую он знал, ничего не делала без веской на то причины, а с другой стороны — свойственная ей предельная откровенность вызывала в данном случае странное сомнение в том, логично ли она поступает, разговаривая с Альбусом Дамблдором (вернее, с АЛЬБУСОМ ДАМБЛДОРОМ!) так

сухо, словно он чем-то ее обидел. Гарри услышал только часть разговора. Валери громко и нервно сказала:

— Я не согласна, директор, — затем, вежливо выслушав аргументы своего собеседника с другого конца провода, еще более решительно добавила. — Вы не считаете, что это слишком опасно?

Дамблдор, по всей видимости, так не считал, потому что Валери начала ему что-то горячо доказывать, а потом, перед тем, как прикрыть дверь прямо перед носом изнывающего от всех этих тайн Гарри, и вовсе отрезала:

— Профессор Дамблдор, при всем моем к вам уважении, я считаю, что вы еще никогда не были так жестоки, как сейчас!

Откровенная склока с человеком, который не только известен во всем мире, как знаменитый Белый Маг и добрый волшебник, но с человеком, который ей бы трижды годился в деды, разница в возрасте у них была, по подсчетам Гарри, приблизительно в 120 лет, говорила о крайней серьезности Валери Эвергрин. Что-то случилось, из-за чего она была не согласна с Дамблдором. Что-то страшное.

Впрочем, за ужином она вела себя, как обычно. Не мешая Гарри читать за столом захватывающий том *Шарки МакРэнди «Как прочитать мысли вашего врага?»* (она не придерживалась этикетных норм в отношении чтения за едой, потому что и сама любила подпирать сахарницу *Дейли Пророком* или *Вестником Аврора*), мисс Эвергрин раскладывала немного недожаренный эскалоп по двум тарелкам и нагружала гаррину порцию еще и внушительной кучкой гарнира. Ужин она сегодня готовила сама потому что, Гарри только что осознал это, Винки куда-то подевалась, а вместе с ней и Глориан Глендэйл, поэтому, раскрывая книгу на семнадцатой главе, Гарри спросил:

— А где Глориан?

— У Глора сейчас неотложные дела, — коротко ответила мисс Эвергрин, намазывая ему печенье апельсиновым джемом.

— А вы не боитесь отпускать его одного? — Гарри одним глазом смотрел в книгу, на первой странице раскрытой главы красовалась буква О в виде красиво разделенных двух полушарий мозга, а другим на Валери, которая была несколько рассеянна и не сразу расслышала, что он спросил. Она меланхолично макала вилку с кусочком эскалопа в ай вместо кетчупа, не замечая, что делает.

— Что? Ах вот ты о чем. Да нет, ничего с Глором не случится. Единственное, чего ему стоит опасаться, так это того, что его могут затоптать восторженные поклонники, но, я уверена, этого не случится. С ним Бода и Диггори. И Бен Иррегус-Штраус. Помнишь Бена?

— Это такой высокий и толстый? Он раньше в Министерстве работал? Член Ордена Феникса? Помню, конечно, мисс Эвергрин. Он мне очень понравился.

— В этом году он будет работать в Хогвартсе, — пояснила Валери. — Будет преподавать Уход за Магическими Существами. Он хороший человек и много знает, — она задумалась так, что Гарри пришлось слегка подергать ее за рукав, чтобы она обратила внимание на поставленную перед ней чашку чая взамен испорченной. — А, чай! Спасибо, Гарри.

— Мисс Эвергрин, а что сегодня случилось, — нерешительно спросил Гарри, думая, что сейчас ему укажут на место. — Что-то серьезное, да?

— Был суд, — кратко объяснила Валери. — Бладштейн, МакАбр, Петтигрю и еще человек десять осуждены на пожизненное заключение в Азкабана. Мы просили, чтобы их упрятали в замок понадежнее, Эджернон подыскивал подходящий на островах поближе к северу, но пока их держат в Азкабана, — видно было, что ей это не по душе.

— А кто же будет стеречь их? Дементоры или уже специальные подразделения Защиты Магического Правопорядка? — это Гарри тоже не особо нравилось.

— С дементорами не все так гладко, как многим бы хотелось, Гарри. Аластор Моуди подозревает, что они начинают исчезать из Азкабана. Каким образом и куда — не известно. Прости, но мне нужно работать, — Валери встала и отправилась блуждать в дебрях своей электронной почты. Две чашки невыпитого чая остались сиротливо стоять на столе.

В этот момент раздалось громкое требовательное уханье. Гарри подбежал к окну и увидел, что в него возмущенно стучится Свинринстель, клапе которого привязано письмо и внушительный пакет. Свин упорно долбил кривым клювом стекло, словно старался его разбить. Увидев Гарри, он радостно заверещал и принялся с удвоенной силой молотить клювом

по оконной раме. Гарри открыл окно, впустил сову и отвязал письмо и посылку у него от лапы. Письмо оказалось от Гермионы.

Милый Гарри!

Надеюсь, что с тобой все в порядке, и ты не пишешь только потому, что усиленно занимаешься. (В этом месте Гарри ощутил прилив стыда — он уже две недели ничего не писал ни Гермионе, ни Рону). У нас все более-менее наладилось, но Молли все еще сильно страдает. Джинни и Джордж уехали, поэтому кроме нас с Роном ее некому утешить, а недавно мы узнали, что и Билла Дамблдор послал по каким-то опасным делам. Молли почти не спала, пока мы с Роном не сварили ей Зелья для Сна без Сновидений, неплохо помогло. Рон хорошо держится, он просто молодец, я горжусь им, правда-правда. Он очень нравится папе с мамой, я говорила тебе, что они тоже живут у Уизли вместе со мной. Им, конечно, трудно привыкнуть к такой жизни, но они стараются. Мама вчера хотела поставить чайник и не смогла найти ни одной спички, а папа случайно сел на фальшивую палочку, и она превратилась в ежа. Очень неловко получилось. Мистер Уизли ужасно похудел, в Министерстве дела идут неважно, но, кажется, более близкое знакомство с моими родителями несколько приободрило Артура: вчера вечером он изумлял папу своими познаниями в разновидностях штепселей, а папа рассказывал ему об устройстве бормашины. Мистер Уизли решил, что на эту «адскую машину», как он выразился, ее изобретатель наложил Пыточное Проклятие, и не верит, что ее придумали маглы. Криволапсус однажды поймал в саду гнома и принес его моей маме: хотел похвастаться, а она завизжала от ужаса, она же гномов в жизни не видела. Гарри, я пишу вот еще по какой причине. Вчера снова приезжал Мундугнус Флетчер, ну, помнишь, такой незаметный серый старичок, он тоже член Ордена Феникса. Так вот, мистер Флетчер поговорил с Роном и со мной кое о чем. Он сказал, что раз мы теперь члены Ордена, то должны больше внимания уделять своему образованию, и книжек привез целую гору. Представляешь, специально для нас! Они все сплошь по Боевой Магии и защите от Сил Зла, Рон ужасно увлекся ими и очень жалеет, что пока не получится применить их на практике, палочкой-то пользоваться нам пока нельзя. А мне мистер Флетчер дал ужасно интересную книгу: сборник упражнений по прикладной левитации, представляешь, это же то, о чем я так давно мечтала! Палочка для этого не нужна, но у меня пока плохо получается подниматься в воздух, разве только на пару дюймов. Он сказал, что ты тоже готовишься и развиваешь скрытые таланты, ему мисс Эвергрин сказала. О каких талантах он говорил, неужели о змеюустости? Или у тебя проявилось что-то новое? Напиши, чем ты занимаешься. Посылаем тебе подарок ко дню рождения, извини, что так рано, но мы с Роном все равно не сможем приехать: он не в состоянии пока развлекаться, а я ни за что не оставлю его одного. Ты не обидишься? Ты же понимаешь нас, Гарри, правда?

*С любовью,
Гермиона*

Знала бы Гермиона, что мои таланты — это езда верхом и на машине, подумал Гарри. Их-то, безусловно, я развиваю. А вот что касается мыслечтения... Он развязал веревочку и распаковал сверток. Под оберткой блеснула лакированная обложка книги под названием «История Ордена Феникса, легендарного и таинственного, со всеми подробностями, слухами и несколькими достоверными фактами, прилагаемыми в репринтах древних рукописей». Ого! Гарри записал в планы прочитать еще и эту потрясающую вещь. Хотя в последние дни настольной книгой для него стал снейпов подарок, он ухитрился в течение дня еще и полистать три-четыре книжки из библиотеки мисс Эвергрин, а по вечерам читал Чуму. События, описываемые в этой книге, очень напоминали происходящее здесь и сейчас. История Ордена Феникса уютно устроилась у него на столе и, жадно поглядывая на книгу, Гарри сел писать ответ Гермионе. Свинринстель же со свойственной ему бесцеремонностью отправился в клетку к Хедвиге, чтобы лишиться ее всякой возможности поужинать тем, что сейчас лежало у нее в кормушке. Через час с чувством выполненного долга Свин позволил Гарри привязать к лапке письмо и отправился в обратный путь.

А на следующее утро разразилась буря.

Гарри проснулся оттого, что на него с грохотом свалилась клетка Хедвиги вместе с ее обитательницей. Сова громко, всполошенно хлопала крыльями и хрипло ухала. Ее поилка, журча проливающейся водой, грохнулась прямо на лицо Гарри, а остатки ужина Хедвиги, полуобглоданная мышь, найденная вчера на пустоши, потерялись где-то в одеяле. Гарри с воплем вскочил, думая, что на этот-то раз Упивающиеся Смертью его, наконец, достали, но настоящая причина этого переполоха сидела на столбике его кровати и пренебрежительно каркала, пытаясь избавиться от письма, привязанного к лапе. Запутавшись в занавеске, ворон ухитрился спихнуть на Гарри клетку его совы и этим всполошил весь дом. По коридору пробежали босые ноги, одна из них отпихнула в сторону дверь в гарриную комнату, и на пороге возникла сердитая, не выспавшаяся профессор Эвергрин, грозно наставившая палочку на предполагаемых разбойников, бандитов и убийц. Таковых в комнате не обнаружилось, обнаружился всего лишь Корби, мирно чистивший клюв и чрезвычайно недовольный тем фактом, что ему помешали. Он нагло каркнул на Валери и отвернулся, ехидно наблюдая, как Гарри успокаивает не на шутку перепуганную сову и ищет в недрах кровати ее мышь и поилку. Судя по запаху, мышь завалилась далеко за полог, и процесс извлечения совиного ужина грозил затянуться надолго.

— Я тебя когда-нибудь придушу! — сказала Валери с интонацией вышедшего на тропу войны маньяка-орнитофоба. — Какого дьявола ты и твой хозяин с его письмами будите нас в такую несусветную рань?! — Она зябко поежилась в ночной рубашке, на которую пошло минимально возможное количество прозрачной ткани. — Если в письме нет ничего важного, то учти, засуну тебя в микроволновку вместо завтрака! — пригрозила она Корби, развязывая письмо у него на ноге, в то время как сам ворон с видом оскорбленной невинности задрал клюв к потолку. Похоже, он прекрасно знал о том, что хозяйственные таланты мисс Эвергрин не распространяются на умение обращаться с микроволновкой. Потом он небрежно пошевелил хвостом и осчастливил Гарри нехорошим пятном на простыне. Вредный характер ворона явно не изменился. Гарри вздохнул и принялся отчищать простыню под нервные крики все еще испуганной Хедвиги. Искоса он глянул на мисс Эвергрин, вцепившуюся в письмо.

Валери выглядела просто ужасно. Отшвырнув клочок бумаги, она пояснила:

— Червехвост бежал. Он уже у Вольдеморта.

Гарри так и сел. Почему-то, сказал он себе сейчас, я так и думал, что это случится.

— Как? Когда?

— Я же говорила, что он — анимаг! Говорила, что он может воспользоваться той же лазейкой, что и Блэк когда-то! Нет, уперлись, как бараны — наш Азкабан неприступен, наш Азкабан надежен! Вот и дождались! К тому же это еще не все, Гарри. С этого дня тебе надо быть вдвое осторожней. Ты хорошо помнишь Заклятие Заступника?

Гарри кивнул.

— Потренируешься еще сегодня. И вообще, каждый день начинай с того, что тренируйся. Палочку можешь пока одолжить у меня. И лучше это делать не дома, а то сработают колдоулавливатели. Лучше поезжай к западным каменным кругам, людей там почти никогда не бывает, и очень велика концентрация магической энергии, никакой прибор не заподозрит, что там еще кто-то может упражняться в магии.

— Но мне же запрещено колдовать на каникулах! В прошлом году только вы смогли нас отмазать! — воскликнул Гарри. Серьезное настроение мисс Эвергрин передалось и ему. Он чувствовал, что случилось что-то важное. Или страшное. — Еще что-то произошло? — осторожно спросил он, выжимая мокрый рукав пижамы.

— Дементоры открыто покидают Азкабан, в темнице их почти не осталось. Они начали появляться даже в городах, — Валери напряженно о чем-то думала. — Профессор пишет, что сам их видел. По его сведениям Министерство прямо сейчас рассылает всем учащимся старше тринадцати лет разрешение использовать магию на каникулах — это может понадобиться им для того, чтобы...

— Для чего? — Гарри затаил дыхание.

— Чтобы спасти свою жизнь. Такая необходимость может возникнуть. Палочку я тебе дам на сегодня, — мисс Эвергрин, не спрашивая разрешения, открыла шкаф Гарри. — Метла твоя в порядке? Думаю, тебе необходимо поддерживать ее в более рабочем состоянии, вон, она аж пылью поросла. И паутиной, фу!

— Я, — забормотал Гарри. — Я думал, что если мне подарил ее Блэк, то...

— Это все глупости, Гарри. Всполох — превосходная вещь, ты любишь свою метлу, зачем же давать волю нервам и забрасывать в угол свои увлечения? К тому же она теперь может оказаться

полезна. Если дементоров будет слишком много, а с последователями Вольдеморта, которые уже открыто кричат в прессе о своих симпатиях, и дальше будут возникать проблемы, то с помощью Призывного Заклятия ты всегда сможешь спасти свою жизнь.

Логично. Гарри вздохнул и посмотрел на Корби. Тот, склонив голову набок, наблюдал за Валери с нехорошим блеском в маленьких, черных, как у его хозяина, глазках. Гарри вдруг отчетливо понял, что на Валери не особенно много надето, но она, кажется, этого даже не замечает, слишком уж занята другими делами. Гарри спросил себя, а понимает ли она, что красива *всегда*, а не только в те минуты, когда ей это *необходимо*? Он неловко поежился.

— Ладно, все равно уже не уснуть. Вставай, уже почти шесть, тебе нужно ехать тренироваться, — это прозвучало, как приказ.

Гарри, зевая, спустился вниз, чтобы оседлать Риока. На кухне он нашел упакованный для него завтрак — бутерброды и пачку печенья, сунул его в карман, чтобы перекусить возле камней. Он затолкал в небольшой рюкзак еще и пару яблок для коня, книгу Снейпа и отправился к Валери за палочкой.

Она стояла во дворе и напряженно чего-то ждала. Гарри догадался, что, вероятно, она беспокоится, когда же вернутся Винки и Глор. Палочку свою мисс Эвергрин небрежно сунула Гарри в руки.

— Я верю, что ты не угодишь в ловушку или еще какую-нибудь глупую ситуацию, — строго сказала она. — Ты уже взрослый парень, соображай, что делаешь, ладно? Не заставляй меня волноваться! — она рассеянно упала на садовую скамейку и напряженно посмотрела на часы.

Она волнуется за меня, думал Гарри, пока Риок, довольный, что можно поразмять ноги, скакал по пустоши на запад. Гарри всегда хотелось, чтобы о нем заботились... чтобы все было, как у других, *нормальных ребят*, которые приходят домой, где их ждут мамы, мамы кормят их ужином, целуют на ночь (впрочем, этот пункт он уже перерос), собирают им поутру завтрак в школу, беспокоятся за них, когда они задерживаются, гуляя по вечерам. Дурслейи никогда не позволяли себе такой роскоши, как беспокойство за него, поэтому теперь, несмотря на возможную опасность, Гарри ощутил приятную теплоту понимания и уюта: это почти семья. Но что же будет, когда мисс Эвергрин и Глориан уйдут навсегда? Неужели, ему придется снова потерять кого-то, кто ему дорог? Дорог, да, признался он сам себе, спешиваясь у центрального камня. Правда, Валери обещала, что ни она, ни Глориан не уйдут, пока проблема Вольдеморта не будет окончательно решена, и это будет еще не скоро, если судить по тому темпу, который взял Вольдеморт. Странно, в который раз Гарри подумал, что на свете все так переплетено; счастливую мысль ему не нужно было долго искать, на фоне тех ужасов, которые ему довелось пережить, и еще более страшного призрака большой войны ему ярко светила самая главная счастливая мысль: *у меня теперь есть семья!*

Гарри сунул в зубы Риоку зеленое яблоко и шлепнул его по теплой спине, отправляя пастись. Сам он забрался на камень, сосредоточился и прокричал:

— *Экспекто Патронум!*

Заступник получился такой, каким никогда не был: *огромное* сияющее нечто грациозно выпорхнуло из палочки, бесформенно поколебалось и медленно начало оседать. Дементоров поблизости не было, поэтому Заступник ни во что не превратился и, тем более, ни на кого не напал, но результат просто ошеломил Гарри. Сияющее облако было громадным, как дымовая завеса, перед тем, как окончательно растаять, Заступник туманно кивнул Гарри полусформировавшимся рогами.

Следовало поработать больше. Хотя, к изумлению Гарри, чужая палочка в его руке сработала как его собственная, мальчик пожалел, что у него нет вризрака, как в прошлый раз, когда Римус Люпин обучал его заклятию. Впрочем, пока есть возможность работать над собой, не следует ныть об отсутствии подходящих для этого условий. Гарри трудился до обеда, периодически пугая Риока выплывающей из палочки сияющей золотистой тучкой, а потом, привычно полежав на камне и расслабленно послушав, как воздух вокруг него начинает гулко вибрировать, отправился домой. Встретить дементоров он почему-то совсем не боялся. Прямо удивительно.

Глориан и Винки уже вернулись, причем Винки и Валери совместно накрывали на стол, а Глориан что-то обстоятельно рассказывал Валери, сидя на стуле и болтая ногами (они не доставали до пола) как мальчишка. Корби и Хедвига сидели на шкафу, на разных его краях, и одаривали друг друга невежливыми взглядами.

— Сэр Гарри, тебе передают привет сэр Персиваль Уизли и сэр Бенджамин Иррегус-Штраус, — Глориан Глендэйл задержал руку Валери в своей и нежно заглянул ей в глаза. Гарри отчетливо почувствовал себя лишним.

— Вы говорили с домовыми эльфами? — поинтересовался он только для того, чтобы что-то спросить. Винки обожающе взглянула на своего господина и повелителя.

— Да-да, мастер Гарри, наш повелитель говорил с нами! — пропищала Винки, раскладывая салфетки. — Мы обещали, что сделаем все, что он скажет!

— Что, прямо так просто? — подняла брови мисс Эвергрин.

— Не совсем, — тяжело вздохнул Эльф. — Я потом расскажу тебе, дорогая, — при Гарри они не обсуждали личные дела.

— М-м-м, знаешь, Глор, я хотела тебя попросить, — я понимаю, что ты можешь не согласиться! — присмотри сам за Гарри пару дней. Мне нужно будет съездить кое-куда по делам, а с собой я его брать не могу. Но оставить Мальчика-Ходячую-Неприятность на такую няньку, как ты, я смогу?

— Конечно, моя любовь. Поступай, как сочтешь нужным. Я с радостью останусь с сэром Гарри. Сможем съездить на болота вместе, — Глориан подмигнул Гарри.

— Э нет, дорогой, мой, лучше быть поосторожней! Я и так буду волноваться за вас, лучше пообещайте мне, да, вы оба, что *не* пойдете на болота ни под каким предлогом! — Валери распереживалась не на шутку.

— Ну что ты, дорогая, я же пошутил! Мы отлично проведем время. Хочешь, сэр Гарри, я буду учить тебя сражаться на мечях? Это великое искусство, но ты, я уверен в этом, его с легкостью постигнешь. В тебе тоже течет великая кровь, хоть и не такая древняя, как у леди Валери, но я думаю, что среди твоих предков были великие воины, — Глориан откинулся на спинку стула, не глядя в тарелку, которую перед ним поставила Винки. Куда интересней ему показалась реакция мальчика.

— Здорово! Только с одним условием: ты больше не будешь называть меня сэром Гарри! Заметано? — Гарри пошел ва-банк, чтобы, наконец, закончить эту глупую игру в сэров. Ну, какой он, в самом деле, сэр?

Хохот спугнул Корби и Хедвигу с их насестов.

— Ну, вот и славно, — воскликнула Валери, протягивая Гарри тарелку с хлебом. — Да, Гарри, ты оставь мне, пожалуйста, перо Фокса, я уже договорилась с мистером Олливандером насчет палочки. И еще. Я приготовила для тебя несколько книг, чтобы ты их как следует изучил, там хорошие заклятия по Боевой Магии. Приеду — проверю твои знания!

Раньше бы такая ситуация Гарри не слишком понравилась: учить что-то еще на каникулах, кроме домашних заданий, дополнительные занятия всякие... но теперь он, как Гермiona, только обрадовался еще одной возможности узнать что-то новое о магии. К тому же у него уже не в первый раз появилось ощущение, что все это не зря. Меня к чему-то готовят, подумал он, отчетливо ощущая прикосновение к груди холодного золотого медальона.

— Ладно, я с удовольствием. Кстати, вот ваша палочка.

— Успешно позанимался?

— Еще как!

— Молодец! Да, Гарри, я вернусь как раз к твоему дню рождения. Ничего не хочешь заказать заранее? Как бы ты хотел отпраздновать свои именины?

— Я хотел бы пригласить моих друзей, но... Гермiona написала мне, что они с Роном не смогут приехать. Так что мне все равно, — Гарри постарался сделать вид, что ему действительно все равно, но по отражению в глазах Глориана, он понял, что прикидываться у него получилось плохо.

— А как ты смотришь на то, чтобы снова съездить на побережье? За пару часов можно добраться до одной бухты, поплаваешь, позагораешь. Тебе же понравилось отдыхать на море в прошлом году, верно?

Гарри вспомнил, при каких обстоятельствах их прошлогодний отдых закончился. Не хотелось бы того же и в этом году. Но возможность снова окунуться в теплую морскую воду, смывающую все страхи и напряжения, приятно защекотала его воображение.

— Я с удовольствием! А это не опасно?

— Не опасно, пока мы с Глорианом рядом с тобой. Хорошо, едем, но только на следующих выходных, договорились? На этой неделе у меня еще много дел.

Странно, но Гарри показалось, что она взволнована совсем не из-за предстоящей работы. То, что она уезжала, он сперва приписал кружанным неприятностям и возможной назначенной «стрелке» Ордена Феникса, но тут его взгляд остановился на Корби, который алчно подкрадывался к тарелке с ломтиками сыра. Интересно, что еще было в том письме? Все ли в порядке с профессором Снейпом? И тут Гарри ошеломила внезапная мысль. Снейп пишет, что Червехвост сейчас снова вернулся к Вольдеморту. Неужели, он сам видел его там? Он снова вернулся к Черному Лорду? К... своему отцу?

Гарри окатило холодом. Не то, чтобы он был уверен в своих предположениях, но как еще можно было объяснить тот факт, что профессор Зельделия до сих пор жив? Кого бы еще мог пощадить Вольдемогт, кроме собственного сына?

Валери дезаппарировала после обеда, и после обеда же Эльф начал обучать Гарри премудростям боевого искусства сражения на мечах. Раздвоенный заклинанием Дубликации меч принца Глендэйла приятной тяжестью охлаждал руку. Глориан оказался превосходным учителем. Он делал все возможное, чтобы тренировка не скатилась до уровня обычной потасовки, к чему Гарри, разгоряченный присутствием в руке *настоящего* оружия, так и норовил съехать.

— Разум, разум, Гарри, — наставлял его Глориан. — В поединке важнее не сила, а ум. Даже если ты выйдешь на бой с человеком, втрое превосходящим тебя по комплекции, то благодаря своей ловкости и холодному уму ты можешь одержать победу.

За молниеносными движениями Эльфа уследить было трудно, поэтому Гарри, под конец тренировки совсем обессиливший, пока и не мечтал приблизиться к мастерству Глориана. В движениях Эльфа, такого мягкого и доброго, появлялась странная неумолимость, когда в его руках сиял меч.

— Меч — продолжение руки настоящего воина, — поучал Гарри Глориан. — Но глупо всякий раз класть руку на эфес, когда тебя что-то или кто-то не устраивает. Поэтому меч — еще и твой мозг, твоя воля и терпение. Живой, грозный разум, карающий Зло.

О Зле Глориан всегда говорил так, что в его словах ощущался какой-то безотчетный мрачный страх перед неумолимостью присутствия Зла в этом мире. Если Эльф чего-то и боялся, то только того, что это абстрактное, с точки зрения Гарри, *Зло* захватит души людей.

— В *мое время*, Гарри, особенно ясно было видно, где граница между Тьмой и Светом. Мир людей, которые были моими современниками, разделен на палачей и жертв. Я слышал, что вы называете эти века Темными — истинная правда. Нет полутонов. Нельзя быть хорошим человеком и служить Злу. Нельзя быть добрым убийцей! — категоричность взглядов Глендэйла вкупе с осторожностью его движений, все больше изумляла Гарри. Эльф казался олицетворением самой Природы: добрый и ласковый, жестокий и карающий в одно и то же время. Неумолимый, как *Жизнь*. Гарри неожиданно ощутил безотчетный страх перед такой холодной уверенностью Глориана Глендэйла: не был ли он *слишком* жесток? Устало смывая с себя пот, Гарри терся губкой под душем и, почему-то вдруг пожалел Валери, которая оказывалась связана с наследным принцем Леса Теней навсегда. Он не был уверен, что глубина ее чувств к этому... существу так велика, что она с радостью на это согласилась. Неужели он ошибся в своих предположениях, и это — всего лишь *чувство долга*? Такое же сильное, как и у самого Глориана. Поэтому он так любит ее? Потому что в этом они похожи?

Чума еще больше разбередила мысли Гарри, и когда он вечером положил прочитанную книгу на стол, то ощутил, что теряет способность выбрать из множества решений правильное. Требовалось почитать что-то легкое, и срочно. Иначе я с ума сойду, мрачно думал Гарри, взяв пальцем по рядам книг. Ах да! Гермиона же прислала *Историю Ордена Феникса*! Вот это как нельзя кстати! Гарри нырнул в кровать, устроил книгу на животе, впился зубами в яблоко и принялся читать.

История Ордена терялась в глубине веков. Судя по книге, Орден был создан около тысячи лет назад двумя могущественными волшебниками, имена которых не сохранились. Легендарным Черным Рыцарем и Белой Дамой. О них в книге говорилось почти на каждой странице, Гарри жадно перелистывал *Историю Ордена Феникса*, но не мог найти ничего похожего на реальные факты или хотя бы намеки на настоящие имена основателей Ордена. Только предания. Некоторые из них его сильно заинтересовали. Особенно самое первое, восстановленное по остаткам старинной рукописи одиннадцатого века, авторство которой приписывалось некому Теофилусу Квинтусу.

И явилась врагов рать несметная на поле пред Лесом Теней. Всюду слышался троллей рык да гоблинов вой. И распростерло Зло свои черные крылья над полем брани, и выехали на конях

пред армией Тьмы четыре Темных Всадника, из которых двое были сынами двоих. Подняли копья, засвистели стрелы, и сеча была столь кровава, что полегли сотни маглов да множество благородных рыцарей, что защищали Светлый замок. Окружили замок силы Зла, обещали развеять его в прах вместе с теми, кто в нем находился. И ничто не могло бы спасти Добра оплот. Тогда собрались защитники замка, могучие волшебники, держат совет, ибо почитали главным достоянием своим тех отроков и отроковиц, что на их попечении находились, и которым смерть грозила лютая. И поднялась тут Белая Дама, простерла руки ко всем благородным лордам и простым йоменам, что сидели в зале, и сказала: «О светлейшие сэры! Разве можем позволить мы Злу отнять у нас самое драгоценное, что мы имеем — наших детей и наше будущее? Разве можем мы позволить ему торжествовать, отплясывая на костях наших? Разве можем мы допустить, чтобы замок этот стал средоточием Зла и Тьмы зловещей? И застынет вечность, и прекратится времени бег, если мы сложим оружие наше. Так давайте же объединим магические силы наши и создадим Орден, который защищал бы невинных от Темного Зла во веки веков!» И от слов Белой Дамы раздалась тут музыка волшебная, песня неземная и распространилось по залу небесное благоухание волшебных трав и цветов. И из этой красоты неземной родился тогда первый феникс, и запел он предивно, вдыхая в сердца всех волшебников Великую Силу Жизни, что проистекает из Вечности. И поднялся тогда Черный Рыцарь, и сказал: «Благородные лорды! Истинно то, что леди сказала, иначе бы не возникло сие знамение великое на глазах наших. Да будет так, создадим Орден, который назовем мы Орденом Феникса, объединим нашу силу магическую и отправимся на последний бой с силами Тьмы». И было посему. С помощью Великой магии созданы были амулеты могучие для всех волшебников замка, и защищали они их от гибели страшной в бою, как не могло защитить их никакое заклятие. Сэр Черный Рыцарь возглавил войско, и бились две рати от зари до зари, пока...

Здесь рукопись обрывалась, и дальше шли только отрывки из более поздних списков рукописи, из которых было ясно только, что состоялись несколько поединков между защитниками замка и захватчиками. Имена почти не упоминались, только прозвища, поэтому Гарри смог понять из запутанных рассуждений автора, что бились некий сэр Наследник Меча и сэр Белый Дракон, сэр Искра Надежды и сэр Темный Мельник. Имена еще двух пар сражающихся были настолько стерты, что лишь от одного из них осталось несколько букв — «...фуа», французское, вернее, норманнское окончание, по свидетельству Квинтуса, один из рыцарей был норманном, «жестоким и злобным завоевателем». К своему изумлению Гарри обнаружил, что в этой драке участвовали и женщины, Теофилус Квинтус упоминал о поединке между леди Длинные Косы и леди Зловещая Красота. Все это было похоже на захватывающий рыцарский роман, к полному восторгу Гарри, но, к сожалению, за достоверность сведений Теофилуса Квинтуса никто не ручался, потому что никто не знал, кто он такой. Был ли сам автор одним из защитников замка или записал всю эту легенду с чьих-то слов, история так и не смогла установить. Гарри подумал, что, верно, такой большой специалист в Истории Магии, как профессор Элджернон Джонс, наверное, знает, чем все закончилось, и кто победил. Впрочем, позже он обнаружил в книге еще одну легенду. Об образовании Ордена Феникса в ней не было ни слова, зато имена Черного Рыцаря и Белой Дамы в ней фигурировали. Согласно этому преданию, Черный Рыцарь исчез, и о нем более ничего не было слышно, а Белую Даму заколдовал великий Черный Маг, погрузив ее в сон, смерти подобный. Белая Дама спит в заколдованной комнате замка, и по преданию, когда через тысячу лет наступит время для второй решающей битвы между Светом и Тьмой, Черный Рыцарь вернется и разбудит ее, но если он так и не появится, то заколдованная комната замкнется навсегда, и Белая Дама уснет навеки. От этого голова шла кругом, но зато было жутко интересно.

Тысяча лет. Этот срок кое о чем напомнил Гарри. Не забыть спросить у Глориана, думал он, засыпая и уронив книгу на пол, знает ли он, кто такие эти Черный Рыцарь и Белая Дама? Может быть именно Белая Дама, могучая волшебница, одна из основателей Ордена Феникса и была предком Валери Эвергрин?

Глава 6. Встреча.

Солнце нагрело камень так, что он казался почти раскаленным. Гарри, чувствуя, что лицо у него скоро сгорит, сполз с камня и устроился у его подножия, переводя дух. Риок, тоже страдая от жары, жалобно заржал.

— Скоро, скоро уже поедем, — успокоил его Гарри. — Подожди минутку, кажется, я что-то слышал.

Он попытался еще раз. Может, показалось? Может, воображение дорисовало то, чего он так хотел? Но нет, это невозможно, я же только что отчетливо слышал какой-то голос. Женский голос. Ощущение было не из приятных: точно в мозг иголку воткнули. Странно, почему я не заметил такого в тот момент, когда понял мысли профессора Снейпа? Или я просто забыл? Впрочем, в тот ужасный момент, подумал Гарри, у меня что только ни болело, вполне мог и не ощутить. Он снова глубоко вздохнул, расслабился и сосредоточился. Воздух вспыхнул вокруг него яркими пятнышками полуборморока, гудение в ушах усилилось, и шевеление каждой травинки под ветром начало казаться грохотом. Риок, грациозно переступавший копытами, как казалось Гарри, топал, точно бегемот, вбивая оглушительный шум Гарри прямо в уши. Но сквозь этот безумный звон вдруг вновь прорвался удивленный женский, нет, девичий голосок:

— Кто это там на наших камнях, Фиа? Ты видишь его?

Голос прервался ужасающим грохотом копыт, перекрывающим и все остальное: шум ветра в траве, перетаптывание на месте Риока и радостный возглас самого Гарри, не ожидавшего такой удачи: неужели он действительно смог услышать чьи-то мысли? Он был готов расцеловать незнакомую ему девушку, которую еще даже не было видно, за невольное участие в таком успешном эксперименте. Гарри представил себе это зрелище и невольно хмыкнул. Хорошо, если она — не урод. Кстати, девица-то, кажется, тоже на лошади, забавно, здесь в этой болотистой провинции все передвигаются этим древним способом? Он потряхнул головой, освобождаясь от остатков гудения в голове и, на всякий случай, отодвинулся подальше за камень. Уже находясь в нормальном состоянии, он мог слышать стук копыт небольшой грациозной лошади, не такой крепко сбитой, как Риок или Зигзаг, совсем молоденькой лошади. Гарри осторожно выглянул из-за камня и увидел, как к камням, за которыми он прятался, быстро скачет легконогая белая лошадь с всадницей в седле. На плече девушки забавно подпрыгивала длинная светлая косичка. Риок, завидев незнакомую лошадь, игриво и радостно заржал.

— Гарри?!

Черт возьми, да я же знаю ее! Это же, как ее там... Сьюзен Боунс! Староста Хуффльпуффа. Точно, она! Но что она здесь делает, да еще и верхом?

Девочка крепкой рукой остановила свою лошадку и спрыгнула на землю. Сью, вероятно, оказывавшая предпочтение магловской одежде, была одета вовсе не в мантию, а в обычные джинсы и сапоги для верховой езды. Желтая с черным куртка (цвета Хуффльпуффа, почему-то подумал Гарри), болталась мешком на ее худенькой фигурке.

— Гарри, — пораженно повторила она. — Привет! Как ты здесь оказался? — Она тоже была чрезвычайно удивлена встречей.

Сьюзен была явно рада его видеть. Гарри, еще неделю назад не спавший ночами, представлявший, какие слухи будут о нем сейчас ходить среди учеников Хогвартса, обнаружил, что Сьюзен не выказывает никакого страха или сомнения перед тем, здороваться ли с ним вообще. Она улыбалась и протягивала ему руку — жест открытого приветствия, и Гарри горячо пожал ее.

— Здравствуй, Сьюзен. Да, я живу здесь неподалеку, вот и...

— Живешь? — удивленно переспросила девочка. — Странно. Я тоже живу здесь неподалеку, причем с самого рождения, и почти каждый день езжу сюда, но никогда тебя не встречала!

— Это потому что я живу здесь недавно, — объяснил Гарри, вновь вскакивая на теплый камень. — А сюда обычно приезжаю рано утром, еще до рассвета. Мне так больше нравится, по утрам здесь совершенно особенно себя чувствуешь.

— А, так вот в чем дело, — лицо у Сьюзен прояснилось. — Я-то обычно приезжаю после обеда, утром у меня много дел по дому. А ты живешь в Хитмарше?

Гарри засомневался, стоит ли раскрывать его местожительство. Сьюзен, конечно, тихая приятная и честная девочка, невозможно, чтобы она выдала кому-то место, где он живет, но, с

другой стороны, все хуффльпуффцы так легковверны и простодушны... она может сделать это нечаянно. Поэтому он ограничился кратким и неопределенным пояснением:

— Ну, вроде...

— А наш дом по ту сторону болот, всего лишь две мили, — Сью махнула рукой куда-то в ту сторону, куда мисс Эвергрин ходить Гарри строго запретила. — Возле Флауэрмура.

Название ничего Гарри не сказало, но он невольно позавидовал самостоятельности Сьюзен.

— Как же ты едешь по болотам? Это очень опасно. Твои родители знают об этом?

— Папа все знает, — кивнула Сью, похлопывая свою аккуратную лошадку по белому боку. — Я с пеленок езджу верхом по нашим полям и болотам, и со мной еще ничего пока не случилось. Да и кто может меня напугать? Здесь никого не бывает, — последнее она произнесла с оттенком грусти.

— А разве твоя мама...

— Мама умерла. Уже почти семь лет назад.

— О, прости, пожалуйста, — стушевался Гарри.

— Ничего, — спокойно ответила Сьюзен. — Это уже не так больно, как раньше. Нам с папой, конечно, сначала было тяжело, но смерть — это смерть, от нее никуда не денешься и ничего с ней не поделаешь.

Гарри поразило, как просто и бесхитростно Сьюзен Боунс смогла охарактеризовать то, что своим призраком пугало его все эти годы. Сейчас она, наверное, спросит меня о том, как погибли Чу, Фред или Хагрид, в ужасе подумал Гарри, представляя себе, какие дикие слухи ходят об этом.

— Я, наверное, должна принести тебе свои соболезнования, Гарри, — действительно, начала Сьюзен.

Ну вот, так я и знал!

— Я знаю, Фред Уизли был твоим другом, — просто сказала Сью, перебрасывая косичку с одного плеча на другое. — Мне очень жаль, что он умер. Для его родителей это, конечно, очень тяжело.

— Да, я был на похоронах, — пробормотал Гарри, изо всех сил желая провалиться под землю. — Его мама и папа это с трудом пережили.

— Он был хорошим парнем. И иногда помогал Джастину с Заклинаниями, — заметила Сьюзен. На удивленно поднятую бровь Гарри она отреагировала легким румянцем на щеках. — Ну, ты же его знаешь, Джастину Финч-Флечли.

— А, Джастин, — Гарри обрадовался возможности сменить тему. — Да-да, конечно, знаю! А он что, твой... э-э-э...

— Ну, мы встречаемся, — объяснила Сьюзен, теребя уздечку. — Иногда. Он сейчас с семьей гостит у Эрни Макмиллана, ты, наверное, знаешь, сейчас Министерство расселяет семьи маглорожденных волшебников среди их знакомых колдунов, чтобы оградить от нападения.

— Знаю. Моя подруга Гермiona Грэйнджер с папой и мамой тоже живет у Уизли.

— Гермiona милая. И очень умная. Мне хотелось бы подружиться с ней поближе, — искренне сказала Сьюзен. — У меня почти нет подруг, и...

— А как же Ханна Эббот? — удивился Гарри, краем глаза поглядывая на Риока, который совершенно по-человечески жадно скалился на белую лошадку Сьюзен. — Мне казалось, что вы неплохо ладите, — Ханну Гарри не очень-то жаловал за невыносимо длинный язык, склонный к ядовитым и далеким от истины сплетням, которые она в изобилии разносила по Хогвартсу с помощью многочисленных задушевных подружек, среди которых, как он вспомнил только сейчас, Сьюзен Боунс не было.

Сью промолчала, почему-то неожиданно изменив мнение Гарри о *некоторых* девочках из Хуффльпуффа. Возможно не все они — глупые пустышки. Гермiona была высокого мнения о Сьюзен, а ей Гарри доверял. В повисшей между ним и Сью паузе он внезапно вспомнил, что ее бабушка и дедушка, как и его родители, тоже умерли от проклятия Вольдеморта. У них было что-то общее: у него и этой тонкой белокурой девочки с глубокими серыми глазами, в которых пряталась странная тоска.

Молчание прервал Риок, игриво ткнувшись в бок лошади Сью длинной хитровой мордой. Лошадка брыкнулась и прынула в сторону, ответив Риоку мелодичным ржанием. Гарри воспользовался случаем, чтобы найти новую тему для беседы:

— А как зовут твою лошадку?

— Фиа. Это моя собственная лошадка. Я ее выбрала два года назад в Гудвуде, и папа мне ее купил. Знаешь Гудвуд? Там каждый год устраивают замечательную выставку лошадей!

Гарри ударило воспоминание о Чу Чэнг. Она тоже любила лошадей и мечтала их разводить. Только летающих. Впрочем, если Чу о лошадях всегда говорила не только с любовью, но и энергичной практичностью, иногда смущая этим Гарри, то Сьюзен, и это было заметно, *просто* любила лошадей.

— Нет, никогда не был в Гудвуде.

— А кто тогда покупал этого коня? Замечательный, просто красавец! Как его зовут?

— Риок. И его не я выбирал. Он родился четыре года назад от Ройсин и Зигзага, лошадей моего опекуна.

— Риок — древнее имя, — Сью с уважением посмотрела на Гарри. — Ты с опекуном живешь? Он хороший человек?

— Вообще-то, это не он, а *она*. С нами еще живет ее э-э-э... жених, — Гарри было неловко. Сейчас Сьюзен обязательно спросит, как зовут эту женщину, и что прикажете ей ответить? — Они оба просто замечательные. До этого я жил с дядей и тетей, они маглы, так что мне несладко приходилось, но теперь все просто прекрасно. У нас собственный дом здесь неподалеку, есть замечательный старый сад, лужайка и конюшня с лошадьми и семейством порлоков, — быстро сказал он, чтобы опередить вопросы Сьюзен. Впрочем, Сью благоразумно не стала вдаваться в подробности о его родственниках. Многие из учеников Хогвартса знали, что семейство маглов, в котором живет знаменитый Гарри Поттер, может побить рекорд по тупости, наглости и злобности. — А какой дом у тебя? Вы живете в деревне или...

— Нет-нет! — быстро ответила Сью, накручивая косичку на палец. — Папа работает в Отделе по защите редких магических растений в Министерстве Магии, и мы разводим у себя много разных волшебных трав, занесенных в Большую Полосатую Книгу. При такой профессии лучше держаться от маглов подальше, не правда ли? Ведь они могут случайно наткнуться, к примеру, на незрелых мандрагошек и пострадать! Или Ромовая Ромашка, ты знаешь, от нее идет такой стойкий запах спирта, что можно опьянеть: она тоже очень вредна. Или Кусачий Колокольчик...

Гарри понял, что Сьюзен села на своего любимого конька. Он знал, что она — лучшая ученица профессора Спаржеллы и прибегает помогать своему декану в теплицах даже на переменах.

— Тебе так нравится возиться с деревьями и цветами?

Сью почему-то отвела глаза, и ее рука, перебирившая сбрую нетерпеливо переступавшей лошади, почему-то дрогнула.

— Ну, в общем, да... Слушай, Гарри, а, может, ты сейчас заедешь к нам в гости? Это недалеко, и я смогу показать тебе наш сад, голубятню и конюшню! — Сью понемногу оживилась. — Ты ужинал?

— Нет еще.

— Так у нас и поужинаешь. Соглашайся, а если твои опекуны будут волноваться, мы пошлем им записку.

Гарри как следует обдумал предложение. Уходить не слишком далеко от дома было не так страшно: Глориан заверил его, что если что-нибудь будет угрожать Гарри, то он, эльф, сразу это почувствует и придет на помощь. Но сможет ли Глор узнать, что с ним стряслась беда, если он будет в нескольких милях? Гарри мысленно проклял Вольдеморта и свою негодящую жизнь еще и за то, что постепенно научился доверять людям. Хотя, что с ним может случиться у Сьюзен? Вряд ли она или ее отец — шпионы Вольдеморта. Но у тебя даже нет палочки, противно шепнул ему внутренний голос, ты не сможешь себя защитить. Решение требовалось принять немедленно, потому что Сьюзен ждала, вежливо склонив голову, а рядом приплясывал застоявшийся Риок. Опасность, опасность...

Плевать.

— Сьюзен, если ты обещаешь провести нас по болотам без потерь, то я, пожалуй, соглашусь, — ухмыльнулся Гарри.

— Идет! — обрадовалась Сью. — Только когда мы доедем до кромки болота, слезай с коня и веди его на поводу, а то он у тебя горячий и может сбросить, если оступится или испугается.

— А чего бояться-то? — Гарри вежливо придержал Сьюзен стремя, пока она взбиралась на свою лошадь.

— Финтиплюхов тут тьма-тьмущая, — небрежно сказала Сьюзен, давая Фиа шенкелей. — Но, моя хорошая! Едем домой!

Болота оказались на удивление красивейшим местом. Поросшие дроком, осокой и дикими ирисами, они были похожи на шикарные полотна импрессионистов, которыми Гарри любовался у Тэйта в прошлом году. Разнообразных оттенков кляксы мха, напоминающие бархатные подушки,

встречались тут и там; стоило на них наступить, под ними начинала подозрительно плескаться зеленоватая жижа. Лягушки всюду упражнялись в хоровом пении, с неба им солировали жаворонки, а из зарослей камыша изредка раздавался надрывно-печальный голос выпи. Болота жили своей собственной жизнью, и совсем не казались грозными при свете дня. Однако, лошадь, управляемая Сьюзен, шла осторожно, переступая копытами по узкой тропинке между зарослями камышей, тщательно, как акробат на канате, так что Гарри волей-неволей пришлось прислушаться к совету Сьюзен, попросившей его идти след в след за ней. Риок недовольно пыхтел и отчаянно хотел скакнуть куда-нибудь в кусты, так что его приходилось удерживать изо всех сил. Единственное, что его удерживало от необдуманных вредных поступков, это кокетливо помахивающий ему, аккуратно расчесанный хвост Фиа.

Скоро болота кончились, и вновь потянулись луга. Гарри вскочил в седло и поскакал за Сьюзен, весьма лихо управляющейся со своей лошадью. Минут через двадцать вдалеке показалась купа темных сосен, а за ними мелькнул небольшой коттедж с красной черепичной крышей. Стены коттеджа были полускрыты разнообразными пушистыми кустами, с которых свисали яркие желтые и темно-красные цветы. Неизбежная в любом английском саду живая изгородь плавно огибала дом со всех сторон. Подъехав к дому поближе, Сьюзен и Гарри проскакали еще немного вдоль зеленых стриженных кубиков боярышника и, наконец, остановились возле старой акации, первые кисточки зеленовато-белых цветов с которой свисали прямо над калиткой.

— Ну, вот мы и дома! — восторженно воскликнула Сьюзен, ласково потрепав Фиа по гриве. Гарри спешил и помог Сью спрыгнуть с лошади. От нее пахло сладким ароматом акации, а может, это пахло от цветов, он не разобрал хорошенько. — Спасибо, Гарри. Добро пожаловать!

— А лошади? — забеспокоился Гарри. — Ты говорила, что у вас есть конюшня, может, отведем их туда сейчас, расседлаем?

— Нет, Уолли сам сделает. Он обожает возиться с лошадьми, словно порлок. Уолли — наш домовый эльф, — пояснила Сью, привязывая Фиа к калитке. Гарри последовал ее примеру. — Старый ужасно, он еще моего дедушку нянчил.

— Разве эльфы живут так долго? — изумился Гарри, бредя за Сьюзен к дому по посыпанной песком тропинке, вившейся между кустами жимолости и незнакомыми Гарри высокими пушистыми метелочками, несомненно, волшебных растений. Похожие на хвощи, они шевелили длинными мягкими иголочками сиреневого цвета и, казалось, перешептывались между собой.

— Я читала, что Древние Эльфы жили еще дольше, по несколько сотен лет, — ответила Сью, ковыряя волшебной палочкой в дверном замке. — *Алоомора!* Ну вот... О чем это я? Ах, да, Уолли! Нет, такое теперь не часто случается. Уолли — центр нашего дома, этаким древний патриарх, который оберегает наш с папой покой. Пока он с нами, ничего не может случиться. Уолли, я уже дома!, — крикнула Сьюзен, переступая через порог и наклоняясь, чтобы снять обувь.

Гарри поспешил последовать ее примеру, пока его не обвинили в том, что он жуткий грязнуля. Как только ботинки заняли свое место в углу, посреди комнаты немедленно материализовался маленький сгорбленный домовый эльф в носке, надетом на шишковатую сморщенную головку подобно ночному колпаку. Длинной седой бородой, путающейся в ногах, он напомнил Гарри Дамблдора, однако, вместо роскошной мантии, расшитой золотом, он носил полосатую пижамку и веселенький фартук с изображением котят, играющих в квиддич.

— Мисси Сью, давайте я заберу ваши туфли, — скрипнул эльф и шустро прошмыгнул к порогу между ног Гарри. — И ваши, молодой господин! Мисси Сью, ужин...

— Уолли, милый, я сама справлюсь, не беспокойся! — Сьюзен стягивала свою бесформенную желтую куртку, под которой внезапно обнаружилась удивительно тонкая, гибкая фигурка. — Познакомься, Уолли, это — Гарри Поттер.

От удивления Уолли выронил обувь прямо на чистый ковер. Он открывал и закрывал рот какое-то время, а потом бросился к Гарри и начал страстно пожимать ему руки. Уолли был куда старше Добби, но ретивостью напомнил Гарри его старого знакомого.

— О *великий* Гарри Поттер! Гарри Поттер — освободитель! Гарри Поттер у нас в доме, *какая честь!!!* — бубнил эльф, бешено трясая руку Гарри, так, что парень испугался, что она совсем отвалится и отчаянно пытается приложиться к ней с горячим поцелуем. — Ради такого случая Уолли сам приготовит праздничный ужин! *Сам!* — грозно зыркнул он на Сьюзен, направляющуюся куда-то в недра темноватого коридорчика, наверное, там была кухня. — *Сам*, я сказал, мисси Сью! — эльф бросил облизывая руку Гарри и понесся вслед за Сьюзен, по дороге сослепу гулко вписавшись в шкаф с такой силой, что в нем зазвенела посуда. Затем Гарри услышал, как

Уолли громко препирается со Сьюзен на кухне: они шумно решали, кто из них будет готовить угощение. Этот эльф явно тоже не желал выделяться из большинства, считающего хозяев не вправе заниматься домашними делами. Но Уолли, пользуясь своим положением хранителя семьи Боунс, подумал Гарри, кажется, считал своих господ своей полной собственностью и привык командовать ими, как пожелает. Для их же блага, разумеется. Гарри хмыкнул и под аккомпанемент разборок на кухне принялся разглядывать комнату.

Она была чем-то, вроде, помеси столовой и гостиной. Светлая мебель, большой широкий обеденный стол с мощной кедровой столешницей. Прозрачные зеленоватые занавески на окнах. Бархатный диван и кресла с зеленой, чуть вытертой обивкой. Повсюду вазы с цветами или другими растениями, а на стене — картины, тоже изображающие цветы в различных ракурсах, огромные розы, скромные букетики фиалок, рядом с фотографией, где Сьюзен, которой никак не могло быть больше десяти лет, гордо демонстрировала огромного мандрагошку, наверное, выращенного ею самой. В атмосфере комнаты Гарри ощутил тонкий, чуть заметный запах свежей травы, витающий повсюду. Ему почудилось, что он не в доме, а все еще в поле, где со всех сторон к нему ласково тянутся цветы и травы. Гарри, оглядываясь, присел на диван и... ой! — что-то острое жестоко впилось ему в нижнюю часть. Поморщившись, Гарри вытащил из-под себя небольшой обломок ветки. Он поднес ее к глазам и рассмотрел: палочка, как палочка, что только она здесь делает? Оглядевшись, он вдруг понял, что такими же небольшими кусочками дерева усыпана вся комната. Они лежали на столе и прятались за диваном, выглядывали из-за шкафа и осыпали книжные полки. Странно. Гарри поднес палочку к глазам и стал рассматривать ее. Ветка как ветка: с одной стороны несколько отростков, покрытых почками, а с другой... Гарри повнимательнее разглядел другой конец веточки и понял, что, собственно, это не просто ветка, а маленькое дерево, саженец, с другой стороны которого свисали крохотные корешки. Зачем они разбросаны у Сьюзен Боунс по всей комнате?

— Гарри, прости, что задержалась, — Сьюзен входила в комнату, неся большую супницу. Перед ней с видом, выражающим крайнее неодобрение на сморщенном древнем личике, спешил Уолли со скатертью и тарелками в руках. Домовый эльф торопливо расстелил скатерть на большом обеденном столе, и тарелки сами запрыгали по ней, за ними последовали ложки, вилки и чашки, а напоследок из кухни прилетело большущее блюдо с пирожками. Уолли отодвинул стул для Сьюзен, потом для гостя и с поразительно важным видом начал трясущимися от старости ручками повязывать им салфетки. Гарри и Сьюзен тряслись от смеха.

— Я бы с удовольствием миновала эту процедуру, — шепотом поведала Сьюзен Гарри, который отчаянно пытался ослабить завязанный домовым эльфом крепкий узел. — Но Уолли так старомоден, что ни в какую от нее не откажется, а обижать его мне не хочется.

— Что вы сказали, мисси Сью? — сурово поинтересовался Уолли, наострив длинные уши. Он, пытаясь, возился с большим куском вареной говядины, которая была чуть ли не вдвое больше его самого. Мясо выскальзывало из-под ножа и причиняло старику кучу неудобств.

— Ничего, Уолли. Может, я сама порежу мясо? Сходи пока принеси еще салфеток. Хотя, нет, я сама...

— Нет-нет, мисси! Уолли сам принесет! — воскликнул эльф и, бросив мучиться с несчастной говядиной, упорхнул на кухню.

— Сработало, — ухмыльнулся Гарри. Они со Сьюзен переглянулись, и Гарри, вспомнив, что у Дурслеев было принято, чтобы мясо разрезал мужчина, то есть, дядя Вернон, потянулся к блюду.

— Не беспокойся, Гарри, я все сделаю!

— Да что ты, Сью, мне не трудно, — Гарри со знанием дела орудовал ножом и вилкой, а от дверей кухни за ним с ревнивым неодобрением наблюдал Уолли, нагруженный фунтом салфеток. — Да, я хотел тебя спросить, ты что, выращиваешь сейчас какие-то саженцы? Прости, я, кажется, нечаянно сел на один из них на диване.

Сьюзен вспыхнула до корней волос.

— Уолли, тебе не трудно было бы расседлать лошадей и приготовить папин костюм на завтра? — она затеребила руками салфетку на шее и с надеждой взглянула на домового эльфа. — Он сегодня поздно вернется, а завтра ему надо рано вставать.

— Сию минуту, мисси, — Уолли важно удалился, путаясь в длиннющей бороде, а Гарри с интересом взглянул на Сьюзен поверх ложки с супом. Кажется, она не хотела говорить об этих ветках в присутствии Уолли. Но почему?

— Ты от Уолли что-то скрываешь? — осторожно спросил Гарри, беря с блюда пирожок.

— Боюсь, он разболтает папе, — сокрушенно призналась Сьюзен. — У него в последнее время столько работы, да к тому же все эти слухи в Министерстве... Вольдемо... Ну, короче, я не хочу его волновать. А Уолли расскажет ему, если сочтет, что это мне угрожает.

— Тебе что-то угрожает, Сью? — Гарри напрягся.

— Да нет, в общем-то. Я уже написала профессору Спаржелле, и она меня успокоила, думаю, это не опасно, — отставив тарелку с супом, Сьюзен задумчиво вертела в руке ложку, не глядя на Гарри. — Она объяснила мне, что в таком возрасте могут проявляться новые волшебные способности.

Вот это да! И у нее тоже?

— Новые способности? Какие? — Гарри с интересом посмотрел на девушку. Сьюзен Боунс немного помялась, но потом оценивающе взглянула на Гарри, точно решая, стоит ли ему это знать. Видимо, он внушил ей доверие.

— Смотри, — решительно сказала Сью. Она вытянула руку с ложкой перед собой и пристально посмотрела на длинный кусочек металла. Сначала Гарри не мог понять, что делает Сьюзен, потому что ничего не произошло, но потом он пораженно заметил, что ложка в руке у Сью задвигалась, изменяя свою форму. Сперва она дернулась вверх, вытягиваясь еще больше, потом потемнела, окрасившись в цвет дубовой коры, пустила несколько побегов, на которых тотчас же набухли почки, а под конец из кулачка Сьюзен, сжимающего преобразившуюся ложку, протянулись тоненькие нитки корней. Преобразование было завершено, Сьюзен Боунс осторожно держала двумя пальцами небольшое растение. Отросток дуба, как понял Гарри по крохотным изогнутым как скрипки листикам. Гарри был в шоке.

— Что это, Сью? Что ты сделала с ложкой?

— Сама не знаю Гарри! Это теперь происходит почти постоянно, стоит мне только сосредоточиться. Иногда, когда я о чем-то думаю или отвлекаюсь, предметы сами преобразовываются в моих руках, даже если я этого не хочу! Я извела в доме все перья и карандаши, ты как раз сел на один из них на диване. Пришлось потихоньку от папы покупать ложки и вилки, потому что их количество тоже убавилось. Уолли что-то заподозрил, но пока молчит. А я сама уже почти смирилась с тем, что все небольшие длинные твердые предметы в моих руках могут внезапно превратиться в ростки: подсвечники, ножи, расчески... И я никогда заранее не знаю, какое деревце появится на свет. Причем, если, вот, видишь, немножко соскоблить кору, то можно увидеть, что ложка так и осталась внутри, металл блестит! И, тем не менее, если эту штуку посадить, она прорастет, я уже пробовала! Профессор Спаржелла обещала научить меня контролировать этот процесс, только я не знаю, что из этого может получиться, — Сьюзен быстро говорила и ужасно нервничала. Гарри понял, что у девочки накипело, и она готова все рассказать первому встречному, ему, например, чтобы только не держать больше эту тайну в себе. Он перегнулся через стол и взял ее за руку.

— Не переживай, Сью. Кто знает, может, это пригодится тебе когда-нибудь.

— Ох, Гарри, честное слово, ты сейчас говоришь, как один из слизеринцев!

Слова Сьюзен напомнили Гарри, как сортировочная шляпа пинками пыталась загнать его в Слизерин, он отпустил ее руку и нахмурился. К тому же они заставили его память странно напрячься, точно он уже их слышал раньше, только где и когда? Сьюзен же, приняв его замешательство за обиду, покраснела:

— Прости, Гарри, я не хотела... Ах, почему я такая глупая, все время ляпну что-то не то!

Неловкий момент, в течение которого Гарри думал, почему он не обижается на Сьюзен, когда, будь на ее месте, например, Рон, он бы тут же выскочил на него, Сью прервала смущенным предложением:

— Может, пойдём, посмотрим нашу голубятню, Гарри? Хочешь?

— Конечно, хочу!

Они вышли из дома, и Сьюзен повела его вокруг домика, обсаженного кустами черемухи. Обогнув тщательно огороженную частоколом клумбу, из-за которой коварно высовывались загребущие лапы хищного Плюющегося Плюща, Сьюзен подошла к небольшому домику, похожему на совяльню, только высоко поднятому над землей на четырех балках. Внутри домика было темно и что-то шумно возилось. По приставной лесенке Гарри забрался наверх следом за Сьюзен, и его тут же оглушил птичий гомон, ослепил туман бесконечных белых трепещущих крыльев и летающих в воздухе перьев. Сверху на Гарри спикировал большой белый голубь с рыжеватым хохолком и попытался приземлиться ему на голову, но соскользнул и плюхнулся прямо в руки парню. Гарри осторожно держал его в руке, боясь сдавить слишком сильно, но,

казалось, голубю только доставляет удовольствие находиться в руках человека, а когда Гарри осмелел и решительно почесал ему горлышко, голубь важно и довольно заворковал.

— Это — Пик, мой почтовый голубь, — смеясь, сказала Сью. — Он всегда такой. Обожает сидеть в руках, совершенно ручной.

— Пик? Забавное имя! — Гарри вспомнил, какие экзотические имена были у сов семейства Уизли.

— Вообще-то, его полное имя Пикассо, но это слишком длинно!

— Ха, Пикассо... — не так давно, роясь в библиотеке мисс Эвергрин, Гарри наткнулся на альбом этого художника, и теперь мог не ударить в грязь лицом и не спрашивать глупо, почему Сьюзен так назвала голубя. — А сову моего друга Рона Уизли зовут Свинринстель! Круто, правда?

— А как же он его называет для краткости? — расхохоталась Сью, стряхивая с себя птичьи перья. — Это же не имя, а скороговорка какая-то!

— Он зовет его Свин! — подавился хохотом Гарри. Они смеялись так громко, что распугали остальных голубей, и перепуганные птицы стали с шумом выпархивать из голубятни в постепенно сгущающуюся голубоватую дымку летнего вечера, спасаясь от сумасшедших людей, на которых напала охота посмеяться именно в их, голубей, уютной голубятне. Шли бы уж куда-нибудь в другое место, это было у Пика написано прямо на клюве. Разошедшийся не на шутку Гарри размахивал рукой с зажатым в ней голубем, однако, Пик с суровым видом профессионального мученика все сносил, печально топорщив свой хохолок. При одном только взгляде на голубя Сьюзен и Гарри расхохотались еще сильнее, Сью вытирала слезы тыльной стороной руки, а Гарри, будучи больше не в силах сжимать голубя в руке, выпустил его, и Пикассо с сокрушенной миной присел на жердочку и принялся ликвидировать последствия такого грубого обращения с собственной особой. Он почистил перышки, встряхнулся и недовольно забулькал, распушив горло.

— Ох, и весело же тебе здесь живется! — смог, наконец, вымолвить Гарри, когда они отсмеялись. — Честное слово, я тоже так хочу! А то единственным развлечением за последние дни стала клетка моей совы, опрокинутая мне на голову сумасшедшим вороном!

— Сью! Эй, дочка, ты дома? Сью, ты где, на голубятне? — незнакомый голос взрослого мужчины несколько отрезвил и даже напугал Гарри. Его рука привычно дернулась в карман за палочкой, но палочки в нем не оказалось, поэтому Гарри только сжал пальцы в кулак и осторожно притих, вцепившись в голубиный насест. Сью с удивлением наблюдала за его реакцией.

— Да не волнуйся ты так, Гарри, это же мой папа!

Гарри расслабился. Сколько же можно жить в ожидании нового нападения? По-видимому, Сью, не зная многих перипетий его жизни, о чем-то догадалась, поэтому не стала над ним смеяться. Они открыли дверцу и спустились вниз, где у подножия голубятни их уже ждал невысокий мужчина с пушистой взлохмаченной шевелюрой, светлыми баками и простодушными добрыми глазами, скрытыми за стеклами таких же очков-велосипедов, как и у Гарри. Мужчина был одет в потертую форменную мантию Министерства Магии с зеленой нашивкой на рукаве, что означало, как когда-то ему рассказывал мистер Уизли, что колдун работает в подразделении, занимающемся контролем над магическими растениями или животными. Такая же нашивка была и у мистера Диггори.

— Сьюки, дочка, это твой приятель? — незнакомый мужчина снял очки, протер их подолом мантии и подслеповато прищурился. — Добрый вечер. О, это не Джастин? Простите, я сперва принял вас за ее друга Джастина Финч-Флечли, — начал извиняться он.

— Добрый вечер, сэр, — смущенно выдавил Гарри, не зная, куда девать свои руки. Наконец, сообразив, он протянул одну из них и пожал мягкую ладонь отца Сьюзен.

— Это м-м-м... Гарри, папа. Гарри Поттер, он учится в Гриффиндоре, — несколько натянуто объяснила Сьюзен, смущенная отцовским приветствием. Гарри почему-то ощутил себя козлом, пробравшимся в чужой огород. Вот черт, что же Джастин подумает-то? Они ведь неплохо с ним ладили... Пока он так мрачно раздумывал о перипетиях своей непростой личной жизни, которой, собственно не было (зачумленный я что ли, сердито подумал он, вон, даже у Джастина есть девушка и, к тому же, такая милая), мистер Боунс всплеснул маленькими натруженными ручками. Под ногтями у него виднелась земля.

— Невозможно! Гарри Поттер у нас в доме! — отец Сьюзен тут же поднял глаза на скрытый за косматой челкой шрам у Гарри на лбу. — Сьюки, почему же ты держишь мальчика на грязной голубятне, немедленно проводи его в комнаты! Гарри Поттер, какая честь... Мальчик-Который-

Выжил — у нас в гостях! Невероятно! Приятно познакомиться, молодой человек, я — Эммет Боунс, — шевелюра мистера Боунса встопорчилась от возбуждения, и он бы еще долго восторженно бормотал что-то себе под нос, но тут его оттеснила Сьюзен.

— Па, — грозно сказала она, возмущенно встряхивая белой косичкой. — Перестань! Это всего-навсего Гарри, мы вместе учимся. Ты же не орал, как резаный, когда ко мне приезжали Эрн и Джастин.

— Но, милая, это же совсем другое дело!

Маленький мистер Боунс показался Гарри немножко чокнутым, но приятным человечком. Сидя в гостиной, они обсуждали квиддич и быстро нашли общий язык (Эммет Боунс когда-то был ловцом Хуффльпуффа и учился вместе с мистером Диггори). Гарри не мог поверить, как такой на удивление скромный простодушный растяпа мог получить Кубок Школы в 1976 году, хотя и не высказывал этого подозрения вслух. Однако, мистер Боунс, светясь, как начищенное Уолли серебряное блюдо с эклерами, извлек из недр старинной горки большую награду (изрядно проржавевшую с одной стороны) и предъявил ее, как доказательство. Пришлось поверить.

— А после того, как я закончил школу, меня звали играть в юношескую сборную страны, но я решил, что лучше уж поддержать семейную традицию. Видишь ли, Гарри, в нашей семье все любили возиться с деревьями и цветами, почему бы я стал ломать этот обычай? Что может быть приятнее, чем слушать, как разговаривают цветы? А у каждого из них есть свой голос, да-да! Ромовые Ромашки говорят невнятно и с сильным валлийским акцентом, Танцующий Тюльпан любит разговаривать только, когда ему включают филладельфийский джаз, а Хрустальная Хризантема шепелявит и изъясняется хокку...

— Папа, тебе пора ужинать, — мягко напомнила Сьюзен, прерывая бесконечную речь отца, ставя перед ним тарелку супа. Уолли, тряся подбородком и, соответственно, длинной бородой, уже подталкивал мистера Боунса к обеденному столу. — К тому же Гарри может не понравиться, что ты говоришь только о своей работе.

— Нет, что ты, Сью, мне очень интересно! — воскликнул Гарри с восторгом слушавший Эммета Боунса. — Хотя, — спохватился он, с ужасом воззрившись на заглядывающий в окно юный серп луны, — мой опекун и ее жених, наверное, уже с ума сходят. Я же не сказал им, куда поехал, а сову мы послать забыли... Чувствую, что мне сегодня порядочно влетит.

— Ну что ты, Гарри! — воскликнул мистер Боунс, захлебываясь супом. Уолли, сердито покачивая головой, принялся шлепать его кулачком по спине. — Я могу сам тебя проводить! Вот только... хрррмм... доем, и мы через камин быстренько! Я скажу, чтобы тебя не ругали!

— Спасибо, сэр, я на лошади, не засовывать же Риока в камин.

— Но Гарри, как ты собираешься ночью ехать верхом через болота? — испугалась Сьюзен. Ее глаза широко раскрылись от страха. — Хочешь, я завтра сама приведу Риока к тебе?

Гарри не знал почему, но он этого хотел.

Когда мистер Боунс, наконец, доел суп и вытряс крошки пирожков из бакенбардов, Сьюзен выстроила их с Гарри перед камином и протянула отцу кружаную муку.

— До встречи, Сьюзен. Рад был с тобой повидаться, но мы же все равно еще увидимся, верно? — Гарри, неожиданно для самого себя, наклонился, и прикоснулся губами к узкой хрупкой ручке Сью. Руче, которая могла по волшебству мгновенно выращивать деревья и цветы. Сьюзен Боунс покраснела, а хранитель семейных приличий Уолли был явно доволен таким викториански вежливым прощанием с дамой и мгновенно преисполнился к Гарри величайшего уважения.

Мистер Боунс обхватил парня за плечи, и Гарри, откашлявшись, произнес:

— Дом профессора Валери Эвергрин!

Он не увидел, как широко и удивленно раскрылись глаза у Сьюзен, потому что брошенная Эмметом Боунсом в огонь горсть кружаной муки повлекла его за собой мимо круговерти разноцветных огней каминов в тот единственный, который ему был нужен.

Они с мистером Боунсом дружно шлепнулись в облаке пепла на пол, и первое, что увидел Гарри, были ноги Глориана Глендэйла в уютных домашних тапочках с кисточками. Древний Эльф, мирно покачивая ногой, что-то писал на листе пергамента. Гарри успел увидеть аккуратные витиеватые строчки, и тут же чихнул от набившегося в нос пепла. Мистер Боунс громко высморкался и зашарил в камине в поисках своего левого ботинка.

— Гарри, — приветливо и совершенно спокойно сказал Глориан. — Рад, что ты, наконец, появился, а то Винки хотела вызывать Валери и, в придачу, еще и команду авроров. Решила, что тебя похитили. А ты, оказывается, в порядке, да еще и познакомился с таким милым лордом!

Эммет Боунс застыл на месте, не обращая внимания на кусочки сажи во взлохмаченных волосах. Он разглядывал Эльфа во все глаза.

— Хм-м-м... Мистер Эммет Боунс — сэр Глориан Глендэйл, — решилсЯ Гарри.

Гипнотизирующие фиолетовые глаза Глора еще раз заглянули в душу «милому лорду».

— Да, Гарри, я прав, исключительно приятный человек этот твой новый знакомый! — с воодушевлением повторил Глориан.

Глава 7. Исполняющий желания.

Профессор Эвергрин вернулась через два дня. Она аппарировала прямо перед калиткой, вызвав бурную реакцию у установленных ей же аппародетекторов, и угодила каблуком в лужу.

— Черт побери! О, хм, привет, Глориан, милый! — она покраснела и замешкалась, вытаскивая туфельку, зачерпнувшую воды, из болотистой хляби. Глориан Глендэйл ухмыльнулся, покачал пушистой головой (нет, она неисправима!) и взял из ее рук тяжелые пакеты.

— Ну, как прошла встреча?

— Встреча прошла так, как и должна была пройти, — устало отозвалась Валери, раздраженно ковыряясь в установленном в спинке садовой скамейки регуляторе аппародетекторов и выключая их зловещий вой. — Но, в общем и целом, новости совсем неутешительные. Была уже утренняя почта?

Гарри, сидящий на крыльце с Хедвигой на плече, замотал лохматой шевелюрой.

— Значит, я сама все расскажу, — она зашла в дом, бездумно бросила туфли в угол, устало вытянула ноги и уставилась в одну точку. — Люди снова стали исчезать.

Гарри вздрогнул, настолько серьезным показался ему ее тон.

— Люди? — откликнулся Глор. — Маглы? Или волшебники?

— И те, и другие. Три дня назад исчез автобус со школьниками возле Лидса. Полиция их искала, но не нашла. А наши авроры, когда прибыли на место происшествия, обнаружили там Смертный Знак. И кошмарные выбросы отрицательной энергии — все горескопы зашкаливали. Ни детей, ни автобус разыскать не удалось. Позавчера пропала группа туристов на Хэмпстэд-Хит — тот же случай, пришлось успокаивать народ, видевший там Смертный Знак, и срочно вызывать бригаду обливиаторов. А сегодня, — она замолчала и вытерла руки грязным носовым платком. Руки мелко тряслись. — А сегодня пропал мистер Олливандер, — добавила она совсем тихо. — Прости, Гарри, я не привезла тебе палочку. Не успела.

— Да при чем тут палочка! — воскликнул шокированный Гарри, роняя Хедвигу. — Вы не предполагаете, что могло случиться с мистером Олливандером?

— Мы уже не предполагаем, а знаем. Упивающиеся Смертью похитили его.

— Это точно? — упавшим голосом переспросил Гарри.

— Сто процентов — они оставили письмо с угрозами. Ужасно не только это: мистер Олливандер очень сильный колдун. Чтобы создавать волшебные палочки, нужна колоссальная волшебная сила. То, что он похищен, доказывает, что к его исчезновению приложил руку сам Вольдеморт, — она откинулась на подушку и закрыла глаза. А потом добавила. — Волшебные палочки делать больше никому. Они убили всех учеников в его лаборатории. Началось.

Гарри и Глориан молчали. Не зная, что сказать, Гарри прикоснулся ладонью к руке Валери Эвергрин. Рука была холодная и мокрая.

— Ч-что сказал Дамблдор?

— А что он мог сказать? — пробормотала Валери. — Он только и делает, что Фуджа успокаивает, хотя, по-моему, Фуджу помогла бы хорошая встряска. Впрочем, все и так настолько серьезно, что даже болгарские авроры, которые приезжали к нам с инспекцией от ММВ, прониклись ситуацией и собираются рекомендовать своему правительству отправить сюда несколько своих бригад из подразделения Международной Магической Взаимопомощи. Григорович собирается отправлять к нам двух специалистов из своей фирмы, но этот плут только руки на нашем несчастье нагреть хочет. Представляю, на сколько этим летом взлетят в цене подержанные волшебные палочки. Гарри, ты не волнуйся, мы обязательно достанем тебе одну, но насчет пера Фокса я ничего обещать не могу. Впрочем, я привезла несколько книг, могут пригодиться, если что, — Валери обессилена порылась в сумке и вытащила стопку брошюр.

Гарри разложил их на столе. *Создай сам свою волшебную палочку! Сердцевины волшебных палочек и их магические свойства. Моя первая волшебная палочка: советы по прикладному конструированию и испытательные упражнения.* Интересный подбор.

— Думаете, я сам смогу создать себе палочку? — с сомнением почесал он в затылке. Очки сползли на нос. — Вы же сказали, что на это способен исключительно сильный колдун!

— Не грех попробовать, — пожал плечами Валери, меланхолично глядя на то, как Винки и Глориан тихо переговариваются по-эльфийски. — Забери пакеты, Гарри, только не заглядывай в них! Там подарки тебе ко дню рождения, завтра их увидишь.

— Спасибо! — он с благодарностью принял пакеты и еле пересилил себя, чтобы тут же не опустошить свертки. Подарки! Настоящие подарки! Его семья... то есть, его опекун дарит ему подарки! Здорово! Он был уверен, что ничего ненужного мисс Эвергрин ему не преподнесет на день рождения, она отличалась исключительным пониманием потребностей шестнадцатилетнего человека.

Он еще раз подумал, как причудливо жизнь распоряжается судьбами людей. Кто-то умирает, кто-то пропадает без вести. А у кого-то день рождения. Жизнь. Странная штука. И, повинувшись непонятному ему самому любопытству, Гарри выпалил:

— А вы встречались с профессором Снейпом, мисс Эвергрин? Как он себя чувствует?

Валери раздраженно передернула плечами.

— Видела я его. Все такой же ехидный и язвительный, даже укус гигантской кобры не изменит его характер. Упертый *зануда*, — буркнула она и принялась листать лежавшую сверху *Мою первую волшебную палочку*. Гарри продолжал смотреть на нее, поэтому мисс Эвергрин неохотно закончила. — Да все с ним в порядке, не беспокойся, Гарри. Такие, как он всегда выплывают.

Это несколько не вязалось с той милой беседой почти у смертного одра профессора Снейпа, которой Гарри был свидетелем. Поэтому он, наплевав на премерзкое настроение Валери Эвергрин, предпочел уточнить:

— Вы его так не любите? — тут он обратил внимание, что Глориан и Винки больше не разговаривают, и Глориан как-то напряженно ждет ответа Валери.

— Гарри, милый, *как можно любить* человека с таким кошмарным характером, скажи, пожалуйста? — раздраженная Валери закуривала сигарету, чего так не любил Глор. Она уже месяц, как бросила, но сейчас ее пальцы нетерпеливо распаковывали новую пачку и нащупывали зажигалку в сумке. Гарри предпочел больше не распространяться на эту тему, встал и понес к двери пакеты. Но тут его настиг вопрос Валери:

— Лучше расскажи, как вы тут справлялись с хозяйством, Гарри? И еще, Глориан учит тебя...

— Мы уже начинаем продвигаться, — вежливо заметил Глор. — У Гарри есть талант к владению оружием. Еще десятка два уроков, и благородный сэ... то есть, этот юноша сумеет пересилить свое нетерпение и станет неплохо обращаться с мечом.

Гарри покраснел от похвалы и от воспоминания о том, как сегодня утром, привычно обходя эльфов фирменный финт слева, представил, что в руках у него — меч Годрика Гриффиндора. Жадное желание Гарри вновь ощутить в руке оружие своего далекого предка, уже осознавая свою связь с ним, довело его до полного ослепления, и Глориан без лишних усилий выбил меч у него из рук, а кончик лезвия сверкнул у гарриного горла. И это называется «*продвигаться*»?

— О, так ты у нас, оказывается, молодец! — Валери Эвергрин просияла. — Надеюсь, ты и в уборке по дому преуспел? Винки не нагружал работой?

— Обижаете, мисс! — звонко пискнула Винки. — Винки — хороший эльф! Она сама со всем справится! — Глориан нахмурился.

— Я прополос грядки с розами, — быстро сказал Гарри. — И выносил мусор. И убрал в своей комнате!

Валери засмеялась. Встала. Рязмяла спину и направилась в библиотеку.

— Я не заставляю тебя напрягаться, Гарри! Я же не тетушка Петунья!

— Да мне не сложно, — смутился парень, вновь взваливая на себя свертки с завтрашними сюрпризами. — Просто не хватает времени на все! С утра мы тренируемся с Глорианом, днем я помогаю Винки и занимаюсь в библиотеке, вечером читаю книги по Защите от Черной магии...

— А после обеда? — внезапно спросила Валери, взявшись за ручку двери своей комнаты. — После обеда ты чем занят? Или просто отдыхаешь?

— Ну, после обеда я, это... езжу на Риоке к камням. Там... очень интересно, — почти не соврал Гарри. Говоря по правде, он уже третий день встречался возле каменного круга со Сьюзен. На следующий день после их встречи она привела назад Риока, удивительно спокойно для такого горячего зверюги отнесшегося к девушке. Потом они вновь поехали к Сью домой и под аккомпанемент суровой воркотни Уолли вместе до самого вечера сажали на особой грядке бывшие карандаши и ложки, болтая о разных пустяках (Гарри старательно избегал говорить о мисс Эвергрин, а Сью тактично не допытывалась, почему его опекун — их профессор по Защите от Сил зла). Это приятно расслабляло, но уже сегодня утром Гарри почувствовал некоторый стыд от того, что снова бросил писать Рону и Гермione, словно бы забыл о них. Еще его мучила необходимость признаться мисс Эвергрин, что в доме у них был посторонний — отец Сью, но у него в горле сразу возник загадочный громадный комок, мешающий говорить. Все равно Глориан

ей об этом сообщит, уныло подумал Гарри, а мне влетит за то, что я позвал в дом малознакомого человека.

К вечеру мисс Эвергрин уже обо всем знала, но, к радости Гарри, восприняла все довольно практично.

— Гарри, Глориан рассказал мне о том, что ты завел себе тут друзей поблизости, — она положила еще масла в кашу и с интересом поглядела на то, как парень заливаётся краской по самые уши. — Правила гостеприимства требуют, чтобы мы тоже позвали их к нам. Глор считает, что мистер Боунс — человек приятный, а Сьюзен мне в этом году очень понравилась. Хорошая, умная девочка. Вернемся с побережья и сразу пошлем им приглашение на обед.

Глориан довольно кивнул. Гарри тоже и подумал, что бы на это сказал Рон? Принялся бы дразнить? А Гермиона? Впрочем, Гермиона — человек не злобный, напротив, Гарри готов был сам с собой поспорить, что она бы сказала что-то, вроде «*как здорово, что Сьюзен сможет позаниматься с тобой этим летом!*» Относительно занятий у Гарри уже возникла кое-какая мысль, но он отложил ее до понедельника.

Рано утром, когда все еще крепко спали, в окно Гарри настойчиво постучал Свинринстель. Он радостно свистнул сонной Хедвиге, встряхнул окончательно отросшими перьями и уронил на лицо Гарри дребезжащий сверток. Не успел Гарри подскочить от неожиданности, как в его окно, суматошно толкаясь, разом вломились еще две совы: обычная амбарная и серая американская, такая порода только недавно вошла в моду. Гарри, удивленно рассмотрев незнакомых птиц, тоже державших в когтях маленькие посылки, сперва распаковал посылку Свина. В ней оказался небольшой брэнчащий мешочек и письмо от Рона.

Гарри, привет, дружисе!

С днем рождения! Я знаю, подарок от Гермионы ты уже получил, а вот этот подарок — от нас с Джинни и Джорджем. Ты бы видел, какое столпотворение было перед нашим хохмазином, когда мы с дядей Джоном вешали вывеску! Уже, кажется, все знают, что мы делаем чесночные бомбы для авроров из Министерства, к нам приходит масса заказов, неизвестно, откуда столько людей узнали, чем мы занимаемся. Так что еще до открытия мы ухитрились распродать половину запасов: Ли Джордан у нас ведаёт службой «Приколы — почтой» и рассылает все заказы клиентам, так что уже сейчас мы заработали столько, что почти окупили три месяца аренды. Твой подарок — 50 галлеонов — твоя доля в нашем предприятии, неплохое начало, верно? Ли с Джорджем безвылазно сидят в подвале хохмазина и делают все новые приколы. Мама недавно была у нас, ей понравилось. Только в подвале душноовато, и ей чуть не стало плохо от запаха чеснока. Джинни и дядя Джон ковыряются в бумажках. Похоже, ей это нравится, хотя я не могу понять, что в этом интересного — сплошная скука.

У нас гостят родители Гермионы. Ее папа замечательный человек! Он знает столько интересных историй, они ужасно подружились с нашим папой, и с ма тоже. Думаю, что мама с папой немного отошли от... того, что случилось, именно благодаря ему. Даже Перси говорит, что Ричард — отличный мужик, а уж если наш Перси оказывается способен на такие эпитеты, значит, к нему стоит прислушаться хоть раз в жизни, не находишь? Мама Гермионы тоже чудесная, честное слово, я никогда не думал, что маглы могут быть такими милыми! Правда, когда они начинают рассказывать, как лечат зубы — бррррр! — мне бросает в дрожь!

Приезжай на открытие десятого августа, мисс Эвергрин тебя отпустит, я уверен!

С приветом,

Рон

Второе письмо было, к удивлению Гарри, от Невилла. Они дружили, но никогда не были настолько близки, чтобы дарить друг другу подарки. Впрочем, особого подарка от Невилла Гарри не получил — только симпатичную музыкальную открытку с гербом Гриффиндора, распеваящую гимн Хогвартса. А письмо оказалось крайне серьезным.

Привет, Гарри.

Я писал Джинни и знаю, что у тебя сегодня день рождения. Поздравляю! Желаю тебе выиграть в этом году кубок школы по квиддичу, думаю, что ты прекрасно справишься!

Знаешь, я пишу еще и потому, что узнал о том, как ты целый год скрывал то, что знаешь о моих родителях. Больше спасибо, что никому не сказал, Гарри, для меня это очень много значит. Мне об этом рассказал дядя Элджи, а я и не знал, что вы с ним знакомы. Он очень странный, мой дядя, но настоящий ученый, так много работает. Ты знаешь, что он работал в магловском университете, чтобы иметь возможность читать магловскую литературу по его специальности?

Я знаю, что не нужно даже просить тебя об этом, но ты же, правда, и дальше будешь молчать о моих папе и маме? Я боюсь, что пойдут глупые слухи (ты же знаешь слизеринцев), а мне не хочется, чтобы они дошли до Ба, она и так сильно переживает.

Желаю тебе хорошо провести праздник! И привет тебе от Тоби.

Невилл.

Гарри тяжело вздохнул. Бедняга Невилл. И он еще нашел в себе смелость открыто написать ему такое письмо. Гарри терялся в догадках относительно дяди Элджи. Все, что он знал о дяде Невилла, было то, что он в невинные годы последнего чуть не уморил мальчика, пытаясь добиться от него доказательства, что он — волшебник. И еще, кажется, Тревора, жабу солидного уже возраста и независимого характера, подарил Невиллу именно этот дядя Элджи. Как я мог познакомиться с ним, ломал голову Гарри, пока его не осенило. Ну конечно же! Кто еще мог знать, кроме членов Ордена Феникса? Даже конкретно одного из них, который переносил Рона и Гермиону портшлюзом в Хогвартс, чуть ли не с того места, где они видели родителей Невилла. Это может быть только Элджернон Джонс! И он действительно ученый. Правда, то, что профессор Джонс работал в магловском университете, Гарри не знал. Так он — дядя Невилла? Забавно.

Последнее письмо Гарри забрал у важно распушившей грудь американской совы, заметив у нее на лапе ленточку с каким-то гербом. Владелец герба моментально обнаружился, стоило только вскрыть письмо.

Гарри!

*С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ! Джордж мне рассказал, что ты сегодня празднуешь, смотри, не напивайся! Я подумала и решила послать тебе подарочек, который тебя развлечет и прекрасно поднимет настроение — такая добыча! Помнишь, нашу прошлогоднюю проделку со Снейпом? Я до сих пор вспоминаю о ней и падаю от хохота — так провести этого злыдня! Так вот, от нее у меня остался на память его носовой платок. Я знаю, дарить платки не принято, но это замечательный сувенир, не находишь? Поэтому прошу взамен об услуге: когда будешь набирать новый состав квиддичной сборной, **не забудь** про меня, ладно? Думаю, охотник из меня получится шикарный!*

Клара Ярнли

PS. Обрати внимание на монограмму — столько имен, кажется, даже у меня нет! Я спрашивала папку, но он говорит, что не знает никаких аристократов по фамилии Снейп. Загадочный он человек, наш Змеюка, не находишь?

Гарри развернул пакетик и обнаружил в нем большой зеленый мужской носовой платок, с вышитыми на нем золотом буквами монограммы: С.А.Г.С. Действительно, имен многовато, но кто знает, мало ли аристократических колдовских фамилий, незнакомых герцогу Ярнли? Гарри был почти уверен, что последняя буква означает не «Снейп», а «Слизерин», но это пока были всего лишь догадки. Он хмыкнул, полюбовался трофеем и аккуратно спрятал платок в ящик стола. Что ж, пора было идти умываться, потому что снизу уже слышался шум открываемых дверей, а из кухни тянуло запахом пирога, значит, скоро придет мисс Эвергрин, и нужно будет собираться и ехать на пляж. Он слышал, как совы с шумом отпихивали друг друга от кормушки, пока он спускался по лестнице.

Они загрузили в багажник провизию, пледы, теннисные ракетки, зонтики от солнца, консервные ножи, салфетки, сумку-холодильник, пляжные полотенца и его подарки (весь вечер накануне Гарри пытался заставить Глориана примерить привезенные для него из Лондона плавки, пока не пришла мисс Эвергрин и не заверила, что и сама прекрасно сумеет объяснить принцу, как это делается) и отправились к ближайшему побережью. Очередной приступ любви к машинам у Валери Эвергрин выразался в новом форде-скорпио цвета кофе с молоком и нежном ворковании по поводу того, как она соскучилась по красивой кожаной поверхности руля и плавно

отжимающейся педали газа. Глориан сидел смиренно и с наслаждением вертел головой, осматривая аккуратные коттеджики и фруктовые сады, заболоченные равнины и редколесные холмы. А Гарри всюду ловил кайф, стараясь не упустить ни единого момента своего счастья: еще бы, пикник в честь дня рождения — такого он не видел за всю свою жизнь. Он решил, что какие бы события ни происходили в волшебном мире, он не должен терять способности радоваться жизни. И сегодня был настроен перевыполнить годовой план по удовольствиям.

Они бросили якорь в маленькой бухточке, узкой и длинной, загибающейся к юго-западу, и вышли на пляж из белых, идеально круглых камешков и сияющего песка, нанесенного недалеким океаном. Бухта оказалась почти пустынной, совершенно не заполненной людьми, вероятно, из-за неудобного расположения: к заливику можно было пройти только по маленькой извивающейся между скал тропинке. Соседями их стали исключительно бывалые хайкеры, всего лишь парочка теплых компаний. Со стороны одной, разбитой почти на горизонте палатки бархатисто мурлыкала гитара, со стороны другой, располагавшейся еще дальше на белых скалах, то и дело раздавались хлопки открывающихся бутылок с пивом. Сама же мисс Эвергрин ухитрилась провести машину в такую узенькую щелочку, что Гарри не верилось, что это вообще возможно. Профессор явно опять занялась своим любимым делом — шутками с пространством. Поставив форд в стороне от любителей рюкзакового спорта и измерения ногами земной тверди Валери вышла из машины, и они с Гарри принялись прикреплять к ней тент замечательного василькового цвета. Глориан подошел к спокойно плещущейся воде и зачарованно уставился на нее, изредка легонько касаясь набегающей волны длинными чуткими пальцами. Позже, расположившись в тени тента, они втроем дружно налегли на бутерброды с огурцами, которые в изобилии припасла для них Винки, а потом Валери Эвергрин, таинственно улыбаясь, извлекла из недр самого большого пакета громадный торт, усыпанный вишнями и апельсиновыми цукатами — под цвет гриффиндорского флага.

— С днем рожденья тебя, с днем рожденья тебя, с днем рожденья, милый Гарри, с днем рожденья тебя! — пропела она, наливая в высокий бокал шампанское из бутылки, которую раскупорила без всякой помощи со стороны Глориана. — На-ка! Учись пить шампанское!

— Э-э-э, а можно? — нерешительно осведомился Гарри. Кроме усладэля он никогда не пил спиртного, но усладэль был куда слабее даже пива, поэтому его беспокойство было понятно. Валери и Глориан переглянулись и усмехнулись совершенно одинаково.

— Можно, конечно!

Гарри пригубил совсем чуть-чуть, и шампанское тут же начало слегка кружить ему голову. Ощущение было почти такое же, как когда он сосредотачивался в поисках чьих-то мыслей — гудела голова, слегка звенело в ушах, и в тело впивались приятно щекочущие иголки.

— А мы пьем пряный медовый напиток, — объяснял ему Глориан, пока Гарри с наслаждением разваливался на полотенце, подставив спину тускловатому, то и дело заходящему за тучки солнцу и дожевывал кусок изумительного торта. — Варим его осенью в больших чанах, разливаем по бочкам и ждем, пока он забродит. Всю зиму бочки так и гудят! А на Зеленый праздник в апреле мы открываем бочки меда прошлогоднего урожая и пьем все вместе.

— Зеленый праздник? А что это такое?

— Мы отмечаем наступление весны, — Глор рассказывал свою историю Гарри, но его глаза почти неотрывно следили за Валери Эвергрин, которая переодевалась в купальный костюм в машине. — Все Древние Эльфы собираются в этот день вокруг самого большого круглого стола в самом большом зале и передают друг другу драгоценную чашу с пряным медом. О, Гарри, наш медовый напиток обладает удивительными свойствами! Он утешает горе, лечит болезни и затягивает любые раны, вселяет храбрость в сердца!.. Настоящее сокровище! Его секрет умрет вместе с нами.

— Он, по всей видимости, с вами и умер, — отозвалась Валери из машины, тихонько щелкая расстегиваемыми крючками. — Никто давно не слышал о таком зелье, которое обладает свойствами панацеи! А жаль: в наши дни оно бы так пригодилось... многим, — она прервала мысли Гарри, покотившиеся куда-то не туда, своим эффектным появлением в крошечном лазурного цвета купальнике. И засмеялась, наконец, прервав ошеловелый ступор, в который мгновенно погрузились оба ее спутника.

— Эй, мальчишки, осторожно, не обожгите себе глазки!

— Г-хм-м-м, простите...

— Гарри, честное слово, ты не походишь на счастливого именинника! А ну-ка, давай, быстро распаковывай подарок!

Гарри, абсолютно забывший о том, что к такому замечательному дню прилагаются еще и подарки, не заставил просить себя дважды и резво закопался в кульки и свертки. Первую упаковку он достал из зеленого пакета с надписью «Хэрродз». В упаковке оказался невероятно красивый свитер из мягкой красной шерсти с логотипом дорогого лондонского магазина, не чета тем простым фуфайкам, которые для него каждый год к Рождеству вязала добрая миссис Уизли.

— Ого!.. Но, мисс Эвергрин, это же безумно до...

— Гарри, тебе нужно перестать одеваться в старые тряпки. Надеюсь, за лето мы сумеем обновить твой гардероб настолько, что ни единой заношенной шмотки Дадли у тебя не останется. За почин! — она весело подняла бокал с шампанским.

В следующем пакете оказалась новая остроконечная шляпа. Вовремя: собственная шляпа Гарри уже давно не налезала ему даже на лоб, съезжала ему на глаза и была прожжена в нескольких местах. Еще один пакет — куча литературы по мыслечтению! Гарри жадно листал новенькие страницы: *Если ты — ментолегуз? Прикладная телепатия: от седой древности до наших дней, Исторический опыт столетнего телепата Скарабея Уолтерса, Самые знаменитые ментолегузы XX века и их роль в магловской политике*. В малюсеньком конвертике, вложенном в последнюю книжку оказалось вежливое извещение о том, что мистер Гарри Поттер подписан на международный еженедельный вестник *Квиддич-Экспресс*, с прилагающимися к нему бесплатными купонами на покупку новой скоростной метлы. У Гарри тряслись руки от ощущения того, что он стал обладателем стольких сокровищ. В последнем, самом маленьком свертке оказался бархатный футляр. У Гарри занялся дух от ужаса: а вдруг там очередное золотое украшение? Медальон Ордена Феникса он привычно носил на шее, но на пляже им вновь овладело неприятное ощущение того, что всем видно, что на нем болтается откровенно девчачья финтифлюшка. Дрожащей рукой Гарри приподнял зеленую крышку и обнаружил там...

— Вот это да!!!

— Нравится, Гарри? — ухмылялась Валери Эвергрин. — Примерь-ка! Думаю, что я правильно рассчитала размер. Но форму я решила оставить ту же. Они тебе нравятся?

Еще бы! Старые очки уже давно сильно жали Гарри за ушами, и он периодически прибегал к Растягивающему заклятию, чтобы увеличить их, или Восстанавливающему заклятию, чтобы вставить постоянно бившиеся на тренировках стекла. Новые очки смотрелись неприлично дорого, и Гарри, всю жизнь довольствовавшегося чужими обносками, они поразили тем, что теперь были его собственностью. Все те же «бабушкины» очки-велосипед, но новые, они выглядели куда более стильно, сверкали блестящей оправой (Гарри от всей души понадеялся, что она хотя бы не золотая) и блестели стеклами. Он осторожно вытащил очки из коробки и аккуратно надел их. Видно в них все было замечательно, а немного широковатая дужка тут же сжалась до нужного размера.

— Ну как, дорогой? По носу? Откровенно говоря, ты выглядишь ужасающе современно, даже немного чересчур... Но мне так хотелось, чтобы ты сменил имидж бедного родственника!..

— О, спасибо! Спасибо, мисс Эвергрин! Да я никогда, никогда в жизни!..

— Не волнуйся, сынок, ты еще много подарков за свою жизнь получишь на днях рождения. Я пойду купаться, дорогой, — мисс Эвергрин очаровательно улыбнулась Глориану и медленно потянулась, как большая сытая львица. — Не хочешь составить мне компанию?

Глориан оглянулся на затихшие в своих далеких палатках компашки отдыхающих.

— Гарри сможет остаться один?

— Конечно! Я оставлю ему свою палочку. Но ты пока в воду не суйся, Гарри, во-первых, пока еще свежо, а во-вторых, не забудь, ты только что выпил бокал шампанского. Не стоит лезть в море, пока в крови у тебя играют эти милые желтоватые пузырьки, — Валери разбежалась и шумно нырнула в серо-голубую волну прилива. Стриженный золотистый ежик ее волос мелькнул в море, она развернулась и весело помахала рукой Глору.

Эльф осторожно повел плечами, сбросил широкую белую рубашку, и спустя секунду Гарри уже удивленно разглядывал невероятно мощный и гибкий для такого невысокого мужчины торс, сильные руки и чуть коротковатые крепкие ноги. Если бы не тот факт, что Эльф был ниже самого Гарри, он бы казался идеально сложен. Быстро свернув длинные волосы в замысловатый жгут, Глориан приветливо сверкнул Гарри своими фиолетовыми глазами, медленно вошел в воду и исчез в волне. Появился он уже рядом с Валери. Они быстро поплыли в сторону океана, о чем-то переговариваясь друг с другом.

Гарри поглядел на волшебную палочку Валери, лежавшую на полотенце. У него возникла мысль попробовать какое-нибудь заклятие помогающее читать мысли, и он с надеждой посмотрел на далекие палатки туристов. Нет, слишком далеко, он не услышит. Тогда он расположился на солнышке, обложившись книгами, яблоками, домашним печеньем Винки и остатками торта, чувствуя себя на седьмом небе. Уже припекающее солнце наводило на него сон. Гарри знал, что нельзя засыпать на солнцепеке, но в тени машины было темновато и довольно прохладно. Тогда он встал, подошел к воде и плеснул немного себе на лицо. Помогло. Очнувшись, Гарри решил немного погулять по пляжу, не отходя, впрочем, далеко от машины. Он натянул джинсы, засунул палочку Валери за пояс и отправился на прогулку.

Он весело шлепал по воде, изредка отпрыгивая от хитрых волн, норовящих намочить ему штанины, и собирал раковины, как шестилетний мальчишка. Сейчас Гарри действительно чувствовал себя маленьким мальчиком, внезапно получившим в жизни все, что он хотел, и даже еще больше. Нет, жить с Валери Эвергрин было действительно здорово, а Глориан в самом деле удивительно искренний и приятный челове... то есть, эльф. Даже несмотря на странную суровость, которая в нем иногда чувствуется. Сегодня, думал Гарри, самый счастливый день в моей жизни, вот еще бы сюда Рона и Гермиону. Тогда было бы совсем весело.

И еще маму с папой.

Гарри вздохнул и присел у кромки воды. Он машинально пошарил рукой в чистом песке, разыскивая целые раковины, но вместо этого его рука наткнулась на что-то твердое, длинное и холодное: какой-то камень, весь обросший водорослями и ракушками, в глубине сверкнувший зеленым отблеском. Гарри пошевелил упрямый камень, но тот поддавался с трудом. Ах, ты, значит, упрямый, распалился Гарри, так я тебя переупрямлю. Он быстро ссыпал собранные кусочки раковин в воду, вооружился лежащим неподалеку длинным сучком, как рычагом, и осторожно потянул упрямый предмет на себя. Предмет неожиданно поддался, и отдачей Гарри отбросило назад. Он упал на песок, и обнаружил, что держит в руках не камень, а сильно заросшую и почти целиком окаменевшую бутылку.

Это становилось интересным. Гарри читал, что в бутылках моряки, потерпевшие кораблекрушение, часто отправляли послания с просьбой о помощи. Бутылка была совсем замшелая, но было заметно, что она далеко не обычной формы, скорее, старинная, и несчастный моряк, избравший ее для своего трагического послания, явно давно умер, но любопытство подсказывало Гарри, что внутри может оказаться что-нибудь интересное. К тому же бутылка была необычной формы, а мисс Эвергрин любила подобные необычные вещи, у нее на шкафу в комнате стояла целая выставка странных предметов: камешки, похожие на людей и животных, коряги, красиво оплетенные сухим плющом и, среди прочего, пара оригинальных декоративных бутылок, которые она использовала в качестве вазочек. Еще одна, ей будет приятно, решил Гарри, отколупывая склизкие отложения на старинном стекле. Очистив горлышко, Гарри обнаружил, что оно плотно закупорено, и, похоже, камнем, а сверху еще и залито каким-то липким и противным зеленым воском, совершенно окаменевшим. Гарри задумчиво встряхнул бутылку, и в ней что-то отчетливо плюхнуло. Точно, что-то есть внутри! Но если бутылку не открыть, то и содержимое не увидеть. К тому же, как можно отмыть ее, если она закупорена?

Гарри потыкал длинным камнем в горлышко. Нет, так нельзя, разобьется, если сильно ударить, похоже, стекло хрупкое. Интересно, почему она тогда осталась целехонька, проплыв в океане столько времени? Повозившись с бутылкой еще немного, Гарри оставил свои попытки. Черт, где же мисс Эвергрин и Глориан Глендэйл? Уже должны были давно вернуться. Гарри прищурился и рассмотрел две крошечные точки у горизонта. Далеко. Может, самому попробовать? Как это она говорила?.. Еще профессор Люпин, Римус, помнится, тоже использовал это заклинание... Гарри поднял палочку на уровне груди, приставил кончик к горлышку бутылки и произнес:

— *Ваддиваси!*

Реакция бутылки на одно из самых простых заклятий превзошла все ожидания.

Каменная пробка вылетела из горлышка с бешеной скоростью, чуть не разбив Гарри лицо, бутылка, как живая, зашевелилась у Гарри в руках, стала горячей и выпрыгнула из его ладоней на песок с такой резвостью, что Гарри, не ожидавшего от неодушевленного предмета такой прыти, больно отбросило назад, на камни. Из горлышка повалили клубы черного дыма с отвратительным затхлым запахом, точно от сжигаемых старых тряпок, и в облаке огненных искр перед обалдевшим Гарри явился незнакомец. Автоматически Гарри оглянулся на далекие палатки,

понимая, что происходит что-то странное, что-то настолько волшебное, что он боялся не за себя, а того, что кто-то сможет увидеть этого невероятного человека.

Он был смугл, черноглаз, и один глаз у него был кривой. Крупный, мясистый хищно изогнутый нос радостно зашевелился, впитывая запахи моря. Почему-то Гарри сразу решил, что неизвестный — скорее, житель востока, все в нем выдавало, прикинул парень, наверное, араба. Правда, смутил Гарри костюм пришельца — совсем не арабский. На незнакомца был боком нахлобучен напудренный парик, приблизительно, по прикидкам Гарри, эпохи Реставрации, костюм его отличался радужным разнообразием пуговиц и их общим количеством, явно переваливавшим за сотню. Благородные шелка и бархат старинного лапсердака совсем не сочетались с голыми ногами и отсутствием штанов. Кстати, Гарри только сейчас обратил на это внимание, ноги у незнакомца были совершенно удивительные. Ступней у него не было вовсе: смуглые голени, обильно покрытые жесткими черными волосами, таяли в пространстве, не доходя до земли, так что этот загадочный человек просто парил над пляжем.

Но человек ли он?

Незнакомец пошевелил кривым носом, заморгал кривым глазом и громко чихнул. Затем полез в карман своего камзола, достал чистейший шелковый платок и так радостно в него высморкался, точно не делал этого много лет. Затем решительно оправил на себя парик, предварительно приподняв его и остервенело почесавшись. Обнажился лысый череп, загорелый и блестящий.

— Это что за страна? — оглядываясь спросил он.

— А-англия, — пробормотал Гарри. — Великобритания.

— И который час? — строго спросил его незнакомец. Гарри глянул на часы.

— Два часа пополудни.

Поправив на себе шелка камзола и тщательно проверив свежесть кружев на манжетах, незнакомец откашлявшись, пал перед Гарри на полупрозрачные колени, заставив парня отползти еще дальше по песку.

— О великий господин, чья власть не имеет себе равных, а мудрость служит опорой твоему народу, подобно столпам, подпирающим небесную твердь! Твой презренный раб Джамаледдин Кудама ибн-Омар ибн-Алим абд-аль Азим слушается тебя и повинуется твоим божественным приказам! Повелевай! Прикажи, и я исполню три любые твои желания! Хочешь, — он взлетел с колен и приблизился к Гарри на опасно близкое, как тому показалось, расстояние. — Я разрушу город или построю дворец в твою честь? Хочешь, я добуду тебе в жены принцессу Срединной Империи? Только скажи — я возведу для тебя несокрушимую крепость или выращу сады, не имеющие себе равных по красоте! Повели — и я повергну всех твоих врагов! Если они не слишком сильны, конечно, — добавил незнакомец с некоторым сомнением, говорящим о его врожденной практичности. Он с надеждой ждал ответа от Гарри, онемевшего от изумления.

Так с ним еще никто никогда не говорил. Даже называвший его «сэром» Глориан перед ним не преклонялся так... рабски. Что происходит? Гарри осторожно притянул к себе заросшую бутылку и посмотрел внутрь. Бутылка была пуста. У него тут же возникло одно подозрение, тем более что в прошлом году, копаясь в книжках по вампирологии, он случайно набрел в библиотеке на раздел, как ему теперь казалось, посвященный именно таким существам, как его сегодняшний собеседник.

— Вы — джинн? — хрипло пробормотал Гарри, уже почти уверенный в своем предположении. Незнакомец с невероятно длинным именем просиял.

— Воистину так, мой господин! Джамаледдин Кудама ибн-Омар ибн-Алим абд-аль Азим, уроженец Кордовы, пятый сын Омара Великого, внук Алима Премудрого, светлейшего звездочета и великого визиря султана Махмуда Мавританского! — похвастался джинн, вынимая из кармана крошечное зеркальце и придирчиво оглядывая в него косым глазом ту поверхность лица, которая была доступна взору в зеркальце размером дюйм на дюйм. — А могу ли я узнать прекраснейшее имя моего нового пресветлого господина, на службу к которому я поступаю? — спохватился джинн и спрятал зеркало.

— Гарри. Гарри Поттер. Но вы вовсе не обязаны...

— Как, о мой повелитель? — переспросил джинн, прикладывая ладонь к уху. — Простите, о великий, но имена неверных даются мне с трудом, иначе бы твой раб не посмел бы переспросить...

— Гарри!

— Гази?

Гарри замотал головой. Ну и ну! Никогда не думал, что его имя столь трудно для понимания!

— Хамза? — раб винной бутылки явно не отличался хорошим слухом. — О, простите, повелитель! Не будет ли вам угодно разрешить презренному рабу Джамаледдину звать своего господина благородным именем Малик-бей ибн-Асад? Имя это как нельзя больше подходит моему повелителю! — восхищенно закончил джинн. Гарри не возражал: все сгодится, лишь бы джинн утихомирился.

— А как вы оказались в бутылке? — в свою очередь заинтересовался Гарри. Он подтянул под себя колени и сел поудобнее, чтобы слушать рассказ джинна. Он уже не казался ему ни пьяной фантазией, ни страшным чудовищем, уж больно был похож на тех хитрого вида арабских эмигрантов, торговавших тряпками, коврами и подделками под золото на Портобелло-роуд. Если бы не прозрачные ноги и замечательный шелково-бархатный наряд, джинн показался бы обычным человеком.

— О, повелитель! — джинн просиял от такого вопроса точно Миртл, которую спросили о ее смерти. — Да будет тебе известно, о прекраснейший мой господин, что Джамаледдин ибн-Омар ибн... нет-нет, не буду утомлять тебя всеми именами, которые носит твой презренный раб!.. Итак, тебе угодно знать о преступлении, которое послужило причиной столько жестокого заключения несчастного раба твоего в границы этого презренного сосуда? Изволь: собака Джамаледдин был проклят и заточен в заговоренные глубины этой бутылки за убийство неверного! Что есть величайшая несправедливость, не находишь ли, мой господин? — уныло спросил джинн, ковыряя в носу. — Этот неверный был хитрый и могучий колдун, притворяющийся простым маглом на службе у короля Испанского. Маскируясь под монаха именем Доменико Сордо, нечестивый пес проник под видом посланника к моему султану и пытался залучить его на путь зла, совратив с пути истинной веры. Твой раб Джамаледдин тогда служил начальником охраны великого султана и однажды, когда подлый пес опаивал моего господина своими снадобьями, отнимающими разум, правоверное сердце Джамаледдина не выдержало, и он поднял саблю на преступника. К сожалению, он скрылся, змеей уполз из покоев господина, а пресветлый султан, очнувшись, за оскорбление посла милостиво пожаловал меня смертью через сдирание кожи. К счастью, Джамаледдин сумел бежать в ту же ночь. Он пробрался в покои неверного и заколол его заговоренным кинжалом. Но прежде, чем умереть, собака Сордо проклял Джамаледдина страшным проклятием, понуждавшим его служить хозяину бутылки, в которую его заточил негодяй испанец, исполняя три его желания. Как только желания будут выполнены, Джамаледдин должен сменить господина и служить уже новому повелителю. Твой презренный раб, о повелитель, — вздохнул джинн, уныло подпирая локтем смуглую щеку. — Служил уже более чем тридцати господам. В последний раз это было так давно... я не угодил тогда своему господину, и он, в ярости, что его желание не сбылось, выбросил бутылку вместе со мной в воды великого океана. Я томился, заточенный в зеленое стекло, почти триста лет, пока твои мудрые руки не освободили меня из трехвекового плена, за что собака Джамаледдин будет тебе обязан по гроб своей никчемной жизни! — и джинн предпринял очередную попытку пасть ниц перед Гарри.

— Значит, вы — колдун? — уточнил Гарри.

— О, да, повелитель! — закивал джинн лысой головой, с которой вновь съехал парик. Он стащил его с головы, чтобы немного остудить на воздухе пропотевшую под париком лысину, и объяснил. — Мы, джинны, рабы предметов, в которые нас заточило колдовство великих волшебников, у которых нам не посчастливилось встать на дороге, все колдуны! Кто-то сильнее, кто-то слабее. У каждого есть предел, о прекраснейший мой хозяин! Не скажу, что раб твой Джамаледдин может многое, но если твои желания будут разумны и умеренны, ты не будешь разочарован таким слугой, как Джамаледдин! Позволь лишь один скромный совет от своего преданного раба, господин: когда будешь желать чего-либо, формулируй свои мысли аккуратно, чтобы собака Джамаледдин не смог неверно истолковать их и выполнить совсем не то, что хочет от него повелитель! — невинно захопал черными глазками джинн. Гарри сразу подумал, что этот Джамаледдин — тот еще хитрец. — Итак, каково же будет первое пожелание великого и мудрейшего Малик-бея ибн-Асада? — деловито осведомился джинн, доставая из кармана внушительную золотую чернильницу. Он заправски извлек из-за уха здоровенное павлинье перо и вытащил длиннющий пергаментный свиток из рукава, точно фокусник, извлекающий у себя из кармана бесконечную ленту. Край свитка упал на песок и развернулся на несколько метров. Джинн отчеркнул пером предыдущую надпись и накорябал что-то арабскими закорючками, а потом на чистейшем английском написал: «*Малик-бей ибн-Асад*», поставил арабскую цифру 1 и жадно впился в Гарри глазами.

Гарри задумался. Какое у него может быть желание? Только одно...

— А вы можете... сделать так, чтобы мои родители, которые умерли много лет назад, снова ожили и вернулись? — дрожащим голосом спросил Гарри, бросая мимолетный взгляд на кромку моря у самого горизонта, где были еле видны очертания двух плывущих назад силуэтов.

Джинн пригорюнился. Он присел на корточки и вытер набежавшую слезу краем пергаментного свитка, размазав на нем чернила.

— Как благороден мой господин! — подвывал он. — Как бескорыстен! Вместо того, чтобы пожелать себе богатства и славы, безграничной власти и поклонения миллионов подданных, он хочет вернуть к жизни своего отца и мать! Как мудр мой господин, как благороден и мудр! Нет, — решительно сказал Джамаледдин, скатывая свиток и пряча перо. — Этого я не могу сделать. Мертвых к жизни не вернешь, о мой повелитель. Они уходят навсегда, — грустно добавил он и виновато поглядел на Гарри.

Парень вздохнул. Почему я знал, что это невозможно? Что же тогда можно пожелать? Кроме этого, у него все есть: друзья, любимая школа, почти настоящая семья... Что же ему не хватает? Нужно пожелать чего-то, что принесет пользу многим другим, не только ему. Он знал, что, кроме того, первого заветного желания, у него есть еще одно, но не знал, что ему на это ответит джинн.

— А вы можете... — начал он неуверенно и замолчал. Джинн преданно смотрел ему в глаза, машинально почесывая волосатую ногу, и ждал, что пожелает Гарри. — Есть один... челове... В общем, один сильный черный колдун хочет покорить весь мир. Он убил уже многих моих друзей — и моих родителей, — при этих словах Гарри джинн вновь извлек шелковый платок и трагически высморкался в него. — Он бессмертен, и его ничего не может одолеть, но, может быть можете...

Гарри запнулся, увидев, как сочувственно джинн качает лысой головой. Неужели, это значит «нет»?

— Бедный, бедный мой юный повелитель! — драматично всхлипнул Джамаледдин. — Твой презренный раб был заключен в стекло этого мерзкого сосуда за убийство колдуна! — он в ярости пнул бутылку, и она покатила по песку. — Поэтому, на мне лежит зарок — я не могу своими руками *убивать* людей! О, как такое ничтожество, как я, может претендовать на то, чтобы служить такому благородному повелителю, как Малик-бей ибн-Асад! Я не в состоянии выполнить его высочайшие повеления! О, как я несчастен! — джинн нарочито громко зарыдал, выжимая платок. — Может, какое-нибудь другое пожелание, господин? — между двумя особенно громкими всхлипами осведомился джинн.

Две плывущие к берегу фигурки приближались. Гарри вздохнул.

— Я подумаю, можно? Знаешь... Джамаледдин... какое у тебя длинное имя, можно я буду называть тебя...

— Называй меня рабом, господин! — с воодушевлением предложил джинн, прекращая рыдать. — Или нечестивым псом, как мой прошлый хозяин звал меня!

Гарри поморщился.

— Что ты скажешь, если я буду звать тебя просто Джим? Твое имя, он красивое, конечно, но чуточку длинновато для меня.

— Твой презренный раб может отзывать на любое имя, господин мой, — закивал лысиной новоиспеченный Джим. — Если захочешь снова видеть меня или пожелать что угодно — открой бутылку, и твой раб немедленно явится на твой зов! — он превратился в смутный клуб дыма и заполз обратно в бутылку. Пробка подползла к горлышку и снова крепко заткнула его.

Валери Эвергрин вышла из воды, тяжело дыша.

— Ух и здорово поплавали! Гарри, мне издали показалось, что ты разговаривал здесь с кем-то...

— Да нет, просто мимо проходил один человек и спросил, который час, — почти не соврал Гарри, потихоньку заталкивая грязную бутылку подальше в пакет со свитером из Хэрродза. — Мисс Эвергрин, кажется, у меня уже проветрилось в голове, можно мне идти купаться?

Глава 8. Ореховый прутик и Пять Стихий.

— Так что ты хочешь мне показать? — Сьюзен сгорала от любопытства, пока Гарри тащил ее по лестнице в свою комнату наверх.

— погоди, сейчас увидишь, честное слово, я и сам в это пока не верю! — Гарри раздувало от гордости и желания похвастаться своей находкой, пока взрослые пили кофе внизу в гостиной. Эммет Боунс взволнованно щебетал какие-то известные ему отрывочные сведения о Древних Эльфах, все еще изумленный, что один из них сидит как раз напротив и вежливо слушает его нервное стрекотание. Валери радушно подавала на стол пирожные и конфеты, сыр и печенье, периодически отодвигая Винки, судорожно пытающуюся быть полезной. Из угла комнаты на всю эту кутерьму неодобрительно взирал еще один гость: Уолли тоже пригласили на обед, но он, несмотря на присутствие Древнего Эльфа, чувствовавшего себя совершенно свободно, решительно отказывался нарушать традиции семьи Боунс и садиться за один стол с господами. Он искоса рассматривал Глориана с каким-то трепетным преклонением шестилетнего ребенка перед большой старинной игрушкой, но упрямо цеплялся, как называла это Гермiona, «за свои вериги».

Гарри открыл дверь в свою комнату, затащил внутрь Сьюзен и тщательно закрыл дверь. Потом прошел к письменному столу, отодвинул нижний ящик и вынул из-под горки старых конспектов почти дочиста отмытую старинную бутылку.

— Что это? — Сью с удивлением рассматривала по ее мнению совершенно бесполезный предмет. С куда большим удовольствием она оглядела саму комнату: большую и светлую, с внушительного размера письменным столом и многочисленными книжными полками, наполненность которых книгами за последний месяц внушала уважение даже самому Гарри. Ее взгляд остановился на большой картине, изображающей перевязанный тесьмой букет полевых цветов, лежащий на подоконнике, и она неохотно вновь перевела его на старую зеленую бутылку. — Откуда это у тебя, Гарри?

— Вчера из моря выудил, — Гарри осторожно выглянул за дверь. Убедился, что взрослые все еще попивают кофе внизу (отец Сью дотошно расспрашивал преподавателя своей дочки об успехах Сьюзен в защите от сил зла). И только тогда осторожно оттеснил Сью в угол и предостерег. — Осторожно, пробка может выстрелить! Только Сью, ничему не удивляйся и не кричи, а то сбежится народ, знаешь, какие чуткие у Винки уши!

Сью послушно отошла в уголок и удивленно уставилась на бутылку. Гарри вынул палочку профессора Эвергрин (он стащил ее, пока она готовила обед на кухне вместе с Винки) и наставил ее на бутылку:

— Ваддиваси!

Столб дыма, стрельнувший из горлышка, чуть не заставил Сьюзен закричать от ужаса, но она отчаянно сдержалась, зажав рот руками, и побелевшими глазами следила, как из вонючей туманной завесы сформировалась человеческая фигура. Потом Сью покраснела — фигура была без штанов.

— О, повелитель! — радостно помахал рукой Джим. — С добрым утром, мудрейший мой хозяин! Вы позвали своего ничтожного раба, чтобы дать ему какую-нибудь работу? Придумали свое первое желание, о мой великий господин?

— Джинн! — реакция Сьюзен была мгновенной. Гарри тут же пришло в голову, что и начитанная Гермiona, несомненно, среагировала так же быстро. — У тебя есть джинн, Гарри?

— Джим, познакомься, это Сьюзен Боунс. Сью, это Джамаледдин Кудама ибн-Омар ибн-Алим абд-аль Азим, джинн зеленой бутылки. Кажется, в ней было вино раньше...

— И хорошее вино, — уныло подтвердил Джим. — Когда мой первый хозяин нашел меня, я был совершенно пьян, и даже не смог как следует превратить его жену в козу — получилось просто ужасное чудовище. Но он, кажется, остался этим только доволен!

— Слушай, Джим, ты не находишь, что как-то неловко ходить перед женщиной в таком прикиде, как у тебя? Хоть бы штаны надел, — с сомнением протянул Гарри. Сьюзен хмыкнула.

— С радостью, о прекраснейший. Но собака Джамаледдин не так хорошо осведомлен в вопросах современной моды и плохо представляет себе, что надевают невер... твои соотечественники, — пожал плечами Джим. — Может, мой повелитель покажет, что носят подобные тебе?

Гарри и Сью порылись в книгах и журналах. Среди подшивок Защиты от Сил зла в школе отыскан потрёпанный экземпляр Вога трехлетней давности с обведенным маркером гороскопом (мисс Эвергрин рассказывала об этом расследовании: три года назад она работала над делом маньяка, черного мага, выпускника Дурмштранга, убивавшего молодых манекенщиц, он работал в магловском журнале, составляя гороскопы, только по ним удалось его вычислить). Джим присосался к журналу, с наслаждением перелистывая страницы и автоматически меняя наружность: то он оказывался в стильном кожаном пиджаке и остроносых туфлях, то в белых джинсах, ворсистом свитере и при тропическом шлеме, то в облегающей черной майке и брюках клеш с прозрачными вставками — Сьюзен еле удерживалась, чтобы не расхохотаться. Вкус у Джима хромал на обе его прозрачные ноги. Наконец, он остановился на форме футболиста клуба «Вест Хэм», прицепил на себя симпатичный галстук в консервативную серую полосу и гордо повернулся к Гарри похвалиться результатом:

— Готово, повелитель! Теперь твой тупой и презренный раб не опозорит тебя!

Гарри и Сью, не выдержав, повалились от хохота. Джамаледдин расценил это, впрочем, как знак одобрения и гордо задрал горбатый смуглый носище.

— Джим, так одеваются только те, кто играет в футбол, это игра с мячом такая, — объяснил Гарри, вытирая глаза от смеха. — А галстук носят с костюмом, вот, гляди, — он перелистнул несколько страниц и указал на солидного итальянского бизнесмена, подписывающего контракт с фирмой по производству пуговиц. Джим недовольно изучил картинку и скривился:

— Как вы ходите в таких штанах, мой повелитель! Они же узкие!

Гарри вспомнил, как пару лет назад встретил колдуна в дамской ночной рубашке. Похоже, его новый приятель из той же компании. Джим неохотно обрядился в такой же костюм, как на фотографии и сейчас хмуро изучал систему застегивания брюк на молнии. Впрочем, теперь, по мнению Гарри, джинн стал выглядеть, по меньшей мере, как премьер-министр какого-нибудь маленького, но очень-очень богатого нефтяного государства. Новый гаррин свитер от «Хэрродз», который лежал в стирке, весь измазанный в песке, выглядел далеко не так солидно, как тот наряд, что до такой степени не нравился Джиму.

— Так сойдет, о величайший? — джинн уныло повернул к Гарри и Сью смуглую кислую физиономию.

— Здорово выглядишь! — подтвердила Сьюзен. — Тебе очень идет.

— Благодарю, госпожа. Это ваша наложница, о повелитель? — бесхитростно поинтересовался Джамаледдин, вызвав у Гарри обильное опомидоривание лица и радостное облегчение от того, что Рона нет поблизости. — Она свежа и благородна, как чайная роза из садов Кордовы! Желая вам счастливых дней и долгих ночей...

Сьюзен остолбенела.

— Джим! — рявкнул Гарри, непроизвольно сжав кулаки. — Заткнись! Она вовсе не моя... Мы просто вместе учимся в школе!

Джинн мгновенно пал на колени, смятая штаны от Тома Форда.

— О, прости, прости, величайший и мудрейший из мудрых! Не погуби своего тупого раба, собаку Джамаледдина, о всемилостивейший! Что может сделать для тебя твой глупый слуга, чтобы заслужить прощение! О, знаю! — Джим испарился на долю секунды, но тут же материализовался вновь, протягивая Сьюзен гигантское блюдо с апельсинами, виноградом, бананами и прочими дарами востока. — Это не войдет в рамки нашего контракта, господин, — жалобно пояснил Джим. — Но твой глупый и бесполезный слуга должен же как-то замолить свой ужасный грех и оскорбление благородной госпожи Сьюзен-джан!

— О каком контракте он говорит? — заинтересовалась Сью, сгибаясь под тяжестью огромного, как мельничное колесо, золотого блюда.

— У нас с моим господином волшебный контракт, — важно заметил Джамаледдин, склоняясь перед Сью, чтобы подать ей украшенный драгоценными камнями нож для фруктов. — Я исполняю три самых заветных желания господина, а он не имеет ко мне никаких претензий.

— Об этом ты мне не говорил! — воскликнул Гарри, подавившись громадным персиком. — Погоди, Джим, это значит, что если ты неправильно выполнишь мое желание, или сделаешь что-то не так, то не несешь за это никакой ответственности?

— Именно так, о повелитель! — захихикал джинн, сразу становясь похожим на хитрого торговца с восточного базара. — Я же предупредил вас, что нужно хорошенько сформулировать свое желание, иначе может случиться нечто непредвиденное, — он довольно откинулся на стуле,

извлек из воздуха здоровенную самокрутку и закурил, не обращая внимания на остолбеневших Гарри и Сью. В воздухе отчетливо заблагоухало кисловатым ароматом марихуаны.

— Гарри, ты хоть когда-нибудь читал о джиннах? — Сью закашлялась, зажимая нос. — Они же самые хитрые из магических существ! Да он сделает все, чтобы поскорее отделаться от тебя! Может, просто выбросить бутылку — в отчаянии предложила она. Джинн всплеснул руками.

— Сью, знаешь, может, это глупо, но если есть возможность исполнить самое заветное свое желание, то, я думаю, ошибкой было бы не попробовать... — Гарри было мучительно стыдно за свое мнение, но он упрямо решил, что джинн останется.

— Боюсь, что тогда желания загадывать придется осторожно, мне кажется, что он настроен делать пакости. Сперва надует тебя, а потом...

— О госпожа, обижаете! — демонстративно закатил очи Джим. — Как я могу надуть моего обожаемого господина! Я выполню любое его желание, что бы он ни хотел! Правда, люди всегда желают того, что им не приносит ни счастья, ни добра, но это же не мое дело! Выполнять их смешные просьбы всегда было так забавно для меня! А еще забавнее, что они всегда позволяют взять верх своим самым отвратным качествам: глупости, жадности, ревности или честолюбию... Один из моих хозяев, неплохой музыкант, композитор, потребовал сперва славы, а потом и богатства. Что ж, я сделал его знаменитым и богатым. Но потом у него появился соперник, более талантливый музыкант, чем он. Он возжаждал убрать его со своей дороги, причем, радикально. Я не мог убить человека, но принес хозяину яд, чтобы он сам сделал это. Он его убил и...

— И? — замирающим голосом переспросил Гарри.

— И — сам виноват! — его имя история сохранила не благодаря таланту, но лишь из-за его героической славы. Кто ныне помнит музыку этого человека? Да никто, только немногие любители. А вот работы его соперника до сих пор обожают во всем мире. Удивительные судьбы — один колдун, другой — простой маг, а как повернулось дело! Их имена известны во всем мире, но о моем участии в их конфликте, к сожалению, история умолчала.

— Моцарт и Сальери, — тихо сказала Сьюзен.

— О да, госпожа! Именно!

— Магл завидовал волшебнику, это я могу понять, — задумчиво пробормотал Гарри, машинально вертя в руках кисточку винограда. — Завидовал его колдовскому дару, помогающему создавать магию новой музыки.

— Нет-нет, мой повелитель! Вы ошибаетесь! Сальери был магом, а магом — Моцарт!

— Да-а-а... Слушай, Джим, выбрось ты эту гадость! Ужасно воняет! Что, если мисс Эвергрин придет и унюхает это? Мне так влетит, что мало не покажется! Убери эту дрянь!

— Это ваше первое желание, мой господин? — вскинулся Джим. В его руках немедленно оказался свиток и перо.

— О, черт! Нет-нет, Джим, не надо! — завопил Гарри в ужасе, видя, что перо вот-вот коснется бумаги. Но джинн, к счастью, правильным образом среагировал на его отчаянный вопль.

— Хорошо, господин. Я буду ждать вашего первого желания с нетерпением, — ухмыльнулся Джим и испарился вместе со свитком, пером и запахом.

— Я же говорила тебе, что джиннам нельзя доверять, — испуганно выговаривала Сьюзен Гарри, роняя нож на пол. — Они все ужасные мизантропы! Представь, что человек заточил тебя на веки вечные в какой-то предмет и заставил подчиняться его обладателям и выполнять их желания. Да ты бы сейчас же возненавидел их самих и их мелкие жадные страстишки! Джинны всегда стараются навредить людям! Возьми, например, эту историю с Моцартом и Сальери — один убит, другой — навсегда опозорен! Он просто мстит людям за то, что был их рабом!

Гарри задумался. Может быть, Сью и права. Следует быть осторожным в выражениях с Джимом, кто знает, что на самом деле у него на уме? Но три желания? Разве нельзя воспользоваться такой возможностью. Он мог бы пожелать что-то не для себя, а для других. Сделать мир лучше. Ни войн, ни смерти... Но на что тогда будет похоже человеческое общество, не станет ли оно каким-то другим, еще более страшным? Кто знает, как повернется история? Если бы он мог знать наверняка, что произойдет.

— Сью, а у тебя есть заветное желание? — уныло спросил он, с трудом ковыряя ананас ножом с бриллиантами. Нож был тупым. — Может, ты мне что-нибудь подскажешь?

Сьюзен вздохнула. Ее взгляд уплыл в сторону окна и безжизненно застыл на белых занавесках.

— Больше всего на свете я хочу, чтобы Вольдеморт исчез из этого мира, — тихо сказала она. — Но он здесь, и мое желание ничего не изменит. Он будет убивать, а мы будем бороться: такова наша судьба.

Когда все обитатели Дома на болотах собрались у камина, чтобы проводить гостей, Гарри тихонько отозвал Сьюзен в сторону и шепнул ей:

— Приезжай завтра к камням, я хочу кое о чем попросить тебя. Две вещи. Мне нужна твоя помощь, Сьюзен!

Он тут же начал сомневаться, правильно ли поступил, выбрав ее, а не Рона и Гермиону, своих самых близких и верных друзей. Но они были далеко, а доверить свои проблемы свиной почте Гарри не хотел. Никто не должен знать, что он — ментолегус. Гермиона, конечно, поймет, но вот Рон... Лучше, если не будет еще одной вещи, из-за которой он мог бы завидовать Гарри, Рон и так слишком многое вынес в этом году. А вот в другом деле, Гарри был уверен, ему может помочь только Сьюзен.

На следующее утро они встретились в условленном месте возле каменного круга. Сью была заинтригована. Гарри спрыгнул с коня, шлепнул его по крупу, и Риок, галантно выгибая шею перед Фиа, отправился пастись неподалеку. Юноша водрузил на камень громадный рюкзак и вывалил из него кучу книжек, напугав таким количеством Сьюзен.

— *Создай сам свою волшебную палочку*, — прочитала она заголовок на верхней брошюрке. — Гарри, зачем тебе это?

— У меня нет палочки. Я ее... словом, потерял пару месяцев назад. У меня есть волшебный ингредиент, перо феникса, но его же надо еще как-то поместить внутрь. И я подумал о тебе.

— Обо мне? — удивилась Сью. Она отбросила назад свои длинные светлые косы и изумленно поглядела на Гарри. Ее пальцы все еще машинально перелистывали страницы. — Почему?

— Я вчера всю ночь рылся в книгах, — пояснил Гарри, вручая ей потрепанный томик «Магическое самообразование. Том двенадцатый: Волшебные палочки и их изготовление в домашних условиях». — Везде говорится об одном и том же: поместить волшебное содержимое в палочку может только сильный волшебник и только при помощи мощной магии, без участия подручных инструментов. Это же ты, Сью! Только ты это можешь. Ты можешь просто нарастить палочку вокруг пера!

У Сьюзен зажглись глаза от предвкушения процесса.

— Слушай, Гарри, а ведь и правда, это возможно! Но ты считаешь, что у меня получится?

— Должно получиться, — храбро сказал Гарри, закатывая рукава. — Но ты же не одна будешь ее делать. Я тебе помогу.

— Так ты сперва объясни, что для этого требуется!

— Вот, держи, — перо Фокса оказалось в тонких пальчиках Сьюзен. Она повертела его, любясь красивыми пурпурными отблесками на малиново-алом пере с золотистой остью. — А теперь действуй!

— Но, Гарри, у меня же просто получится новый росток! Волшебной палочкой он станет, когда в него вдохнут волшебную силу, а я не знаю, каким образом это происходит. Потом, нужно еще ее выточить, отлакировать... Ты представляешь, что все это придется делать в полевых условиях? Мы можем повредить не только перо, но и пострадать сами, — колебалась Сью, тем не менее, жадно разглядывая перо. Идея явно показалась ей ужасно любопытной, и ей страшно хотелось испытать свое мастерство, но было, несомненно, страшно. Гермиона на ее месте просто бы кинулась пробовать, что получится, подумал Гарри, а Сью боится. Взвешивает все «за» и «против». Хуффльпуфф, не Гриффиндор. Поэтому, он твердо сказал, стараясь смотреть Сьюзен прямо в глаза.

— Сью, честно, если я увижу, что тебе что-то угрожает, мы сразу же прекратим эксперимент, обещаю! Честное слово даю! И я возьму тебя за руку, если тебе страшно, хочешь?

Сью немного расслабилась и кивнула. Честное слово для хуффльпуффской девушки было законом. Она поверила Гарри.

— Ты точно знаешь, что делать дальше? — последний раз взволновано переспрашивала Сью, вытянув руку с пером перед собой. Гарри судорожно перелистывал книги.

— Да, да, Сью... Конечно. Ну, что, начнем? — он влез на камень и подал Сьюзен руку.

— Начнем! — дрожащим голосом прошептала Сьюзен и закрыла глаза. Перышко качнулось в ее руке и замерло. Гарри обхватил ее маленькую, мокрую от волнения ладошку и накрыл ее своей.

Гарри напряженно смотрел, как Сью полностью отключается. Ее веки расслабленно замерли, руки, сжимающие перо, прекратили нервно подергиваться. Она опустилась на колени посреди большого камня и высоко подняла голову. Каменный круг, в центре которого она сидела, был мощнейшим концентрическим образованием магической энергии, поэтому Гарри настоял, чтобы это происходило именно здесь. И теперь он, человек, волшебство у которого было в крови, чувствовал, как пульсирует вокруг них магия, как ее волны сотрясают их тела, как их руки, сомкнутые вокруг малинового огонька в пальцах Сью, становятся проводниками для чего-то большого и могучего. Энергия потекла в них потоком ветра и огня. Сюзен дрогнула, Гарри еще крепче сжал ее пальцы своими и почувствовал, как перо внезапно зашевелилось. Оно дернулось, вытянулось вверх и начало изменять свою форму. Сюзен, закрывшая глаза, этого не видела, но Гарри с изумлением наблюдал за этим невероятно захватывающим процессом. Малиново-алое перо сначала понемногу позеленело, пустило длинные ветвистые корешки, потом его цвет начал изменяться на серо-коричневый, потом — на темно-коричневый, на нем образовалась кора, и вбок потянулись крохотные веточки. Лопались почки, разворачивались маленькие листки, вокруг которых кипела энергия, потом вдруг листки опали, осыпались, росток последний раз вытянулся вверх и затих. Шумящее, давящее ощущение в ушах, которые секунду назад закладывало, точно от полета на метле (Гарри никогда не летал на самолете), пропало, точно и не было его никогда. И вот, не осталось больше ничего, только большой камень, с вырезанными на нем древними символами, и сидящие на нем парень и девушка, сжимающие в своих ладонях тонкий длинный прутик.

Сюзен глубоко вздохнула и осторожно открыла глаза. Она увидела Гарри, изумленно смотревшего на то творение, которое они только что произвели на свет. Одиннадцать дюймов, темно-коричневое, твердое и гибкое, пахнущее... Сюзен нагнулась и вдохнула аромат, исходящий от палочки, смешивающийся с чуть ощущавшимся в воздухе запахом озона.

— Орех, — сказала она, неверяще разглядывая их с Гарри произведение. — Лесной орех.

— Мы сделали это, — пробормотал Гарри. — Я чувствую, что перо там, внутри!

— Чувствуешь? Но как?

— Не знаю. Думаю, у меня какая-то связь с этим фениксом. Иначе бы так не получилось.

— Но Гарри! — Сюзен наконец-таки очнулась от потрясения. — Я не верю своим глазам, мы сделали это! *Сделали!* Никогда у меня не выходило так хорошо! Смотри, она уже готова к тому, чтобы ее обточить и лакировать! Слушай, Гарри, побежали к нам домой, я посмотрю в книгах подходящие заклинания, и мы доведем ее до ума. Мне прямо не верится, боже мой, как это было...

— Волшебнo!.. — подыскал Гарри подходящее слово. Он улыбался, глядя на то, в какой эйфории пребывает девушка. Сью была на седьмом небе от счастья, она восторженно закружилась вокруг камня с прутиком в руке.

— Никогда не забуду это ощущение: на меня точно небо обрушилось, точно я в облаках утонула! Это было прекрасно! Я сегодня же напишу профессору Спаржелле! Вот она удивится! Пойдем, поехали скорее, Гарри! — Сью уже взбиралась на Фиа. — Я уверена, что сегодня у тебя будет настоящая волшебная палочка! — Сью поскакала так быстро, что Гарри едва успел погонять Риока, чтобы не отстать.

И к вечеру у него, действительно уже была волшебная палочка...

Гарри несколько раз взмахнул тонко отточенным, гладко отполированным кусочком дерева. Блестящая, лакированная поверхность палочки сверкнула в свете камина Боунсов. Знакомое тепло разлилось по его руке, когда он почувствовал, как палочка оживает у него в пальцах. Это была настоящая волшебная палочка, ничем не отличающаяся от шедевров мистера Олливандера. Перо феникса было надежно спрятано под слоем древесины ореха.

— Не хочешь ее опробовать? — Сюзен сидела на полу возле камина среди рассыпанных в беспорядке книг. Она только что закончила покрывать палочку волшебным водоотталкивающим лаком, который моментально высох, и теперь пыталась сложить все книги, в которых они искали нужные заклятия. Книг было больше тридцати. Сюзен нетерпеливо смотрела на их с Гарри шедевр и предвкушала заключительную часть эксперимента, самую важную. — По-моему, пора. Какое заклятие думаешь использовать?

Гарри задумался. Действительно, какое лучше? Он не знал, что придумать, потому что считал, что первое заклинание должно быть каким-нибудь светлым, радостным, и не причинять никому зла. Попробовать сделать что-то приятное, приятное... для Сюзен. И тогда ему пришло на ум...

— Флорабеллио!

Глаза Сью широко открылись, когда прямо из дубовой столешницы к потолку рванулся длинный светло-зеленый росток. Он молнией вытянулся почти на метр, выстрелил снизу еще и купаи листьев, вывесил несколько остроконечных бутонов и мгновенно распустился крупными белыми цветками, распространяя тяжелый, острый аромат лилий по всему дому. Такой мощной реакции даже Гарри не ожидал. В конце концов, в прошлом году у Рона получились только незабудки...

— Г-хм, это тебе, Сью, — парень поднялся на цыпочки, чтобы дотянуться до ближайшего бутона (куст получился невероятно высоким и огромным), сорвал цветок и протянул его Сьюзен. — Ты не считаешь, что твое достижение надо как-то отметить?

— Невероятно! — девушка смущенно помялась и взяла цветок из пальцев Гарри. Поднесла к лицу, вдохнула запах. — Гарри, ты понимаешь, что мы сейчас совершили? Это же настоящее открытие! Ты действительно сильный волшебник! Сделать палочку не всякий может!

— Сьюзен, да что ты! — испугался Гарри. — Какой из меня сильный волшебник? Это же ты все сделала! Ты превратила перо в ветку, ты его отшлифовала Стругальным заклятием и Лакировочным покрыва! Без тебя ничего бы не было! У тебя самый настоящий талант!

— Брось, Гарри, то, что я умею превращать предметы в ростки деревьев никак не помогло бы мне создать настоящую волшебную палочку! И я никогда не ощущала того, что и сегодня, когда трансфигурировала перо! Вокруг меня точно воздух сгустился и запылал, если бы ты не держал меня за руку, этого бы не было, я уверена! — заключила Сьюзен и покраснела. — В тебе скрыты громадные силы, Гарри. Тебе обязательно нужно их развивать, — добавила она, отворачиваясь и начиная расставлять по полкам книги.

— А я и развиваю, — тихо пробормотал Гарри. Сью резко обернулась и с интересом взглянула на него. — М-м-м, послушай, Сью... А ты бы не хотела мне и в этом помочь, а?

— И что же от меня потребуется? — с готовностью отложила книги девушка.

— Н-ну-у-у... Как насчет того, чтобы прочесть твои мысли? — выпалил Гарри, думая, что за его нахальство ему сейчас достанется по голове солидным *Тезаурусом Троллингов*, красующимся на видном месте в библиотеке Боунсов. — В качестве еще одного эксперимента, конечно, — быстро добавил он.

Сью немедленно выронила из рук учебник по *Магическому Домоводству* и зарделась, как маков цвет.

— Ты умеешь читать мысли?! — выдохнула она.

— Только учусь, — скромно заметил Гарри, поздравив себя с тем впечатлением, которое он произвел на Сью. — Э-хм, не хочешь поработать над этим со мной?

Сьюзен Боунс открыла рот (чтобы послать меня подальше, мрачно решил Гарри), и в эту драматическую минуту в комнате обнаружился Уолли.

— Мисс Сью, мастер Гарри Поттер, прошу к столу... О, ужас, что вы сделали со столешницей, мисси Сью! Почему из нее растут цветы? — грозно потребовал ответа Уолли, наступая на Сьюзен и потрясая своими сморщенными кулачками.

— Э-э-э... Уолли. Не сердись, я все уберу сейчас, — засуетился Гарри. — Видишь ли, это я все натворил...

Уолли погрозил Гарри дряхлым пальцем.

— Ай-яй-яй! Такой милый молодой господин и пытается обмануть старого Уолли! Всем известно, что Великий Освободитель Гарри Поттер не способен причинять другим неприятности и поступать как непослушный мальчик!

Рассказать ему, что ли, про философский камень, безмятежно подумал Гарри. Или про Комнату Секретов? Или про путешествие в прошлое? Или про драку с Вольдемортом на кладбище? Или про ту ярость (Гарри содрогнулся), которую у него вызывало Жидкое Зло?

Видя, что он мысленно перебирает те проказы, которые могли бы послужить свидетельством того, что Гарри — отнюдь не пай-мальчик, Сьюзен ухмыльнулась и приложила палец к губам.

Нервы старика Уолли в этом доме явно берегли.

— А, Гарри, это ты вернулся, — рассеянно прокомментировала Валери Эвергрин очередное эффектное появление Гарри через камин. Парень отряхнул колени от сажки и, крепче прижимая к себе палочку, спрятанную в рукаве, осторожно кивнул. — А мы уже без тебя поужинали. Был у Сьюзен?

Гарри снова закивал и приободрился. Ругать, кажется, его не собирались.

— Вот и отлично, она милая девочка, мне нравится, что вы дружите. И ее отец тоже симпатичный человек, — Валери думала определенно не об этом. Очки почти съехали у нее с

носа, в руках у нее была какая-то схема из нескольких точек и линий, соединяющих их, полускрытая под грудой книг и ксерокопий, свисавших над экраном компьютера. На коленях у нее покоился внушительный *Китайско-английский словарь магической терминологии*, а на мониторе застыли столбики иероглифов.

— А где Глориан? — Гарри огляделся. В это время Глор всегда сидел в библиотеке под лампой и что-нибудь читал или вел черным пером длинные непонятные записи на эльфийском языке. У Гарри уже давно чесался язык попросить у Глора научить его эльфийскому.

— Ему пришлось снова отправиться в Министерство Магии. Бумажная волокита. Будто я не имею права просто так взять и уйти, — недовольно буркнула Валери, вновь утыкаясь в свои записи и схемы. — Но за ним там присмотрят, не беспокойся. Даже мистер Эммет Боунс обещал ни на шаг не отходить от Глориана. Он им просто покорен! Кстати, Гарри, я только что получила письмо от Инь, она передает тебе привет.

— Спасибо, — обрадовался Гарри. Инь Гуй-Хань, молодая, красивая китайская художница и тоже член Ордена Феникса ему всегда нравилась. У нее был приятным даже акцент. Они с Валери Эвергрин дружили и, вероятно, достаточно давно, потому что Валери была даже знакома с матерью Инь. — И от меня ей привет передайте!

— Уже. Гарри, мне нужно кое с кем связаться. Думаю, тебе этот опыт тоже будет полезен, ведь ты еще ничего не знаешь о тех способах, которыми пользуются волшебники, чтобы связаться с магами из других государств. Это что-то, вроде, международных телефонных звонков. Ты же понимаешь, что границы между государствами ничего не значат при умении аппарировать, например. Но мы же должны поддерживать хоть какой-то порядок, иначе начнется анархия в мире, жители которого могут свободно появляться и исчезать где угодно. К тому же, аппарировать через океан небезопасно. Поэтому мы традиционно поддерживаем границы между разными странами и аппарлируем только возле пропускного пункта, чтобы, как обычные люди, пройти паспортный и таможенный контроль. Точно так же дело обстоит и с международными разговорами. Просто было бы использовать камин, но кружаная сеть слишком слаба и не выдержит такого напора желающих пообщаться с родственниками или друзьями за границей. Не все колдуны такие продвинутые, как Дамблдор, — со смешком добавила мисс Эвергрин. — Дикоглаз Моуди так и не научился доверять телефону или электронной почте. Поэтому многим колдунам до сих пор удобнее использовать традиционные методы. Например, *Улетальный состав* для зеркал.

Гарри хихикнул. Название показалось ему жутко смешным. Валери фыркнула.

— Возможно, название и забавное, но это ужасно удобная штука, видеотелефоны же пока не вошли в широкое употребление. Хотя это зелье еще и кошмарно дорогое. Кажется, у меня осталось еще немножко с того раза, когда мне пришлось беседовать с Али Баширом. Сегодня мне нужно поговорить с одной женщиной и, я считаю, ты можешь присутствовать при нашей беседе.

— С одной женщиной? Я ее знаю? — заинтересовался Гарри, отправляясь в спальню мисс Эвергрин следом за нею. — С Инь Гуй-Хань?

— Нет, но они с Инь очень хорошо знают друг друга, — улыбнулась Валери, остановившись перед туалетным столиком и рассматривая большое зеркало, висящее над ним. Она тщательно изучила его на предмет пыли, не обнаружила таковой, но, на всякий случай все же протерла зеркало носовым платком. Затем Валери покопалась в своей внушительной шкатулке с зельями, стоящей на комод, извлекла оттуда большую бутылку, наполовину заполненную ядовито-зеленым раствором, просмотрела ее на свет и удовлетворенно кивнула:

— Годится. Срок годности еще не истек, осадок не выпал.

— Что это? — заинтересовался Гарри, разглядывая блестящую нарезку на флаконе. Он наклонился поближе и прочел надпись на наклейке — «Визуалус Аудиалис. Лучшее Улетальное Зелье в Европе и на Дальнем Востоке! Лаборатории доктора алхимии Бертолета Ворожейкина. Покупайте составы доктора Ворожейкина, и мутный налет на зеркале никогда не помешает вашему общению!»

— Русские иногда делают отличные Улетальные зелья, если хотят, — довольно заметила Валери, нанося состав на кисточку и тщательно смазывая им зеркало. — Не все ж, понимаешь, яблочками на тарелочке баловаться по старинке.

Зеленая жидкость растеклась по зеркалу, как разбитое яйцо на сковородке, еле слышно шипя по краям. Гарри не успел испугаться, что Визуалус испортит стекло, как зеленая пленка

подернулась дымком, начала переливаться радужным блеском, по граням зеркала забегали искорки, и немного усталый женский голос нетерпеливо бухнул из недр зеркала:

— Оператор номер двести семнадцать! Ваше имя?

— Профессор Валери Эвергрин, — вежливо отозвалась Валери.

— Пункт связи и вызываемое лицо?

— Китайская Народная Республика, Шанхай, Министерство Магии Китая, отдел по связям с магической общественностью, госпожа Инь А-Цзы, — четко произнесла мисс Эвергрин прямо в середину туманного зеркала.

Прошло немного времени, Гарри рассматривал непрерывно галопирующие по краям зеркала огоньки. Валери подвинула к зеркалу два стула и опустилась на один из них. Гарри присел на второй, и тут все тот же невежливый женский голос устало объявил:

— Соединяю!

Радужная пелена начала рассеиваться, зеркало сперва помутнело, затем начало светлеть по краям, а потом в нем начали вырисовываться какие-то неясные очертания. Гарри с любопытством сунул нос поближе и увидел, что зеркало теперь отражает совсем не ту комнату, какую должно. В нем Гарри увидел широкий полупустой зал с деревянным, натертым до блеска полом. Из небольших квадратных окон лился горячий южный свет, падая на яркие шелковые ширмы, расписанные экзотическими цветами, и массивные деревянные колонны желтого цвета. Посреди комнаты прямо на полу сидела китаянка в широком красном платье. Она что-то писала, чуть склонив голову со сложной прической над своей работой, рядом на полу стояла чернильница в виде свернувшегося в клубок дракона, и были разбросаны желтоватые листки бумаги. Женщина подняла лицо, улыбнулась, и тут Гарри заметил в ней удивительно знакомые черты: эта немолодая уже красавица была удивительно похожа на Инь Гуй-Хань. Гарри решил, что это и есть ее мать. Единственным дефектом в ее внешности можно было считать только широкий белый след от старого шрама на щеке. Инь А-Цзы радостно протянула руку к Валери, точно хотела поздороваться прямо через зеркало.

— Дорогая, — сказала она высоким и удивительно мелодичным голосом без малейшего акцента. — Дорогая Валери, как я рада вас видеть!

— Я тоже, уважаемая Инь-тян, — поклонилась Валери. — Как ваше здоровье? Больше не беспокоит?

— Благодарю, милая, все в порядке. Удивительные травы прислали ваши друзья, как рукой все снимает. Даже в Тибете не готовят таких волшебных настоев. Рецепт, думаю, просить бесполезно, — засмеялась женщина, и ее морщинки заиграли на лице, как добрые лучики. — Секрет автора?

— Да нет, просто не думаю, что сейчас можно сунуться к автору за секретом — превратит в бородавчатую жабу или ящерицу без хвоста. У него хронически плохое настроение, и обычно это катастрофическим образом отражается на окружающих, — нахмурилась мисс Эвергрин.

Инь А-Цзы понимающе улыбнулась, как показалось Гарри, даже с каким-то намеком.

— В таком случае, передайте ему мою благодарность, — она грациозно расправила складки платья, и Гарри в ужасе разглядел шевельнувшийся под юбкой рыжий лисий хвост. И, — ой-ёй! — даже не один, кажется! Как это Инь говорила? *Это у нас семейное...* Видимо, он наклонился слишком близко, и А-Цзы заметила его.

— О, Валери, это и есть твой воспитанник, верно? Гарри Поттер? Здравствуйте, юноша.

— Здравствуйте, — смущенно поздоровался Гарри. Валери притянула его поближе, чтобы Инь-старшая могла получше его разглядеть.

— Милый мальчик, — задумчиво сказала А-Цзы, рассматривая лицо Гарри и изредка поднимая взгляд на его шрам. Почему-то это не было Гарри неприятно, наверное, потому, что его собеседница тоже оказалась обладательницей шрама. Интересно, он у нее тоже от сильного проклятия? — Думаю, рядом с тобой ему ничего не грозит, — обратилась старая китаянка к Валери Эвергрин. — Если моя дочь права, то этот юноша...

— Я видела Инь-младшую несколько дней назад, — осторожно перебила ее мисс Эвергрин. — Сейчас она, наверное, уже на задании в Шварцвальде. Она просила передать, чтобы вы за нее не волновались, все будет хорошо.

— Я и не думаю волноваться, — улыбнулась женщина. Несколько рыжих хвостов зашевелились у нее в складках платья. — Судя по всему она там не одна. Ох, не зря на ее картинах в последнее время фигурируют волки...

— Один волк, — уточнила Валери.

— Он заслуживает доверия?

— В полнолуние настолько, насколько и любой другой оборотень, но в остальное время профессор Римус Люпин — один из самых приятных и тактичных людей, которых я встречала.

— Опять оборотень. Это никогда не кончится, — вздохнула Инь А-Цзы. Один из рыжих хвостов нервно дернулся. — Неужели и мы, и все наши потомки обречены на это страдание во всех последующих жизнях...

— Я думала, интересно жить по триста-четырееста лет, — с легкой завистью заметила Валери. У Гарри отвисла челюсть.

— Вам, простите, мэм, что, триста лет? — обалдело переспросил он. Кицунэ добродушно улыбнулась.

— Юноша, разве ты не знаешь, что волшебники живут куда дольше обычных людей? А мы, оборотни, вообще можем существовать веками.

— Неужели и ваша дочь тоже? Сколько же ей лет?

— Всего тридцать, мой мальчик. Не сравнить с моим возрастом, но это уже немало, если учесть тот груз знаний, который она на себе несет. Тебя, вероятно, удивляет, что мне — почти пять веков, а ей всего тридцать?

— Ох, Гарри, это же не проблема для людей, которые могут сварить себе Молодильный Состав или просто оттянуть свое старение с помощью разных заклятий! — засмеялась Валери.

Гарри замялся. Он никогда не думал, что может жить так же долго, как Дамблдор. И не был уверен, что ему этого захочется. Или — что ему представится такой шанс, учитывая такие объективные обстоятельства, как Вольдеморт, например, для которого день лишения жизни Гарри Поттера стал бы кануном исполнения величайшей мечты, и который он объявил бы всенародным праздником, в случае (а о таком случае Гарри думать не очень хотел), если все, в конце концов, повернется не в лучшую для него, Гарри Поттера, сторону.

— Если бы маглы могли устроить себе такую же долгую жизнь, интересно, выбрали бы они ее или тихую старость и спокойную смерть?

— Люди, дорогая Валери, сильно изменились, но, увы, многие не в лучшую сторону. К нам они и по сей день остались все так же несправедливы и жестоки, — тихо сказала Инь-старшая, дотрагиваясь кончиками пальцев до шрама. У мисс Эвергрин тут же сделалось виноватое выражение лица, словно она дотронулась до открытой сердечной раны.

— Я связалась с вами, Инь-тян не только для того, чтобы сообщить новости от вашей дочери, — быстро сказала она. — Дело в том, что у нас возникли проблемы с кое-какими компонентами для одного препарата. Вероятно, Инь-младшая говорила вам, что для него не хватает разных мелочей. Очень нужных мелочей. И нет шансов, что нам как-нибудь скоро удастся их раздобыть. Но мне известны ваши глубокие познания в магии Востока, уважаемая. Дело в том, что мне не так давно попалось на глаза одно мощное заклятие для уничтожения Зла, сила которого превосходит многие другие. Но в нем мне кое-что не ясно, перевод довольно сложен... это, скорее, по вашей части.

— Я вас слушаю, дорогая. Если я смогу вам помочь, то буду просто счастлива. Мой долг перед вами мне предстоит платить еще во многих новых рождениях, — серьезно сказала А-Цзы.

— Не нужно об этом, уважаемая Инь-тян! — замахала руками Валери.

— Так о чем вы хотели спросить у меня, милая Валери?

— Что получится, если соединить, — быстро процитировала мисс Эвергрин. — «Огонь, Воду, Землю, Металл и Дерево, заключив внутри них Зло неразделимыми цепями Инь и Ян?»

Инь А-Цзы застыла.

— Кто дал вам этот текст? — еле слышно прошептала она.

— Такамити-сан по моей просьбе прошерстил хранилища храма Исэ и любезно предоставил эту рукопись в мое распоряжение, — удивленно воззрилась мисс Эвергрин на Инь-старшую. — Почему вас так удивляет это заклинание, Инь-тян?

— Это заклятие Пяти Стихий, — тяжело дыша, пробормотала кицунэ. — Я слышала о нем больше трехсот лет назад! Мир так тонок, его существование столько непрочное. Но лишь немногие заклинания могут прервать его существование. Очень страшные заклинания — Замыкающие. Заклятие Пяти Стихий — одно из них. Созданное больше двух с половиной тысяч лет назад великим мастером Лао, оно еще ни разу не было применено: связывая Зло, заключенное внутри символической фигуры, оно способно убить и все живое вокруг, перевернуть целый мир... Если связи Инь и Ян, сковывающие Зло внутри этой фигуры, окажутся непрочными,

то мир будет обречен. Еще не встречалось Зло такой мощности, чтобы во имя его уничтожения можно было пойти по такому опасному пути...

— Возможно, пришло время, — пробормотала Валери, грызя кончик дужки своих очков. — Кто знает...

— Это заклинание не даст Злу вырваться за пределы фигуры, образованной Пятью Стихиями, но уничтожить его не сможет, — покачала головой А-Цзы. — Замыкающие заклятия чрезвычайно сильны и опасны, но убить Зло они не в силах. Так что вы ошибаетесь, моя дорогая, увы, убить Вольдеморта этим заклятием невозможно. Да, я знаю, что это вас расстроило, — протянула кицунэ пальцы к зеркалу. — Но стоит ли такой жертвы с вашей стороны всего лишь один злодей?

Валери молчала. Гарри тоже. Он не знал ответа на этот вопрос. Вольдеморт — «всего лишь один злодей»? Он сомневался, что это «лишь» подходит к Вольдеморту и его злодеяниям. С одной стороны: его собственные родители, бабушка и дедушка Сьюзен, Седрик, Хагрид, Фред, Чу и многие-многие другие. А с другой — кошмарнейший риск для всего остального человечества. Я не могу отвечать за это решение: жить или умереть такому количеству людей во имя победы над Вольдемортом. Я не могу взять на себя такую ответственность, думал Гарри, искоса поглядывая на мисс Эвергрин. Она тоже не могла, он видел это. Но все-таки сомневалась.

— Что ж, спасибо за консультацию, почтенная Инь-тян, — вздохнула, наконец, Валери. — Мне жаль, что пришлось вас побеспокоить.

Китайка встала, мягко шурша красным платьем, и подошла к зеркалу поближе. Рыжие хвосты выглядывали из-под переливчатой ткани, и это казалось совершенно естественным и привычным для такой, как она.

— Удачи, дорогая. Передайте моей дочери, что я люблю ее и жду поскорее домой. И не тревожьтесь так, милая Вэл. Злодеи приходят и уходят, а мир остается. Они еще ни разу не смогли разрушить его или присвоить себе. Они могущественны, но в чем их сила? В подлости и обмане.

...Движение солнца
Он остановил копьем воздетым.
Много их, идущих против Неба,
Власть его присвоивших бесчинно...

— Но это еще не конец стихотворения, — негромко заметила Валери Эвергрин, странно глядя в глаза Инь А-Цзы.

— Я хочу смешать с землею небо,
Слить всю необъятную природу
С первозданным хаосом навеки
И избавить мир от их разбоя...

— процитировала она. Кицунэ наклонила голову, прощаясь, и Валери кивнула ей в ответ. По краям зеркала вновь появилась туманная дымка, а потом переливающаяся жидкость начала собираться в центр стекла, постепенно скрывая от Гарри и солнечную комнату с яркими шелковыми ширмами, и девятихвостую кицунэ Инь А-Цзы.

Глава 9. Мыслив профессора Эвергрин.

Назавтра полил сильный дождь. Настроение у Гарри резко испортилось — по сравнению с вчерашним триумфом он чувствовал себя просто ужасно, — да и у всех в доме оно в этот день оказалось на редкость препаршивым. Глориан из-за позавчерашних гостей и вчерашних таинственных дел в Министерстве Магии не ездил к древним камням и очень рассчитывал на сегодняшнее утро. Естественно, он был разочарован. Винки была расстроена потому, что был расстроен Глор. А Валери была расстроена вообще и пребывала в таком колючем состоянии, что никто к ней не осмеливался приблизиться. Гарри связывал это с тем, что вечером, после того, как волшебное зеркало погасло, и Инь А-Цзы исчезла, опять прилетал Корби. Он принес короткую записку, сожрал всю копченую колбасу на кухне, нахально проклевал дырки в любимой занавеске мисс Эвергрин и улетел в ночь, оставив ее в настолько мрачном настроении, что Гарри заподозрил хозяина Корби в заранее продуманной диверсии. Впрочем, он на нее вполне способен, угрюмо думал Гарри утром, видя, как мисс Эвергрин, хмурясь, задумчиво слоняется из угла в угол, периодически подходит к шкафу и мрачно передвигает на полке книги по криминальной психологии. В руках у нее был крохотный белый клочок бумаги, но не тот, что прислал профессор Снейп (тот был безнадежно засален). Валери сама написала на нем несколько слов, а потом полезла рыться в книгах, чтобы проверить какую-то версию, Гарри так и не смог понять из ее сбивчивых объяснений, какую. Даже явление в руках у Гарри волшебной палочки не избавило ее от этого странно заторможенного состояния. Она рассеяно пожелала Гарри удачи и посоветовала поставить производство волшебных палочек на широкую ногу, заключив со Сьюзен контракт и создав предприятие на равных паях. Эти шутки в ее устах говорили о том, что она еще не совсем потеряла чувство юмора, но была к этому близка.

Гарри позвонил Сьюзен, извинился за то, что не сможет прийти к камням сегодня и, когда Сью призналась, что ей очень жаль, почему-то подумал, что ему тоже жалко терять целый день, на который у него было столько планов. Сью восторженно призналась Гарри, что не прочь повторить опыт с изготовлением волшебной палочки и ужасно сожалела, что у нее во дворе не пасется единорог, дабы набить его шерстью их очередной шедевр. Ничего не поделаешь, уныло подумал Гарри, планы подождут до завтра, а пока, решил Гарри, нужно найти себе подходящее занятие. Он вытащил из под кучи литературы по Боевой Магии *Пособие по Магическим осадным средствам и защите крепостей от оных* и увлекся изучением способов метельной атаки, носивших странные названия: *гиппогриф, дракон, свинья, орел* и так далее. Пригодится, подумал Гарри, рассматривая движущийся рисунок, изображающий правильный клин колдунов на метлах, осаждающих старинный замок, наверняка, эти способы и в квиддиче можно с успехом применять. В примечаниях к этой книжке Гарри углядел интересное название — *Предупреждение черномagicеских преступлений с помощью магловских теорий психоанализа* — и вспомнил, что недавно видел, как мисс Эвергрин листала нечто подобное у себя в комнате.

Очнувшись ближе к вечеру, перелопатив массу книг и написав покаянное письмо Рону и Гермione (ни о джинне, ни о мыслечтении там не было ни слова, зато Гарри в подробностях расписал встречу со Сьюзен Боунс и, не удержавшись, под большим секретом поведал о том, что у него уже есть волшебная палочка) Гарри отправился на кухню в поисках ужина и мисс Эвергрин. Ужин стоял на столе, но вот Валери исчезла, и никто не мог сказать, куда она подевалась, просто без лишних слов аппарировала в неизвестном направлении прямо из кухни по словам Винки. Гарри подкрутил настройку аппародетектора, чтобы он не сильно скрипел и взглянул на Глора. Глориан смотрел на непрекращающийся ливень за окном и был мрачен и неразговорчив. Винки робела, и из-за общего мрачного настроения у нее, в конце концов, не сбился крем для пирога, что привело ее в состояние, близкое к обмороку. Пока Глориан утешал Винки, Гарри вылез из-за стола, прихватил с собой стакан тыквенного сока и отправился в комнату мисс Эвергрин поискать книжку.

Ее спальня была завалена книгами по самый потолок, похоже, она что-то искала, потому что многие журналы и фолианты были раскрыты и валялись в самых разнообразных местах. Стопка *Дейли Пророков* за неделю украшала полог, из-под кровати выглядывал *Вестник аврора* за прошлый декабрь, *Психология черных магов и их заложников* Макса фон Захапкинда, кажется, использовалась вместо подушки, а сама подушка валялась в углу, точно Валери ею во что-то запустила. Поблизости обнаружили осколки одной из декоративных бутылок. Гарри почему-то

представил, как Валери на что-то разозлилась так сильно, что бросалась бутылками и подушками в стену. На что-то или на кого-то? Неужели поссорилась с Глорианом? Поэтому он так мрачен?

Книгу он нашел за ночником, зажатую между ворохом старых газет и трехтомником по *Рефлексам и разуму магических существ: от клубкопуха до дементора*. Нетерпеливо отодвинув увесистое собрание сочинений, Гарри взялся за нужную ему зеленую книжку, подергал за корешок, но стиснутое книгами с обеих сторон, *Предупреждение черномагических преступлений* не желало сдавать позиции. Гарри дернул посильнее и, к его ужасу, книги обрушились на пол, попутно свалив ночник. Первый том древних *Рефлексов и разума* моментально развалился на несколько маленьких томиков, а вожделенная книга резво ускакала под кровать. Ворча, Гарри нагнулся и стал шарить под кроватью, попутно размышляя, как бы повежливее попросить у Винки колдоленту, чтобы заклеить рассыпавшуюся книжку. Внезапно его пальцы наткнулись на что-то каменное и холодное, Гарри сердито дернул это *что-то*, недовольный возникшим препятствием. Тяжелый камень поддался, почти на четверть выползая из-под кровати и демонстрируя руническую вязь на краю, но когда парень дернул посильнее, то почувствовал, что камень качнулся, и на руку ему плеснуло что-то ледяное, просто обжигаяще холодное. Гарри не успел сориентироваться, как его скрутило и бросило головой вперед в какой-то темный водоворот. Знакомое ощущение пустоты и черноты сменилось чернотой ночной. Ему в лицо пахнуло холодным зимним ветром, и Гарри понял, что находится в саду.

Определенно, это был тот самый садик их Дома на болотах, но выглядел он немного странно. Во-первых, почему-то была зима, и на Гарри периодически обрушивались с деревьев кучки мокрого снега. Вместо кустов выродившихся роз по краю сада в снегу угадывались обрезанные и укутанные пленкой пеньки смородины, их Гарри прекрасно знал, так как Дурслеи каждую осень поручали ему проделать то же и с их смородиновыми кустами. Старая липа, растущая на краю сада перед калиткой, почему-то была чуть ли не вчетверо меньше. А сам дом, когда Гарри обернулся к нему, оказался намного новее, с новым крыльцом, и занавески на окнах были не белые, а голубые. Ничего не понимая, Гарри, однако, заметил, что ему, несмотря на то, что он стоял по колено в снегу, совсем не холодно, хотя он все еще ощущал странную скованность в левой руке, на которую брызнуло неизвестное вещество. Подойдя к освещенному окну, Гарри поднес руку к лицу и увидел на ней остатки серебристо-белой субстанции...

Какой же я идиот!

Это же был... Мыслив!

Гарри сразу узнал странную серебряную субстанцию, брызнувшую ему на руку. Года полтора назад он уже видел точно такую же в Мысливе Дамблдора. Значит, эта каменная чаша была Мысливом профессора Эвергрин? И он теперь находится внутри? Получается, то, что он видит вокруг – ее мысли и воспоминания?

За окном послышался какой-то шорох, и Гарри, не боясь, что его увидят, заглянул в окно. В доме по лестнице спускались двое мужчин. Через минуту дверь открылась и на пороге в квадрате желтого света от бра, висящего возле вешалки, показались два темных силуэта. Один из них замер, нервно комкая в пальцах платок, другой прижимал к себе черный саквояж. Ветер раздувал полы серого пальто.

— Джерри, ты же понимаешь, что здесь ничего нельзя было поделывать, — тихо сказал он. Гарри, зная, что его все равно не увидят, подошел вплотную к ним и с интересом рассматривал обоих мужчин. — Это должно было случиться рано или поздно, и ты это знал. С Элейн это произошло позже, чем даже я представлял себе. Крепись, Джерри, у тебя же есть дочь, ей понадобится твоя помощь.

Гарри взглянул в бескровное лицо высокого мужчины, с которым разговаривал врач и тут же понял, что именно его он видел на фотографиях, стоящих в гостиной на рояле. Большой и сильный человек, он выглядел, как воздушный шар, из которого выпустили весь воздух. Плечи его судорожно дрожали, видно было, что этот день для него – самый страшный в жизни. Он посмотрел вслед доктору, бредущему через снежные наносы к машине за калиткой, и медленно закрыл дверь. Гарри, изловчившись, проскользнул в холл под его рукой.

Внутри дома немного изменилось, подумал Гарри, разглядывая все ту же массивную мебель и большой темный диван. В углу дивана застыла маленькая фигурка. Девочка лет десяти с волосами, собранными в забавные светлые хвостики, дремала, устроившись щекой на потертого плюшевого медведя. Губы ее периодически шевелились, точно она молилась. Возле нее, положив ладонь ей на плечо, откинулась на спинку дивана пожилая женщина в тусклом платье и с побелевшими дрожащими губами. В этой женщине с неопрятным узлом волос на затылке и в

дырявой вязаной шали Гарри с удивлением узнал миссис Фигг. Да, это несомненно, была она, только лет на двадцать моложе. Увидев, что в комнату входит хозяин, она стремительно поднялась.

— Джеральд?..

Он не ответил и вместо этого упал в кресло, закрыв лицо руками, его пальцы мучительно впилась в волосы. Девочка, разбуженная движением миссис Фигг, спросонья подняла голову, открыла еще замутненные сном огромные синие глаза и пролепетала:

— Мапочка?

Миссис Фигг присела рядом с девочкой, обняла ее, и так тихо, что даже Гарри, стоящий в двух шагах, еле услышал ее, сказала:

— Мама умерла, Валери...

Валери смотрела на миссис Фигг во все глаза и молчала, видимо, не зная, что сказать.

Огромные мускулы Джеральда Эвергрин отчаянно напряглись, когда он отнял руки от лица и обхватил подлокотники кресла. Он стремительно вскочил, бросился к дочери, поднял ее на руки и зарыдал, зарываясь лицом в дрожащие хвостики.

— Папа, почему?.. — заплакала девочка, и тут Гарри вдруг обнаружил, что комнаты вокруг него больше нет, только серый, клубящийся туман. Потом туман рассеялся, и его с силой бросило на колени. Он уткнулся носом в дверцу шкафа, на которую падал солнечный свет из окна. Гарри повернул голову к отдернутой гардине. Была весна.

По-видимому, прошло довольно много времени, занавески были уже белыми, а липа за окном прилично подросла и отчаянно тянула цветущие лапы к начинающему зарастать садику. Послышался топот копыт, и Гарри увидел, как к калитке верхом на пегой лошади подъехала девушка лет восемнадцати. Она спешила, набросила поводья на колышек и, насвистывая что-то, влетела в дом. У нее, похоже, было прекрасное настроение.

Гарри с интересом разглядывал сильно подросшую с прошлого воспоминания Валери Эвергрин. Сейчас она была лишь немногим старше его самого. Высокая, удивительно привлекательная, с длинными грациозными ножками и большими синими глазами. На красную, расстегнутую на груди рубашку падал ворох золотистых волос с вплетенными в них глиняными бусинками, с руки свешивался такой же замысловатый хипповский браслет. Она довольно потянулась и сбросила сапоги для верховой езды в угол. Гарри услышал, как она взлетела вверх, потом какое-то время из ванной раздавалось немножко фальшивое пение (он захихикал – Валери пела арию Марии Магдалины из мюзикла «Иисус Христос — суперзвезда»), а потом она так же быстро пробежала мимо него, чуть не задев Гарри своими длинными, еще мокрыми после купания волосами. В руках у нее была стопка книг и листов бумаги, а глаза сверкали от нетерпения. Гарри прошел следом за ней на кухню и увидел, как она, уткнувшись в учебник по криминальной психологии, пытается налить себе чай. Почти все попало мимо чашки, но не обращая на это внимания, Валери разложила книги прямо на чайных лужах и принялась увлеченно что-то конспектировать, изредка прихлебывая чай и не попадая в рот булкой – видимо, книги были ей настолько интересны, что она не замечала ничего вокруг.

Гарри сел напротив и стал разглядывать ее. Странно, но ему показалось, что кроме прически с семнадцатилетнего возраста в ней почти ничего не изменилось: Валери была все такая же быстрая, полностью увлеченная делом, совершенно не приспособленная к домашнему хозяйству, судя по горке грязной посуды в раковине.

Зазвонил телефон. Валери с неудовольствием оторвалась от своих конспектов и отправилась к старомодной трубке возле вешалки в коридоре.

— Да? А, Джейсон, привет! Нет, только что вернулась на Пасхальные каникулы... Скучал? Правда? Ты – просто прелесть, милый! Нет, не могу, у меня много работы... Ну, Джейсон, подумай сам, мне нужно закончить проект до следующей недели, это и так будет сложно без университетской библиотеки! Что, в ресторан? Ну, Джейс, если ты на это решишься, то... Нет-нет, ничего не сказала. Честное слово, моя тема так интересна, что я испорчу тебе все настроение, болтая о ней в ресторане, я больше ни о чем думать сейчас не могу! Нет, ты не обидишься, дорогой! Почему? Потому что ты вообще не можешь на меня обижаться, ведь правда, милый?! Вот видишь. Э-э-э, Джейсон, тут папа пришел, надо ему готовить ужин... Да, пока, милый, звони! — она с грохотом швырнула трубку на рычаг и вынесла вердикт. — Боже, какой идиот!

Возвращаясь к столу с разбросанными на нем книгами Валери внезапно схватила лежащий на подзеркальнике дротик и запустила его в доску для дартса, висящую над кухонной дверью – Гарри едва успел увернуться. Он оглянулся – Валери выбила яблочко даже не прицеливаясь.

Неплохой результат. Отведя таким образом душу, она уселась за стол и с удвоенной силой застрочила по бумаге, то и дело откидывая мешающую ей прядь золотых волос.

Кто-то прошел по дорожке прямо к дому. Звонок. Валери, точно спросонья, не сразу поняла, что дверь открывается, но когда в дверях кухни возник ее отец, она издала радостный вопль, запустила в угол толстенный том и бросилась к нему на шею.

— Па!

— Вэл, ты уже вернулась! А я-то думал, что ты завтра приедешь, хотел попросить Кевина встретить тебя на вокзале, — мистер Эвергрин потрепал Валери по густой золотой челке. — Слушай, разве теперь так ходят? Вчера видел парочку — боже мой, к чему мы идем! — на куртках фунт заклепок, волосы лилового и зеленого цветов, кошмарные петухи на голове, проколото все что можно и что нельзя, а ты... Какая у меня старомодная дочь, — с удовлетворением заметил Джеральд, ласково подергав Валери за глиняные бусинки браслета. — Неужели хиппи еще не вымерли?

— Дети цветов процветают, пап, — ухмыльнулась Валери. Не переставая обнимать отца, она прижалась щекой к его плечу. — Однажды мы с тобой потеряем работу, потому что больше не будет преступников, вот увидишь! Мир станет лучше, когда в нем не останется зла.

— Бог мой, это говорит будущий юрист! Мечтательница, ты никогда не сможешь работать в полиции, лучше иди в адвокаты, говорю тебе! — мистер Эвергрин отпустил Валери и заглянул в маленькую кастрюльку. — Это ты пыталась сварить суп? Гениально! Попытка — уже хорошо, — захихикал он и шутливо похлопал Вэл по боку. — Когда-нибудь ты даже сумеешь сварить яйцо, и моя жизнь будет прожита не зря!

— Папа! Честное слово, я уже не маленькая девочка, чтобы со мной так говорить! Лучше расскажи, сколько бандитов ты ухитрился поймать сегодня? — с энтузиазмом сменила тему Валери. Она забралась на стул и оперлась на локти, радостно заглядывая в тарелку: из нее отец отважно хлебал ее варево, которое вежливо назвал супом.

— Бедный ребенок! И когда ты повзрослеешь? Я горжусь, что ты — вундеркинд, Вэл, но иногда, честное слово, мне кажется, что тебе нужно перестать сидеть над книжками! Мир тебя разочарует!.. Я знаю, что то, чем занимаешься ты, важно, но полиция работает и с пьяницами, наркоманами и проститутками, а не только с таинственными убийцами. Знаешь, на задании в меня иногда постреливают, я в кабинете не сижу часами, как ты!

— Пап, но мое дело — размышлять, а не глупо размахивать пистолетом, не терплю оружия в руках. Оно способно заставить тебя думать, что ты можешь повелевать всем миром, жители которого не имеют в руках заряженного пистолета, — фыркнула Валери. — Интересно было бы представить меня с чем-то, что способно убить или покалечить!

— Дорогуша, но ты же сама настояла на том, чтобы я научил тебя стрелять и нож бросать в цель? Что-то не сходятся твои логические рассуждения...

— Да нет же, папа, все просто! Это для того, чтобы защитить себя. Или другого человека. Но поднять на кого-то руку с желанием убить — нет, никогда так не поступлю!

— Идеалистка, — буркнул Джеральд Эвергрин, приканчивая булку. — Обломает тебя жизнь!..

— О, пап, я так люблю тебя, — Валери потерлась щекой о руку отца.

Снова рывок и клубящаяся тьма. И снова Дом на болотах. Но уже лето. Буйно цвели яблони в саду, а птицы орали просто отчаянно. Гарри стоял теперь возле входной двери и едва успел увернуться, когда Валери галопом сбежала с лестницы, попутно собирая волосы в узел и роняя на пол шпильки и заколки. Она чертыхнулась и бросила взгляд на назойливо тикающие часы с кукушкой, висящие на стене. Было без пяти шесть.

— Черт, па, ну где ты?

Кажется, прошло уже немало времени с тех пор, как Гарри последний раз видел ее в Мысливе. На Валери было темно-синее вечернее платье, а в руках она нетерпеливо вертела сумочку. Было видно, что она куда-то собирается и ждет отца. И действительно, она подошла к телефону и набрала какой-то номер.

— Управление полиции Ньютон Эббота? Тиддлер, ты? Слушай, куда там папа подевался с вашего собрания? Вроде, оно должно было закончиться еще в четыре. Что, *опять*? Нет, ну он же выходит в отставку, разве не это мы сегодня будем отмечать?! Кстати, кто из ваших решил устроить музыкальный вечер — па не особенно любит музыку. Ну, как тебе сказать: с тех пор, как мама умерла... Ладно, Тиддлер, привет жене и твоему богатырю... Как, уже прорезались зубки? Отстала я от жизни со своей диссертацией. Хорошо, если папа позвонит, скажи, что я встречу его прямо у театра. Пока!

Не успела Валери положить трубку, как в дверь постучали. Она издала вздох облегчения и кинулась открывать, чуть не своротив Гарри с дороги. Но на пороге стоял незнакомый молодой человек.

— Боже, Кевин, только не говори, что папа решил в последний раз отправиться ловить бандюг, чтобы отметить свою отставку! Он опять прислал тебя вместо себя? Он же знает, что его сержанту медведь на ухо наступил, и ты засыпаешь на второй минуте концерта!..

— Погодите, мисс Эвергрин, — тихо перебил ее молодой человек по имени Кевин. — "Он... не смог приехать. Дело в том, что... — он замолчал и только с каким-то отчаянным упорством пытался заставить себя продолжать, но не смог.

— Черт побери, ну что с ним такое произошло! Поймал Джека Потрошителя или..." — Валери запнулась, глядя в лицо Кевину. Она побелела. — Кев, ты почему молчишь? Что случилось? Да не стой ты, как пень, скажи что-нибудь, придурок! — заорала она, трясая сержанта за плечо.

— Мне очень... ужасно жаль, Валери, но с комиссаром Эвергрином случилось... Он поехал вместе с нами час назад. Перестрелка с грабителями возле банка на Графтон-стрит... И...

— Нет...

— Случайная пуля, Вэл. Он умер мгновенно. Даже не успел ничего почувствовать...

— Нет, этого не может быть... Не может! — прошептала Валери. Она уронила сумочку и прислонилась к двери, сержант Кевин едва успел подхватить ее, иначе она бы упала.

— Не может! — ее ногти впились в косяк прямо над головой Гарри Поттера. По белой краске поползли длинные бороздки.

Темнота. И свет. И — шумная улица... Лондон.

И — Валери Эвергрин, чуть не сбившая его с ног. Гарри шарахнулся от нее, почти вписался в женщину, несущую продукты в бумажном пакете, потом едва увернулся от солидного мужчины с портфелем и бросился догонять Валери.

Невероятно. Как она изменилась!

Гарри вспомнил, как она выглядела, когда он в первый раз встретил ее у миссис Фигг. Кошмарная прическа, обгрызенные ногти, чудовищно уродливые очки на носу. Все это было — но было маскировкой! Теперь же Гарри в ужасе наблюдал воочию, как все эти атрибуты полного равнодушия к себе (включая и уродливое серое платье, и рваный чулок, и грязную обувь) смотрятся на Валери — подумать только! — вполне естественно. Она быстро шла по направлению к Стрэнду, взгляд у нее был отсутствующий. В руках, конечно же, стопка книг, не вмещавшаяся в сумке. Она то и дело натыкалась на прохожих, небрежно бормотала извинения и неслась дальше, поглощенная какой-то мыслью. Завернув на тихую улицу (Гарри — за ней), Валери, уткнувшись в лежащую поверх стопки книжку и начала судорожно листать ее, настолько отвлекшись от жизни, что, по-видимому, свернула не в тот переулок и, оказавшись в пустынном и замусоренном тупике, гулко вписалась в спину какого-то человека. Гарри вздрогнул — человек был в *мантии* с надписью Министерство Магии. Гарри он показался смутно знакомым.

— Простите! — пробормотала Валери и, не обратив внимания на дикую с точки зрения обычного человека одежду, отправилась дальше, увлеченная книгой. Но Гарри, четко видевший всю кошмарную картину, застыл от ужаса.

Человек, в которого только что влетела мисс Эвергрин, стоял у самой стены, палочка в его руке дрожала. Он направлял ее на другого колдуна в длинной серой хламиде, и искоса всполошенно смотрел на мирно удаляющуюся от них маглянку с тонной книжек под мышкой. Свидетельницу. Но на Заклятие Забвения времени не было. Его соперник не преминул воспользоваться секундной заминкой.

— *Ступефай!* — громко каркнул колдун в серой мантии. Его кустистые седые брови яростно съехались над глазами, а тонкогубый рот искривился в язвительной ухмылке. Молодой аврор из Министерства Магии отлетел на несколько шагов и упал на кучу картонных коробок возле мусорных баков. Судя по неприятному хрусту, он сломал то ли ногу, то ли руку, и глухо застонал, не в силах двигаться. По щеке аврора текла кровь.

— *Экспеллиармус!*

Палочка рванулась из его рук, птичкой взмыла в воздух и приземлилась недалеко от Гарри. Серый колдун ухмыльнулся и занес свою высоко над головой. Гарри сковало страхом: неужели он ничем не сможет помочь? Нет, это всего лишь воспоминания, все, что он видит, уже случилось, и он бессилён. И только тут он заметил, что Валери уже не удаляется от них по улице, видимо, она рассеянно дошла до кирпичной стены тупика и только тут сообразила, что повернула не в ту

сторону. Поэтому она теперь стояла, широко раскрыв глаза и смотрела, как серый колдун взмахивает своей палочкой и спокойно начинает:

— Авада...

— Вы что, с ума сошли, сэр? — громко перебил преступника голос Валери. Гарри аж подскочил. — Что это вы делаете? Оставьте его в покое! И немедленно, или я позову полицию!

Серый колдун расхохотался. Он поиграл своей палочкой в руке (глаза Валери не отрывались от него, оценивали ситуацию, пытались проанализировать причины такого странного поведения этого человека, подсчитывали шансы) и вновь коротко хохотнул:

— Глупая грязная маглянка! Что ж, одним свидетелем меньше! — палочка описала круг и взлетела вновь. Валери, наблюдал Гарри, как в замедленной съемке, выронила книги, будто бы не спеша, нагнулась, протянула руку за упавшей палочкой аврора, подобрала ее и, бегом рассмотрев, безошибочно взялась за нужный конец, что необычайно рассмешило черного мага. — Ты хочешь сразиться со мной? Что ж, попробуй! Даю тебе минуту форы!

— Уходите, — просипел аврор из кучи мусора. Он не мог встать, упавший ему на ногу ящик лишил его всякой возможности подняться. — Бегите, быстрее!

— Неужели это... то, что я думаю? — Валери не отрывала глаз от волшебной палочки в своей руке. Она, похоже, даже не была удивлена, просто пыталась подобрать логичное объяснение тем событиям, свидетелем которых она стала, и, не найдя разумного их истолкования, склонилась к самому фантастическому варианту. Самому правильному. — Тогда, она сработает... Как это вы сказали? — почти вежливо обратилась она к серому колдуну. — *Ступефай?* И сделали — вот так? — Валери осторожно описала палочкой кривую дугу.

Реакция была ошеломляющей. Палочка в ее руке с грохотом выстрелила снопом гигантских молний, рассеявшихся в воздухе черным дымом. Черный маг с истошным криком перевернулся в воздухе, сильно треснул головой и боком о землю и затих. Валери испуганно выронила палочку, но все было уже кончено. Поэтому она быстро пробежала мимо неподвижно лежащей на земле серой бесформенной кучи, разбросала ящики и подала руку лежащему в картонном гробу волшебнику.

— Сэр, с вами все в порядке? Объясните, что здесь происходит?

— Вы из Отдела Тайн? — осипшим от боли голосом спросил маг, сильно хромя на левую ногу. — А я думал, что вы просто маглянка. Нет, никогда не видел такой превосходной конспирации! Ваши что, уже здесь?

— Наши? Простите, сэр, я не понимаю... Вам нужно в больницу. Погодите, сперва надо найти телефон и позвонить в полицию! Этот человек хотел вас убить! На углу, кажется, есть автомат, я вызову скорую помощь — вы ранены, сэр. Нет, невероятно, я не знаю, кто вы такой, но все это кажется какой-то магией! — без умолку говорила Валери, не в силах остановиться. Он протянула руку волшебнику и с трудом помогла ему подняться.

Аврор недоуменно смотрел на нее. Потом перевел взгляд на свою палочку на земле. Но сказать ничего не успел, потому что раздалось несколько быстрых хлопков, и из воздуха появились несколько человек в таких же мантиях, как у него. Гарри увидел, как, прихрамывая, к ним спешит Аластор Моуди.

— Флоран, вы ранены? — проскрипел Дикоглаз, сурово вращая своим волшебным оком в разные стороны. Валери замерла — от потрясения, обычному человеку облик Моуди никогда не казался чем-то тривиальным. Гарри тоже — от любопытства. — Это вы положили Акелдамуса? Хорошая работа.

Несколько авроров уже подхватывали по мышке серую кучу по имени Акелдамус и взмахивали над ним палочками — Гарри услышал слова Обездвиживающего заклятия.

— Н-нет, сэр, это не я, а вон та леди, — растерянно пробормотал Флоран. Гарри ударило точно током: он вспомнил где видел этого человека! Как это ни дико звучало, но этого молодого человека звали Флоран Фортескью, и он почти каждый год угощал Гарри и его друзей мороженым на Диагон Аллее, потому что был владельцем самого известного кафе-бара на этой волшебной улице. Так Флоран Фортескью — бывший аврор? И *бывший* ли? Гарри почему-то решил, что нет, вспомнив, как усиленно приглядывал за ним хозяин кафе, когда все вокруг считали, что за Гарри охотится Сириус Блэк. Привлеченный бесплатным мороженым, которым его радушно угощал Флоран, Гарри почти не отлучался тогда из его заведения, разложив все свои книги и учебники прямо на столике под пестрым зонтиком и старательно готовясь к новому учебному году. Так Флоран Фортескью, значит, следил за ним, охранял его, потому что это было его заданием?

— Та леди? — хмуро переспросил Моуди и повернулся к впившейся в него взглядом Валери. Жадный интерес в ее глазах говорил Гарри о том, что в ее голове происходит отчаянная работа мысли, она старается логически объяснить, что вокруг происходит. — Мисс, вы как здесь оказались? Вы из какого отдела?

— Ох, сэр, кажется, она маглянка...

— Но-но! — погрозила ему пальцем Валери. — Не изволите ли объясняться яснее, молодой человек? Вы что, пытаетесь меня оскорбить? Что это за «маглянка» такая?

— Ну, так наложим на нее заклятие Забвения, за чем же дело стало, — скучающе приговорил ее Моуди и поднял палочку. С быстротою молнии Валери метнулась обратно, подняла палочку Флорана и наставила ее на старого колдуна.

— Только попробуйте прикоснуться ко мне, сэр, или что-то сказать! Я уже поняла, как обращаться с этой штуковиной!

— Сэр, — подал слабый голос Фортескью. — Я же сказал — это она отправила Акелдамуса в нокаут! Она не понимает, что происходит, это точно. Но палочка словно расцвела у нее в руке, когда она произнесла заклятие! Никогда с мной не случалось ничего подобного: такая отдача могла быть лишь у очень сильного колдуна! Видели бы вы, сэр: точно бомба взорвалась! Но она маглянка — это бесспорно!

Моуди с минуту оценивал оцетинившуюся Валери магическим глазом и качал выщербленным носом. Затем кивнул двоим волшебникам в форменных мантиях авроров.

— Забираем ее, парни!

— Стойте! — закричала Валери, когда один из волшебников решительно взял ее за плечо. — Мои книги!

Книги остались лежать на земле. А потом землю тоже заволочло туманом.

Теперь Гарри сидел в углу на стуле в какой-то узкой и серой комнате. Помимо его стула, в комнате было еще два. Один — перед старым поцарапанным столом со следами давних подпалин — занимала Валери Эвергрин, донельзя злая и рассерженная. Второй — напротив — пустовал, и возле него расхаживал взад-вперед Дикоглаз Моуди, тщательно изучая пачку бумаг загадочного содержания.

— Я уже много раз повторила, сэр, — раздраженно говорила мисс Эвергрин. — Что не понимаю, о чем вы говорите! Я не знаю, ни кто такой Акелдамус, ни кто такой Вольдеморт! Я не знаю, чего вы от меня хотите, даже не представляю себе! По-моему, прежде всего вы сами должны мне объяснить, где я нахожусь, и каким образом меня сюда доставили. Вы что, работаете в каком-то сверхсекретном почтовом ящике? Кто вы такой? Пока я не узнаю, кто вы, на кого работаете, какого черта меня допрашиваете, в чем обвиняете, и где мой адвокат, ничего я вам не скажу. Даже имени своего!

— А мне это и не нужно, — задумчиво прогундосил Дикоглаз. — Ваше личное дело у меня сейчас в руках. Хм, — он пролистал несколько страниц в папке. — Эвергрин, Валери. Двадцать два года. Родилась в Ньютон Эбботе, Девоншир, 5 октября 1965 года. Отец — Джеральд Эвергрин, старший комиссар местного отделения полиции, погиб при исполнении служебного долга два года назад. Мать — Элейн Эвергрин, учительница музыки в местном колледже, умерла от туберкулеза в 1975 году. Образование: высшее, имеет степень доктора психологии. Работает в Королевском Лондонском Юридическом колледже, профессор. Неплохо, в таком-то возрасте, настоящий вундеркинд! Мои поздравления, мисс.

— К черту ваши поздравления! У меня сегодня днем лекции, а я тут торчу! Знаете, ваше общество, конечно, не лишено привлекательности, тем более для ученого, но еще привлекательнее оно для меня станет, когда мне, наконец, объяснят, зачем меня здесь держат?

— А вам ничего не приходит на ум? — поднял черную кустистую бровь Дикоглаз. — Вы же, кажется, еще и логист? Иногда работаете в Скотланд-Ярде, правильно? Так к каким же выводам вы пришли?

Валери явно решила, что нужно выложить карты на стол. Поэтому она откинулась на стуле, переплела руки на груди и спокойно сказала:

— Что ж, пожалуй, я поделюсь с вами своими наблюдениями. Сперва я сочла вас и ваших коллег сотрудниками Секретной службы и решила, что влезла в самую гущу какой-то правительственной спецоперации. Но, откровенно говоря, ваш внешний облик слишком театрален для этого. Вы, простите, сэр, точно из зоопарка сбежали...

Дикоглаз Моуди завел глаза.

— Продолжу. Итак — нет, не Секретная служба. Больше походит на странное представление, точно кто-то скрытой камерой снимает кино, этакую помесь экшна и фантастики. Но даже самые дорогие спецэффекты не могут дойти до такого — перемещать людей из одного места в другое со скоростью мысли.

— Именно, — довольно кивнул Моуди. Он прохромал к своему стулу и с усилием упал на него, продолжая сверлить Валери Эвергрин волшебным взглядом. Гарри поежился от такого взгляда. — Так что же вы решили? Кто я такой, по-вашему?;

— Вы, как и ваши «коллеги», как вы их называете, обладаете одной странной особенностью, вот этой, — Валери кивнула на палочку в руке старого аврора. — Это все сказки, конечно, то, что у вас в руке. Но я сама видела, как это работает. Значит, это правда, и ей надо посмотреть в глаза — мне ничего не привиделось. Ну, и ваши странные наряды... думаете, я не заметила, что на них написано? Я пока умею читать по-английски.

— Так вы решили... Ну, что ж, скажите это вслух, дорогая!

— Я думаю, что вы — волшебник, — твердо сказала Валери, смело глядя Моуди прямо в волшебный глаз. — А все, чему я стала свидетелем — волшебство или что-то подобное ему. Я думаю, что вы все, кроме того серого неприятного типа, работаете в этом заведении, и находимся мы сейчас в нем же. А серый господин — похоже, он преступник, и вы за ним охотились. Я знаю эти штучки, мой отец работал в полиции, я сама — внештатный сотрудник Скотланд-Ярда... Скажите мне честно, вы и правда — колдун? — резко спросила она напрямик.

Моуди расплылся в довольнейшей улыбке, которая на его лице выглядела преотвратнейшей гримасой.

— Блестяще, мисс Эвергрин! Никогда я не встречал магла, способного так просто понять и принять очевидное. Мои поздравления вашей логике — она блестяще работает! Вы правы... можно сказать, во всем. Скажите, а вас не пугает ваше открытие?

— С чего это оно меня должно пугать? — величественно пожала плечами Валери. — Если вы не собираетесь меня прикончить, как свидетеля, мне ничего не угрожает.

— А если и собираемся? — Аластор Моуди вперил в мисс Эвергрин свой волшебный сверлящий взгляд. Гарри почему-то показалось, что Дикоглаз вполне способен сквозь глаза Валери увидеть и его.

— Я не боюсь умереть, — равнодушно сказала Валери, подпирая щеку рукой, испачканной в синих чернилах. — К тому же это было бы слишком банально, точно в плохом боевике. Но вы продолжаете держать меня здесь, и возникает естественный вопрос: почему? Думаю, все дело в том, что произошло с палочкой этого молодого человека в моей руке. Слишком уж он был поражен.

— Еще раз примите мои поздравления, — прошамкал Моуди. — Собственно, я решил забрать вас сюда, чтобы провести кое-какие эксперименты. Вы позволите? — он вынул свою палочку из рукава и положил на стол. — Возьмите ее.

Валери с интересом посмотрела на палочку, а затем — на аврора.

— А вы не бойтесь, — начала она крайне любезным тоном. — Что я сейчас возьму эту штуку и удеру с ней?

Аврор хрипло хохотнул.

— Нет, я знаю, что не удерете! Вам не меньше чем мне интересно, что будет дальше.

— Один — один, — вежливо кивнула Валери. — Итак, что от меня требуется?

— Повторите этот жест, — Моуди с любопытством смотрел, как Валери Эвергрин впилась глазами в его кривую, всю в шрамах руку, тщательно наблюдая за тем, какие движения она совершает. Гарри обратил внимание, что Моуди несколько раз воспроизвел жест, использующийся в элементарных заклятиях. — И скажите, ну, например, *Вингардиум Левиоса!*

— И что будет? Не особо хочется соваться в воду не зная броду!

— А вы рискните! — Моуди довольно хитро посмотрел ей в глаза.

Валери неуверенно откашлялась и с сомнением поглядела на старика. Видимо, он показался ей хиловат.

— Хм, что ж, *Вингардиум Левиоса!*

Результат превзошел все ожидания и Гарри, и Дикоглаза. Старика вырвало из-за стола, стул отшвырнуло в другой угол, а самого Моуди подбросило высоко к потолку. Он гулко ударился об него головой и завопил от боли. Деревянная нога, отвалившись, со стуком загрохотала по полу, а Валери застыла с палочкой в руке.

— Да уж, интересный получился эксперимент... Вы не сильно ушиблись, сэр? Может, стоило попробовать что-то полегче? — озабоченно поинтересовалась она, поигрывая палочкой в руке. Гарри не выдержал и хмыкнул.

В дверь вломилась целая дружина авроров с палочками наизготовку. Она застряла всей шумною толпой в дверях и с ужасом лицезрели ужасающую картину: их грозный шеф болтается под потолком, потирает синяк на лбу и хрипло хохочет. Волшебный глаз какое-то время беспечно болтался у него в глазнице, а затем капнул вниз и, тихо звякнув, укатился куда-то под стол.

— Сэр, с вами все в порядке? — громко спросил Флоран Фортескью, первым вломившийся в комнату. — Она ничего с вами не...

Моуди, однако, пребывал в эйфории:

— О, поздравляю вас, девочка! Поздравляю! Какое событие, а? Нет, какое событие! Сто лет уже не было такого! И надо же именно я нашел этот самородок! — Фортескью недовольно поморщился, точно Моуди только что отобрал у него кусочек славы.

— Событие, сэр? — Валери осторожно положила палочку на стол и вежливо подала руку Моуди, чтобы помочь ему спуститься. — Какое же?

Моуди сел, перевел дух и принялся пристегивать к своей культе когтистый протез.

— Вы — *латент*, моя дорогая!

И опять — туман.

И — «Дырявый котел»!

Гарри обнаружил, что сидит за столиком возле камина. Перед ним стояла полная кружка усладэля. Что ж, отчего бы не... Гарри оглянулся, но его, как всегда, не замечали, поэтому он решительно взялся за кружку и основательно приложился к ней.

Бр-р-р-р! Жидкость не имела ни вкуса, ни запаха, видимо, так как Валери Эвергрин ее не пила, она не сохранила воспоминаний о вкусе усладэля именно в этой кружке. Кстати, а где же Валери. Моуди, вот он, сидит у огня и посматривает то на дверь, то на остальных немногочисленных посетителей бара. Гарри аккуратно поставил кружку на прежнее место и обошел кресло с высокой спинкой, в котором сидел собеседник Дикоглаза. Его взгляд перся в длинную белую бороду и щегольской бархатный колпак с золотой кисточкой. Блеснули стекла очков-полумесяцев: Дамблдор!

Директор Хогвартса сидел напротив Моуди и мирно поедал сникерсы, на столе перед ним высилась уже целая куча оберток, и лакировал все это дело кока-колой. Моуди с подозрением поглядывал на красный рисунок на банке и прихлебывал из своей неизменной фляжки.

— Ну, где же она, неужели так и не смогла найти дорогу! — нервно прорычал он. — Мне стоило таких трудов уговорить Фуджа, а она, наверное, передумала!

— Не беспокойся, Аластор, — улыбнулся Дамблдор, угощаясь очередной конфеткой. — Неужели ты думаешь, что, оказавшись таком мире, как наш, девушка с настолько развитым воображением отступит и убежит? Она понимает, что означает слово «латент»?

— Я объяснил ей, — проворчал Моуди, обозревая темное окно, выходящее на магловскую улицу. — Но маглы... даже она... способны ли они понять всю ответственность, которую налагает судьба на латента? Хотя в этом случае... надеюсь, старина Бамблби, что эта девочка не передумает. Ради нее и ради нас всех надеюсь!

— Это не она, случайно, Аластор? — негромко поинтересовался Дамблдор, оторвавшись от конфет. Гарри обернулся и увидел стоящую в дверном проеме Валери. Она вновь изменилась: куда подевались серые платья, уродливые очки и небрежная лохматость. Перед ним стояла невероятно красивая женщина, лучащаяся энергией. Такая, какой он привык ее видеть. Длинные волосы ушли в прошлое, и Гарри узнал знакомую короткую золотистую стрижку. Элегантный костюм и дорогая сумочка. Валери точно пришла представляться потенциальному работодателю и изо всех сил старалась не ударить в грязь лицом, зная, что эта встреча изменит ее жизнь навсегда. — О, поздравляю! Великолепно, не правда ли? Представь, что если ей было бы шестьдесят? Ты переживал бы так же сильно?

Моуди, отчаянно нахмурившись Дамблдору, повернулся к Валери и помахал ей, немедленно поменяв мину на невероятно приветливую.

— О, мистер Моуди, добрый вечер! — Валери, сияя, подошла к их столику, и Дамблдор с Моуди вежливо (Моуди — еще и кряхтя) приподнялись и по очереди пожали ей руку.

— Присаживайтесь, дорогая, — прогудел Моуди. — Но позвольте вам сперва представить моего друга: Альбус Дамблдор, директор Школы Чародейства и Волшебства Хогвартс. Альбус, это — мисс Валери Эвергрин.

— Чрезвычайно приятно, — вежливо сказал Дамблдор, пожимая руку Валери, и, дожидаясь, пока она сядет, добавил. — Я невероятно счастлив, что вы согласились на мое предложение. Видите ли, патенты в наше время — большая редкость, а если они и существуют, то далеко не все обнаруживают себя.

— Последнего патента нашли много лет назад, — пояснил Моуди, почему-то хитро прищуриваясь в сторону Дамблдора. — Ох, и много же усилий, по слухам, потребовалось, чтобы уговорить его учиться. Но результат сидит перед вами, мы с ним окончили Хогвартс вместе!

— О, неужели? — глаза Валери с любопытством остановились на скромно улыбающемся Дамблдоре. — Вы тоже патент, сэр?

— В некотором роде, дорогая. В моей семье очень долго не было волшебников, поэтому, когда родились мы с братом, возникли кое-какие сложности. Но если мой брат — волшебник, мягко говоря, не слишком удачливый, *сквиб*, то мне повезло немного больше, хотя, к сожалению, несколько поздно. Не хотите ли конфетку? — Дамблдор с энтузиазмом предложил ей сникерс.

— Благодарю вас, сэр.

— Том! — хрипло позвал Моуди. Рядом материализовался бармен. — Стаканчик усладэля даме. И тарелку шоколадушек, — Том кивнул и умчался. Спустя пару минут на столе появился стакан и тарелка с шоколадом.

— И откуда вы узнали, что я люблю сладкое, — удивилась Валери, разглядывая шоколадушку. — Вроде, в моем досье это не значится.

— У меня свои методы, дорогая, как и у Альбуса, впрочем. Но вы, главное, скажите, согласны ли вы с нашим предложением? Сами понимаете, такой случай упускать нельзя!

— Хм, сэр, почему мне кажется, что и вы заинтересованы в этом не меньше меня? — Валери рассматривала усладэль на свет.

— Умна! — поднял кривоватый палец Дикоглаз Моуди.

— Патенты, мисс Эвергрин, — мягко заметил Дамблдор. — Всегда играли важную роль в истории магии. Почти все они стали могучими магами, известными своими подвигами.

При слове «подвиги» Валери ухмыльнулась и покачала головой, очевидно, не ассоциируя это со своей скромной персоной.

— И их предками, — добавил директор Хогвартса. — Всегда оказывались великие волшебники, если их вообще удавалось разыскать, этих предков.

— Так вы что, еще и ищете моих предков, что ли? — Валери перевела удивленный взгляд на Моуди. Тот завозился на стуле. — Разве то, что у меня были в роду *знаменитые* волшебники, настолько важно? Какая разница, *кто* они?

— Большая, моя милая, *очень большая*, — Дамблдор медленно разворачивал очередной сникерс. Гарри удивился увлеченности, с которой профессор ковырялся в обертке, точно не хотел поднимать глаза на Валери. — Чем больше была их сила, тем больше будет ваша. Аластор рассказывал вам о Вольдеморте?

— А, об этом! Да, было дело, но какое же это имеет ко мне отношение?

— Кто знает, дорогая, кто знает... Так вы, значит, согласны учиться в Хогвартсе? Это просто замечательно. Будет, конечно, трудно сначала, но мы, я имею в виду профессорско-преподавательский состав, вам всецело поможем!

— Э-хм, профессор Дамблдор, а можно я задам вам один вопрос?

Дамблдор благосклонно кивнул.

— А вы смогли установить, кто был *вашим* предком?

— О, конечно, конечно. Это было в высшей степени увлекательно, скажу вам, дорогая!

Гарри замер в ожидании откровения со стороны Дамблдора, но внезапно, вся картина перед глазами парня смазалась, как чернильное пятно. Он почувствовал, что его тянут за руку куда-то вверх, и спустя пару секунд оказался лицом к лицу с мисс Валери Эвергрин. Настоящей мисс Эвергрин. И она была *крайне* сердита...

Глава 10. Личная жизнь ментолегуса.

— Интересно было? — холодно спросила его мисс Эвергрин, отряхивая с рук остатки мыслей.

Гарри молчал. Реакция Валери была не похожа на реакцию Дамблдора. Директор всего лишь легонько пожурил Гарри и объяснил его хамское вторжение в свой внутренний мир естественным любопытством и жадой приключений. Профессор Эвергрин, по всей видимости, была не склонна считать так же.

— Что ты делал у меня в комнате? — был следующий вопрос.

Уткнувшись носом в Мыслив, Гарри про себя молился, чтобы Валери не разорялась слишком долго. Мисс Эвергрин вообще-то была отходчива, но если при ней совершалась какая-то серьезная провинность, она никогда не спускала нарушителю. Гарри помнил взбучку, которую она устроила ему за прогулку по Запретному лесу. Сейчас же он поступил просто нагло, буквально вляпавшись в ее мысли. У каждого человека могут быть свои тайны, неприятные воспоминания, наконец. Гарри быстро отвернулся от Мыслива, на поверхность которого вдруг всплыла новая картина: он заметил мисс Эвергрин с палочкой в руках в магазине мистера Олливандера. Она улыбнулась старику-волшебнику, потом он принял от нее горсть золотых галлеонов, расписался в получении и... мисс Эвергрин ногой задвинула Мыслив обратно под кровать.

— Ты и дальше намерен молчать? — поинтересовалась она. Гарри обратил внимание на то, что на ней надета мокрая куртка, и джинсы все в темных пятнах от дождя, словно она только что вернулась. — Гарри, ты не хочешь передо мной...

— Простите меня, мисс Эвергрин, — в отчаянии, не зная, куда деться от стыда, пробубнил Гарри. — Честное слово, я не нарочно! Я хотел взять у вас книжку, но она закатилась под кровать, я стал шарить под ней и случайно угодил рукой в Мыслив! Я и не видел почти ничего, честное слово.

— Что именно из этого почти ты видел наверняка? — колко поинтересовалась Валери. — Не расскажешь?

Пришлось покаяться. Но, уверив себя, что лучше опять оказаться лицом к лицу с Вольдемортом, чем рассказать мисс Вэл о том, что он видел, как она страдала после смерти родителей, Гарри решил часть увиденного все же утаить. Он сознался, что стал свидетелем того, как у мисс Эвергрин проснулись волшебные способности, как Дикоглаз Моуди проводил с ней эксперимент, как она в первый раз встретилась с Дамблдором. Под конец он почти забыл, что совершил непростительный ляп, вломившись в ее личную жизнь, и с увлечением предположил, что не иначе, Дамблдор — потомок какого-то могущественного колдуна или ведьмы.

— Как думаете, мисс Эвергрин, он не может быть из Медичи? Мы в прошлом году учили много ядов из Шкатулки королевы Екатерины, я видел иллюстрации к книгам, так Дамблдор чем-то похож на нее и на Лоренцо Медичи, такой же нос, даже борода. Как думаете, это они — его предки? Они считаются самыми могучими колдунами прошлых веков, — Гарри говорил быстро, увлеченно, совершенно позабыв о нахальной своей выходке. Пока у него в голове зрели кучи версий, мисс Эвергрин удивленно смотрела на Гарри, не понимая, соображает ли он, что уже не просит прощения, как намеревался раньше, а, отключившись от этого процесса, изобретает все новые и новые версии.

Наконец, Валери Эвергрин, не выдержав, захохотала, устало опершись на зеркальный столик, перед которым они еще вчера сидели и разговаривали с Инь А-Цзы.

— Гарри, я все поняла. Ладно, будем считать, что ты извинился, — парень тут же очнулся и ужасно устыдился своей дурости и наглости. — Но ты должен усвоить, что мысли человека принадлежат ему одному. И никто не вправе рыться в голове своих знакомых без их на то дозволения. Понял, юный ментолегус? Личная жизнь человека неприкосновенна.

Юный ментолегус понял все. Раньше ему как-то в ином свете представлялась перспектива чтения мыслей. Теперь же его целиком поглотила моральная сторона процесса. Он обещал себе сознаться Сьюзен, что один раз уже подслушал ее размышления. Когда он уходил из комнаты, зажав под мышкой подлое Предупреждение черномagicеских преступлений и проклиная магловские теории психоанализа, Валери стояла, нагнувшись над Мысливом, и внимательно разглядывала отражение мистера Олливандера в жидком серебре собственных мыслей.

Не известно, по какой причине мисс Эвергрин так бурно отреагировала на вторжение в ее мысли и что в них скрывала, но Гарри зарекся даже подходить к ее комнате, дабы не смущать ее напоминанием о его хамской выходке. Наказание за его поведение ему было обещано не

маленькое, и он старался не усугубить свое положение еще и нытьем по поводу того, что ему приходится летом отрабатывать взыскание уважаемого профессора по защите от сил зла. Валери оптимистично обещала устроить ему веселую жизнь, что и сделала, когда он накануне десятого августа попросил отпустить его в Лондон на открытие хохмазина. Ему было отказано в самой решительной форме. Мисс Эвергрин, яростно сверкая глазами, пыталась доказать, что ее решение не имеет никакого отношения к обещанному наказанию, но Гарри, уверенный в том, что худшего наказания для него не смог бы найти даже один их общий знакомый с отчаянно дурным характером, в обиде выпалил:

— Вы говорите сейчас как профессор Снейп! Только он мог бы поступить так жестоко! Я же не видел Рона, Джорджа и Гермиону целую вечность!

— Достаточно, — сварливо ответила Валери, грохнув об стол тяжелой Историей создания волшебных палочек в Европе, часть седьмая, семейство Олливандер. — Решение окончательное и обжалованию не подлежит!

Поверх большого листа пергамента на нее сурово смотрел Глориан. Он в последнее время вообще как-то странно себя с ней вел. Они разговаривали натянуто, при Гарри обычно замолкали, и Глор больше не делал восторженных комплиментов Валери в присутствии Гарри. Возможно, когда Гарри рядом не было, он и говорил ей о своей любви, но несмотря ни на что, их отношения, как показалось Гарри, стали стремительно ухудшаться после несанкционированных визитов Корби и продолжительных поездок Валери в Лондон. Валери была все это время поглощена какой-то навязчивой мыслью, поэтому проблемы Гарри ее волновали теперь куда меньше. Она надолго запиралась в своей комнате или библиотеке с тонной книг, часто звонила по телефону, по крайней мере, еще дважды использовала Улетальное зелье для зеркала, чтобы поговорить с иностранными колдунами, а иногда долго сидела перед камином, беседуя с головами различных волшебников, показывавшимися в языках пламени. Гарри видел там и Дикоглаза Моуди, и Инь Гуй-Хань, и профессора Джонса (дядюшка Невилла — слизеринец, кто бы мог подумать!), и Такамити-сана с его одутловатыми щеками и невнятной речью и многих других, ему незнакомых. Несколько раз в огне камина появлялся Кешифр, но не он обычно сообщал Валери какие-то сведения, а, напротив, она ему что-то рассказывала. Однажды пришел в гости сотрудник Отдела Тайн по имени Бода, ему налили чаю, но он от него отказался, протянул Валери маленький листок бумаги в пластиковом пакете и дезаппарировал, вызвав ажиотаж среди утыканных по всему дому и саду аппародетекторов. Пока Валери жадно рассматривала крохотный листочек бумаги, Гарри вспоминал, что маглы в таких пакетах обычно хранят улики с места преступления, Гарри знал это из многочисленных детективов, которые он уныло смотрел вместе с Глорианом, пока Валери деловито разбиралась со своими проблемами. Глор очень любил детективы, и смотреть телевизор ему тоже нравилось. Только вот не нравилось, что Валери работает, как проклятая, хотя занимается неизвестно чем: возникало впечатление, что она и не думала увольняться из Отдела Тайн в Министерстве Магии.

Лили дожди. Гарри перестал ездить к камням, к большому неудовольствию Риока, застаивавшегося в стойле. Вместо этого они со Сьюзен целыми днями торчали дома (то у нее, то у Гарри), с воодушевлением ковыряясь в книжках по мыслечтению. Гарри постепенно учился: Сью сосредотачивалась на какой-то одной мысли, а Гарри усиленно пытался уловить, о чем думает девушка. Сперва это вызывало взрывы хохота у Сьюзен: Гарри постоянно промахивался. Но однажды, когда звуки громко стучащего в окно ливня особенно сильно отражались гулким набатом у Гарри в ушах, он четко услышал в голове голос Сьюзен:

— Чашка. Чашка на столе. Ну, Гарри, давай же, думай! Чашка... Интересно, он мне предложит чаю или будет еще целый час сидеть и пытаться что-то услышать?

Гарри молча вытянул руку, постучал по чашке палочкой, и она начала наполняться горячим чаем. Сьюзен вытаращила глаза, и Гарри, жутко довольный, кивнул:

— Получилось!

С этого дня все пошло как по маслу. Мысли Сью звучали в голове Гарри все звонче и четче. Они оба шумно приходили в восторг от будущих перспектив, чем несказанно забавляли джинна, которого жалостливый Гарри иногда выпускал «погулять» из бутылки. Джим небрежно разваливался на кровати Гарри, курил дорогие сигары, дразнил Хедвигу большой искусственной мышью из кроличьей шерсти и с некоторым недоверием к прогрессу слушал магнитофон, который Гарри подарила мисс Эвергрин (впрочем, Поющие Поганки Гарри тактично собирался прихватить с собой в Хогвартс). Когда на лестнице стучали каблочки Валери, и она заглядывала в комнату, чтобы предложить ребятам пообедать, Джим ускальзывал дымной струйкой обратно в бутылку, а

бутылка закатывалась под кровать. Ни мисс Эвергрин, ни Глориан до сих пор ничего не заподозрили, и о существовании джинна в комнате Гарри даже не догадывались.

Сьюзен часто приглашала Гарри к себе в гости, и он принимал приглашения с удовольствием, зная, что в этом доме ему всегда будет приятно. Кроме как у Рона до этого года он не бывал ни у кого из своих школьных приятелей, и не знал, как живут другие волшебные семьи. Что ж, образ жизни Боунсов, неторопливый, неспешный, ему нравился, здесь было настолько же спокойно, насколько у Уизли всегда было шумно. Уолли, деловито пыхтя, чистил ему ботинки после того, как Гарри основательно пачкал их в каминной золе. Мистер Боунс обсуждал с Гарри позиции уклонения ловцов от двойной атаки бладжеров. В общем, все было настолько тихо и спокойно, что в таких условиях процесс обучения мыслечтению шел сам собой. Гарри уже представлял себе, как обалдеют Рон и Гермиона, когда он сообщит им эту новость (различные эффектные способы рассказать им о том, как он научился читать мысли, ласкали его самолюбие), как реальный мир вновь заявил о себе. И весьма недвусмысленно.

Газеты Гарри читал, конечно, особенно в начале лета, когда каждый день казался ему кануном прихода Вольдеморта к власти. Люциус Малfoy и его прихвостни открыто призывали со страниц газет поддержать Черного Лорда в его стремлении к власти. Гарри изумлялся тому, что у этих мерзавцев оказывалось все больше и больше сторонников из числа довольно молодых колдунов, не помнивших прежние времена, когда Вольдеморт наводил ужас на весь волшебный мир. Они, недовольные бездействием и трусливой расхлябанностью Фуджа, доказывали, что жесткое правление такого радикала, как Вольдеморт, может только улучшить политику в колдовском сообществе. Гарри считал это чушью, многие журналисты — эффектным приемом по привлечению внимания к своим изданиям, а Валери Эвергрин — болезненным бредом, который свидетельствовал о срочной необходимости госпитализации подобных волшебников в клинике Св. Манго. О самом Вольдеморте ничего не было слышно, но слухи накаляли страсти, страх витал над всеми волшебниками, и возвращение Черного Лорда уже считалось свершившимся фактом. Его открытого появления ждали день ото дня. В Министерстве Магии распространялось воззвание против Вольдеморта и его сторонников. Отдел по Магической Безопасности и Отдел Тайн трудились не покладая рук вместе с аврами, организовывая охрану Азкабана, но дементоров уже ничто не могло там удержать: каждый день в «Дейли Пророке» появлялась очередная заметка о том, что ужасных существ видели в очередном людном месте, даже вблизи Диагон-Аллеи. Гарри виновато понял, что Валери Эвергрин, будучи занятой, не отпустила его одного в Лондон, опасаясь за жизнь Гарри. Кроме того, появлялись тревожные слухи о, якобы, внезапном распространении горных и лесных троллей к югу и востоку от обычного ареала обитания и резком увеличении их популяции. Проблем с гринготтскими гоблинами больше не возникало, но некоторые другие представители их породы начали вести себя довольно нагло, появились новости об устроенных ими драках в общественных местах и нападениях на маглов с целью грабежа. Вампиры продолжали периодически устраивать налеты на европейские города, продвигаясь на север, к Германии и Голландии. Волшебный мир замер в ужасе и неведении. Никто не знал, что случится с ним завтра.

И это сообщение пришло в последнюю неделю августа, когда Гарри очередной раз просматривал присланный ему из школы профессором МакГонаголл список литературы (удлинившийся втрое) к новому учебному году. Они с Валери и Глорианом собирались завтра подкупить учебников и сшить новую школьную форму, запастись кое-какими ингредиентами для зелий, приобрести несколько новых пачек пергамента для Глора и несколько галлонов духов и соли для ванны мисс Эвергрин, обнаружившей, что ее запасы косметики истощились. Этот факт оказал решающее влияние на ее решение отправиться в Лондон, но тут случилось непредвиденное событие. Хедвига, каждое утро приносявшая свежую почту, как обычно залетела в форточку и уронила сверток с газетами в тарелку Валери, лишь на пять минут разминувшись со школьной совой, принесшей письмо для Гарри. Мисс Эвергрин, пившая чай, развернула «Дейли Пророк» и чуть не подавилась.

— Что случилось? — обеспокоено поднял на нее глаза Глориан.

Валери Эвергрин вместо ответа положила газету так, что и Гарри, и Глор смогли прочитать название передовицы: «Дементоры скоро будут на Диагон-Аллее! Сенсационные новости из Министерства Магии!» Гарри и Эльф переглянулись, подробно прочитав описание слухов о нападении дементоров на главную волшебную улицу Лондона. Плакала наша поездка в город, уныло подумал Гарри, мечтавший хоть одним глазком увидеть, что творится в хохмазине Уизли.

— Мы никуда не пойдём? — мрачно решил он удостовериться в том, что ему решительно не везет.

— Нет, отчего же! — мисс Эвергрин внезапно воспряла духом. — Думаю, теперь самое время нанести визит на Диагон-Аллею, — глаза у нее заискрились, точно она обдумывала отличную идею, только что пришедшую ей на ум.

— Но, дорогая, разве это не опасно? — по всей видимости, та же самая идея Эльфу в голову еще не пришла. — Мы — ладно, но Гарри... Может, попросить лорда Эммета приглядеть за ним, пока мы будем в Лондоне?

— Да нет, напротив! Если такие сведения уже проникли в газету, то я уверена, что на Диагон-Аллею не случится ничего! Даже если и планировалось что-то ужасное, то теперь, когда все перетрусили и носа не покажут на нашей улице, дементорам там делать нечего. А то количество авроров, которое Министерство Магии отправило на Диагон-Аллею в ожидании худшего, вполне годится для охраны Гарри Поттера. Сейчас нам ничего не угрожает. Думаю, дементоры выберут иную мишень.

— Какую же?

— Пока не знаю. Это должно быть что-то настолько дорогое всем волшебникам, чтобы навести страху на весь волшебный мир. Но на Диагон-Аллею совершенно безопасно, уверяю вас, мои милые. Завтра же и пойдём!

Действия от противного не совсем устраивали Глориана, но он ничего не сказал.

Вечер Гарри провел в компании Сьюзен. Мисс Эвергрин и Глориан сидели в садовой беседке и старались наладить отношения, грозящие съехать в никуда, пока по пестрым стеклышкам и дикому камню садового домика барабанили капли дождя. Гарри и Джим сидели в гостиной, подперев руками головы, и с удовольствием слушали, как Сью играет на рояле «Танец Анитры». После последней тренировки Гарри с успехом мог уже прочесть мысли не только Сью, но даже Джима, однако, сегодня сильный ливень с громом и резко упавшее атмосферное давление ему немного мешало. Поэтому они провели тихий вечер, слушая, как Сьюзен пытается выудить неземные звуки из расстроенного рояля мисс Эвергрин. Джим извлек из ниоткуда пару древних скрипок и флейт, и они заиграли сами, стараясь попасть в ритм, старательно вившийся из-под пальцев Сью. Гарри предполагал, что она умет играть, но не знал, что настолько хорошо. Восхищенный талантом Сью, он даже вытащил джинна из бутылки для того, чтобы и он насладился замечательной музыкой. Сперва Джамаледдин ворчал, что его старые кости должны немного погреться в бутылке в этот отвратительно дождливый вечер, но потом, проникшись романтичностью обстановки и изредка вытирая набегавшую слезу, вполголоса начал рассказывать Гарри о годах, проведенных им в Магрибской Школе Колдовства и Магии, пока скрипки отчаянно старались соответствовать мелодии.

Джинн пока не заикался о первом желании, и Гарри старался следить за собой, чтобы ненароком не ляпнуть чего-нибудь, что может быть неверно истолковано Джимом. Если бы не эти опасения, то с джином можно было вполне нормально общаться, хотя Джамаледдин был жутким брюзгой. Он всегда критиковал поведение людей и хихикал над дурачками, по его мнению, людскими привычками, как-то: любовью к телевидению (которое он считал самой чернейшей из магий и прямым конкурентом, способным исполнять человеческие желания так же, как и он сам), автоматическими стиральными машинами, супами в пакетиках и туалетной бумагой. Но сегодня даже ворчание Джима и его ужасно дикая манера без всякого стеснения сморкаться в рукав модного пиджака не могли испортить Гарри замечательного вечера. Когда кончился дождь, они со Сью вышли на балкон, чтобы посмотреть на клубнично-алое солнце, лениво погружавшееся за горизонт. Завтра. Завтра будет новый день, и все кончится. Он уедет в Лондон, а Сьюзен отправится в Хогвартс одна. Или с Джастином. А что будет потом?

Ничего не изменилось. Война продолжается.

Дул по-августовски прохладный ветерок, и Гарри внезапно почувствовал, что внутри у него поднимается что-то необычное, что-то, чего он еще никогда не чувствовал. Влажный ветер тихо нашептывал ему какие-то тайны, а длинные светлые волосы Сьюзен изредка щекотали ему шею: она стояла совсем близко, казалось бы, наклонись он к ней и... От нее пахло лимоном и мятой. Еще вчера они были просто одноклассниками, просто дурачились. Попытка научиться читать мысли была похожа на забавную игру, изготовление волшебной палочки казалось сказкой, их общий секрет — Джим — приятной и безобидной тайной. Но все это произошло именно с ними, поэтому стоило верить и сошедшему на них сегодня странному очарованию, разливающемуся в

этом вечере, и нервному комку в горле, и предательскому желанию ощутить прикосновение ее волос к своей щеке, а ее губ — к своим губам.

Продолжится ли и после этого вечера их внезапная дружба? И такое странное, мучительное ощущение потери после того, как они со Сьюзен снова станут посторонними друг другу: всего лишь парнем из Гриффиндора и девушкой из Хуффлупфа, — исчезнет ли оно?

Гарри почти решился, когда на него из сумеречной дымки заката спикировал урчащий от радости голубь. Пикассо мазнул его крылом по щеке и сел на плечо к Сью. Она потрепала его по хохолку, сняла с лапки письмо (сложенный вчетверо листок тетради в клеточку) и отошла к перилам, чтобы развернуть его. Гарри не нужно было читать ее мысли, чтобы понять, от кого было письмо. Губы Сью слегка шевелились, пока она читала его. И улыбалась.

— Спасибо, Пик. Это от Джастина, — сказала она с такой счастливой улыбкой, что Гарри подумал: лучше бы она меня просто ударила. — Пишет, что страшно соскучился. Мы с ним встретимся завтра в три часа на Диагон-Аллее возле Дырявого Котла. Не хочешь составить нам компанию, Гарри?

Комок в горле стал мстительно-колючим.

— Мне очень жаль, Сью, — услышал он свой собственный, ставший совсем незнакомым, голос. — Но мы с Гермионой и Роном тоже собирались увидеться в это время. Нам нужно уладить кое-какие дела. Извини.

И почувствовал себя последней скотиной, когда увидел, как искренне огорчилась Сьюзен. Проводив ее до камина, он вышел на крыльцо, чтобы как следует проветрить голову и через окно садового домика увидел, как темпераментно мирятся Валери и Глориан. Страстность их первого поцелуя, который имел счастье наблюдать Гарри, не шла ни в какое сравнение с тем, что он случайно заметил теперь.

Какой же я дурак, подумал Гарри, сжимая в руках палочку, обжигавшую ему пальцы горячим воспоминанием о маленькой ручке в его руке, о потоках живой сверкающей магии, сковавшей их в одно целое появлением на свет крошечного орехового прутика, излучавшего силу и волшебство. Я упустил свой шанс. Какой же я дурак...

Он с грохотом свалился в камин, больно ударился о выступающий острый угол сундука, хорошенько выругался (про себя), потер ушибленную переносицу, проверил, целы ли новые очки и, наконец, оперся на руку, протянутую Глорианом. Встал и отряхнулся.

— С возвращением, мистер Поттер, — приветливо сказал Том, пробегая мимо него с подносом, уставленным кружками усладэля.

«Дырявый котел» ничуть не изменился. Все такие же грязные и закопченные стены, барная стойка, темная от веками проливавшихся на нее загадочных жидкостей, горячий чад каминов, запах кофе и шоколадушек, привычные задушевные беседы за газетой, негромко зудящие из разных углов. Гарри почувствовал, что ему здесь всегда будет хорошо. Кажется, ничего так и не изменилось в «Дырявом котле», но нет! Старый Том, владелец бара, уже десяток лет не поднимавшийся из-за стойки, вновь рысцей бегал возле столиков, обслуживая клиентов, несмотря на свой почтенный возраст. Его место в баре занял неразговорчивый молодой человек, угрюмый и неприветливый, мрачно протиравший бокалы. Он с видом усталой обреченности изредка косил глаза на дверь и небрежно перекатывал за щекой взрывачку Друбблиса, то и дело громко щелкавшую в покойном тихом бормотании посетителей. Рядом мыл посуду другой такой же угрюмый тип. Он с усилием, выдававшим его неопытность в подобных делах, протирал тарелки и складывал их на столик, где под яркими огоньками каминов они весело блестели несмытым жиром. На лицах обоих новичков словно было большими буквами написано: АВРОР.

Компании в углах тоже стали специфическими. Разношерстность толпы куда-то делась, вместо этого за столами читали газеты и неторопливо обсуждали последние новости совсем другие люди, молодые, накачанные, с бритыми затылками и собранными лицами. Вряд ли они в разгар рабочего дня просто зашли сюда пропустить стаканчик, решил Гарри и еще больше утвердился в своем мнении, когда заметил, как из-за дальнего стола навстречу ему поднялся Дикоглаз Моуди, торопливо забрызгивая в кривой рот последние капли варева из фляжки. Сзади в камин громко обрушилась Валери Эвергрин, и, отряхиваясь, встала, пытаясь смахнуть пепел с дорогого голубого плаща. Моуди проковылял ей навстречу и, урча от удовольствия, приложился перекошенными губами к ее выхолонной руке.

— С возвращением, моя дорогая девочка. Ты вовремя. Ну, что, разгадала загадку? Знаешь теперь, где его искать?

— Определенно знаю, сэр. Только, боюсь, вас это не обрадует. Глориан, милый, ты бы не мог проводить Гарри по делам, а мне еще нужно кое о чем поговорить с мистером Моуди.

— А, Гарри Поттер, — дряхлый аврор настороженно оглядел Гарри своим пронизательно-сканирующим взглядом. — Здравствуй, мальчик. Ты сильно вырос за лето, сразу видно, что жизнь тебя изменила. Ты все книги читал, которые тебе летом давала мисс Эвергрин?

— Да, сэр, — с нетерпением Гарри посмотрел на дверь на задний двор, через которую можно было попасть на Диагон-Аллею. Беседа с Моуди его не особенно вдохновляла, настолько старый аврор всегда был мрачен и подозрителен. Он, конечно, тоже член Ордена Феникса, но общаться с ним всегда было нелегко.

— Идите, идите, — нетерпеливо подтолкнула их Валери, вручая Гарри свой голубой зонтик. — Рон, поди совсем заждался! — Гарри вчера отправил Рону Хедвигу с известием, что придет завтра, и предвкушал шикарную экскурсию по хохмазину.

Глориан вздохнул. Определенно, этот способ прощания ему, после вчерашнего примирения, не пришелся по душе, но у Валери есть важные дела, и мешать ей сейчас не следует. Моуди относился к Эльфу уважительно, но чуточку покровительственные взгляды, которые грозный аврор кидал на Глора, даже Гарри показались не слишком уместными. Поэтому они с Глорианом поспешили ретироваться во двор, краем глаза успев заметить, что один из неприметных молодых людей небрежно поднялся, отложил газету и со скучающим видом побрел за ними, на ходу раскрывая свой черный зонтик. Поморщившись из-за того, что у них с Глором теперь есть собственный «хвост», Гарри постучал палочкой по заветным кирпичам на глухой стене и приглашающе отступил от прохода, давая пройти Эльфу.

Они раскрыли симпатичный голубой зонтик мисс Эвергрин и отправились по делам. Дождь падал сплошной стеной, в десяти шагах ничего нельзя было разглядеть, но Гарри обратил внимание, что на улице поразительно мало колдунов. Им встретились лишь несколько древних старушек с упрямо поджатыми губами и в мантиях с мокрыми подолами, да парочка гермионообразных очкастых ведьм, прижимающих к себе кипы сырых книг. Они решительно прошмыгнули в дверь магазин Завитуша и Клякса, и Гарри увидел, как они встряхивают за стеклянной дверью свои зонты. Больше на всей улице он не встретил никого из покупателей, хотя магазины работали исправно. И это — перед самым началом учебного года в Хогвартсе?

После визита в Гринготтс, пустой и холодный, с невытертыми лужами на полу, они с Глорианом тоже отправились к книжным полкам Завитуша и Клякса и под пристальным взглядом продавца нагрузились литературой по самое не хочу. Продавец с недоверием оглядывал Глориана Глендэйла и его взгляд периодически задерживался то на его острых ушах, то на шраме Гарри. Потом отоварились в аптеке на углу, и рюкзак Гарри потяжелел на несколько фунтов от веса обезжиренной печени ягуара и мешочков с зубами мангусты, шинкованными кишками лягушки-голиафа и слюной летучих мышей. Потом прикупили несколько пачек пергамента, целый ворох перьев и разноцветные чернила, в которых Глор поковырялся с профессиональной пристрастностью книжного червя. Потом зашли к мадам Малкин «принарядиться», как это называла Валери. Рост Глориана доставил удивленной ведьме в лазурных оборках немало проблем, но, в конце концов, они вышли из ателье, прижимая к себе свертки с одеждой, чтобы их не намочило дождем, и отправились дальше по улице по направлению к хохмазину Уизли. Гарри с трудом разглядывал номера домов, изредка выныривая из-под зонтика, но, наконец, они обнаружили дом под номером 17 по Диагон-Аллее.

Дом оказался несколько скособоченным, чем напоминал родное жилище семьи Уизли. Из дырявой трубы хлестала холодная августовская вода. Крыша, покрытая ржавенькими по краям жестяными пластинами, очевидно, протекала, покосившееся крылечко, хвастливо щеголявшее новой оранжевой краской, носило следы вмешательства неумелого молотка и не менее неумелых гвоздей. Зато специально заказанная вывеска над входом блестела новизной и гордой золотистой надписью «ХОХМАЗИН УИЗЛИ».

Гарри с оттенком гордости за свою причастность к происхождению хохмазина повернул ручку стеклянной двери, за которой виднелись нечеткие фигуры людей и стекали потоки дождя. В лицо ему пахло теплом, брызнул яркий свет, и Гарри оглушил многоголосый говор толпы покупателей, а затем Гарри услышал один не очень хороший звук, исходивший откуда-то из-под его ног, хотя обычно подобные рулады издает совсем иная часть организма. Красный, как рак, Гарри уставился на свои ботинки, расположившиеся на симпатичном рыжем коврике у входа. На коврике имелась традиционная надпись «Добро пожаловать!», но через мгновение она сменилась другой — «Ты купился — 1:0 в пользу хохмазина!» Гарри быстренько слез с негодайски хитрого

коврика, а Глориан, наученный гарриным горьким опытом, осторожно перешагнул его и, следуя примеру своего воспитанника, огляделся.

Магазин был не так мал, как показалось Гарри вначале. Внутри все было отделано деревянными панелями, а с потолка свисали разноцветные изогнутые свечи, горевшие, вопреки всем законам физики, вниз фитильками. Огоньки на них весело подмигивали красным и желтым. Возле стен расположились вместительные стеллажи и стеклянные полки, напиханные всякой волшебной хохмовсячиной: от пестрых наборов канарейских конфеток и павлиньих пастилок до внушительных размеров начищенных медных котлов, гулко распевающих хиты сезона. Возле витрины с фальшивыми волшебными палочками, звонко превращавшимися в детские резиновые игрушки, толпилась детвора, морозильник с угольками на палочках и фруктовыми сосульками, которые не таяли в руке, а, напротив, обжигали язык, оккупировали ребята постарше. Их родители, вполголоса переговариваясь, хмуро оценивали на глазок крупнокалиберные чесночные бомбы разной степени слезоточивости и убойной силы. Гарри с восхищением заметил, что магазин, определенно, пользуется популярностью и немалой, раз даже ужасающая погода и угроза нападения дементоров не уменьшила наплыв посетителей. Хотя, возможно, многие подались сюда, привлеченные надписью на витрине: «Скидки на чесночные бомбы! Купи четыре по цене трех! Многодетным семьям двойная скидка!»

— Ма! Ма-а-а!!! Ну, купи мне это! НУ, КУПИ!!!

— Не ной, Гэвин! У тебя уже есть игрушечная метла, одной вполне доста...

— Она на паровом ходу! — орал малыш, тыча пальцем в витрину, за которой весело попыхивала самоходная детская метла, подделка под старину. Метла передвигалась с помощью длинных угольных стержней, которые засовывались в рукоятку, и периодически выпускала цветные клубы пара из хвостовой части. Мать, тоже заглядевшаяся на это произведение фантазии Уизли, решительно потянула свое чадо прочь от столь завлекательного предмета.

— Еще угольков на палочке, сэр!

— У этих, с зеленой чекой, мощность какая? Беру три пары! Да, и скидку дайте...

— Мерлин меня подери, да как же тут круто! С детства так не смеялся!

— Мне полфунта канарейских конфеток, будьте добры. С малиновой начинкой, с земляничной и... Это что-то новенькое? Усладэль-крем... звучит заманчиво...

— Четыре листа исчезающего пергамента, Пукающий Половичок и два Кричащих Торты. Торты с апельсиновым желе, а половик с рыжими уточками, пожалуйста!

— Да не толкайтесь, мадам! Мы стояли впереди вас, вот кто хошь подтвердит! Эй, Джек, подтверди!..

— Самую большую Помадку-Пуд-Язык! Хе-хе, годится... вот уж будет Сэму сюрприз!

— Десяток чесночных бомб мощностью в сорок головок всего за восемьдесят галлеонов! Честное слово, этого хватит для обороны от целой трансильванской дивизии! Беру, не глядя...

— Джордж, Джордж, это что-то новенькое, да? Смотри, Селина: ледяные ошейники для огнекрабов. Видела что-нибудь подобное?

Гарри тоже ничего подобного не видел. Он углядел слева штук пять столиков, за которыми восседала пара-тройка семейств с оглушительно гогочущими ребятишками и несколько павлинов и канареек — недавних жертв эксперимента. Один столик был свободен, и они с Глорианом поспешили его занять, пока не набежала очередная орава покупателей и дегустаторов. Сидя за столиком, Гарри с удовольствием наблюдал, как за прилавком Джордж Уизли торопливо упаковывает торты в фирменные оранжевые коробки с золотой надписью «Хохмазин Уизли» и подсчитывает сдачу. Джордж, как заметил Гарри, сильно похудел, у него под глазами были синеватые мешки, но лицо у него светилось от счастья. Кажется, Джордж начал отходить от потрясения, свалившегося на семью Уизли.

Когда толпа немного рассосалась, Гарри встал и подошел к прилавку.

— Парочку хохмопушек с красно-сиреневым огнем, пожалуйста!

— Одну минутку... Гарри! Ах ты, черт! Не узнал! — Джордж перегнулся через прилавок и восторженно обнял парня. — А я тебя и не заметил! Видишь, какой наплыв клиентов? — с гордостью отметил Джордж, счастливо кивая на топчущуюся возле стеллажей толпу. — Это что! Сегодня просто погода мерзкая. Обычно у нас в десять раз больше покупателей! Ты чего на открытие не приехал? — сурово потребовал отчета Джордж.

— Мисс Эвергрин не отпустила. Сказала, что это опасно.

— Может, и опасно, — медленно проговорил Джордж. — Знаешь, Гарри, на Диагон-Аллее в последнее время беспокойно стало. Шляются всякие. Листовки клеят. За власть Вольдеморта

агитируют... Психи, одним словом. Мы с Роном, чтобы никто не залез ночью в хохмазин, кладем перед дверью Кричащий торт, тот, что немножко залежался. Он, когда начинает черстветь, орет втрое громче.

— Круто! А где Рон? — у прилавка Джордж вертелся один, как белка в колесе.

— Там, в подсобке. Проходи туда, Гарри. Я постараюсь закончить побыстрее и тоже приду! — с этими словами Джордж повернулся к ожидающей расчета пышнотелой ведьме с двумя нетерпеливо вопящими малышами. Ведьма пожелала приобрести несколько Вониллеров со встроенной настройкой громкости.

Гарри поманил Глора за собой, и они поднырнули под доску, преграждающую проход за прилавков. Войдя в маленькую дверь, Гарри оказался в чистенькой комнатке с несколькими шкафами, столиком и стульями. На столе среди разложенных по всему его периметру книг кипел чайник. Над книгами, естественно, сидела Гермиона. Она что-то писала огромным пером в школьной тетрадке в линейку и недовольно морщилась, когда до нее доносились взрывы хохмопушек и хохота из магазина. Она сердито подняла глаза, чтобы увидеть, кто ей помешал, и...

— Гарри!

Гермиона вскочила с места и порывисто обняла парня. Гарри мягко похлопал ее по кучерявой макушке.

— Привет, Гермиона! Я жутко соскучился! Ну, как вы тут?..

— Соскучился! Он соскучился! Писал бы чаще, если соскучился, — ехидно начала Гермиона, но осеклась, заметив за спиной у Гарри невысокого молодого человека с симпатичными длинными ушами. — А это?.. — она замялась.

— Это — сэр Глориан Глендэйл, мой опекун, — с гордостью представил Глора Гарри. Уже обученный человеческим способам приветствия Глор вежливо протянул Гермионе руку. — Он — замечательный челове... Глориан, это — Гермиона, моя лучшая подруга!

— Очень приятно! — корректно поклонился Глор.

Гермиона почти неприлично вытаращилась на Глориана, что ей было совсем не свойственно, автоматически переводя глаза с его ушей на меч, висящий в ножнах на поясе, а потом выпалила:

— Но он же... Гарри, он же... Эльф?

— Конечно, — восторженно закивал Гарри. — Глориан — Древний Эльф, последний из наследных принцев Леса Теней.

— Но они же... — Гермиона смутилась под пристальным взглядом фиолетовых глаз Глориана, опущенных шикарными ресницами, и покраснела. — Они же... их уже нет.

Гарри не был расположен вести беседы такого рода при Глоре, поэтому он настойчиво перевел разговор на то, что Гермиона успела выучить за лето. Тема была плодотворная, потому что Гермиона, конечно, опять выучила наизусть все учебники и была только рада продемонстрировать свои знания. Поэтому девушка вскочила, взмахнув длинными, сильно выросшими за два месяца волосами, и засуетилась, наливая чай для Гарри и Глора, и восторженно тарыхтя при этом:

— Гарри, ты не представляешь, что я успела узнать за лето! Те книги, которые привез мистер Флетчер, — она торопливо и во всех подробностях рассказывала о той ценной информации, которую ей удалось выудить из книг, но думала Гермиона явно не об этом, судя по тем быстрым и заинтересованным взглядам, которые она бросала на Эльфа. Красота гарриного опекуна, очевидно, произвела на нее неизгладимое впечатление. Глориан на это не обращал ни малейшего внимания. На первый взгляд. Уж слишком увлеченно он смотрел в свою чашку с чаем. — Ужасно интересные! Конечно, нужно было прочитать и учебники, я уже не успеваю это сделать, потому что купила их только несколько дней назад, представляешь, ужас какой?! Зато теперь я знаю Склеивающую порчу, помнишь, как профессор Эвергрин применила ее в прошлом году к МакАбру? И Ржавопорчу — тоже может быть полезно! И еще я выучила Рукосушное заклятие — думаю, пригодится, если Малфой...

— Гермиона, а как насчет левитации? — заинтересовался Гарри, которого интересовало, прежде всего, то новое свойство, которое проявилось у Гермионы этим летом. Она мечтала летать без метлы еще в прошлом году и клянула у Валери книги по прикладной левитации. Этим летом ей удалось-таки достать несколько с помощью Мундугнуса Флетчера, и по подробнейшим отчетам в ее письмах Гарри знал, на сколько дюймов ей удавалось каждый раз на тренировке подняться над землей. — Освоила?

Гермиона радостно закивала.

— Это... Я не могу словами описать, Гарри, это так здорово! Ты же понимаешь, с метлой у меня не очень хорошо получалось обращаться. Мне ужасно хотелось летать, как ты, но с тобой никому не сравниться! Но этим летом я изучила кучу книг, думаю, теперь и я кое-что умею. Смотри, — поднявшись на цыпочки, Гермиона закрыла глаза, сосредоточилась и начала медленно подниматься в воздух. Дюймах на пятнадцать она остановилась, на секунду зависла, покачалась в воздухе, а потом прыгнула на пол, точно с высокой ступеньки.

— Ух, класс! — восхитился Гарри, глядя на раскрасневшееся от похвалы лицо Гермионы. — А двигаться в воздухе ты не пробовала? Я хочу сказать, перемещаться.

— Пробовала, конечно! — воскликнула девушка, удивленная, видимо, что Гарри мог предположить, будто она упустит возможность научиться чему-то побыстрее. — Но пока не выходит, я все время падаю. А для левитации нужна предельно высокая степень сконцентрированности, у меня пока не выходит... Жаль, что настоящая левитация не нуждается в палочке, иначе я бы... Гарри, кстати, ты что-то писал про то, что у тебя уже есть палочка...

— Да, Гарри, может, ты поведаешь нам поподробнее, как она у тебя появилась? — на пороге лестницы, ведущей в подвал, стоял Рон и ухмылялся — рот до ушей. Из подвала периодически доносились ритмичные взрывы: один другого громче. На полке перед дверью тихо звенели стаканы.

— Рон, дружище, я и не услышал!.. — друзья обнялись. Рон, воодушевившись, хлопал пыльными ладонями по чистому новому свитеру Гарри.

— Слышал, что ты весьма интересно провел лето, — ехидно заметил Рон, тяжело и устало бухаясь на стопку ящиков с маркировкой «Хохмазин Уизли». — О, я помирал со смеху, когда читал твое письмо: «Мы со Сьюзен... Сью то... Сью сё... Она так здорово мне помогает... Она такая замечательная! Она столько всего знает!..»

— Заткнись, Рон! — если я переживу эту беседу, то опять могу встретиться и с Вольдемортом лицом к лицу, спорим, что со мной ничего страшнее этого разговора уже не случится.

— Почему я должен заткнуться? — хитро прищурился Рон. — Про твои отношения с другой девушкой мы могли спокойно говорить... — Рон запнулся, сообразив, что ляпнул глупость. По глазам Гарри было видно, что рана еще болела, а чувству вины было достаточно одного толчка, чтобы снова всплыть на поверхность. Поэтому Рон поспешно добавил. — Гермиона решила, что Сью может перегнуть ее в учебе, и кинулась заниматься с таким усердием, что я ее не мог оттащить от книг весь день, а ночью пришлось ее разбудить: прикорнула над книжкой по трансфигурации растений. Скажу по секрету: у нее ничего похожего на волшебную палочку не получилось!

— Рон! — возмущенно воскликнула Гермиона, багровея. Ее способности подверглись сомнению, что для Гермионы было всегда величайшим оскорблением. — Как ты можешь?! У меня почти получилось!

— Вот именно, почти! Гарри, она жутко ревела, потому что без палочки у нее это не вышло, а когда она попыталась использовать палочку, чтобы превратить ложку в росток, у нее вырос целый куст, увешанный ложками!

Все согнулись от хохота. Смеялся даже Глориан, на которого Рон до этого момента не обратил ни малейшего внимания.

— Круто! Это и есть твой опекун? Мистер... сэр Глендэйл? Здравсте, сэр, я — Рон Уизли, — Рон с не меньшим восторгом, чем Гермиона, разглядывал Эльфа, и Гарри это покорило: точно так же пялились обычно на его шрам. — Как вам нравится у нас?

Возможно, Рон пытался спросить о чем-то другом, но Глор вежливо ответил, отставляя в сторону кружку с чаем, что их магазин просто замечательный, и ему здесь ужасно нравится. Потом они завели светскую беседу на отвлеченные темы, незаметно перешли на пересказ своих приключений (Глориан слушал эти захватывающие истории с выражением ужаса и недоверия на красивом лице), частично коснулись трагедии, случившейся в семье Уизли, но, заметив знаки, которые Гермиона подавала ему из-за спины помрачневшего Рона, Гарри заткнулся и вместо продолжения разговора поинтересовался:

— А где Билл и Чарли? Они в деле? Я хочу сказать, Дамблдор же их посылал с какими-то поручениями. Где они сейчас?

По тому, как тревожно переглянулись Рон и Гермиона, Гарри понял, что дело нечисто.

— Гарри, Чарли сейчас работает вместе с мистером Флетчером над каким-то проектом, не знаю точно каким, — тихо пояснил Рон. — Но я уверен, что там не обошлось без драконов. А Билл... от него давно ничего не слышно. Мама уже почти в панике, хорошо что дома остались

дядя Ричард и... ну, я о родителях Гермионы говорю! — уши Рона запыльхали. — Он две недели назад последний раз говорил с нами по камину. Сказал, чтобы мы не волновались. Что с ним все в порядке. Что у него интересная работа и интересный коллега. Вернее, интересная. Кажется, он с девушкой какой-то вместе уехал. Но куда — мы не знаем. И вот, о нем ни слуху, ни духу, папа потихоньку седеет, мама сходит с ума от беспокойства и постоянно проверяет через камин, не случилось ли и с нами чего. Суший кошмар. Джинни ворчит, говорит, что ей это жутко мешает работать.

— И Джинни здесь?

— Сейчас ее увидишь! — фыркнул Рон. — Если она, конечно, соизволит выйти! Целыми днями торчит в задней комнате с дядей Джоном, что-то считает и подсчитывает, в бумажки закапывается, счета подписывает, баланс подбивает, налоги там, и все прочее... Я, конечно, понимаю, что она работает, и если бы не они с дядей Джоном, никакого хохмазина у нас бы не было, но это просто смешно!..

— Это ты смешон, Рон Уизли! — Джинни стояла в дверях — руки уперты в бока, брови нахмурены, рыжие волосы взлохмачены, из кармана мантии торчит стопка счетов и накладных. — Хоть бы малейшее чувство благодарности!..

— Джинни, он не то хотел сказать! — поспешила на выручку Гермиона. Ради того, чтобы спасти Рона от разъяренной младшей сестренки, Гермиона даже отложила манускрипт по трансфигурации. — Он просто...

— Знаю я, что он просто хотел сказать, что это, мол, магловское дело. Чушь! Нет ничего интереснее такой работы! Между прочим, — ядовито осведомилась Джинни, впихивая в руки Рону накладные. — Ты уже отгрузил товар для Министерства?

— Н-нет. Я жду, когда Ли в подвале закончит...

— Рон, ты, никак рехнулся? Да нам же для чего кредит дали, чтобы мы выбрасывали деньги на ветер?! Надо соблюдать условия контракта, а ну, марш грузить ящики в машину!

— Ну, Джинни! — взмолился Рон — Разве ты не видишь — Гарри пришел в гости со своим опекуном! Разве нельзя подождать полчасика?

— Нельзя! — отрезала суровая Джинни и небрежно добавила. — Привет, Гарри. Это твой опекун? Очень приятно, как поживаете? Если меня будут спрашивать из Министерства, — добавила она, уже уходя, — передайте, что документы на девятую партию я уже отправила совой.

— Вот она теперь все время такая, — пожаловался Рон на угнетательницу Джинни, вставая и берясь за ящики. Гарри взялся за другой угол, и они, пыхтя, поволокли тяжелые коробки во двор. — Все время ворчит, Свина-беднягу постоянно с письмами гоняет! Всех заставляет пахать за троих, ложится поздно, встает с петухами, от работы вообще не отлипает, совсем с ума сошла. Даже Джордж больше ее не работает! На открытие приезжал Невилл, мыкался вокруг нее, а она и бровью не повела. Симус тоже ей куры строил — ноль внимания. Колин пишет ей каждую неделю, она хоть бы раз ему ответила! Клара была на открытии, сказала Джинни, что ей больше развлекаться нужно, а не работать, так Клара — Клара Яртли, которая способна уболтать даже профессора Снейпа! — еле ноги от Джинни унесла! А недавно, Гарри, представляешь, что она сказала — маму чуть кондрашка нехватила! — она лягнула, что если школа будет мешать ее работе, она ее бросит! Школу бросит! Хогвартс! Это Джинни сказала, Джинни, которая о Хогвартсе с пеленок мечтала! Совсем с ума сошла! — ежась от затекающих за воротник мантии струй холодного дождя объяснял Рон, пока они с Гарри запихивали ящики в неприметный магловский фургон на задворках магазина. Чтобы наполнить фургон доверху, им пришлось сделать еще пять рейсов туда и обратно.

Вернувшись, Гарри и Рон обнаружили, что Гермиона сидит на краешке стула, покачивая ногой (что на языке ее телодвижений обозначало крайнюю заинтересованность), и ведет захватывающе интересную беседу с Глорианом. Речь шла об Ордене Феникса.

— А еще я обнаружила, что все самые ранние записи, относящиеся к Ордену Феникса, датируются, приблизительно, одиннадцатым веком, это времена Вильгельма Завоевателя... Я сопоставила это с фактами, которые вычитала из Истории Хогвартса, и получается, что наши Основатели школы жили где-то в то же время. Может быть, именно они организовали Орден Феникса? — щебетала Гермиона, тихо тая от фиолетового взгляда Глориана и не очень соображая, что несет и какие тайны способна выдать.

— Думаю, что вы превосходно учитесь, — вежливо заметил Глориан, устремляя на Гермionу убийственно восхищенный взгляд. — Наверняка, ни один из предметов за все годы не причинил вам проблем!

Гермиона несколько ошалела от такого откровенного интереса к ее персоне. Никогда еще ни один ее одноклассник не говорил, что она ему нравится из-за ее ума. Гарри смотрел на эту картину и не знал, что и подумать. Гермionа зацвела и запахла, точно основной компонент для розового масла, а Глориан Глендэйл в это время мечтательно любовался тем, как блики искр камина играют на ее блестящей и пушистой каштановой шевелюре. Глор любил все красивое, а Гермionа, неожиданно подумал Гарри, действительно, очень красива — и как я раньше этого не замечал?! И это — Гермionа, которую я знал уже так давно, и которая никогда раньше не была такой. Даже с Роном. Кстати, о Роне...

Рональд Уизли медленно закипал, уставившись на Глориана тяжелым взглядом и сжав кулаки. Чувства свои Рон всегда плохо умел скрывать, поэтому из-за его плотно сжатых челюстей отчетливо слышался скрежет зубный. Гарри тихо хмыкнул. Представление ожидалось веселое. К тому же Рону это быстро поможет забыть все его пошлые намеки на Сьюзен.

Но представления не получилось. В самый разгар событий в комнате появилась Валери Эвергрин. Причем, она не аппарировала, а именно вошла через дверь, но так как все были ужасно заняты своими ролями в немой сцене под названием «Убийство последнего Древнего Эльфа ревнивым Рональдом Уизли произойдет через несколько секунд, отсчет пошел», то ее никто не заметил. И не обратил внимания ни на письмо в ее руке, ни на ее усталый, измученный взгляд. Ни на несколько, очевидно, железнодорожных билетов, которые она положила на стол. Гарри, первым очнувшийся от восхитительного зрелища перепалки Рона с Гермionой и недоуменно взирающего на них Глориана («А в чем, собственно, дело?..» — на красивом лице Эльфа отражалось полное непонимание), заглянул на надпись на билетах, но вместо знакомого золотого обреза и цифр 9 3/4, он увидел скромные голубые бумажки и слова «Лондон — Эдинбург».

Глава 11. Самаркандский скоростной снегоградодождеотталкивающий!

Джинни отказалась наотрез. — Дядя Джон отвезет меня, — решительно отвергла она все попытки Валери вручить и ей маленький синий билетик. — Я договорилась с ним, у него хорошая машина и к вечеру мы уже будем в Хогсмиде.

— Но Джинни, разве ты знаешь, как найти Хогсмид? — вмешался Рон, все еще стряхивая пыль с рук. Над бровью у него прилип кусочек апельсинового желе — они с Гарри, идя со двора, влезли (с большой пользой для себя) в одну из коробок с Кричащими тортами. — Я никогда не слышал, чтобы в него можно было попасть каким-нибудь другим путем, кроме камина или аппарирования.

— Рон, ты, кажется, заикнулся на волшебных средствах передвижения. Если место где-то находится, то в него можно как-нибудь попасть. К тому же я никогда раньше не ездила на джипе.

— Каком? — заинтересовалась Валери Эвергрин.

— Митсубиси-паджеро. Последняя модель, — небрежно бросила Джинни. Глаза у мисс Эвергрин зажглись отчаянной завистью. — Дядя Джон купил ее на ту прибыль, которую мы с ним получили за этот месяц.

— Неплохо! — присвистнул Гарри. — Вот это денежки! Джинни, да ты теперь богатая невеста!

Рон громко заржал, Гермиона фыркнула, а Джинни даже ухом не повела. И это притом, что подобную шутку отпустил Гарри Поттер, Мальчик-В-Которого-Она-Раньше-Была-Влюблена. Джинни Уизли сильно изменилась. И продолжала меняться дальше со скоростью света.

— Только не спрашивай ее, что она делает сегодня вечером, — предостерег Гарри Джордж. Он только что закрыл магазин, зашел в подсобку и теперь наливал себе чаю в самую большую кружку. — Потому что она скажет: *ах, извини, милый, но у меня накопилось столько непроверенных счетов!* — Джордж так точно скопировал интонации Джинни, что все зашлись от хохота.

— Когда вы закончите глупо хихикать, — холодно заметила Джинни, освобождаясь от тесной мантии и подсаживаясь поближе к горячему чайнику и наколдованным Джорджем пирожным. — То не забудьте сказать мне спасибо, за то, что я завтра возьму с собой ваше зверье. Гарри, оставь мне клетку с Хедвигой, думаю, маглы в поезде будут обращать на вас куда меньше внимания, если вы не потащите с собой целую стаю сов. Рон, когда Свин вернется, я заберу и его тоже! Гермиона...

— Криволапсус поедет со мной на поезде, Джинни! — возразила Гермиона. Откуда ни возьмись, у нее в ногах появился здоровенный рыжий котище и принялся с урчанием, сравнимым по громкости с заводящимся трактором, тереться об ее ноги. — Он не любит ездить на машине!

— Ладно, как хочешь, — равнодушно заметила Джинни, отрезая себе маленький кусочек торта. Как только она откусила от него немножко, торт взорвался возмущенными воплями, понося на чем свет стоит тех садистов, которые посмели так жестоко с ним обращаться.

Комнатку снова потряс взрыв смеха.

— Джинни, роясь в счетах, не забывай, пожалуйста, иногда, чем мы, собственно, торгуем! — мягко сообщил Джордж. — Кстати, профессор, а почему они не могут поехать Хогвартс-Экспрессом?

— Небезопасно, — коротко ответила мисс Эвергрин.

Ей как-то сразу все поверили. А Глориан Глендэйл смотрел не на нее, а на Гарри. В его глазах плескалось странное предчувствие, и по спине у парня пробежал холодок. Что-то происходит, о чем никто не знает, кроме мисс Эвергрин. Глориан, как неожиданно подумал Гарри, словно бы почувствовал приближение Зла.

Вставать на следующее утро было трудно. Хотя бы потому, что вставать пришлось почти ночью. Хотя четыре часа называют временем рассвета, мрачно думал Гарри, душераздирающе зевая и пытаясь засунуть руку в рукав рубашки, но по всему видать, что нормальные люди должны еще спать в это время. Он сонно глянул в окно, где рассветом еще и не пахло, а потом принюхался к другому запаху, тянувшемуся из кухни вниз: старый Том варил свежий кофе и пек булочки им на дорогу. Выйдя на лестницу, Гарри столкнулся с растрепанной и заспанной Гермионой, отчаянно пытавшейся запихнуть в сундук, стоящий возле ее комнаты, еще одну

грандиозную стопку литературы, совершенно необходимой ей для дополнительного чтения, как пояснила она, пытаясь скрыть зевоту. У Гарри сложилось впечатление, что за укладкой сундука девушка провозилась до поздней ночи. Поезд отходил в шесть утра от платформы номер два с Кингс-Кросс, совсем рядом от платформы 9 3/4. Но в отличие от Хогвартс-экспресса, их скорый шел на Эдинбург.

— Как же мы попадем из Эдинбурга в Хогвартс, мисс Эвергрин? — спросил Гарри за завтраком своего бывшего и будущего профессора по защите от сил зла.

— Мы и не станем доезжать до конечной станции, Гарри. На границе с Шотландией мы сойдем и дальше поедem машиной. К сортировке уже будем в школе, не волнуйся, — сама Валери волновалась куда больше, чем говорила. Глориан медленно пил травяной настой, принесенный ему Томом. Он выглядел собранно и не обращал внимания на заинтересованные взгляды, которые украдкой бросал на него старик Том. Авроры, дежурившие в Дырявом Котле всю ночь, хмуро смотрели каждый в свою лоханку с кофе (наверное, уже десятую за ночь, подумал Гарри), больше не интересуясь принцем Глендэйлом. Аластора Моуди не было, да и вряд ли нынешний большой начальник в Министерстве станет торчать здесь дни и ночи напролет, решил парень. Мало ли у него других дел. Кстати о делах...

— Профессор, а другие ученики тоже отправляются в школу на магловском транспорте? — сонно спросила Гермиона, не попадая овсянкой в рот с первой попытки и перебив Гарри мысль.

— Не все. Но всем рекомендовано воздержаться от поездок на Хогвартс-Экспрессе. Я думаю, что если и ожидать нападения дементоров, то именно в поезде, везущем детей в школу. Многие ребята отправятся не в Хогвартс, а в Хогсמיד через камин, арендованные школой у жителей деревни. Но каминов немного, на всех учеников, боюсь, не хватит. К тому же, единственная на всю страну полностью колдовская деревня — тоже потенциально привлекательное место для дементоров! Поэтому, думаю, что только затерявшись среди маглов, мы сможем незаметно доехать до школы. Уж она-то защищена как следует, директор об этом позаботился со всей ответственностью, — угрюмо посмотрев на ломтик сыру, Валери отправила его в рот, похоже, даже не осознавая, что она есть. Слишком уж мисс Эвергрин был погружена в расчеты.

Рон, с трудом поднявшийся сегодня с третьей попытки (Гарри пришлось заколотить в дверь так, что из нее посыпались щепки) недовольно рассматривал Глориана и угрюмо следил за взглядами, которые он бросал то на мисс Эвергрин, то — а это уже интересно, подумал Гарри, — на Гермиону. Деликатность Рона Уизли была потрясена тем фактом (он только вчера обнаружил его), что его профессор по защите от сил зла, опекун его друга, и этот большеухий волосатый лилипут, оказывается, ночуют в одной комнате! Он нервно заглатывал овсянку и придерживал свою гитару другой рукой, безуспешно стараясь не смотреть в их сторону, что у него получалось с трудом. Гарри ухмыльнулся. Думая летом о каникулах, которые Рон с Гермионой проводят вместе, и зная о страсти, снедавшей его друга, он был почти убежден, что эти двое не будут больше терять времени. Но, по всей видимости, Рон до сих пор не мог похвастаться своей блестящей победой. А может быть, просто не хотел?

На вокзале Гарри вертел головой во все стороны, пытаясь разглядеть своих однокурсников и других учеников Хогвартса, но безуспешно. Он никого не заметил, нигде не кричали совы, и не квакали жабы. За лето он успел соскучиться и по недотепе Невиллу, и по хитрюге Кларе, и по увальню Тобиасу. Сейчас им всем угрожала опасность, и знать, что с его друзьями ничего не случилось, для Гарри было важно. Он бы порадовался даже зазнайкам-пророчицам Парвати и Лаванде, но он по дороге на платформу номер 2 не встретил никого из знакомых колдунов. Впрочем, возможно, я и ошибся, подумал Гарри, неожиданно углядев в толпе знакомого джентльмена странно скучающего вида. Обычно этого человека Гарри привык видеть с широкой улыбкой на лице в тот момент, когда принимал из его рук свое любимое клубничное мороженное с цукатами и колотыми орешками. Флоран Фортескью стоял, опираясь на одну из кирпичных колонн вокзала, и с отсутствующим видом сосал полосатый леденец на палочке, безразлично наблюдая за барьером между платформами 9 и 10. Он был похож на человека, вставшего спросонья для того, чтобы встретить приезжающего к нему в такой ранний час друга, а не на аврора со спецзаданием. Гермиона тоже увидела его и только собралась поздороваться с самым известным на Диагон-Аллее мороженщиком, любимцем всех детей волшебников, как Гарри перехватил ее руку, уже почти задранную в приветственном жесте.

— Ты чего, Гарри? — удивленно распахнула глаза Гермиона, когда они уже прошли мимо Флорана и поднимались по лестнице-переходу ко второй платформе.

— Не оборачивайся, — прошипел Гарри, и из гермиониной корзинки отозвался таким же шипением Криволапсус.

— Гарри, да что с тобой? Это же был Фло...

— Вот именно. И оставь его в покое, он работает.

— Он, что? — глаза Гермионы раскрылись еще шире. Но к ее чести, девушка мгновенно проанализировала ситуацию и сделала почти правильный вывод. — Ты хочешь сказать, он охраняет вход на платформу? Он — тень?

— Нет, Гермиона, он — аврор, — безмятежно поведал Гарри, наблюдая за тем, как вытягивается лицо у Рона. — Уже очень давно.

— Круто! — вырвалось у Рона. Он перебросил ремень от гитары через плечо покрепче и поинтересовался. — Ну, где же мисс Эвергрин? Мы не опоздаем на поезд? — Скорый «Лондон — Эдинбург» уже разводил пары. — Тем более, если здесь могут появиться дементоры...

— Вон она, — негромко заметил Глориан. Валери, не торопясь, шла по платформе, в руках — промасленные пакеты с едой из фаст-фуда за углом. Она вручила кулёчек Гермионе и проконтролировала внешний вид своего избранника (рваные джинсы, длинная хламида с вышитым на ней узором в стиле африканских пигмеев и усыпанная глиняными бусинками, куртка из дубленой кожи с оборванной бахромой и ожерелье из покрытых резьбой древних желудей и деревянных листочков, сзади на куртке был изображен большой красивый лист марихуаны — остатки ее хипповской юности). Она осталась довольна своей работой: Глор был похож на запоздалое дитя цветов. Волосы ему забрали в хвост, чтобы скрыть уши, но это было уже излишней предосторожностью. Дело в том, что перед отъездом Валери наложила на Глора так называемые *Чары Разнавождения*, отводящие глаза от настоящего облика заколдованного. Любому постороннему человеку и в голову не могло прийти, что Глориан маленького роста, или что его уши на несколько дюймов больше обычных.

— Этакое магические спецэффекты, — объяснила мисс Эвергрин Гарри и Рону. Гермиона, естественно, уже давно все знала о Чарах Разнавождения. — Помогают нам скрывать кое-какие элементы нашей волшебной жизни от маглов. Многие ими пользуются постоянно, но Чары Разнавождения надо периодически обновлять, чтобы они не рассеялись, поэтому в комплекте с ними я рекомендую употреблять Зелье, Заостряющее Память!

Они разместились в двух соседних купе. Валери и Глориан беседовали в коридоре напротив двери ребят, охраняя их от постороннего вмешательства. Профессор Эвергрин купила билеты на все четыре места, но раз Джинни не поехала, то никто из посторонних не должен был их беспокоить. Дождь давно кончился, но за окном вошло такое унылое, зябко кутающееся в утренний туман солнце, что у всех троих было не особо прекрасное настроение. Гермиона выпустила из корзинки Криволапсуса: он размял лапы, выгнул спину дугой, зевнул, продемонстрировав всем два ряда крупных зубищ, и голодным взглядом посмотрел на пакеты с магловской едой. Ему предложили кусочек котлеты из гамбургера, но Криволапсус с возмущением отказался и, одарив презрительным взглядом Рона и Гарри, улегся спать на ронову мантию.

— Спрячь мантию, Рон, — сурово велела Гермиона. — Ты забываешь, что мы не в Хогвартс-экспрессе!

— Да что может случиться, если даже маглы и увидят мантию? — скривился Рон, но, тем не менее, выдернул ее из-под недовольного Криволапсуса и запихал в сундук. — Подумаешь, будто они нормальной одежды никогда в глаза не видели.

— У волшебников и маглов разные представления о том, какую одежду считать нормальной, — заметил Гарри, разглядывая сонный серый пейзаж за окном. — Но, могу только сказать, Рон, что в джинсах мне ходить куда удобнее, чем в жутко длинной мантии, которая путается в ногах и выглядит, как девчачье платье.

— В платье ходить удобно! — воскликнула Гермиона, намериваясь до последней капли крови отстаивать права женщин. — Ну, если оно не *слишком* длинное, конечно...

— Ты еще скажи, что тебе удобно ходить на каблуках, — ехидно ввернул Рон. — В коротком платье и на высоких каблуках ходить могут только законченные мазохисты, то есть, мазохистки.

— Интересное мнение, — безмятежно приняла этот удар Гермиона. — А летом, когда мы с тобой ходили в кино, и я была на каблуках и в короткой юбке, ты, по-моему, говорил совсем другое. Или ты врал, Рональд Уизли?

Рональд Уизли сказал бы еще много чего в ответ, но за него ответило его лицо, начавшее заливаться краской.

— О, вы были летом в кино? — заинтересовался Гарри, усугубляя этим вопросом печальное положение Рона. — И что же смотрели?

— Нет, не говори этого! Гермиона, не надо! — Рон в ужасе уставился на девушку, его глаза просили, нет, требовали пощады!

— Рон плачет на мелодрамах, — мстительно сказала Гермиона и довольно откинулась на спинку сиденья, закрывшись учебником *Анчара Бэймена «Магическая медицина и ядолечение для начинающих колдомедиков»*.

Гарри расхохотался. Рон стукнул кулаком по столу так, что по нему ходуном заходили стаканы.

— Ну знаешь, Гермиона!..

— Что? — невинно захлопала глазами девушка. — Я-то хоть не соврала!

Путешествие обещало стать просто превосходным. За окном располодилось, Криволапсус гулко гудел во сне на коленях у Гарри, периодически выпуская когти — ему, наверное, снились мыши и садовые гномы. Перепалка Гермионы и Рона близилась к концу, самые опасные моменты были позади, и фразы типа, «*Да кто ты такой, Рон Узли?!*» и «*Считаешь себя самой умной, Гермиона?*» уже были позади и не заставляли Гарри падать от хохота. После того, как Гермиона и Рон в очередной раз хором прикрикнули на него («*Заткнись, Гарри!*»), он смирился со своей тяжелой судьбой — быть другом этих ненормальных! — и, подобно Гермионе, постарался сосредоточиться на книге. Снейповой книге. До перебрасывающихся восхитительными колкостями Рона и Гермионы не скоро дошло, что за книга лежит у Гарри на коленях. Первой пришла в себя Гермиона:

— Ч-что это ты чита.., — она спрыгнула с сидения и подошла, чтобы поближе разглядеть книгу. Потом уставилась на Гарри с таким подозрением, какое не было бы свойственно даже профессору МакГонаголл, поймавшей его за полу плаща-невидимки. Гермиона еще раз тщательно изучила обложку фолианта и снова села напротив Гарри, скрестив руки на груди.

— Гермиона, ты чего? — начал Рон, но она перебила его.

— Гарри, почему ты нам не сказал? — Гермиона нахмурилась, а ее губы моментально сжались в тонкую оскорбленную полоску. Она ждала ответа.

— Не надо думать обо мне плохо, Гермиона, — мягко начал Гарри, откладывая книгу в сторону. За нее тут же схватился Рон, и его глаза начали становиться все больше и больше. «*Практическое пособие для начинающих ментолегусов*» оказало на него внушительное впечатление, и он растерянно посмотрел на Гарри. — «Я же не лезу в *твои* мысли, и не...»

— Ты не сказал, — настаивала Гермиона. — Это все равно что соврать! Почему ты что-то скрываешь от нас? Мы же твои лучшие друзья, или это уже не так?

— Гермиона, — осторожно начал Рон.

— Отстань, Рон!.. Гарри, разве это честно? — то, что сверкнуло в глубине темных зрачков Гермионы, Гарри не взялся расшифровать. — Ты же *скрыл* от нас, что ты — *ментолегус!*

— Во-первых, я еще *не* ментолегус, — обдумав линию своего поведения, начал Гарри. — Во-вторых, я опасался именно такой реакции, поэтому и не решался вам сказать правду. Я читал, что ментолегусов всегда боятся, потому что считают, что они могут воспользоваться информацией, выуженной из мозгов своих собеседников. Их никогда не любили, а в средние века маглы за это даже сжигали ментолегусов на кострах! И, в-третьих, боятся ментолегусов только те, кому есть, что скрывать. А разве у нас есть тайны друг от друга?

Гермиона помолчала, а потом обиженно пробормотала:

— Оказывается, у *тебя* есть.

Помощь пришла оттуда, откуда Гарри ее и не думал получить.

— Гермиона, — раздался настойчивый голос Рона. — Оставь его в покое! Гарри, ты правильно сделал, что не сказал. Не знаю, как я бы к этому отнесся пару месяцев назад, — Рон потряхнул рыжими лохмами, отчаянно отгоняя страшные видения, столпившиеся у него перед глазами. — Но сейчас я думаю, что Гарри прав. Мы все имеем право на собственную жизнь и собственные тайны, хотя от Гарри я ничего не скрываю.

— Значит, у *тебя* есть тайны от *меня*? — слова Рона, очевидно, немного обидели Гермиону.

— Я не беспокоюсь о том, что Гарри может прочесть у меня в мыслях, — беспечно заметил Рон. — Я не думаю ни о чем таком... А вот чего ради ты трепыхалась, я не пойму! Это ты что-то скрываешь от нас, Гермиона!

— А вот и нет! — густо покраснела девушка.

Спор снова перерос в расчудесную перепалку между Роном и Гермионой. После того, как Гарри наслушался удивительно богатых эпитетов, которыми награждали друг друга Рон и Гермиона, он словно бы вскользь заметил:

— Собственно, у меня есть еще кое-какая тайна...

Его интригующая интонация мгновенно заставила его друзей оборвать милую беседу на самом интересном месте («*Так тебе его рост нравится? Или его симпатичные острые уши?*» — «*Отстань, Рон! Между прочим, он **очень** милый, а уж знает куда больше тебя!*») и обратить к нему удивленные лица.

— Но я ее вам пока не открою, — продолжил Гарри, кивая на довольно тонкую дверь, отделяющую их купе от коридора, в котором, стоя у окна, все еще беседовали профессор Эвергрин и Глориан Глендэйл. — Подождите, для этого нужно укромное место. Вот приедем в Хогвартс, и в ванной для старост я вам ее открою, — интригующе прошептал он, таинственно выпучив глаза.

Гермиона и Рон жадно смотрели на него.

— Черт, скорей бы мы уж приехали, что ли! — не выдержал Рон.

После полудня они налегли на гамбургеры, жареную картошку и кока-колу. Отпив немного, Рон долго рассматривал резьбу на бутылке и, наконец, объявил:

— А у маглов получается делать неплохие напитки! — с этими словами он присосался к своей бутылке, а потом покусился и на колу Гарри. Гарри великодушно уступил ему свою порцию.

— Этот напиток далеко не так полезен, как ты думаешь, — фыркнула Гермиона, предпочитавшая простую минералку.

— Овсяная каша моей мамы тоже полезна, но я не особенно люблю ее вкус, — хмыкнул Рон, с аппетитом закусывая картошкой. — Гарри, кетчуп передай... Ты почему ничего не ешь?

— Не буду портить вам аппетит, — Гарри с трудом отвлекся от странного предчувствия, которое беспокоило его с самого утра. Даже, нет, еще со вчерашнего дня, когда он услышал разговор мисс Эвергрин и Аластора Моуди. Сейчас его подозрения усилились. — Рон, ты помнишь, что тебе сказал мистер Олливандер, когда ты покупал свою первую палочку?

— Первую палочку я получил по наследству от старшего брата, — пожал плечами Рон, не понимая, отчего этот вопрос так занимает Гарри. — А вторую мне купили мама с папой, она у меня и сейчас с собой. Так что с мистером Олливандером я не встречался в его магазине, только на улице, мне его Билл показывал. Слушай, Гарри, ты все равно не ешь, можно я и твою картошку заберу?

— Да, конечно, — рассеянно подвинул Гарри к Рону свою порцию. — Гермиона, а ты что помнишь? — поинтересовался Гарри у девушки, неодобрительно разглядывающей Рона, с чавканьем заглатывавшего магловское угощение.

— Ты про кого, про мистера Олливандера? Ну, в общем, довольно хорошо его помню. Это же было для меня как открытие! Когда сотрудник Министерства в первый раз провел нас с папой на Диагон-Аллею, у меня голова кругом пошла от всех этих чудес! Конечно, я превосходно помню, как покупала палочку, — Гарри в этом и не сомневался. Трудно было поверить в то, что Гермиона способна что-либо забыть. — Он был очень мил. Я еще подумала тогда, какой он симпатичный старичок. Дамблдор показался мне куда более грозным... Мистер Олливандер предложил мне на выбор несколько палочек и на третьей же понял, что у меня в руках то, что нужно: слива и сердце дракона. Он очень вежливо поговорил со мной, пожелал удачи. А вот к папе он даже не обратился ни разу, но я этому тогда совсем не придавала значения. Возможно, он из тех волшебников, которые не слишком жалуют маглов или опасаются их, но мне ужасно жаль его, беднягу. Жив ли он теперь, интересно? Вольдеморт, кажется, не склонен к милосердию, — пробормотала она, уже наклонившись к уху Гарри, чтобы последней фразы не услышал Рон.

В голове у Гарри, как мозаика, начала складываться картина, смысла в которой он пока не видел. Но фактам следовало верить...

— Почему Вольдеморт до сих пор не объявился? — глядя в окно на пробегающие мимо столбы электропередачи, пробормотал Рон. — Все, кажется, способствует его возвращению. Эти психи — его сторонники — будоражат народ так, что все боятся на улицу нос высунуть. Мистер Олливандер похищен — мы остались без волшебных палочек. Дементоры уходят из Азкабана и мерзопакостят на улицах почти в открытую. Все и так уже в панике. Чего же он ждет?

— В самом деле? Чего? — Гарри показалось, что он уже догадался, но в это время почувствовал странный холодок, пробежавший у него по спине. Рядом с ним встрепенулся и зашипел Криволапус. Кот подскочил и, дрожа, забился за ноги Гермионе. Ребята разом вскинули

головой: очевидно, странный холод, который ощутил Гарри, почувствовали и Гермиона с Роном. Точно вдруг подул из всех щелей. В купе мигнул, включился и снова погас свет, а откуда то из дальнего конца вагона послышались вопли и топот ног убегающих людей. Все вскочили на ноги, и тут с резко открылась дверь.

— Дементоры! — рявкнула Валери Эвергрин. Она была встrepана и зла. Сзади за ней виднелся пронзительный фиолетовый взгляд Глориана, блеснули драгоценные камни на эфесе короткого эльфийского меча. — Закройте дверь! Живо! Забаррикадируйтесь! — дверь с грохотом захлопнулась, и Гарри услышал, как двое бежали в направлении, противоположном тому, которого придерживались истерично кричащие пассажиры поезда.

Гарри запер дверь на замок, коротко глянул на друзей и судорожно начал искать глазами то, чем можно забаррикадировать купе. Что-нибудь длинное и твердое. Рон вскочил с места и сжал кулак со своей палочкой, на его лице была написана твердая решимость защищать Гермиону до последнего вдоха. У девушки было совершенно белое лицо, но в ситуации она сориентировалась куда лучше Рона.

— Гарри! — выдохнула она, хватаясь за ручку его сундука. — Всполох! Закроем дверь на метлу! — Они выгребли из сундука половину барахла, пока не наткнулись на уменьшенный заклинанием Всполох. Гарри выхватил его, поднял свою новую палочку и одним движением увеличил метлу до обычных размеров. Они с Роном втыкали Всполох в дверную ручку, а Гермиона, тем временем, запечатывала дверь заклятием. Она была жутко напугана.

— Эта дверь их надолго не задержит, — мрачно рявкнул Рон, прислушиваясь к звукам за дверью. Слышались чудовищные вопли и все сильнее становился знакомый холод, проникающий в самую душу — холод присутствия дементоров. — Господи, мисс Эвергрин!..

— Она справится, Рон, — Гермиона, тяжело дыша, смотрела за окно. Поезд, казалось, припустил еще быстрее, и столбы за окном замелькали с ужасающей скоростью. Поезд несся, как стрела, а вагон качало из стороны в сторону, как корабль в бурю. — Но вот мы... Наверное, поезд понесся, потому что они напали на машиниста! Гарри, из нас только ты один знаешь, как бороться с дементорами! Скорее! Расскажи нам! Ты же когда-то пытался мне сказать!..

— Нет времени! Это очень сложно, я с Римусом тренировался несколько месяцев!

— Это наш единственный шанс, — почти плакала Гермиона. — Мы иначе не сможем уйти отсюда!

— Метла! — осенило Рона. — Всполох! Можно попробовать улететь на нем!

— Он не выдержит троих, — тихо сказал Гарри. Его палочка смотрела на дверь, сквозь которую внезапно подул морозный ветер. Дементоры были совсем близко. — Он и двоих не выдержит.

В гробовой тишине они услышали, как чья-то рука нажимает на ручку двери. Ручка покрылась инеем. Гермиона издала неопределенный звук, похожий на истерический всхлип. Дверь затряслась сильнее. Рон держал в одной руке палочку, а в другой сжимал бутылку из-под кока-колы:

— Гермиона! Метла выдержит *ее одну*, скорее, Гарри! — но Гарри застыл, наставив палочку на дверь и пытаясь собрать в кучу все свои счастливые мысли. Мысли путались, и в такой каше он никак не мог поймать ту, которая ему еще несколько недель назад казалась самой счастливой. — Гарри, не спи!!!

— Я не полечу одна! — взвизгнула Гермиона. — Я вас не брошу! — Поезд качнуло, и ребята попадали друг на друга. За дверью уже не было слышно ни единого крика, точно весь поезд вдруг вымер. В дверь начали ломиться сильнее, и Всполох жалобно заскрипел. По рукоятке пошла трещина. — Я... попробую сама!

— Вздор! — заорал Рон. — Ты не сможешь, ты не умеешь пока хорошо левитировать! — он стоял, позеленевший от страха, и прижимал к себе отчаянно цеплявшегося ему за рубашку Криволапсуса. Зеленые глаза кота были наполнены смертельным ужасом. — Черт, что же... что же делать?! Может просто прыгать?

На такой скорости прыгать из поезда означало неминуемо разбиться насмерть, подумал Гарри. Если бы мы могли уместиться на Всполохе втроем! Улететь отсюда прямо в Хогвартс! О, Мерлин, если бы желания могли исполняться, я бы пожелал, чтобы Всполох стал в три раза больше! Пожелал бы... БОЖЕ, КАКОЙ Я ИДИОТ!!!

— Пусти, Рон! — Гарри рванулся к своему раскуроченному сундуку и жадно зашарил на самом дне. Где же она? Ну, где же! В двери щелкнул замок, она начала поддаваться, и из-за нее в купе вновь ворвалась волна холодного ужаса. Гермиона зажала рот руками, чтобы не закричать. Гарри

выхватил старую бутылку в тот момент, когда в щель протиснулась омерзительно скользкая серая рука, похожая на клешню живого мертвеца, покрытая слизью и струпами, и начала нашаривать ручку двери и метлу в ней.

— *Ваддиваси!*

— Привет, о мой прекрасный господин! — вырвался клуб дыма из бутылки. — Что прикажешь, слушаю и повинуюсь... О, это тоже благородные друзья моего господина? Припадаю к вашим стопам, о неверны... высокородные господа! Я — ваш покорный раб — Джамаледдин Кудама ибн... — он замолчал, видя, какое потрясающее впечатление произвел на высокого и нескладного рыжего парня и девушку с растрепанными каштановыми волосами, забившуюся в угол купе, и хвастливо пригладил лысину смуглой ладонью. Джим имел право гордиться собой: пиджак от Тома Форда сиял чистотой, на его кривом глазу кокетливо сидел золотой монокль — это приспособление Джим углядел в какой-то книжке из библиотеки Гарри, а таюшие в воздухе ноги элегантно облегла серая блестящая ткань, костюмы из которой могли шить исключительно на Сэвил-роу.

— Заткнись, Джим, и скорее унеси нас отсюда! — заорал Гарри, видя, как мерзкая конечность дементора скользит по двери, оставляя на ней липкие следы слизи. Дверь начала поддаваться, Всполох отчаянно хрустел.

Джим обернулся и его хитроватая морда засветилась счастьем:

— Неужели мой великий хозяин Малик-бей ибн-Асад изволит произносить свою первую просьбу? О, твой презренный раб не верит в такое счастье!.. Что же конкретно ты хочешь, о повелитель?! — мучительно долго шурша пергаментом, джинн разворачивал свою летопись исполнения желаний, что-то бормоча и ковыряясь в ухе пером. — Сейчас, сейчас, где же конец...

— Это что — джинн? — слабым голосом спросила Гермиона, почти теряя сознание от ужаса: вся дверь обледенела и покрылась налетом слизи. Криволапсус жалобно заорал от ужаса.

— Джим, скорей же! — взвыл Гарри, налегая всем весом на дверь, за которой сгрудились дементоры.

— Да, величайший? И так?..

— На нас напали дементоры! Доставь нас с друзьями в Хогвартс! Скорее!

— Что-что, о дражайший повелитель?

— В ХОГВАРТС! В НАШУ ШКОЛУ! ДОСТАВЬ НАС ТУДА КАК-НИБУДЬ! ЭТО МОЕ ПЕРВОЕ ЖЕЛАНИЕ!

— Слушаю и повинуюсь, мой великий хозяин! — торжественно провозгласил джинн, радостно потирая руки. Он пробормотал какое-то заклинание, и на голову Гарри свалился тяжелый сверток, почти оглушив его. Сверток был пыльный и грязный, и когда они с Роном дрожащими руками начали разворачивать его, то он оказался старым дырявым ковром, изъеденным молью и покрытым пестрой шерстью неизвестного животного. Судя по цвету шерсти животное, которое последний раз путешествовало на ковре, было тигром.

— Великолепное приспособление, о повелитель! *ССС-СуперКовер!* Самаркандский скоростной снегоградодождеотталкивающий!..

— Нет, Гарри! Летать на коврах-самолетах запрещено законом от... — Крик Гермионы потонул в хрусте ломающейся под ударами целой армии дементоров двери. Рон уже открывал окно. Поезд мчался, как бешеный.

— Гермиона, наплевать! Быстро, Джим, как им управлять?!

— Я сам поведу его, повелитель! — оскорбился джинн. Ковер встряхнулся, расправил углы (пыль осела на открытый сундук Гарри, ласково окутав пушистым облаком все его вещи) и с готовностью выпорхнул наружу. Он стремительно летел в воздухе, держась у самого окна купе, и приглашающе махал одним уголком.

— Полезай, Гермиона!

— Нет! Я боюсь! — Гермиона мотала лохматой шевелюрой, прижимаясь к стене.

— Да скорей же! — Рон вскарабкался на столик и перелез через форточку прямо на приспособление под названием *ССС-СуперКовер*. Ковер мягко спланировал пониже, помогая Рону устроиться поудобнее, а затем парень свесился в окно, протягивая руку Гермионе. — Это совсем не страшно! Скорее! Гарри, помоги ей!

Гарри помог Гермионе вскарабкаться на стол, посадил ее, и девушка, дрожа, вцепилась в вышитый край ковра. Гарри сунул в карман куртки карту Мародера, затолкал под свитер плащ-невидимку и схватил в охапку Криволапсуса. Кот орал дурным голосом и упирался, впиваясь

когтями в одежду и руки Гарри. Парень крепко прижал Криволапсуса к себе и прыгнул на стол. Джинн вежливо поддержал его под локоть.

— Изволь присесть, мой господин!

Гарри влез на ковер, дрожа от ужаса, думая, что случится, если на всех не хватит места, или он окажется слишком тяжел для такой хилой тряпки. Но на ковре оказалось неожиданно мягко и удобно, хотя линялая тряпица и прогибалась под их весом. Передав кота Гермione (с трудом, потому что несчастное животное не желало отцеплять свои когти от его куртки) он повернулся, стараясь не смотреть вниз — поезд мчался с ужасающей быстротой! — и крикнул Джиму:

— Отчаливай!

Джинн с готовностью протянул бутылку Гарри и просочился на ковер. Места хватило всем, даже еще осталось — коврик был явно семейным средством передвижения, как раз предназначенным для четырех седоков. Джим загнул передний левый край ковра, и дырявое волшебное средство передвижения, сделав элегантную дугу в воздухе (Рон позеленел и схватился за край ковра), оторвалось от окна поезда и заскользило вверх. Гарри увидел, как Всполох отчаянно хрустнул в последний раз, переламываясь надвое, как купе заполнили бесконечные серые капюшоны дементоров, но холод, который они несли с собой, уже не мог повредить ребятам. Ковер плавно удалялся, язвительно помахав вечно голодным дементорам на прощание залатанным уголком.

— Стой, Джим! Мы должны взять с собой мисс Эвергрин и Глориана! — заорал Гарри, преодолевая свист в ушах. Ковер несясь вперед стрелой, просто как бешеный, поезд уже был похож на тонкую полоску, мчащуюся где-то далеко внизу. Гарри повернулся к джину, но тот язвительно развел руками.

— Прости, о величайший, но когда ты говорил, — он достал свой бесконечный пергамент и тщательно сверился с ним. — *Доставь нас с друзьями в Хогвартс*, я посчитал, что ты имел в виду только тех, кто находится рядом с тобой в этой странной комнате на колесах!

— Плевать мне на то, что ты думал! — взревел Гарри, ползя по ковра по направлению к джину. Ковер опасно накренился, и Гермione, обнимающая Криволапсуса, взвизгнула. — Вернись туда, немедленно! Вернись за ними!

— Это твоё второе желание, господин? — сладко осведомился Джамаледдин Кудама ибн-шайтан. — Мы уже слишком далеко и не сможем вернуться.

Гарри бессильно опустился на колени. Нет. Нет! НЕТ!!!

— С-скотина! — просипел он, не обращаясь ни к кому конкретно, но все как-то сразу поняли, что он говорит с Джимом. Джинн тут же нацепил мину оскорбленной невинности.

— Вот так всегда, — поджал он губы и выронил монокль из глаза. Криволапсус напряженно следил за ним бешеными глазами. — Все мои прежние хозяева вели себя так же. Я же предупредил, предупредил! — он погрозил Гарри длинным кривым пальцем. — Что нужно *как следует* обдумывать, что ты пожелаешь, о мой повелитель! Слова важны! За ними скрывается истина! — произнес эту сентенцию, Джим обиженно отвернулся и сел на край ковра спиной к Гарри, демонстративно свесив полупрозрачные ноги вниз в душераздирающую пустоту.

Все молчали. Ковер летел со скоростью пули, выпущенной из ружья. Джиннова бутылка перекатывалась с одного конца ковра на другой. Наконец, Рон нарушил тишину. Осторожно подвинувшись к Гарри, он потряс его за плечо.

— Гарри...

Гарри дернул рукой. Он не мог отвести от глаз страшную картину: Валери Эвергрин и Глориан Глендэйл, совсем одни, сражаются в тесном коридоре с целой толпой дементоров, напирющих со всех сторон. Вот они падают под натиском страшных серых фигур, одна из них наклоняется к Валери, и снимает капюшон. Для поцелуя...

— Гарри, они останутся живы, — не совсем уверенно, но с надеждой сказал Рон. — Подумай только, где только мисс Эвергрин ни была, с какими только чудовищами ни встречалась! Пять штук мантитор — это же рекорд! Китайского огненного демона смогла побороть! Полтора десятка вампиров и Упивающихся Смертью! И почти победила Вольдеморта... К тому же она смогла подойти к раненому разъяренному Снейпу, а это о многом говорит! — неловко попытался пошутить Рон.

— Гарри, в самом деле, — подала голос со своего края ковра и Гермione. — Она сильная, она справится, я не сомневаюсь в этом! К тому же с ней еще и Глориан, а он обладает очень могущественной древней магией, которая способна подчинить себе многие волшебные силы... Может, и дементоров тоже.

— Как раз за этого коротышку я не особенно волнуюсь, — буркнул Рон. — Гарри, ты не должен думать, что все будет так плохо.

Гарри поднял глаза на Джима. У обитателя бутылки был очень виноватый взгляд. Если он и не собирался принимать близко к сердцу все переживания хозяина, то сейчас, кажется, почти забыл об этом.

— Если с ними что-то случится, то это будет... на *нашей* совести, — резко сказал Гарри, глядя прямо в глаза своему верному рабу.

— О, прости, прости меня, повелитель! — громко всхлипнул Джим, утирая глаза рукавом. — Я... так виноват!

— К дьяволу твои извинения! — Гарри не знал, что сделать, чтобы ударить джинна побольней. Единственное, что пришло ему в голову, это взять джиннову бутылку и швырнуть ее с ковра куда подальше. Бутылка описала изящный полукруг и исчезла в лесной глуши прямо под ними.

— О нет! — завопил джинн, кидаясь к краю ковра, от чего хлипкое средство передвижения опасно закачалось. — О нет! Что вы наделали, господин мой?! Это же был мой дом! Где я теперь буду жить?

— Где хочешь! — зарычал Гарри. — Я жил с теми, кто остался там, в поезде! И теперь они могут не вернуться... Кажется, это хуже, чем потеря твоей глупой стекляшки, не находишь?!

Если бы у джинна на голове росли волосы, он бы вырвал их от досады, но свою вину в этом инциденте он признал. Вопя и ругаясь на куче языков, незнакомых Гарри, Рону и Гермионе, он покаялся во всех грехах и валялся в ногах у Гарри, понося тупость его верного, но недалекого раба на чем свет стоит. Гарри ощутил колкую вину за то, что лишил Джима дома.

— Мы оба виноваты, и не будем больше об этом говорить, — скрывая смущение от своей безумной и довольно жестокой выходки, Гарри повернулся к Рону и Гермионе. — Холодно что-то. Мы, верно, высоко летим.

Летели они, и правда, на довольно приличной высоте. Самолеты они пока не обгоняли, но гул от них то и дело слышался с разных сторон.

— Нам страшно достанется, когда Министерство узнает, что мы летали на ковре, — Гермиона дрожала от холода, и Рон стянул с себя куртку, чтобы укрыть девушку. — Представляете, что может случиться? Нас точно теперь выгонят из школы, — Гермиона явно вспоминала о своих книгах, которые остались в поезде, а Рон — о гитаре. Гарри не нужно было даже слушать их мысли, чтобы узнать, о чем они думают.

— Ну, не думаю, что нас выставят, пока школой руководит Дамблдор, — прошептал Гарри. — Он всегда одобрял наши идиотские выходки, но эта, кажется, перевесит все.

— Да, брось, Гарри, неужто с василиском было справиться трудней, чем сбежать от кучки дементоров, — начал Рон, но осекся, вспомнив о мисс Эвергрин. Гарри тоже об этом подумал. И, наконец, вспомнил, что пришло ему в голову за минуту до того, как в дверь постучали дементоры.

Мистер Олливандер. Бедный похищенный мистер Олливандер.

Гермионе, похоже, тоже пришло в голову отвлечь Гарри именно этой проблемой.

— Послушай, Гарри, а почему ты спрашивал нас о мистере Олливандере? С этим что-то связано?

— Мисс Эвергрин занималась его исчезновением, — Гарри откинулся на ковер и поплотнее укутался в куртку. — Что она только ни делала: смотрела всякие книжки по психологии преступников и заложников, аппарировала во всякие места, где, предположительно его могли держать, советовалась со многими колдунами, которые его знали — все бесполезно. Но когда ей в руки попала та самая записка, которую оставили похитители, она все поняла. Немудрено, что ей и в голову не приходило ничего подобного, — задумчиво заметил Гарри. — Раньше она изучала только ее текст, переписанный с оригинала... До меня только сегодня дошло: мистер Олливандер вовсе не был похищен, поэтому она сказала Дикоглазу Моуди, что он не обрадуется результатам расследования.

— Как не был? — изумился Рон. Он все еще сжимал в руке бутылку из-под колы. — Но в Пророке же писали миллион раз...

— Это все ерунда, Рон. Думаю, что ей это пришло в голову, когда она увидела в своем Мысливе, как он расписывается в получении платы за ее волшебную палочку. Она сравнила надписи и увидела, что они...

— Написаны одной рукой, — медленно проговорила Гермиона. Она вскинула глаза на Гарри.

— Именно.

Рон в ужасе открыл рот.

— Но это значит, это значит, что...

— Сегодня меня вдруг словно молнией ударило, — признался Гарри. — Я вспоминал, что я знаю о мистере Олливандере. Когда я покупал у него палочку, ну, ту, первую, мы разговаривали о Вольдеморте. Он сказал, приблизительно следующее, — Гарри нахмурился, пытаясь восстановить в памяти точные слова колдуна. — *Сам-Знаете-Кто совершил много великих и ужасных дел. Ужасных, но Великих.*

— Мистер Олливандер — сторонник Вольдеморта, — прошептала Гермиона и прикусила губу от этих ужасных слов.

— Точно. Вольдеморту был нужен такой сильный волшебник, как он. Думаю, много лет мистер Олливандер скрывал, что поддерживает Черного Лорда. Возможно у него на руке тоже есть Смертный Знак. Возможно он тоже...

— Бывший Упивающийся Смертью?

— Да. И если Вольдеморт сделал такой шаг, то нам точно недолго осталось ждать его открытого возвращения.

Все замолчали. И тут Гермиона всплеснула руками.

— Боже, Гарри, это же значит,.. Все ученики мистера Олливандера погибли! Неужели он сам...

— Убил их, — закончил Рон. — Безумие...

— Нет. Это не безумие. Вольдеморт оставил нас без оружия, вы понимаете? — он видел ужас и выражение обреченности в глазах друзей. — Некому больше делать волшебные палочки, если только...

— Если — что?

— Ничего, — отрезал Гарри и закрыл рот.

Джинн взирал на своего господина и его друзей с тихой паникой.

— Шайтан меня задери, — сказал он в отчаянии без каких-либо следов арабского акцента. — Это же надо было мне угодить в самый разгар войны!

— Вступайте в наш клуб, — уныло заметил Рон и отхлебнул колы. Он вылил остатки напитка в рот и собрался выбросить бутылку, но Гермиона строго одернула его.

— Не сори, Рон! — они как раз пролетали над каким-то городком.

— Ладно, потом выброшу, — буркнул Рон, и тут же просиял. — Эй, Джим, или как там тебя... Может, эта бутылка тебе сгодится вместо прежней?

Джинн восторженно и внимательно осмотрел бутылку, затем заглянул в нее и втянулся внутрь тонкой дымной струйкой. Обрато он выполз совершенно счастливым, с улыбкой до ушей. Продукция фирмы «Кока-Кола» оказалась весьма комфортабельна.

Глава 12. Сто пятьдесят.

— Обставлю все хорошенечко, ковриков на стеночки, подушечек на пол, столики-диванчики...
 — припевал джинн, пока ветер свистел в ушах у обалдевшей троицы. Он, не переставая, шнырял внутрь и обратно, радостно оценивая новое жилище. — Кальянчик побольше, травок волшебных в него поаромантнее...

— Тебе, правда, нравится? — захихикал Рон. — Вот круто! Если бы маглы знали, что эти бутылки пользуются таким спросом у джиннов, думаю, они бы начали их изготавливать в куда БОльшем количестве!

— Кока-колы и так делают слишком много, — изрекла Гермиона. — Столько джиннов никогда не наберется, чтобы заполнить все кока-кольные бутылки! Мистер Джамаледдин, а скоро мы прилетим, а то Рон сидит в одном свитере и может простудиться?

— О, ароматная жимолость Британии, раб друга твоего обещает, что ваша школа покажется на горизонте через полчаса! Какой дом, какой дом!..

— Джим, может, нам нужно лететь поосторожнее? Если нас засекут типы из Отдела неправомочного использования колдовства, то нам каюк. И тебя отберут тоже, — заметил Гарри, подтягивая к себе Криволапсуса, чтобы закрыть его теплым пузом порядочно заледеневшие ноги.

— Гарри, а ты уже придумал второе желание? — Рону было жутко интересно, как его друг воспользуется такой замечательной возможностью: получить все, что захочешь. И сразу. — Ты захочешь стать капитаном английской квиддичной команды? Или быть самым молодым за всю историю министром Магии?

— Хм, Рон, я уверена, Гарри думает, чего можно пожелать не только для себя самого. Гарри, ведь ты обдумываешь такое желание, которое принесло бы пользу всем, а не только тебе одному?

— В общем-то, да, но я пока не остановился ни на чем таком...

— О, если бы любое мое желание могло исполниться, я бы захотела знать все на свете! — мечтательно воскликнула Гермиона. — Но это было бы слишком эгоистично, я полагаю.

— А разве ты знаешь не все на свете? — Рон поежился и попытаться завернуться в угол ковра. — Я бы хотел вернуть Фреда, — пробормотал он еле слышно, но Гарри все равно понял по нервно искривившимся губам, что бормочет его друг. — И Хагрида. Если бы мог.

— Я уже просил Джима сделать так, чтобы мои мама и папа вернулись, — тихо ответил ему Гарри. Он подвинулся поближе, и все трое крепче обнялись, чтобы пронизывающий одежду насквозь холодный ветер не заморозил их до состояния сосулек. — Но он сказал, что мертвых обратно не вернешь.

Остаток пути они молчали. Криволапсус крепко вцепился одной лапой в подол юбки Гермионы, другой — в свитер Гарри, и ни в какую не желал отпускать их. На ковре летать ему явно не нравилось. Он сидел, прижав уши, и иногда тихонько шипел, как старая скрипучая метла. Джим ловко управлялся с ковром. Впрочем, это ему стоило немалых усилий, коврик попался несговорчивый: периодически взбрыкивал, вилял в сторону или дразняще загибал уголки, за которые Джамаледдин, пыхтя, дергал его, стараясь взять нужное направление. Откуда джинн знает, куда необходимо лететь, Гарри себя не спрашивал, потом, если будет нужно, Гермиона ему объяснит. Сейчас говорить не хотелось, у всех затекли ноги, бурчало в животе от голода (хотя Рон, предварительно слопавший порцию обеда Гарри, выглядел куда более сытым, чем остальные) и ужасно мучило каждый раз, когда они пытались посмотреть вниз. Лесов и городов уже не было видно. Потянулись сперва зеленые холмы, затем горы, а потом Джим решительно повел ковер вверх, мотивируя это тем, что он не хотел, чтобы маглы заметили, как бедно и неподобающе его высокому сану путешествует почтенный Малик-бей ибн-Асад. Джинн проклинал свою тупость, и, горестно вздыхая, божился, что если ему в следующий раз придется везти куда-то своего прекрасного повелителя, то он расстарается вовсю. В исполнении Джима звучали фразы, типа: «слоны в парчовых пополах и золотых нагрудниках», «арабские скакуны с алмазными стремянами и бархатными наглазниками», «три сотни обнаженных чернокожих невольниц, несущих ордена и регалии великого и ужасного Малик-бея». Гарри ежился от холода и радовался, что слонов в этот раз под рукой не оказалось. Его немного беспокоило и то, что ему придется объяснять наличие старого потертого летающего ковра, строго запрещенного к использованию Министерством Магии. Куда уж мне было бы расписать профессору МакГонаголлу необходимость присутствия при собственной особе толпы черных невольников, лошадей и

слонов, мрачно думал Гарри, не представляя себе, что случится, если они с друзьями попадутся в лапы Снейпа. Конечно, этим летом много чего произошло, они со Снейпом все-таки не единожды спасали друг другу жизнь, но Гарри был готов поспорить, что отношение Снейпа к правилам поведения учеников в Хогвартсе не изменилось ни на йоту. То, что они с друзьями теперь были такими же членами Ордена Феникса, как и он, ситуацию не улучшало, а, наоборот, усугубляло. Поэтому, хоть на это была и слабая надежда, парень решил, что наиболее удачным выходом из положения будет встреча с Дамблдором и личное объяснение с *ним*, а ни с кем иным.

За облаками ничего не было видно, зато холоднее стало втрое. Ребята прижались друг к другу еще плотнее и мелко задрожали.

— Д-джим! С-ск-корей бы уже! — зубы у Рона выбивали дробь.

— О высокородный господин, не извольте беспокоиться! — сверкнул джинн улыбкой и покрытым инеем моноклем, совершенно не испытывая дискомфорта от арктического холода заоблачных высот. — Уже почти прилетели, вот только этого железного дракона обогнем! — за ними уже послышался нарастающий гул реактивных турбин самолета. Все четверо (включая джинна, который в жизни не видел ничего подобного) громко завопили от страха. Самолет грациозно пронесся над ними, закружив несчастный ковер в таком пируэте, что ребята чуть не выпали с хлипкого средства передвижения. На секунду показалось, что Джим потерял управление, Гермiona и Криволапсус одинаково отчаянно закричали, сползая на край ковра, но Гарри успел быстро сориентироваться.

— Держи меня крепче! — гаркнул он Рону.

Тот вцепился ему в пояс. Гарри осторожно подполз к посиневшей от страха и холода Гермione, из последних сил сжимающей одной рукой кота, а другой — ветхий край коврика, из которого сыпались нитки, и ухватил ее за воротник. Воротник затрещал, но выдержал. Гарри напрягся, заскрипел зубами и с трудом втянул Гермionу обратно. Все перевели дух. Гермiona тяжело дышала, боясь заплакать, чтобы ее слезы не замерзли прямо на щеках, а Криволапсуса била крупная дрожь, и глаза его стали совсем как плоски.

— Джим, если мы немедленно не спустимся!.. — осипшим от страха голосом начал Гарри. — То моим следующим желанием может стать...

— Уже, уже снижаюсь! — захопотал джинн, сам не свой после встречи со стальным монстром. — Не хватало еще, чтобы по вине твоего жалкого раба, о, повелитель, тебя и твоих друзей сожрало это кошмарное чудовище! Никогда не слышал раньше о таких! Они, наверняка, едят волшебников!

— Д-да нет, в-в ос-с-сновном ав-в-виационн-нное топ-пливо, — заикаясь от страха, сказала Гермiona. Она спрятала покрасневшие руки в рукав куртки Рона и крепко зажмурила глаза, чтобы ненароком не посмотреть вниз, такой крутой вираж заложил джинн на ковре. И зря, потому что на горизонте показались шпили и башни Хогвартса. Джим осторожно повел ковер на снижение. Они очень осторожно обогнули Хогсмид и на окраине запретного леса попытались пересечь границу школьнойземли.

БУМ!

Ковер с грохотом вписался в какую-то невидимую преграду, Рон, Гарри, Гермiona и Криволапсус чуть не посыпались с него, но в последний момент джинн успел удержать Гарри, а все остальные уцепились за него (включая Криволапсуса) и таким образом удержались на этом старом летающем половике. Ковер медленно спланировал на опушку Запретного Леса, устало подергивая уголками. Джинн тоже выглядел не особенно — штаны порядочно помялись, рукав был порван (за него неудачно попытался схватиться Рон), а монокль он потерял в неравной битве с железным драконом системы «Конкорд». Когда коврик улегся на траву, все тупо посмотрели друг на друга, не веря, что их кошмарный полет, наконец, закончился а потом, не тратя лишних слов, поняли, что им сейчас нужно. Они с трудом поднялись на ноги и расползлись в разные стороны. По их позеленевшим лицам было ясно, что в данный момент каждому из отважных путешественников требуется пара минут одиночества. Гарри услышал, как великого волшебника и выпускника Магрибской Школы колдовства и Магии Джамаледдина Кудаму ибн-Омара ибн-Алима абд-аль-Азима крепко выворачивает наизнанку за соседними кустами. Не тратя времени, Гарри засунул два пальца в рот и последовал его примеру. После этого сразу стало как-то легче.

Встретились они уже у ковра. Тот весело елозил по траве, с любопытством помахивая вылезшей из края основой над большой пестрой бабочкой, и был явно настроен слетать куда-нибудь еще, за пару тысяч миль от Хогвартса. Гарри бухнулся на сырую траву, перевел дух и подвел итог путешествию:

— Джим, в следующий раз я серьезно подумаю над твоим предложением о слонах. Я уверен, это было бы просто замечательно! Чем лететь второй раз на этой тряпиче, я предпочту колесницу, запряженную драконом и гиппогрифом!

— А обнаженные черные невольницы тоже входят в эту картину *идеального* путешествия в школу? — язвительно поинтересовалась Гермиона. Она обмахивалась носовым платком, безуспешно пытаясь прийти в себя и привести в чувство Рона, который пластом упал в траву, зарывшись в нее лицом. — Рон! Рон, вставай же! Школа, очевидно, огорожена каким-то барьером, пройти через который мы не можем. Это, наверное, Высшая Магия, мне это заклинание неизвестно. Нужно попытаться найти проход или позвать кого-нибудь из преподавателей.

— Угу, — Рон с трудом поднялся и обвел друзей мутно пьяным взглядом. — С-сейчас... встану, — Он приподнялся, но потом снова грохнулся обратно на землю. — Черт, Гермиона, может, мы все-таки слегка отдохнем? Хогвартс-то — вот он! Идти пять минут, мы уже на территории школы.

— Как бы не так! — уперла Гермиона руки в бока. — Попробуй, пройди сквозь эту охранную систему! Я же сказала — это очень сложное заклятие, я снять его не смогу.

Гарри осторожно приблизился к тому самому месту, в которое уперся и грохнулся оземь их летающий ковер. Он вытянул вперед руку и нащупал что-то невидимое, но очень гибкое и упругое. Похожее на ту Защитную Стену, которую он возвел пару месяцев назад, только не различимую глазом.

— Интересно, а Заклятие Зова о Помощи ее пробьет? — Гарри ощупал желеобразное невидимое нечто и вынул палочку.

— Осторожно, Гарри! — предостерегла его Гермиона. Она встала, отряхнула грязную юбку, всю в траве, шерсти Криволапсуса и неизвестного тигра, раньше них летавшего на самаркандском скоростном снегодождеградоотталкивающем ковре, и, прихрамывая, подошла к Гарри. Потрогала прозрачную стену и нахмурилась. — А если защита срикошетит? Вдруг заклинание попадет обратно в нас?

— Надо попробовать, — решил Гарри. Он поднял палочку. Призадумался, вспоминая точное слово, и осторожно произнес. — *Холло!*

Из конца палочки выстрелила большая серебристая струйка света. Она рванулась вверх, облетела купу лиственниц и ясеней и исчезла за краем Запретного Леса.

— Как хорошо работает твоя новая палочка, — похвалила Гарри Гермиона, но тут же нашла повод сделать замечание — Однако, кажется, сначала нужно было побеспокоиться о том, чтобы Джима никто не увидел. И этот ковер — тем более.

— Точно! — спохватился Гарри. Джим выстроился по стойке смирно, с восторгом ожидая приказаний. — Забирай свой ковер и дуй назад в бутылку, не то тебя кто-нибудь заметит!

Ковер отчаянно не хотел лезть обратно. Он упирался всеми четырьмя уголками, пока джинн запикивал его в бутылку. Джамаледдин сердито пыхтел, ругался по-арабски и, искоса хитро поглядывая на ребят, по-английски. Ругательства были витиеватые, Гермиона краснела, Гарри хмурился, а у Рона было такое восторженное выражение на лице, точно он хотел сию же минуту записать имена тех предков негодяйки-ткачихи, выткнувшей это упрямое волшебное средство передвижения, которых в сердцах упоминал Джим. Предков было много и все они, по-видимому, имели отношение к шакалам и свиньям одновременно. Наконец, коврик печально махнул ребятам на прощание и скрылся в бутылке. Джим перевел дух и отсалютовал Гарри:

— Твой тупой и нерасторопный слуга будет всегда рад выполнить любое твое желание, о прекраснейший и мудрейший Малик-бей! Счастливо оставаться! — с этими словами Джима до ребят донеслось тихое шипение: Джамаледдин Кудама ибн-все-прочие-родственники залезал в свой новый дом. Гарри поймал бутылку и как следует заткнул ее крышкой. И вовремя, потому что из-за крайнего ясеня показалась грузная фигура Бенджамина Иррегус-Штрауса. Он быстро бежал и подслеповато жмурился от холодного пронизывающего ветра, выставив вперед длинную волшебную палочку, словно ожидая нападения. Подрулив к промерзшей насквозь троице, он удивленно вытаращился на них.

— Гарри Поттер? Вы — здесь? Почему вы не...

— Сэр, у нас мало времени! — закричал Гарри, бросаясь к прозрачному укреплению. — Мы только что с магловского поезда! На нас напали дементоры! Профессор Эвергрин и сэр Глориан остались там! Я боюсь, что с ними случилось что-то страшное.

— Великий Шотландец! — в ужасе воскликнул Иррегус-Штраус и замахал палочкой. — *Оппидемптум!* Скорей, ребята, скорей!

После произнесенного Бенджамином заклятия стена с шумом стала видна. Она выглядела как зеленоватое, колеблющееся на ветру желе, и от ее вида Рон скривился, будто его вновь затошнило. Потом защитное укрепление внезапно заискрилось, по нему побежали легкие электрические разряды, и в прозрачной стене образовалось круглое отверстие.

— Лезьте внутрь, быстро! — скомандовал член ордена Феникса. — Только осторожно, не задевайте края, иначе вас сильно приласкает током! — он продолжал делать круговые движения палочкой, чтобы отверстие не закрылось.

Гарри подождал, пока перелезет Гермиона, потом передал ей не по-кошачьи трусливо скулящего Криволапсуса и нырнул в дыру сам, ощущая, как края прозрачного укрепления излучают жар. От него чувствовалось легкое покалывание в ладонях, когда он опасно близко поднес руки к стене. Иррегус-Штраус помог ему влезть в отверстие, а затем втащил нескладную фигуру Рона, который несколько раз чуть не ухитрился вписаться в опасно искрящуюся массу и опалил-таки волосы на макушке.

— *Оппикондум!* — воскликнул Иррегус-Штраус, и проход тут же стал стягиваться. Когда он с чмоканьем закрылся целиком, стена исчезла, словно ее никогда и не было видно. А потом профессор повернулся и побежал. Ребята припустили за ним, стараясь не отставать, поэтому на все вопросы Бенджамина им пришлось отвечать на бегу:

— Давно это случилось?

— Часа три назад, — отплеываясь, выпалил Рон: хвост Криволапсуса, развеваясь на ветру, все время норовил попасть ему в рот. Он закашлялся.

— Сколько дементоров было в поезде?

— Мы не считали, сэр, — скороговоркой заговорила Гермиона. — Мы были в купе, а когда они стали ломиться в дверь, профессор Эвергрин велела нам закрыться и никуда не выходить. Мы больше ее не видели! И сэра Глендэйла тоже! — она всхлипнула, утирая лицо на бегу.

— Я спрашиваю: сколько дементоров было? Постарайтесь вспомнить! — отдуваясь, повторил свой вопрос Иррегус-Штраус.

— К нам в купе ломились, по меньшей мере, штук десять. От их присутствия даже дверь замерзла, сэр, — Гарри пыхтел на бегу, стараясь поспеть за толстым, но удивительно легким на ногу новым профессором по Уходу за Магическими Существами. — Мисс Эвергрин... Как вы думаете, сэр, она жива? — с замиранием сердца выложил Гарри то, что сильнее всего его ужасало.

Бен Иррегус-Штраус промолчал, заворачивая за край хижины Хагрида, но не снижая темпа. Гарри успел заметить, что домик не находится в забросе. Где-то рядом гулко лаял Клык, возле крыльца привычно паслись кикиморы, а в огороде сидели на грядках крошечные тыквочки.

— Сэр, — пролепетала Гермиона, вспомнив еще об одной важной вещи. — Там, в поезде... было *очень* много маглов. Они убежали от дементоров, но я не думаю, что... — они уже почти достигли главной лестницы у входа в школу.

— Быстро — в холл! — приказал Иррегус-Штраус, сам направляясь в обход, к маленькой задней дверце, ведущей в школьные подземелья. — Я — к директору, а вы — к врачу, скорее!

— К какому врачу? — проворчал Рон, преодолевая первый лестничный пролет. — Он что, забыл, что у нас в школе больше нет врача?

— А может, уже есть? — предположила Гермиона, перебазировав толстого Криволапсуса в другую руку. — Кто знает, что здесь изменилось за лето. Рон, тебе больше всех надо в медпункт, ты, наверное, страшно простыл в полете на этом дырявом сквозняке.

— Господи, как же хорошо-то! — воскликнул Рон. — Снова в Хогвартсе!

Гарри тоже был согласен с ним. Отчасти. Хогвартс всегда был его домом больше, чем особняк Дурслей на Бирючиновой Аллее, но этим летом Гарри уже привык считать родным и викторианский дом на болотах Хитмарша. Поэтому мысль о том, что он может потерять и своих новых опекунов, которые о нем заботились с таким терпением и любовью, причиняла ему все ту же знакомую колкую боль, которая безжалостно мучила его при каждом воспоминании об улыбке Хагрида или взорванной Фредом навозной бомбе. Он только успел сжать зубы, чтобы не дать боли выбраться наружу, как, влетев в холл, наткнулся на потрясающую картину.

Посреди зала друг на друге возвышались два сундука. Под ними стояли две клетки, в которых мирно спали Хедвига и Свинринстель. А на сундуках сидела Джинни Уизли, просматривала очередную стопку счетов и с невозмутимым видом уничтожала сникерс. Заметив их, она ничуть не удивилась.

— Рон, — сурово начала она, откладывая бумажки в сторону. — У тебя порван воротник и рукав. Почему твоя куртка на Гермионе? Гарри, что случилось? Где ваши вещи? Профессор МакГонаголл о вас уже спрашивала, мы-то с дядей Джоном приехали пару часов назад: встретили мистера и миссис Фоссет. Они тоже собирались отправлять Джиллиан в школу, зачаровали наш джип, превратили его в портшлюз, и мы подвезли и Джиллиан тоже. Дядя Джон уже уехал, очень за вас беспокоился... Но ты, наконец, объяснишь мне Рон, почему ты в таком виде? — Джинни нахмурилась и хмуро уставилась на Рона, выбивающего дробь зубами. — Почему ты так дрожишь?

— Дементоры, Джинни, — тихо сказала Гермиона, устало прислоняясь к сундуку. Гарри вдруг почувствовал, что у него тоже подкашиваются ноги. От усталости, холода и того страшного ощущения, которое у него всегда вызывали дементоры. Его вначале затмил полет на ковре, но сейчас ледяной страх вновь подступил к самому горлу, распространяя по всему организму крохотные иголки боли и тошноты. Он сполз на пол и замер возле сундука. — На наш поезд напали дементоры.

Джинни побелела. Счета попадали у нее с колен.

— А м-мисс Эвергрин? — дрожащим голосом спросила она.

Гарри замотал головой.

— Мы не знаем, что с ними случилось, — он закрыл лицо руками. — Мистер Иррегус-Штраус побежал к Дамблдору за помощью. Наверное, они уже там...

— Иррегус-Штраус? — с сомнением наморщила лоб Джинни. — А кто это? — впрочем она не стала забивать себе голову лишними мыслями. — Скорее, скорее! Вам нужно в медпункт. Вот, возьмите пока шоколадку! — Она разломала свой сникерс на три части и насильно запихнула каждому из троих друзей в рот по кусочку. Рон успел взять свой, но тут силы внезапно подвели его, и он, замотав головой и отгоняя набегавший обморок, нетвердо переступил ногами, случайно придавив присевшего рядом Криволапсуса. Кот отчаянно взвыл и драпанул вверх по лестнице, чуть не сбив с ног спускающегося вниз Невилла Лонгботтома.

— Боже, Гарри! Гермиона! Рон! Что с вами! — Невилл в три прыжка одолел пролет, только один раз угодив ногой в исчезающую ступеньку, что было для него рекордом.

У Гарри потемнело в глазах.

— Невилл, скорее помоги мне! — голос Джинни почему-то гулко отдавался в ушах, как звенящий колокол. Послышался топот бегущих ног. А потом было холодно и темно, но через некоторое время стало тепло и мягко. Ласковое шуршание веток в камине и запах сосновых шишек заглушил аромат горячего шоколада и звук помешивающей его серебряной ложечки. И негромкие голоса.

— Благодарю, дорогая. Это ужасно, они все еще не вернулись, хорошо, хоть дети остались целы.

— Интересно, каким образом оны ухитрились сбежать? — знакомый голос и знакомый силуэт: высокая прическа, золотая шпилька в виде феникса. И доброе, милое лицо и улыбка. Инь Гуй-Хань.

Но что она здесь делает? Орден Феникса решил снова собраться в Хогвартсе в полном составе?

Гарри огляделся. Он был в больничном крыле, а на соседних кроватях сидели Рон и Гермиона. Рон шумно хлюпал горячим шоколадом из большой кружки. Гермиона сжимала свою чашку дрожащими пальцами одной руки, а другую крепко сжимала профессор МакГонаголл, декан их факультета. Старая профессор была ужасно напугана, но ее брови были строго сведены в одну суровую линию. Она явно ждала того момента, когда ребята должным образом очухаются, чтобы начать их ругать. За спиной профессора МакГонаголл толкались Джинни и Невилл: Джинни была перепугана не на шутку и нервно накручивала длинную огненную прядь на палец, Невилл осторожно придерживал ее за руку, явно не в силах поверить в такую смелость со своей стороны, но Джинни, поглощенная переживаниями о брате, не обращала на Невилла ни малейшего внимания.

— О, Рон! Рон! С тобой все в порядке? — драматично завопила она, чрезвычайно напомнив Гарри миссис Уизли. — Как ты мог меня *так* напугать!!!

— Честное слово, ты командуешь мной, словно ты намного старше, а я — несмышленный младенец!

— Ты ведешь себя хуже, чем младенец!

— Да, брось, все путем, Джинни, — всхлюпнул Рон между двумя глотками. — О, мэм, какой вкусный шоколад! Прогревает до самых печенок!

— Рон Уизли, перестаньте обращаться в таком тоне к мисс Инь и немедленно ответьте на вопрос: каким образом вы исчезли из поезда, полного дементоров, и появились в Хогвартсе? — профессор МакГонаголл взяла власть в свои руки, но ответа она ожидала зря: рты у ребят мгновенно захлопнулись. Они осторожно переглянулись, что не ускользнуло от внимания их строгого декана.

— Мистер Поттер, может, вы мне объясните? — потребовала она. Гарри виновато ощутил, как во внутреннем кармане его куртки шевельнулась бутылка. Джинн умоляюще зудел изнутри, Гарри чувствовал это и был решительно настроен не выдавать своего нового знакомого ни за что на свете.

— Ну, просто нам повезло, и мы смогли выбраться из поезда, — пробормотал он, делая вид, что безумно увлечен своей чашкой горячего шоколада.

— Каким образом, я спрашиваю?!

Гарри молчал.

— Превосходно! — раздувая ноздри, прогремела профессор МакГонаголл. — О них заботятся, их опекают, а они никогда не ценят этого! Если вы молчите — прекрасно! Но не надейтесь, что теперь я буду вам доверять так же, как раньше! И вы меня тоже *очень* подвели! — Минерва МакГонаголл повернулась к Гермионе и Рону. Гермиона жалобно вжалась в кровать и виновато опустила глаза в свою чашку. — Мисс Грэйнджер, вы — староста нашего факультета и считаете возможным для себя впутываться в подобные проделки? Еще одно такое происшествие, и я буду, к моему величайшему сожалению, вынуждена подумать о смене вас на этой должности! — выстрелив последней фразой, профессор МакГонаголл стремительно отбросила руку Гермионы, встала и вылетела из больничного крыла на всех парах, периодически издавая возмущенное фырканье.

— Гарри! — жалобно возвала Гермиона. — Наверное, стоило все рассказать!..

— Молчи, Гермиона! — рявкнул Рон.

— Рон Уизли! Ты не смеешь затыкать мне рот!

Пошло поехало. Гарри и Невилл пытались успокоить Джинни, которая все еще редела от ужаса — так испугалась, что потеряет еще и Рона. Инь Гуй-Хань методично занималась в уголке процеживанием сквозь маленькое серебряное ситечко зеленовато-серой жидкости из большой фляги с *Перцуссином*. Восхитительная склока, бушевавшая за ее спиной, казалось, нисколько ее не затрагивала. Рон и Гермиона продолжили свою милую беседу на повышенных тонах. Знакомая фраза «*Да кто ты такой Рон Уизли!*» привычно витала в воздухе, пока Рон, на середине самого выспренного пассажира — *Ты об этом сильно пожалеешь, Гермиона, вряд ли кто-то еще захочет так ангельски терпеть твои замечания, как я!* — не закашлялся, хрипло и надрывно. Инь тут же среагировала правильным образом. Она мгновенно поднесла ложку с *Перцуссином* к еще раскрытому рту Рона и влила в него полную порцию.

— Профьюлактика! — объявила она. Все захохотали, и в этот самый момент в больнице появился профессор Дамблдор. Никто не заметил, как вошел директор, казалось, он все время и стоял здесь, в тени двери, наблюдая за тем, что происходит.

— Уважаемая Инь-тян, извините, но мне срочно необходимо поговорить с мистером Поттером, мистером Уизли и мисс Грэйнджер. Мистер Лонгботтом!..

Невилл робко взглянул на директора.

— Ваша бабушка только что прислала кое-какие учебники, которые вы забыли, заберите, пожалуйста, сверток в своей гостиной на столе. Только будьте осторожны: там, кажется, приложен очередной вопиллер, не открывайте его вблизи книг во избежание возгорания вашей библиотеки, — ухмыльнулся Дамблдор. — Мисс Уизли, вы не проследите за этим?

Джинни, кажется, не очень этого хотелось, но послушаться приказа она не осмелилась. Они с Невиллом вышли, плотно прикрыв за собой дверь. Инь вдруг что-то срочно понадобилось в аптечном шкафу, который располагался в дальнем конце больницы, поэтому ребята остались с Дамблдором наедине.

— Ну? — сказал директор и улыбнулся себе в бороду. — Гарри, теперь, наверное, ты сможешь мне все рассказать?

Стараясь не думать о бутылке, сидящей в его кармане, Гарри аккуратно в своем рассказе опускал все детали, связанные с участием ее обитателя в их эскападе. Все в конечном счете выглядело так, будто они случайно нашли в поезде ковер, обнаружили, что он — летающий, а

когда к ним в купе постучали дементоры, они упорхнули от них на ковре, но так как не умели хорошо им управлять, то не смогли заставить его вернуться за мисс Эвергрин и сэром Глендэйлом. Рассказ получился довольно гладко скроен (Рон и Гермиона периодически с готовностью кивали, делая огромные честные глаза), однако, Гарри боялся, что Дамблдор все равно с легкостью прочтет его мысли и поймет, что большая часть из него — наглое вранье. Но Дамблдор ничего подобного не сказал, не упрекнул Гарри ни словом. По окончании захватывающего повествования, он встал с гарриной кровати, подошел к окну и рассеянно глянул вниз. Гарри посмотрел на Рона. У того были отчаянно испуганные глаза.

— Что ж, — наконец, уронил Дамблдор, задумчиво теребя кончик своей бесконечной бороды. — Рассказ получился не совсем точный, но я думаю, что любой на вашем месте счел бы необходимым кое-что опустить. К счастью, Гарри, вы летели довольно высоко, и ковер заметили только несколько маглов из того самолета, который вы так самоотверженно попытались протаранить. Все они, не разобравшись как следует в этой ситуации, решительно настаивают на том, что видели неопознанный летающий объект, плоский и узорчатый. Так как сотрудники нашего Министерства, в том числе обливиаторы и коллеги вашего отца, Рональд, прилагают массу усилий, дабы подобные встречи были описаны, как столкновения с летающими тарелками, то в данном случае ничего и делать особенно не пришлось. Просто несколько бульварных магловских газет выйдут с заголовками «*Братья по разуму — рыжие и лохматые!*»

Рон и Гарри машинально схватились за свои шевелюры. Дамблдор ухмылялся.

— Профессор! — подала голос Гермиона. Она отставила чашку с шоколадом и с интересом посмотрела на директора. — Вы разве не станете нас ругать за то, что мы нарушили закон? Я думала, что нас могут за это исключить из...

— Исключить? — хитро округлил глаза старый директор. — Хм, если бы вы, мои дорогие, и на сей раз попались в лапы к профессору Снейпу, то, боюсь, этого было бы трудно избежать. Но так как ваш преподаватель Зельделия уже три дня безвылазно коротает часы в своей лаборатории, то вам ничего не угрожает. Обещаю, что *от меня* Министерство не узнает ничего, — старик задумался и вновь уставился в окно на что-то, чего ребята не видели со своих постелей.

Гарри слез с кровати и подошел к Дамблдору. И выглянул в окно.

— Ух ты!

Рон и Гермиона мгновенно сползли со своих лежбищ и присоединились к Гарри. Действительно, здесь было чем любоваться. Из окна открывался замечательный вид на северную часть владений Хогвартса и большое озеро, в котором какая только живность ни водилась: от воинственных русалок до гигантского кальмара, милого и дружелюбного создания, иногда в припадке хорошего настроения позволяющего ученикам даже дергать себя за щупальца. Но сейчас кальмара не было видно. Сквозь пелену мелкого холодного дождя Гарри разглядывал большой старинный корабль, стоящий у хогвартсовского причала.

Корабль поразил его не тем, что был, несомненно, древнего происхождения, но тем, что оказался в довольно хорошем состоянии, не чета тому кораблю-призраку, этакому летучему голландцу, доставившему в Хогвартс когда-то группу дурмштранговских студентов во главе с Крумом. Гарри не слишком хорошо разбирался во всяко-разных приспособлениях для плавания, кроме надувных матрацев, но когда-то пролистывал альбом по истории кораблестроения, подаренный дяде Вернону какой-то судоходной компанией после удивительно выгодной для обеих сторон сделки по поставке сверл. Книга сия в доме Дурслей никогда не читалась и выставлялась на всеобщее обозрение в их крохотном книжном шкафу лишь для пускания пыли в глаза гостям. Мол, не дураки тут живут, вот, какими вещами балуемся. В этой книге Гарри видел похожее суденышко, вернее, старинный корабль викингов, пускавшихся в путешествия к американским берегам. Это судно чем-то его неуловимо напоминало. Парус загадочного плавсредства немного обвис, и выглядел корабль сейчас совершенно необитаемым, но он совсем не был похож на плавучий музей, напротив, он словно бы приглашал взойти на его борт.

— Откуда он взялся? — вырвалось у Гарри. Дамблдор склонил голову и задумчиво рассматривал корабль.

— О, этот кораблик приплыл издалека, Гарри. Кто на нем только ни путешествовал во время оно. Сейчас он доставил к нам на своем борту последнего принца Леса Теней, сэра Глориана Глендэйла.

— Глор прибыл сюда на нем? — переспросил Гарри, перевешиваясь через подоконник, чтобы как следует разглядеть оснастку.

— Корабль вы успеете рассмотреть и завтра, а сейчас вам пора на банкет по случаю нового учебного года, — директор похлопал Гарри по плечу.

— Но, профессор, а как же мисс Эвергрин? — воздел руки к небу Рон.

— И сэр Глориан! — поспешно добавила Гермиона.

— Не волнуйтесь о том, что вас волновать не должно! — Дамблдор вновь таинственно улыбнулся и вышел из больницы.

— Как это: не должно волновать! — разорвался Рон, зашнуровывая ботинки. — Ничего себе! Там человек, может, умирает, а он... Нет, Дамблдор — точно, псих!

— Глор, наверное, держался до последнего, — тихонько всхлипнула Гермиона. — Он, конечно, невероятно сильный и...

— Когда я сказал «человек», то не имел в виду его! — отрезал Рон.

В коридоре уже вовсю бегали ученики, но почему-то Гарри показалось, что в этом году народу в Хогвартсе куда меньше. Да, верно, чуть ли не вдвое меньше! Гермионе, вероятно, тоже показалось это подозрительным, и она, наклонившись к самому уху Гарри, шепнула:

— Гарри, тебе не кажется, что нас в этот раз как-то... мало?

— Точно, — почему-то тоже шепотом подтвердил Гарри. — И, кажется, в основном поубавилось народу из Хуффльпуффа и Рэйвенкло. Лучше слизеринцев бы поменьше стало.

— А их и так меньше, — Гермиона настороженно разглядывала учеников, сновавших по коридору по направлению к Большому Залу. Гарри мог поклясться, что дотошная Гермиона подсчитывает всех, кого видит. — Но не намного. Послушай, Гарри, ты не думаешь, что это из-за войны с Вольдемортом? Может, родители просто не пустили своих детей в школу в этом году? Не доверяют ее надежности?

— После того, как Гарри ухитрились вывезти прямо с территории Хогвартса этим летом, я ничему не удивлюсь, — мрачно сказал Рон, сгрызая последний кусочек джинниного сникерса. — Глядите-ка, а вам не кажется, что все, кто тут шастает, в основном — маглорожденные?

— Похоже, что да... — Гермиона настойчиво заглядывала в глаза каждому встречному ученику. — Вот Стаббинс из Хуффльпуффа, он точно маглорожденный. И Джастин Финч-Флетчли... привет, Джастин! И Орла Уирке из Рэйвенкло, Кларенс Дэйвис и Мэри Саммерс — тоже из обычных семей. Кевин Уитби... Слушайте, а и правда! Тут процентов двадцать только, одна пятая чистокровных волшебников!

— Так ты прямо сразу и подсчитала? — скривился Рон. — О, привет, ребята!

К неразлучной троице подлетели не менее неразлучные друзья — Дин Томас и Симус Финниган. На левой руке Симуса вместо часов красовался портативный наручный горескоп. Стрелка непрерывно крутилась и визжала, как резаная. Перекрикивая ее настойчивые вопли, ребята постарались узнать, в чем же дело.

— Слышали новость? — орал Симус, отчаянно пытаюсь замотать шарфом проклятый горескоп, чтобы сделать его заунывный вой чуточку потише. — Многие родители отказались отпускать ребят в Хогвартс. Говорят, тут с ними все может приключиться. Мы с Эрни разговаривали, так он утверждает, что Рэйвенкло в этом году недосчитается половины учеников, а сам Хуффльпуфф и того больше. Чуете, чем пахнет?

— Вы на чем доехали? — вместо ответа учинил Рон допрос гриффиндорским приятелям.

— Дин у меня гостил летом, нас мама подбросила камином до Хогсмида. Она еще летом с одной продавщицей знакомой из отребьееновского ателье договорилась... Слушай, а вы слышали, что дементоры сделали? Говорят, они организованно напали на несколько магловских поездов, которые шли в сторону Хогвартса. Есть жертвы!

— Жертвы? — упавшим голосом переспросил Гарри.

— Ну да! — включился в беседу Дин, в страхе выпучив глаза. — Один поезд даже потерпел крушение... Тот, что на Эдинбург шел, верно, Симус?

— Ага. Вот кошмар, правда? Как хорошо, что мы им не поехали. Гарри, говорят, что из-за такой нехватки членов команд по квиддичу в этом году чемпионат школы проводиться не будет, ты ничего об этом не знаешь? Кстати, твой Всполох как поживает?

— Мой Всполох растащила на щепки толпа бешеных дементоров в поезде «Лондон — Эдинбург»! — в сердцах выпалил Гарри и быстро пошел дальше.

Потерпел крушение! Нет, только не это!

В Большом Зале народ вел себя куда более шумно, чем всегда. Все ученики были возбуждены до предела, еще бы, уже почти полвека дементоры не были так агрессивны. Было понятно, что охрана Азкабана висит на волоске, авторы и сотрудники Отдела Тайн не могли сами

справиться с таким количеством злобных холодных существ, питавшихся всем добрым и светлым, что они могли найти в человеческой душе. Гарри упал за гриффиндорский стол и с отсутствующим видом наблюдал, как остальные ребята рассаживаются за столы своих факультетов. Не они одни с Роном и Гермионой были не в форме, многие ученики тоже были без мантий. За столом Рэйвенкло Кларенс Дэйвис в красках расписывал всем желающим послушать его девочкам, как он геройски сражался с целой толпой дементоров, подстерегавших их машину на мосту через Клайд. Хорошо, что с ним и его младшей сестрой был еще его брат Роджер, бывший капитан их квиддичной команды. Роджер отвлек дементоров, а Кларенс и его сестренка тем временем успели достать метлы. Все трое достигли Хогвартса только час назад, естественно, все их вещи и учебники пропали: взбешенные дементоры, как только что сообщили Роджеру из Министерства, разнесли их машину в клочья. Среди тех, кто слушал белого от ужаса Кларенса, были и сестры Патил с Лавандой Браун. Лаванда вскоре присоединилась к гриффиндорскому столу, а Парвати продолжала чирикать с Кларенсом, закатывая от страха свои огромные черные глаза и нежно помахивая ресницами. На руках у нее сидела большая черная кошка и тарасила на ребят из Рэйвенкло свои громадные золотистые глазищи.

— Парвати обзавелись зверьем? — поинтересовался Рон у Лаванды, подсевшей к ним поближе. Лаванда, как вполглаза успел заметить Гарри, очень изменилась. Она побледнела, стала выше и тоньше, под глазами пролегли глубокие сиреневатые тени, на запястьях у нее болтался десяток амулетов из раковин и пестрых камешков, а на шее — подвеска из лунного камня и ладанка, издававшая терпкий запах сандала. — Разве черные кошки не приносят несчастье? — поддразнил Рон Лаванду.

— Это не кошка, а лазиль, — ответила Лаванда, глядя в никуда. — Мама Парвати достала ей разрешение, и она сама пошла в хижину к Хагриду этим летом, выбрала себе того, что он ей обещал, а остальных мы раздали.

— Лаванда, — робко вмешался Симус, всегда питавший пылкую страсть к своей однокласснице. — Ты... изменилась очень за лето. Ты стала такая...

— Другая, — спокойно подвела черту Лаванда. — Ты прав. У нас с Парвати было очень напряженное лето. Вы и представить себе не можете, как сложно жить с таким даром. Хорошо, что директор смог помочь нам его развить. Он познакомил нас с удивительно милыми дамами из Германии. Мы прожили у них все лето.

— Их фамилия случайно не Штальберг? — пробормотала Гермиона.

— Именно. Фрау Брюнхильда, Вальтраута и Хейди — такие замечательные старушки! А ты откуда их знаешь?

— Приходилось встречаться.

— О, Гарри! Гарри!

К гриффиндорскому столу неслась Клара Ярнли, за которой не поспевали остальные второклассники. С другой стороны рядом с Гарри плюхнулись братья Криви.

— Привет, Гарри. Ты чего такой смурной? — Колин, слава Мерлину, кажется, забыл о своих претензиях к Гарри, возникших на почве проигранного в прошлом году чемпионата по квиддичу.

— С профессором Эвергрин стряслось несчастье, — объяснила Гермиона. — Она была в том поезде... — вокруг них тут же собралась толпа, все ахали, качали головами и в ужасе переглядывались.

— Неужели у нас в этом году снова будет другой преподаватель по защите от сил зла? — уныло спросил Дин.

— С ней ничего не могло случиться! — решительно перебила его Клара. Глаза ее воинственно сверкали, точно она была готова сразиться с дюжиной дементоров, и вообще, Гарри внезапно испугался, что она потребует немедленно организовывать на место происшествия спасательную экспедицию, состоящую из гриффиндорцев, — с Клары станется, ограничивающих ее действия факторов не существует. — Уж профессор-то Эвергрин запросто могла положить на лопатки кучу дементоров!

— Вот и то же говорю, — Гарри успокаивающе надавил ей на плечо своей дрожащей рукой, усадив ее на место. Но Клара не унялась: в компании с Тоби и Гордоном Макьюэном она тут же начала шепотом составлять какой-то загадочный план. Гермиона с подозрением смотрела на них. Рон меланхолично подсчитывал слизеринцев за соседним столом, подозрительно оглядывая хитрую острую физиономию Драко Малфоя («А он чего вернулся, Гарри, небось, шпионить, как считаешь?») и сравнивал их количество с числом гриффиндорцев. Гриффиндорцы вернулись все.

Уставшие, издерганные ученики страшно хотели есть и с нетерпением ждали церемонию сортировки, но их ожидал весьма неприятный сюрприз. Когда, наконец, в Большом Зале собрались все ребята, собирающиеся оставаться в Хогвартсе в этом году, со своего места за преподавательским столом поднялась угрюмая профессор МакГонаголл и загробным голосом сообщила, что в этом году церемонии сортировки не состоится. Столы хором ахнули, а заместитель директора скорбно добавила, что в связи с происходящими в волшебном мире событиями, большинство родителей сделали выбор в пользу Бобатона и Дурмштранга, причем, речь в данный момент шла не только о первоклассниках. Минерва МакГонаголл пояснила, что почти половина учеников Хогвартса теперь учатся в других заведениях, и всего учеников в школе осталось сто пятьдесят. Столы факультетов загудели от недоумения и ужаса: каждый факультет раньше считал, что отсутствие одноклассников — только временное явление, и речь профессора Трансфигурации прозвучала как приговор. Преподавательский стол хранил молчание. Дамблдор спокойно смотрел поверх голов учащих, профессора Флитвик и Спаржелла, пошептавшись о чем-то, усталились в зал, а профессор Снейп комкал в кулаке носовой платок и злобно разглядывал тех учеников, которые пока решили остаться, точно раздумывал, надолго ли их хватит. Гарри подумал, что большинство осталось лишь по той причине, что маглорожденным куда безопаснее в Хогвартсе, чем за его стенами, и их родители, по всей видимости, решили так же. Впрочем, нужно отметить (Гарри еще раз проинспектировал стол Гриффиндора), что их факультет, кажется, не покинул никто. Кажется...

Дослушав трагическое выступление Минервы МакГонаголл, со своего места, наконец, поднялся Дамблдор.

— Что ж, после такого проникновенного вступления нашей дорогой Минервы может показаться, что добавить больше нечего. Но, тем не менее, у меня есть еще несколько объявлений. Как плохих, так и хороших. Начнем, разумеется, с плохих. Во-первых, в связи с недостаточной укомплектованностью школьных команд по квиддичу, вопрос о проведении чемпионата школы пока откладывается, — Дамблдор подождал, пока схлынет волна недовольства и перевел взгляд поверх очков-полумесяцев на разъяренную мордашку Клары Ярнли, которую распирало от желания оспорить решение руководства. — Это связано еще и с тем, что в этом году при всем желании, преподавательский состав школы не сможет самостоятельно обеспечить надежную охрану квиддичных матчей. Всем уже известно, что Хогвартс с недавнего времени окружает защитная стена, пройти сквозь которую *невозможно*, не зная нужных заклятий. Я подчеркиваю: невозможно не только войти в Хогвартс, но и *выйти* из него! — новый взрыв возмущения. Дамблдор улыбнулся в ответ на недовольные выкрики не сдержавшей чувств Клары — потенциальной преемницы близнецов Уизли на ниве отчаянных проделок и спокойно продолжил. — Таким образом, как вы уже, наверное, поняли, прогулки в Хогсмид временно прекращены. Совиная почта действует только по определенным дням, и желающие послать письмо домой должны будут ознакомиться с расписанием работы школьных сов, висящим рядом с кабинетом мистера Филча, ответственного в этом году за надзор над совами.

— Я теперь что, и домой письмо не смогу послать? — недовольно переспросил Невилл. Вид у него был крайне расстроенный. — Бабуля послала мне кое-что из книг, но я, кажется, забыл еще и...

— Кроме этих проблем, в этом году необходимо было решить и некоторые вопросы касательно преподавательского состава. Как всем известно, в июне трагически погиб профессор Хагрид, преподаватель Ухода за Магическими существами. В этом году этот пост был предложен бывшему работнику Министерства Магии, проработавшему не один год в Отделе по Надзору за Магическими Существами, и теперь перед вами — новый профессор по этой дисциплине, *Бенджамин Иррегус-Штраус!* — несколько робких хлопков с гриффиндорского и хуффлпупфского стола не скрасили картины представления нового преподавателя. Иррегус-Штраус, кряхтя, встал, расправил складки помятой палевой мантии, раскланялся и снова бухнулся на свое место, слева от профессора МакГонаголл.

— Это еще не все, — продолжил Дамблдор. — В связи с необходимостью официальных выборов нового гриффиндорского привидения, чье место пустовало уже несколько месяцев, был проведен опрос привиденческого состава нашей школы и выявлены двое желающих занять эту должность. Первую заявку подала мисс Меланхольная Миртл, которая известна многим из вас, особенно девочкам, неосторожно пытавшимся воспользоваться туалетом на первом этаже. Вторая заявка — прошу не удивляться! — поступила от профессора Балларда Биннза. Этот

почтенный призрак в свое время тоже закончил Гриффиндор и мотивировал свое желание занять новый пост усталостью от преподавательской деятельности и невозможностью продолжать научную работу в его теперешнем печальном состоянии. Рассмотрев обе заявки, объединенный коллектив преподавателей и призраков Хогвартса проголосовал и большинством голосов профессор Биннз был утвержден в должности гриффиндорского призрака. Мисс Миртл, правда, была слегка расстроена, поэтому я не рекомендую сейчас подходить близко к ее туалету из-за возможности оказаться мокрым с головы до ног: всем известно, как впечатлительна и нервна наша милая Миртл, она попыталась утопиться в каждом из унитазов по очереди, но это не произвело должного результата, — хмыкнул Дамблдор, вызвав новый взрыв эмоций, впрочем, уже положительных, среди учеников. Всем не терпелось узнать, кто же вместо Биннза займет пост преподавателя Истории Магии. — Поэтому в газетах было размещено объявление о поиске преподавателя на должность, освобожденную почтенным профессором Биннзом, и первым, кто откликнулся на наш призыв, был крупный ученый, специалист в Истории, как магической, так и магловской, немало проработавший как в магловских, так и магических университетах Европы — профессор *Элджернон Джонс!*

Новый преподаватель поднялся за учительский стол. Его достаточно демократичный вид — мантия из эффектно вытертой голубой джинсы, карманы на молниях и ливайсовских заклепках, длинные черные волосы, собранные в хвост, и вязаный галстук, — произвел на учеников приятное впечатление. Даже на слизеринцев: видимо, слух о том, что профессор Джонс учился на этом факультете, дошел и до их стола. Второго члена тайного Ордена Феникса приняли куда теплее, памятуя о том, каким чудовищным испытанием терпения всегда были уроки Биннза. Но за этими объявлениями гриффиндорский стол не забыл главного:

— Профессор Дамблдор! — громко выпалил Дин Томас. — А как же преподаватель по Защите от Сил зла? Профессор Эвергрин остается?

Гарри заметил, как перекосилось лицо Снейпа. Да что с ним такое, в самом деле? Дамблдор не успел ответить на вопрос Дина, ответ на который интересовал Гарри больше всего на свете, как за директора ответил другой голос.

— Естественно, мистер Томас! Как же я могу бросить вас в такой момент? — Гарри вскочил и радостно заорал вместе с остальными учениками, исключая, естественно, слизеринцев, увидев, как рядом с Дамблдором неожиданно выросли две фигуры, точно появившись из ничего. Профессор Эвергрин улыбалась и принимала овации в свою честь с должной скромностью. Новый костюм с иголочки, аккуратная стрижка — все как всегда, кроме *большущего* фингала под глазом, на который, мерзко хихикая, тыкали пальцем ученики Слизерина. Рядом с Гарри восторженно вопил Рон. Гермиона же больше внимания уделяла другому пришельцу.

— Позвольте также познакомить вас с еще одним членом нашего преподавательского коллектива! — с воодушевлением провозгласил Дамблдор. — Профессор, сэр Глориан Глендэйл, наш новый преподаватель Древних Колдовских языков!

Момент, когда Гарри узнал о том, что его опекуны живы мог бы стать самым счастливым в его жизни, если его взгляд случайно бы не упал на Снейпа. Мрачный декан Слизерина уставился на Глориана с таким выражением на лице, что любой ученик, заподозривший, что профессор Зельделения смотрит так *на него*, немедленно собрал бы вещи и улетучился из Хогвартса, не в силах даже представить, что последует за подобным взглядом. Но Глориан Глендэйл не был учеником Хогвартса, он не был даже человеком, поэтому подобные ужасающе злобные зырканы на него не произвели ни малейшего впечатления. Он сдержанно поклонился и занял свое место за столом между Валери и Дамблдором.

— Какие у него *глаза!* — в экстазе простонала Парвати Патил. К ее восклицанию с восторгом присоединились остальные девочки Хогвартса. На рост Глора никто внимания даже не обратил, как, впрочем, и на его уши. Рон помрачнел и угрюмо высморкался.

— Ты не знаешь, Гарри? — немного нервно поинтересовался он. — *Этот* тип здесь надолго?

Глава 13. Таланты.

— Нет, это не наш поезд потерпел крушение, Гарри, а тот рейс, что шел прямо за нами: восьмичасовой. Я там не была, но мистер Моуди уже рассказал, какой ужас там творился! Семь вагонов сошли с рельсов, перевернуты, искорежены. Везде лежат тела погибших, люди кричат, мечутся, ищут своих родных, хорошо, что я этого не видела, такие зрелища оставляют кошмарное впечатление и долго снятся мне по ночам. А с нашим поездом все в порядке, мы с Глором занимались дементорами около часа, пока не вычистили всех. Их было около тридцати, хорошо, что у меня *очень сильный* заступник...

Интересно, *какой* у нее заступник?

— А люди? Что с пассажирами поезда? — Гарри затаил дыхание и посмотрел на профессора Эвергрин, которая с усталой невозмутимостью прижимала к себе журнал третьего класса и стопку двигающихся иллюстраций какой-то черномagической живности.

— Погибших нет, зато дементоры успели так напугать нескольких человек, что после этого их пришлось госпитализировать. Специалисты из Св.Манго уже ими занимаются, так что не волнуйся, Гарри, — Валери опустила руку с надкусанным пирожком, — по-человечески поесть она как всегда не успевала, — и добавила. — А насчет ваших вещей не волнуйся. Авроры уже продезинфицировали все, что было в сундуках. Скажи Гермione, что с ее книгами все в порядке, и у Рона цела гитара, зато твой сундук был перерыт до самого дна. Неужели дементоры что-то искали, как думаешь?

— Хм-м-м... — вряд ли это были дементоры.

— Ладно, милый, я с этим разберусь. Но мне очень неприятно тебе сообщать о том, что твой Всполох...

— Я знаю, — быстро сказал Гарри, оглянувшись на бегущих на урок второклашек из Рэйвенкло. Большой зал быстро пустел после завтрака. — Ничего, когда-нибудь куплю себе новую метлу. Думаю, она все равно будет лучше этой.

— Гарри, я с тобой должна серьезно поговорить, — мисс Эвергрин всполошенно посмотрела на часы и добавила. — Только не сейчас, я уже опаздываю на урок. Но потом тебе все же придется мне объяснить подоплеку этой странной истории с летающим ковром! — она не преподавательским галопом бросилась по коридору, чуть не сбив несшегося в свою аудиторию профессора Флитвика. Извинившись на бегу, Валери прибавила темп и исчезла.

Гарри вздохнул. И как же это можно объяснить? Он подбежал к изнывающим возле класса Истории Магии Рону и Гермione и с облегчением заметил:

— Гермione, все наши вещи целы, твои книги в порядке! Рон, с гитарой ничего не случилось!

— Ой, как же хорошо-то, Гарри! Было бы ужасно жалко потерять столько замечательной литературы! Я, конечно, уже успела выучить все книги наизусть, но для подготовки к экзаменам все же необходимо держать их под рукой, как считаешь?

— Я считаю, что вовсе незачем так напрягаться! — выразительно заметил Рон, залетая в класс и швыряя свою сумку на стол. — Иначе можно с ума сойти, если так много будешь читать, Гермione! Тебе надо больше дышать свежим воздухом. Займемся этим сегодня после уроков? Погодка-то хорошая, — он кивнул на приветливо заглядывающее в окно солнце, особенно тепло гревшее после вчерашних туманов и холодов. Гермione наморщила лоб.

— Ну, вообще-то у меня уже были планы на сегодня, Рон... — небрежно начала она, но в этот момент в класс вошел профессор Джонс, и шестиклассники торопливо расползлись по своим местам.

Профессор Джонс выглядел импозантно, все парни в классе с завистью оглядели его черную джинсовую мантию — мама дорогая, с гербом Слизерина! — и безупречно белую рубашку. Невилл сиял гордостью за своего дядю и радостно предвкушал легкое постижение той науки, которая еще в прошлом году называлась История Магии. В этом году этот предмет к слову «магия» добавил эпитет «черная». Итак, преподаватель Истории Черной Магии Элджернон Джонс серьезно оглядел класс, внимательно посмотрев на каждого ученика. Гарри мог бы поклясться, что историк ухитрился запомнить всех с первого взгляда, такие странные проникающие вглубь глаза были у профессора.

— Давайте начнем урок, — негромко заметил Джонс, и в классе мгновенно воцарилась гробовая тишина. — Я — ваш новый профессор по Истории Черной Магии, мое имя — Элджернон Джонс. Занятия теперь будут проходить в несколько ином темпе, к которому вы, возможно, не

привыкли: я не потерплю никаких прогулов или разболтанности на уроке. Для этого есть очень важная причина: как и все преподаватели, я считаю свой предмет самым важным во всем курсе магического образования. Но если остальные профессора могут подкрепить свое мнение всего лишь эмоциональными всплесками, то у меня для этого припасены кое-какие факты. Факт первый: история, будь она магловская или магическая, делается самими людьми. Нельзя отрицать свою причастность к истории, каждый ваш *поступок* ведет за собой *следствие* этого поступка и череду событий, которые могут быть истолкованы, как *результаты* следствия этого поступка. История вершится именно так. Факт второй: небрежное или бездумное отношение к собственным поступкам приводит к тому, что следствия и события выходят из-под контроля и начинают причинять вред не только вам, но и совершенно неизвестным вам людям, десяткам, сотням и десяткам тысяч людей, а также их потомкам. И третий факт: сами поступки часто забываются, но их результаты *всегда* оставляют свой след в истории. Поэтому нужно уважать эту науку за то, что она старается не оставить без внимания ничего, даже, самые маленькие факты, с первого взгляда не имеющие большое значение для истории. И, главное, уважать ученых, прилагающих усилия к тому, чтобы людям открылись не только результаты или следствия, но и сами поступки. Задумайтесь о том, *что* вы делаете, и *как* вы это делаете. Учитесь нести ответственность за свои сегодняшние действия — они *всегда* дадут вам знать о себе спустя много лет.

Класс молчал, переваривая услышанное. Профессор Джонс подвинул стул поближе к партам и свободно сел, подпернув край своей джинсовой мантии и положив ногу на ногу. Он поковырялся в своем выдавшем виды рюкзаке и вынул список класса на большом желтоватом пергаменте. Гарри разглядывал профессора Джонса и раздумывал, стоит ли задать тот вопрос, который возник у него сразу после этого сухого и логичного вступления. Дело в том, что после беседы с мисс Эвергрин о возможностях использования времяворота Гарри несколько в ином свете представлял себе прошлое и его отдаленные последствия. Но почему-то этому молодому, но такому суровому человеку задавать подобные вопросы не хотелось: сразу обвинит в предвзятости и эмоциональности. Безапелляционностью мышления новый учитель Истории Черной Магии напоминал профессора Снейпа: одна слизеринская школа. Элджернон Джонс тем временем начал переключку. Дойдя до Невилла, порозовевшего от смущения, профессор слегка откинул назад свой длинный черный пучок волос и вполголоса заметил:

— Кстати, мистер Лонгботтом, вы уже успели довести до сведения класса, что мы с вами, в некотором роде, являемся родственниками?

Невилл вспыхнул. Еще вчера вечером он довел это до сведения всех и вся, развлекая одноклассников историями о безумных выходках на которые всегда был способен его двоюродный дядя-слизеринец. К историям о том, как дядюшка Элджи выкупал Невилла, сбросив с пирса, и уронил его же со второго этажа, прибавилась сага о пожаре на чердаке, где сушились простыни и подштанники всего семейства Лонгботтомов. Эта авария произошла по вине дядюшки Элджи, решившего проверить, хорошо ли действует разысканное им в древних рукописях *Сушильное проклятие*. За этим захватывающим рассказом последовала повесть о прожорливом сфинксе, запертом в кладовке бабули Лонгботтом: сфинксом дядя Элджи, как оказалось, «пользовался для заострения логического мышления». В процессе совершенствования одного у профессора Джонса сфинкс ухитрился слопать все сухофрукты и копчености, а также разбить своими тяжелыми лапами девять банок с тыквенным конфитюром — гордостью бабушки Невилла. После же приглашения на ужин окровавленного безголового призрака королевы Марии Шотландской в семье Лонгботтомов-Джонсов приключилась истерика, чуть не закончившаяся разводом. Дядюшка Элджи с пеной у рта объяснял, что подобная непринужденная беседа могла бы пролить свет на многие таинственные подробности жизни этой леди, но его жена, тетушка Инид, посчитала это приступом некрофилии и грозила вызвать бригаду колдомедиков. Развода не произошло, но профессор Джонс обиделся на всю семью и в отместку наложил порчу на расческу жены, ручку двери комнаты Невилла и шляпку бабушки Лонгботтом. Расческу из тети Инид вынимали всем миром, рука Невилла долго заживала после укуса взбесившейся дверной ручки, а бабушке срочно потребовалось найти блокирующее заклятие от выпадения волос. Словом, все представляли себе профессора Джонса совсем не таким, каким он предстал перед классом.

— Скидок не будет, — негромко пригрозил профессор Элджернон Джонс. — Никому! Ни за какие родственные связи, Невилл! Ты у меня живо станешь учиться, как подобает! Никакие

таланты вам не помогут! Только чистое, твердое знание и ответственность за свои поступки делают человека человеком, будь он магл или колдун, вам понятно?

— Понятно, — прогудел класс в унынии.

— Превосходно. Тогда запишите первую тему нашего урока: *Современная Черная Магия и ее истоки*.

Все заинтересованно заскрипели перьями. Никто еще не знал, что вообще представляет собой Черная Магия, поэтому все гриффиндорцы дружно решили уделить этой теме особенно пристальное внимание. После сухого и практичного введения в свою специальность, внятно, в отличие от покойного профессора Биннза, задиктовывая лекцию, профессор Джонс подергал плетеный галстук на шее и поинтересовался:

— Кто может сказать, кто был самым сильным черным магом нашего столетия?

Рон, желая покрасоваться своей смелостью, поднял вверх руку:

— Вольдеморт!

— Неправильно, мистер Уизли, — покачал головой профессор Джонс. Рон удивленно опустил на свое место и пожал плечами. — У кого-нибудь есть другие предположения?

Естественно, другое предположение было наготове у Гермионы.

— Гриндельвальд, сэр! — выпалила она, подскакивая за своей партией, как мячик. — Генрих фон Гриндельвальд! Он считается самым страшным магом нашего времени, потому что его действия когда-то стали причиной двух крупнейших мировых катаклизмов за историю XX века... — зачастила она, гордо глядя на приунывшего Рона.

— Отлично, мисс Грэйнджер, — профессор Джонс поставил возле фамилии Гермионы какой-то крестик в своем списке. — Пять баллов. Я настаиваю, чтобы вы и дальше рассказывали вместо меня, поэтому, с вашего разрешения, я продолжу. Итак, Генрих фон Гриндельвальд. Имя, до сих пор наводящее ужас на многих колдунов. Человек, обладавший когда-то огромной волшебной силой, по величине с которой могла сравниться лишь его власть. Всю первую половину нашего века он повелевал судьбами Европы: по мановению его руки люди сотнями шли убивать во имя его и умирали десятками тысяч. Его власть казалась абсолютной и не было такого смельчака, пожелавшего бы его ниспровергнуть и остаться в живых. Обладая колоссальным колдовским потенциалом, этот маг заставил стоять на коленях перед собой всех магов и маглов, последних он мечтал сделать своим рабами, и руками немногих из них, преданных ему, бывших ширмой для его кровавых планов, он творил безграничное Зло, сам оставаясь в тени.

— Сэр? — поднял руку Симус. — Значит, это Гриндельвальд начал Вторую Мировую Войну?

— И первую тоже, мистер Финниган. Один мой знакомый японский бизнесмен как-то назвал его *куромаку* — тем, кто стоит сзади. Гриндельвальд был той фигурой за темным занавесом, которая дергает за ниточки магловских политиков, точно кукол. Русские диктаторы, Адольф Гитлер, доктор Геббельс и Бенито Муссолини были жалкими игрушками в его хитрых руках. С помощью магловских военных технологий он планировал прибрать к рукам весь мир, чтобы единолично править им, оставаясь всего лишь мифом, загадкой, легендой. Это было время, когда само слово *колдун* или *ведьма* вновь стало произноситься маглами с ужасом. Магия повсюду стала проникать в магловский мир: рецепты самых страшных зелий и описание кровавых древних обрядов черных магов, просочившиеся в магловскую печать, стали обычными вещами. Гриндельвальд считал, что маглы должны представлять саму власть, как нечто магическое, данное свыше и для этого использовал множество магических предметов далекой древности. Он добивался, чтобы к нему в руки попали священные легендарные артефакты древних британских королей: волшебный меч и чаша. Их поискам он посвятил многие годы, посылая за ними как своих учеников, так и магловские экспедиции. Слава Мерлину, он ничего не нашел, иначе...

— Профессор, можно вопрос? — заинтересованно поднялась Парвати. Она стояла на цыпочках, чтобы лучше видеть профессора. Обычно они с Лавандой располагались на задней парте, чтобы как следует поспать на уроках Биннза, но сейчас девушки явно подумывали о передислокации: новый молодой преподаватель был так интересен! — Если у него были ученики-черномаги, то куда они потом делись, после войны? Не верится, что все погибли.

— Мисс Патил, терпение явно не входит в число немалого количества ваших достоинств. Если бы вы соизволили немного подождать, то вам не пришлось бы задавать этот вопрос. За нетерпение я снимаю с вас один балл, — сурово начал профессор Джонс, и класс угрюмо зашептался. Парвати обиженно заморгала длинными ресницами. — Но за пытливость ума я, пожалуй, прибавлю вам два балла, — хитро прибавил профессор, и Гарри повеселел вместе с остальными. Несмотря на свои слизеринские замашки, Элджернон Джонс был явно своим в доску

парнем. — Конечно, у него были ученики. Но многие погибли еще в Первой Мировой войне, другие были убиты во второй, и главный секрет Гриндельвальда — тайна бессмертия, как считается, так и не был унаследован никем из его последователей. Кроме одного, самого талантливого.

— *Вольдемор*, — пробормотал Гарри себе под нос, но на фоне оглушающей тишины в классе, это слово прозвучало, как пушечный выстрел. Все гриффиндорцы ощутимо задрожали. Профессор Джонс с интересом взглянул на Гарри. Тот все еще находился в шоке от своей догадки.

— Именно так, мистер Поттер, — мягко заметил профессор. — Хотя нужно было бы сперва поднять руку, прежде чем дать ответ. Пять очков. Вольдемор считается последним из учеников Генриха фон Гриндельвальда, оставшихся в живых после поражения их учителя великим волшебником Альбусом Дамблдором.

Благодаря волшебным карточкам в шоколадушках этот факт был известен повсеместно. Но, тем не менее, когда парни и девушки высыпали с урока, они были в состоянии полнейшего шока.

— Кто бы мог подумать! — восклицал Дин, обращаясь к Симусу и размахивая рюкзаком. — Что Дамблдор мог победить бессмертного колдуна! Может быть, он сам бессмертен?

Гарри, Рон и Гермиона осторожно переглянулись: не хватало еще, чтобы весть о том, что Дамблдор является главой Ордена Феникса, просочилась в широкие массы.

— Что ты такое говоришь, Дин! — быстро возразила Гермиона, вручая Рону свою стопку книг. — Это невозможно! Дамблдор бы никогда на это не пошел! Представь, что ты живешь вечно: ты видишь, как умирают твои родные и друзья, не остается никого из близких.

— А как же философский камень? — восторженно отпарировал Симус, припоминая историю, случившуюся с Гарри в первом классе. — Флямель тоже был бессмертен!

— Но он наделил бессмертием и свою жену!

— Нет, — после некоторого раздумья решил Симус. — Я не хочу быть бессмертным. Подумать только: жить вечно рядом с одной и той же женщиной! — они с Дином и идущий рядом Невилл громко захохотали.

— Пошляк! — фыркнула Парвати.

— Дурак! — добавила Лаванда, обиженно отбрасывая светлые волосы с лица. На ее браслетах звякнули камешки.

— *Шовинист!* — звонко выдала напоследок Гермиона. Последнее слово напояло убило все парней. Все три девочки как по команде повернулись и отправились к двери в кабинет Магического Домоводства — нового в этом году предмета. Ребята же должны были работать с профессором Флитвиком во дворе и постигать нелегкую науку: строить, пилить, строгать и резать с помощью волшебных заклинаний.

— Почему наши девчонки стали такие зануды? — удивился Симус, радостно вдыхая влажный воздух. Они вышли в школьный двор и с наслаждением помотали головами, отряхивая неприятный осадок, оставшийся с урока по Истории Черной Магии. Гарри теперь мог понять, почему Дикоглаз Моуди видел везде черную магию и черных магов: он вышел с лекции Джонса о методах черномAGICЕКОГО наблюдения за жертвой во времена Гриндельвальда с ощущением, что за ним отовсюду следят десятки враждебных глаз.

— Но *симпатичные* зануды, верно? — толкнул его под локоть Рон.

— Эй, глядите, кто это там? — Дин показывал на ту сторону двора, где росла Дракучая Ива. Возле нее белел силуэт сидящего человека. — Айда, посмотрим?

— Опоздаем на урок, — опасливо посмотрел на часы Невилл.

— Да брось, успеем! На минутку всего!

Гарри вместе с другими гриффиндорцами подошел на безопасное расстояние к драчливому дереву. Под ним, совершенно не опасаясь того, что ее достанут кровожадные лапы столь же опасного, сколь и редкого дерева, спокойно сидела женщина в белом платье и рисовала что-то углем на большом листе бумаги. Длинные черные косы падали ей на плечи и скреплялись золотой шпилькой за левым ухом. Как ни странно, агрессивное дерево не трогало загадочную незнакомку.

— Гарри? Рон?

— Здравсте, мэм! — хором сказали Гарри и Рон, дружно недоумеая, как Инь Гуй-Хань могла узнать их по шагам.

— Здравсте! — так же растерянно добавили Симус, Невилл и Дин. Они не оставались на прошлое Рождество в замке, поэтому никогда до этого не встречали китайскую художницу.

— Что вы рисуете, мэм? — с любопытством вытянул шею Дин Томас. Из-за плеча Инь он рассматривал искусный — всего в несколько штрихов, — набросок Дракучей Ивы на фоне Запретного леса. Под деревом была видна слегка намеченная тень волка с большими грустными глазами. — Как здорово у вас получается! — восхитился он.

— Это ваши друзья, Гарри? — Инь повернулась к юношам, и ответом ей было восхищенное «ах». Ее внешность произвела впечатление на всех гриффиндорцев. Инь улыбнулась и повела плечом. Одна из узких черных кос медленно заскользила по белому шелку платья.

— Ага, мы вместе учимся, мисс Инь. Парни, это мисс Инь Гуй-Хань, наш новый школьный врач, — представил ее Гарри и в который раз похвалил прозорливость Дамблдора, исподволь наполнявшего Хогвартс членами Ордена Феникса.

— Врач? — по-мужски небрежно развернул плечи Симус. — Для врача вы слишком красивы.

— Врач? — недоверчиво переспросил Дин. — Для врача вы слишком хорошо рисуете!

— Врачи тоже могут быть художниками, — важно заметила Инь, заканчивая наводить красоту на левую ветку Дракучей Ивы. В ее исполнении она была совсем не такая агрессивная, скорее, напротив, в дереве, наводившем ужас на всех школьников, появилось нечто неуволимо печальное. — Одно другому не мешает.

— Это волк? — поинтересовался Невилл, с сопением наклоняясь поближе к листу бумаги и близоруко разглядывая фигуру животного. — Разве здесь есть еще и волки?

— Вервольфы! — сделал страшные глаза Симус. Невилл тихо ойкнул.

Гарри заметил, что рука Инь, водившая узкой палочкой угля по листу, чуть ощутимо вздрогнула.

— Это мой друг, — веско уронила она. — Вам нье порья на урок, ребята? Кажется, я заметила на холме профессора Флитвик!

— О, уже бежим! — спохватился Симус. — Мисс Инь, я обязательно приду к вам лечить мои многочисленные травмы! Пусть их будет побольше! — крикнул он, уже убегая и хохоча во всю глотку. Припустивший за ним Невилл только глаза закатил.

— Вот придурок, — вполголоса хмыкнул Рон. — Эй, Дин, ты чего?

— Идите, я вас догоню! — отозвался Дин Томас, вновь наклоняясь над рисунком. Он о чем-то спросил Инь Гуй-Хань, но Гарри не услышал, о чем. Они с Роном пошли обратно к площадке перед замком.

— Если Дамблдор решил напихать членами Ордена весь Хогвартс, то он боится, что на Хогвартс будет совершено нападение, — вдруг сказал Рон, резко останавливаясь. — Защитная стена, запрет на выходные в Хогсмиде... осторожности с совами. Тут пахнет большой заварушкой с дементорами, не думаешь?

— Знаешь, Рон, мне кажется, что Дамблдор опасается не только дементоров, — Гарри задумчиво грыз совершенно негигиеничную травинку и размышлял о своем. — У меня из головы не идет мистер Олливандер с его фокусами...

— Считаешь, он все-таки поддерживает Вольдеморта? Ох, не хотелось бы верить в такие ужасы. Но, Гарри, страшно ведь не это. Если дементоры бросят Азкабан, то все преступники выйдут на волю. Авроры и сотрудники Отдела Тайн ничего не смогут сделать, Азкабан слишком огромен, и в нем сидит столько бандитов, убийц и... Упивающихся Смертью, что... Шрам, у тебя, кстати, не болел? — спохватился Рон, осторожно поглядывая на лоб Гарри.

— Да нет пока. И мне это не нравится, — Гарри добрал до холмика, на котором маленький профессор Заклинаний что-то объяснял остальным шестиклассникам со всех факультетов и, извиняясь, пожал плечами. Флитвик махнул ему палочкой, приглашая занять место в строю.

— Сегодня, ребятки, — пискнул миниатюрный декан Рэйвенкло. — Мы будем учиться строить стены!

Позади Гарри послышалось презрительное фырканье. Драко Малфой протолкался вперед, больно задев Гарри локтем и наступив Рону на ногу. Следом за ним к Флитвику, набычась, подошли Крэбб и Гойл.

— Ну и зачем нам все это нужно? — привычно растягивая слова, презрительно поинтересовался Малфой. — Неужели, профессор, вы думаете, что нам придется строить что-то, когда мы закончим школу?

— Вам, возможно и нет, молодой человек, — с достоинством отпарировал малютка-профессор. — Вряд ли вас допустят к столь ответственному занятию, если вы и дальше будете уделывать ключевым моментам магического обучения недостаточно внимания.

— Отвали, Малфой, — Рон отер Драко плечом от Флитвика. — Лучше бы и правда, слушал, что профессор рассказывает. Если авроры сравняют с землей замок твоего папеньки, ты даже курятника не сможешь себе построить!

— Ты, Уизли, сам всю жизнь прожил в курятнике, — язвительно прошипел Драко, задирая свой острый бледный нос перед Роном. — Поэтому ничего лучше и представить себе не можешь, фантазии не хватит!

Крэбб и Гойл тупо заурчали. Стоявший сзади них Эрни Макмиллан нахмурился и наполовину вытащил палочку из кармана. Джастин Финч-Флечли — из рукава. Гарри подумал, что устраивать свару прямо на уроке Флитвика, единственного профессора в Хогвартсе, который был неспособен постоять за свой авторитет (не потому что был слишком маленького роста, а по причине своей скромности и способности теряться перед любым хамством) — верх подлости. А слизеринцы явно только этого и добивались.

— Отстань от него, Малфой, — негромко сказал Гарри. Драко тут же повернулся к нему, точно ждал именно такой реакции и именно от Гарри.

— А, Поттер, что ж ты как поздно спохватился? — прошелестело ядовитое жало слизеринца. — Замедленная реакция после встречи с Черным Лордом? Ты теперь всю жизнь тормозить так будешь, жаль только, что недолго.

Гарри демонстративно отвернулся. Тоненький голос профессора тут же привлек его внимание куда больше, чем ядовитое шипение Малфоя:

— И тогда нужно сказать «*Париус Петрус*», мальчики, и палочкой — вот этот жест проделать! Повторите. Нет, не так, мистер Бут, слева направо...

На обед они с Роном притащились ужасно уставшие. Сдвоенные Заклинания по Магическому Домоводству сказались не только на мозгах, но и на физических силах. Камни, которые не желали ложиться в основание, упорно норовили упасть прямо на ногу и отдавить все, что можно. Гарри заработал здоровенный синяк, когда Невилл, желая подвинуть свой камень поближе к его камню в кладке, своротил оба Гарри на руки. Рон ухитрился не только сотворить вместо камня здоровенное бревно, но и загнать громадную занозу в локоть. Сейчас он, скрипя зубами выцарапывал ее из зудящей ранки грязными пальцами, предвидя, что за подобные антигигиенические действия Гермiona вынесет ему выговор и даст нагоняй. Но когда они вернулись в гриффиндорскую башню и смыли с себя трудовой пот, то Гермiony не обнаружили ни в ее комнате, ни в гостиной. Недоумевая, Гарри и Рон отправились в Большой Зал, надеясь, что их староста уже спустилась на обед, но и там ее не было. Дочиста вылизав тарелку с супом (после физического труда на свежем воздухе у него разыгрался зверский аппетит), Гарри недоуменно спросил у Парвати, увлеченно читающей прямо за обедом какую-то симпатичную книжицу на немецком языке страниц эдак в тысячу:

— Слушай, а куда это вы дели Гермionу? Она обедать вообще собирается?

— Неужели профессор Спаржелла рассказывала вам что-то настолько интересное, что Гермiona снова решила пожертвовать обедом ради библиотеки? — скривился Рон.

Парвати перелистнула древнюю сплешуюся страницу, на которой двигалось изображение тасующейся колоды карт, и рассеянно заметила:

— А вы разве не слышали?

— Что мы должны были слышать? — раздраженно поинтересовался Рон вновь яростно принимаясь расчесывать свою занозу.

— Про то, что случилось на уроке у профессора Спаржеллы? — откликнулась Лаванда с места напротив.

— А что случилось? — разволновался Гарри. Они с Роном вскочили со своих мест и усталились на Лаванду. — Говори же, не тяни!

— Она полностью провалилась! — с легким оттенком превосходства заметила Парвати Патил, с шумом захлопывая древний том, со страниц которого посыпалась пыль. — Мы учились делать самое простое — жарить яичницу с помощью магии, и у Гермiony не получилось ничего. Она разбила яйца себе на мантию, обожглась горячим маслом и засыпала солью все глаза Миллисент Булстроуд. Та ее чуть не убила за это, хорошо мы оттащили. Профессор Спаржелла была *очень* разочарована.

Гарри и Рон переглянулись. Бедная Гермiona. Винки всегда говорила, что у нее нет никаких талантов к домашней работе.

— Она сильно обожглась? — Рон тряс Парвати за мантию. — И где она сейчас, в больнице? Да отвечай же, *не молчи!*

Парвати с ледяным спокойствием отцепила покрытые цыпками пальцы Рона от своей мантии и холодно заметила:

— Ничего с ней не случилось, успокойся. Профессор Спаржелла смазала ей ожоги, а Сьюзен Боунс из Хуффлупфа повела ее в ванную для старост, чтобы промыть царапины.

Рон с такой скоростью сорвался с места, что Гарри еле нагнал его в конце коридора, ведущего к лестнице. Перепрыгивая через несколько ступенек и периодически увязая в исчезающих, парни влетели наверх и остановились перед дверью в ванную для старост, только тут сообразив, что не знают нового пароля.

— Черт! — Рон яростно потряс дверь, но она не поддавалась. Тогда он просто замолотил в нее кулаками, громко вопя. — Гермиона! Открой! Это мы, открой, слышишь! Да пусти же меня, с тобой ничего не случилось? Гермиона, ты там! Ты жива? — он оглушительно дубасил в дверь, пока она не открылась сама, чуть не сбив его с ног, и на пороге не показалась Сьюзен.

— Что здесь... Гарри, здравствуй! Вы...

— С Гермионой все в порядке? — поспешно перебил ее Гарри.

— Она все время плачет, никак не может успокоиться. Я уже ей много раз говорила, что это не такая большая трагедия, если ты не обладаешь такими талантами, но бедная девочка...

Рон молча отстранил ее рукой и стремительно вошел в ванную.

Гермиона громко рыдала, скорчившись в уголке возле раковины. Белокурая русалка на картине, не на шутку встревоженная ее всхлипами, свесилась из-за рамы и, плеская хвостом, пыталась утешить Гермиону, поглаживая ее по плечу. Рон кинулся к Гермионе и бухнулся возле нее на колени прямо в лужу.

— Гермиона, солнышко, перестань плакать, не надо!

Гермиона зарыдала еще сильнее, вытирая слезы рукавом грязной мантии. Она отвернулась от Рона и попыталась отодрать его руку со своего лица.

— Уйди, Рон! Не трогай меня!

Но Рон, не обращая внимания на слова брыкающейся, как гиппогриф, Гермионы, привлек ее к себе, обнял и начал укачивать на плече ее голову. Пальцы девушки, подрагивающие от рыданий, сперва бурно отталкивали его, а потом вцепились в мантию Рона, точно не желая его больше никуда отпускать.

— Я такая неумеха, Рон, — горько плакала Гермиона. Ее пушистые кудри окутали лицо и плечи Рона густым каштановым облаком. — Я умею только книжки читать, а в реальной жизни я совершенно бездарна и бесталанна!

— Ну что ты такое говоришь, мое солнышко! Глупости все это. Плевать мне, умеешь ты что-то там варить или жарить! Мне важна *ты сама*, какая ты на самом деле, — Рон горячо шептал в ушко Гермионе всякие бессмысленные ласковые слова. Русалка на картине деликатно высморкалась в знак солидарности с Гермионой и утерла выступившие на глупых голубых глазах слезы своим чешуйчатым хвостом.

Гарри очнулся и потянул Сьюзен за собой наружу. Они вышли из ванной и прислонились к стене.

— Бедняжка Гермиона, — грустно сказала Сью. — Я помню, как сама в первый раз пыталась вскипятить чайник, и что мне устроил Уолли, когда чайник распаялся. Он так орал, что я места себе от стыда не находила! Ничего, это со временем придет. Я помогу Гермионе, — она вытерла еще мокрые от гермиониных слез руки маленьким белым платочком. — Профессор Спаржелла разрешит мне пользоваться на переменах кабинетом Магического Домоводства, я уверена.

— Спасибо, Сью, что так помогла, — благодарно сказал Гарри, осторожно прикрывая дверь ванной, чтобы Сью не услышала, как оттуда доносятся звуки уже не рыданий, а страстных поцелуев. — Хорошо, что ты оказалась рядом с Гермионой в такой момент.

— Да ладно, Гарри, — Сью смущенно затеребила свою косу, отвернувшись, чтобы он не увидел вспыхнувшего на ее щеках румянца. — Не беспокойся за нее, она научится.

— Сью, а как ты попала в школу? Я вчера не видел тебя в Большом Зале. И сегодня на завтраке тоже...

— Па привез меня только сегодня. Он ужасно нервничал, сказал, что второго сентября мы не привлечем такого внимания, как первого. Ты слышал, что вчера стряслось? Безумие какое-то! Как можно быть таким жестоким? Даже для дементоров это чересчур!

Открылась дверь, и на пороге возникли Рон и еще всхлипывающая Гермиона.

— Отведу ее к профессору Эвергрин, — пояснил Рон, не снимая руки с талии девушки. — Думаю, что сейчас Гермионе будет полезно поговорить с ней.

— Это точно, Гермiona. Мисс Эвергрин расскажет тебе, как она сражается с кофеваркой на кухне каждый раз, когда хочет сварить кофе, — ухмыльнулся Гарри и похлопал подругу по плечу. — И сколько ожогов она заработала, когда по рассеянности налила воды в сковородку с кипящим маслом. Винки тогда чуть удар не хватил.

Гермiona улыбнулась сквозь слезы и кивнула. Рон увел ее куда-то к лестнице, ведущей на первый этаж.

— Что у вас сейчас? — поинтересовался Гарри. — Ты что-то на урок не торопишься!

— Гербология. Профессор Спаржелла не будет меня ругать: сегодня мы проходим Ромовые Ромашки, а с ними я с детства привыкла возиться в саду. Думаю, она и вас с Роном простит, когда узнает, что вы помогали Гермione. Знаешь, Гарри, — Сьюзен смотрела на Гарри своими огромными серыми глазами, в которых танцевала безумная радость. — Я рассказала ей о нашем эксперименте, и профессор Спаржелла настаивает на том, чтобы мы продолжили его! Говорит, что таланты нужно развивать, — счастливо заключила девушка. — Наш декан сказала, что постарается раздобыть кое-какие магические составляющие для волшебных палочек в ближайшее время для наших опытов. Ты не против провести еще один эксперимент?

Естественно, Гарри не был против.

— Идет, Сью. Только и ты будешь мне дальше помогать с мыслечтением, заметано?

— С удовольствием, — порозовели щечки Сьюзен. — Только...

— Да, Сью?

— Только бы Джастин не обиделся, — отчаянно прошептала скромная девочка из Хуффльпуффа.

— А Джастина я на себя возьму, — уверил ее Гарри, проклиная про себя кучерявую шевелюру Финч-Флечли, так нравившуюся хуффльпуффским девушкам.

Они завернули за угол и наткнулись на презабавную картину. Посреди коридора с полтора десятка домовых эльфов создавали изрядную давку, выстроившись в очередь, чтобы припасть к стопам нового профессора по Древним Колдовским Языкам. Глориан хмурился и становился мрачнее тучи с каждым восторженным возгласом в его честь. У него слегка дрожала рука, когда очередной домовый эльф с благоговением прикладывался к ней, дабы облобызать эту священную длань.

— Здравствуй, Гарри, — с некоторым облегчением вздохнул наследный принц Глендэйл, осторожно протискиваясь меж торжествующе покачивающихся длинных ушей и взволнованно блестящих глаз. Эльфы замерли в тихом экстазе, словно морально готовились к схватке за его автограф. — Э-э-э, ты не мог бы проводить меня до кабинета мисс Эвергрин? Дело в том, что я еще не очень хорошо ориентируюсь в замке, а просить этих милых господ мне бы не хотелось. Они и так из-за меня побросали работу... Добрый день, мисс Сьюзен, отлично выглядите.

— Здравствуйте, сэр. Спасибо, сэр.

— Конечно-конечно, Глориан, — закивал Гарри и они втроем завернули в нужную сторону. Эльфы замороженно следовали за ними. — Это на втором этаже, мы спустимся вон по той лестнице, она по понедельникам как раз ведет на второй этаж. К тому же по четным числам она неподвижна, очень удачно, что сегодня как раз...

— Так-так, мистер Поттер. Почему вы не на уроке? — знакомый черный силуэт вырос как будто из-под земли. Мантия колыхнулась, как живая, и ее крылья с шелестом окутали долговязую фигуру профессора Зельдедея. Ледяной голос вновь зашелестел. — Мисс Боунс, мой вопрос относится и к вам в той же степени, — Снейп стоял, меряя ядовитым взглядом смешавшихся от неожиданности Сьюзен и Гарри и не обращая ни малейшего внимания на Глориана Глендэйла.

— Добрый день, профессор Снейп, — холодно заметил наследный принц в должности преподавателя Древних Колдовских Языков, видимо, считая необходимым напомнить и о своем присутствии.

Снейп смерил сверху вниз таким взглядом маленького сэра Глендэйла, что последний должен был бы давно провалиться сквозь землю, но почему-то не провалился, к величайшей досаде профессора Зельдедея. Они с Глорианом настойчиво глядели друг другу прямо в глаза, сверлили друг друга такими мрачными взглядами, что Гарри изумился той ярости, что бушевала и в черных бездонных зрачках Снейпа, и в фиолетовых мятежных глазах Глориана. Мягкого и спокойного принца Древних Эльфов почти никогда нельзя было увидеть в таком душевном состоянии. Пальцы Эльфа спустились на рукоять драгоценного меча, висевшего поверх серого костюма, и медленно сжали ее. Снейп так же медленно смял свою ладонь в костлявый кулак. Пальцы предупреждающе хрустнули.

— Добрый день, — прошипел он в ответ, тотчас забывая о Гарри и Сьюзен. Им бы следовало воспользоваться моментом и дать деру, но Гарри, замороженный агрессией, которую излучали двое мужчин, не отрываясь, наблюдал, как они осторожно выпрямляются, не выпуская друг друга из виду. — Мистер Глендэйл, если не ошибаюсь? Мы, кажется, не были вчера представлены друг другу?

— Отчего же, профессор, директор Дамблдор попытался нас познакомить на вчерашнем банкете. Но, кажется, прошлым вечером вы не были расположены к общению, — пальцы Глора медленно скользили по драгоценным камням короткого меча.

— Я вообще не стремлюсь к общению с *существами*, подобными вам, — прошелестел Снейп своим шелковым голосом, который использовал в случаях самых изощренных издевательств над учениками.

— Вы сказали — с *существами*?

Гарри почти с ужасом представил, как Глориан молниеносно выхватывает свое оружие и рассекает Снейпа надвое. Еще в начале прошлого года он бы почти с радостью полюбовался на этот процесс, но сейчас он подумал об этом с содроганием. Снейп поджал губы, а затем они расплылись в ехиднейшей ухмылке.

— Вы, кажется, *находитесь в родстве* с господами, которые толпятся вон там, в ожидании вашего благоволения? — он небрежно кивнул в сторону прижавших уши эльфов, скопившихся в конце коридора и с нежностью вззирающих на своего принца. — Не угодно ли вам будет приказать им не создавать затор? Я тороплюсь на занятие.

— В отличие от многих существ, *подобных вам*, — отразил удар Глориан. — Я *никогда* не приказываю им. Я их просто люблю.

Физиономию Снейпа перекосило. Он еще раз бросил взгляд на эльфов, угрюмо толпившихся возле Глориана, точно защищая его, и нервно бросил.

— *Безумно* приятно было познакомиться, — профессор Зельделия с трудом протиснулся сквозь строй притихших эльфов и направился вниз по лестнице, ведущей в подземелья. Гарри перевел дух, Сью расслабилась, а Глориан повернулся к эльфам, и его голос медленно и мелодично что-то пропел им. Взгляды у маленьких ушастых созданий просветлели, и они заторопились по своим делам. Через две секунды домовые эльфы испарились, а Глориан обернулся к Гарри. На его красивом лице полыхал гнев.

— Будь очень осторожен с этим человеком Гарри! От него прямо-таки *разит* Злом!

Вечером, когда Гарри вновь оказался в гриффиндорской гостиной, а Гермиона и Рон после вечерней прогулки ворковали в большом кресле у камина, он нашел в себе силы осмыслить сказанные Глорианом слова о профессоре Снейпе. Интересно, Древний Эльф, необычайно чувствительный ко всем проявлениям Тьмы, уловил внутреннюю суть самого Снейпа или понял, кто его отец? Гарри до сих пор прибывал по этому поводу в некотором смятении и поэтому не сразу услышал, как Гермиона рассказывает сочувственно кивающей ей Джинни об ужасном испытании, выпавшем на ее долю сегодня утром.

— И она сказала: *брось даже думать об этом, Гермиона! Возможно, твой талант заключается совсем не в стирке-готовке. Может быть, твой талант еще спит или только начинает развиваться. Ты так хорошо знаешь точные магические науки. Ты ведь не расстраивалась, когда бросила Прорицание? Отнесись к своей неудаче в Магическом Домоводстве точно так же. Подумай о своем даре левитации: вдруг это — твое призвание?*

— И как ты думаешь поступить? — спросила Джинни. Она водила пером над пергаментом, тщательно выверяя сочинение на Защиту от Сил зла. Отвлечшись, она бросила опасливый взгляд на Невилла, который в другом углу пыхтел над домашней работой по Заклинаниям вместе с Тоби. Невилл, точно почувствовав ее взгляд, по-дурацки счастливо заулыбался. Джинни нахмурилась и вновь повернулась к Гермионе. Гарри, наблюдавший это невербальное общение поверх тетради по Истории Черной Магии, фыркнул и тут же закрылся листом пергамента, чтобы не обидеть Джинни. А Гермиона, была все еще погружена в свою проблему: еще бы, ситуация грозила выйти из-под контроля! Неужели она могла позволить себе роскошь больше не быть первой ученицей по всем предметам? Нет, только не это!

— Я, конечно, понимаю профессора Эвергрин, у нее есть домовый эльф, который о ней заботится, поэтому она имеет возможность уделять больше времени основной работе. Но я-то не могу! Нет, Джинни, мне нужно подтянуться по Магическому Домоводству.

— Я могу рассказать тебе о Кухонных Заклинаниях, — с готовностью предложила Джинни. — Я маме с детства на кухне помогаю.

— Спасибо, Джинни, но Сьюзен Боунс уже пообещала мне помочь. Какая милая девочка, она все умеет делать с такой легкостью, все ей дается, не правда ли, Гарри?

Гарри нахмурился и смутно пробормотал что-то, вероятно, выражающее согласие.

— А еще она очень симпатичная, верно, дружище? — состроил хитрую рожу Рон.

— Кто, кто симпатичный? — Симус Финниган свесился с лестницы, на которой он стоял уже полчаса, заигрывая с Лавандой, весьма недовольной тем обстоятельством, что ей преграждают дорогу к очередному номеру журнала «Современная Хиромантия». — Я ее знаю?

— Староста Хуффльпуффа, — с ехидной ухмылкой выдала Клара Ярнли тайну гарриного сердца. — А что, и правда, Гарри, неплохой выбор! Когда у вас следующее свидание?

— Свидание?! — в ужасе схватился Гарри за голову.

— Следующее? — захихикал Рон.

— Гарри, ты подумай, подумай, куда можно пригласить девушку, если Хогсмид теперь недоступен, — втолковывала ему Клара, счастливая оттого, что можно забросить домашнее задание по Зельеделию. Второклассникам несказанно «повезло» с первым уроком в новом учебном году: говорили, что Снейп еще никогда так не бушевал, как в этот раз, и вознаграждал взысканиями учеников даже за то, что они смотрят во время урока не на котлы и ингредиенты к зельям, а друг на друга.

— Ты уже придумал, какие цветы ей подаришь? — заинтересовался Невилл.

— А какие она любит? — поднял бровь Колин.

— Гарри, наверное, знает, — пискнул его младший брат, Деннис. — Только нам не говорит.

— Ей пойдут ромашки, — начала прикидывать вслух Парвати. — Но в это время года, пожалуй, более уместны хризантемы.

— Желтые, — уточнила Лаванда.

— Желтые. Или белые, — согласилась Парвати.

— Эй, эй, вы чего? — заголосил Гарри, не зная, куда деваться от смущения, и всем сердцем желая, чтобы все его заботливые одноклассники провалились сквозь землю. Рон захохотал так громко, что сверзся с кресла. — Какие свидания? Какие цветы! У нее есть парень!

Гриффиндорцы разочарованно замолчали. Потом Клара решительно заметила.

— Не проблема! С ним может что-нибудь случиться. Например, его может укусить взбесившийся вервольф из Запретного леса или на него случайно выльется Зелье, Отнимающее Память, и он забудет, что Сьюзен ему нравилась. Или, — у нее в глазах зажглись характерные искорки, и Гермиона многозначительно кашлянула, призывая к порядку шкодливую герцогиню.

— Да, все может случиться! — воскликнул второклассник Гордон Макьюэн. — Но, главное, что Гарри не откажется от нее, верно, Гарри?

— Специалисты! — взвыл Гарри, бросая в оглушительно хохочущую Клару огромной Энциклопедией Черной Магии. Клара ловко увернулась, и книжища угодила в Невилла. — Заткнетесь вы, наконец?

— А, по-моему, — раздался тихий голос Дина Томаса. Дин спокойно сидел в углу и что-то рисовал, не участвуя в бурном обсуждении гарриной личной жизни. — По-моему, Гарри и сам поймет, что ему нужно делать. И советчики в таком деле не нужны. Верно, Гарри?

— Верно, — с немалым облегчением подтвердил Наследник Гриффиндора, красный как рак. — Точно. Вот, только один нормальный человек нашелся! А что это ты рисуешь, Дин? — Гарри подошел поближе, чтобы рассмотреть набросок, который лежал на коленях у Томаса. Сменить тему! Срочно нужно сменить тему!

— Я показывал мисс Инь свои рисунки сегодня после обеда, — спокойно ответил Дин, заштриховывая какую-то деталь в правом углу рисунка. Симус многозначительно поднял вверх палец, но Дин не обратил на его издевку ни малейшего внимания. — Она сказала, что мне нужно больше работать над тенью и фигурами людей и животных. Посоветовала для начала скопировать какую-нибудь картину, где есть и то, и другое.

— И что ты выбрал?

— Сэра Кэдогена, — Дин Томас со вздохом продемонстрировал набросок всем гриффиндорцам. По гостинной пронесся вздох сочувствия. — Неплохо выходит, как думаете?

Глава 14. Факультатив по мыслечтению.

Утро началось ужасающе. Во-первых, Гарри проспал. Все было бы ничего, тем более, что перспектива поспать подольше ему обычно ужасно импонировала, но процесс пробуждения оказался кошмарным, точно так же, как и сам сон. Гарри подскочил от пронизывающего холода, точно на него вылили целый ушат ледяной воды. Профессор Биннз меланхолично просочился сквозь его тело еще разок и недовольным голосом объявил:

— Подъем, лодырь!

От удивления — такой эмоциональности от Биннза Гарри никак не ожидал, на уроках он был скучен и равнодушен, — и неожиданности парень отшвырнул одеяло на пару ярдов и попал им в Симуса. Симус тут же грохнулся на Дина, несшегося из ванной с баночкой шампуня в руке. Шампунь угодил в Рона, и по его робе и всей мужской спальне шестого класса Гриффиндора распространился аромат абрикоса и гамамелиса. Невилл закашлялся от крепкого запаха магловского зелья для мытья волос и звонко чихнул прямо в подставку с сухими красками, которые смешивал Дин, надеясь добиться нужного эффекта в магической живописи: оживления картины. Краски плавно спикировали на пижаму Гарри. Такого бардака уже давно не случалось.

Профессор Биннз недовольно взирал на бедлам, который ухитрились сотворить гриффиндорцы и умиленно прослезился. Прозрачная слеза карикатурно повисла у него на самом кончике носа:

— О Мерлин! Как же давно я не видел подобного гриффиндорского разора! Честное слово, быть просто призраком куда приятнее, чем быть учителем!

Ребята слушали его, раскрыв рот. Наконец, Рон очнулся.

— Мы на него дурно влияем, — он с жалостью оглядел профессора Биннза, безнадежно пытавшегося сохранять на бледном лице подобие строгости. Затем Рон недовольно стянул мантию через голову и скомкал ее. — Дин, почему это чертово зелье такое вонючее?! Гарри кинь, пожалуйста, мне другую. Вон, она висит на стуле!

Гарри, ворча, не помещаясь одной ногой в штанине, а другой — в носке, попытался дотянуться до ронова стула и грохнулся на кровать.

— Чует мое сердце, сегодня будет ужасный день, — напроорочил он, скомкав мантию и швырнув ее Рону.

— Шрам болит? — тихо поинтересовался Рон, пытаясь застегнуть мантию снизу вверх и путаясь в застежках. — Или приснилось что-то жуткое?

— Да нет, — помотал головой Гарри, ни за что не желая признаться Рону, что он только что видел во сне.

Рыжая голова в крови. Огромное поле, покрытое трупами гоблинов, людей и мерзкими вонючими тушами троллей. Смерд от кровоточащих тел и горелого мяса. Крики мужчин и рыдание женщин. Он видел стада кентавров, мчащихся прочь от безумия битвы. Он слышал звон оружия, стоны раненых и чавканье мечей, жадно входящих в живую плоть, корчившуюся от боли, бьющуюся в агонии...

Рыжая голова в крови. И — ужас от того, что сейчас его больше не будет, от того, что смерть этого человека означает и его смерть. Никогда еще Гарри не было так страшно, как в этом диком, бесчеловечно жестоком сне. Никогда еще он так не хотел умирать.

Рыжая голова в крови. Неужели это был кто-то из Уизли? Рон? Джордж? Билл? Чарли? Перси? Неужели это был не сон, а настоящее видение. Снова Вольдеморт? Гарри украдкой потер лоб. Он не соврал Рону: шрам не болел.

Гарри потихоньку вздохнул и посмотрел на свою пижаму, новую, купленную мисс Эвергрин на Диагон-Аллее прямо перед школой. На пижаме были нарисованы снитчи. И теперь негодяйские золотые шарики как бешеные летали по всей поверхности пижамы, там, где на нее попала краска.

Вот проклятие!

Гарри кое-как умылся и на всех парах понесся за Роном на завтрак. Завтрак уже заканчивался, и Гермiona, окруженная толпой промерзших второклашек, сворачивала свою переносную библиотеку. Люк Дэниэлс и Тоби Табби спешно записывали последние Огненные Заклинания: они не приготовили домашнюю работу потому, что вчера весь вечер обсуждали с братьями Криви, каким образом возможно довести профессора МакГонаголл до белого каления и остаться в живых. Тема была животрепещущая: Клара ухитрилась упустить в окно белку, которую профессор ей вручила для превращения в пепельницу и заработала минус десять баллов и взыскание.

Собственно, белку Клара упустила нарочно, чтобы, как она объясняла в гостиной, никому не пришло потом в голову затушить сигарету об ее симпатичный хвостик. Но профессор все равно ужасно наорала на нее, что было строгой МакГонаголл совсем не свойственно. Под вечер оказалось, что белка совсем не сбежала от них, а, напротив, забралась в гриффиндорскую башню, в спальню девочек третьего класса, что обнаружилось, когда одна из третьеклассниц села на белку в постели. Поднялся безумный визг, и дикий бедлам продолжался до тех пор, пока Клара, ворча что-то про истеричных девиц, не пришла за несчастным животным и не забрала его. Она устроила белку в гостиной, где та быстро освоилась и с удовольствием хрустела предложенными ей Всекусными орешками и орешками обыкновенными, не обращая ни малейшего внимания на Криволапсуса, то задумчиво переводившего на нее свои фонари, то изредка отвлекавшегося, чтобы полюбоваться Цирцеей, лазилем Парвати. Клара с наслаждением провела несколько экспериментов над окрасом белки с помощью заклинания *Колорум*, и, остановившись на угольно-черном цвете, мстительно назвала белку Севериной, заставив Гриффиндор хохотать до слез: зубы у белки были такие же желтые и длинные.

— Где вы были так долго? — прошипела Гермiona, пока Гарри и Рон забрасывали себе в рот обжигающую овсянку. — Сегодня жутко ответственный урок по Трансфигурации, забыли?

Гарри, и правда, забыл, что профессор МакГонаголл объявила о начале занятий по Креативной Трансфигурации с октября. То есть, с сегодняшнего дня. Это означало, что шестиклассники приступали к самому сложному разделу этой науки: созданию материальных предметов из ничего. Для этого требовалась предельная концентрация и знание заклинаний на латыни и иногда на других мертвых языках, включая эльфийский. Впрочем, с последним проблем не возникало. Глориан, эльф с тысячелетним прошлым, весьма успешно начал свою преподавательскую деятельность в XX веке. Классы были от него без ума, его легкие, летучие объяснения такого сложного предмета, как Древние Колдовские Языки, оседали в головах учеников с невероятной простотой. Те же ученики, и, особенно, ученицы, которые не могли усвоить тяжелые спряжения эльфийских глаголов или разветвленную систему одушевленности в родном языке Глориана (разной степенью одушевленности обладали все виды деревьев, трав, животных и магических существ, причем, некоторые из них имели больше ее признаков, чем люди), старались только из-за того, что не хотели доставить неприятности такому учителю, как Глор. Он тут же обзавелся кучей поклонниц и теперь по количеству обожательниц мог заткнуть за пояс Локхарта, но наследный принц Леса Теней к этому не стремился. Он одинаково терпеливо и неизменно доброжелательно относился ко всем: от Дамблдора до Невилла Лонгботтома, который был не в состоянии даже проспрягать эльфийский глагол «цвести». Некоторую проблему вначале создавали уроки у слизеринцев, на которые Глор ходил с содроганием, но через некоторое время Гарри услышал о том, что в гостиной вечного соперника Гриффиндора состоялось несколько яростных ссор между представителями сильного и слабого пола. Представительницы последнего защищали профессора Глендэйла зубами и когтями в буквальном смысле. Драко Малфой после одной из таких стычек долго ходил с повязкой на лице под глумливые перешептывания гриффиндорцев, а Панси Паркинсон, по слухам, написала домой категоричное послание с приказом прислать из дому целую батарею зелий для выведения веснушек.

Гарри потихоньку занимался со Сьюзен. Когда Рон интересовался, чем они так заняты, Гарри честно и благородно отвечал, что они оба развивают свои скрытые способности должным образом, что было чистой правдой. Профессор Спаржелла предоставила в их распоряжение кабинет Магического Домоводства и несколько обрезков шерсти единорога, так что они оба могли без помех совершенствовать скрытые дарования. Гарри и Сьюзен убрали парты и стулья, сели в центр комнаты и брались за руки. Тонкая шерстинка единорога дрожала в потоке светящейся магии в хрупком кулачке Сью, крепко обхваченном рукой Гарри, и медленно отращивала корешки и почки. Профессор Спаржелла была поражена успехами, которых они достигли и восторженно поведала о них профессору МакГонаголл, которая сперва весьма скептически отнеслась к *занятиям* Гарри (слово это она произносила с величайшим подозрением), но потом смирилась, сделав, правда, парню суровое внушение на будущее: Трансфигурация, мол, очень обширная наука, и нельзя уделять только одному ее аспекту так много времени. Декан Хуффльпуффа помогла Гарри еще и в другом. После недели занятий в ее кабинете к Гарри решительно подошел Джастин Финч-Флечли и хриплым голосом потребовал объяснить ему, что Гарри подолгу делает наедине с его, Джастина, девушкой. Гарри попытался объяснить это нормальным языком, но Джастин, кажется, был не расположен понимать по-человечески. Тогда разговор стремительно перешел в фазу оскорблений и почти подошел к фазе

синяков и шишек, если бы не подросла профессор Спаржелла. В весьма категоричных выражениях она велела Джастину не беспокоить Сьюзен и Гарри, чем довела его до состояния бешенства, никогда не свойственного раньше кроткому хуффльпуффу. Гарри его понимал: хотя он сам клялся Джастину, что в их занятиях со Сьюзен нет ничего личного, каждый раз, когда ее головка склонялась к его лицу, чтобы получше рассмотреть очередной стебелек ольхи или ясеня, его щеки багровели, кровь начинала бежать быстрее, мысли путались, и он понимал, что врет Джастину. Но ничего поделать с собой Гарри не мог. Он тщательно выводил идиотские прыщи, вновь обсевшие его нос и щеки, и думал о том, что Сью скажет ему после того, как увидит, какой сюрприз он ей припас на этот раз. Гарри приносил ей цветы, каждый раз новые, эту идею ему подкинули в тот самый вечер, когда разговор о его личной жизни всколыхнул всю гостиную Гриффиндора. Почему-то выращивать целые кусты роз для Сьюзен с помощью своей новой палочки для него не составляло труда, а, напротив, было ужасно приятно.

С мыслями было все намного хуже. Каждый раз, когда они со Сьюзен заканчивали «вытворять эти фокусы», как ехидно называл их занятия Рон, Гарри и девушка тут же начинали болтать и спохватывались только когда уже начинало темнеть. Немало нервничал Гарри и из-за того, что их занятия с Глорианом тоже потихоньку сошли на нет: он был слишком занят из-за Сью, а Глор был увлечен процессом проведения уроков по Древним Колдовским Языкам настолько, что у него уже не оставалось времени на эксперименты с мечом.

Гермиона тоже вовсю старалась. Как и Гарри, она по возможности оставалась после уроков в классе, в данном случае — в кабинете Трансфигурации, и усердно занималась левитацией. Если учесть и дополнительные занятия по Магическому Домоводству, на которых Гермиона упорно пыталась преуспеть при помощи Сьюзен и Джинни, то несчастная староста Гриффиндора трудилась, как пчела. Профессор МакГонаголл умилялась, видя, как тяжело работает Гермиона: спустя неделю после начала занятий девушка уже вполне могла перемещаться по воздуху вверх-вниз. Правда, продвигаться в горизонтальном положении у нее пока не получалось, но Рон, как правило, сидевший тут же и брэнчавший на гитаре, как он выражался «для вдохновения», утверждал: даже за лето Гермиона не достигла таких результатов, как сейчас, и скоро она сможет играть в квиддич вместе с Гарри, только без метлы.

С квиддичем была еще та проблема. Гарри, не имевший метлы теперь, зато занятый целой кучей личных и не очень дел, даже не думал о том, чтобы упрашивать школьное руководство возобновить соревнования и тренировки. Делегация гриффиндорцев, состоящая из Клары Ярнли, Симуса Финнигана, Стеллы Таргет и возглавляемая Колином Криви потерпела фиаско, столкнувшись с упорством профессора МакГонаголл, не желающей даже слышать о возобновлении соревнований в такое время. Клара была в бешенстве: новенький Всполох, подаренный ей отцом, пылился в углу, и под ним пристрастилась спать Северина. По школе туманом плыл страх перед неизвестным будущим, перед возможной атакой Вольдеморта, тем более что в газетах, теперь нечасто попадающих в школу, некоторые волшебники в открытую призывали признать власть Вольдеморта, и многие сумасшедшие с ними соглашались. Драко Малфой расхаживал по школе с многозначительным и наглым видом, вызывая у Гарри с Роном жесточайшие подозрения («*глаза и уши Вольдеморта*», как-то в сердцах назвал его Рон). Фудж почему-то опять не подавал никаких вестей, говорили, что и Национальная Квиддичная Лига была распущена в связи с активизацией темных сил и ослаблением охраны Азкабана. Мадам Хуч была тоже недовольна тем, что она с должности преподавателя в этом году из-за отсутствия первого класса и соревнований между факультетами была переведена в должность смотрителя. Дамблдор, по слухам, поручил ей облетать на метле все школьные владения и проверять сохранность защитного укрепления. Иногда к мадам Хуч, весьма недовольной такой работой, но сознающей ее ответственность, присоединялись и другие преподаватели. Гарри раньше почему-то думал, что это зрелище невозможно себе представить, но факт остается фактом: однажды он увидел на метле даже профессора МакГонаголл. Гарри долго хохотал: суровая деканша оказалась точь-в-точь похожа на тех ведьм, которых обычно рисуют в детских магловских книжках. С высокой шляпой, из-под которой вылетали выбившиеся из тугой прически седые патлы, с торчащими в разные стороны ногами в викториански скромных высоких полусапожках и в развевающейся по ветру мантии декан Гриффиндора представляла собой крайне комичное зрелище. Смешно выглядел на метле Флитвик — крохотное нечто, притулившееся на краешке старинной «Серебряной стрелы», старательно совершающее повороты, дабы не упасть с метлы. Профессор Астрономии Синистра и профессор Арифмантики Вектор обычно вылетали на дежурство вместе, два одинаково сухих сгорбленных вопросительных знака в широких

старомодных дамских брюках. Пухленькая профессор Спаржелла никогда не садилась на метлу во избежание перегрузки оной. Профессор Снейп, по слухам, как Дракула, вылетал чаще ночью и внимательно контролировал не столько наличие защитной преграды вокруг Хогвартса, сколько наличие зажженных окон в часы отбоя. Говорили, что он чуть не довел до истерики двух несколько засидевшихся у окошка рэйвенкловцев, когда на всех парах поднесся к ним и внезапно заорал: «Брокльхерст и Стэнфорд! Тридцать баллов с Рэйвенкло за нарушение распорядка и антиобщественное поведение!» Что именно Снейп назвал «антиобщественным поведением», провинившиеся преступники сообщить отказались. Профессор Эвергрин решительно отказалась от дежурств, мотивируя это тем, что она слишком стара для того, чтобы вновь овладеть премудростью полета на метле после перерыва лет этак в пять-шесть и что она предпочитает спорт другого рода.

Она взяла за привычку периодически исчезать из замка по вечерам, и Гарри, которому она строго велела приходить к ней докладывать о своих достижениях в учебе, с чистой совестью мог соорудить обиженную рожу, если встречал ее в коридоре, и невинно сказать, что он был у нее, но не застал. Так что тайна ковра и бутылки пока была соблюдена. Джинна он больше не «выводил погулять», хотя тот частенько стучал изнутри, заставляя бутылку перекатываться на дне сундука. Соседи Гарри по комнате считали, что у них завелись мыши, Криволапус игнорировал шум в сундуке, не желая связываться с хозяином страшной высоко летающей штуковины, пахнущей тиграми, а Гарри и Рон молчали в тряпочку, чтобы одноклассники не узнали о существовании джинна.

Новый учебный год нагрянул в этот раз с кошмарным объемом учебной нагрузки. Мало того, что у них ввели новые предметы, каждый из которых был обязательным: Магическая Медицина (которую преподавала Инь Гуй-Хань) и Древние Колдовские языки. Почти каждый предмет у шестиклассников перед своим названием ставил еще и слово «Высшая». Высшая Арифмантика (от которой пухли мозги), Высшая Астрономия, Высшая или Креативная Трансфигурация. На трансфигурации в этот день профессор МакГонаголл объявила, что намерена проверить личные способности к этому разделу магии у каждого ученика. Невилл приуныл, а Гермиона привычно вытянула руку выше всех.

— Основное заклятие Креативной Трансфигурации звучит так: *Фасере Экскассус!* — гордо объявила она, как обычно счастливая ощущением значимости собственного знания.

— Верно, мисс Грэйнджер, — одобрительно кивнула профессор МакГонаголл. — Пять баллов Гриффиндору. Произносить заклятие можно и про себя, но главное — отчетливо представлять себе, что именно вы хотите создать. Во всех подробностях. Начнем. Мистер Уизли, вы первый, — скомандовала Минерва МакГонаголл.

— Что я хочу создать, что я хочу создать... — нервно бормотал Рон, совершая надлежащие движения палочкой вверх-вниз. Что бы он ни хотел создать, у него почему-то получилась целая пригоршня гвоздей, с шумом рассыпавшихся и раскатившихся по полу. — Но я хотел другое! — пожаловался Рон. — Я думал, что у меня получится...

— Неважно, что вы хотели, мистер Уизли, — Профессор МакГонаголл поджала губы. — Мне все ясно. Следующий!

Следующим был Невилл. Все отодвинулись подальше, девочки зажали уши руками в ожидании грохота и разрушений. Но ничего не произошло: палочка Невилла жалобно пискнула и выпустила из одного конца тонкую струйку воды. Вода попала на Тревора, как обычно мирно дрыхнувшего на краешке парты Невилла. В отличие от профессора Трансфигурации Тревор остался доволен результатами, зато сам Невилл вновь приуныл. Симус сумел произвести на свет чайник с отломанным носиком, Парвати — хрустальный шар, немного сплюсненный с одной стороны. Потом настала очередь Гермионы.

— *Фасере Экскассус,* — пробормотала она и тут же еле-еле увернулась от чуть не упавшего ей на голову огромного камня. Профессор МакГонаголл к счастью успела вовремя среагировать, и мраморная глыба повисла в воздухе.

— Что ты хотела создать? — удивленно спросил Рон, откачивая перепуганную Гермиону. — Неужели обломок скалы? Сумасшедшая!

— О чем ты говоришь, Рон! — Гермиона привела в порядок свою растрепанную шевелюру и не мене растрепанные мысли. — Я почему-то подумала о мраморной статуе Лоренцо Веронского, ну, той, что стоит возле класса Магического Домоводства. Я так часто туда хожу, что мне везде мерещится эта кривоглазая физиономия. Жаль, что творческая жилка у меня не так сильна, саму статую создать не получилось.

— Гарри Поттер, — заглянула в список профессор МакГонаголл. Гарри вышел вперед, немного нервничая и размышляя, что же он, собственно, хочет сделать.

Столб огня взорвался в пустоте классной комнаты, как вулкан, заставив девчонок завизжать, а парней шарахнуться к стене. Профессору МакГонаголл опалило край шляпы.

— Боже мой, Поттер! — заорала она, заправляя за ухо горелую прядь волос. В воздухе отчетливо пахло паленым. — О чем вы, интересно, подумали?!

— Я, э-э-э... профессор, я просто, — забормотал Гарри, ни за что не желая признаваться, что в самый ответственный момент у него в голове ясно и четко возник образ ужина со Сьюзен при свечах. Неужели, из всего возможного у него материализовались только проклятые свечи?

— Ясно, — отрезала профессор МакГонаголл. — Всем вам нужно хорошенько тренироваться! — вывела она мораль из сегодняшнего урока. — Иначе вместо пользы вы сможете причинить окружающим только вред!

Больше она в этот день не мучила ребят практическими занятиями. Шестиклассники всего лишь записывали под ее четкую диктовку кое-какие важные факты: предметы, возникающие в процессе Креативной Трансфигурации, нестойки, и длительность их существования зависит от сил колдуна, их создавшего. Предметы могут исчезнуть в любой момент, поэтому пользоваться ими в критической ситуации не рекомендуется. Эти предметы могут быть опасны, если созданы неумелым колдуном («Вроде вас!» — веско подчеркнула профессор МакГонаголл, судорожно поправляя свой обгоревший пучок волос). Гарри вышел с урока приунывший, потерявший пять баллов. Ровно во столько была оценена пострадавшая прическа их декана.

Но самое мерзкое ожидалось после обеда. Гарри, Гермиона и Рон явились на Высшую Алхимию, именно так назывался предмет профессора Снейпа в этом году, выжатые, как лимон, и злые. Гриффиндорцы измученно обсуждали свои способности к Креативной Трансфигурации, обессиленные после своих экспериментов: профессор МакГонаголл предупредила их, что эта магия отнимает у колдунов много энергии. Снейпа же их усталость нимало не волновала.

— Зелье, увеличивающее Колдовскую Силу. Сегодня, — резко бросил он в пустоту. Все сонно завозились на своих местах, раскладывая на столах мешочки с моченой рябиной и банки с драконьей печенью, склянки с мозгами гюрзы и миниатюрные кубики патентованных упаковок янтаря из набора «Продвинутый алхимик». Гарри понаблюдал за тем, как жалобно Невилл бросает взгляды на Гермиону, работающую в паре с Роном, и не обращающую на несчастного Невилла ни малейшего внимания, и перевел взгляд на Снейпа. За лето профессор ухитрился еще больше похудеть, и теперь выглядел, как криво обструганная жердь. Скользкие патлы падали ему на лицо, в то время как профессор писал что-то в их классном журнале. Наверное, уже прикидывает, кому можно назначить взыскание, подумал Гарри, сосредоточенно плавя в маленьком ковшике кубик свинца. Он почему-то вспомнил тощую несчастную спину Снейпа с огромными опухшими следами от зубов гигантской змеи, и ему стало нестерпимо жалко профессора, который не мог простить себе того, что он сделал когда-то, и мстящего за свои ошибки другим, невинным людям. Даже по мелочам.

— Поттер! — раздался шелестящий голос у него за плечом, и Гарри вздрогнул, пролив свинец в открытый огонь. Тот зашипел, превращаясь в густую металлически поблескивающую массу. — О чем это вы так задумались? Не о том ли, каким образом вам сейчас удалось вместо увеличения своих колдовских сил уменьшить их втрое? Лонгботтом! Вы — *опять!* — Снейп резко развернулся в сторону скорчившегося над очередным расплавленным котлом Невилла и, широко шагая, отправился на другой конец класса — давать несчастному очередную взбучку.

Пока профессор Зельеделия прочищал бедняге мозги, применяя весь арсенал колючек, за лето скопившихся у него под языком, Гарри соскребал свинец со стола и удивленно думал, почему Снейп его не тронул. Не собрался ли он делать ему скидки после случившегося этим летом, в самом деле? Это было похоже на фантастический роман, которыми изобилывала библиотека мисс Эвергрин: находясь в здравом рассудке, Снейп никогда и никому не стал бы делать замечания походя, не сопровождая свою «пару ласковых» десятком штрафных баллов. Пока Гарри размышлял, насколько сильно Снейп пострадал от укуса Нагини, и не сказалось ли это на его умственных способностях, профессор закончил терроризировать Невилла, довольно выпрямился (злорадно глядя на то, как Невилл в отчаянии пытается потушить костер, бушевавший на том месте, где раньше стоял его котел) и торжественно прошествовал к своему столу, чтобы сделать пометку в журнале о снятии с Гриффиндора еще двадцати баллов. Палочка неумехи Лонгботтома напоследок выстрелила очередной упрямой струйкой воды и намочила

подол снейповой рабочей мантии. Снейп вновь повернулся к классу, и его лицо, такое же доброжелательное, как у голодного тролля, напугало даже Гермиону.

— Я вижу, что за лето ваши пустые головы не стали прибежищем ни для одной умной мысли! — тихо процедил профессор, отряхивая мрачную черную ткань от сбегавших по ней капель воды. — Что ж, Лонгботтом, останетесь после урока, я назначу вам наказание после того, как я поговорю с вашим дядюшкой о целесообразности оставления вас в школе при подобных успехах. Целесообразности для Хогвартса, естественно, — ядовито добавил Снейп, глядя на то, как Невилл меняется в лице. — Вы думаете, что если ваш родственник принадлежит к профессорско-преподавательскому составу Хогвартса, то вас будут носить на руках? Вы ошибаетесь, молодой человек! — профессор Зельделия медленно повернулся к Гарри и добавил. — Да, и взыскание Поттеру! Придете сегодня вечером, я определю вам наказание за порчу школьного имущества.

Гарри вздохнул. Фантазии испарились, точно так же, как и жалость к профессору. Рон сочувственно глянул на него. Ничего не изменилось. Гарри вздохнул, процедил слюну муравьеда сквозь серебристое ситечко, и философски решил принять удар. Интересно, что нашла в этом типе мисс Эвергрин, мрачно размышлял Гарри, забыв о том, что еще недавно собирался простить профессору все грехи. Ну, или почти все... Мисс Эвергрин так непохожа на него, угрюмо прикусил губу Гарри, она такая справедливая и честная, а Снейп — просто скрытный мерзавец. Лживый враль, несправедливый негодяй, наглая тварь. Весь в папашу. Меня, кажется, заносит, решил Гарри, но это не я виноват! Впрочем, мисс Эвергрин — женщина, но вот взять, например, Глориана: и красив, и умен, и талантлив. И честен. И добр. И справедлив — за все время ни разу не поставил ни одной несправедливой отметки! — но корректен: даже Невиллу при всей его недалекости, Глориан ни разу не сделал колкого замечания. А Снейп? Хоть бы раз помылся, что ли... впрочем, это вряд ли искупило бы часть его мерзости. Впрочем, если подумать, где бы нашелся тот человек, который найдет в себе достаточно моральных сил посоветовать это профессору? Снейп неминуемо наложит Пыточное Проклятие на несчастного, если, конечно, это не сам Дамблдор. Впрочем, для подобных высказываний директор слишком корректен. А жаль! Приструнить Снейпа больше некому... а нужно ли это директору? Тактичный Дамблдор, подумал Гарри, помешивая сиреневое от черничного сока зелье, ни за что не будет судить о сыне Вольдеморта по его отцу. А зря.

Гарри вздохнул. Просто ненавидеть Снейпа было куда проще, чем оправдывать его поступки. Вечером, после ужина, вместо занятий со Сьюзен (девушка была заметно расстроена) он отправился в подземелья. Ему уже пожелали удачи все гриффиндорцы: Клара посоветовала ему прикинуться больным, но Гарри, знал, что не сможет соврать Снейпу так, чтобы тот не понял этого, отказался. Рон посоветовал кричать посильнее, если Снейп решит наложить на Гарри Смертельное Проклятие — Рон не собирался доверять сыну *этого отродья*. Гермиона мрачно сказала, что жаль, если Гриффиндор потеряет очки, поэтому лучше уж выстрадать взыскание, впрочем, с ее мнением Гарри был категорически не согласен. Симус и Дин проводили Гарри до подземелий, а потом отправились в пустынный коридор, где Дин срисовывал картину с сэром Кэдогеном, а Симус занимал разговорами боевитого рыцаря, дабы тот не отвлекал творящего шедевр художника. Сегодня мисс Инь обещала проверить успехи Дина, так что он сильно волновался и прихватил Симуса для поддержки, а Симус был очень даже не против.

Гарри вздохнул и стал спускаться по скользким ступенькам, стараясь делать это как можно медленнее. Он надеялся, что сумеет растянуть процесс, но ожидание наказания было куда хуже, чем само наказание, поэтому он чуть ли не с облегчением услышал, как Снейп сухо позвал его из своего кабинета:

— Это вы, Поттер? Входите!

Гарри бочком протиснулся в дверь, зажмурившись, чтобы не расстраиваться, увидев горы грязных котлов, наваленные возле раковины специально к его приходу. Но он ошибся. Класс блестел чистотой, что случалось редко, все парты были начисто протерты, а котлы скромно покоились на полках напротив шкафов с отвратительными снейповыми препаратами. Брезгливо поморщившись от вида свернувшегося в формалине скорпиона, Гарри нерешительно откликнулся:

— Да, профессор, это я. Что прикажете сделать, сэр?

Профессор Снейп появился из своего кабинета с большой стопкой книг в руках. Лицо у него было непроницаемо, поэтому Гарри даже боялся предположить, что именно Снейп прикажет ему сделать. Протереть все банки с ядовитыми тварями у него в шкафу? Переставить все книги в его

личной библиотеке по алфавиту? Или (Гарри мысленно содрогнулся) почистить клетку Корби? Воспоминание о твердом цепком клюве любимца профессора Снейпа все еще оставалось на ладони у Гарри в виде маленького белого шрама. Снейп шумно опрокинул всю гору книг на свой стол, и без того заваленный толстыми томами и старинными рукописями и холодно велел:

— Сядьте!

Гарри послушно сел, не зная, чего ожидать. Снейпа же несколько не волновало мучительно тоскливое ожидание, овладевшее Гарри, черный профессор минут пять невозмутимо перелистывал один особенно засаленный том, прежде чем соизволил поинтересоваться, изумив своим вопросом парня:

— Вы, кажется, пытаетесь развить свои способности, мистер Поттер?

— К-какие способности? — от неожиданности до Гарри не сразу дошел смысл вопроса.

— Поттер, вы как всегда соображаете хуже скучечервя. Я говорю о ваших способностях, которые открылись в начале этого лета, разве вам не ясно, тупой мальчишка?! — Гарри, действительно, с трудом пытался понять, какого черта Снейп его об этом спрашивает. Но высказать вслух свои соображения по этому поводу он не решился. — Итак, Поттер? — профессор Снейп ехидно сложил руки на груди, презрительно глядя на Гарри. — Вы можете рассказать, каких результатов вы добились в мыслечтении за этот период? У вас было несколько месяцев для того, чтобы достаточно овладеть большинством приемов и методик активного постижения мыслей и их блокировки.

Мать честная, неужели ему интересно, изумленно подумал Гарри, видя, какие искорки прыгают в черных глазах профессора Зельделия. Снейп ему для этого сегодня назначил взыскание? Чтобы узнать, как он поживает? Или просто хотел поиздеваться? Нет, не похоже... Зачем Снейпу это нужно? Впрочем, цели профессора всегда были тайной для Гарри.

— Н-ну, я уже достаточно бегло читаю мысли. В хорошую погоду. И если мне ничего не мешает. И если у меня нет насморка. И если...

— Увольте меня от выслушивания ваших достоинств, равно как и ваших болячек, Поттер, — Снейп встал, зажав под мышкой книгу, и прошелся по классу. Он медленно повернулся к Гарри, и его обтянутые бледной кожей скулы оказались возле самого его лица. На узких губах играла ехиднейшая ухмылка. — Кажется, в качестве подручного средства вы применяете старосту Хуффлпуффа? Недурно. Кажется, вы уже учитесь настоящей жизни, в которой, если хочешь быть выше других, нужно учиться их использовать.

— Я не использую Сьюзен! — вспыхнул Гарри, не выдержав. — Она просто мне помогает! Так же как и я помогаю ей! — он спохватился и прикусил язык, но, очевидно, для Снейпа искусство Сьюзен уже давно не было тайной.

— И это правильно, Поттер, — ядовито бросил Снейп, откровенно наслаждаясь яростью Гарри. — Каждый из вас делает свое дело, успешно применяя другого человека для своей выгоды, для того, чтобы достичь своей цели. Это совершенно правильно, — он замолчал, дабы полюбоваться эффектом закипания Гарри на медленном огне. Парень изо всех сил сдерживался, чтобы его не прорвало. — Но можете ли вы похвастаться приличными результатами своих экспериментов? Думаю, что нет.

— Конечно можем! — выкрикнул Гарри, вскакивая с места и непроизвольно сжимая кулаки, точно он был готов наброситься на профессора Зельделия. — Она может создавать волшебные палочки, а я могу читать мысли, разве это плохой результат?!

— Ой ли, Поттер, — скривился Снейп, не глядя на Гарри. Профессор медленно перелистывал книгу. — А может, вы не так хорошо постигли эту науку, как вам хотелось бы? Дело в том, что любое усилие требует полного самоотречения для достижения наилучшего результата. Можете ли вы поклясться, что ваши мысли в этот момент занимало только желание стать ментолегусом? И ничто другое?

В этом Гарри поклясться не мог. Он стоял посреди класса, красный от злости, не зная, куда девать руки, сжатые в кулаки, готовые раскрыть Снейпу башку, если он еще что-нибудь скажет о нем и Сьюзен. Да как он смеет?! Для чего он назначил ему сегодня взыскание — чтобы унижать его?

— Остыньте, Поттер, — профессор Снейп поднял на него свои холодные глаза. — Научиться читать мысли в условиях, благоприятствующих этому, ничего не стоит. Это занятие для лентяя, такого как ваш дружок Лонгботтом. А вот в критической ситуации, когда требуется собрать в кулак всю волю, эта способность вам пригодится куда больше, но вы не сможете сделать ничего, потому что не будете подготовлены к этому. Нужно уметь читать мысли и в грозу, и будучи

смертельно раненым, даже умирающим. Нужно не только читать чужие мозги, как книгу, но и уметь закрывать собственную книгу так, чтобы никто не посмел переверачивать страницы *в ней!* Нужно прилагать все усилия к тому, чтобы научиться тому, что в будущем может спасти вашу шкуру! Нужно быть готовым к любым трудностям! Такому, как вы, особенно.

Ослепительная догадка пронзила мозг Гарри. Невероятно! Он не смог держать это в себе. Он должен был спросить это у Снейпа. Сейчас же. Глядя ему в лицо.

— Профессор, вы для этого приказали прийти мне сегодня? Вы хотите сами научить меня читать мысли? Почему?

Желваки на лице у Северуса Снейпа заходили со страшной силой. Сын Джеймса Поттера посмел в глаза спросить его, зачем он оказывает благодеяние ему, потому что его злейшего врага. Гарри не нужно было читать мысли профессора — все было видно на его лице, как на ладони.

— Вам нужно учиться Поттер. Эта способность дарована не каждому, и разбрасываться талантами не следует. Мне претит смотреть, как то, что дается не всякому даже в волшебном мире, растрачивается попусту на глупости и пошлости. Если вы не в состоянии сами заставить себя учиться, то *я точно* сумею заставить вас. И вы еще поблагодарите меня когда-нибудь за то, что...

Гарри уже не слушал. Он понимал: профессор вновь открыл свою долговую книгу и вознамерился расплатиться по счетам. Его жизнь, спасенная когда-то Джеймсом Поттером, вырванная из когтей оборотня-вервольфа, требовала выкупа. Выкупа, платить который было невыносимо отвратительно, но необходимо. Жизнь сына за благодеяние отца. Опять. Он просто безумен, подумал Гарри, глядя на то, как профессор что-то нервно говорит, свирепо зыря на него, слюна летела во все стороны. Мисс Эвергрин была права. Сколько же можно мучить себя? Неужели Снейп так дорого ценит *свою* жизнь? Скорее всего, именно из-за этого он хочет учить меня, потому что в то, что у этого человека есть благородство, я никогда не поверю и никогда ничего больше от него не приму, поклялся Гарри, и тут же нарушил свою клятву. Потому что он вспомнил юную девушку в розовом платье, счастливо смеющуюся на фотографии, которую этот человек хранил много лет.

— Я согласен.

Снейп прервал свою тираду на полуслове и непонимающе глянул на Гарри.

— Что вы сказали, Поттер?

— Я согласен, — произнести следующие слова было тяжело, но Гарри заставил себя сделать это. — Только не ради моего отца. Ради моей мамы.

И это произошло. Перед Гарри не стоял больше злобный и несправедливый декан Слизерина, язвительный и ядовитый подлец, бывший Упивающийся Смертью. В его черных туннелях блеснула искра света. Сгорбленная фигура, как у старого хромого ворона, расслабилась. Пальцы крепко сжали книгу, а затем медленно опустили ее на стол. Перед Гарри стоял человек.

— В таком случае — прошу, — коротко сказал Снейп, указывая на свой кабинет.

С этого дня распорядок Гарри сильно изменился. Джастин воспрял духом: у Сьюзен Боунс оказались свободны все вечера. Сью тихонько вздыхала, изредка поглядывая на Гарри во время встреч в Большом Зале, наверное, ей казалось, что он совсем забыл ее. Нет, Гарри, конечно, объяснил ей, что обязанность обучать его мыслечтению с разрешения директора взял на себя профессор Снейп. Хотя осознать это оказалось нелегко. Сьюзен не обиделась, но с этого дня стала молчаливей, плохо понимала, что ей говорят учителя на уроках. И даже профессор Спаржелла часто удивленно замечала, что ее звездочка, Сьюзен Боунс, стала куда хуже учиться. Гермиона волновалась за Сью, Рон не понимал, что происходит, а Гарри, скрипя зубами, вспоминал очередную душеспасительную (по слизеринским меркам) беседу со Снейпом, произошедшую в первый же вечер:

— Если вы хотите привлечь внимание не только к своей собственной персоне, но и к мисс Боунс, вперед, Поттер. Но разрешите дать вам совет: чем меньше людей будет вокруг вас, тем больше шансов, что они не пострадают. Вы притягиваете неприятности, Поттер, а такие неприятности, как Вольдеморт, — не лучший подарок вашим друзьям. В том числе и мисс Боунс.

— Я не согласен, сэр, — выпалил Гарри прежде чем успел подумать об опрометчивости своего поступка.

Профессор с грохотом отодвинул свой стул, повалив при этом стопку пергаментов с контрольными работами третьего класса.

— Что?! Что вы только что сказали, Поттер?

Заварил кашу — отвечай. Ляпнул — иди до конца, приказал себе Гарри, перевел дух и отважно продолжил:

— Профессор, мне кажется, что у нескольких людей куда больше шансов достичь хороших результатов, если он в работе будут помогать друг другу. Например, Сьюзен помогает мне читать мысли, я помогаю ей с ее даром... Гермиона помогает Рону вычислять Среднее Арифметическое, а Рон учит ее играть в шахматы. Вместе — лучше.

— И кто вам сказал это, Поттер? — прорычал преподаватель Зельдедия. Взгляд его искажился от вреднейшей гримасы. — Нет, вы никак не научитесь блокировать свои тупые мозги, вернее, то, что вы так самоуверенно ими считаете! Я мог бы и сам догадаться...

— Но мисс, то есть, профессор Эвергрин говорила, что...

— Минус пять баллов, Поттер. И не отвлекайтесь больше, а то я решу позаимствовать у вашего факультета еще пару десятков очков!

Гарри, ворча про себя, вновь постарался сосредоточиться, но блокировка упорно не хотела получаться, потому что речь профессора жгла его изнутри. Если бы Снейп сказал Гарри эти слова в прошлом году, то парень бы согласился с ним. Но сейчас Гарри казалось, что профессор не прав. Вся ситуация казалась дикой: если бы еще недавно кто-нибудь бы сказал Гарри, что он будет ходить каждый вечер в подzemелье заниматься прикладной телепатией с профессором Снейпом, который травил его на уроках все эти годы, он бы рассмеялся в лицо подлому лгуну. Но факт оставался фактом: ежедневно, мысленно попросив Мерлина, чтобы тот берег его нервы и хранил его от лап Снейпа, Гарри прихватывал стопку книг и отправлялся вниз. Одноклассникам (кроме Рона и Гермионы, конечно) Гарри сказал, что Снейп угрожает оставить его на второй год по Алхимии, если он не подтянется, поэтому гриффиндорцы каждый раз провожали его с похоронными физиономиями. Клара вытирала платочком глаза и махала ему вдогонку. Джинни советовала ему застраховать свою жизнь на большую сумму, а Рон рычал, что придушит Снейпа без всякой палочки, если тот причинит Гарри вред.

Занятия оказались настоящей пыткой, в сто раз хуже, чем Гарри считал вначале. С чтением мыслей у Гарри получалось неплохо, но чуть только он наталкивался на непреодолимую преграду, поставленную профессором для защиты собственных мыслей, все способности куда-то девались, оставляя легкий зуд у Гарри в голове и презрительную усмешку на губах у Снейпа. Если на уроках Высшей Алхимии Снейп только язвил и издевался над учениками, то на него он просто орал. Нервно носился по классу и орал:

— Поттер, вы ни на что не способны! Вы слишком самоуверенны! Мало иметь талант — его еще надо развивать, воспитывать, как ребенка, чтобы он мог поддержать вас в трудную минуту! А, имея в себе всего лишь зародыш, искру умения, вы ничего не добьетесь, и за вашу жизнь никто не даст и ломаного гроша! Еще раз! И сосредоточьтесь! Потом пойдете ужинать. Ничего с вами не случится! Что значит «как я узнал»? Поттер, вы видно совсем потеряли остатки разума: мы чем с вами здесь занимаемся, мыслечтением или игрой в квиддич? Я прекрасно понимаю, что последнее для вас куда привлекательней, но в вашем возрасте вы должны были уже научиться соображать...

И так далее в том же духе. Гарри снова перестал спать, и единственным отдохновением для него стали визиты к Глориану. Эльф жил в бывшей хижине Хагрида, в замке ему было немного неуютно, а близость к Запретному Лесу точно придавала ему сил. По вечерам к нему приходила Валери Эвергрин, а потом на огонек заглядывали Гарри, Рон и Гермиона. Валери и Гермиона зажигали огонь, с грехом пополам наколдовывали пирожные (почему-то у них всегда получались миндальные), и вся компания дружно пила чай под приятное потрескивание дров в камине, аппетитное чавканье, доносящееся с подстилки Клыка, поедающего бифштексы, и меланхолично-переливчатые звуки гитары Рона. Гарри любил эти почти семейные посиделки, запах сосновых поленьев в камине, сонное гудение заумного разговора Гермионы и Глора, вкус немного подсохшего миндального пирожного и аромат крепкого чая, налитого Валери ему в чашку. О войне они не говорили, Гарри почему-то казалось, что у каждого из них и так есть свой кусочек боли, который не хотелось растравлять еще больше разговорами о грядущих ужасах. Тягуче звенела струна на роновой гитаре, и Валери Эвергрин что-то тихонько напевала себе под нос, с непонятной тоской поглядывая в окно. Несмотря на удивительно уютную атмосферу, нельзя сказать, что беседы у камин протекли исключительно мирно, напротив, они постоянно о чем-то спорили, а с появлением в сетке расписания Гарри факультатива по мыслечтению у профессора Снейпа, споры разгорелись еще больше.

— Гарри, думаю, что тебе нужно быть терпеливее. Никто не сможет научить тебя читать мысли лучше, чем профессор, ты же сам знаешь о его способностях, — мисс Эвергрин помогала Гарри надеть очередной свитер, привезенный из Лондона: как и обещала, она регулярно обновляла его гардероб.

— Дамблдор мог бы, — буркнул Гарри. Он порадовался по-гриффиндорски красно-желтому свитеру, и вернулся к столу, чтобы помешать сахар в чае.

— Директор Дамблдор не может уделять тебе столько внимания, Гарри. Ты же просто один из его учеников. И ему нельзя отделять тебя от остальных учеников, тебе же самому это не нравилось. Возникли бы проблемы, другие ребята...

— Гарри мог бы заниматься этим со мной, — немного резко заметил Глориан, сидя у самого камина и грея над огнем длинные хрупкие пальцы. — А не с этим...

— Глор, милый, но у тебя же эта система по-другому работает, а профессор... Ему необходимо заботиться о ком-то, иначе этот человек способен сойти с ума. Думаю, что они с Гарри сейчас одинаково нужны друг другу.

— Мне Снейп не нужен! — запротестовал Гарри. — Я с удовольствием уступлю его вам, мисс Валери!

— Мне? — скромно пожала плечами мисс Эвергрин. — Не мне же нужно развивать телепатию, Гарри.

— Если бы меня кто-нибудь спросил совета, — раздался голос Эльфа из большого старого кресла Хагрида в углу. — То я бы посоветовал и близко не приближаться к этому типу! В нем таится Зло.

— Глор, дорогой, тебе не кажется, что не следует судить о человеке исходя лишь и своего представления о нем? — немного высокомерно поинтересовалась Валери, раздраженно вываливая чашки в тазик с водой. — Ты мог бы поговорить о нем, например, с директором Дамблдором...

— Я о нем больше ничего не хочу знать, — отрезал принц Глендэйл.

Рон и Гермиона дивились на эту *семейную ссору*, как Гарри называл подобные пикировки.

— Гарри, Снейп, конечно, — последняя скотина, но в данном случае он прав: тебе нужно учиться всему, что может спасти тебе жизнь, — упрямо заявил Рон, нервно барабанил пальцами по грифу гитары. Гермиона же, как всегда, удивительно точно смогла понять источник его переживаний.

— Сегодня я видела Сью, — шепнула она на ухо Гарри. — Она сказала, что идет заниматься в пустом классе на пятом этаже сразу после того, как закончит писать реферат вечерних лекций по Магической медицине после ужина.

— Спасибо! — так же шепотом ответил Гарри. Настроение у него сразу подскочило. Рон, отвлекшийся на минутку, чтобы настроить свой инструмент, подозрительно осведомился, о чем это они шепчутся.

— Гарри просил меня списать задание на завтрашнюю Медицину, но я отказалась ему помочь, — нашлась Гермиона, хитро подмигнув Гарри.

— О, черт, а я сам хотел просить тебя об этом же! — огорчился Рон.

Гарри чувствовал себя дома. Ему уже давно не было так хорошо. А мысль о том, что завтра он встретится со Сьюзен, придала ему еще больше сил. Он быстренько покончит с пыткой в кабинете Снейпа и отправится на пятый этаж. К Сью. Светлая пушистая головка, белая шелковистая кожа, сладко пахнущая акацией и мятой... Ему почему-то стало жарко, ворот нового свитера сразу стал катастрофически узким, а брюки — тесными... Черт, что же со мной происходит, в ужасе подумал Гарри. Неужели это...

— Вам, наверное, пора идти. Темно совсем, — Валери оборвала его отчаянные попытки осознать, что творится с его телом и душой. Рон встал, взвалил на плечо гитару и подал руку Гермионе. — Гарри, что с тобой? У тебя что — температура? — озабоченно посмотрела ему в глаза мисс Эвергрин. Она встревожено положила ему руку на лоб, действительно горевший и мокрый. — Сходи к Инь-тян, возьми у нее Перцуссина. Честное слово, в этом году зима началась уже в октябре, холодно-то как! Немудрено, что ты, кажется, начинаешь заболеть. Сходи, хорошо?

— Ладно, — пробормотал Гарри, набрасывая мантию, чтобы скрыть последствия радостного ожидания. Вот, незадача. Или — нет?..

Спать он лег, предварительно приняв холодный душ. Ни за каким Перцуссином, конечно, он не пошел.

На следующий вечер после ужина Гарри отправился к Снейпу с нетерпением, совершенно несвойственным ему в этой ситуации. Скорее, думал Гарри, почти бегом спускаясь в подzemелье, скорее разделаться с факультативом и — наверх! Скорей! Только бы суметь заблокировать свои мысли от Снейпа. Сегодня у него должно получиться, иначе этот злыдень его не отпустит сегодня допоздна, если поймет, что Гарри ждет девушка. Завернув на лестницу, Гарри увидел профессора, стоящего у окна с таким видом, словно он наблюдал за чьей-то казнью. Правое веко у него дергалось. Гарри проследил за его взглядом, и не увидел во дворе замка ничего предосудительного, только мисс Эвергрин, которая, завернувшись в теплую куртку, шла привычным вечерним маршрутом к хижине, в которой обитал ее жених, Глориан Глендэйл. Снейп мрачнел с каждой секундой, его ладонь легла на жалобно скрипнувший от ее тяжести подоконник, скользкая прядь волос была нервно сжата во рту. Он с каким-то отчаянным выражением на лице смотрел на фигурку в белой куртке и кривил губы так, словно ему было отчаянно больно.

Это случилось, как вспышка Сверхновой. Слова Снейпа о том, что чем меньше людей будут вокруг тебя, тем меньше они пострадают от угрожающей тебе опасности, вновь всплыли в голове у Гарри так же четко, как если бы профессор вновь произнес их. И это было не воспоминание.

Я прочел его мысли, потрясенно понял Гарри. Я смог! Он так старательно ставил защиту, но все-таки я сумел прорвать ее! Я смог! Видимо, лицо выдало Гарри, потому что, когда Снейп вновь повернулся к нему, то его глаза сузились от ярости.

— Вы подсматривали за мной, Поттер? — рявкнул он. Его лицо налилось кровью.

Нет, подслушивал, чуть не брякнул Гарри. Надо же, я все время подозревал, что он влюблен в нее, но теперь-то можно быть уверенным на все сто процентов! Черт, неужели он сейчас наложит на меня заклятие забвения?! А вдруг я не смогу вспомнить снова, как нужно читать мысли? Маленькая фигурка в окне удалялась все дальше в сторону Запретного леса, а Снейп уже вытаскивал палочку и направлял ее на Гарри. Парень автоматически попятился. Черт! Опять попал! Или — опять прочитал его мысли? Он действительно хочет, чтобы я забыл об этом!

— Мне очень жаль, Поттер! — негромко сказал Снейп. Палочка мягко описала полукруг. — Вы действительно очень способны, но я не могу допустить, чтобы вы вспомнили именно *это*.

Боль пришла внезапно. Ударила, скрутила и бросила на пол. Перед глазами поплыли пестрые круги, дурнота заставила лицо побагроветь, затем лоб мгновенно взмок, и капли пота потекли на глаза, с шипением испаряясь, попадая на вспыхнувший оглушительной болью шрам. Гарри, почти ослепленный невероятной, сверлящей в раскаленном мозгу болью, вначале с трудом сообразил, где он находится. Затем трясущейся рукой попробовал нащупать шрам и тут же отдернул ее, точно боясь обжечься: шрам просто кипел! У Гарри мелькнул обрывок мысли: Снейп наложил на меня Заклятие Забвения? Так вот как оно действует. Но потом Гарри увидел, как палочка профессора медленно летит на пол и с шумом, отдающимся в ушах, падает на холодный гранит камней. Профессор Зельделения внезапно побелел и ухватился за стену, чтобы не упасть. По его левой руке медленно тек кровавый ручеек, рукав мантии мазнул по подоконнику, оставляя на нем размазанный красный след. Как пьяный, Гарри наблюдал за тем, как Снейп, скрипя зубами от боли, закатывает рукав, обнажая бледную, истекающую кровью руку. Профессор издал звук, похожий на сдавленное рычание, когда глазам Гарри открылся Смертный Знак. Несмываемое клеймо на руке Упивающегося Смертью. Он был угольно-черным, а изнутри полыхал обжигающе красным огнем, набухая кровью. Крупные капли повисли на кончиках пальцев.

Он вернулся.

Снейп, продолжая сдавленно хрипеть, сделал несколько шагов по направлению к окну, точно хотел позвать кого-то на помощь, но затем резко повернулся, ураганом взметнув за собой край мантии. Гарри подполз к краю лестницы и увидел, как черное одеяние Снейпа исчезает внизу.

— Профессор! — позвал Гарри, а потом закричал еще сильнее. — Профессор! Не ходите к нему! Вернитесь, профессор!

Но бледное лицо Северуса Снейпа мелькнуло и исчезло, оставив в памяти у Гарри тяжелый свинцовый осадок боли и отчаяния.

Глава 15. Переворот.

В Хогвартсе этой ночью не спал никто. По коридорам с поручениями от деканов испуганно шмыгали старшеклассники и передавали друг другу смутные страшные слухи: преподаватели собрались в Большом зале на педсовет, младшим учащимся было приказано находиться в своих гостиных, и всем учащимся без исключения было под угрозой отчисления запрещено высовывать нос на двор или выпускать с письмами сов. Нескольким девочкам стало плохо. Когда Гарри добрел до больничного крыла, еле-еле удерживаясь, чтобы не упасть от кошмарной ноющей боли, приступами окатывающей его раскаленную голову, то заметил, что многие кровати заняты бледными от страха ученицами Хогвартса. Другие девушки, постарше, бегали вокруг с разнообразными бутылочками зелий и тазиками с водой в руках. Гарри сначала подумал, что ему показалось, но когда одна из хуффлупфских семиклассниц отошла в сторону, он заметил свисающие с одной из кроватей черные косы. Парвати лежала неподвижно, запрокинув голову, а лицо у нее было белое-белое, точно оно вдруг лишилось всех красок. Ее губы безостановочно что-то шептали. Возле нее суетилась Лаванда и Салли Перкс из Рэйвенкло.

— Бредит?

— Нет, хуже! — услышал Гарри испуганный голос Лаванды. — Салли-Энн, возьми зелье из шкафчика наверху! И беги за профессором Трелани! У Парвати снова началось!

Гарри остановился было, чтобы спросить, что случилось с Парвати, но к нему уже приближалась Инь Гуй-Хань.

— Сюда, сюда, Гарри, — она твердо усадила парня на кровать, достала тяжелую квадратную бутылку с нужным зельем, накапала на вату немного и с силой приложила к проклятому шраму. Боль напоследок скакнула где-то глубоко внутри, полоснув по всем органам чувств так сильно, что волосы у Гарри встали дыбом. И прекратилась.

— Что, что происходит? — Гарри разлепил ссохшиеся губы и услышал собственный голос. Голос был хриплый, а во рту ощущался привкус крови. Только сейчас Гарри понял, что сильно прокусил себе губу, сжав ее зубами от боли. — Мисс Инь, где директор, я должен сказать ему, что...

— Директор уже знает, Гарри, — Инь напоследок плеснула еще немного зелья ему на лоб. Ее мягкие темные глаза с тревогой оглядели бледного парня, пальцы заботливо прощупали пульс, а потом нажали на ладони Гарри на какую-то точку, от чего голова сразу перестала болеть. — Ейму полчаса назад пришло письмо, он собрал все учительей в зале и сообщил, что сегодня произошел переворот. Сторьонники Вольдеморта оказались у власти!

Нет, только не это! Гарри навалился всем весом на спинку кровати. Холодные металлические шарики больно врезались ему в бок, и его это несколько отрезвило. Вольдеморт вернулся. Он и его Упивающиеся Смертью совершили *переворот*. Что же делать? Профессор Снейп отправился к нему, не в силах унять боль в Смертном Знаке, вспыхнувшем у него на руке. Что теперь будет с профессором, Гарри даже в страшном сне побоялся бы предположить. Мисс Эвергрин, внезапно вспыхнула мысль, надо бежать сказать ей. И Дамблдору. Но сначала мисс Эвергрин.

— Не уходь, Гарри, — Инь Гуй-Хань железной хваткой вцепилась в Гарри. Подобная неженская сила удивила его, когда Инь усадила его обратно. — Побудь здесь! Нужно, чтобы ты немного отдохнул. Мисс Браун, — обратилась Инь к Лаванде. Та испуганно вскинула на нее глаза, продолжая сжимать руку Парвати. — Побудьте здесь, пока не вернется кто-то из преподавателей. Оставляю вас с Гарри за старших! — С этими словами Инь одним движением сбросила белую мантию и быстро направилась к двери. Шорох шелка затих, и только тогда Гарри повернулся к своей однокласснице.

— Лаванда, что происходит? Когда это случилось?

И Лаванда, содрогаясь от плача, механически вытирая слезы, падающие ей на мантию, начала рассказывать:

— После ужина, Гарри, когда ты ушел заниматься Алхимией, мы с Парвати и Джинни сидели в гостиной. Гермiona и Рон куда-то пошли сразу же за тобой, кажется, Рон говорил что-то насчет того, чтобы взять у профессора Эвергрин новые ноты. Джинни рассказывала нам про ваш хохмазин, как вдруг Парвати стала задыхаться и упала на пол. У нее начались судороги, и она сильно прикусила себе язык, видишь, кровь, — Лаванда махнула исплаканным платочком на следы на бледной щеке подруги. — Мы кое-как помогли ей, но она так и не пришла в сознание, стала что-то шептать и биться в истерике. И тут принеслась Гермiona, ужасно испуганная,

расплакалась и рассказала, что она только что говорила с профессором МакГонаголл, и та сообщила ей, что произошел Магический Переворот. Вольдеморт вернулся. Гарри, что же делать?! — и девушка зарыдала. Камешки на ее подвесках тревожно зазвенели.

— У Парвати был эпилептический припадок? — осторожно спросил Гарри. — Извини, не знал, что она больна.

— Да нет же! Это *транс*! Она научилась впадать в пророческий транс еще этим летом, когда мы гостили у знакомых. У Парвати, правда, хорошо получается, хотя она еще не видела ничего необычного, так, всякие мелочи, но *такого* еще никогда не случалось! Она же умеет контролировать свой дар! Нас отлично этому обучили! Неужели она увидела то, что сейчас происходит в волшебном мире? Я не могу даже представить, какие ужасы это могли быть! — она отчаянно зажала рот рукой. — Но ты, кажется, мне не слишком веришь, — пробормотала Лаванда. Она смочила водой губку и начала протирать лицо подруге.

— Да нет, почему же, — пробормотал Гарри, воскрешая в памяти грохочущий голос — «*Черный Лорд восстанет вновь, более великий и более ужасный, чем раньше!*» Что ж, вот это и произошло.

Стремительно распахнулась дверь, и, потрясая коллекцией цепочек и брошей, в больницу ворвалась профессор Трелани, сталкиваясь в дверях с Падмой, сестрой Парвати. Теряя огромные очки на ходу, она поднеслась к безжизненному телу своей любимой ученицы и заломила руки:

— О мое бедное дитя!

Падма всхлипнула. Гарри неловко поежился.

— Что мы можем сделать? — спросил он у Лаванды.

— Ничего, пока она не придет в себя. Пока она без сознания, можно лишь поставить ей капельницу и ввести несколько миллиграммов Успокоительного Зелья, чтобы стабилизировать сердечную деятельность. Но проснуться Парвати должна сама. Где профессор Снейп, Гарри? У нас мало лекарств и мисс Инь хотела позвать его на помощь, но не смогла найти.

— Он... ушел, то есть, его позвали, — осторожно начал Гарри. Профессор Трелани подняла на него свои фасеточные гляделки и истерично провозгласила:

— Страшные времена наступили! Ужас и беззаконие твориться будут повсюду! Кровь и смерть я предвижу, кровь и смерть! И бедный профессор Снейп первым окажется в числе...

— *Сибилла!* — в дверях стояла профессор МакГонаголл, и ее глаза метали молнии. Позади нее угадывался силуэт Гермионы. Профессор Трелани умолкла, лишь изредка драматично всхлипывая и вытирая глаза кончиком шали. — Я же просила вас *не давать* воли эмоциям! Поттер, пойдите, вы мне нужны.

Гарри вышел из больничного крыла и оказался в объятиях Гермионы.

— О боже, Гарри, мы с Роном чуть с ума не сошли...

— Тише, ты меня задушишь!

— Господи, с тобой ничего не случилось? Куда ты пропал? И где профессор Снейп, директор Дамблдор спрашивал о нем. Гарри, ты же был с ним, куда он подевался? — Гермиона была блее стенки, руки тряслись.

— Ушел.

Профессор МакГонаголл все поняла без дальнейших вопросов. Ее шляпа дрогнула. Но Гарри все-таки решил пояснить:

— Это случилось одновременно: у меня заболел шрам, а у него почернел и начал кровоточить Смертный Знак. Это кошмарное зрелище — у профессора Снейпа все пальцы были в крови... — вполголоса добавил Гарри.

— Профессора видела мадам Хуч, когда ставила метлу в чулан. Он бежал к границе Запретного Леса. Мадам Хуч сказала, что профессор снял защиту, прошел сквозь границу, поставил защиту снова и дезаппарировал, — сухо проинформировала Гарри его декан.

— Профессор, мэм, что же все-таки произошло? — Гарри торопился за МакГонаголл, по дороге заглядывая в ночную темноту, царившую за окнами Хогвартса. Ему показалось, что по двору мечутся какие-то огоньки. Над кромкой Запретного Леса изредка пролетали чьи-то фигурки.

— Это члены наших квиддичных команд патрулируют территорию школы и небо над замком, пока преподаватели совещаются в Большом зале, Поттер... Нам только что сообщили, что Министерство Магии пало. Как и Азкабан.

— Как — пало? — опешил Гарри. — Что значит «пало»? — И тут до него дошло. — Что — сразу и Министерство Магии и Азкабан? Нет! Как все могло произойти так быстро?

— Не так быстро, как мы думали вначале, люди устали ждать нападения и расслабились, — пробормотала Гермiona. Гарри смотрел на то, как МакГонаголл стремительно теряет остатки профессорского холодного достоинства и начинает впадать в тихую панику, ей совершенно не свойственную.

— Азкабан разрушен, — сухо объяснила она. — Отряды авроров и Неописуемых уничтожены практически полностью. Они напали одновременно со всех сторон. Дементоры, сбежавшие из Азкабана, вернулись обратно, и авроры оказались зажаты в клещи. А в Министерстве побывали Упивающиеся Смертью, но уже после того, как нанятые ими маглы-боевики уничтожили большую часть сотрудников. Проникнуть в Министерство при помощи Черной Магии невозможно, поэтому Упивающиеся Смертью все предусмотрели — никакой магии, только магловские средства — отравляющий газ, огнестрельное оружие часто действуют куда быстрее волшебной палочки. От Упивающихся Смертью такого, конечно, никто не мог ожидать: они всегда ненавидели маглов, кто бы мог подумать, что они пойдут на сотрудничество с ними? После того, как входы были расчищены, Упивающиеся Смертью закончили начатое наемниками. Министерство было разрушено и сожжено дотла. Маглы думают, что это была бомба, заложенная террористами в соседнем пабе. Если бы они знали, что произошло на самом деле...

— Кто-то пострадал? Отец Рона? Перси? — Нет, не может быть! Разве мало выстрадала семья Рона этим летом?

— Пока ничего не известно о местонахождении Уизли, Поттер. Так и передайте своему другу. Они пока считаются пропавшими без вести.

— Я с-скажу... — Пропавшими без вести? Если их не найдут, то что же тогда? Или лучше уж, чтобы их не нашли вовсе, если теперь у власти сторонники Вольдеморта... Но мистер Уизли и Перси были в Министерстве не одни! Ужасная мысль проникла Гарри под кожу и заставила ее заледенеть. — У Сьюзен Боунс отец работает в Министерстве. Он... с ним все в порядке?

Гермiona тихо заплакала. Профессор МакГонаголл остановилась и повернулась к Гарри лицом. Старым, сморщенным, как запеченное яблоко, личиком смертельно уставшей старушки.

— Взрывом разнесло все крыло, где находились отделы по Связям с Гоблинами, Контролю за Перевозками Магических Существ и Надзору за Магическими Существами. И Отдел Защиты Магических Растений тоже, — коротко сказала профессор МакГонаголл. Она вздохнула и прошептала. — Мистер Боунс, мистер Диггори и многие их коллеги погибли. Сьюзен сейчас в кабинете профессора Спаржеллы...

— Сьюзен! — Гарри вырвал свою руку из рук профессора МакГонаголл и рванул наверх по лестнице. Портреты зашевелились и скорбно зашептали что-то, когда он несся мимо них. Второй этаж, третий, четвертый...

Дверь в кабинет профессора Гербологии он открыл ногой и как-то сразу охватил взглядом все: и засыпанный сухими листьями диван, и аквариум с толстыми золотыми рыбками, и комья земли на стопке учебников по Магическому Домоводству. И худенькую девушку, съежившуюся от плача, тряскую, как в лихорадке. Длинные светлые волосы взметнулись и поплыли по воздуху, когда она обернулась. Громадные мешки под глазами и бездонное серое горе.

— Сьюзен! — выдохнул Гарри. Он в два прыжка преодолел кабинет, и маленькая хрупкая фигурка оказалась у него в объятиях. Ее плечи задрожали от рыдания, и Гарри обнял ее так крепко, как только мог.

— Не надо! Не надо плакать, Сью, милая, родная, не надо!

— Папа... Гарри, ты знаешь, что они сделали с ним?

— Не плачь. Не плачь, моя звездочка, — его руки гладили ее волосы, успокаивающе перебирали их.

— Мне страшно, — прошептала Сью, отчаянно цепляясь за его мантию. — Не уходи, Гарри! Пожалуйста, не уходи!

— Не уйду, — Гарри осторожно снял с себя мантию и набросил ее на плечи девушки. — Обещаю, Сью, я буду рядом. Всегда, — Он не знал, как утешить ее, что еще сказать ей, чтобы она перестала плакать, чтобы ее слезы, такие хрустально-прозрачные, такие горячие и отчаянно горькие перестали обжигать его щеки и руки. Медальон Ордена Феникса костром полыхал у него на груди, а в груди рождалось что-то необъяснимо огромное, жаркое, настойчивыми знойными толчками заставлявшее его срочно сделать что-то нужное, чтобы помочь Сьюзен. Поэтому он наклонился к ней и попытался губами осушить слезы на ее лице.

— Просыпайся, — хмуро сказал Рон, пихнув Гарри в бок. — Пора!

Гарри осоловело вскочил. Он и забыл, что собирался заснуть всего на пару часов перед тем, как пойти дежурить. Вокруг него сновали одноклассники и разговоры, витавшие в их спальне, были как никогда страшны. Все вполголоса обсуждали первое открытое сражение уже давно исподволь тлевшей войны. Дин и Симус только что вернулись с обхода Южной башни, где был их пост, и рассказывали, что видели, как преподаватели во главе с Дамблдором что-то делают снаружи с защитой школы, от чего невидимая преграда, закрывающая дорогу в Хогвартс, становится плотной и радужной. Отблески от нее играли на оконных стеклах. Гарри взглянул на часы — было всего полпятого утра.

Когда он вчера поздно ночью вернулся в гриффиндорскую башню, сразу же за ним пришла очень серьезная Гермиона, собрала всех в гостиной и сухо сообщила факты, которые узнала на педсовете, где обязана была присутствовать, как староста их колледжа. Вольдемогт объявился и возглавил атаку на Азкабан. Колдуньяны авроров и Неописуемых могли бы выдержать напор дементоров и заключенных, поднявших бунт в стенах колдовской тюрьмы, если бы остров не окружили несметные полчища дементоров. Аластор Моуди оказался прав: бежавшие из Азкабана дементоры вернулись и ударили с внешней стороны. Волшебники из наскоро созданных бригад Защиты Магического Правопорядка не смогли сдержать их напор. Но все было бы еще не так страшно, если бы среди дементоров не появился Он. Тот-Кого-Нельзя-Называть аппарировал посреди моря дементоров, безглазых, безжалостных серых существ, бесконечным потоком текущих к Азкабану и возглавил их наступление. Немногие колдуны, сумевшие вырваться из этого безумного ада (их был едва ли десяток из двух сотен авроров, охранявших Азкабан), в ужасе рассказывали, как Он спокойно плыл в центре бесконечной массы дементоров, повиновавшейся одному его взгляду. Он был снова молод, снова силен и жесток как никогда. Спасенные, полузахлебнувшиеся в холодной воде Северного моря, трясась, говорили, как он мановением пальца разносил в клочья людей и разрушал башни Азкабана, как одним взглядом рубиново-красных глаз повергал авроров насмерть, как жестом направлял полчища дементоров в нужную ему сторону в битве. Азкабан пал, и сотни преступников, в том числе Упивающихся Смертью, вышли на волю.

Министерство же Магии рухнуло под напором нанятых Упивающимися Смертью убийц-маглов. Сложно сказать, какие огромные деньги были потрачены, чтобы привести в действие такой кошмарный план, но факт остается фактом: это страшное сотрудничество никоим образом не заставило Упивающихся Смертью отказаться от своих взглядов. После штурма на поле боя осталась масса трупов тех самых наемников, которые за баснословные деньги согласились участвовать в погроме: сторонники Вольдеморта уничтожили ненужных свидетелей так же жестоко, как те только что уничтожили сотрудников Министерства. *Дейли Пророк* вышел со страшной передовицей — обезображенным пулями телом Министра Магии на первой странице. Маглы считают, что это был террористический акт.

— Кто остался жив? — надтреснутым голосом сказал Рон в полной тишине. Гарри отметил, что Рон спросил именно кто остался жив, а не кто погиб.

Гермиона мрачно сказала, что списков еще нет и неизвестно, будут ли они вообще. Газеты, кажется, уже находятся в руках сторонников Вольдеморта. Волшебные радиоканалы — тоже. Все эти сведения доставил Дамблдору Аластор Моуди. Гарри облегченно вздохнул — старый Дикоглаз остался жив, впрочем, он бы и в худшей из схваток поставил на него, хитрый начальник Отдела Тайн был способен и не на такие увертки. Судя по всему, как сказала Гермиона, Моуди уже нет в школе — нелегально аппарировал на континент.

— Магическое правительство временно возглавляет... — хмуро начала Гермиона и уронила. — Морис Бладштейн.

Гарри ахнул, а девушка решительно продолжила:

— Кроме него во временное правительство входят и другие Упивающиеся Смертью — Люциус Малфой, Уолден Макнейр, Питер Петтигрю, Брут Эйвери, Родерик Крэбб, Герман Гойл и другие. Из Азкабана возвращены многие другие бывшие сподвижники Вольдеморта — Лестрэйнджи, Фрэйи, Дрэдды, Ральф МакАбр и Тибериус Акелдаму, — закончила читать список Гермиона и опустила бумажку себе в карман. Имя мистера Олливандера так и не прозвучало.

Симус Финниган громко и грязно выругался. Стоявшая как раз за ним Джинни Уизли побагровела: даже ее старшие братья в минуты наибольшего раздражения никогда так не выражались. Но Симуса никто не одернул, все были слишком потрясены ситуацией.

— Малфой! — яростно выкрикнула Клара. — Я так и знала, что папаша этого *мерзкого уродца* имеет к этому самое прямое отношение! А его сынок, его *прихвостень*, вернулся сюда, чтобы шпионить и доносить! Ну, все, мерзавец, держись!

Все разом заорали, стараясь перекричать друг друга.

— Спокойно, Клара! — рявкнула Гермиона, грозно надвигаясь на второклассницу. — Директор ясно сказал: никаких скандалов, никаких выяснений отношений между учениками быть *не должно!* Если мы здесь в Хогвартсе все перессоримся, то нам не на что надеяться, мы в одной лодке!

— Погоди, Гермиона, — потер лоб Невилл. — Я что-то не понял последнее... что ты имеешь в виду?

Гермиона Грэйнджер обвела всех сухими блестящими глазами.

— А вы что, не сообразили, что после падения Азкабана и Министерства Магии Хогвартс — последний оплот противников Вольдеморта? Ему *нужен Хогвартс*, если не для того, чтобы его уничтожить, то для того, чтобы превратить его в школу Темных Искусств! Те ученики, которые не захотят подчиниться ему, будут уничтожены! Все...

Эти слова вновь вогнали ребят в состояние глубочайшего ступора. Гермиона продолжала:

— Школа переходит на осадное положение. По всему Хогвартсу установлены посты для дежурства. Все ученики старше второго класса разбиваются на группы и, согласно графику, который профессор МакГонаголл скоро вывесит на доске объявлений, будут следить за порядком в школе. Старшеклассники будут круглосуточно наблюдать за окрестностями Хогвартса со всех башен замка. Члены прошлогодних команд по квиддичу регулярно будут облетать школьные владения, чтобы предупредить нас, если увидят посторонних. В остальном занятия проходят стандартно и на них будут присутствовать все, кроме дежурных. Да, кстати, сдвоенные занятия по защите от сил зла теперь будут проводиться каждый день. А Зельеделие пока отменили...

— Снейп — один из *них!* — ахнул Невилл. — Я всегда это знал!

— Ничего подобного! — горячо заверил его Гарри. — Совсем наоборот!

Но ни Невилла, ни других гриффиндорцев это не убедило. Гарри услышал несколько не слишком лестных эпитетов, характеризующих Снейпа.

— А что с нашими родителями? — тихо спросил Деннис Криви. В его рукав вцепилась Гвинетт Макферсон. Она тихо, испуганно плакала. — И с нами? Ну, с теми, у кого родители — маглы?

— Я... я не знаю. Я больше ничего не знаю, — пробормотала Гермиона. Силы вдруг оставили ее, и она опустилась на ступеньку, закрыв лицо руками. Видеть всегда уверенную в себе старосту Гриффиндора в таком потрясении было ужасно. Словно у нее вдруг надломился стержень, на котором держалась вся надежда. Сердце у Гарри прыгнуло куда-то вверх и не желало спускаться обратно. Рон упал рядом с Гермионой, приобнял ее и уставился в пустоту.

— Папа, — услышал Гарри его шепот. — Перси...

— Рон, перестань! — зарычала Джинни, расталкивая плачущих однокашников и продираясь к брату. — Не смей даже думать об этом, слышишь! Прекрати! И вы все заткнитесь! — обернулась она к остальным гриффиндорцам. — Чего вы разревелись, как идиоты?! Не рыдать нужно, а соображать, что теперь делать. Гермиона, ты же всегда могла что-то придумать, ты же у нас самая умная. Ну, давай же!

— Джинни, как я могу? Там мама с папой! Если с ними что-то случится, то...

— Замолчи и слушай! — Джинни воздвигалась над братом и Гермионой, как монумент борьбы за свободу. За ее спиной с горящими, как угли, глазами стояла Клара. — Если мы будем выть и причитать, то ничем не поможем, ни своим родителям, ни Дамблдору! Без толку развозя слезы по лицу мы ничего не добьемся!

— Джинни права, — решительно заявил Гарри. — Мы же не допустим, чтобы с нашей школой что-то случилось?! Это же *наш Хогвартс!* Мы же не хотим, чтобы этот мерзавец разрушил и наши семьи и нашу жизнь только из-за того, что ему хочется урвать еще один кровавый кусочек власти!

— Гарри, — прошептал Тоби. — Опомнись! Это же Воль... Сам-Знаешь-Кто!

— Это Вольдеморт, — холодно ответил Гарри, до боли сжимая перила лестницы. — И я не позволю ему причинить боль еще кому-то... Он убил моих родителей. По его приказу убили твоего брата, Рон, убили Хагрида и Чу, убили родителей и родственников многих из нас! Он убил бабушку и дедушку Сьюзен Боунс, а вчера его прихвостни уничтожили ее отца, и она осталась одна на всем свете! И так будет со всеми нами, если мы не объединимся чтобы...

— Чтобы положить этому конец, — Рон медленно поднялся. В его глазах мелькнул отблеск, слегка испугавший Гарри. Он вдруг подумал, что смерть Фреда куда сильнее затронула Рона, чем он думал раньше. — Я с тобой, Гарри.

— И я! — Джинни положила свою бледную ладонь на кулак Рона.

— Я тоже, — Гермiona одернула мантию и положила руки на плечи Гарри и Рону. — Мы сможем! Мы сделаем *это!* *Да здравствует Хогвартс!*

— *Да здравствует Гриффиндор!* — закричала Клара изо всех сил. Все поддержали ее громкими воплями, разбудившими Северину, спавшую на краешке картины над камином. Вопли напугали белку до такой степени, что она со страху свалилась прямо на голову Невиллу, и, не разобравшись, кто виноват, спросонья впилась ему зубами в ухо.

Гарри пришел на завтрак уставший. Они с Роном и двумя четвероклассниками из Хуффльпуффа все утро простояли на самом верху Северной башни, вглядываясь в горизонт — не появится ли кто посторонний. От радужно переливающейся Защитной стены рябило в глазах. Мадам Хуч и квиддичная команда Рэйвенкло патрулировали воздушное пространство Хогвартса, как тяжелые военные истребители, носясь вокруг башен и пролетая под сводами арок. На причале возле старинного корабля стоял дозор из семиклассников Гриффиндора и профессора Вектор, гриффиндорцы зябко кутали носы в полосатые красно-желтые шарфики и сонно поглядывали на воинственно высунувшего клюв из воды гигантского кальмара. Джинни сунула Гарри с Роном пару бутербродов, но от долгого стояния на холодном воздухе они сильно проголодались, замерзли и одних бутербродов, которыми они щедро поделились с продрогшими хуффльпуфцами, не хватило, чтобы заморить червячка. Поэтому на квелый рисовый пудинг и холодные сосиски (видимо, ужасная новость ошеломила и домовых эльфов) Гарри набросился с жадностью. Рон оглядывался в поисках своей возлюбленной старосты, но Гермiony не было.

— Она в библиотеке, — пояснил Невилл, уплетая сосиски с не меньшим усердием, он тоже был на дежурстве, только во дворе, и порядочно промерз. — Сказала, что хочет найти какое-нибудь защитное заклятие получше, сомневается, что то, которое наложено на Хогвартс, *надежное*.

— Ее что — не устраивает такой способ обороны? Сам Дамблдор решил, что так будет лучше всего, — удивился Рон, вонзая зубы в пудинг. В этот момент в двери Большого зала зашли трое. Парвати Патил выглядела ужасно, синева у нее под глазами переходила в желтоватый болезненный румянец на скулах, она была закутана в несколько свитеров и две мантии: одну свою и вторую с гербом Рэйвенкло. Поддерживающие девушку Падма и Кларенс Дэйвис осторожно провели ее по проходу между столами и усадили возле одноклассников-гриффиндорцев, где Лаванда тут же взяла подругу под свое крыло.

— Как ты себя чувствуешь, Парвати, дорогая?

— Нормально, — пробормотала Парвати, сжимая виски. — Уже почти нормально. Голова только болит. И глаза боюсь закрыть: все время мерещится...

— Парвати, а что такого ты видела, если тебе стало так плохо? — Гарри внимательно посмотрел в черные глаза всегда веселой, легкомысленной девушки, чувствуя, что в ней что-то неумовимо изменилось.

— Гарри, оставь ее в покое! — отрезала Лаванда. Она сняла с подруги плащ и отдала его Кларенсу, все еще воздвигавшемуся над Парвати. Она рука рэйвенклольца крепко лежала на плече Парвати, словно ни за что не хотела его отпускать. — Кларенс, Падма, идите к своим. Потом, после ужина увидимся... Гарри, не спрашивай ее ни о чем! Дай отдохнуть человеку!

— Да нет, Лав, отчего же! Почему я должна скрывать *свой дар*, — щеки Парвати еще больше загорелись, а глаза сверкнули чем-то, напоминающим ядовитую гордость. — Я *видела*. По-настоящему *видела!* Я не знаю, что это было, но я видела *это!* Настоящее видение!

— Что именно? — заинтересовался Невилл, придвигаясь поближе и заставляя потесниться стайку второклассниц. Клара сидела со скептическим выражением величайшего сомнения на круглой мордашке, а Стелла и Гвинетт совершенно одинаково с ужасом и предвкушением великого события взирали на Парвати, как на дельфийскую пифию.

— Сначала все было очень туманно, — призналась Парвати, теребя край мантии. — Потом туман начал расползаться, и я увидела огромное поле, поросшее дикой травой. В центре стоял высокий человек в черной мантии, а над ним возвышалось ужасное чудовище! Великан, кошмарного роста! Он загрохотал, как гром, и бросился на этого волшебника. Тот колдун поднял палочку, но не успел произнести заклятие, тот великан, — руки Парвати снова мелко затряслись. — Он... просто разорвал его на куски... боже, кровь, кажется, брызнула мне прямо в лицо, а потом мне стало ужасно больно, и я потеряла сознание.

Все сочувственно молчали. Наконец, Гарри, кажется, стряхнул с себя оцепенение, овладевшее всеми гриффиндорцами.

— А как он выглядел?

— Он был просто огромен! Ужасающее лоснящееся лицо! Громадная голова и кошмарные кулаки!..

— Да нет, я о том человеке. Как выглядел тот колдун?

— Я не видела его лица, — призналась Парвати. — Только со спины. У него были длинные волосы, седые, наверное, или с проседью. Высокий. Худой. Длинные пальцы, помню, потому что мне прямо врезался в память тот жест, когда он поднял палочку, и я все время смотрела на его руки... Палочка черного цвета. Больше я ничего не помню...

— И ты не знаешь, что это было: будущее или прошлое? Как считаешь, это связано с тем, что сегодня произошло?

— Нет. Сама бы хотела узнать. Обычно я как-то подсознательно понимаю, *было* это или *будет*, но в этот раз — ничего подобного, даже ощущения не возникло... Простите, но мне больше не хочется больше об этом говорить, — Парвати отвернулась и уставилась в чашку с молоком, которую для нее налила Лаванда. Кларенс прошептал что-то ей на ухо и отошел. Рон еще несколько мгновений думал о видении Парвати, но потом мысли о его семье вновь заставили его хмуро засверлить преподавательский стол глазами.

— Кстати, а куда подевались все учителя? Я думал, может, Дамблдор может что-то рассказать о папе с Перси. Или профессор МакГонаголл, — Учительский стол действительно был совершенно пуст. Над ним беспокойно веяли призраки, тоже пребывающие в совершенно обескураженном состоянии. Гарри обратил внимание, что сегодня среди призраков в Большом зале есть и такие, которые обычно не жаловали своим появлением всеобщие сборища. В углу громкогласно, как старинный локомотив, завывала Миртл, развозя прозрачные слезы по прозрачным прыщам, а под потолком, пестрый, как рождественский носок, повис Пивз. Он был непривычно тих и не обращал ни малейшего внимания на Кровавого Барона, задумчиво проплывавшего мимо. Профессор Биннз и Толстый Монах негромко беседовали возле хуффлупфского стола со Сьюзен. Гарри встрепенулся и подскочил посмотреть, как она. Сью была блее мела, но в остальном держалась сдержанно, а, увидев Гарри, даже нашла в себе силы помахать ему рукой. Толстый Монах сочувственно закивал ей, затем провел пухлой призрачной ладонью по ее волосам и отплыл к преподавательскому столу, возле которого витала в воздухе Серая Леди и серьезно осматривала зал.

— Профессор МакГонаголл делает обход на квиддичном поле, там слизеринцев поставили. Думаю, она им не доверяет, — Симус с отвращением покосился на спокойно завтракающего Драко Малфоя. Белокурый юноша равнодушно скользнул глазами по столу Гриффиндора, и когда его взгляд упал на Гарри, Драко злобно ухмыльнулся. Панси Паркинсон положила руку ему на плечо и что-то прошептала, он кивнул ей в ответ. Крэбб и Гойл с одинаково тупыми рожами пережевывали свои порции. Словно бы ничего и не изменилось за их столом. Единственный, кто выглядел более-менее обеспокоено, был староста Слизерина, некрасивый бесцветный парень со свернутой от удара бладжером скулой. — Гляди, Гарри, по ним и не скажешь, что в волшебном мире случилась ужасная беда.

— Они же слизеринцы, Симус, приспособленцы. Они подождут, пока все не кончится, а потом перейдут на сторону победителя, — Гарри вытер рот салфеткой, и в это время из маленькой двери в глубине зала вышел Дамблдор. Он спокойно проследовал к своему обычному месту, за ним вышли остальные учителя: Гарри заметил профессора Спаржеллу, профессора Эвергрин, профессора Иррегус-Штрауса, профессора Синистру и профессора Джонса. Из-за стола показался кончик колпачка профессора Флитвика. Последним вошел Глориан, невозмутимый, как лед. В руке он нес обнаженный меч и, присев за стол возле Валери, положил его перед собой. Профессор по защите от сил зла была бледна и решительна. Дамблдор жестом пригласил всех преподавателей занять свои места, негромко откашлялся и начал:

— Мои дорогие ученики, — как только Дамблдор начал говорить, в Большом зале немедленно воцарилась тишина. — В нашем волшебном мире произошли некоторые события. Кого-то, возможно, известие о них испугает, а кого-то вполне может и обрадовать, — Гарри обернулся и в упор посмотрел на Драко Малфоя, на губах которого играла торжествующая усмешка. Дамблдор продолжал. — Я хочу сказать вам, что получил сегодня известия о том, что лорд Вольдеморт *вернулся к власти*.

Какая-то девочка громко отчаянно вскрикнула. Тишина прервалась этим громким истеричным звуком и опустилась снова. Все застыли. Гарри взглянул на Валери, ровно смотрящую прямо перед собой. Ее лицо выражало непонятную задумчивость, и Гарри снова показалось, что она

что-то просчитывает в уме: варианты возможного исхода схватки, быть может? Расставление сил?

— Сегодня пала колдовская тюрьма, Азкабан. Ее разрушили перешедшие на сторону Вольдеморт дементоры, — громко и отчетливо сказал Дамблдор. — Чуть позже стало известно, что Упивающиеся Смертью — никому не надо объяснять, кто они такие? — приступом взяли Министерство Магии. Министр погиб, многие работники нашего Министерства — тоже. Газеты принадлежат сторонникам Вольдеморта, недовольные и сопротивляющиеся его действиям уничтожаются так же, как и маглы и маглорожденные. Многие сотрудники Министерства, уцелевшие в сражении, ушли в подполье. Дети и родственники колдунов, работающих в Министерстве, подойдите потом к профессору МакГонаголл, у нее есть предварительные списки оставшихся в живых, возможно, вы сможете немного успокоиться относительно ваших родных. Кружаная сеть разрушена, по всей стране под страхом смерти запрещено аппарирование, совиная почта не работает, так как совы просто не знают, где искать своих адресатов. Произошла смена власти, ребята, произошел государственный переворот. Маглы еще ничего не знают об этом, но скоро они поймут, что что-то не так, когда их премьер-министр не сможет связаться с нашим Министерством. Нам еще до конца не известны все подробности, но, основываясь на тех известиях, которые мы получили, я могу сказать только одно: в настоящее время отправить вас из школы — значит, подвергнуть ужасному риску. Но и оставлять вас в школе тоже небезопасно, как считали многие ваши преподаватели. Однако, несмотря на то, что школе теперь угрожает не меньшая опасность, чем Азкабану или Министерству Магии, мы все же решили оставить вас в Хогвартсе. Здесь вы под нашей защитой, здесь за вас могут постоять ваши преподаватели и друзья. Здесь нас много, и мы можем выдвигать свои условия. Пока Хогвартс стоит на месте, мы в безопасности. И, уверяю вас, нет пока такой силы, которая могла бы поколебать Хогвартс! Но то, что он подвергнется нападению, у меня не вызывает сомнений. Мы не знаем, ни когда это случится, ни кто придет под стены Хогвартса проверить их прочность, но он встретит здесь достойный отпор.

— На нас нападут Упивающиеся Смертью? — в ужасе пролепетал Тоби. — Сам Вольдеморт придет сюда?!

Встала профессор Валери Эвергрин. В ее голосе было что-то успокаивающее, поэтому оцепеневшие от ужаса ребята от первых же его звуков расслабились и пришли в себя.

— Думаю, что теперь вам теперь не помешают дополнительные занятия по Защите от Сил зла, я права?

— Да, да, конечно, — откликнулись тонкие испуганные голоса и всех углов Большого зала.

— Что ж, тогда жду вас завтра. Вместо сдвоенного Зельеделия у вас теперь будет Защита от Сил зла. У каждого класса. Каждый день. До встречи.

Когда профессор МакГонаголл показала в дверях, то к ней понеслось такое огромное количество учеников, что они чуть не сбили ее с ног. Рон и Джинни, вместе с другими побежавшие узнать, что случилось с их родителями, вернулись нескоро. Гарри и Гермиона ждали их в комнате гриффиндорской старосты.

— Живы! — только и смог сказать Рон, когда они с сестрой вернулись назад.

— Думаю, они у дяди Джона, — объяснила Джинни. — Мама, и родители Гермионы тоже. А папа и Перси, кажется, в бегах.

— Их разыскивают, как особо опасных преступников, — прорычал Рон, изо всех сил стукнув кулаком. — Профессор МакГонаголл показала нам объявление в Дейли Пророке. Там целый список тех, кого ищут Упивающиеся Смертью. Папа и Перси в первом десятке. А на первом месте — Дикоглаз Моуди, Мундугнус Флетчер и мисс Эвергрин. Странно, но про Дамблдора там ничего не было сказано...

Гарри перевел глаза на вернувшегося с Роном и Джинни Симуса Финнигана. Он был черен, как грозная туча. У Симуса в Министерстве работала тетя, сестра его матери. Гарри понял все без слов.

Наутро он узнал, что и в других гостиных воцарился страх. Не только Сьюзен теперь сидела на занятиях с красными, заплаканными глазами, еще двое учеников из Хуффльпуффа потеряли своих родителей, а староста Рэйвенкло, Терри Бут, лишился старшего брата. Уроки по Защите от Сил зла стали для всех учеников отдушиной для их отчаяния и безумного стресса последних двух дней. Первые же сдвоенные занятия по Защите от Сил зла класс Гарри проводил вместе с другими классами Гриффиндора: четвертым и пятым. Многие ребята помладше испуганно шептались, предполагая, что же им предстоит такого страшного выучить, раз их решили учить по

ускоренной программе, да еще и таким скопом. Собственно, у Гарри имелись кое-какие соображения насчет темы сегодняшнего занятия, но он пока никому не сказал об этом. Как только прозвенел колокол, и профессор Эвергрин вооружилась палочкой и закатала рукава своего свитера, в класс постучали.

— Войдите! — вежливо пригласила мисс Эвергрин.

В дверь с трудом протиснулись профессора Джонс и Иррегус-Штраус. Они тащили большую обледеневшую клетку, а в ней...

В ней, скованный Парализующим заклятием, покачивался силуэт дементора.

Надо же, я оказался прав, подумал Гарри. Некоторые девочки завизжали, ребята, стоящие спереди попятнулись. Кряхтя, профессора опустили клетку на пол и отряхнули руки от льда.

— Помощь не требуется? — поинтересовался профессор Иррегус-Штраус, оглядывая съезжившиеся ряды пяти-, шести- и четвероклассников из Гриффиндора. Профессор Джонс невозмутимо поправлял на себе очередной джинсовый шедевр американских колдуний-кутюрье. В отличие от уставшего преподавателя Ухода за Магическими Существами, профессор Джонс выглядел как огурчик, хотя сам всю ночь стоял в дозоре с караулом слизеринцев и рейвенкловцев, а потом помогал другим преподавателям возводить радужные укрепления.

— Нет, Бенджамин, благодарю, все под контролем. Спасибо, Элджернон, — преподаватели кивнули и вышли, а профессор Эвергрин выпрямилась и громко объявила. — Этого дементора наши профессора поймали специально для того, чтобы вы могли потренироваться. Вас не должно пугать то, что эти существа кажутся такими страшными, — добавила она, бросая взгляд на Невилла, отчаянно сдерживающего себя, чтобы не грохнуться в обморок. — Помните: мозга у дементора нет, только рефлекс. Представьте, что это — обычный хищный зверь, и вам нужно уничтожить его, чтобы он не бросился на вас. А какое главное правило вам нужно помнить, стоя перед хищником?

Класс угрюмо молчал, с неохотой пытаясь представить себе эту ситуацию, а потом послышался шорох поднимаемой руки.

— Да, Гермiona?

— Не нужно бояться, — пробормотала девушка.

— Вот именно. Дементор тоже страшен своими хищными инстинктами, но бояться его — значит дать ему шанс одержать верх над вами.

— Как можно не бояться дементора? — не выдержала Джинни. — Он же — ужасный...

— А вам не стыдно бояться какого-то липкого промерзшего создания, у которого из всех ощущений есть лишь чувство голода? Он — примитивное существо, а вы — люди, маги и должны вести себя соответствующе. Страх унижает человека, если человек боится не собственных слабостей, конечно... Итак, записываем необходимое заклинание, — класс зашуршал перьями, старательно конспектируя под диктовку профессора Эвергрин и заклятие Заступника и условия его произнесения. Затем все замолкли, сосредотачиваясь на своих счастливых мыслях. Видно было, что у многих в свете недавних событий это получается с трудом. Гарри оглянулся и посмотрел на то, как Колин Криви, закрыв глаза и крепко сжав в руке палочку, что-то сурово шепчет себе под нос. Рядом сидела Гермiona. Она улыбалась. Гарри не успел спросить о том, что за счастливая мысль пришла ей в голову, как профессор Эвергрин уже предложила:

— Гарри, может быть, ты нам покажешь, как справиться с дементором?

Гарри обреченно кивнул. Он, конечно, тренировался летом, но в качестве бойцовской груши у него имелся только Риок, каждый раз улепетывающий на край болота от рогатой тучки-Заступника, а теперь ему предстояло иметь дело с *настоящим* чудовищем. Он вышел вперед, приготовил палочку и стал приводить в порядок свои счастливые мысли. Вот он, Гарри Поттер, летит на гоночной метле, зажав в руке крохотный золотистый снитч. Вот он стоит над трупом василиска с мечом Гриффиндора. Вот он уезжает от Дурслеев навсегда. Вот он — в своем доме, *настоящем* доме в Хитмарше, в своей комнате. Он — на лошади! Он сидит рядом со Сьюзен, их руки сплетены на тонком ореховом черешке. Он сидит за столом, а рядом с ним — его семья... Гарри успел представить Валери в домашнем фартуке, ставящую перед ним тарелку с дымящимся обедом (фоном к этой картинке ему виделся Глориан, а где-то позади него угадывались уши Винки), как в это время услышал скрип отворяемой дверцы. Сзади раздались визги девочек: дементор зашевелился и под шепот мисс Эвергрин — *Фините Инкантием!* — вытек наружу. Класс моментально попятился с передних парт: Симус Финниган осторожно оттеснил назад Лаванду, Рон выставил палочку перед собой, а Гермiona нахмурилась и резким движением выхватила свою. Дементор надвигался на Гарри, тихонько поводя капюшоном, из-под

которого послышались тихие шипящие звуки — страшное существо впитывало чувства людей, находящихся в классе. В воздухе ощутимо похолодало. Мисс Эвергрин отступила назад, и гаррина рука с волшебной палочкой в руке уткнулась прямо в дементора.

— *Эспекто Патронум!* — решил Гарри.

Дементор с ужасе присел: из палочки вырвалось огромное светящееся облако и понеслось прямо на него. На лету у облака сформировались длинные ноги, крепкое сильное тело и высокие ветвистые рога. Сияющий олень вскинулся на дыбы и ударил дементора передними копытами. Холодный воздух, поплывший по классу, инеем обрушился на пол. Дементор выдавил из себя что-то, вроде, тихого жалобного писка, Гарри изумился, он еще никогда не слышал, чтобы дементоры издавали какие-то звуки. За ним послышался хохот, а затем гром аплодисментов: гриффиндорцы были восхищены результатами.

— Ну, каково? — поинтересовалась Валери, запихивая ослабевшего дементора в клетку. Гарри олень изрядно потоптал его и утек обратно в палочку. — Всем хочется попробовать?

— Да, да! Конечно! — раздались вокруг страстные возгласы. Некоторые ребята даже подсакивали на своих местах,

— Замечательно. Только пусть наш подопытный дементор немного очухается, а мы пока кое-что запишем об их повадках и особенностях, — профессор Эвергрин милостиво кивнула Гарри. — Спасибо за блестящую демонстрацию, дорогой.

Спустя полчаса гриффиндорцы так загоняли дементора, что тот уже истошно пищал, вызывая тем самым взрывы хохота. Гарри с интересом разглядывал Заступников своих одноклассников. У многих получались еще совсем нестойкие тени, к его удивлению, из гермиониной палочки пока выходило только маленькое пушистое облачко, сверкающее звездами. Рон, тщательно сопя, выдавливал из своей палочки нечто длинное и темное, Дин Томас гордо маневрировал палочкой, заставляя дементора спасаться бегством, подобрав мантию, от его агрессивно ошестинившегося ежика. Ежик, размером с хорошую буренку, оказался Заступником Дина. Из палочки Лаванды Браун с шумом вынеслась колода карт, с громким шелестом облетела вокруг дементора и втянулась назад. Дементор угрожающе поднял свои костлявые конечности, но натолкнулся на Колина Криви, сурово сдвинувшего брови мышинового цвета. Его палочка выдавила на свет огромную метлу, и она, растопырив прутья, обрушилась на дементора. Несчастное создание сложили обратно в клетку в полумертвом состоянии. Все гриффиндорцы пребывали в восхищении, только Гермиона была недовольна.

— Почему у меня не вышло? — обиженно выпятила губу гриффиндорская отличница. — Профессору, разве нельзя сразу?

— Счастливая мысль, Гермиона, счастливая мысль, в ней все дело. Возможно, ты выбрала не ту мысль, не самую счастливую. А может быть, ты приняла за нее свою мечту, — ухмыльнулась Валери. Гермиона насупилась и ничего не сказала в ответ. — Нужно получше тренироваться. Это сейчас просто необходимо.

Рон был возбужден до невозможности, но какая-то мысль, определенно, не давала ему покоя.

— Профессор Эвергрин, если создать Заступника не так сложно, почему авроры не смогли одолеть дементоров в сражении при Азкабане? — серьезно спросил он, впиваясь глазами в Валери. Класс затих. Мисс Эвергрин, не поднимая глаз, что-то чертила палочкой на своем столе. — Вы же смогли одолеть тридцать дементоров в поезде.

— Вас сейчас было много, — сказала она, не поднимая глаз. — А дементор — всего один. Он просто физически не мог бы высосать силу из всех вас, можно сказать, подавился бы. Но когда их несколько десятков... — она замолчала и взглянула на Рона. — Рональд, может, расскажешь своим друзьям, каково это — когда тебе наступают на пятки штук тридцать дементоров? Ведь вы же знаете это, сами столкнулись как-то с этой проблемой.

Рональд Уизли помрачнел. Одолеть такую кучу дементоров в одиночку ему тут же представилось менее героическим занятием, чем казалось раньше.

— Вот видишь. Когда ты чувствуешь в себе силы и знаешь, что есть кто-то, кто может тебе помочь, то не боишься даже самого страшного из всего того, что может с тобой случиться.

— Профессор, — внезапно перебил Валери Невилл. — Скажите, вы считаете, то есть, я хотел сказать, *директор* считает, что дементоры могут напасть на Хогвартс так же, как они напали на Азкабан? Поэтому вы учите нас справляться с ними сейчас?

— Невилл, — начала Валери. Она смотрела в сторону, и ей явно не хотелось продолжать этот разговор.

— Нет, правда, профессор Эвергрин? Я листал учебник по защите от сил зла для седьмого класса. Дементоров мы должны были проходить только в следующем году! Они идут сюда? — тихим голосом закончил Лонгботтом. — Правда? Они идут на Хогвартс?

— Откуда вы взяли этого дементора? — спросила Гермиона, показывая палочкой на свернувшееся в клетке и дрожащее от ужаса существо. — Профессор Иррегус-Штраус и профессор Джонс поймали его где-то рядом, верно? Рядом со школой?

Валери Эвергрин приперли к стенке. Гриффиндорцы ждали ответа. И они получили его.

— Правда, — подняла глаза профессор. В классе было ужасающе тихо, Гарри услышал только, как Невилл уронил свою палочку, и этот звук показался ему жутким грохотом. — Ваши профессора обходили территорию Хогвартса и заметили дементора на крае Запретного леса. Они там не водятся, и наши преподаватели решили, что этот дементор был послан в разведку, что-то, вроде этого. Но если он появился здесь, значит, за ним придут и другие. Директор уже упоминал о том, что, возможно, наша школа в ближайшее время подвергнется нападению извне, и, вероятнее всего, первым делом нам предстоит столкнуться с дементорами. Думаю, они уже идут сюда, и скоро вашим преподавателям потребуется все их мастерство, а вам — мобилизация всех ваших способностей, потому что эвакуировать такое количество учеников в такие короткие сроки вряд ли удастся.

— Но Дамблдор! То есть, я хочу сказать, директор же сможет придумать что-нибудь, чтобы уничтожить их? — дрожащим голосом спросила какая-то четвероклассница. — Он же самый сильный добрый волшебник в современном мире!

Валери Эвергрин не ответила. А Гарри подумал, что это и в самом деле странно. Если в те дни, когда Вольдеморт был так силен, он не напал на Хогвартс, опасаясь Дамблдора, то почему сейчас он так к этому стремится? Что теперь есть в Хогвартсе такого, ради чего он готов пожертвовать даже жизнью, даже только что захваченной долгожданной властью? Не боясь Дамблдора, не боясь ничего? Хотя... сейчас у него есть дементоры, много дементоров. Тысячи, быть может. Армия Тьмы. Армия Вольдеморта.

— Профессор, — решительно задрала руку Гермиона.

— Да, Гермиона?

— Можно я приду к вам вечером позаниматься дополнительно?

— Конечно. Поднакопите счастливых мыслей и приходите все вместе. Думаю, директор позволит нам для тренировки воспользоваться Большим залом.

Под вечер весь Гриффиндор с шумом ввалился в Большой Зал: по расписанию, висящему с обеда на доске объявлений вместе с расписанием дежурств по школе, дополнительные занятия у Гриффиндора проводились в шесть вечера. После них шел заниматься Хуффлпупф, а потом — Слизерин и Рэйвенкло. Профессор Эвергрин оказалась загружена занятиями до самой ночи.

— Экспекто Патронум! — раздавались крики в Большом зале почти до полуночи. Ряды школьников усиленно сосредотачивались в поисках счастливых воспоминаний, затем со свистом вращали палочкой и направляли ее на подопытного дементора. Экспериментальный образец, выловленный профессорами Иррегус-Штраусом и Джонсом возле Запретного леса, умаялся настолько, что на следующий день оказался совершенно непригоден к использованию. Ученики кровожадно намеревались окончательно доконать его, но профессор по Уходу за Магическими Существом возмущенно воспротивился этому и унес страдальца-дементора в свой кабинет — залечивать раны, моральные и физические. Пока профессор Иррегус-Штраус трудился над его выздоровлением (дабы учащиеся могли вновь резво гонять его по углам Большого зала), остальные преподаватели позаботились о том, чтобы подопытный экземпляр приобрел компанию. На следующее утро профессор Джонс, профессор Эвергрин и профессор МакГонаголл отправились на то место, где крутился предыдущий дементор, и Гарри нисколько не удивился тому, что они вернулись с богатой добычей: каждый колледж получил по персональному дементору с наказом заботиться о его состоянии и не доводить бедное магическое существо до истерики.

— Честное слово, — задумчиво сказал как-то Иррегус-Штраус, глядя на то, как Клара Ярнли, высунув язык от повышенного старания, натравливает своего Заступника (здоровенного, чуть расплывчатого грифона) на попискивающего от страха и прячущегося под столом дементора. — Если бы я все еще работал в Министерстве, я бы привлек кое-кого из наших учеников к ответственности за жестокое обращение с магическими существами! — в этот момент Гордон Макьюэн, наконец, более-менее сформировал из темной лохматой массы своего заступника — покрытого рыжеватой шерстью квинтолапа.

Квинтолап погнался за дементором, и тот, подобрав полу своей рясы, бросился бежать прочь и наткнулся на торжествующего Рона Уизли. Профессору Иррегус-Штраусу пришлось немного урезонить Рона и остановиться, дабы побеседовать с Гордоном о правдоподобности истории возникновения квинтолапов. Выслушав версию Гордона, профессор Иррегус-Штраус задумался и спустя пару минут выдал свою. Второклассник с интересом внимал профессору: нового преподавателя в школе как-то сразу полюбили. Возможно потому, что после трагической гибели Хагрида, он не отказался ни от кошмарного кусачего учебника в качестве основного пособия, ни от заботы о тех зверюках, которых Хагрид оставил в своем доме: десятка кикимор, полуприрученного крюкорога и младшего прапраправнука Арагога. Последнего профессор Иррегус-Штраус обнаружил, когда приводил в порядок здоровенный одежный шкаф Хагрида. Малютка-акромантул, трех недель от роду, но уже размером с приличного терьера, и такой же лохматый, обнаружился в недрах огромной кротовой шубы покойного великана. Паучок свил себе там гнездышко и намеревался и дальше в нем обитать, но Бенджамин Иррегус-Штраус решительно воспротивился этому. Видимо, Хагрид нашел паука в лесу с поврежденной ногой, о чем новому профессору по Уходу За Магическими Существом сказала повязка на большой лохматой лапе акромантула. Бенджамин смазал лапу паука какой-то мазью и в тот же вечер отнес его в Запретный лес. Что там происходило, не знал никто, но на следующий день новый преподаватель уже был на занятии у гриффиндорцев и рассказывал им о крюкорогах, для наглядности демонстрируя хагридов экземпляр. Профессор пришелся всем по душе, кроме слизеринцев, конечно. Они презрительно говорили, что, вот, появился второй такой же ненормальный. Но гриффиндорцы уважали его за смелость, хуффльпффцы — за доброту, а ученики из Рэйвенкло — за то, что новый профессор мог рассказывать всегда и обо всем с точностью энциклопедии, поэтому положительное мнение сильно перевешивало отрицательное. Особенно поразило Гарри отношение Иррегус-Штрауса к дементорам. На фоне всеобщего страха и ненависти, испытываемых к ужасным созданиям, он относился к серым тварям, как к любимым другим волшебным существам, вроде лазилей или крюкорогов.

— Так мы тебя ждем внизу, Гермiona? — уточнил Гарри, когда после занятий они оказались на площадке второго этажа. — Сколько тебе нужно времени, чтобы переодеться?

— Минут пятнадцать. Успею до того, как профессор МакГонаголл спустится проверять посты, — этот вечер им предстояло выстоять на дежурстве возле главного входа в замок, и Гермiona отправлялась наверх, чтобы переодеться к ночи и захватить теплые свитера для Рона и Гарри.

В ожидании возвращения Гермiony ребята стояли у заледеневшего окна внизу и дышали на стекло, чтобы можно было заглянуть в сумрак двора. Преподаватели решили повесить снаружи что-то, вроде, фонарей: клочки светящейся шерсти пикси опустили в большие стеклянные шары со спиртом или, может, каким-то другим составом, и разместили их на деревьях. Шары мягко сияли, распространяя серебристый свет на расстояние до десяти ярдов и освещая всегда темный школьный двор. На границе света и тьмы извивались причудливые тени. Гарри смотрел на то, как Рон тяжело и нервно дышит, уставясь на черные стрелы ветвей на фоне шаров, сияющих матовым светом. Рон думал об отце и матери, о Перси и Джинни, о Билле, Чарли и их таинственных делах во благо всего магического мира, о Джордже и о его мечте. Что будет с ними со всеми? Это не знал и Гарри Поттер, Мальчик-Который-Выжил. Надолго ли — выжил?

Внизу во дворе мелькнула какая-то тень. Гарри вскинул голову. Что это было?

— Что это было, Гарри? — прошептал и Рон. Они одновременно вытащили свои волшебные палочки. Рон встал за одной половиной двери, Гарри — за другой. — С твоей стороны не видно, кто это?

Гарри замотал головой.

— Погоди, — пробормотал он Рону. — Сейчас я попробую узнать.

Сосредоточение пришло само собой. Воздух вокруг Гарри сгустился и загудел, как волшебное пламя. На подоконник тихо капал дождь, а в голове у Гарри звенели чужие мысли. Пришла и отпустила боль. Их было трое, тех, что пришли в Хогвартс. Они устали, измучились и отчаянно хотели добрести до входа, но силы оставляли их. В мозг Гарри ударило отчаянное знание, он бросился к двери, запертой на ночь, но тут его оттолкнули и отшвырнули в сторону. Рон с усилием наваливался на тяжелую дверь, и, оперевшись спиной и руками в косяк, Гермiona уже помогала ему. Свитера, забытые, валялись, брошенные на полу.

— Я увидела их сверху! — закричала девушка. — Я узнала их. Это точно они!

Пока по лестнице, ведущей к кабинету профессора МакГонаголл, раздавались торопливые шаги, ребята, наконец, распахнули тяжелую дверь и понеслись к границе лужайки, туда, где под ветром и рассеянным светом фонарей раскачивались темные тени, где две другие тени пытались поднять третью, которая безжизненно повисала у них на руках. Сияющая в свете ламп радужная оболочка вокруг школы не давала им пройти внутрь. Краем глаза Гарри успел уловить движение со стороны хижины лесника: мисс Эвергрин и Глориан.

— *Оппидемптум!* — произнес сзади голос профессора МакГонаголл. Спустя секунду они втаскивали пришельцев в образовавшееся отверстие. Длинные рыжие волосы Билла Уизли, всегда стянутые в аккуратный хвостик, сейчас грязными патлами в беспорядке болтались по плечам. Серебристые локоны Флер Делакур свисали мокрыми белесыми сосульками, рваный рукав вился на ветру. — Вы замерзли, моя дорогая? *Фоверус!*

Флер Делакур? Гарри с изумлением уставился на девушку, которая вместе с ним участвовала в Трехмудром Турнире. Как давно это было... Флер вытянулась, казалось, еще больше, сильно исхудала, ее когда-то холеные руки истончились, а под ногтями была грязь. Сейчас она ничем не напоминала ту надменную, гордую вейлу, перед которой стелились все мужчины, оказывающиеся в поле ее зрения.

— Флер? Ты — здесь? Но как?

Она попыталась кутаться в большую рваную куртку с чужого плеча. Наверное, Билла.

— Здр'авствуй, 'арри... — Флер измученно оперлась на заботливо предложенную ей руку Рона, но силы оставили ее, и девушка без сил начала клониться на землю.

— О Мерлин! Северус?.. — Профессор Эвергрин попыталась поднять тело человека в черной изодранной мантии. Человек был высок и тяжел, поэтому Глориан нагнулся, чтобы помочь ей. Втроем с Гарри они едва смогли перевернуть его на спину, и тогда Валери вскрикнула от ужаса: это, несомненно, был профессор Снейп, но его едва можно было узнать под коркой ссохшейся крови и грязи на лице. Глориан издал возглас отвращения.

— Опять он!

— Господи, ему опять досталось по полной программе. Но он снова жив — *везунчик*, — мисс Эвергрин и Гарри уже перекидывали безжизненно болтающиеся руки профессора себе на плечи. Рон поднимал с колен Флер Делакур, промерзшую насквозь. Ее зубы выбивали дробь. — Ребята, быстро к мисс Инь! Где вы нашли его, Билл?

— На самой границе школьных владений, когда шли через лес... Профессор! — тем временем Билл уже тормозил Минерву МакГонаголл. — Мы видели их, профессор! Они идут сюда! Их тысячи! Мы специально шли, чтобы вас предупредить!

— *Они?* — задрожал голос Гермионы.

— Дементоры...

Глава 16. Второе желание.

Когда они привели в лазарет Флер, Билла и почти на руках занесли Снейпа, там собрался уже целый «военный педсовет». Дамблдор, задумчиво сжимая и разжимая кулаки, медленно ходил по комнате, то и дело задевая краем длинной бороды за спинки кроватей. Профессор Спаржелла и профессор Джонс сидели на койках и что-то писали, неудобно расположив на коленях куски пергамента. Периодически они взмахивали палочкой, дублицировали очередное послание и сворачивали письма в трубочку: на тумбочке громоздилась уже целая горка писем. Периодически в окно влетали встрепанные сонные совы, профессор Джонс привязывал к их лапкам письма, и птицы, встряхнувшись, улетали прочь в окно. Повидимому, все было настолько серьезно, что руководство школы решило нарушить установленный им же запрет на совиную переписку. Гарри понял, что иных средств связи больше не осталось и пришлось пожертвовать частью безопасности Хогвартса, чтобы потом иметь возможность получить поддержку, откуда бы она ни пришла: от членов ли Ордена Феникса, или от кого бы то ни было еще. Профессор МакГонаголл тут же затащила в угол директора Дамблдора и принялась что-то настойчиво шептать ему в ухо, пока Инь и Валери занимались профессором Зельдедея. Гарри, *не раз* видевший, что с человеком может сделать Пыточное проклятие, смог распознать его последствия. Профессора отмыли, очистили его лицо от грязи и сгустков крови, потом Инь что-то тихо спросила у Валери, кивнула ей и отошла. Профессор Эвергрин раскупорила большую бутылку с зельем, налила немного в стакан и впихнула стакан в руки профессора Снейпа с выражением чрезвычайного отвращения на лице, что совершенно не вязалось с представлениями Гарри о ее настоящих чувствах. Снейп принял стакан и злобно оглядел толпу преподавателей Хогвартса, как будто все они были здесь чрезвычайно лишними.

— Северус, — Дамблдор незаметно появился справа от койки профессора. Видимо, ухо директора, наконец, освободилось от настойчивого шепота МакГонаголл. — Наверное, у вас есть, что нам рассказать?

Гарри почему-то показалось, что Валери передернуло от этих слов. Снейп отставил стакан с невыносимо вонючим содержимым и кратко ответил:

— Я говорил с *ним*.

— Вот как? — Дамблдор склонил голову. Выражение его лица тут же сделалось железно-непроницаемым. — И чего же нам следует ждать?

— Он велел передать вам заверения в своем глубочайшем почтении, — желчно дернулись губы профессора Снейпа. — И пожелание как можно скорее увидеть в своем обществе вас и мистера Поттера. Он дает вам на раздумья три дня.

Все взгляды обернулись к Гарри. Гермiona прижала ладони к губам с выражением невыразимого ужаса.

— Или — что? — Дамблдор все еще продолжал хладнокровно пытаться профессора Зельдедея.

— Или он сравнивает Хогвартс с землей в канун Хэллоуина, меня позовет, чтобы на это полюбоваться, а потом наложит Пыточное проклятие и уйдет по своим делам, — просто сказал профессор Снейп. Его вывихнутая рука неловко лежала на простыне. — Дементоры уже получили такой приказ, но им пока велено подождать три дня. Если за это время вы не примете решения, то может произойти все, что угодно. Вольдеморту прекрасно известна особенность дементоров: долго находиться рядом с ними никто не может. Для любого колдуна это чревато безвозвратной потерей его колдовской силы. Поэтому он может даже не задействовать Упивающихся Смертью, троллей, гоблинов и прочих своих сторонников, достаточно нас выдержать некоторое время и можно брать тепленькими...

— Выведать? — пробормотала профессор Эвергрин.

— Да. Милыми, традиционными методами. По-семейному, так сказать, — Снейп отвернулся к стене, и Гарри содрогнулся от ужаса, представив себе эти *методы*.

— Что ж, в таком случае, я был прав, не посвятив вас в тонкости снятия Защитного заклятия, Северус. Профессор Эвергрин, могу я вас попросить проводить Северуса в его апартаменты и присмотреть за ним? — мягко осведомился Дамблдор. — Я хотел бы позвать всех вас, уважаемые коллеги, в мой кабинет, чтобы обсудить создавшееся положение. Через полчаса, вас устроит?

Профессор МакГонаголл энергично закивала.

— Обсудить создавшееся положение? — холодно поинтересовалась Валери. Она вытерла руки, скомкала грязное полотенце и выбросила его в мусорную корзину. — Боюсь, что я тоже обязана буду присутствовать при этом. Директор, моя обязанность — защита детей, а не вечное утешение профессора Снейпа. Я не Армия Спасения и не скорая помощь, — раздраженно отрезала она напоследок и вылетела из больницы.

Повисла неловкая пауза. Гермиона потихоньку сделала Гарри страшные глаза. Что такое «Армия Спасения», наверное, не знало большинство колдунов, собравшихся в этой комнате.

— Что ж, в таком случае, я сам, — нисколько не смутившись поведением профессора по Защите от Сил зла, заметил директор. — Думаю, Фокс будет рад помочь Северусу, если наша дорогая Валери ему отказала в помощи, — Дамблдор помог встать профессору Снейпу и вывел его из комнаты.

Вся эта сцена произвела гнетущее впечатление не только на Гарри. Глориан, мрачный и почему-то, как показалось Гарри, чем-то обиженный, разговаривал с профессорами Флитвиком и Вектор. Преподавательница Арифмантики стояла, склонившись над большой картой Хогвартса и окрестных земель, и задумчиво водила над ней пером. На Гарри, Рона и Гермиону никто, казалось, не обратил сперва особого внимания. Впрочем, работа вскоре нашлась для всех.

— Мистер Уизли, не поможете ли мне с этой совой? — профессор Спаржелла сражалась с особо упрямым экземпляром, громко и сипло скрипевшим. Сова упиралась, не желая терпеть у себя на лапе громадный свиток. Рон, привыкший одинаково умело обращаться и с упрямым Свинринстелем, и с флегматичным древним Эрролом, поспешил ей на подмогу.

— Мисс Грэйнджер, не поможете ли мне? — тут же спросила профессор Вектор, подвигая кару Хогвартса поближе к покрасневшей от оказанной ей чести Гермионе. — Хотелось бы знать ваше мнение... — Гермиона, обожавшая, когда ее оценивали по достоинству, тут же поспешила к любимой преподавательнице.

Инь Гуй-Хань в это время кормила Флер и Билла шоколадом.

— О Мерлин, мне скоро станет дурно от одного вида шоколада, — вздыхал Билл, заставляя себя запихивать в рот очередную порцию под нажимом Инь и Флер, которая с чисто французской экспрессией всовывала в него одну шоколадушку за другой. — Проклятые дементоры! Честное слово, предпочел бы еще раз двадцать пообщаться с милыми троллями! Они такие *приятные*, такие *честные* и *открытые*, что когда после нашей зажигательной речи, обращенной к ним, самый здоровый замахнулся на нас дубинкой размером с меня самого, я испытал к ним самые теплые чувства оттого, что они не пытаются высосать из тебя душу, как дементоры... Драться с существом, от которого знаешь, чего ждать, одно удовольствие!

— Гийом, как ты можешь так 'оворить! — воскликнула Флер. — Это чудовище чуть тебя не п'икончило! — она повесилась на шею к старшему из братьев Уизли и торжественно захлюпала носом. Гарри вытаращил глаза: прекрасная гордячка Флер Делакур с какой-то подобострастной восторженностью тискала в объятиях человека, который чуть ли не единственный, как показалось Гарри, не обращал внимания на ослепительную красоту девушки-вейлы. Впрочем, ее облик несколько померк от длительного пребывания на холоде и в грязи Запретного леса: на нежной коже лица виднелись кровоподтеки и ссадины, а старые разношенные кроссовки были абсолютно изодраны в клочья. Билл ухитрился вытащить одну руку из объятий Флер и потрепал ее по спине.

— Ничего, девочка, хорошая драка никогда не бывает лишней!

Профессор Джонс с интересом взглянул на этих двоих. На его лице отражались всевозможные оттенки ехидства пополам с остатками усталости.

— О, это гриффиндорское воспитание! — негромко заметил он, наблюдая за тем, как очередная сова вылетает в окно. — Храбрость, если она лишена здравого смысла, никому не нужна, и может стать самоубийством.

Флер уперла руки в бока и ринулась в атаку на слизеринца. Ее мокрые прядки волос, свисающих на глаза, придавали ей чрезвычайно комичный вид, но огромные голубые глаза сверкали так яростно, что профессор Джонс не осмелился над ней посмеяться.

— Конечно! Тот, кто сидит в четырех стенах, вместо того, чтобы самому бежать и п'иводить в порядок свои дела, достоин большего уважения, чем тот, кто своим т'удом добивается...

Ярость в ее голосе была настолько неприкрытой, что вскоре Элджернон Джонс сдался на милость победителя. Несмотря на драматичность ситуации, в которой все они оказались, преподаватели не смогли сдержаться и рассмеялись. Профессор Флитвик тоненько хихикал, потряхивая бородой, и понимающе улыбался в длинные седые усы. Гарри приобнял Флер за плечи.

— Успокойся, Флер, тут все свои, не нужно обижаться на профессора Джонса. Пойдем, я провожу тебя в нашу гостиную, умоешься, переоденешься...

— Погоди, Гарри, подойди-ка сюда, — обратился к парню профессор Джонс. — Думаю, что младший мистер Уизли лучше поможет мадемуазель Делакур найти дорогу в гриффиндорскую башню. А у меня есть для вас другое занятие.

Гермиона яростно посмотрела на Рона поверх карты Хогвартса. Ее взгляд не обещал ему ничего хорошего, если он дерзнет совершить какую-нибудь глупость. Рон из-за спины профессора Спаржеллы скорчил Гермионе рожу.

— Конечно, профессор! — Гарри позволил Рону увести от него Флер. — Что от меня требуется?

— Думаю, на вас можно положиться в отношении проверки наших ученических постов. Будьте так добры, обойдите школу и посмотрите, все ли дежурные на своих местах, а потом смените мистера Финнигана, мистера Бэддока и мисс МакДугал на их посту на вершине Северной башни. Ваши друзья потом к вам присоединятся.

Гарри пошел к двери.

— И не подумайте, Поттер, что если Вольдеморт возжелал с вами встретиться, то мы вас так просто ему отдадим, — сухо обронила профессор МакГонаголл. — Директор Дамблдор не допустит этого.

— Я знаю, профессор, — Но стоит ли моя жизнь и жизнь Дамблдора судьбы Хогвартса и жизней всех остальных — учеников и учителей, подумал Гарри.

На пороге больницы Гарри заметил Малфоя. Белокурый слизеринец стоял, опершись на подоконник, и смотрел на Гарри с каким-то непонятным торжеством.

— Что, Поттер, совсем дела ни к черту?

— Отвали, Малfoy... И вообще, что ты здесь делаешь?

— Дежурю, придурок, — широко ухмыльнулся Драко. — По приказу твоего декана, Поттер, мой пост находится именно здесь. Ты помнишь, что я тебе говорил когда-то? Что скоро наступят времена, когда все неудачники будут уничтожены? Так вот, Мальчик-Со-Шрамом, твоя песенка спета, ты понял? Эти времена уже наступили!

Чтобы ненароком не сорваться, Гарри в несколько шагов преодолел коридор и оставил позади себя язвительный смешок Драко Малфоя.

— Совы все еще летят, — сказала Гермиона. Она перегнулась через подоконник и пристально всмотрелась покрасневшими глазами в розовые пятна рассвета, растекающиеся по небу, и целую стаю крошечных черточек, перечеркивающих рассвет ровными торопливыми взмахами крыльев. Дождь кончился, ветер почти прекратился, и, если обстоятельства были бы другими, Гарри с удовольствием отправился сейчас на прогулку вокруг озера. Но вместо этого они с Гермионой и Роном сидели на дежурстве. Профессор МакГонаголл вызвала сонных Филча и профессора Иррегус-Штрауса на пост у центрального входа, а ребята вслед за Гарри отправились на дежурство под самую крышу, на чердак Северной башни. — Они послали всех, кого могли

— Эррола или Гермеса не видишь? — взволнованный Рон тоже вытянулся из окна, чтобы прищуренными глазами рассмотреть тучи сов, закрывающие небо.

— Откуда? — возразила Гермиона. — Совы летят только из Хогвартса, а не в замок. Да и глаза болят сильно, устали, наверное. Гарри, который час?

— Полседьмого. Скоро Падма, Терри и Эрни придут нас сменить, — Гарри потянулся. Он слишком долго сидел, скрючив ноги на длинном узком подоконнике, и осматривал окрестности замка — не покажется ли авангард отряда дементоров. Но на горизонте ничего не было видно. Запретный лес тихо плавился в утреннем осеннем тумане, из которого выглядывали желтые, оранжевые и светло-коричневые верхушки старых деревьев, а над ним все плыли и плыли бесконечные стаи сов. Совы, отправляемые профессорами Спаржеллой и Джонсом всем членам Ордена Феникса, неслись в сторону, противоположную Хогвартсу, а над лесом постоянно появлялись всплески все новых и новых стай птиц, которые, не желая больше оставаться возле замка, улетали прочь длинными узкими цепочками. Ничто живое, подумал Гарри, не хочет встречаться с дементорами.

Не замеченный никем из ребят, в стаю улетающих прочь от замка сов вклинился большой совиный филин. Чья-то рука открыла ему маленькое полуподвальное окошко и выбросила в воздух.

Они направились умыться и привести себя в порядок, еще не зная, будут ли проводиться занятия. Рон к тому же безуспешно ждал сову от матери или от скрывающихся от преследования

отца и Перси. Вчера ночью Билл сказал ему, что видел маму и Джорджа. Чарли был вновь в Румынии, поэтому ему пока ничего не грозило. Уизли и Грэйнджеры укрылись в Лондоне. Неприметный домик на грязной окраине южного Лондона снял для них Джон Трайткрисп, посчитав, что в таком месте будет безопаснее для всех после того, как хохмазин на Диагон-аллее разгромили Упивающиеся Смертью в поисках мистера Уизли и Перси. Флер Делакур, как оказалось, по просьбе мадам Максим отправилась вместе с Биллом с миссией к троллям. Мадам Максим рекомендовала ее Дамблдору, как человека, лучше многих других знающего язык троллей. Волшебники решили проверить, на чьей стороне те окажутся, если произойдет непоправимое. Эскапада Билла и Флер наглядно показала, на чьей. Теперь Флер Делакур высыпалась в спальне Гермионы, куда ее поместили вчера вечером. Гермиона немало ворчала по этому поводу, но ей самой все равно ночью нужно было идти дежурить, поэтому ей пришлось быть с Флер любезной и уступить выпускнице Бобатона свою кровать. Вернувшись утром, педантичная Гермиона с неудовольствием обнаружила, что вещи Флер разбросаны по креслам и диванам, а на полу в лужице какао валяются две разбитые чашки. Но это еще было не самое страшное. Потряса девицу за плечо (было уже без четверти девять!) и не добившись никакой ответной реакции, Гермиона раздраженно содрала с Флер одеяло и застыла, обнаружив, что в ее постели мадемуазель Делакур изволила почивать не одна.

Старосту Гриффиндора с воплем вынесло в гостиную, а за ней выскочил Билл Уизли, старательно придерживая на бедрах простыню. Длинные волосы Билла сваялись в рыжий нечесаный клок.

— Гермиона! Извини, я не хотел тебя напугать!

— Билл? — выпалил Рон, потрясенно взирая на старшего брата. — Какого черта ты тут делаешь?!

— Я тоже учился в Гриффиндоре, ты не забыл, мой милый младший братишка? — Билл встряхнул шевелюрой, и его любимая серьга с подозрительным клыком качнулась в ухе. — И был старостой школы. И спал в этой самой комнате.

— Но ты уже много лет здесь не учишься, — прошипел Рон, не замечая, как Гарри рядом покатывается от хохота. — Ты мог переночевать в *моей* комнате!

— Флер не хотела, чтобы нас беспокоили, — невинно отвечивал его старший брат. Не найдя, что возразить на это замечание, Гермиона и Рон надулись: каждый — по своей причине.

Утренние занятия, к большому неудовольствию Рона, не отменили. Первым уроком стала традиционная Защита от Сил зла, на которой гриффиндорцы, уставшие и сонные после ночного дежурства, никак не желали собраться с мыслями, из-за чего профессор Эвергрин, впервые на памяти Гарри, на них здорово наорала. После этого все поплелось на Трансфигурацию, где тоже нервная и взбудораженная профессор МакГонаголл учила их творить шоколад. Причины выбора именно этой темы занятия ни у кого не вызывали сомнения: дементоры. Шоколад спросонья у всех получался абсолютно несъедобный. За исключением гермиониных шоколадушек, остальные невозможно было даже взять в рот, такие они были горькие или настолько *не напоминали* шоколад *внешне*. Невилл умудрился очередной раз вызвать неодобрение профессора МакГонаголл: его шоколадки получались очень даже похожими на настоящие, но вот, незадача, испарялись прежде, чем он успевал доносить их до рта. Нестойкость созданных им предметов несколько не удивила Невилла.

— Сквиб я бесталанный, — вздыхал он, шумно надкусывая созданную Гермионой конфету: она угощала ими всех желающих с разрешения профессора МакГонаголл.

Видя, что ребята не в состоянии сосредоточиться на занятии, строгая декан Гриффиндора сдалась и сотворила всем кофе. Когда все уже заканчивали жевать шоколад, а кофе оставался почти на донышках чашек, сидящий возле окна и потихоньку рисовавший профиль Парвати Патил Дин неожиданно поперхнулся кофе. Он вскочил и прижался носом к стеклу.

— Это они! — с отчаянием в голосе выкрикнул он.

Все гриффиндорцы тут же оккупировали окна класса. Расталкивая всех, профессор МакГонаголл тоже втерлась поближе к подоконнику, нервно задев плечом Гарри и застыла от ужаса.

И было чему ужасаться.

Все пространство вокруг школы бурлило. Дальние поля были покрыты чем-то серым и омерзительным, точно гнилой налет на крышке унитаза. Бесконечная антрацитово-тусклая масса ползла вниз по холмам, с каждой минутой приближаясь к школе, неся с собой холод и бесконечный, бездонный страх, распространяющийся вокруг с такой скоростью, что у Гарри вдруг

заложило уши от внутреннего крика каждого из его одноклассников. Их загнали в тупик. Их окружали.

— Спокойно! — грохотнул голос декана над обессиленным от отчаяния классом. Всем соблюдать тишину и спокойствие! Ждите меня здесь. Мисс Грэйнджер, вы остаетесь за старшую! — Профессора МакГонаголл вынесло из класса на такой скорости, точно за ней несся голодный дракон.

— И что теперь с нами будет? — тихо спросил Невилл в полной тишине.

— Не трусьте! — рявкнул Гарри, дергая за плечо испуганного Невилла. — Еще вчера вы кричали *Да здравствует Гриффиндор*, а сегодня уже готовы в штаны наложить?

Ему ответил низкий, глубокий и хриплый голос. Незнакомый голос. Гарри пришлось несколько поворочать мозгами, пока он не сообразил, что голос принадлежит Парвати Патил. Дин от страха выронил карандаш.

— *Черный Лорд ведет свои легионы, чтобы растоптать своих врагов. Он близок, как никогда. Он силен, как никогда не был прежде. Он получит то, чего хочет больше всего на свете, если найдет свою жертву там, где ищет!*

— Великий Мерлин! Парвати! Что это с ней, Лаванда? — Гермиона помогала Лаванде Браун посадить на стул несчастную девушку. Глаза у Парвати были закачены.

— Это снова было видение? — в ужасе вскричал Симус. — Предсказание?

— Отстань, Симус! — девушки пытались привести Парвати в чувство.

— Рон, как думаешь, может, нам стоит пойти вниз, к главному входу и помочь... если что? — Гарри вопросительно посмотрел на друга.

— Не вздумайте! — выкрикнула Гермиона. Но оба парня не обратили на нее никакого внимания.

— Пошли! — Рон решительно протолкался сквозь толпу возбужденно гудящих одноклассников. — Как считаешь? — спросил он Гарри уже в самом конце коридора. — Парвати действительно что-то видит или просто прикидывается?

— По-моему, для того, чтобы прикидываться, неподходящее время, Рон.

— Тогда что означают эти странные слова: *Он получит то, чего хочет больше всего на свете, если найдет свою жертву там, где ищет*? Он ищет тебя и Дамблдора в Хогвартсе? Как он может *не найти* вас здесь? Тем более что и бежать-то теперь некуда, — Рон отвернулся, и Гарри внезапно подумал, что Рон, наверное, ужасно переживает за родных. То, что и Джинни, и Билл теперь были рядом, его несколько не утешало. Напротив, теперь Рон считал, что его старший брат и младшая сестра находятся в большей опасности, чем раньше.

— Выше нос, Рон, — сказал Гарри нетерпеливо. — Ты же помнишь, что Дамблдор — единственный волшебник, которого боится Вольдеморту. А Дамблдор не отдаст ни нас, ни всю школу на съедение Вольдеморту.

— А ты никогда не задумывался, Гарри, — произнес Рон, сумрачно разглядывая вновь переливающуюся всеми цветами радуги защиту вокруг замка. За границей защиты продолжали клубиться дементоры. — Почему Вольдеморту так боится именно Дамблдора? Почему именно Дамблдора считают *самым сильным* волшебником? Его, не Вольдеморту?

Хм, над этим, и правда, следует подумать...

— Нет, Гарри, не нужно помогать возводить укрепления. Я все сделаю сам. Не беспокойся за Валери, она устала, поэтому и накричала на вас сегодня.

— Нет, Гарри, пока твоя помощь не нужна, я сама справлюсь. Но, на всякий случай, поупражняйся еще немного с заклятием Заступника. Пригодится...

— Нет, мистер Поттер. Вам следует вернуться в класс. У нас есть еще три дня на размышления, и директор Дамблдор не собирается терять времени.

От всех этих возмутительных слов у Гарри Поттера все внутри перевернулась. Он стоял на вершине Южной башни и смотрел, как черная туча дементоров окутывает все предместья. Вопреки этой странной картине на небе ослепительно светило солнце, а легкий ветерок покачивал на причале древний корабль Глориана. Что теперь будет с Хогсмидом? Успеет ли Орден Феникса прийти им на помощь? Как там родные Рона и Гермионы? Гарри сжал в кармане теплую и живую бутылку, внутри которой крутился джинн. Он уже был готов потратить второе желание, но сомневался, что знает, как правильно его сформулировать, чтобы добиться нужного результата. Гермиона смогла бы ему помочь, но она, не спавшая всю ночь, уже вновь сидела над книгами в библиотеке и с затуманенными глазами искала заклятия, способные либо уничтожить всю армию дементоров, либо укрепить защиту замка. Рон тоже подошел бы Гарри в качестве советчика, но

он утешал Джинни в гостиной. Джинни от нервного напряжения и усталости последних дней не выдержала и зашлась в истерике. В ней что-то надломилось, и она больше ничем не напоминала взрослую самоуверенную деловую женщину: вернулась тихая испуганная девочка, больше всего на свете боявшаяся потерять своих родных. Боявшаяся остаться одна. Может, Флер? Поделиться с ней? С момента ее возвращения они так и не поговорили по-человечески, тем более, что утренняя конфузная сцена настроила ее на сердитый лад. Флер сильно изменилась. Сейчас она, взрослая и решительная, сидела в кабинете Дамблдора вместе со всеми преподавателями. На совет пригласили и Билла, а, кроме того, Филча с миссис Норрис, всю прозрачную когорту привидений, десяток домовых эльфов и даже Пивза. Последнее казалось Гарри зловещим предзнаменованием: если для того, чтобы выстоять против дементоров, им нужно действовать вместе с таким существом, как Пивз, то дела их совсем плохи. Нет, если и говорить об этом, то только с той, кто...

Что-то коснулось его плеча. Гарри вздрогнул. Еще не повернувшись, он по запаху мяты и чайной розы понял, что это была рука Сью. Ее мысли. Они пахли так же — свежо и завораживающе сладко.

— Гарри, Гермиона сказала мне в библиотеке, что ты здесь, — она так просто и мягко обняла его, что Гарри сделалось невыносимо больно из-за того, что, потеряв всех своих близких, эта тихая мечтательная девушка осталась одна на всем свете и почувствовал еще более сильную потребность защищать ее, быть рядом с ней. Невозможность этого мучила его вот уже третий день, заставляя думать об этом в те минуты, когда их встреча была бы совершенно невозможна: когда он сидел на уроке или стоял на дежурстве, и вот, наконец, они смогли увидеться. И теперь Гарри казалось, будто что-то глубоко родное было в том, как ее волосы — два светлых крыла — лежали по обеим сторонам тонкого узкого личика. Как глубокие серые глаза, запавшие и покрасневшие, смотрели на него, словно... никогда так на него никто не смотрел. И ничей взгляд не мог бы взволновать его так сильно, как сейчас. Он знал это. И когда она положила голову ему на плечо, Гарри уже понимал, что для него это так же естественно, как дышать.

— Профессор Эвергрин сегодня сказала, что если этих... существ слишком много, то они могут лишиться волшебников их колдовской силы только одним своим присутствием.

— Это правда, — Гарри и сам не заметил, как его рука обвилась вокруг ее талии.

— Гарри, я хочу тебя попросить об одном одолжении.

— Все что хочешь, мое солнышко.

Серые глаза вспыхнули отчаянной надеждой.

— Гарри, давай попросим Джамаледдина что-нибудь сделать. Как-нибудь, как угодно! Только убрать этих чудовищ, уничтожить их каким угодно способом! Гарри, я не имею права тебя просить потратить на меня свое желание, и я знаю, что сама убеждала тебя быть осторожнее с джинном, но сейчас... Гарри, прости, но после того как я узнала, что папа... Я хочу, чтобы Вольдеморт больше не мог никому причинить боль! Чтобы ни одна семья больше не пережила ничего подобного.

Ответный взгляд.

— Не надо мучить себя, моя хорошая...

— Нет, не перебивая меня, пожалуйста! Я хочу сказать, что я всегда была согласна терпеть и ждать, но в этой ситуации ожидание, промедление подобно сме... Я не хочу, чтобы погиб еще и ты! — выкрикнула Сьюзен. — Я этого просто не вынесу! — маленькие ладони сжались в кулачки. — Пожалуйста, Гарри, попроси его! Попроси помочь нам!

Гарри вытащил бутылку из кармана.

— Я тоже подумал об этом, — он бросил взгляд на колышущееся вокруг Хогвартса бесцветно-серое море злобы и голода. — Думаю, что в этот раз все пройдет нормально, если Джим, конечно, не выкинет какую-нибудь глупость, — Струйка дыма медленно потекла из горлышка кока-кольной бутылки, и на волю вырвался чрезвычайно возмущенный джинн.

— О господин мой! — взревел он, растирая затекшие конечности. — Как ты жесток, о мой мудрейший и красивейший повелитель! То есть, я хотел сказать, ты грозен и всемогущ, твои очи бесстрашно сверкают и все такое прочее, но *не слишком ли долго* ты заставил меня прозябать в этом гнусном сосуде? — рявкнул он, расправляя на себе грязную и порядочно пропотевшую рубашку с кружевными манжетами в пол-ярда длиной. Он заметил Сьюзен, растерянно помахавшую ему, и завозил манжетами по полу, изображая изысканный поклон. — Здравсте, о благородная роза из садов моего господина... О, шайтан, я опять забылся. Прости, о высокородная! — Завершив церемонию приветствия со Сью, джинн вновь надулся и повернулся к

Гарри. — После того, как я провел в *той* негодной посудине больше чем две человеческих жизни, ты вновь заточаешь меня на такой долгий срок!

— Два месяца — долгий срок! — воскликнул Гарри, не выдержав. — После двухсот-то лет?!

— Трехсот! — веско и оскорбленно напомнил Джим, складывая руки на груди. — Но если это время было не зря потрачено моим господином, и он проводил дни в благородных размышлениях о том, что еще собака Джамаледдин может для него сделать, то я готов выполнить его желание прямо сейчас!

— Посмотри туда, — попросил Гарри. Джинн обернулся и впился глазами в окно, за которым, точно стаи воронья, бурлили полчища дементоров.

— Фу-у-у-у!!! — с отвращением содрогнулся Джим. — Пакость какая! О повелитель, неужто у тебя возникли проблемы с этими отвратительными грязными дементорами? Или ты просто не хочешь марать о них свои благородные длани?

— Ты хочешь сказать, — с надеждой воскликнул Гарри. — Что *можешь* уничтожить их всех? Всех дементоров, которые собрались вокруг Хогвартса?

Джин смущенно поскреб лысину.

— Ну, всех — это слишком, о величайший! Я понимаю, тебе и твоим благородным друзьям возиться с такой дрянью не к спеху, но поручать несчастному старенькому Джамаледдину такой непосильный труд — значит, отправить твоего бедного раба на небо намного раньше времени! Несколько джиннов *могли бы* справиться с этими омерзительными существами за пару дней. Несколько, — подчеркнул он еще раз. — Но я один, о величайший, пожалуй, развалюсь на кусочки, если ты повелишь мне разогнать эту свору одному, своими собственными руками. А ведь я так стар! Так хил и хрупок! — простонал он, хватаясь, очевидно, за сердце (только почему-то с правой стороны). — Почему-то никто из моих работодателей не понимает, что быть джинном — *крайне* вредная для здоровья работа! Никто никогда не предложит мне ни сесть за один стол с собой, ни выпить крепчайшего кофе! Только и заботы, что целыми днями возиться с чужими чудовищами, бывшими женами и алиментами...

Сьюзен и Гарри переглянулись. Очевидно, ставка на джинна была ошибочной. Или нет? Гарри решил.

— Сью, помнишь, ты мне сказала как-то: *Я хочу, чтобы Вольдеморт навсегда исчез из этого мира?* Чем не желание?

— Желание? Это — твое желание, о великий и ужасный Малик-бей ибн-Асад? — встрепенулся Джим, раскатывая свой бесконечный свиток с желаниями на половину комнаты. — Сейчас, одну минуточку... сейчас...

— Погоди, Гарри! А если мы ошиблись?

— Сью, ты же знаешь, что это — наша последняя надежда. Пусть он не может убить его, но, вероятно, как-то обезвредить. Отправить в недоступное место, на Луну, там, или еще куда? — вполголоса доказывал Гарри.

— Вольде... как вы сказали, о прекраснейший? Хм, не слышал... Но даже если он — сильный темный волшебник, к нему все равно можно найти подход. Подход с умом, — Джим что-то прикидывал про себя, изредка с омерзением поглядывая на полчища серых тварей, заполонивших весь горизонт. На окраинах Хогсмиды начали то тут, то там, появляться вспышки огня. Скрипя пером, джинн принялся записывать второе желание Гарри. Закончив работу, он помолчал, подергал несвежий кружевной воротничок и, наконец, заметил. — Пожалуй, я знаю, что нужно делать. Только это довольно сложная работа. Очень трудное желание, мой господин! — обвинил он Гарри. — Но твой презренный слуга, пожалуй, сделает это! — С этими словами Джим завертелся на месте волчком, превращаясь в небольшой пестрый смерч, а потом испарился.

Сьюзен и Гарри недоумевающе посмотрели друг на друга.

— И куда же он отправился? — поинтересовалась Сьюзен. — На Луну?

Спустя минуту-две Джамаледдин вернулся. Его смугловатая лысина блестела от пота, но физиономия была чрезвычайно довольная.

— Что, Джим? Уже? Так быстро?

— Все, мой господин! — светился счастьем Джим. — Получилось! Я даже не думал, что все будет так просто! Откровенно говоря, мне в голову пришла блестящая идея, и я поспешил ее воплотить. Результат просто ошеломительный! Надо взять этот метод на вооружение для исполнения желаний моих будущих хозяев! О, как я горжусь собой! — Джим взлетел под потолок, еще немножко радостно повыл и спикировал вниз, к своему обалдевшему хозяину и его подруге.

— Но что ты сделал, Джамаледдин? — Сьюзен пораженно разглядывала сияющую улыбку джинна.

— Профессиональный секрет! — важно поведал исполняющий желания. — Ни за что не расскажу! Разве что, мой умнейший и грознейший повелитель прикажет мне это сделать своим третьим желанием?! — захихикал он, потирая ладони. Он явно был неисправим.

— Ты скажи только, — возбужденно закричал Гарри. — Вольдеморт теперь *точно* никому не сможет причинить зло?

— Уверю вас, о мой благородный хозяин, этот ваш Вольдеморт теперь *совершенно* недоступен! И ему тоже недоступен никто из твоих благородных друзей! Больше я выдавать не могу! — Джамаледдин расхохотался и со свистом втянулся в бутылку.

— Черт возьми, что же этот хитрец сделал? — нервно пробормотал Гарри. А Сьюзен, стоящая у окна, тихо заметила:

— Что бы он ни сделал, Гарри, дементоров меньше не стало.

Зарево блеснуло, отражаясь от стекла, и когда Гарри подошел к окну, то увидел красные и зеленые сполохи волшебного огня, полыхавшие над Хогсмидом. Дементоры сплошной серой стеной дошли до радужных границ Хогвартса, и их безжалостная мрачная армия безмолвно застыла, ожидая приказа от того, кто ими управлял.

Они стояли так до вечера.

Глава 17. Запретный прыжок.

Учителя не могли заставить учеников заниматься в таких условиях, поэтому весь день школьники провели у окон, наблюдая за дементорами, ожидая самого худшего с минуты на минуту. Но ничего не произошло. По школе неизвестно каким образом распространилась новость о том, что Вольдеморт потребовал выдачи ему опасных государственных преступников: Гарри Поттера и Альбуса Дамблдора (кстати, уже объявленных вне закона) и дал Дамблдору три дня срока на размышление. Все косились на Гарри и перешептывались за его спиной. Лаванда и зеленовато-бледная после очередного приступа ясновидения Парвати безвылазно сидели в башне у профессора Трелани, гадали и составляли гороскопы на ближайшую неделю для всех учеников Хогвартса. Первым в списке, естественно, был Гарри. Безутешно рыдая, Лаванда вручила ему результаты на бумажке, проглядев которые, Гарри с удивлением обнаружил, что его ожидает длительное заключение в казенном доме, любовь прекрасной брюнетки, картежный проигрыш и самоубийство из-за невозможности выплатить долг чести. На фоне происходящего это выглядело, как издевательство. Не сдержавшись, Гарри наорал на Лаванду, чем изверг из нее очередной фонтан слез и навлек на себя несколько немного нецензурных выражений со стороны Симуса Финнигана. А когда в зале появились профессор Флитвик и профессор Эвергрин, неизвестно каким образом проникнувшие в Хогсмид и увидевшие то, что там творится, истерика достигла своего апогея. Малютка Флитвик был весь в саже и копоти, его палочка искрила от перенапряжения, а Валери Эвергрин была бледна, у нее тряслись руки, на одной из которых красовалась жуткая ссадина. Они не сказали ученикам, каким ужасам и смертям стали свидетелями, но все это и так поняли без слов. Кошмар нарастал. Все были напряжены до невозможности, и любое незначительно слово или действие вызывало бурю эмоций, а у некоторых — даже истерику.

Клара Ярнли, ненавидевшая подобное слезоизвержение, спаслась в библиотеку, где, на удивление всем, она объединила силы по поиску Защитных заклятий с Гермионой. Рон сидел возле бледной и измученной Джинни, постоянно успокаивая ее. Гарри не смог торчать ни в зале, ни в гостиной без дела. Вечером он снова попросился у профессора МакГонаголл идти на дежурство. Она вначале отказывалась, мотивируя это тем, что он не спал уже больше суток, но Гарри был упрямей.

— Я все равно не смогу заснуть, — оправдывался он перед своим деканом. — Если уж даже третьеклассники летают над замком, охраняя Хогвартс с воздуха, то и я могу оказаться полезным. Если бы у меня была метла, я бы тоже к ним присоединился, но раз ее нет, то могу хотя бы дежурить на башнях!

— Поттер, если вы потеряете много сил, то этим несколько нам не поможете, а, вероятно, — профессор МакГонаголл прочистила глотку. — Нам понадобятся все наши способности через два дня.

— Мы ведь не знаем точно, что еще случится через два дня, — уламывал ее Гарри, настойчиво идя за ней. — Но, профессор, если с Хогвартсом что-то произойдет, то... Я не могу просто так сидеть, сложа руки. Хогвартс всегда был мне домом, профессор.

Минерва МакГонаголл остановилась и повернулась к нему. Ее острый правый глаз нервно подергивался, но, очевидно, она, приняла решение.

— Хорошо. Отправляйтесь дежурить на балкон шестого этажа, возле кабинета профессора Флитвика. Напарником у вас будет староста Хуффльпуффа.

Лучше ничего и быть не могло. Они проговорили полночи, постоянно вглядываясь в непроглядную мрачную черноту, из которой несло морозным холодом. И кто знает, чем бы закончились их беседы, если бы только среди ночи не пришел Джастин Финч-Флечли. Он мрачно сел рядом, не обращая внимания на то, что Гарри и Сьюзен мгновенно замолчали, и уставился в темноту, тяжело дыша. Из рта у него вырывались облачка горячего пара.

— Кларенса Дэйвиса только что привели в лазарет, — сказал он, наконец.

— О нет, что с ним случилось, Джастин? — в страхе воскликнула Сью.

— Он упал с метлы во дворе, когда патрулировал западную сторону вблизи от защитной стены. Мадам Хуч и Найджел Монтегю из Слизерина почти успели его поймать, но ногу, он, кажется, немного вывихнул. Кларенс сказал, что внезапно почувствовал, как его оставляют силы, — добавил Джастин и отвернулся. Гарри услышал, как Джастин вполголоса добавил. — Началось. Когда Кларенс сам попытался вылечить себе ногу, у него ничего не получилось.

Если до этого момента Гарри слабо представлял себе, каким образом дементоры могут временно или навсегда лишиться колдуна его волшебных способностей, то теперь он отчетливо понял, какая страшная опасность им всем грозит.

— Сью, меня, собственно, прислали, чтобы сменить тебя, — заметил Джастин. — Иди поспи.

— Да нет, спасибо, я бы еще могла подежурить, — Сьюзен Боунс с сомнением посмотрела на Гарри.

— Иди, иди, а то профессор Спаржелла будет ругаться. Она велела тебе идти прямо в нашу гостиную, а то ты уже на ногах не держишься.

— Спасибо, Джастин. Но я лучше сначала схожу к мисс Инь, посмотрю, нельзя ли там чем-нибудь помочь. Пока. Пока, Гарри, — теплые губы Сьюзен мягко клюнули Гарри в макушку, и она убежала.

Гарри и Джастин долго молчали, не зная, о чем говорить, чтобы их разговор неминуемо не перерос в драку. Потом Джастин неохотно сказал.

— Знаешь, я ведь полжизни в магловской семье провел. У тебя было счастливое детство?

— Я думал, что история бедного, угнетаемого маглами-родственниками Гарри Поттера всем хорошо известна, — криво усмехнулся Гарри, натягивая на ноги мантию. Становилось все холоднее.

— А у меня все было просто замечательно. Я в семье единственный сын, мама и папа мне все давали, что могли. Моя комната просто ломилась от игрушек, каждое Рождество мы проводили за границей, катались на лыжах во Франции или ныряли с Большого Барьерного рифа. У нашей семьи всегда были и деньги, и положение в обществе. Когда я окончил начальную школу, то думал, что после окончания Итона стану дипломатом или начну работать в адвокатской фирме. Но когда я попал в Хогвартс, то понял, что вот оно — то, чего я хотел всю мою жизнь! Я был так счастлив, что теперь у меня потрясающе широкие возможности: я хотел стать колдомедиком, разводить тигровых лазилей, быть переводчиком с Древних Колдовских языков и возводить волшебные здания. Я не хочу опять становиться маглом, а дементоры снова могут сделать меня таким.

Гарри промолчал. Он был удивлен тем фактом, что Джастин вообще решился заговорить с ним, но еще больше тем, что, похоже, Финч-Флечли вообще не допускал мысли о возможной смерти в этой ситуации.

— Я знаю, что бояться сейчас глупо, — продолжил Джастин. — Дамблдор, конечно, сделает все, чтобы уничтожить дементоров. Он же самый сильный волшебник в мире. Но пока мы тут сидим, нам всем угрожает опасность потерять свою магию. Знаешь, Гарри, я лучше бы поцеловался бы с дементором, но не лишился своей волшебной силы. У меня же еще вся жизнь впереди. Мне шестнадцать лет, а я еще ничего такого не сделал, чтобы быть *настоящим* волшебником!

— Ты говоришь, как Гамлет, — проворчал Гарри, зарываясь носом в воротник мантии. От этих слов Джастин оживился.

— О, так ты тоже читал?

— М-да... Этим летом только получил возможность. Между книжками по *Защите от Сил зла* и *Квиддич-Экспрессом*.

— Тогда ты понимаешь меня. Плевать на богатство моих родителей, на их положение в обществе и благопристойное чаепитие по пятницам. У меня в жизни было только две мечты. Первая — стать хорошим колдуном.

— А вторая? — Гарри почему-то испугался того, что мог услышать. И он услышал это.

— А вторая — *она*. Гарри, я не знал, что все это будет для меня так серьезно.

— И? — Гарри напрягся.

— Мы ездили в парк развлечений на Лох-Нессе прошлым летом вместе со Сьюзен. Я выращивал для нее целые клумбы цветов, водил в кино и в Ковент-Гарден. Я ей стихи писал, Гарри. Если я потеряю свою силу, то просто стану маглом. Но если я потеряю и ее... Это невыносимо больно, но я должен знать: между вами что-то есть?

— Что значит «*что-то есть*»? — вскочил Гарри. — Выбирай выражения!

Джастин облегченно вздохнул, и откинулся на стену.

— А, ну, тогда...

— Но если ты хочешь спросить, чувствую ли я что-то по отношению к ней, то я должен сказать тебе правду, Джастин, — решительно пошел в наступление Гарри. — Я не хочу делать тебе

больно, но я тоже... — Что «он тоже» Гарри как-то подсознательно понял в какие-то доли секунды перед тем, как сказать это вслух.

Джастин Финч-Флечли бросил на Гарри быстрый взгляд.

— А, так ты все-таки... Ну, для драки сейчас время неподходящее, но знай, Гарри, — Джастин наклонился ближе. В его глазах упрямо сверкнула луна. — Она сама нам скажет! Ты понял? Пусть Сью решает, кто из нас это будет. Давай условимся, что не будем ничего предпринимать после того, как Сью сделает свой выбор. Если она выберет тебя, я уступлю тебе дорогу, но если я окажусь счастливее, ты тоже примешь это. Мир? — и он протянул Гарри руку. В темноте ее почти не было видно, но Гарри все же нашел ее и решительно пожал.

— Мир! Я согласен.

На следующий день стало плохо еще двум помощникам мадам Хуч. Вместо них на метлы пересели профессора Вектор и Синистра, но это не помогло делу: к вечеру в больнице оказались еще трое членов квиддичных команд, двое из Слизерина и один — из Хуффльпуффа, с подозрением на понижение волшебных способностей. Профессор МакГонаголл призвала оставшихся и попросила помочь запасных игроков и тех, кто хорошо держался на метле, но не попал в команды. Драко Малфой немедленно отказался, сославшись на усталость после предыдущего дежурства и головокружение, и Симус тотчас же занял его место. Клара Ярнли отчаянно рвалась помочь, но в этом вопросе профессор МакГонаголл была тверда: никаких второклассников. Поэтому Клара скрепя сердце одолжила свою метлу Гарри и отправилась обратно в библиотеку к Гермione.

Облетая школу, Гарри заметил, что дементоры, еще вчера стоявшие, как неживые, не делая ни одного движения, зашевелились. По их строю пробегала серая рябь, и они жадно тянули свои крючковатые конечности к защитному барьеру. Чувствовалось, что за эту ночь что-то изменилось, и они это знали. Гарри ощутил легкое головокружение и опасно подал назад. Метла Клары, тоже Всполох, слушалась его беспрекословно. Когда к нему приблизилась мадам Хуч, Гарри высказал ей свои опасения.

— Знаете, Поттер, наверное, вам лучше спуститься. Вы достаточно дразнили судьбу, находиться вблизи от дементоров такое долгое время — не шутки. Летите в замок, а вас пока заменят братья Криви.

— Но, мэм, неужели вы не чувствуете, что они явно что-то затевают?!

— Поттер, отправляйтесь в замок, я сказала. И, желательно, сразу к мисс Инь.

На утро третьего дня плохо стало Джинни. И Деннису. И двум девочкам из Слизерина. На обеде в Большом зале Флер, сидящая вместе с гриффиндорцами, стала внезапно клониться на сторону и потом бессильно сползла на пол. Ее унесли. Дежурные преподаватели и Дамблдор, показавшийся в своем кресле, кажется, первый раз за три дня, повскакивали со своих мест. Почти сразу же раздались крики со стороны хуффльпуффского стола, где ткнулся носом в свою тарелку Эрни Макмиллан. Пока Сью и Ханна поднимали его, что оказалось нелегким трудом, потому что Эрни ухитрился этим летом значительно поправиться, позади Гарри знакомым зеленым огнем вспыхнул камин. Так менять цвет пламя могло только при использовании кружаной муки, поэтому все гриффиндорцы аж подскочили от испуга: всем было известно, что кружаная сеть отключена Упивающимися Смертью уже давно. А ну, как они решили напасть на школу отсюда? Сзади уже раздавались истошные визги девочек и младших школьников, а в огне камин показались два лица. Два слишком хорошо знакомых Гарри лица.

Люциус Малфой брезгливо отряхивал от копоты белоснежный плюшевый воротник. Доктор Бладштейн смотрел исподлобья и мрачно. Его кругленькое лоснящееся лицо уродовал страшный шрам, тянувшийся через весь лоб, и Гарри понял, что это — презент от него самого. Хм, ишь, как модно нынче стало со шрамами ходить, подумал он почему-то, пока не зная, чего ждать от пришельцев. Оба Упивающихся Смертью выглядели откровенно нагло. Бладштейна, кроме Гарри и его друзей, среди школьников явно мало кто знал, зато Люциус Малфой был широко известен, благодаря той рекламе, которую периодически демонстрировал широкой публике Драко Малфой. Рон выхватил палочку. Гермione — тоже, некоторые гриффиндорцы скопировали их действия по инерции. Гарри почувствовал, как его слегка отодвинули в сторону, и по полуиздевательскому движению бровей Малфоя-старшего понял, что это был Дамблдор.

— Люциус, — холодно кивнул он. — Морис, добрый вечер. Чем обязаны? И, если уж на то пошло, что за демонстрация прямо в Большой зале во время обеда? Если уж вы подключили кружаную сеть, почему бы нам не поговорить в моем кабинете?

— Послушай, старый хитрец, — глухо отозвался Бладштейн. — Нам нечего играть в игры в такое время. И то, что мы хотим сказать, должно дойти до ушей каждого из этих младенцев у тебя за спиной. Мы не зря выбрали это место и время для разговора.

— Итак, — спокойно поинтересовался Дамблдор, присаживаясь в гущу гриффиндорских третьеклассников. — Что именно вы хотели нам сказать? Кажется, у нас еще есть время, уж не думаете ли вы нарушить наш первоначальный договор?

Сзади подошла профессор МакГонаголл. По ее хриплому дыханию Гарри понял, что их декан с трудом сдерживается, чтобы не броситься в ярости на две головы, торчащие из камина.

— Дамблдор, где наш Лорд? — очень тихо и зловеще спросил Люциус Малфой.

Вопрос повис в воздухе. Дрожащие дети начали перешептываться. Безмятежность же Дамблдора поразила Гарри. Знал директор или не знал, что происходит, но он вел себя с удивительной выдержкой, как блефующий в покере.

— Ваш лорд? — любезно переспросил он. — Станный вопрос, Люциус. Почему-то мне кажется, что ты это должен знать куда лучше меня.

— Не прикидывайся, Дамблдор, — резко рявкнул Бладштейн, оттесняя Малфоя назад. — Он бесследно исчез вчера ночью. Петтигрю был в этот момент с ним. Он клянется, что нашего Лорда унесло какое-то чудовище! Это твоих рук дело, старый мерзавец?! Ведь так?

Гарри нашел глазами Сьюзен, и они осторожно переглянулись. Неужели?..

— Что ты, Морис, даже понятия не имею, кто бы мог послать чудовище к вашему лорду! А вы уверены, что он сам не задолжал ничего тем милым ребятам, которые любят заключать договоры и скреплять их кровью? С ними не рекомендуется шутить, быть может, один из них решил наведаться в гости к вашему господину?

— Это ты пытаешься шутить, мерзкий маглолюб! — заорал Малфой, моментально теряя свою благородную холодность. — Но у тебя ничего не выйдет, так и знай! Если через три часа Лорд Вольдеморт не будет освобожден, то дементоры уничтожат вас в мгновение ока! Я не предупреждаю дважды! — Тут его взгляд упал на сына, стоящего возле слизеринского стола с обыкновенно-презрительным выражением лица. — А, Драко! Здравствуй, Драко. Я бы поинтересовался, как у тебя дела, но, боюсь, что сейчас я в этом вопросе куда тебя осведомленней. С тобой все в порядке? Тебя никто не пытался...

— Мы воюем не с детьми, Люциус, — напомнил Дамблдор. — Хотя, кажется, *ты* об этом вспоминать не хочешь.

— Маглокровки — не дети, — равнодушно сказал Малфой. — Это — грязь, как та, что у нас под ногами. Кстати, твоя попытка подослать к нам своего шпиона бездарно провалилась, — Люциус достал какой-то круглый сверток и швырнул им в Дамблдора прямо через камин. — Жаль, что больше некому делать волшебные палочки, но ты сам в этом виноват... Старый дурак.

Альбус Дамблдор проигнорировал это замечание. Он лишь на секунду развернул зеленую бумагу, его губы сжались, зубы скрипнули, а очки подпрыгнули на длинном крючковатом носу. Гарри покосился на сверток, но ничего не сказал, заметив глаза Гермiony. Белые глаза на белом лице. Девушка успела увидеть, что это такое... Гермiony развернулась и понеслась прочь из зала, зажимая рот руками.

— Я вижу, ты понял, что мы не шутим, Дамблдор. Мы даем тебе час срока, — Бладштейн в последний раз посмотрел Дамблдору в глаза, и зеленый огонь, вспыхнув необычайно ярко, заслонил их головы. Когда огонь вновь обрел свой обычный цвет, в камине больше никого не было.

— Всем учащимся оставаться в Большом зале до специального приказа лично от меня, — громко сказал Дамблдор и поднялся. Гарри посмотрел на его руки. Пальцы Дамблдора тихонько вздрогнули и сжали сверток. — Старосты — присмотрите за младшими. Мисс Боунс — под вашу ответственность. Мистер Бут, если появятся новости снаружи — немедленно ко мне. Пароль — *шоколад с изюмом*. Мистер Блаунт, — слизеринский староста подобрался и осторожно посмотрел на Дамблдора. — Вы отвечаете за порядок в зале. Пойдемте, Минерва. Гарри, я думаю, что тебе тоже стоит пойти.

В кабинете их уже ждали профессор Флитвик, профессор Спаржелла и профессор Глендэйл. Глориан мерил ногами комнату, профессор Флитвик — письменный стол директора, а профессор Спаржелла просто рыдала в платок. Ее никто не утешал.

— Где Элджи и Хуч? — Дамблдор стремительно вошел в свой кабинет, положил сверток на стол и направился прямо к книжному шкафу. Он с трудом подвинул лестницу к нужной полке и стал, кряхтя, взбираться на нее. — Где Валери? Где Северус? Где Бенджамин?

— Профессор Эвергрин и профессор Иррегус-Штраус сейчас снаружи, она отправились проверить, надежна ли защита на южном склоне. Мадам Хуч с капитанами квиддичных команд проверяет небо. Профессор Джонс только что передал, что на пару минут восстановилась каминная связь. За это время он успел получить несколько подтверждений того, что к нам идет помощь. Вероятно, часть членов Ордена Феникса сейчас находится в дороге. Мы ждем прибытия гигантов уже к вечеру, — просипел Флитвик. Бедный преподаватель Заклинаний уже не мог говорить.

— К вечеру — это уже слишком поздно, — отозвался Дамблдор с высоты витой стремянки.

— Что это, Альбус? — испуганно покосилась на сверток профессор Спаржелла.

— Доказательство того, что шутки кончились, и все стало *чрезвычайно* серьезно, Роза. Это — свидетельство того, что наш план А полностью провалился. Они вычислили Огдена Олливандера.

Гарри внезапно понял, *что именно* лежит на столе, завернутое в полосатую зеленую оберточную бумагу, как рождественский подарок. Его заташнило. Дамблдор, похоже, понял по взглядам, направленным на зловещий сверток, что подумали его коллеги и Гарри. Одним движением пальца он испарил отрубленную голову.

— У наших оппонентов слегка изменились планы. Минерва, расскажите...

Профессор МакГонаголл, с трудом отвлекшись от страшного видения, описала встречу с представителями Упивающихся Смертью.

— Исчез? — поднял глаза Глориан. — Но куда? — он перевел взгляд на Гарри. Почти автоматически, но Гарри все равно почувствовал, как его лицо заливает краска. Он отвернулся и стал внимательно разглядывать феникса, сидящего на своем обычном месте в углу кабинета директора. Фокс внимательно смотрел на Гарри, так внимательно, что его большие красивые глаза показались парню выражающими разнообразные оттенки укора. Черт! Признаться? Или содержание в неволе живого джинна и его контрабандный провоз в Хогвартс считается уголовно наказуемым? Черт! Черт, черт...

Впрочем, куда его могут посадить? В Азкабан?

Дамблдор, кажется, нашел то, что искал: это был хрупкий набор страниц, который с трудом можно было назвать книгой. Перехваченный сбоку засаленным кожаными шнурком он выглядел как несколько обрывков из детской тетради. Или черновика. Очень старого черновика. Дамблдор впился очками-полумесяцами в набор диких, с точки зрения Гарри, значков, коими черновичок был испещрен, и с волнением что-то шептал.

— И где же выход из этой ситуации? — плаксиво осведомилась профессор Спаржелла. — Они обвиняют вас, Альбус, что вы это сделали?

— Но я этого не делал, Роза, — серьезно заметил Дамблдор, погруженный в чтение загадочного черновичка.

— Какая разница! Все равно они воспользуются этим, чтобы напасть на школу раньше!

— Или все это просто уловка, — мрачно проговорила МакГонаголл. — И Сами-Знаете-Кто никогда и не исчезал. Поттер, что с вашим шрамом?

— Не болит, — заметил Гарри.

— Странно, — заметил Глориан. Он с хрустом размял свои изящные тонкие пальцы. — В такой момент ты бы обязательно почувствовал боль?

— Непременно, — заверил его Гарри.

— В таком случае, нужно считать, что он действительно исчез?

— Дорогая, я хотел бы, чтобы это было так, — Дамблдор поднял пронзительные голубые глаза от старой тетради. — Но это мало нам поможет, если помощь опоздает.

— Дементоры, Альбус, — дрожащим голосом напомнила Минерва МакГонаголл.

— Боюсь, дорогая, что с *таким* количеством дементоров мы справиться не сможем, пока на нас будет лежать и обязанность присматривать за детьми. Сами мы могли бы предпринять кое-какие рискованные шаги, но подвергать риску школьников мы не вправе, — твердо отрезал Дамблдор и вновь погрузился в чтение аляповатых картинок.

Повисла тишина. Громко высморкалась профессор Спаржелла.

— Что будет с детьми? — спросил Глориан.

— Я, пожалуй, пойду к ним, — вздохнул Флитвик и прыгнул со стола. — В такой момент мне нужно быть с ними.

— Это что, уже приговор? — ядовито поинтересовался голос профессора Эвергрин от двери.

Все обернулись. Валери стояла в дверях, всем своим видом выражая негодование по поводу упаднических настроений, царящих в преподавательском составе. Позади нее маячила мрачная долговязая фигура профессора Зельдедея.

— Неужели больше ничего нельзя придумать? Совсем ничего? Гарри, ты, кажется, выбирался из школы много раз. Неужели ты не знаешь никакого тайного хода, через который вы могли бы уйти?

— Ну, на карте Мародера есть несколько проходов, — Гарри напряженно размышлял. — Но половина из них слишком стара. Многие обвалились. Есть ходы, через которые смогут пройти только младшие ученики, там недостаточно места для высокого человека. К тому же, — добавил он совсем тихо. — Все проходы ведут в Хогсмид.

Все головы как по команде обернулись к окну. Зарево над Хогсмидом полыхало уже всю ночь и весь день.

— Я могу предложить один вариант, — заметил Дамблдор мягко. Его голос рассеял холодный страх, повисший в комнате. — Но он тоже *чрезвычайно* рискованный.

— Альбус, разве можно сейчас думать о риске, когда мы своим промедлением можем погубить полторы сотни детей? — возвала Минерва МакГонаголл.

— Я не об этом, профессор МакГонаголл. Даже при покойном бедняге Фудже за одно лишь предложение подобного рода меня бы выставили за пределы не только Хогвартса, но и всей Европы, и поселили на необитаемом острове в Тихом океане без единого камина и возможности по воскресеньям аппарировать в Лондон за лимонными дольками. К тому же этот план потребует от одного из нас некоторого напряжения своих возможностей, а от другого — его способностей.

— Если речь идет обо мне, Альбус, то я всегда готова, — начала декан Гриффиндора, гордо выпрямляясь в кресле.

— Спасибо, дорогая, но я имел в виду сэра Глендэйла и профессора Эвергрин.

Гарри изумленно посмотрел на Валери и Глора. Они переглянулись.

— Я всегда рад помочь, сэр, — заметил Глориан спокойно.

— Что от нас требуется? — поинтересовалась Валери. Ее глаза так сверлили директора, что Гарри показалось, что этот момент Валери жалко, что она не может читать его мысли и понять, что кроется за идеей Дамблдора.

Дамблдор подошел к окну, за которым все еще мерцали сполохи огня.

— Ваш корабль довольно большой, сэр Глориан, — негромко заметил он. — Но сможет ли он вместить сто пятьдесят человек?

Флитвик поперхнулся.

— Мерлинова палочка, Дамблдор, вы же не хотите сказать, что?..

— Именно это я и хочу сказать, Филиус, — отрезал Дамблдор. — А если вы все знаете другой способ для детей уйти отсюда, то скажите сразу?

Никто другого способа не знал.

— Гарри, вы с друзьями пользовались подпространственным модулем перемещения, когда прошлым летом вернулись в Хогвартс. Мисс Грэйнджер целый год пользовалась времяворотом. И ничего не произошло. Наш опыт пройдет удачно, я не сомневаюсь в этом, — улыбнулись глаза директора.

— Куда же мы отправимся, сэр? — изумился Гарри. — В прошлое или в будущее? Где Упивающиеся Смертью не смогут найти нас? Где мы не причиним никакого вреда, не наступим случайно на бабочку, не сорвем одуванчик, не выпьем стакан воды, из-за которого может повернуться история? Профессор Джонс говорил, что очень важно...

— Я вполне согласен с профессором Джонсом в этом вопросе, но другого выхода все равно не вижу. Будущее вряд ли нам поможет, к тому же это слишком опасно. А вот прошлое... Тысячи лет вполне хватит, и там о вас могут позаботиться. Ведь я могу надеяться на помощь вашего народа, сэр Глориан? — обернулся Дамблдор к Эльфу.

— Вполне можете, сэр. Я берусь уговорить своего отца, а если он согласится, то никто из нашего народа не возразит против присутствия на Инисавале ста пятидесяти юных волшебников. Если вы отвечаете за них, сэр?

— Я обещаю от имени каждого из них, уважаемый сэр Глендэйл, что никто из детей не причинит вреда вашему народу. И не оскорбит ваши традиции. Наша дорогая Валери присмотрит за этим, не так ли?

— Конечно, профессор, — отозвалась Валери. — Правда, сто пятьдесят учеников — и я одна... Многовато. Придется просить старост и старших учеников помочь. Поможешь, Гарри?

О, не может быть! До Гарри только что дошло: они отправляются в прошлое! Сейчас! На тысячу лет назад! Кто бы мог поверить! Дамблдор — псих, они же могут натворить там все, что угодно, так повернуть историю, что когда вернутся обратно, не узнают свой мир. Как можно уследить за ними за всеми?

— Директор, — тихий голос Снейпа прорвался сквозь эйфорию в сознании Гарри. — Вам не кажется, что ваш план... он, конечно, не лишен привлекательности, но... он же безумен! Сто пятьдесят слонов в маленькой посудной лавке — вот что он мне напоминает! Допустить хоть кого-то из них в прошлое — самоубийство! Если, например, Поттера...

— Без выражений в отношении моего воспитанника, пожалуйста! — рявкнула Валери

— ...Или Лонгботтома пустить туда одного — уже один этот факт может дать эффект магловской водородной бомбы посреди общества с примитивной культурой...

— Это чью же культуру вы имеете в виду? — холодно поинтересовался Эльф. Снейп замолчал на минуту, но потом сказал:

— Я решительно против. *Против!*

— Я бы хотела, чтобы вы поменьше высказывали свое мнение таким образом, Северус, — оборвала его МакГонаголл. — Мы уже приняли решение, ведь так? Тогда наш спор — трата времени. Нужно объяснить ученикам наших колледжей, что им нужно сделать, и собраться самим. Пойдемте, Поттер...

— Погодите, Минерва, — остановил ее Дамблдор. — Разве я сказал, что отправляются и учителя тоже? Кажется, я ясно дал понять, что за учениками там будет присматривать только профессор Эвергрин!..

— Это безумие! — заорал Снейп.

— Но логичное безумие, согласитесь, мой дорогой. Остальные преподаватели мне понадобятся здесь. Не имея под рукой детей, о которых нужно беспокоиться больше, чем о себе, мы достигнем большего успеха в борьбе с дементорами. У меня уже есть кое-какие мысли на этот счет.

— Она одна — и сто пятьдесят тупых, безмозглых малявок?!!

— Северус, успокойтесь!

— Не успокоюсь! Тысячу лет назад все было не так безоблачно! Кучи колдунов-плебеев по всей стране, ненормальные ублюдки, ими управляющие, нет ни горячей воды, ни квиддича, зато сколько угодно драконов, гоблинов, троллей, чумы и маглов, которые хуже, чем чума!

— О, Северус, вы натолкнули меня на замечательную идею, — просиял Дамблдор. — Действительно, профессору Эвергрин вполне может потребоваться помощь. Отправляйтесь и вы — уж вас-то ни один ученик не посмеет не послушаться!

— Что?! — захлебнулся криком профессор Снейп.

— Что? — воскликнул сэра Глориан Глендэйл, нахмуриваясь.

— Подумайте, Северус, пока вы здесь, исчез Вольдеморт или нет, вам грозит опасность, — втолковывал ему Дамблдор. — Я бы предпочел, чтобы вы были вне ее. Пожалуйста, Северус, согласитесь! Это же ваша жизнь, вы сейчас решаете свою судьбу! Я прошу вас!

— Манतिकоре под хвост мою судьбу... директор! Я не поеду!

— Я тоже не хочу, чтобы он ехал! — заорала Валери. — Этот ненормальный тогда будет способен испоганить не только настоящее, но и прошлое! И он будет вмешиваться в мои методы работы, критиковать меня посреди соплеменников моего будущего мужа и накладывать проклятия на учеников, которые не моют рук перед едой, хотя сам этого никогда не делает!!!

— Истеричка!

— Скандалист!

— Чем оказаться с вами в одной лодке, я скорее расцелую дементора!

— Он и сам будет не против. Кроме вас, вряд ли ему еще представится возможность пообщаться с подобным добровольцем!

— Сэр Глориан, от вашего решения зависит судьба профессора Снейпа, — серьезно сказал Дамблдор, повернувшись к Глору. — Если он не исчезнет, то, боюсь, по возвращении, не найдя в Хогвартсе ни одного ученика, Вольдеморт будет с ним несколько неласков.

Глориан молчал, взвешивая за и против. Наконец, бросив взгляд на пышущую ненавистью Валери, он кивнул.

— Хорошо.

Профессор МакГонаголл стояла у входа в школу и проверяла у всех учеников наличие теплых мантий и отсутствие разнообразных ненужных или опасных в прошлом предметов. Она извлекла

мобильные телефоны у пары-тройки старшекласников из Рэйвенкло и вытрясла из карманов у недовольной леди Клары Ярнли полфунта навозных и полфунта чесночных бомб. Теперь профессор сражалась с Гермионой, пытаясь отобрать у нее охапку книг с подозрительными, с точки зрения МакГонаголл, названиями, типа *История Хогвартса*, *Самые знаменитые черные маги Средневековья*, *Англия эпохи изобретения квиддича*, и еще кучку других, не таких толстых, но совершенно необходимых Гермионе для подробного изучения.

— Но, профессор, я не успела подготовиться... — ныла Гермиона, прекрасно, однако, понимая, что этот спор бессмысленен. Уж кто-кто, а она сама понимала всю ответственность правильного поведения в прошлом. Кстати, пока МакГонаголл воевала с настырной Гермионой, а Рон и Джинни тихо прощались с Биллом в стороне, профессор Эвергрин, упрямо вздернув подбородок (этот жест у нее выражал крайнюю степень волнения), читала школьникам лекцию о правилах поведения в прошлом таким тоном, который, скорее, напоминал интонации профессора Зельдеделя, хмуро стоявшего рядом с крошечным узелком в руке.

— Никуда от нас не отходить! Шаг вправо — шаг влево будет рассматриваться, как попытка изменить историю, и караться превращением в сушеную поганку или мухомор! Держаться друг друга. Ни с кем из незнакомых людей и прочих существ не разговаривать! Если они настойчиво пытаются с вами познакомиться — прикидывайтесь глухими, немыми или вовсе ненормальными. Не зная, как именно общались люди тысячу лет назад, не зная особенностей общества и тогдашних правил этикета, вы рискуете сесть в такую лужу, из которой уже не выплывете! Слушаться профессора Глендэйла, профессора Снейпа и меня как своих родителей! — Сдержанные смешки. — Если заметите что-то необычное — сразу обращайтесь за разъяснениями к нам, а не пытайтесь выяснить суть дела сами! — грозный взгляд в сторону гриффиндорцев. — Не смей ни до чего дотрагиваться или самовольно присваивать без моего разрешения! — камень в огород Слизера. — Палочками во все стороны не размахивать и ни на минуту не забывать, какое отношение к колдунам и ведьмам тогда было принято! И не смей терять вещи! Это ко всем относится, Невилл!

— А можно мне взять жабу?

— Ничего лишнего!

— Тревор — не лишний!

— Тысячу лет назад жаб хватало и без вашего уродца, мистер Лонгботтом! — свистящим шепотом процедил Снейп.

Гарри поежился. Он ухитрился контрабандой пронести мимо Минервы МакГонаголл плащ-невидимку, карту Мародера и бутылку с джинном, а в заднем кармане брюк тихонько елозил крумов снитч, пока она мучительно размышляла, позволить ли ему взять с собой его очки. Очки остались на гаррином носу после заверения профессора Эвергрин в том, что очки тогда уже были изобретены, хотя и не распространены в широких слоях населения. Понадеявшись на гаррину сознательность, профессор крупно просчиталась. Гарри корил себя за это, но сдержаться не мог. Толпа школьников возбужденно гудела. Дементоры в дворе начали напирать на радужную кромку защитной границы, а охраняли ее профессор Джонс и Иррегус-Штраус. Элджернон подошел к Невиллу, обнял его на прощание (хотя никогда раньше не позволял себе подобных семейных фамильярностей в присутствии других учеников) и с завистливой тоской сказал:

— Эх, если бы я мог отправиться с вами! Это же такое потрясающее научное исследование!

— Вы нужны нам здесь, Элджернон, профессор Дамблдор ясно намекнул вам на это, — строго заметила МакГонаголл, отвлекаясь от карманов какого-то хуффльпуффца, решившего прихватить с собой альбом с семейными фотографиями. Страсть профессора Джонса к науке и его истинно слизеринская хитрость вызывала у декана Гриффиндора жесточайшие подозрения. Ради научной истины Элджернон Джонс смел бы все на своем пути, но попал туда, куда ему было бы нужно. Лишь просьба директора удерживала его от немедленных решительных действий, и он скрепя сердце подчинился.

— По четверо, быстро, на корабль! — приказал Глориан, пропуская учеников вперед. По две пары ребята перебежали через двор, превозмогая ощущение тошноты и головокружения от невыносимой близости отвратительных существ. Дементоры начали прибывать вновь, они толпились возле радужной границы уже тысячами, пенились, как серое море, грязное после шторма. Некоторые из них уже начали толкать защитную стену омерзительными, покрытыми струпами конечностями. Учителя, Флер и Билл, даже Аргус Филч выстроились вокруг ребят, охраняя их от нападения. Первые полсотни детей уже утрамбовались на кораблике, поднявшись по шатким мосткам. Профессор Снейп, стоя на мостике, упихивал их поплотнее. Изредка

раздавался его хриплый голос: «*Дименсио!*» Освободившееся место тут же занимали ученики. Ребята сидели почти друг у друга на головах, хоть со стороны корабль казался и большим, но внутри оказался весьма узким. От просмоленного борта приятно пахло свежей сосновой древесиной. Гарри бросил свой рюкзак в угол, поручил Кларе Яртли за ним присмотреть и протолкался к борту. Гермионы и Сью пока не было: они помогали профессорам переправлять младших учеников.

Рон был на самом носу, его от Гарри оттеснили второклассники из Слизерина. Внизу стояли Билл и Флер. Флер протянула Джинни свою мантию.

— Возьми, п'игодится!

— Спасибо, мне не нужно! — пыталась отказываться Джинни, но Флер все равно всучила девочке теплую шерстяную накидку с капюшоном.

— Тебе она будет нужнее, чем мне. В замке теплее, а там — кто знает? 'арри, будь очень осторожен! — зазвенела Флер Делакур, обращаясь к Гарри. — Профессор Л'Еспаньоль рассказывал нам об ужасных вещах, которые могут случиться с путешественниками во...

— Ох, Флер, не надо! Со мной все будет в порядке, — ободрил ее Гарри. — Позаботься лучше о себе, — посоветовал он. — И о Билле!

— О, Гийом! О нем я позабочусь с радостью! — заметила Флер с искоркой чисто женского коварства в глазах. — 'арри, ты не находишь, что он замечателен? Мне оч'ень повезло!

Билл долгим взглядом смотрел на Рона.

— Вернешься — маме с папой привет передай!

— Что ты хочешь сказать, Билл? — угрожающе начал Рон. Билл тут же махнул рукой.

— Забудем, старик. Просто передашь привет.

До Гарри начал доходить холодный жесткий смысл разговора между членами семьи Уизли. Он только успел подумать, что дементоры могут напасть раньше, чем обещали Упивающиеся Смертью, как по радужной оболочке растеклись светлые пятна, а остатки школьников, перебегающих через двор, завизжали. Гарри бросился к борту — там еще оставались Гермиона и Сьюзен. Флер и Билл выхватили палочки. Корабль закачался от веса детей, бросившихся на один борт.

— Дети, скорей! — закричала профессор Эвергрин. Одним движением палочки она заштопала стену и пинками погнала группу третьеклассников из Рэйвенкло к кораблю.

— Гермиона! Быстрее! — орал Рон, раскачиваясь на носу древней ладьи. Джинни крепко держала его сзади за штаны, чтобы он не спрыгнул за борт. Невилл, приключившийся в близости, хотел от волнения схватить гаррину мокрую ладонь, но промазал и вцепился в Джинни. Та ощутимо зарычала и вынула палочку из рукава.

— Джинни, ты что? — отшатнулся Невилл, но Джинни уже направляла ее на первого дементора, просачивавшегося сквозь новую дыру в радужной защите. Палочка чихнула белым туманом и... не сделал ничего.

— Помогите, да помогите же ей кто-нибудь! — взвыл Снейп. — Ты, урод лохматый, она же в опасности!

Неизвестно, что ответил бы на это Глориан, если бы не вмешался Гарри.

— *Эспекто Патронум!* — заорал он.

Заступник из-за нехватки времени получился не слишком четкий, зато большой. Дементора окутало облако серебристого дыма, и он запутался в нем. Старшеклассники подтягивали на борт младших школьников. Профессор Снейп одним рывком вытянул из озера Гвинетт Макферсон, зачерпнувшую ботинком воды.

— От борта! — рявкнул он на скачущих от возбуждения учеников. — И сядьте по местам, ради Мерлина! От вас только хуже! Поттер, куда вы рветесь?! Уизли!!!

— Там Гермиона! — взвыл Рон.

— Там Сьюзен! — заорал Гарри, работая локтями среди толпы слизеринцев.

— Сядьте!!! — Снейп выглядел так, словно был готов прикончить Гарри, если он не послушается его приказа. Конечно, возможно, все дело было в том, что в этот самый момент Глориан спешно подсаживал на корабль еще нескольких отчаянно рыдающих девочек, а Валери, спокойно наставила палочку на несущихся к ней, как на крыльях, трех первых дементоров. Снейп, со всех сторон окруженный детьми, никак не мог прорваться сквозь сплошное море ревущих девчонок и орущих мальчишек; рыча от злости, он наступил на руку Колину Криви и злобно выругался. Гарри краем глаза заметил, как чинно сидит в уголке Драко Малфой, скромно прикрыв глаза, точно уставшая примадонна, охраняемая двумя телохранителями — Крэббом и Гойлом.

Почему-то бросилась в глаза его рука — тонкая, благородная синеватая от напряжения кисть, сжимающая палочку так сильно, что костяшки пальцев были почти белыми. Зачем ему, потомственному колдуну с чистой кровью влезать в это? Гарри почувствовал, что тут что-то не так, но недооформившаяся мысль не успела стать ясной и четкой, потому что из расплывающихся на глазах дыр — точно защиту кто-то расплавил кислотой — как орехи из мешка посыпались дементоры, и те трое, которые совершали обходной маневр вокруг Валери, оказались в большой компании. Валери тоже, поэтому все, что ей показалось возможным сделать в этой ситуации, чтобы спасти детей — бежать. И она побежала. Она сознательно уводила этих ужасных монстров за собой, и когда их стало уже слишком много, она повернулась к ним лицом.

— Нет! — отчаянно закричала Джинни.

— *Эспекто...* — начал Гарри, взмахивая палочкой, но тут...

— *Эспекто Патронум!* — крик Валери впился Гарри в мозг. Точно во сне он увидел, как из ее палочки выстреливает громадная серебряная туча. Туча собралась в гигантский столб серебра, оформилась и двинулась на дементоров. Она плыла медленно, но дементоры все равно бросились от нее врассыпную. Туча закачалась и начала видоизменяться. На глазах Гарри она оформилась в фигуру высокого худого старика в остроконечной шляпе с длинным посохом в руках. Длинные серебристые волосы Заступника вились на ветру. Со свистом взмахнув посохом, Заступник поверг наземь десяток дементоров, но на помощь мисс Эвергрин уже пришел Глориан Глендэйл. Он просто вытянул вперед руку, и из его пальца выскочили длинные золотистые искры. Искры неслись, точно пули, гоняясь за дементорами, наполнявшими весь двор. Глориан протянул Валери руку, и она вскарабкалась на борт вслед за последними перепуганными учениками: Сью и Гермией. Девушки, попав в объятия друзей, тотчас же разревелись от испуга. Гермией всю трясло, а Сью просто молча плакала, так вцепившись в руку Гарри, что на ней тотчас же остались следы от ногтей.

— Где ваш чертов Времяворот?! — орал Снейп, но в его голосе было слышно заметное облегчение. Валери оглянулась. Гарри с трудом мог разглядеть издали, как учителя собираются в линию прямо перед порогом Хогвартса, потому что сизо-серые силуэты дементоров уже заслонили их.

— Пора, — сказала Валери. Она быстро прошагала через сидящих детей к самой середине лодки и оказалась возле руля на корме. С помощью Глориана она повернула руль вверх, и под ним обнаружился самый натуральный переносной компьютер, лэп-топ. Экран горел, и на нем, точно нарисованный каким-то сумасшедшим сюрреалистом скринсэйвер, вертелись большие песочные часы.

— Программа включена, — бормотала Валери. Она повернулась к детям.

— Все возьмитесь друг за друга крепче! Сейчас нас хорошенько потряхнет!

Гарри впился пальцами в руку Рона. Это было достаточно трудно, потому что на ней уже висели Гермия и Джинни, а в самого Гарри вцепились Сьюзен и, почему-то, Клара. Зубы герцогини Ярли выбивали дробь от страха, куда подевалась ее знаменитая гриффиндорская храбрость.

Профессор Эвергрин посмотрела на часы и взялась за крохотный рычажок в виде песочных часиков на том месте, где у лэп-топа обычно бывал дисковод. Рычажок завертелся, а Валери быстро высчитала что-то в программе, подмигивающей с экрана. Откашлявшись, она посмотрела на Глориана. Тот уверенно положил руку ей на плечо.

— Ты справишься, — сказал он. — Ты сможешь, я верю.

Она вздохнула.

— Долго еще? — поинтересовался язвительный голос профессора Зельдедея.

— Будете подкладывать язык не вовремя, профессор, — брошу за борт! — пообещала мисс Эвергрин, взмахивая палочкой над цифрами. — Держитесь крепко!!! *Ллиарри эллберра йонна имларио гриннаген-гланнаген гленнойс ауройс!*

Их подняло над водой, потом во времявороте что-то громко щелкнуло (Гермию, сквозь слезы с напряжением наблюдавшая за действиями профессора Эвергрин, тихо вскрикнула). А потом Гарри почувствовал, как кораблик завибрировал, небо заволочило туманом, и начало растворяться на глазах вместе с очертаниями замка, кромкой столетних деревьев Запретного Леса и силуэтами Флер, Билла и присоединившейся к ним профессора МакГонаголл. Дементоры, бегущие к кораблю, вместо своих жертв поймали лишь пустоту: детей больше не было нигде, и черная гладь озера была так же тиха, как тиха бывает лишь осенняя вода, по поверхности которой плывет последний желтый лист.

Глава 18. Пленники прошлого.

Ощущения возвращались медленно. Первым из них была боль. Она какое-то время методично выворачивала наизнанку все внутренности, а потом ушла, испарилась, оставив после себе чувство незаполненности, пустоты окружающего мира, точно Гарри висел один посреди огромного Космоса. Потом возник страх, подобный тому, который находит на каждого человека, висящего над пропастью на сломанном пальце; дикий, необузданный, от него хотелось истошно кричать, чтобы пришел кто-то большой и сильный, помог, снял с проклятой скалы. Но никого не было, только кровь гулко стучала в ушах — все быстрее и быстрее, быстрее и быстрее, и не оставалось больше ничего, только это проклятое сердце, которое отчаянно не хотело угмониться, точно чувствуя нелогичность, неправильность того перемещения, которое затягивало Гарри все глубже и глубже. Стучащая в висках кровь казалась ему вековым отсчетом громадных часов. И тут куранты забили.

Гарри не знал, сколько он провалялся без сознания, потому что толчок, опрокинувший его на что-то твердое, ударивший его в подбородок, был настолько силен, что из глаз посыпались искры, а из ушей потекли струйки крови. Но последнее он обнаружил уже придя в себя, когда увидел красные пятнышки на своей рубашке. Гарри потряс отяжелевшей головой и огляделся. Большинство ребят были еще в глубоком обмороке, разбросавшем их по всему кораблю, но кое-кто уже шевелился. Гарри заметил, как Гермиона ползет по деревянной палубе к бесчувственному Рону. Лохматая шевелюра Гермионы сбилась в пушистый клок, по шее тек пот. Рядом с Гарри остервенело тряс головой Эрни Макмиллан, немного дальше, держась за деревянный борт корабля, пытались встать на ноги Терри Бут и Невилл Лонгботтом. Глориан нагнулся над лежащей возле руля мисс Эвергрин и попытался привести ее в чувство, высекая из пальцев голубоватые искры. Гарри еще раз помотал головой, стараясь собраться с мыслями и сфокусировать взгляд на чем-нибудь. Получилось. Золотая головка Валери под голубыми искрами из пальцев Глориана, оказавшимися при близком осмотре брызгами простой воды, наконец, зашевелилась. Она с трудом вытащила из-под себя одну руку, открыла глаза и хрипло спросила, невидящим взглядом глядя мимо Глора.

— Мы на месте?

— Все кончилось, — осторожность в голосе сэра Глендэйла почему-то напугала Гарри.

— Мисс Эвергрин, с вами все в порядке?

— Рука, — сказала Валери. И с трудом села. — И, ох!.. нога!

Глор ошупал ее колено.

— Все в порядке, — заметил он. — Просто подвернула. Гарри, ты как? — он с величайшей осторожностью повернул ногу Валери, и хруст сустава засвидетельствовал тот факт, что кость встала на место.

— Нормально. Но вот Рон... Рон! Гермиона, как он?

Гермиона сидела над Роном и брызгала на него из палочки. Не сработало. Тогда решительная Гермиона нагнулась и угостила Рона полновесной пощечиной. Этот прием оказался удачнее, и Рон приоткрыл один глаз.

— За что? — поинтересовался он умирающим голосом.

— На будущее, — облегченно вздохнула Гермиона и помогла Рону встать, подставив ему свое плечо. Рон прибрел к тому месту, где сидел Гарри и без сил свалился рядом. Гермиона стояла над ними и смотрела, как профессор Эвергрин подползает к подпространственному времявороту и осторожно касается пальцами клавиатуры. Экран был черен, и ничто не могло его разбудить.

— Что с времяворотом? — просипел Гарри.

— Проклятие! — мисс Эвергрин одним резким движением вскрыла прибор, и взгляду Гарри открылись его обугленные внутренности: спутанные обгорелые провода, дымящиеся платы и несколько серебристых трубок, тянущихся к маленькому ключу в виде песочных часов. Ключ посередине треснул. — О, нет!

— Профессор, — дрожащим голосом пробормотала Гермиона так тихо, что кроме Гарри и мисс Эвергрин ее никто не услышал. — Это значит, что мы не сможем вернуться?

— Если я не найду или не изготовлю нужные детали здесь — то да, — шепотом ответила Валери. Она еще раз дернула за обожженный провод, и он, пачкая ее остатками паленой резины, рассыпался у нее в руке. Валери Эвергрин закрыла руками лицо, и плечи ее затряслись.

Глориан Глендэйл обнял ее за плечи.

— Не плачь, родная. Не надо. Мы поможем тебе, мы все исправим!

— Ты не понимаешь, Глор! Где можно здесь достать то, из чего состоит времяворот?! — истерично выкрикнула Валери, сбрасывая руку Эльфа со своего плеча. — Это я виновата, что мы тут застряли!

— Это не ты предложила отправиться в прошлое, а директор Дамблдор.

— Не могу понять, на меня что — затмение нашло?! Как я могла согласиться на эту авантюру? Как я могла?

Гарри не мог ответить на этот вопрос. Вокруг начали собираться ученики. Все были немножко зеленоваты после такого приземления. Он поискал глазами Сьюзен и увидел ее рядом с Джастином Финч-Флечли. Она вытирала платком кровь у него на виске. Гарри нахмурился и демонстративно отвернулся. Драко Малфой нарочито громко стонал, прижимая ладони ко лбу, возле него тупо толкались Крэбб и Гойл, а над самим Драко куковала Панси, совершая над его лбом какие-то манипуляции волшебной палочкой. С другой стороны профессор Снейп помогал встать Блэйз Забини и Одри Вэмпс. Снейп со своего места прекрасно мог слышать то, о чем говорила мисс Эвергрин, но он и бровью не повел, упрямо повернувшись к ней спиной. Гарри присел рядом с Валери.

— Не надо, мисс Вэл, не плачьте. Мы обязательно найдем возможность вернуться!

— Конечно, найдем! — поддержала его Гермiona. — В прошлом существовали ужасно сильные заклятья, которые не сохранились до наших дней. Возможно, мы сумеем найти и использовать их!

— Для этого сперва нужно поговорить хоть с одним волшебником, а этого я допустить не смогу, — решительно вытирая глаза, объявила профессор Эвергрин. Она жалобно высморкалась и продолжила. — Вы же слышали, что я сказала: нас никто не должен видеть. Иначе это приведет к невероятным последствиям. Вы разве не слушали, что я говорила вам? Или вы ни разу не были на лекциях профессора Джонса?

Сзади всхлипнул Невилл.

— Профессор, как вы думаете, с ними, ну, с остальными учителями, ничего не случится? Когда мы вернемся, они будут...

— Лонгботтом, ты, придурок! Ты что, не слышал, о чем они говорили? — Драко Малфой на минуту перестал стонать и приоткрыл один глаз. — Мы теперь не сможем вернуться, идиот! Времяворот испорчен! Мы здесь застряли! Если бы мы не взяли тебя, то не случилось бы перегрузки, жирный урод!

— Малфой, заткни свою поганую пасть. Оставить на съедение дементорам нужно было тебя и твоих тумбообразных подельников — вот уж от кого точно возникла перегрузка! — повернувшись к Малфою, Рон вытирал галстуком пот со лба. Он злобно посмотрел на белокурого юношу. — И твою жирную подружку тоже!

— Ах ты, скотина? — заверещала Панси. Она бросилась на Рона и наткнулась на наставленную ей в грудь палочку Гермiony.

— ТИХО!!! — проорал Снейп. Он протолкался вперед и расшвырял в разные стороны Рона и Драко. Те разошлись, но продолжали сверлить друг друга ненавидящими взглядами. — Мистер Уизли, придержите язык! Мисс Паркинсон, позаботьтесь, пожалуйста, о мистере Малфое и его ранах.

— Да, профессор, — Панси с видом оскорбленной добродетели вновь принялась колдовать над синяком, горевшим у Драко на лбу. Сам Снейп, тем временем, прошел вперед и с ехиднейшей из коллекций своих злобных ухмылок обозревал картину плачущей Валери и утешающих ее Глориана и гриффиндорцев.

— Великолепно! — саркастически заметил он. — Какой авторитет вы заработали сегодня! Вы — специалист в своем деле, не так ли, профессор?

— Оставьте ее в покое, — негромко заметил Глор. Эльф резко повернулся и ткнул Снейпа пальцем в грудь. — Если вы немедленно не перестанете вести себя, как круглый идиот, то я за себя не отвечаю.

Снейп напрягся. Гарри — тоже. Место для драки было, мягко говоря, неподходящее.

— Дорогая, — певуче и успокаивающе поинтересовался Глориан у Валери, копавшейся в нутре у времяворота. — Ты можешь точно определить год, в который мы попали? Мы здесь ничего не напутали?

— Мы напутали и здесь тоже! Смотри, — она подняла голову и ткнула пальцем в одинокую колонку чисел — единственное, что еще оставалось на непроглядно черном экране. — Мы не

добрались до нужного года. Должны были попасть в 996 и не долетели еще сто лет. Я была здесь ровно сто лет назад. Глор, ты понимаешь, что за это время могло случиться все, что угодно!

Ресницы Глориана опустились. Веки сжались.

— Если не случилось ничего непредвиденного, — ровно заметил он. — То мой отец все еще жив.

— А если произошло то, чего ты боялся, Глориан, дорогой? — Валери сверлила глазами Эльфа так, словно вокруг больше никого кроме них не было. Гарри и Гермiona переглянулись, и краем глаза Гарри заметил, как, облокотясь на руль, за профессором по Защите от Сил зла и ее женихом наблюдает Северус Снейп

— Этого не произошло. Для нас время течет медленно, — убежденно сказал Древний Эльф. — Интересно, мы ошиблись только на сто лет, или еще на пару месяцев?

Валери обреченно вздохнула. Уже, мол, все равно, раз просчитались на целое столетие.

— Здесь еще начало октября. Листья пока не облетели, — она еще немножко поковырялась в останках времяворота и, наконец, бросила это бессмысленное занятие. — Наверное, нужно спускаться, пока наш корабль кто-нибудь не обнаружил.

— Всем собратся! — тут же резко рявкнул Снейп на учеников. — Поднимайтесь, живо, вы все! Нам нет времени на охи-вздохи, мистер Уитби! Мистер Дэйвис, прекратите танцевать над мисс Патил, они и сами справятся! Мисс Браун, бросьте наводить красоту, на эти идиотские штучки у нас тоже нет времени!

Валери отсоединила все шнуры и сложила времяворот. Со стороны он казался обычным ноутбуком, но здесь он явно выглядел бы нелепо, поэтому Глориан заботливо помог ей спрятать драгоценный времяворот в холщовый мешок.

— Как вы думаете, сэр, где мы находимся? — спросил Гарри у Эльфа, осматривая окрестности. Их ладья застряла на мели в одной тихой лесной речушке. Дно безнадежно пропороло опавшее дерево. Гарри повертел головой: ничего не указывало на то, что они оказались в прошлом, удалились от своего времени, своей привычной жизни с ее самолетами, компьютерами, гамбургерами, электрическими чайниками, бумажными салфетками (это из магловской жизни), скоростными метлами, живыми картинами, квиддичем, Министерством Магии и Всекусными орешками. Лес, как лес. Вот только... воздух. Гарри вдохнул поглубже. Воздух здесь был так чист, как не мог быть чист даже в их Запретном лесу: до постройки первого завода, до появления первого смога оставалось на меньше восьми веков.

— М-м-м... кажется, мы на границе с Шотландией, Гарри. Вернее, мы уже в Шотландии, а Англия — с той стороны, — Глориан махнул рукой куда-то назад. — Я знаю эти места. Не очень-то приятно, можем наткнуться на верховых вассалов местного тана. Надо бы перебраться через реку и поскорей пересечь границу. До встречи с первым эльфом нам придется идти почти сутки. Лес Теней отсюда довольно близко, но это по моим меркам. Сто пятьдесят человек будут идти куда дольше меня одного.

Они начали спускаться. Гарри взвалил на плечо рюкзак, прошлепал по воде и помог спуститься Гермione. Мостки, шаткие и потрескавшиеся, жалобно скрипели, пока по ним спускались ученики Хогвартса. Снейп стоял на берегу и внимательно всех подсчитывал. Последними спустились Глор и Валери. Времяворот был надежно закреплен в мешке у Валери на спине.

— Сто сорок семь, сто сорок восемь, посторонитесь, мистер Томас!.. Сто сорок девять... Так, где еще один?! — заорал Снейп, шаря взглядом по головам учеников. — Поттер здесь, Уизли здесь, Лонгботтом здесь... Кто еще мог потеряться?!

— Э-хм. Простите, сэр, — по сходням виновато заскользила Клара Ярнли. На плече у нее сидела Северина. Снейп вытаращился на животное с таким видом, точно Клара вывела погулять дракона.

— Что это такое, мисс Ярнли?! — злобно прошипел он.

— Белка, сэр, — прочистила горло гриффиндорская герцогиня. — Моя белка. Северина.

Все замерли, так как реакцию Снейпа предугадать не мог никто, но, пока реакции не произошло, — профессор Зельделия набирал побольше воздуха в легкие, дабы наорать на нахалку соответствующим ситуации образом, — вмешалась профессор Защиты от Сил зла.

— Перестаньте, профессор. Теперь уже ничего не изменишь. Клара, держи свою белку крепче! Если она сбежит, то...

— Я не могла оставить Северину там одну, профессор! — пылко воскликнула Клара, тиская белку в объятиях. — Она не такая, как совы, кошки или крысы, она любит дом и ласку! Если кошки

и крысы могут сбежать от дементоров, совы — улететь, а Тревор просто нырнуть в болото, то Северина ужасно привязана к нашей гостиной, и никуда бы не ушла! Эти ужасные существа нашли бы ее там и не пощадили! А я надела на нее шлейку, так что не беспокойтесь!

— У вас нет никаких сдерживающих начал, мисс Ярнли, — принялся перечислять все кларины грехи профессор Снейп. — Вы — невоспитанны и лживы! Всем было сказано — взять только...

— Профессор, пощадите наши уши. Нам сегодня нужно много пройти, хорошо, что сейчас здесь еще утро. Не будем зря отвлекаться на мелочи, — Валери повысила голос. — Идти за нами след в след! Не отставать! Разбиться по четверкам и хорошо запомнить, кто идет впереди и позади вас! Не отходить от тропы ни на шаг, запоминать дорогу. Все ясно?

Гул голосов подсказал ей, что ясно все и всем.

— Замечательно. Тогда немного отойдите, нам нужно спрятать корабль, — ученикам пришлось немного потесниться, когда профессора Эвергрин и Снейп вышли вперед. Они подняли палочки и заговорили на непонятной, видимо, самой древней разновидности латыни. Заклинание было похоже на церковный респонсорий: мисс Эвергрин начинала его, а Снейп заканчивал. С каждым новым словом исчезала очередная часть их корабля: сперва испарились сходни, открыв на всеобщее обозрение большую дыру по правому борту, затем — сам правый борт, руль, весла и так далее. Последними, как улыбка чеширского кота, исчезли флагшток и марс. Их древняя, а здесь — вполне современная ладья исчезла за какие-то минуты полностью, оставив после себя лишь слегка примятую траву и глубокий след в травянисто-песчаном дне реки. Набежала легкая волна, и узор на песке разгладился, точно здесь никогда и не было корабля.

Профессора опустили палочки.

— Что ж, Глориан, дорогой, веди нас.

Они двигались со всевозможной осторожностью. На лесной тропе шуршали опавшие листья, из рожи изредка слышались перешептывания каких-то животных (Валери предостерегающе заметила, что здесь могут водиться крупные медведи и лесные тролли) и редкое чириканье — холодная осень уже выгнала большинство птиц в теплые края. Впереди осторожно скользил Эльф — двигался он практически неслышно, но шедшие прямо за ним хуффльпуффцы поднимали изрядный шум, шаркая ногами. Где-то по окончании первой сотни детей в стороне неслышно плыла Валери Эвергрин, она осторожно оглядывалась по сторонам и предостерегающе косилась на особенно громко ведущих себя ребят. Завершал процессию профессор Снейп, подгоняя отстающих учеников палочкой и чертыханиями вполголоса.

Гарри все еще не мог поверить, что они сейчас находятся почти за тысячу лет до того времени, когда он сам появился на свет. Все вокруг было таким же обычным, как в любом другом лесу Англии. Держась за руки с Роном и Гермионой, он шел вперед, но не мог заставить себя двигаться тихо, постоянно отвлекаясь на окружающий его мир. Он несколько раз оборачивался и вытягивал шею, чтобы увидеть Сьюзен Боунс, идущую где-то впереди с тремя другими хуффльпуффцами (с Джастином Финч-Флечли, естественно!), но потом мрачно решил не лезть в их дела, раз им и без него неплохо. Он мог представить себе тысячу тем, на которые они могли бы сейчас поболтать со Сью, но вместо этого ему приходилось краем уха выслушивать длинный и тягучий экскурс в историю Англии. Гермиона шепотом пересказывала Джинни, последней в их четверке, те факты, которые она помнила об этих временах из школьного курса истории.

— И если, по моим подсчетам, мы оказались приблизительно в октябре 1096 года, то сейчас времена должны быть беспокойные. В Шотландии сейчас правит король Эдгар, весьма неадекватная личность, а в Англии — Вильгельм Рыжий, сын короля Вильгельма Завоевателя. Тоже весьма скользкий тип. К тому же норманнские дворяне, пришедшие в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем, ведут себя сейчас совершенно отвратительно. Они способны отнять замок у его исконного владельца, мотивируя это необходимостью охраны границ государства, я знаю точно, я читала об этом. Если учесть, что мы сейчас как раз на границе, то вполне можем встретить передовой отряд какого-нибудь норманнского лорда, грабящего шотландские границы или обложившего замок какого-то сакса. Хорошо, что я знаю французский!

— Так на этом французском языке говорили девять веков назад, — скривился Рон, с некоторым напрягом выслушивая очередную лекцию Гермионы. — Сомневаюсь, что ты учила древнефранцузский!

— Старофранцузский, Рон! Кое-кому было бы не лишним заглянуть пару раз в учебник истории.

— Все это муть и скука, — мрачно шепнул Рон Гарри. — Но я все равно думаю, что было бы здорово встретить здесь *настоящих* рыцарей! — в его голосе слышался явно с трудом

сдерживаемый восторг и ощущение сенсации. Однако чуткие уши Гермियोны уловили нотки надежды в интонациях Рона.

— Ты что, Рон, — испугалась она. — Не дай бог! Как ты думаешь, за кого они нас примут?

— На нас мантии, — возразил Гарри. — Мы вполне можем сойти за студентов Оксфорда.

— Оказавшихся в Шотландии? — язвительно переспросила Гермियोна. — Скорее, мы похожи на монахов и монахинь в этих ужасающе длинных хламидах. О, Мерлин, как же тяжело ходить в них по мерзлой траве!

— Ага, в джинсах куда легче, — вздохнула богатая невеста Джинни Уизли, явно жалея об оставленных в Хогвартсе трех парах новеньких Ливайсов, купленных этим летом.

— Я сейчас в джинсах! — радостно повернулся к ним Невилл, идущий спереди с Тоби, Кларой и Гордоном.

— Мне изобразить бурный восторг по этому поводу? — поинтересовалась Джинни, моментально выходя из себя.

Невилл вздохнул и отвернулся. Клара тут же начала ему на ухо давать советы по укрощению строптивой Вирджинии Энн Уизли, пока Северина перелезала с ее плеча на плечо Невилла. Гермियोна продолжила вполголоса выдавать очередную лекцию по истории для желающих ее послушать, а Гарри с Роном увлеклись обсуждением магловского и магического оружия, популярного в этот период времени. Рон утверждал, что палочки уже вытеснили волшебные посохи. Гарри был в этом не уверен. Сзади Парвати, Падма и Лаванда взволнованно обсуждали перспективу знакомства с благородным рыцарем, сэром Как-Бы-Его-Там-Ни-Звали-Все-Равно-Круто. Причем Лаванда высказала крамольную мысль: если таковой встретится ей на пути и предложит руку и сердце (В тот же миг? — язвительно любопытствовал Рон), то, с учетом возникшей у них проблемы с возвращением, Лаванда считала возможным принять это предложение.

— Если он окажется блондином, то я тобой согласна, дорогая! — зачирикала Парвати. Ее подружки весьма одобрительно отнеслись к ее вкусу.

— В шлеме с забралом, знаете ли, не очень хорошо виден цвет волос, — с ухмылкой обернулся к ним Гарри. Все три девицы мгновенно надулись. Идущий рядом с ними Кларенс Дэйвис — тоже, но по совсем другой причине.

Лес был пуст. Ни одно животное пока им не попало на глаза. Гермियोна была этому даже очень рада, в отличие от Рона, жаждавшего увидеть хоть одного живого медведя, зверя, которого он не изучал на уроке по Уходу за Магическими существами. Зато становилось холоднее. Пошел сперва мелкий дождик, а потом его холодные брызги превратились в морозную крошку. Теплые мантии на меху оказались весьма кстати. К полудню стали раздаваться первые просьбы о привале и еде.

— Чуть попозже, ребята, чуть попозже, — обещала мисс Эвергрин, шагая рядом с ними. Холод заставил и ее облачиться в ненавидимую ей форму одежды — мантию. Она хмурилась и зябко поеживалась, когда начинающий крепчать холодный ветер начинал хлопать полой ее мантии. Видно было, что она сильно устала и издергалась, но когда к ней обращался кто-то из детей, она старалась невозмутимо улыбаться. Гарри не мог видеть Эльфа из-за многочисленных спин впереди, но когда их процессия взбиралась на очередной лесной холм, светлые волосы Глориана мелькали на самом верху. Он-то был неутомим, но сам Гарри уже отчетливо начал чувствовать ногой каждый камешек, каждая песчинка, попавшая в ботинки, причиняла ему ужасные мучения. Спину ломило, как после двухчасовой тренировки по квиддичу. Рядом отважно шагал Рон, периодически вытаскивая Джинни и Гермियोны из каждой ямки. Пришельцы шли уже почти пять часов, и младшие из детей начали отставать и хныкать. Злобные выпады профессора Снейпа, понукание самых слабых волшебной палочкой и подпихивание в бок ногой уже не давали результатов. Когда профессор Алхимии в очередной раз пнул коленом крохотную второклассницу из Рэйвенкло, Бриджет О'Рейли, та упала и громко расплакалась. Мисс Эвергрин бросилась к ней, чтобы помочь подняться. Но Снейп опередил Валери, поднял девочку на руки и понес ее сам.

— Не отвлекайтесь, — буркнул он мисс Эвергрин. — Не стоит так беспокоиться. Она отдохнет несколько минут, а дальше прекрасно сможет пойти сама. Следите лучше за своими гриффиндорскими головорезами.

— Следите сами... за своим языком, профессор, — буркнула Валери. Она, не сходя с места, сотворила теплые носки и надела их на Бриджет. — Так лучше, милая?

— Спасибо, профессор, — пролепетала Бриджет. Снейп покрепче закутал ее в мантию, и Бриджет, согреваясь, добавила. — И вам тоже, профессор Снейп.

Снейп только что-то буркнул в ответ. Мисс Эвергрин смерила его странным взглядом и вернулась к середине колонны. Там уже начали роптать. В основном, слизеринцы, но и от ребят из Хуффльпуффа то и дело раздавались жалобы на холод, боль в ногах, усталость и голод. Гриффиндорцы пока молчали, но Гарри, шедший позади Тоби Табби отлично видел, что мальчишка крепится из последних сил. Им следовало сделать привал немедленно, иначе они рисковали начать падать от усталости. Невилл старательно бормотал что-то впереди. Гарри показалось, что он считает свои шаги, и, действительно, в ответ на недоуменный взгляд парня Невилл кивнул.

— Так идти легче. Сосредотачиваешься на счете и не замечаешь усталости. Две тысячи триста шестнадцать, две тысячи триста семнадцать...

— Интересно! — возбужденно воскликнула Клара, пристраивая продрогшую Северину себе за пазуху. — Как будто считаешь овец перед сном! Я тоже попробую, — она принялась считать, но на первой же сотне сбилась. Клара тоже сильно устала, но отчаянное стремление к какой-нибудь сенсации — еще бы, она же теперь не в 1996, а в 1096 году!!! — пока удерживало ее от того, чтобы упасть от переутомления.

Гермиона тащила из последних сил. Джинни дышала тяжело, как от быстрого бега, но молчала и, стараясь, чтобы Рон не заметил, как она устала, тщательно улыбалась брату. Гарри молча подхватил ее под руку, когда ноги Джинни, уже не слушаясь, начали цепляться за корни деревьев, и она с благодарностью ухватилась за Гарри. Когда Гермиона с надеждой взглянула на часы, чтобы узнать точное время, то обнаружила, что они остановились. Часы Гарри, как оказалось, тоже. И часы Рона. И у всех остальных стрелки на часах неподвижно и безнадежно замерли. Видимо, временной парадокс, в который они угодили на подпространственном времявороте, каким-то образом воздействовал на них. По прикидкам Гарри было уже около половины первого, когда впереди возник небольшой переполох, и процессия начала разваливаться, наступать друг другу на пятки и тыкаться носами в спины впереди идущих. Валери Эвергрин быстро пробежала вперед и успела подхватить Эмери Вайза за секунду до того, как маленький хуффльпуффец, потеряв сознание, упал на землю.

— *Энервейт!* Не толпитесь, ребята, дайте ему подышать свежим воздухом! — Валери достала из кармана какой-то пузырек и влила его содержимое в рот Эмери. Тот открыл глаза и непонимающе захлопал ресницами. — Ничего, дорогой, сейчас тебе станет легче. Я понесу тебя... Устал, да?

— Ничего, профессор. Я сам пойду! — сделал попытку отвертеться Эмери, но мисс Эвергрин ничего не желала слышать. Она бы действительно понесла бы мальчика сама, если бы капитан квиддичной команды Хуффльпуффа, здоровенный мягкосердечный громила Тед Тойли, не предложил бы свои услуги. Он перебросил Эмери через плечо, и тот продолжил свой путь уже верхом на Тойли.

— Я донесу его, профессор Эвергрин, не волнуйтесь.

— Теодор, ты тоже устал.

— Справлюсь, мэм. Не впервой, на матче со Слизерином мы и похуже уставали, — хмыкнул Тед и отправился на свое место в строю. Эмери виновато болтался у него на плече.

Это было, видимо, последней каплей. Больше идти вперед ни у кого не было сил, и, хотя профессора настойчиво убеждали ребят в том, что от этого зависит их безопасность, дети начали роптать. Потом в самой середине процессии возник очередной переполох — Драко Малфой упал в обморок. Еще до того, как Гарри подбежал к нему вслед за Гермионой и Роном, он был уверен, что Малфой притворяется. Профессор Эвергрин нагнулась, пощупала пульс у парня и, нахмурившись, встала.

— Мистер Малфой, думаю, вам следует отдохнуть, но все не настолько ужасно, как вам кажется. Вы вовсе не смертельно больны, — объявила она.

— У него температура! — возразила Панси Паркинсон, взволнованно прикладывая руку ко лбу Драко. Он еще раз с выражением застонал и многозначительно взглянул на профессора Снейпа, подошедшего посмотреть, что случилось. На руках у него покачивалась заснувшая Бриджет.

— Что произошло, мисс Паркинсон?

— Драко упал в обморок, профессор. Он очень устал. Мы все устали, сэр, давайте сделаем привал? — Панси умоляюще посмотрела на своего декана.

— И есть кошмарно хочется, — проворчал Крэбб, бросая голодные взгляды по направлению к лесу. — Профессор, а в этой чащобе не найдется ничего пожрать?

— Что за выражения, мистер Крэбб! Хотя, в общем, вы правы, долго идти вы не сможете, если не поедите... Предлагаю сделать привал! — сухо сказал Снейп, обращаясь к мисс Эвергрин и Глориану, подошедшему посмотреть, что случилось с Драко.

— Это очень рискованно, — возразил Глор. — Среди бела дня нас могут заметить!

— Я думаю, лежащие на лесной поляне трупы детей, погибших от усталости, тоже заметить будет легко, — с восхитительным сарказмом заметил Снейп.

— Наше путешествие может затянуться. Ночью идти мы не сумеем — нас слишком много, и кто-то из детей может отбиться. Но даже это не помешает кое-кому из здешних лесных обитателей напасть на вас. Тролли в этих местах весьма недружелюбны, и лесные, и горные, и речные. Тут разные есть.

Гарри вспомнил свой опыт общения с троллем и поежился. Рон выразительно посмотрел на него. Его вид явно говорил о желании двигаться дальше, несмотря на усталость. И, желательно, без Малфоя.

— Может быть, Малфой останется здесь ненадолго? Посидит, отдохнет, а потом нас догонит, — мрачно и тихо предложил Невилл откуда-то сзади. — И, надеюсь, когда мы уйдем, сюда сбегутся все тролли этого леса... чтобы пообедать.

Юмор Невилла не оценили ни Малфой, ни профессор Снейп.

— В таком случае, Лонгботтом, я могу оставить и вас здесь за компанию с мистером Малфоем. Думаю, тролли быстро разберутся, кто из вас упитанней, — зло сказал Снейп пухлому Невиллу, подавая руку Драко, чтобы помочь тому встать. Малфой, с видом, соответствующим ситуации, — томным и измученным — поднялся, прижимая ладонь ко лбу.

— Если я не поем чего-нибудь, профессор, я умру!

— Может быть, все-таки попробуем пройти *еще немного*? — в отчаянии сделала Валери последнюю попытку.

— Вы, *профессор*, можете идти, куда хотите, но учащиеся *моего* колледжа останутся здесь на привал. Отдыхаем ровно два часа! — громко объявил Снейп, разбудив своим зычным воплем спавшую у него на руках Бриджет. — Потом отправляемся дальше.

Валери и Глориан Глендэйл переглянулись.

— Ладно, — неохотно согласился Глор. — Только два часа, не больше. Сейчас рано темнеет, а мы должны успеть перейти Вонючий Бор до темноты.

— Вонючий Бор? — отвисла челюсть у Гарри.

— Там троллей больше всего скапливается. У них там что-то, вроде, поселения. Ни Эльфы, ни люди туда не ходят, говорят, тамошние тролли самые кровожадные, — пояснил Глориан, сбрасывая свой плащ на землю и усаживая на него Натали МакДональд и Эмери Вайза, самых уставших и промерзших. Гарри переглянулся с друзьями. Перспектива встречи с целой оравой троллей никого из них не порадовала.

Ученики расползлись по лесной поляне, и вскоре повсюду запылали маленькие волшебные костерки, на которые не пошло ни единой веточки. Они согревали, но никому почему-то не могли дать ощущения уюта. Дети сгрудились возле костров, вытягивая руки к огню, пытаясь избавиться от холодной колючей крошки, падающей с неба. Гермиона развела самый большой огонь, и младшие гриффиндорцы столпились возле их костра, жадно ловя каждую искорку тепла. Гермиона задумалась на минуту, а потом произнесла:

— *Фоверус!*

Гарри почувствовал, как кровь быстрее потекла по его венам. Согревающее заклятие подействовало немедленно, и разлившееся по телу тепло приятно защекотало ему пальцы. Рядом довольно вздохнул Рон.

— Гермиона, ты — гений!

— Я это давно знаю, — несколько самодовольно отозвалась Гермиона, поплотнее укутывая мантией Люка Дэниэлса. — Согревающее заклятие довольно простое, но я сомневаюсь, что смогу таким же образом накормить всех нас. У меня сил не хватит, чтобы сотворить всем еду, — она нахмурилась, видимо, вспоминая свой не слишком удачный опыт на Магическом Домоводстве. — Профессор Эвергрин, а что здесь можно найти съедобного? Или нам попробовать сотворить что-нибудь, вроде шоколада? Он у меня неплохо получается.

— Шоколада здесь пока нет, Гермиона. Мы не можем рисковать. Надо что-то придумать, — Валери Эвергрин, будучи профессором по Защите от Сил зла, не слишком хорошо представляла себе, как накормить одним хлебом тысячу человек. В конце концов, она не специализировалась в Магическом Домоводстве.

— Я могу сотворить яблок, — заметила Лаванда. — Они у меня выходят почти как настоящие.

— А я — пирожки, только без начинки, — предупредила Ханна Эббот.

— Вижу, если не я позабочусь о еде, этого здесь не сможет сделать никто, — ехидно усмехнулся профессор Снейп. Он осторожно положил Бриджет на руки Глориана и встал с трухлявого пня, на который опустился раньше. — Мистер Норд, мистер Блаунт, мистер Монтегю, мистер Уоррингтон, подойдите ко мне. Для вас есть работа, господа.

Трое здоровенных слизеринцев с интересом подошли к своему декану. Снейп что-то коротко объяснил им, повернулся и тоном приказа велел следовать за ним. Уоррингтон, Норд, Монтегю и староста Слизерина, Освальд Блаунт, отправились за профессором Снейпом прямо в лес.

— Вы куда это собрались? — вытаращила глаза Валери Эвергрин.

— Не ваше дело, профессор, — заметил Снейп, даже головы не повернув в ее сторону. — Если вам так нравится — сидите голодом и морите им ваших гриффиндорцев, но *своим* ученикам я голодать не позволю.

Мисс Эвергрин, похоже, потеряла дар речи. Глориану пришлось взять ее за руку, чтобы она не бросилась вдогонку за Снейпом, требуя отчета в его действиях.

— Он что, с ума сошел? — недоуменно проводила Гермиона взглядом Снейпа. — Мы для чего тут все вместе держимся? Чтобы не потерялся никто! А он просто так взял и ушел, как будто это — обычный лес.

— Во, псих! — с еле заметным оттенком уважения протянула Клара. Она посадила Северину на землю, и белка сразу же полезла шарить по карманам Невилла, которого особенно любила. Карманы были пусты, что белку немного расстроило. Северина села на задние лапки и глубоко задумалась о людской несправедливости вообще и жадности Невилла Лонгботтома в частности. Сам же Невилл все еще думал о другом.

— Гарри, как ты считаешь, если мы сможем вернуться, то все в Хогвартсе будет так, как прежде? Все будут живы? — последнюю фразу Невилл произнес очень тихо.

Гарри поежился.

— Не знаю. Надеюсь, что все так и будет. Ты же знаешь, Дамблдор, конечно, немного ненормальный, но у него есть какая-то идея, он сам сказал. Но его план, кажется, был очень опасен, поэтому он предпочел нас отправить оттуда, чтобы мы не попали в самое пекло.

— Мы попали в куда худшее пекло, — мрачно изрекла Гермиона, невидящими глазами уставившись в зачаровывающий ее своими переливающимися оттенками огонь. — Он же сам настоял, чтобы мы улетели в прошлое, хотя понимал, как это опасно. И что мы имеем в результате? Времяворот сломан, хорошо, если его удастся починить, а если нет? Мы тут застрянем надолго.

— Если не навсегда, — тихонько добавил Гарри, утыкаясь подбородком в колени.

Все это время он отчаянно думал, как же им теперь попасть обратно. Насчет времяворота он не обольщался: надежда, которую питали на починку времяворота многие его друзья, его не ласкала. Летом Гарри видел, как у мисс Эвергрин сдох компьютер. Она ужасно расстроилась и ругалась: накрылась материнская плата. Чтобы ее заменить, ей пришлось аппарировать в Лондон и покупать новую, процесс замены, свидетелем которого он стал, оставил в памяти Гарри впечатление, как от сложнейшей операции на сердце. Но если запчасти к обычному компьютеру можно было запросто достать в XX веке, то здесь это ему представлялось невозможным. Вопрос, по его мнению, заключался в том, как теперь жить дальше. В XI веке. Этими соображениями он и поделился с Роном. Шепотом, чтобы не услышали Джинни и Гермиона — неисправимые оптимистки. У Рона на это был только один ответ:

— Да ты рехнулся, Гарри! Даже если все будет хуже некуда, я все равно здесь не останусь! Ты шутишь, у меня же мама с ума сходит *там!* Она потеряла Фреда, неизвестно, где сейчас мой отец и Перси, может быть, их уже поймали! Если мы с Джинни не вернемся, она сойдет с ума, — мрачно закончил Рон и исподлобья посмотрел на Гарри. — С помощью времяворота или нет, но мы с ней должны *как-то* вернуться домой. Гермиона говорила о сложных заклятиях, которые не сохранились до наших дней, а вдруг она права, и одно из них способно перенести нас обратно? Ты точно уверена в том, что они есть, Гермиона? — настойчиво потряс Рон рукав своей старосты.

— М-м-м... ну, почти... — промямлила Гермиона, делая вид, что ужасно занята тем, что кутает в сотворенное ей теплое одеяло ноги Люка и Гордона. Гарри встретился с ней глазами и мгновенно все понял. Если такие заклятия и существуют, то Гермиона определенно не знает, где их искать. Гермиона отвернулась, и каждый из них остался наедине со своими мыслями. Гарри понимал, что настойчивая Гермиона никогда не откажется от решения найти способ вернуться

обратно, в этом отношении она была похожа на Валери Эвергрин. Но если его молодая опекунша имела привычку чисто по-женски по очереди впадать в отчаяние, затем в панику, а затем таким решительным образом приступать к исправлению ситуации, что та практически мгновенно изменялась в лучшую сторону, то Гермiona сперва серьезно все обдумывала, взвешивала все «за» и «против», а затем шла напролом к решению проблемы. Рон не сомневался, что все будет — должно быть! — хорошо, потому что не мог представить себя частью этого нового для него, но такого старого мира, что он казался ему неправильным, ненормальным и довольно страшным. Но его гриффиндорская храбрость не позволяла признаться в своих слабостях, поэтому Рон отчаянно скрывал страхи, несмотря на то, что они просто кричали, заявляя о себе из глубины его потемневших от напряжения рыжеватых глаз.

Гарри обернул полу мантии покрепче вокруг тела и зябко потянулся к огню, вполуха слушая, как гриффиндорцы обсуждают все то, что пока еще не существует в этом мире: горячий душ (Гермиона), писсуар (эту глубокую мысль высказал Симус Финниган), лак для ногтей (грустный вздох со стороны Парвати Патил), квиддичквиддичквиддич (унылое гудение из кучи прелых листьев, в которую зарылись братья Криви). Как все они странно относятся к тому, что могут никогда не вернуться домой, изумленно понял Гарри. Точно никто не воспринимает все это всерьез! Его одноклассники явно убеждены в том, что это — серьезная, но разрешимая проблема. Его же пугало другое: на его памяти мисс Эвергрин никогда еще так не срывалась, и подобный ужас от осознания груза ответственности за детей, который, как она считала, лег на ее плечи, он ни разу не видел в ее глазах, из чего заключал, что они угодили в редкостную по своей кошмарности переделку. Сегодня он понял, что Валери — обыкновенная женщина, несмотря на все свои суперспособности. Живя с ней бок о бок все лето, Гарри до сих пор представлял ее каким-то неземным существом из-за того, что Валери была латентом. Впрочем, это его даже порадовало. Хоть что-то может меня еще порадовать, мрачно усмехнулся он про себя.

Но факт оставался фактом: они могут остаться здесь навсегда. И Гарри стало страшно: вокруг было столько его друзей и знакомых, а он вдруг почувствовал себя одиноким и маленьким, точно все они отличались от него и стали чужими. Даже Рон. Даже Гермiona. И Гарри встал. Его потянуло к тому человеку, который, как он почему-то понял, единственный способен понять его.

Сьюзен подняла глаза, когда рука Гарри легла ей на плечо. Она только что закончила наколдовывать Согревающее заклятие для самых маленьких хуффльпуффцев и теперь сидела над их костром. В темноте напротив нее сверкнули глаза Джастина, метнулись к Гарри и снова опустились в огонь.

— Сью, можно тебя на минутку?

Она послушно поднялась и отошла за ним в сторону.

— Что случилось, Гарри? — она была встревожена, но, тем не менее, вела себя чрезвычайно спокойно. Нервные смешки и трескотня, которую издавали Парвати, Лаванда, Гвинетт и другие гриффиндорцы, мрачная задумчивость, в которую впали девочки из Рэйвенкло, или истеричные вскрипы, доносившиеся от кучки слизеринских красавиц, не затронули кружок девушек из Хуффльпуффа. Сьюзен была бледна, но держалась великолепно. Они отошли в сторону, за колючие заросли поздней ежевики, переплетенной с кустами шиповника, и Гарри устало прислонился к громадному кедру.

— Сью, прости, но... мне... мне страшно, — выдавил из себя Гарри. Его руки сжали край мантии. Он успел подумать, что сейчас катастрофически и навсегда упадет в глазах той девушки, мнение которой (единственной!) о нем было Гарри не безразлично, но не смог больше сдержать то напряжение, которое скрутило его нервы в тугий узел с того самого момента, когда он увидел кровавые капли, стекающие по пальцам профессора Снейпа. Больше он не мог. Он был Гарри Поттером, Мальчиком-Который... впрочем, поправка: он больше не был маленьким мальчиком. Отрочество кончилось, как и детство.

Но Сью поступила нелогично. Вместо того, чтобы презрительно пожать плечами, броситься его утешать или поступить как-нибудь еще, она просто обняла его. Вот так. Просто взяла и обняла. И Гарри ощутил, как ее губы, теплые и такие сладкие скользят по его щеке.

— Замечательно, Поттер! Вы нашли время для этого даже в такой момент!

Сзади раздался утробный гогот. Януариус Норд и Десмонд Уоррингтон ржали, широко распахнув пасти с гнилыми от хронического пожирания сладостей зубами-пеньками. Освальд Блаунт мрачно смотрел мимо Гарри, на лоб ему свисала потная прядь. Найджел Монтегю презрительно скривился на Сью и перевел ехидный взгляд на Гарри Поттера. Профессор

Северус Снейп разглядывал Гарри с каким-то особенно злобным и насмешливым лицом. Перед слизеринцами покачивались в воздухе туши трех оленей.

— Профессор! Но разве это можно?.. — успела прошептать Сьюзен. Слизеринцы вновь заржали.

— Не будем мешать вам, Поттер, — Снейп прошел мимо них, язвительно скривившись. — *Мобиликорпус!* — Олени потянулись следом за ним. Ян Норд, проходя мимо Гарри, двинул его локтем.

— Вы, кажется, окончательно сошли с ума! Что вы наделали, профессор? — послышался возмущенный шепот мисс Эвергрин.

— Я сошел с ума? Я всего лишь хочу накормить детей, но если вам и вашему *избраннику* не по вкусу такая еда — можете отправляться в лес искать что-нибудь другое. Кстати, уже темнеет, и, надеюсь, вы заблудитесь, что послужит вам хорошим уроком, — костер запылал сильнее, олени туши вспрыгнули на большие толстые ветки и закачались над пламенем. — Что молчите? Никогда не ели оленину? Впрочем, с вашими кулинарными способностями...

— Откуда вы знаете о моих кулинарных способностях? — мрачно. — Наводили справки?

Снейп отвернулся и принялся поворачивать оленя над огнем.

Через час:

— Нам пора идти, — Глориан, упрямо, поднимаясь с трухлявого пенька.

Презрительный взгляд.

— Это *вам*, может быть, пора. Дети еще голодны. Проклятые животные жарились слишком долго.

Глориан Глендэйл передернул плечами. Он никогда не ел мяса.

— Но уже темнеет!

— Значит, мы останемся тут на ночь, не тащить же детей с собой по ночному лесу. Подойдите ко мне все, кто хочет есть, остальных просьба не беспокоиться!

Первыми к профессору подбежали слизеринцы. Жадно отталкивая друг друга, они становились в очередь под пристальным взглядом декана. Снейп выделил каждому по небольшой доле.

— Этого слишком мало, профессор! — Драко Малфой голодным взглядом проследил за тушами еще двух оленей, которые сами поворачивались над кострами.

— Вам хватит, мистер Малфой, — железным голосом. — Больше одного раза я предлагать не стану! Живо!

К кострам потянулись все остальные. Есть хотелось давно и каждому. Гарри и Сью принесли по кусочку Гермione и Рону. Пережевывая мясо, Гарри очередной раз сознался себе, что получилось чертовски вкусно, и Снейп — вовсе не всегда такое чудовище, каким хочет казаться. И готовит он, кажется, куда лучше профессора Эвергрин...

— Мы не договорили...

— Проклятие, Эльф! Если так хочешь помочь, то иди и сам приведи сюда своих родичей! Дети долго шли, устали и не знают, попадут ли еще домой! Вам тоже нужно прекратить проливать слезы, профессор Эвергрин.

— Я *не* проливаю слезы!

— Что ж, возможно, *больше* не проливаете, беру свои слова назад. Накормите самых маленьких и позаботьтесь об одеялах для ночлега. Надеюсь, сотворенные вами одеяла не исчезнут посреди ночи?

Тихое шипение со стороны мисс Эвергрин:

— Язвительная скотина...

— Что вы сказали?

— Вам показалось, профессор...

Сью прислонилась к плечу Гарри и задремала. Гарри, смертельно уставший, уронил голову на спину Рона и успел увидеть только, как мисс Эвергрин накрывает одеялом Клару, а Северина сворачивается калачиком сверху. Его так неудержимо потянуло в сон, что Гарри не мог больше думать ни о чем. Смертельная усталость навалилась тяжелым камнем, он услышал, как рядом раздался храп Невилла и тихое сопение Джинни, а потом уже не мог слышать ничего, потому что крепко уснул.

Глава 19. Волшебное средневековье.

Проснулся Гарри оттого, что его кто-то настойчиво пихал в бок. Он открыл один глаза и сквозь догорающее марево костра увидел силуэт Гермियोны.

— Гарри, Гарри, вставай, слышишь, — требовательно шептала она. Гарри осторожно переместил головку Сьюзен на спину крепко спящей Клары и потряс головой. Он протер глаза и огляделся: практически все ребята крепко спали, сбившись небольшими группками и укрывшись мантиями. Видимо, он проспал только около пары часов, сейчас должно было быть не больше восьми вечера, так что же случилось?

Гермиона осторожно подергала за рукав Рона.

— Рон, просыпайся, живее!

— Ну что еще? — послышался недовольный сонный голос гарриного приятеля.

— У нас гости, — прошептала Гермियोна, указывая на костер, вокруг которого сидели преподаватели.

Гарри надел очки и внимательно пригляделся. Странное дело, еще недавно горевшие волшебным зеленоватым пламенем костры теперь, слегка чадя, жадно пожирали сухие сучки и листья язычками обыкновенного ало-оранжевого огня. Глориана и след простыл, зато мисс Эвергрин и профессор Снейп сидели возле костра в компании двух совершенно незнакомых Гарри людей. Оба человека, как Гарри смог различить в мареве пахучего дымка, были одеты во что-то, вроде длинных грязных серых хламид или ряс, перепоясанных веревками. У старшего из них, грязноватого, нечесаного толстого человека с короткой лохматой бородой, торчащей вперед, на голову был накинут залатанный капюшон, а к поясу приторочен небольшой кожаный кошель. Он сидел ближе всех к огню, устало протягивая к пламени обветренные, жилистые руки, выдающие сильного человека, много работающего на открытом воздухе. На почтительном расстоянии от него примостился юноша, примерно одних лет с Гарри или чуть помладше. Молодое, еще не покрытое первой щетиной широкоскулое лицо, на бледной коже которого выступали многочисленные веснушки, показалось Гарри не злым и не отталкивающим. Мальчик осторожно пытался натянуть подол своей рясы на тощие босые ноги в одних худых сандалиях и крепко прижимал к боку большую сумку. Взлохмаченные волосы мальчишки и острые цепкие глаза почему-то напомнили Гарри близнецов Уизли. Но во внимательных, жадных зрачках не было ни намека на любовь к хорошей шутке, напротив, они были не по-детски серьезны. Одна рука у него бессильно висела вдоль тела.

Валери встала и, взяв свое одеяло, начала укрывать им острые торчащие коленки мальчишки. Тот виновато заелозил:

— Спасибо, преподобная сестра, я как-нибудь...

— Господь велел помогать страждущим, милый юноша, а усталые путники входят в эту категорию. Святой Мартин же разделил свой единственный плащ с нищим, почему бы и мне, скромной сестре во Христе не сделать то же самое? — благочестиво прошептала мисс Эвергрин, подтыкая одеяло вокруг худых грязных пяток паренька. — И угощайтесь тем, что нам послал Господь на ужин!

— Аминь! — столь же благочестиво отозвался спутник мальчика и размашисто перекрестился одной рукой, другой остервенело почесываясь. Он подцепил остатки оленя и ловко принялся укладывать их в свою объемистую пасть. Мальчик же к еде не притронулся.

Только сейчас Гарри с изумлением заметил, что Валери и профессор Снейп выглядят совершенно по-другому. На Северусе Снейпе был надет какой-то совершенно невозможный подрясник, конечно же его любимого черного цвета, но один к одному похожий на те тряпки, которые болтались на обоих пришельцах. Мисс Эвергрин щеголяла светло-серой откровенно монашеской рясой с белым капюшоном на голове, полностью закрывающим ее золотистые волосы и модную стрижку. Выражение ее лица было абсолютно непроницаемо, но Гарри обратил внимание, то она держится чрезвычайно осторожно и в то же время отчаянно старается соответствовать ситуации, как актриса на сцене во время своего дипломного спектакля. Он украдкой переглянулся с Роном и Гермियोной. Рон еле заметным движением подбородка заставил Гарри обратить более пристальное внимание на Снейпа. Профессор устроился подальше от огня, хотя было уже ощутимо холодно, и изредка бросал на странников короткие брезгливые взгляды. Его губы изредка презрительно изгибались, и Гарри вскоре понял от чего: от обоих пришельцев отчаянно воняло, точно они не мылись много дней.

— Благодарю за ваше гостеприимство, преподобные брат и сестра, — заметил старший из путников, продолжая разминать над огнем смерзшиеся руки и дожевывая остатки оленины. — Мы уж думали, что не сможем долго протянуть в этом кошмарном лесу, да еще и без еды. Конечно, Лесные законы сейчас строги, и стрелять дичь без позволения владельца земли не разрешается, но нам, несчастным монахам, ведь много не надо, так? — хихикнул он. — Когда мы проходили через Оттаднийские пУстыни, тамошний настоятель не советовал нам отправляться в Эдинборо этой дорогой. Восточный тракт, сказала его преподобие, намного безопаснее, и на нем можно встретить множество добрых мирян, которые пожалеют странствующих братьев и пожалуют им от щедрот своих монетку или кусочек хлеба, но все оказалось куда хуже. На границе тракта с Шотландией засели отряды танов МакДугалла и Кэмпбелла. Мало того, что они ссорятся между собой, так они по очереди захватывают единственную дорогу и налагают на прохожих такие подати на проезд, что даже многим богачам он не по карману! Мы решили сойти с дороги и идти лесом, хотя нас пугали, говорили, что в здешних зарослях каких только чудовищ не встретишь. Пока, правда, мы никого не встретили, видимо, благословение Господне было над нами. Но кому мы обязаны нашим пристанищем, поведайте нам, о святой отец? Выговор у вас не местный, — добавил он осторожно, но любопытство отчаянно сквозило в его вопросе.

Снейп недовольно пошевелился. Видимо, он думал, что же можно ответить на подобный вопрос в подобной ситуации. Он брезгливо одернул на себе рясу и раздраженно ответил, тщательно подбирая слова:

— Мы, то есть, я и мои послушники, из монастыря святого... м-м-м... Патрика на Холмах. Идем...

— Святого Патрика на Холмах? О, простите, брат мой, но я никогда не слыхал об этом монастыре! Где же расположена ваша обитель? — старшего из преподобных странников все еще снедало любопытство. Мальчик бросил на него немного, как показалось Гарри, укоризненный взгляд.

Профессор Снейп подумал еще немного. Ситуация начинала его раздражать.

— В Шотландии, где же еще, — буркнул он.

— В Северных землях много монастырей, конечно, — стараясь быть вежливым, закивал монах. Он поплотнее укрылся полрой рясы и продолжил задавать вопросы, обратившись уже к Валери. — А почему вы путешествуете вместе, преподобная мать? Разве вы не опасаетесь, что...

— О нет, о мой благочестивый брат, — поджала губы мисс Эвергрин, в один момент превратившись в чопорную монахиню. — Напротив. Настоятельница нашей обители Святой Марии, расположенной поблизости от монастыря святого Патрика, зная о том, как беспокойны нынче дороги, разрешила отцу Северусу и его послушникам сопровождать нас. Мы идем поклониться мощам святой Геновефы, привезенным недавно в Кентерберийский собор. Мои послушницы должны принять постриг в местном женском монастыре и выполнить там свои обеты после Рождества. Увы, мой брат во Христе, нам впервые за наше путешествие пришлось заночевать в лесу, и я не меньше вас опасаюсь за нашу безопасность, — мисс Эвергрин откинулась на большое бревно после этой речи, и Гарри заметил, как у нее горят щеки. Видимо, она ужасно переволновалась. — А кто вы, святой отец и откуда путь держите?

— О, простите, простите сестра, за то, что мы до сих пор не представились! Мы из Гластонбери, я — отец Карадок из Ллантвита, а это — мой послушник — Джефффри из Монмута. А как ваше благородное имя?

— Х-м-м-м... Сестра Валери из Эксетера, что в Думнонии. Я воспитывалась... далеко отсюда, но несколько лет назад вернулась в монастырь Святой Марии и приняла постриг. С тех пор на мне лежит обязанность присматривать за нашими послушницами, а какие работы вы выполняли при вашей обители, брат Карадок?

— Я-то — бывший монастырский келарь, а мальчишка подвизался младшим помощником библиотекаря, — принялся со вкусом рассказывать отец Карадок, видимо, довольный тем, что его слушают. Говорил он быстро, словно боясь, что его прервут. — Вы, конечно, знаете, о нашем горе? Кажись, с тех пор, как сместили наших аббатов, преподобного Этельварда и преподобного Этельнота, об этом знает вся Британия! — у преподобного отца Карадока чесался язык, так хотелось рассказать об этом, и он ужасно надеялся на то, что его спутники ни о чем не слышали.

— О, мой святой брат, до нашего отдаленного монастыря все новости доходят так долго, — скромно поджала губы Валери. Снейп хмыкнул, но отец Карадок не обратил на это ни малейшего внимания — так ему хотелось поделиться новостями.

— Эх, святая сестра, вести о несчастьях, обрушившихся на нашу обитель, кажется, известна в Британии всем и каждому! С тех пор, как на престол вместо нашего святого короля-мученика Гарольда взошел Гийом Норманнский, в нашей святой церкви несть числа несчастьям! После того, как архиепископ Кентерберийский возложил венец на голову этого жестокосердного чудовища, он и сам вскоре пал жертвой его злобы. Его ставленники даже после его смерти и восшествия на престол его бесноватого сына, Вильгельма Рыжего продолжают нагло истреблять коренных жителей нашей зеленой Родины, выселяя из домов и замков самые высокородные семьи. И не только несчастных мирян грабят его негодные сообщники, но и даже в дела святой церкви начали самым беспардонным образом вмешиваться совершенно посторонние люди. Молитвами братьев к господу нашему, к святым Дунстану, Альбану, Ильтуду и Кадоку, возможно, нам удалось отсрочить наступление Страшного Суда для нашей обители... Жаль, ненадолго, — отец Карадок мрачно нахмурился и уставился в огонь.

Гарри услышал скрип пера и оглянулся. Гермiona вынула из кармана обрывок пергамента и, несмотря на почти кромешную тьму, старательно записывала то, что рассказывал странствующий монах. Причем, почти вслепую. Рон, как Гарри ухитрился заметить, покрутил пальцем у виска и вернулся за Гарри к дыре в зарослях ежевики, из которой они подглядывали за тем, что делается на поляне возле костра, где их преподаватели разыгрывали опасный спектакль перед аборигенами Средневековья.

— Где Глориан? — краешком рта спросил Гарри у Гермiony. Она дописала последнюю закорючку и прошептала в ответ:

— Ушел пару часов назад. Он сказал, что приведет своих друзей, и они вместе проводят нас до места, где живут Эльфы.

Все это время послушник по имени Джеффри из Монмута слушал гневную тираду отца Карадока с видимым неудовольствием, и тот отметил это.

— Гляньте, гляньте-ка на этого малахольного норманнского выродка! — выкрикнул он, тыча пальцем в Джеффри. — Помешанный книгочей — законченный слабоумный идиот, — добавил он, мерзко хихикая. — Скажешь, ты не был прихвостнем этого подлого ставленника короля Уильяма — Торстена из Кэна? Король и его прихлебатель — архиепископ Лафранк, назначили его на место нашего настоятеля отца Этельнота. Ну да, преподобный отец был не дурак покушать, да и выпить любил хорошенько. И это не такой большой грех, если сравнить с теми грабежами и убийствами, что на совести у многих норманнских волков. Да, он продал кое-что из нашей золоченой утвари. Но это все он делал лишь для того, чтобы откупиться от загребущих лап норманнов, разевавших рот на земли и сокровища нашей древней обители! А подлец Торстен Кэннский вел себя тише воды ниже травы и ползал на брюхе перед этими жадными свиньями, волками свирепыми! Та свобода, которой он, по его словам, хотел добиться для нашего монастыря, была нужна ему, чтобы, подобно злобному кесарю, безраздельно властвовать над нашей обителью. Мы долго терпели его выходки, но когда эта низкая тварь потребовала, чтобы мы вычеркнули из нашей литургии гимны и молитвы к святым нашей земли — святому Кадоку, святому Гильдасу и святому Дунстану, родоначальнику славного монастыря нашего, и включили туда иностранные песнопения на норманнском диалекте, мы этого не стерпели и начали роптать. А этот подлец? Что, спрашивается, он сделал? Он вызвал целый полк королевских лучников, и те безжалостно начали нас расстреливать прямо в церкви, как слепых котят, пока мы метались там, обезумевшие от ужаса. Молитва к святому Дунстану надоумила меня спрятаться под большим корытом, из которого поят свиней, поэтому я и выжил, один из немногих других наших братьев. А это малахольное отродье я после битвы подобрал в притворе с покалеченной рукой и сжалился над ним. Я решил отправиться к своему кузену, что служит обедни с другими братьями монастыря святого Петра под Эдинборо, а мальчишку прихватил потому, что он грамотен и мог пригодиться мне в дороге. Нечего, нечего паять на меня свои белесые зенки, — заорал на мальчика отец Карадок. — Я знаю, вы с твоим нечестивцем настоятелем вместе писали доносы на нас своим норманнским дружкам!

— Отец Торстен обучал меня грамоте, — тихо сказал Джеффри себе под нос, но Гарри и Рон все равно услышали его. — Он обещал отправить меня учиться к своему знакомому священнику в Оксенфорд, отцу Уолтеру.

— Сын волчицы твой Уолтер! Я слышал о нем: негодный пастырь, вместо того, чтобы проводить день в молитвах и затем, благочестиво возблагодарив Господа за ниспосланную ему пищу, приступить к трапезе, он жертвовал все свои деньги на покупку совершенно ненужных книг и древних свитков, кои читал с возмутительной для его положения частотой. Я всегда говорил, —

заметил Карадок, обращаясь к Валери. — Что от грамотеев в нашем мире все зло! Они вместо того, чтобы распространять светоч знания Господа нашего, направляя все труды на заучивание наизусть всех молитв и служб во славу его, сами пытаются писать еретические цидулки, в коих тщатся подвергнуть сомнению некоторые положения нашей веры.

— Но отец Уолтер занимается историей, — возразил Джеффри, осторожно пряча под одеяло котомку с пергаменами. — И никакой он не еретик! Он прислал мне книгу...

— Которую ты с собой таскаешь с тех самых пор, и даже сам ставишь какие-то заковыки на ее полях. Да, да, я знаю, что ты и сам пописываешь какие-то возмутительные писульки. А после трагедии, случившейся в нашей обители, что бы вы думали, этот мальчишка, раненый, кинулся выгребать из библиотеки какие-то книжки и утащил их с собой. Он еще и вор!

— Неправда! — щеки у Джеффри покраснели, и он вскочил на ноги, с себя одеяло. — Я спас эти книги, вы же сами знаете, что многие из ваших «*братьев*» после того, что случилось, хотели поджечь монастырь! А это же сочинения Достопочтенного Беда, Ненниуса Благочестивого и славного Святого Гильдаса! Я ни за что не бросил бы «*Руины Британии*», труд всей его жизни, погибать в огне безверия и безграмотности!

— Молодец! — прошептала Гермiona.

Гарри смотрел на юношу, который в ярости напал на уже пожилого толстенького отца Карадока. Джеффри, при всей его кажущейся хрупкости, выглядел куда сильнее и умнее старого упрямого келаря. Даже профессор Снейп с удивлением поднял одну бровь. Все то время, пока Валери Эвергрин старательно поддерживала разговор, он сидел в стороне и, по-видимому, запоминал все, что услышал, дабы потом извлечь из этой информации какие-то полезные факты.

— Насчет Святого Гильдаса и святого Ненниуса не скажу, не знаю, — возразил Карадок. Забыв о разнице в возрасте, он распаленно полез в драку со своим послушником. — Но этот Беда был крещеным язычником, а таким доверять можно не больше чем раскаявшейся ведьме!

Гарри навострил уши.

— Глупости! — резко бросил Джеффри. Он тоже забыл о том, что находится не один, видимо, такие споры были для них с отцом Карадоком не редкость, так что даже присутствие посторонних людей не смогло сдержать их обоих. — Если бы вы *умели читать* и прочитали все эти книги, то знали бы, что колдуны и ведьмы далеко не так страшны, как вы думаете. Они часто помогают людям, например Мерлин...

— Нет! — заорал Карадок и швырнул в Джеффри обугленной палкой из костра. — Сатана говорит твоими устами, мальчик, и, дай Бог, чтобы ты не ведал, что творишь своими еретическими речами! Что подумают отец Северус и сестра Валери о твоей греховной страсти к чтению и писанию басен, это твое дело, но сейчас ты начинаешь впадать в страшный грех ереси! Прекрати смущать их своими мерзкими выдумками о короле варваров! Потому что, я знаю, сейчас ты начнешь петь песни о нем!

— М-м-м, святой отец, вы не слишком ли преувеличиваете? — Валери осторожно попыталась успокоить монаха, разбушевавшегося, как медведь. Подбородок почтенного священнослужителя трясся, как желе. — О каком это короле варваров вы говорите?

— Об этом нечестивце *Артуре*, конечно! — с отвращением выплюнул отец Карадок ненавистное имя. — Проклятый Монмут все уши мне прожужжал: Артур то, Артур се... Об этом легендарном коронованном язычнике!

— В *Анналах Уэльса* говорится, что Артур три дня перед сражением на горе Бадон носил щит с крестом Господа нашего, после чего победил в сражении! — запальчиво возразил Джеффри, возмущенно размахивая длинными худющими руками. — Он был святым государем! С тех пор еще никогда Британия не поднималась до благоденствия времен Артура Пендрагона.

— То, что твой великий король советовался с колдуном, говорит о том, что, либо он сам был таким же чернокнижником, как и его Мерлин, либо просто гнилым язычником, как и те, что в капищах поклонялись деревьям и приносили им в жертву младенцев, — отец Карадок испуганно перекрестился.

— А почему вас так интересует этот вопрос, молодой человек? — совершенно внезапно ссору двух монахов перекрыл низкий голос Северуса Снейпа. От неожиданности Гарри вздрогнул. — С какой стати вы заинтересовались историей этого колдуна Мерлина, столь неподобающей для чтения человеком вашего призвания?

Гарри и Рон переглянулись. Гермiona продолжала строчить пером по огрызку пергамента так исступленно, что ей бы мог позавидовать фанатик маггло-магической истории профессор Джонс. Сзади них зашевелились гриффиндорцы, видимо, их разбудила громкая истерика отца Карадока.

Гарри немного засомневался, как поступят слизеринцы, когда увидят рядом с собой двух монахов. Впрочем, Гарри был уверен в том, что они не сделают ничего без приказа профессора Снейпа, который в данный момент почему-то заинтересовался беседой с пришельцами, хотя раньше ему их соседство казалось крайне отвратительным.

— Это был уникальный человек, — глаза у Джеффри загорелись, и на его впалых щеках выступил румянец. — Если он сумел помочь столь великому государю обрести меч, который потом хранил его во всех битвах, то...

— Но он же был колдун! — профессора явно забавлял этот юный пламенный оратор.

— Ну и что? — прошептал Джеффри, отворачиваясь к жаркому огню. После этого вопроса он окончательно растерял всю свою смелость, видимо, осознав, что именно он только что доказывал.

— Еретик! — пригрозил ему кулаком отец Карадок.

— Мне кажется, юный отрок, вам не следует так открыто демонстрировать свое положительное отношение к колдунам, если они сейчас не в фаворе, — ядовито ухмыльнулся Снейп. — Разве я не прав, святой отец? — добавил он, обращаясь к брату Карадоку.

— Ваша правда, мой брат во Христе. Говорят, в Лондоне уже начали сжигать подлых ведьм и колдунов так же, как за границами нашего славного острова, — воодушевился отец Карадок. — Разве это не замечательно? Мы сумеем, наконец, избавить страну от их зловония!

— Вы находите? — глаза Снейпа снова нехорошо блеснули.

— Я молюсь об этом каждый день, отец Северус, — благоговейно заметил уэльсский священник и вновь истово перекрестился. — Аминь! Колдовство и колдуны — это настоящее Зло!

— Я так не думаю. Настоящее зло — это тьма и непросвещенность! — пылко возразил Джеффри. — Когда-нибудь Мерлин снова вернется на эту святую землю и пробудит ото сна великого Артура от волшебного сна на Яблочном Острове. Король вернет себе свой меч, отопьет из волшебной чаши и встанет как ни в чем не бывало, живой и юный! Вместе со своими доблестными рыцарями он восстановит мир и справедливость в нашей стране, и больше не будет ни усобиц, ни еретиков, ни норманнов или британцев, — упрямец Джеффри не желал отказываться от своего мнения даже под угрозой отлучения от церкви.

— Жди, жди своего короля, мальчишка... Придет он, как же, держи карман шире, — хмыкнул отец Карадок. Гарри заметил, что профессор Снейп осторожно направил на толстого монаха свою палочку.

— *Сомнус Стернере. Обливиате*, — пробормотал профессор, и отец Карадок тут же сонно опустился на землю и громко захрапел. Джеффри наблюдал за этим ритуалом со странным выражением на лице.

— Слава Господу, наконец, он замолчал, — воскликнул юноша с любопытством рассматривая палочку, направленную теперь на него. — Что это вы делаете, святой отец? Сестра Валери — и вы тоже? — воскликнул Джеффри, увидев, что на него теперь наставлена и длинная светлая палочка мисс Эвергрин.

— Прости, мальчик, но это необходимо, — негромко сказал Снейп, и оба профессора взмахнули палочками. Джеффри Монмутский не успел испугаться.

— *Обливиате! Сомнус Стернере!*

Джеффри невидящими глазами посмотрел на них и упал в кучу листьев.

— *Мобиликорпус!*

Тела двоих монахов приподнялись и, аккуратно перелетев поляну и маленький овражек, приземлились на другой стороне ручья, даже не уронив по дороге одеял, в которые были закутаны.

— Совсем не обязательно было так пугать этого мальчика, — заметила Валери недовольно. Она внимательно присмотрелась к мирно почивающим странникам, с помощью палочки вновь возвращая на плечи свою теплую мантию вместо унылой серой монашеской робы. — Я понимаю, того отвратительного жирного упрянца, но Джеффри, этого милого мальчика...

— *Глупый* мальчишка. Надеюсь, он ничего и никогда не вспомнит о нашей беседе. Для его же блага надеюсь. Тем не менее, двое этих маглов сослужили нам неплохую службу: благодаря им мы навели справки о кое-каких фактах и настроениях, царящих в обществе маглов. Неплохо было бы встретить еще и какого-нибудь волшебника...

— Профессор, я не считаю эту идею удачной. Пока мы не на Инисавале, нам постоянно угрожает опасность. Хорошо хоть дети не проснулись.

— Проснулись, — недовольно заметил Снейп. — Поттер и его дружки уже почти час наблюдают за нами. Уизли, если бы мы были в школе, то за подобные мысли я бы снял с вас полсотни баллов, но на ваше счастье я пока не собираюсь тратить на это драгоценное время.

— Вот *гад*, — буркнул Рон и вылез из кустов.

— И мисс Грэйнджер, дайте-ка мне то, что вы там писали! — рука Снейпа требовательно вытянулась и поманила Гермиону длинным пальцем.

— Но, профессор, это же так, пометки, только для меня, я не показала бы их *никому!* — Гермиона умоляюще прижала к груди кусочек пергамента, но голос профессора Снейпа не оставил ей никаких шансов.

— *Ассио записка!* — маленький обрывок бумаги вырвался из пальцев девушки и с готовностью подлетел к профессору Зельдедея. — *Инфламмо!* Здесь не должно остаться ничего, что может нас обнаружить. И не нойте, мисс Грэйнджер, вы же староста, какой пример вы подаете младшим ученикам вашего колледжа, — ехидно добавил он, видя, как Гермиона обиженно выпятила губу.

Гарри с интересом отметил, что в отсутствие Глориана Глендэйла руководство их отрядом, по-видимому, взял на себя Снейп, а не профессор Эвергрин. Валери молчала и нервно смотрела в огонь.

— Надо уходить, — вдруг сказала она.

— С чего это вдруг? — язвительно поинтересовался Снейп, нервно размахисто шагая вокруг костра. — Вы что, уже не стремитесь дождаться своего ненаглядного? Или, напротив, так не терпится встретиться с этим коротышкой, что вы готовы срывать детей с места прямо ночью?

— Профессор, замолчите, наконец! Я не могу объяснить этого, но у меня, кажется...

— Несварение, простите?

— Не прощу, хамло и пошляк! — ледяным голосом прорычала мисс Эвергрин. — У меня *предчувствие!*

— Предчувствие чего? — таким скептическим лицом Снейпа Гарри не видел с тех пор, когда профессор смотрел на то, как Невилл запикивает крупно порезанную сушеную гюрзу в отвар, восстанавливающий отрубленные конечности. Как и многие другие преподаватели и ученики, профессор Зельдедея и Алхимии с большим сомнением относился к Прорицаниям. Впрочем, сама профессор Эвергрин — тоже, поэтому Гарри был немало удивлен ее словами. Глаза у Валери горели, на щеках выступили крупные красные пятна, грудь часто вздымалась, точно ей было трудно дышать.

— Что это с ней? — испугался Рон. — Слушай, Гарри, с Парвати тоже такое было, помнишь?

Их прервали. Сзади, возле гриффиндорского костра, отчаянно завизжала Лаванда. К ней, не разобравшись со сна, что случилось, присоединились другие девочки, и вскоре лес был наполнен звонкими перекатами женских криков и визга. Гарри и Рон протолкались к Лаванде, возле которой уже стояли на коленях Джинни и Гермиона. Заспанная Парвати, у которой на щеке виднелся рубец от косы, сдерживала руки Лаванды за спиной.

— Молчать! — проревел Снейп, проталкиваясь сквозь толпу пищащих второклассниц из Хуффльпуффа. — Прекратить истерику!

— Что случилось? — Симус пытался перекричать Лаванду, но безуспешно. Снейп, протиснувшись, наконец, к гриффиндорскому костру, потряс Лаванду Браун за плечи, и не добившись этим никакого результата, ударил ее по щеке. На хмурых лицах стоящих вокруг гриффиндорцев читалось резкое неприятие снейповой методики по приведению в приличное состояние девушки, находящейся в истерике. После третьей пощечины крик Лаванды захлебнулся и перешел в тихий дрожащий писк. Девушка вскочила на ноги, и в ее полубезумных глазах плясал страх.

— Скорее уйдем отсюда! — закричала Лаванда. Она рванулась в темный провал леса, но Снейп успел перехватить ее за запястье и теперь крепко держал, не давая убежать. Лаванда отчаянно выкручивалась из его рук, но добилась только того, что он ухватил ее и за талию и с силой опустил обратно на землю, где, кажется, на девушку нашло просветление. Она замотала головой, прогоняя наваждение.

— Лав, что это было? Ты что-то видела, да? — испуганно под села к ней Парвати.

— Это был просто дурной сон, — перебила ее Гермиона, щупая пульс у задыхающейся Лаванды. — Мы все перенервничали, устали, конечно, тебе могло присниться все, что угодно!

Лаванда вырвала у Гермионы свою руку.

— Это был не сон! — выкрикнула она. — Нам грозит опасность! Нужно бежать отсюда! Профессор Эвергрин, вы же мне верите, правда? — взмолилась она, цепляясь за руку Валери. — Вы тоже это почувствовали?

Гарри увидел, как Малфой сонно крутит пальцем у виска, и услышал, как слизеринец презрительно бормочет что-то Крэббу, вроде, «*гриффиндорские психопатки*»!

Мисс Эвергрин спокойно положила свою ладонь поверх дрожащих пальцев Лаванды.

— Лаванда, милая, это длилось всего минуту и не могу сказать, что я уверена...

— Но я уверена, профессор! Они идут к нам! Их много! Они ужасны!

— Да кто идет-то, кто ужасен? — влез Рон в кучу ребят, работая локтями.

— Прислушайтесь! — приказала Лаванда, настойчиво поднимая палец.

Одним взмахом руки Снейп приказал галдящим школьникам замолчать. Воцарилась тишина. Все напряженно ловили каждый звук леса. Гарри старательно прислушивался вместе со всеми. Вот зашевелилась на ветке какая-то птица, встряхиваясь во сне. Вот хрустнул сучок, возможно, под копытом вышедшего на охоту зверя. Вот где-то далеко зашуршали кусты, может быть, в них дремало семейство оленей. Еще слабый треск — тоже зверь? Гарри вдруг почему-то тоже передалось ощущение тревоги, дрожащий ли локоть Лаванды, острый и холодный, невольно внушил ему такое странное чувство? Или нет? Гарри видел, как Валери Эвергрин сжимает палочку в кулаке, как Гермiona напряженно ловит каждый звук леса, как Рон осторожно притягивает к себе Джинни. Как Парвати расширенными черными глазами всматривается в глубь чащи. Как Сьюзен подвигается поближе к младшим хуффлупфцам, как Джастин (опять!), в свою очередь, подходит ближе к ней. Он закрыл глаза и дал лесу поглотить себя целиком. Он слушал знакомый гул в ушах, но на этот раз он не был ни умиротворяющим, ни вообще сколько-либо информативным. Лес напрягся в ожидании чего-то страшного, и в его редких испуганных звуках поселилась тревога. Мысли одноклассников мешали Гарри сосредоточиться, и он лавировал среди чужих сознаний, взволнованным потоком пытающихся влиться в него. Но неожиданно что-то появилось. Что-то чужое и ужасное. Оно не было ни мыслью, ни сознанием, оно просто было. И шло прямо на них. Гарри открыл глаза и встретился ими со Снейпом. Профессор тоже услышал *это*.

Вдалеке мелькнул огонек. Уже любой мог слышать тяжелые шаги, раздававшиеся отовсюду. И гулкий, утробный рык.

— Всем собраться в круг! — проорал Снейп и пинками начал сгонять перепуганных сонных школьников в одну кучу. Валери взмахнула палочкой и прошептала какое-то заклятие. С кончика маленького светлого кусочка дерева сорвалась тонкая серебристая стрела и унеслась в лес. Спустя секунду она уже вернулась обратно, задрожала в воздухе перед профессором Эвергрин, начала деформироваться, ее окутало сверкающее облако, а через мгновение облако сгустилось и приняло облик... большого лохматого тролля.

— Лесные тролли! — воскликнула Валери. — Черт! Надо убираться отсюда!

— Уже некуда, — желчно прокомментировал Снейп и громко рявкнул. — Старшие ученики — окружите младших! Создайте заслон в несколько рядов! Атака по моей команде: первый ряд одновременно выстреливает Сногшибателями, потом все пригибаются, и атакует второй ряд! Всем ясно? Не слышу?!

— Всем! — отозвались растерянные голоса школьников.

— Надеюсь, на Защите от Сил зла вы не забыли рассказать им о троллях? — Снейп поднял свою палочку и направил ее на первую грузную тень, с шумом ворочавшую колючий куст и продиравшуюся сквозь него.

— Этот раздел преподают на уроке Ухода за Магическими Существами, — отрезала Валери. — Сумеете создать большую защитную стену, профессор? Или вас этому не учили?

— Защита нам не поможет, их тут целая стая!.. Так и знал, что ничего путного они из ваших уроков не вынесли! Уход за троллями, говорите? Интересно было бы посмотреть на психа, согласного на такую работу

И тут Гарри увидел первого тролля. Вернее, сперва он его почувствовал. Гарри помнил, как жутко вонял экземпляр, давным-давно оглушенный Роном в туалете, но сейчас у него возникло впечатление, что тот запах усилился в сотни раз. На поляну, где они расположились на ночлег, разом вылетело такое количество троллей, что Гарри невольно попятился, наступив на ногу Рону. Троллей было *кошмарное количество*! Гарри успел насчитать тридцать три, когда бешено вопящая лохматая куча понеслась на него. И разум куда-то исчез, остались лишь рефлексy,

которые у него успели выработаться на уроках Защиты от Сил зла и Ухода за Магическими Существами.

— Залп! — это был крик Снейпа.

— Ступефай! — Громкий вопль одновременно из нескольких десятков глоток. Палочки шести- и семиклассников одновременно выстрелили Сногшибателями, опрокидывая первые ряды троллей в беспорядочную кучу. Тролли повалились на своих собратьев, устраивая порядочную кучумалу. Ученики слаженно присели, и толпа на их головами оцетинилась палочками пятиклассников и третьеклассников. Гарри видел, как здоровенный тролль валяющийся прямо перед ними, начинает шевелиться. Сногшибатели действовали на этих громил, но не были для них смертельны. Второклассники сзади догадались зажечь свои палочки, и теперь, когда свет исходил не только от почти погасших тускнеющих костров, Гарри смог, наконец, разглядеть троллей. Они были громадного роста, каждый, наверное, высотой больше двадцати футов. Тролли были невероятно уродливы: маленькая голова каждого скрывалась за копной тонких, свалывшихся в колтуны зелено-бурых волос, массивные плечи тоже были серо-зеленого цвета, а от громадных колоннообразных ног содрогалась земля и... тошнило по-страшному. Тот вонючий тролль из хогвартского туалета по сравнению с этими дикими особями благоухал просто как летняя роза. От лесных троллей несло тиной, болотом, какими-то полуразложившимися трупами (или этот запах исходил от их могучих растоптанных пяток?) и едким потом крюкорогов — по этой причине рядом с ними никто кроме троллей не мог находиться слишком долго. Попадавшие вповалку тролли начали активно шевелиться и злобно рычать. Видимо, они охотились стаями и привыкли к отпору со стороны потенциальной добычи. То, что тролли не брезгают и человечинной, кажется, знали все ученики, и подобная мысль придавала всем еще больше желания покончить с ними. На детей поперла очередная ревуще-воняющая волна.

— Залп!!!

Блеснули палочки третьего и пятого класса. Подкошенные ударом тролли могли только рычать и болтать огромными пятками в воздухе, но, как только они поднимались на ноги, то становились еще злее. Палочка Валери Эвергрин плюнула огнем в ближайшую разверстую пасть, из которой ужасающе несло гнилью. Пасть взвыла и исчезла во тьме, но на ее месте немедленно оказалась другая, такая же отвратительная. Тролли были везде, их количество уже давно перевалило за сотню, задние ряды напирала на передние все больше и больше, и никакое защитное заклятие уже не могло бы их сдержать — только периодически выпускаемые волшебными палочками Сногшибатели.

— *Петрификус Тоталус!* — это Гермиона сообразила применить другое заклинание. Ближайший к ней тролль покачнулся, но, вместо того, чтобы упасть на своих сородичей, полетел в самую гущу детей. Раздался громкий визг, в котором можно было отчетливо различить вопли Панси Паркинсон, и круг распался. Земля загудела, когда парализованный тролль грохнулся на нее, обдавая ребят кисло-гнилостными оттенками собственного запаха. Ситуация, подумал Гарри, с всей очевидностью вышла из под контроля. Он метнулся в сторону, едва успев прихватить с собой и Джинни, взвизгнувшую от ужаса: на них мчались два громадных экземпляра лесных троллей, и на их бугорчатых мордах играло явное предвкушение сытного обеда.

— *Ступефай!*

Сколько бы нас ни было, устало подумал Гарри, уворачиваясь от колоссальных вонючих пяток, мы все равно не сможем справиться с ними. Интересно (ой! черт! — очередной тролль, рыча и утробно завывая, носился по поляне за Крэббом, самым похожим на эту тупую гору вонючих мускулов, и чуть не наступил на Гарри), как долго мы сможем продержаться? Краем глаза он ухватил кошмарную картину — Драко Малфой, истошно вопя, карабкался на нижний сук толстого дуба, а снизу его неделикатно дергал за край мантии колоссальный троллище с самой зверской и голодной мордой, какая только может представиться. Край мантии трещал, сук тоже, тролль был голоден, а Малфой так напуган, что палочка бесполезно тряслась в его руках. Смотреть на это было ужасно, поэтому Гарри не выдержал:

— *Астринжео!*

Троль сперва не понял, откуда взялись эти толстые веревки, опутывающие его с ног до головы. Потом попытался выпутаться. Не помогло. Троль обиженно заревел и задергался в своих путях, с жадностью глядя на Драко, поспешно уползающего на самый верх дуба. Веревка оказалась куда крепче, чем предполагало животное: она натянулась, и тролль грянулся оземь, продолжая истошно вопить, скорбя о потерянном ужине. Малфой же был уже так высоко, что никакой тролль, даже сильно потряса столетнее дерево, уже не мог его достать. Верхушка дуба

сильно дрожала — Драко был изрядно напуган перспективой угостить своей голубой кровью кого-нибудь из здешних лесных обитателей. Гарри невольно позавидовал Малфоя, который из всех своих соучеников находился в явно выигрышной позиции — по деревьям, судя по всему, тролли лазить не умели — и оглянулся на отчаянный вопль. Сьюзен! Он как-то подсознательно понял, что кричала она. Неужели с ней что-то...

Случилось. Но не с ней. Гарри опрокинул заклятием громадного тролля, с рычанием тащившего за ногу по земле Джастина Финч-Флечли. Голова хуффльпуффца безжизненно цеплялась за корни деревьев. После того, как тролль соблаговолит выпустить Джастина из лап и грохнуть на землю, несчастного хуффльпуффца еще и придавило его весом. Риска попасть на зуб очередному чудовищу, Гарри, путаясь в толпе орущих и разбегающихся детей, бросился к Джастину, по дороге отметив, что Рон и Гермиона, не теряя времени, надели на другого тролля: Рон впился мертвой хваткой в его правую лапу, Гермиона — в левую, а на заливке восседала гриффиндорская герцогиня и, злорадно ухмыляясь, производила с головой тролля какие-то загадочные манипуляции, тыча в нее палочкой. Раздался небольшой, но ощутимо звонкий хлопок, и рожа тролля покрылась гнойными прыщами. Клара возликовала.

Добравшись до Финч-Флечли, Гарри пал на колени рядом с ним и с помощью Сьюзен попытался выцарапать полураздавленную ногу Джастина из-под троллей туши. Джастин морщился и скрипел зубами: нога была явно сломана. Гарри и Сью оттащили его под дерево, на котором сидел Малфой, сотрясающий его своим страхом, и Сьюзен попыталась осмотреть ногу одноклассника. Гарри стоял над ней, вскинув палочку, готовый отбросить заклинанием любого тролля, если он посмел бы сунуться к Сью. С ногой у Джастина было плохо.

— Надо срочно наложить повязку. *Тэниа Биндум!* Гарри, у него сломаны кости.

— Тогда бросьте меня и бегите, — прохрипел Джастин, белый от боли.

— Заткнись, — посоветовал ему Гарри, отскакивая от очередного волосатого чудовища, которого с криками, гиканьем и грохотом только что уложили на землю рэйвенкловцы и хуффльпуффцы. Тед Тойли осторожно вытаскивал у тролля из лап здоровенную дубину, а Мэнди Брокльхерст и Элоиза Миджет, повизгивая от ужаса и одновременно — от сладкого ощущения собственного подвига, связывали троллю ноги. — Мы не в театре, Джастин. Сейчас мы вылечим тебе ногу, только заткнись и перестань принимать драматические позы.

— Больно? — участливо спросила Сьюзен у Джастина. Тот скривился, стараясь не показать, как ему больно на самом деле. Гарри отчетливо ощутил себя лишним, но, пересилив себя, не отошел от них. Сью нельзя было оставлять одну — Джастин ей сейчас ничем не поможет.

— Что, мугродье, на тебя наступил маленький тролль? Наступил и не заметил? Немудрено: он просто не обратил внимания на такой мусор, как ты! — послышалось с вершины дуба.

— Малфой, если ты сейчас же не заткнешься, я спущу тебя вниз, — пригрозил Гарри темному пятну, копошившемуся наверху. — Еще одно слово из этого района, и ты пойдешь на корм троллям!

— А ты, Поттер, как всегда у нас герой! Благородный Гарри Поттер помог белобрысой Боунс вытащить ее хахалю с поля боя! Потрясающее зрелище!

— Малфой, я тебя предупредил! Или ты вообще меня не слышишь? Конечно, лучше забраться повыше и сидеть там, пока за тебя все сделают другие. Как это храбро, ничего не скажешь! — процедил Гарри сквозь зубы. — Как по-слизерински! Трус несчастный!

— Поттер, с твоей слабой головенкой мудрено отличить трусость от осторожности, — насмешливо хмыкнул Малфой откуда-то сверху. Он завозился, устраиваясь поудобнее, и на Гарри, Джастина и Сьюзен полетели листья и древесная труха. — Гриффиндорскому психу этого не понять!

Гарри плюнул и решил больше не обращать на Малфоя никакого внимания, тем более внезапно оказалось, что та победа, которую они практически одержали, кажется, начала поворачиваться к ним спиной. С глухим рычанием на поляну вновь посыпались тролли, видимо, пришедшие на подмогу своему авангарду. Троллей было много, очень много, но если бы не многочисленные вспышки волшебного огня и свет, исходивший от палочек самых младших школьников, их появление было бы не так заметно. Первой среагировала профессор Эвергрин. Бросив наколдывать веревки на лапы очередного чудовища, она резко развернулась и ударила ногой первого из вонючих громил в самое *чувствительное* место. Тролль завыл, и его утробный рык превратился в злое ревер. Его правая лапа размахнулась и смела Валери Эвергрин как пушинку. Она упала, зацепившись ногой за корень дерева, палочка выскользнула у нее из рук и укатилась куда-то в опавшие листья.

— Мисс Эвергрин! Валери! — Гарри не думал, что делает. Он знал, что ей угрожает опасность, что если он не сделает что-нибудь немедленно, то может случиться ужасное. Но помощи она никогда не попросит. Никогда.

На мгновение все слилось перед глазами Гарри. Перед его глазами замерзла одна большая картина: Валери, и зависший над ней огромный тролль, замерший в прыжке по направлению к ней профессор Снейп, похожий на огромную хищную птицу, восторженный мокрый Рон с яростью наседавший на лохматого тролля, ухватившего Гермиону за волосы, нечеткие силуэты Джинни, Клары, Гордона и Тоби, тащившиеся по земле за еще одним чудовищем, сжимающим в лапах исцарапанного Невилла, по-видимому, потерявшего сознание. Их было так много, они так старались, но этот проклятый злобный мир, совсем не похожий на романтические картинки в его воображении, вознамерился поставить их на колени. И ему это, кажется, удалось. Палочка Гарри поднялась в тот момент, когда на нее упала огромная тень и тролль, размером больше, чем слон, с ревом протянул к Гарри свои лапы...

Но тут блеснули разноцветные камни эфеса, и короткая зеркальная сталь клинка с чавканьем впиалась громадному троллю в брюхо. Затем копыта ударили второе омерзительное чудовище под дых, тролль согнулся пополам, грянулся оземь, и только тут Гарри успел разглядеть своих спасителей: их было невероятно много, и пришли они невероятно вовремя. Пронзительно-яркими пятнами они выделялись на фоне ночи и крови. Мелькали неразличимые лица Древних Эльфов, как крылья птиц вспархивали белые плащи, и в свете факелов и горящих палочек сияли яростью удивительные серебристые, сиреневые и фиолетовые глаза. Впереди всех на белоснежном единороге скакал Глориан. С его меча капала кровь.

— Ну, Гарри, как вы тут без меня? — поинтересовался он. — Я знал, что этому типу не следует доверять вашу охрану, — его глаза метнулись к Снейпу. Тот в это время применял Сногшибатель к особо крупному и волосатому экземпляру, наседавшему на Валери. Уложив редкостную гору мышц отдыхать, профессор Зельделия наклонился над троллем и брезгливо сморщил нос: его жертва явно отличалось еще и отменно мерзким запахом.

Остальные Эльфы рассыпались по поляне, добывая остатки троллей, и Гарри поразила холодная жестокость, с которой они расправлялись с врагами. Весь лес, кажется, наполнился воплями, и неистовым бешеным ревом троллей. Гарри увидел, как один из Древних одним ударом отрубил руку большому троллю с зелеными буграми на морде. Выражение лица у Эльфа в этот момент было совершенно безжалостное. Тролль истошно взвыл, Гарри покорило, и он заметил, с каким отвращением и ужасом наблюдает за этой сценой Гермиона. Рон и Эрни держали на прицеле очередного тролля, когда Глориан спешил к ним.

— Отойдите, ребята!

— Стойте! — не выдержала Гермиона, бросаясь наперерез Глору. По ее лицу текла струйка крови. — Не убивайте его!

— Гермиона, девочка, это же *тролль*. Это всего лишь мерзкий лесной тролль, — нетерпеливо отодвинул ее в сторону Глориан Глендэйл. — Они — мусор наших мест! Язва на теле этого леса!

— Но он же *живой*! Пусть он огромный и страшный, но он — *живой*! А вы хотите его убить, профессор! Не надо, — почти билась в истерике Гермиона. Рон оттащил ее, и Гарри с ужасом увидел, как одним точным движением Глориан пронзил троллю сердце.

Гарри стало дурно. Точно сквозь какую-то темную дымку он наблюдал за тем, как Эльфы вылавливают последних троллей с помощью длинных блестящих искр, вырывающихся у них из пальцев. Искры были похожи на электрические и поражали троллей будто током. После попадания в цель искра шипела, и тролли начинали орать от боли. Гарри увидел, как стоящий рядом с ним Эльф без колебаний направил такую искру троллю в глаз, и огромное существо грузно свалилось к его ногам, так что низкорослому воину даже не пришлось обнажить меча. Все это походило на страшный сон. Яркий свет волшебных палочек, крики, рев и хрюканье преследуемых троллей, звонкое ржание единорогов, глухие удары копыт по жирным телам, крики и беспорядочный визг девочек, лица учеников Хогвартса, оказавшихся в самом центре настоящего боя, все слилось в одно большое пестрое пятно, дрожащее перед глазами и жадно требующее от Гарри немедленного участия в битве. Но он все так же стоял, сжимая свою палочку в руке, и не понимал — зачем? За что? Оглушить, отшвырнуть, обезоружить или парализовать — одно, но убить?

Добро пожаловать в XI век, сказал себе Гарри, наблюдая за тем, как два Эльфа с совершенно спокойными лицами превращают очередного тролля в кровавое месиво, действуя настолько слаженно, что Гарри не сомневался в том, что они читали мысли друг друга.

В волшебное, романтическое Средневековье.

Глава 20. Инисаваль.

Гарри еще никогда не ездил на единороге. Он думал, что это очень пугливые животные, старающиеся не попадаться на глаза человеку, будь он магом или маглом. Но здесь единороги были совершенно ручные и слушались Эльфов так же беспрекословно, как ранее беспрекословно слушались Глориана лошади. Правда, к женщинам единороги, действительно, относились с бОльшим доверием: эльфы усадили на них половину всех девочек, и животные даже не шелохнулись. Ни один единорог не взбрыкнул. Зато когда на них стали садиться мальчики, многие из них — раненые, Эльфам пришлось уговаривать единорогов, чтобы те позволили сесть на них верхом. Многие ребята не умели ездить таким образом, тем более, что никаких седел на животных не было и в помине, поэтому Эльфы шли рядом, молча подсаживая ребят.

Эльфов было около тридцати. Возглавляемые Глорианом, они пришли с южной стороны леса, все — одинаково невысокие, стройные, худощавые, в светло-серых пушистых одеяниях, высоких сапогах из какого-то мягкого коричневого материала и белоснежных плащах, светящихся в ночной темноте. Эльфы были странные. Глориан, наверное, из всех был самый высокий и вел себя наиболее свободно — сказывались привычки, приобретенные в обществе людей. Остальные представители Древнего Народа Леса Теней были похожи на бестелесные тени благодаря своим легким скольльзящим движениям и окутывавшим их облакам светлых летящих волос. Хотя Гарри, благодаря урокам Глориана, уже немного понимал по-эльфийски, здешние Эльфы говорили слишком быстро и певуче, чтобы можно было что-то понять. Гарри видел, как усиленно Гермiona прислушивается к их разговорам, но на ее лице постоянно отражалось разочарование: видимо, девушка тоже разобрала не слишком многое из их бесед. Тем более что и бесед-то Эльфы между собой почти не вели, обращаясь всегда или почти всегда к детям, а не друг к другу. Практически не разговаривая друг с другом, они удивительно четко организовывали свои действия: рассортировали девочек и мальчиков, старших и младших, раненых и здоровых, посадили большинство на единорогов и не говоря ни слова двинулись обратно на юг, осторожно и бесшумно пробираясь между большими черными стволами, с которых свисали темные кудри мха и шишковатые наросты омелы. Гарри ехал спереди вслед за Глором и Валери, за его спиной покачивалась Клара, поминутно зевая и периодически утыкаясь сонно сопящим носом ему в плечо. Северина перелезла через гаррино плечо и устроилась у него в кармане мантии, цепко впившись острыми коготками ему в колено. Рон и Невилл шли поблизости, сразу за единорогом, на котором ехали Джинни и Гермiona. Рука у Рона была перевязана, один из троллей умудрился прокусить ему кисть, Джинни, правда, сумела заживить рану, но рука у ее брата еще болела и не желала двигаться. Недалеко от Гарри на молодом единороге ехали Сью и поддерживаемый ей Джастин Финч-Флечли: Сьюзен обняла Джастина за талию и поддерживала, чтобы он не свалился с лошади со своей сломанной ногой. Гарри исподлобья наблюдал за этой парочкой и иногда мрачно ловил себя на желании поменяться с Джастином местами. Но Гарри ограничился тем, что осторожно подогнал своего единорога поближе к великолепному скакуну Сьюзен, дабы не выпускать ее из поля зрения. Гарри чувствовал, что два часа отдыха нисколько не отразились на его состоянии, он чертовски устал за последние два дня, не проспав, в общей сложности и пяти часов. Его клонило в сон, да, собственно, все происходящее с ним казалось Гарри только видением, чем-то невероятным и несуществующим в действительности. Будто он уснул на уроке Прорицания, и эти невероятные, опасные события — нашествие дементоров, осада Хогвартса, головы Малфоя и Бладштейна в камине и голова Олливандера на столе у Дамблдора, сломанный подпространственный времяворот, два странствующих монаха и ревущие от запаха крови тролли — всего лишь привиделись ему в бликах хрустального шара на столе у Сибиеллы Трелони. Преподаватель Прорицания наклонилась над ним в клубах ароматного дыма, шелестя шелковой бахромой шали, и ее загробный голос скорбно провозгласил:

— Темно грядущее твое. Ужасные опасности ждут того, кто оставил привычную жизнь и устремился в мир, полный опасностей! Теперь все зависит от...

— Гарри!

Гарри резко вскинул глаза. Он заснул прямо верхом на единороге! Возле него стояла Валери и осторожно тормошила его за плечо.

— Гарри, проснись, мы уже скоро будем на месте, — она осторожно подняла на руки спящую Клару, вытащив ее из-за спины Гарри, и передала ее одному из молчаливых Эльфов. Тот

подхватил девочку на руки и, ничем не показывая, что ему тяжело (они с Кларой были почти одинакового роста), отправился вперед к единорогу Глориана, осторожно переступавшему через толстые корни особенно огромного граба. Глор придержал свое животное и обернулся к своему сородичу. Последовал быстрый обмен взглядами, и, каким-то образом, не говоря ни слова, оба Эльфа договорились между собой: Глориан Глендэйл взял к себе на руки Клару, а другой Эльф быстро скользнул в сероватую дымку леса и исчез далеко впереди.

Через четверть часа, уже совсем проснувшись, Гарри огляделся. Лес изменился. Старинная чащоба как будто тихо шептала заклинания, холодный ветер, уже начавший пробираться морозцем по коже, дул резкими порывами, в которых и слышалось загадочное усыпляющее бормотание. От многочисленных луж и болотцев между корнями исполинских дубов, буков и грабов шел горячий пар, окутывавший лес туманной дымкой, из-за которой силуэты передвигавшихся в полутьме людей были похожи на таинственные призраки. Из каждого куста слышался шорох, ветки деревьев наклонялись друг к другу против ветра, точно беседовали между собой; сверху, невидимые в холодном тумане, мрачно переговаривались какие-то птицы. Из под копыт гарриного единорога пару раз шмыгали маленькие зверьки, похожие не то на хлюпнявок, не то на землероек; за большой раскидистой раkitой Гарри увидел рыжую шкурку и огромные внимательные зеленые глаза огневки, а потом уловил удаляющийся топот кабана. Лес показался ему похожим на Запретную чащу Хогвартса, такую же древнюю и таинственную. Интересно, это и есть — Лес Теней?

— Интересно, это и есть — Лес Теней? — подумал Гарри вслух.

Глориан услышал его. Осторожно, чтобы не разбудить Клару, он придержал коленями своего единорога, уступая место во главе колонны другому Эльфу с длинными светлыми волосами и глубокими зелеными глазами. Оказавшись возле Гарри, наследный принц кивнул.

— Ты прав, Гарри. Здесь начинаются владения Эльфов. Лес Теней окружает длинное озеро, на котором находится остров Инисаваль. Мы сейчас живем там, хотя раньше, лет тысячу назад, Эльфов было куда больше, и жили мы почти в каждом лесу. Впрочем, тогда и магов-то в Британии было больше, чем маглов.

— Вы имеете в виду друидов? — усталый голос Гермiony послышался сзади, и гаррин единорог уступил место молодому и сильному животному, на спине которого сидели Гермiony и Джинни. Глаза Гермiony были обведены черными кругами и запали от усталости. На Глориана она смотрела уже далеко не так восхищенно как раньше, и Гарри подумал, что это немудрено. Кровь тролля, капающую с короткого эльфийского меча, он тоже никогда не забудет.

— Друиды? Мы называем их повелителями Деревьев и Камней, — Глориан Глендэйл обернулся к Гермiony и сверкнул улыбкой. — Могучие волшебники. Их не осталось больше, но когда-то Эльфы жили с ними в согласии. Остров, который сейчас составляет наше последнее прибежище, тоже подарила нам одна волшебница. Последняя из Повелителей Озера. Она и ее сестра еще долго жили на острове, стерегли это место.

— Волшебница? Какая? И кто ее сестра? — Гарри удивленно поднял брови.

— Разве вы не знаете их имена? — удивился Глор. — А я-то считал, что они всем магам известны! — он чуть тронул коленом единорога, и тот понес его вперед.

Гарри с Гермiony переглянулись. Из-за плеча Гермiony выглядывала Джинни. Видно было, что рассказ Глориана она пропустила, потому что была сосредоточена на том, как можно удержаться на норовистом единороге.

— Ох и дурно же мне! — простонала она. — Когда же привал? Мы всю ночь ехали! И где Рон?

— Он приотстал, помогает Невиллу перегрузить Тоби. Совсем бедняга не умеет ездить верхом. А у Невилла неплохо получается, кстати, ты видела, Джинни? С единорогом у него возникло куда меньше проблем, чем с метлой.

— Нет, — рыкнула Джинни. — Не видела! И мне наплевать, как он ездит и летает. Кстати, а ты Колина не видела?

Гарри рассмеялся, и почувствовал себя странно, точно он совершил что-то нехорошее. Хогвартс остался там, далеко, подумал он, неизвестно, сможем ли мы вернуться туда, неизвестно, остались ли в живых Дамблдор и профессор МакГонаголл, Билл и Флер... все остальные... Что будет теперь, он как-то еще не успел подумать, и ждал момента, когда они с Гермiony, Роном и... и Сьюзен окажутся вместе, чтобы обсудить, здраво и обстоятельно, все, приключившееся с ними. Возможно ли, чтобы они придумали какой-нибудь выход из этого тупика? Возможно ли вернуться обратно. Двадцатый век показался Гарри куда более родным и безопасным после нападения троллей. Если раньше в его хит-параде самых отвратительных и

опасных существ первое место занимали дементоры, то теперь им пришлось потесниться, уступив пальму первенства лохматым прожорливым лесным троллям.

Остров, на котором раньше жили две могущественные волшебницы... Кто же они?

Выход показался совершенно внезапно. Точно глоток свежего воздуха, розово-голубое рассветное небо нырнуло навстречу Гарри, в первый момент почти ослепив его. Только теперь он понял, как долго они шли в лесной тьме, даже не зная, который час и сколько им еще добираться. Отодвинув вбок влажные занавеси темного мха, Глориан и еще один Эльф пропустили вперед процессию детей на единорогах, и животное Гарри, осторожно ступая по поросшим редкими кустиками сухой травы песчаным отмелям, вышло на берег большого озера. Озеро было длинным, вытянутым с обеих сторон, так что его сперва можно было принять за реку, но скудные туманные очертания противоположных высоких берегов, скрытые стелющейся по воде утренней дымкой, подтверждали, что это все же замкнутое водное пространство. Вода в озере даже не колыхалась, ни единой волны не пробежало по его поверхности. А где-то на самой середине водной глади, за поднимающимися к утренне-нежному небу столбами пара угадывалось большое темное пятно, высоко вздымающееся вверх. Гарри так и не смог разглядеть, что это такое.

Валери наклонилась к Глориану и что-то спросила у него на льющемся эльфийском наречье. Тот кивнул.

— Спешиться! — раздался его голос. Сонные, уставшие и измученные долгой дорогой дети начали сползать с единорогов. Гарри спрыгнул со своего и осторожно, чтобы не оскорбить благородное животное, потихоньку погладил его по шелковисто-белой шее, щекоча серебристую гриву. Единорог довольно выгнул спину, потянулся и наклонил голову со сверкающим золотистым рогом к рукам Гарри. Юноша, обрадованный таким доверием со стороны пугливого зверя, еще раз пощекотал ему шею, и единорог нежно заржал.

Глориан соскользнул со своего единорога и сразу потерялся в толпе детей. Затем Гарри вновь услышал его голос, что-то ласково и певуче шелестящий на эльфийском. Это послужило сигналом для Эльфов. Один из них сбросил плащ и, не снимая своего пушистого одеяния, молча нырнул в воду. Звук ушедшего под воду тела — и тишина, словно он сразу камнем пошел ко дну.

— Куда это он? — боязливо шепнула Джинни.

— Не знаю, — растерялась Гермiona. Они стояли на берегу и тупо смотрели в прозрачную воду озера. Внезапно, в туманном мареве послышался тихий плеск.

— Ага, — довольно заметил Глориан, хлопывая по пушистому белоснежному боку своего единорога. — Кажется, это за нами.

Густую утреннюю дымку, стлавшуюся по воде, прорезал борт резной лодки. И еще одной. И еще. Лодок было около десяти, каждая украшена странным узором и цветочным орнаментом на бортах. Эльфы, пришедшие на лодках, молча спрыгнули на песок и застыли под взглядом Глориана, безмолвно ожидая приказаний. Его авторитет, как показалось Гарри, был явно непререкаем, все Эльфы были похожи на бестелесные тени, беспрекословно ему подчинявшиеся, ловившие каждое его движение, скользящие большими серебристо-синими, сиреневыми и фиолетовыми глазами за его жестами и взглядами, слушавшие изгибы его тела, точно они были изгибами их собственных мыслей. Слушая приказы, которые издавал он — мозг этих маленьких аккуратных странных существ в пушистых одеяниях и бледных плащах, — Эльфы жили этой информацией, она горела в их жадных глазах, питала их хрупкие тела, как солома костер. Гарри внезапно поежился. Ему стало страшно: если Глориан Глендэйл разительно отличался от людей, как своей внешностью, так и взглядом на жизнь, то его сородичи тоже отличались от него — даже такого близкого на них, похожего и в то же время уже *не их*, уже немного чужого, глотнувшего иного мира и иных ценностей. В каждом движении Глора ощущалась эта непохожесть, и, тем не менее, Эльфы методично повиновались его мыслям, текуче перемещаясь с места на место и делая, видимо, то, что он от них хотел.

Пчелиный рой...

Муравейник... Вот оно — другое. Мир, непохожий на его мир.

Наверное, несмотря на пережитую им атаку троллей, Гарри только сейчас понял, что дом, вернее, Хогвартс, уже находится от него в девятистах годах и неизвестно скольких милях. Что он невероятно далек. Что возвращение в него, скорее всего, невозможно, а эти странные и чуждые существа, аккуратно и безмолвно подсаживающие детей в резные лодки, — единственная рука помощи в новом, незнакомом и враждебном мире, рука холодная и, возможно, не такая дружеская, как хотелось бы. От отношения к ним Эльфов сейчас зависело их будущее. Гарри оглянулся на своих друзей: Рон, по-видимому, был настолько измучен, что почти машинально сел

в лодку рядом с Джинни, пусто глядя в одну точку. Руку Гарри нашла холодная и мокрая от волнения ладонь Гермiony. Они переглянулись. Если бы Гермiona могла читать мысли, она бы испугалась еще больше — в этот момент Гарри Поттер, победивший кучу чудовищ на своем коротком веку, боялся своего будущего до дрожи, так, как она никогда не боялась исключения из Хогвартса, что было для нее худшим страхом, являвшимся к Гермione в снах, когда она засыпала над книгой и не успевала выучить урок на завтра.

Гарри понимал, что ей тоже страшно. Наверное, она, в одночасье потеряв романтический флер, покрывавший Глориана Глендэйла, тоже испугалась будущего. Впрочем, их будущее — это их прошлое. Или уже нет?

Как все запутано. Мы должны поговорить, мысленно поклялся Гарри, цепко державшийся за край лодки, пока она отталкивалась от песчаного берега и вплывала в окутывавший озеро туман. Нам нужно поговорить. Мы еще даже не поняли, что случилось, мы пока всего лишь плывем. По этому озеру и по течению. Нет, думать один я больше не могу, иначе у меня раскалятся мозги.

Его ноги коснулся край черной мантии, и Гарри впервые с тех пор как уснул на единороге увидел профессора Снейпа. Брови у него низко нависли над узким бледным лицом, из прикушенной губы — да, да, это течет кровь. Неужели он так волнуется? Гарри опустил глаза, чтобы профессор Алхимии не увидел, что Гарри пожалел его. Это было бы для него самым страшным оскорблением. Снейп мрачно смотрел перед собой, и его лицо ни черта не выражало, черты сложились в холодную стальную маску, из-под которой глядел зверь, готовый броситься в любой момент и растерзать нарушителя, посмеявшегося пересечь границу его владений — его мыслей. От профессора Гарри не ждал помощи, но чувствовал, что сейчас они с ним заодно в этом круговороте, пожирающем их жизни и судьбы. В одной лодке, в буквальном и переносном смысле.

Сьюзен и другие хуффльпуффцы оказались в другой лодке, с Валери и Глорианом. Рядом на корме их судна застыл очередной пушисто-серебристый Эльф, его глаза безжизненно плыли по поверхности реки, точно исподволь подталкивая лодку вперед. Возможно, так оно и было, потому что Гарри обратил внимание: лодки двигались сами без малейшего вмешательства со стороны кого бы то ни было.

Пальцы Гермiony вновь нашли его руку.

— Гарри, — шепнул ее голос, будто прилетев издалека. — Тебе не кажется, что это похоже на то, как мы плыли через *наше* озеро в первый раз?

— С Хагридом, — машинально добавил Гарри и вздрогнул. Действительно, похоже. Но тогда впереди их ждал Хогвартс. А что теперь?

У ног Гарри медленно зашевелился Тоби — его подтолкнул вставший на ноги Невилл.

— Гарри, гляди! Смотрите! — Невилл показывал на что-то, медленно выступавшее из утренних плотных клубов тумана. Лодка прорезала густую завесу дымки, и Гарри вгляделся в нечто невероятное, огромное, темное и заполнявшее собой уже весь обзор. И когда Гарри увидел, что это, то он ахнул, и его голос слился с множеством ах, вытекших из множества ртов, из множества детских недоумений, настолько они не ждали увидеть перед собой *такое*. Гарри показалось, что даже плечи сурового профессора Снейпа резко вздрогнули, сзади потрясенно ахнула Гермiona, да и кто бы ни удивился, увидев *это*.

Утренняя мгла постепенно рассеивалась, стелясь по неподвижной водяной глади, и глазам Гарри и всех остальных предстала удивительная картина. Из тумана величественно выступили очертания удивительного острова, непохожего на все остальные острова в мире. Высокие серые скалы, гладкие, почти блестящие под первыми утренними лучами солнца, были покрыты, как казалось издалека, темным налетом времени и изогнуты под странным углом, как будто не были естественным природным образованием. Когда лодка медленно подплыла ближе, Гарри увидел, что странные, будто извивающиеся вокруг друг друга скалы на самом деле представляют собой две гигантские руки, оплетающие друг друга и выступающие высоко над водой. В морщинках на их локтях росли деревья, а на тыльной стороне каждой кисти сияли золотые осенние рощи, растущие на естественно выветренных в громадных руках ступенчатых впадинах. Огромные ладони бережно поддерживали издалека казавшийся небольшим клочок суши, тоже сплошь покрытый отблесками осенних лесов, а пальцы необъятного каменного исполина, ушедшего в прозрачные воды озера, бросали на поверхность воды длинные изогнутые тени. На кончиках пальцев шумели луга.

— Невероятно! — выдохнул Гарри. Он во все глаза смотрел на удивительное чудо природы или, быть может, творение неизвестных ему волшебников и волшебниц, и никак не мог отвести от

него глаза. Гарри был в Лондоне с мисс Эвергрин, видел древние здания Тауэра, видел и старинный кафедральный собор в Эксетере, смотрел по телевизору передачи о египетских, перуанских и мексиканских пирамидах, огромных славянских курганах и изящных пагодах Азии, к которым вели сотни ступеней. Но ничего подобного он себе и представить не мог. Рядом Рон, побывавший в Египте и видевший не одно чудо света, молча разглядывал небывалое сооружение, раскрыв рот. У него не было слов. Гарри оглянулся и увидел странное выражение на лице у Снейпа, точно профессор не верит своим глазам. Он явно тоже был потрясен удивительным сооружением и таинственной гармонией чуда, веявшей от него.

— Вот это остров! — это у Гермионы, наконец, прорезался дар речи. — Это и есть Инисаваль? Боже, как же здесь нечеловечески красиво!

— Нечеловечески... — тихо повторил Гарри. Остров вдруг показался ему, действительно, средоточием *другого* разума, не понятного ему самому. Остров был живым существом, хранившим тайны другой истории, не имеющей отношения к той истории, которая была запечатлена в книгах.

Лодки, ведомые не то течением, не то волей стоявших на кормах безмолвных Эльфов, аккуратно обогнули левый «локоть», оказались перед небольшой темноватой пещерой и направились туда. Завернув внутрь, они подплыли к естественной каменной нише, на стенах которой горели серебряные факелы в виде цветочных гирлянд. В бутонах каждой гирлянды плясал свет от крошечных пикси, сидевших внутри серебряных чашечек цветков. Гарри слушал изумленные ахи и охи своих одноклассников, пока лодка не ткнулась носом в каменные ступени, похожие на естественные, но такие древние, что, казалось, они сами вышли из воды еще тысячи лет назад, ведомые неизвестной силой. Прямо на каменных ступенях сидела маленькая девушка с огромными сиреневыми глазами (Симус сзади одобрительно присвистнул). Вода, легонько плескавшаяся о покрытые мхом ступени, покачивала край ее длинного серебристо-серого платья и длинную медового цвета косу, струившуюся в прибрежной темноте, как золотой поток, перевитый тонкой струйкой серебряных капель. Она встала, видимо, приветствуя пришельцев, но ее лицо ничего не выразило: это был лишь жест вежливости. Однако ее удивительная внешность произвела впечатление на Гарри и его друзей. Гарри еще никогда не видел Эльфа женского пола, а это, несомненно, была Эльфийка, судя по небольшим для их народа, но слишком уж острым для человека аккуратным ушкам, с которых на плечи стекал звенящий ручей длинных жемчужных нитей.

Когда дети начали выбираться на берег, Эльфийка встала во весь свой небольшой пятифутовый росточек и подняла руку в жесте приветствия, но ее лицо не отразило даже отблеска улыбки, пока в мокрый камень не ткнулась вторая лодка, и Гарри не услышал мягкую журчащую речь Глориана. Едва заслышав его голос, незнакомка преобразилась: ее лицо осветилось мягким светом доброты и радости, а длинные ресницы взмахнули раз, другой и — не было ли в этом чуть больше участия, чем полагалось?

— Наследник Глориан! — прошелестел ее мелодичный голос.

— Гвеннол! — услышал Гарри теплый ответ принца Глендэйла. — Лларен ньолла ли вверранлла! Как я рад видеть тебя! — Глориан подошел к Эльфийке и провел ладонью по ее щеке. Щека покраснела от этого прикосновения, бывшего, видимо, обычным приветствием для Эльфов. — Гарри! — с улыбкой обернулся к парню Глориан. — Позволь представить тебе Гвеннол Дивир, одну из моих сестер. Гвеннол, это сэр Гарри Поттер, мой воспитанник.

— Сэр Гарри, — равнодушно скользнул взгляд Гвеннол Дивир по лицу юноши, прошествовал на лицо и рыжие лохмы стоящего рядом с Гарри Рона, каштановые кудри Гермионы и медленно остановился на пронзительно-синих глазах Валери. — Рада приветствовать вас на Инисавале.

Журчащий на эльфийском голос Гвеннол не был стальным или жестоким, но в его отзвуках сверкнуло металлическое равнодушие, граничащее с неприязнью. Эльфийка была явно не рада их видеть. Гарри поежился. От радушия Эльфов сейчас зависело их будущее, что если народ Инисавали не захочет принять их? Куда они отправятся тогда?

— Твой отец ждет тебя, наследник Глориан, — дыхание Гвеннол коснулось щеки Гарри — так близко она стояла, и — странное чувство! — ему почему-то стало жалко ее сейчас. Она была такая маленькая, бледная и хрупкая... В это мгновение он отчетливо понял, что имел в виду Глориан Глендэйл, когда с болью рассказывал о том, что Древние Эльфы вымирают.

Она повела их по длинной лестнице, и влажный мох ступеней мягко пружинил под ногами в абсолютной темноте и узости хода, выдолбленного в такой высокой и узкой скале, как будто она была башней старинного замка. Гарри чувствовал пыхтение и топот остальных за спиной (он шел

первым, сразу за Гвеннол и Глорианом) и явственно ощущал страх, который излучали его друзья. Германиона рука все еще цеплялась за него, другой рукой девушка сжимала ладонь Рона, чье прерывистое дыхание, типичное для уставшего и напуганного человека, было хриплым и надрывным. Сзади ойкнула Джинни и тут же разъяренно зашипела, как кошка, выпустившая когти: она споткнулась и была подхвачена рукой Симуса, в это же время к ней рванулся Невилл, и все трое столкнулись в узком коридоре, образовав затор.

— Выпустите мою руку, — Джинни раздраженно выпутывалась из объятий Невилла и Симуса, наступая на подол себе и Германионе. Сзади нервно гудели девочки из Рэйвенкло. — Отстаньте, говорю!

— Мисс Уизли, если вы и ваши поклонники соблаговолите посторониться, то, возможно, в этой узкой пещере никто не задохнется, — естественно, даже здесь Снейп оказался в своем репертуаре.

Джинни выдернула руку у Невилла и ринулась вперед со скоростью пули, выпущенной из ружья, расталкивая Гарри и Германиону. Оказавшись рядом с Гвеннол, она осторожно прикоснулась к плечу Эльфийки.

— Мисс... то есть, мадам... то есть... Гвеннол, куда вы нас ведете?

В темноте пещеры глаза Гарри, уже понемногу привыкающие к мраку, увидели, как маленькая Эльфийка остановилась и смерила Джинни холодным равнодушным взглядом.

— Наверх, — кратко ответила она по-эльфийски. Гарри удивился. Судя по Глориану Глендэйлу, Эльфы должны были быть куда более вежливы и добры. Эта ледяная дева нравилась ему все меньше и меньше.

Пещера вдруг кончилась так же неожиданно, как и началась. Наверху блеснул голубой кружок неба, и мшистые ступеньки постепенно превратились в желтоватую мягкую траву, усыпанную листьями. Дети выходили на поверхность и, оглядываясь, вертели головами, рассматривая простирающуюся перед ними равнину, в которой оврагами темнели провалы таких же ходов, как и тот, по которому они сейчас поднялись. В высокой осенне-желтой траве тут и там были заметны бурые вкрапления кустов, покрытых поздними ягодами. Еще реже в траве виднелись маленькие белые статуи и остатки мраморных портиков, обломки капителей колонн лежали то тут, то там вперемешку с антрацитовыми громадами гранитных дольменов. Рим здесь смешался с историей Британии, и даже здесь, за тысячу лет до гоночных метел и кофеварок, компьютерных вирусов и воскресных выпусков *Дейли Пророка*, все дышало такой неизъяснимой древностью, что у Гарри захватило дух от своего присутствия в центре старинных обломков ушедших цивилизаций. Подобное чувство овладевало им только однажды: когда он сидел со Сьюзен на большом дольмене посреди каменного круга и держал в руке свою будущую волшебную палочку.

— Смотри, Гарри, — тихо прошептал изумленный голос Рона за его плечом. — Как их много!

Эльфов, действительно, было очень много. Они появились из ниоткуда, вынырнули кто из зарослей метелок травы, кто из-за выщербленных колонн, покрытых засохшими плетями вьюнка, кто из темных провалов подземных ходов, прикрытых колючими ветками кустарника. Глориан вышел вперед, держа за руку Валери Эвергрин, направляясь навстречу высокому челове... Эльфу с длинными седыми волосами. Старый Эльф был всего на голову меньше Валери, и поэтому среди своих соотечественников, безмолвно застывших поодаль в пушистых серых одеяниях и одинаковых белых плащах, выглядел весьма внушительно. Солидности ему добавляла еще и удивительно благородная осанка, а на гордых плечах покоились складки украшенного серебром дорогого плаща.

— Здравствуй, сын, — негромко сказал Эльф. — Приветствую тебя, мой наследник, в твоих владениях на Инисавале.

Глориан молча склонил колено перед отцом.

— Тебя не было гораздо дольше, чем мы ожидали, — спокойно продолжил Повелитель Эльфов. — Что же задержало тебя и твою жену? Ты же знаешь, как для нас важно ваше присутствие, — он говорил медленно и размеренно, поэтому Гарри, изучавший эльфийский под руководством Глора, очень хорошо понимал Эльфа.

— Напротив, отец, нам пришлось спешить. Но из-за того, что мы так торопились и везли с собой еще полторы сотни детей, нуждающихся в нашей помощи, возникли кое-какие проблемы, и мы оказались здесь на сто лет позже, чем планировали, — Глориан говорил медленно и размеренно, певучие интонации его голоса переливались, отскакивая от стен древних портиков и возвращаясь к испуганно сбившейся в кучу толпе ребят, над которой — Гарри это ударило по

глазам, — сухим сгорбленным вопросительным знаком возвышался профессор Снейп, держа за руку маленькую второклассницу из Слизерина.

— Они просят помощи? — голос его отца остался абсолютно бесстрастным. Осенний ветер налетел и, скомкав серебристую мантию, заиграл кистями на ней.

— Мы просим помощи, отец, — Глориан весь подобрался, и Гарри нервно хрустнул пальцами: от ответа на эту просьбу зависела их жизнь. Сзади взволнованно кашлянула Гермиона. Чувствовалось, что ученики Хогвартса затаили дыхание в ожидании решения старого Эльфа. — Если бы мы не перенесли сюда этих детей, они бы неминуемо погибли.

Древний Эльф оглядел испуганных детей. Они, очевидно, не показались ему страшными, но он, на всякий случай, решил окончательно удостовериться в том, что они не несут угрозу.

— Зло вернулось, — сказал он, наконец. — А нас за эти сто лет стало втрое меньше, и мы пока ничего не можем с этим поделать. Зло теперь совсем рядом, и мы чувствуем его. Быть может, *эти дети* — носители Зла?

— Я ручаюсь за них, — горячо сказал Глор, и Гарри преисполнился к нему величайшей благодарности.

Эльфы, застывшие позади своего Старейшины, казались безмолвными тенями. Гарри вдруг представил, что случится, если вдруг отец Глориана решит, что дети представляют угрозу для Эльфов. Короткие мечи вылетят из ножен, и здесь будет та же кровавая каша, которую они недавно устроили на поляне, полной троллей. Все, что угрожает их образу жизни, будет немедленно уничтожено. И Гарри вдруг стало страшно, потому что он никогда не мог представить себе свой конец от рук тех, к которым он не испытывает ни ненависти, ни отвращения. Вольдеморт — возможно. Но — они...

— Ты ручаешься — за всех? Даже за *того* человека? — длинные старческие пальцы Старейшего потянулись к Северусу Снейпу. Тот никак на это не отреагировал, разве что поднял голову еще выше, отчего его шея стала неестественно прямой, а глаза сверкнули темными искрами и погасли за равнодушной маской человека, которому все равно, что его ждет. — Ты уверен, сын, что эти пришельцы не оскорбят наш народ и наши святыни? Уверен, что они не станут вести себя неуважительно к... Они же люди. А у этого человека внутри Тьма. Я чувствую это, и ты тоже это знаешь, так почему же...

Эльфы, стоящие вокруг, напряглись. На клинках, тихо выскальзывающих из ножен, заблестело осеннее солнце.

— Он нужен нам, — ровно сказал Глориан отцу. — Он поможет провести обряд.

Обряд? Какой обряд?

— Вы еще не совершили обряд? Что ж, — снова медленно заговорил старый Эльф. Его фиолетовые как у сына, но немного посветлевшие от старости глаза переместились на Валери, и она расслабленно улыбнулась, точно позволяя ему читать в ее сердце. — Что ж, тогда, — повторил он. — Его надо совершить как можно скорее. Это будет лучше для всех нас. Добро пожаловать, любезные леди и сэры, — тихо обратился он к застывшим в ожидании детям. — Я — Куно Глендэйл. Добро пожаловать на Инисаваль! Здесь вы будете в безопасности.

Гарри скорее почувствовал, чем заметил, как облегченно вздохнул Рон.

Валери, Глориан и молчаливый Снейп, который еще не сказал Куно Глендэйлу ни слова, остались наверху, а Эльфы как-то очень быстро разделили детей по колледжам (и откуда они только знали?), провели их гриффиндорскую группу по спутанным подземным коридорам и вынырнули на поверхность одного из огромных пальцев. У Гарри тут же закружилась голова: отсюда были видны обе гигантские ладони, поросшие лесом, и все золото осени ярко впивалось в мозг, поражая своей незнакомой красотой. Здесь, в этом странном месте все казалось настолько удивительным, настолько остро чувствовалась окружающая красота, что от этого даже захватывало дух. Гарри слышал, как его друзья восхищались изумительным видом, открывающимся с кончика *их* пальца, и звучащий с надеждой голос Дина Томаса, обращавшегося к ведущему их Эльфу:

— Сэр! — в интонациях Дина слышалась жадная мольба. — Сэр, а у Эльфов есть бумага? Мне бы так хотелось нарисовать все это, сэр! — Дин не ожидал ответа, уже налюбовавшись на суровую молчаливость Эльфов, но ведущий их неожиданно добродушно улыбнулся и заговорил на своем языке медленно и четко, чтобы Дин, не слишком успевающий в Древних Колдовских Языках, его понял.

— Конечно, есть сэр Дин, — звучно сказал Эльф, растягивая гласные. Парвати тут же сделала стойку на их удивительно красивого проводника: огромные голубые глаза, длинные серебристые

волосы и гибкие стройные руки с аккуратными пальцами в старинных кольцах. В большом чутком ухе Эльфа покачивалась серебряная серьга, покрытая мелким речным жемчугом. — Вы найдете у себя все, что вам нужно.

— Видимо, как только Эльфы убедились в том, что мы им ничем не угрожаем, а, наоборот, ищем у них защиты, они так преобразились, — вполголоса заметил Рон. — Добренькие, хорошие Эльфы... как они мочили троллей в лесу, я век не забуду!

— Рон! — гавкнула Гермиона, одновременно дергая приятеля за рукав мантии. — Не мели чушь!

— Чушь? Тебе самой там чуть плохо не стало!

— Они нас не боятся потому, что Глориан поручился за нас, — пробормотал Гарри, вытаскивая левый ботинок из колючего куста, а правый — из муравейника. — Если мы чем-то оскорбим их, то вылетим отсюда в два счета.

— А я ничего не понял из того, что они говорили, — вздохнул Невилл, автоматически проваливаясь в тот же куст, откуда Гарри только что извлек свою многострадальную пятку. — Ой-ёй! Сколько же здесь колючек... Спасибо Рон, спасибо, Симус, — одноклассники извлекли Невилла из очередного опасного места.

— А как вас зовут, сэр? — ласково прошептала Гвинетт Макферсон. Идущие следом за ней Люк и Тоби одновременно громко хмыкнули: Гвинетт только что отчаянно допытывалась у Гермионы, как сказать это по-эльфийски.

— Алар, — сверкнул улыбкой Эльф, лавируя среди осколков большой колонны, лежащей на боку в траве. — Алар Аржантейль.

— О! — хором воскликнули Парвати и Лаванда, млея от присутствия *такого* мужчины, пусть даже и *такого* роста. — Какое красивое имя!

Остудил пыл юных вертихвосток лишь тот факт, что они уже почти пришли. Алар Аржантейль указал на скалу, в которой, точно гнезда прибрежных ласточек, виднелись аккуратные ряды круглых отверстий.

— Дом. Ваш новый дом. Моя жена вам все внутри покажет, — он ускользнул в заросли травы, не дав ребятам с ним попрощаться, и оставив Лаванду и Парвати разочарованно дуться. Надо же — жена есть.

Ребята задрали головы и с сомнением рассматривали свое общежитие. Серая скала казалась неудобной, а темный провал входа — неприветливым. Но это был единственный дом, на который они могли рассчитывать.

— Хм, ну что ж, надо, наверное, войти, что ли? — немного нервно предложил Гарри и двинулся внутрь, но когда он уже почти достиг порога, из недр странного сооружения вылетел взмыленный клубок чего-то пестрого и оглушительно вопящего и бросился обнимать Гарри, чуть не сбивая его с ног.

Глава 21. Обряд.

— Гарри Поттер! Гарри Поттер здесь! Гарри Поттер пришел на Инисаваль! — пестрый клубок долго восторженно выл, тиская гаррины колени, а потом радостно блеснул огромными счастливыми зелеными глазами и торжественно зашевелил ушами.

— Добби! — воскликнул Гарри, уворачиваясь от очередного дружеского объятия, по силе смахивающего на хватку тигра. — Добби! Но как ты... как *ты* здесь оказался?!

Изумленные гриффиндорцы столпились вокруг Гарри и Добби.

— Ни черта себе! — присвистнул Рон. — Я-то думал, что мы тут одни такие ненормальные! Откуда ты *здесь* появился, Добби?

— Добби выполняет важное поручение своего хозяина, сэр! — влажные от счастья глаза домового эльфа расширились еще больше. — Хозяин сказал Добби, что может доверить эту работу только ему, и Добби справился с заданием! Добби налаживал контакты со своими предками, чтобы... — Добби испуганно зажал рот руками, дробно подбежал к скале и начал биться об нее своей шишковатой головенкой, истошно вопя. — Плохой Добби! Ужасный Добби! Мерзкий Добби-и-и-и!

— Эй, Добби, Добби, полегче! — Гарри, отдирая домового эльфа от скалы, но ему удалось добиться успеха только с помощью Гермионы и Рона. — Мы уже и так все знаем!

— Подождите-ка! — вдруг сказала Гермиона страшным шепотом, многозначительно подняв вверх палец. Гриффиндорцы удивленно замерли. — Добби, ты же совсем не постарел! Когда же Дамблдор отправил тебя сюда?

— М-м-м... — заюлил Добби. — Это большущая тайна хозяина, директора Дамблдора, мисс!

— Да, ладно, какие могут быть тайны, — Гарри с нетерпением потряс Добби за шкуру. — В какой год Дамблдор тебя точно отправил? И зачем?

Добби отчаянно пытался сбежать, но его обступила целая толпа ребят, жаждущих узнать, в чем дело, поэтому пришлось сдаваться.

— За девятьсот лет до того, как Добби и его хозяин живут, сэр! — прорыдало несчастное существо, все еще норовя отколошматить себя головой об стенку. — Хозяин сказал, что Добби должен выполнить ответственную работу: заменить важного колдуна на опасной должности. Колдун вернулся обратно, в Добби остался здесь, о сэр! Добби живет со своими предками уже больше года и ждет, когда хозяин сменит его!

Все недоуменно переглянулись.

— Похоже, Дамблдор *знал*, в какой именно год мы попадем, — осторожно предположил Невилл. — Я не понимаю...

Мозг Гермионы работал как часы.

— Это странно, — провозгласила она. — Дамблдор отправляет нас за тысячу лет, мы же попадаем на девятьсот лет назад в прошлое. И в то же время Дамблдор посылает в это же время Добби. Это не случайность!

— Я тоже не верю в такие случайности! — выкрикнула Клара, запихивая упирающуюся Северину в карман мантии. — Может, Дамблдор послал сюда этого домового эльфа, чтобы нам помочь?

Все придирчиво оглядели Добби. Нет. Не похоже. Еще одна тайна Дамблдора осталась нераскрытой.

* * *

— Жесткие условия? — Гермиона изумленно оглядывала те самые жесткие условия, в которых ей предстояло жить. — Это они называют жесткими условиями?!

— Да, тут так же роскошно, как и в Хогвартсе, — признал Рон, почесав в затылке.

Они стояли посреди длинной светлой комнаты, залитой осенним солнцем. Его лучи играли на витых серебряных ножках кроватей, бархатных пологгах с блестящими кистями, начищенных песком кувшинах с водой, инкрустированных драгоценными камнями, каменных комодов с выбитыми на них узорами из цветов и листьев, стульях, из-за высоких спинок походивших на троны, усеянные мелкими подушечками, и шелковых занавесях, вышитых на диковинный манер. Единственный минус — на окнах не было стекол, и холодный ветер задувал снежинки прямо на пушистые серебристые покрывала.

— Добби говорил своим предкам, что им нечего опасаться Гарри Поттера, — уши Добби высунулись из-за роновых коленей и нырнули обратно. — Предки относятся к Добби очень, очень хорошо! Почти так же хорошо, как и великий Гарри Поттер и его друзья. Они даже, — несколько смущенно сообщил Добби, переминаясь с ноги на ногу. — Они даже пытались носить Добби на руках, но Добби — приличный домовый эльф, он не позволит таких фамильярностей со стороны высокородных! О, Мэри, привет! — он протиснулся сквозь частокол детских ног и ринулся к женщине, в дальнем углу комнаты взбивавшей пуховую перину. Гарри удивленно поднял брови: она не была эльфийкой, и она не была служанкой, судя по ее богатому платью. К тому же она была весьма и весьма беременна, как подсказывал ее заметно округлившийся живот. Сзади недовольно забурлили Парвати и Лаванда.

— Добрый вечер, госпожа, — сказал Гарри и попытался поклониться, что вышло довольно неуклюже. Его попытку так же неуклюже скопировали остальные гриффиндорцы.

Женщина непонимающе посмотрела на него. Видимо, она не поняла ни слова из того, что Гарри ей сказал. Тогда Гермиона отодвинула Гарри в сторону и заговорила с женщиной по-эльфийски. Та заулыбалась, и недоразумение разрешилось.

— Она не говорит по-английски, как мы, — объяснила Гермиона всем своим однокашникам. — Этого языка еще нет, как такового, поэтому она нас не понимает. Здесь, в Шотландии, говорят только на гэльском языке, чуть дальше — на саксонском, а более образованные люди — на староанглийском. В монастырях принята латынь.

— Поэтому до нас так хорошо дошло то, что говорили те две в лесу? Они говорили по латыни, — дошло до Рона. Латынь была необходимой частью обучения в Хогвартсе, так как на ее основе составлялись заклинания. — А я и не обратил на это внимания.

— Это Мэри Аржантейль, — почтительно представил женщину Добби, дергая Гарри Поттера за рукав. — А это — великий, могучий добрый волшебник Гарри Поттер и его друзья!

Гарри был несколько смущен тем вниманием, которое оказал Добби его скромной персоне. Мэри, жена Алара Аржантейля, впрочем, не слишком удивилась, и он понимал ее. После таких чудес, которые обычная женщина могла увидеть на Инисавале, встреча с несколькими волшебниками не представляла ничего из ряда вон выходящего. Мэри повела их по запутанным мышинным норам в скале, неожиданно открывающимся в большие светлые комнаты, подобные первой, медленно рассказывая о том, где что находится. Круглые окна бросали аккуратные пятна на гладкий пол и узкие каменные ступени крутых лестниц. Ни единого цвета, кроме белого, серого и светло-зеленого не было в доме Эльфов, точно они отвергали саму возможность их существования, поэтому черные мантии Хогвартса и красно-оранжевые шарфы гриффиндорцев ярко выделялись на фоне бледных стен и пола. Дети вслед за Мэри вышли на каменный балкон, естественную нишу в скале, из которой открывался вид на центральную часть острова, покоящуюся в гигантских древних ладонях.

— Что это, госпожа? — рука любопытной Гермионы тут же вытянулась по направлению к большому темному пятну посреди равнины, покрытой жесткой травой и полуразрушенными скелетами белой колоннады.

Мэри поглядела туда, и на ее лице мелькнуло странное выражение.

— Не ходите туда без надобности, — в голосе женщины Гарри уловил странную дрожь, почувствовал, что, несмотря на то, что она, вероятно, живет здесь уже довольно давно, чтобы привыкнуть к загадкам и тайнам этого непонятного общества, несмотря на то, что ее муж — один из Эльфов, Мэри испытывает страх перед странным темным предметом, от которого на равнину тянулась длинная тень. — Это — запретное место, пещера, полная призраков, старых воспоминаний и сокровищ Эльфов. Правитель Глендэйл спускается туда лишь раз в году, перед Зеленым праздником. Кроме него, никто не может отвести страшные чары, наложенные на это ужасное подземелье!

Ужас, звучавший в ее голосе, несколько смутил детей, но так как все они были гриффиндорцами, то бояться чего-то продолжительное время просто не могли. Ребят тут же заинтересовали другие подробности.

— А какие там сокровища, госпожа? — Симус Финниган старательно скрывал заинтересованность в своем голосе.

— Никто не знает.

Алар Аржантейль вошел так тихо, что никто не услышал его поступи. Он стоял в дверном проеме, и его большие голубые глаза горели странным потусторонним светом.

— Никто не знает, — повторил он напевно. — *Камень — к камню, клинок — к клинку, кровь — к крови. Он вернется и заберет то, что ему принадлежит по праву. Тогда и наступит конец Мира Эльфов, и начнется Эра Людей*, — Алар выпевал слова так старательно, точно не хотел ни малейшим оттенком интонации исказить их смысл. — Древнее пророчество тех, кто оставил этот остров в наше владение.

— Фи, пророчество, — фыркнула Гермиона. Лаванда недовольно пихнула ее локтем. — А можно нам потом будет посмотреть поближе на это...

— Нет, — резко прервал Гермиону Эльф. — Никто не имеет право осквернять священную пещеру своим присутствием. Если вы попытаете нарушить этот запрет, вас ждет смерть! — Алар подошел к своей жене, которая была выше его на целый фут, и положил руку на ее еще дрожащее плечо. И Гарри очередной раз изумился странной двойственной природе Эльфов: только что перед тобой было воплощение красоты и гармонии, а спустя секунду — грозное орудие судьбы, неумолимое, как сама природа.

Они остались жить в этом странном месте. Правила поведения в обществе Эльфов были им растолкованы на следующий же день сухой и строгой Валери Эвергрин, пришедшей к Северной скале, чтобы проверить, как устроены ее ученики. Вместо теплой мантии на ней было светло-серое платье, почти такое же, какое было на Гвеннол Дивир и белый плащ с серебром. Холодная и строгая средневековая красота этого наряда странно подчеркнула ее похудевший профиль, заострившийся подбородок и истончившуюся кожу бледных щек. *Здесь* Валери Эвергрин стала неуловимо *другой*, изменилась даже ее осанка, и единственное, что внешне отличало ее от старинных портретов знатных леди на стенах Хогвартса, обожавших сплетничать и шептаться в присутствии посторонних, было ледяное спокойствие. Ну, и модная стрижка конца XX века, естественно.

— Пока наше будущее неясно, — сказала Валери. Она сидела на каменном балконе, а гриффиндорцы сгрудились вокруг нее. Морозный ветер тихо шевелил оборку ее платья. — Эльфы согласны терпеть наше присутствие, пока мы ведем себя уважительно по отношению к ним. Это значит: вести себя вежливо, не приставать ко всем без исключения эльфам с расспросами, ни над чем не смеяться и воспринимать их поведение как должное. Даже если вы не можете понять, почему Эльфы себя так ведут в любой ситуации, не показывайте своего удивления или неодобрения. Этот народ куда более разумен и справедлив, чем люди. Они знают цену жизни.

— Профессор, но Эльфы часто выглядят такими добрыми и милыми, но в них чувствуется какая-то... — Рон не сказал *«опасность»*, но это слово повисло в воздухе, и Гарри увидел, как поехала Валери, точно ей не хотелось отвечать Рону.

— Пока вы достойно себя ведете, Эльфы не причинят вам вреда. Но помните: как только один из вас оскорбит их хотя бы намеком, за жизнь всех вас никто не даст ни нута. А кроме как на Инисавале, нам жить негде... Да, и старайтесь не пользоваться палочками лишней раз, мало ли что.

— Вы уже спрашивали у Эльфов, не смогут ли они помочь нам вернуться домой? — умоляюще спросил Тоби.

Валери помолчала и неохотно ответила:

— Эльфы не знают таких заклятий. Собственно, магия Эльфов — другая, им не нужны ни палочки, ни заклинания. Они точно вылавливают искры магии из окружающей их природы, пользуются магией, не прилагая к этому ни малейших усилий. Они, возможно, были бы и рады помочь нам, но это не в их силах.

— И что же теперь делать? — уголки рта Парвати Патил плаксиво опустились.

— Со временем я попробую связаться с кем-нибудь из британского Верховного Совета Магов, возможно, у них мы найдем помощь и поддержку. Осторожно связаться, конечно. Мы не должны забывать о том, что это — одиннадцатый век. Жизнь здесь стоит немного, а за власть многие готовы отдать свою жизнь. Сможем ли мы доверять кому-либо из здешних волшебников, я пока не знаю, но мы с профессором Снейпом постараемся сделать все возможное, чтобы вытащить вас отсюда.

— А где сейчас профессор? — поинтересовался Гарри. Гриффиндорцы оглянулись на него, точно он сказал что-то неприличное.

— Он живет вместе со слизеринцами на западном конце левого мизинца, — хмыкнула Валери. — Там есть большое подземелье, в котором их и поселили.

— А... хуффлпуффцы? — Гарри старался не краснеть.

— Хуффльпуффцы живут в домиках в восточной части среднего пальца, довольно близко от вас. Ребята из Рэйвенкло — в каменных пещерах к югу отсюда, почти у центра правой ладони. Хотите сходить к ним в гости?

— Ага! — вырвалось у Гарри и Парвати Патил. Парвати подождала, пока стихнет хихиканье, и степенно заметила. — Хочу проведать сестру. Нам вообще можно свободно передвигаться по этим местам?

— Можно, конечно, но только в пределах острова. Все Эльфы будут наблюдать за вами, поэтому не удивляйтесь, если они будут молча на вас смотреть или идти по вашим следам. Никто из них вас не побеспокоит, — Валери встала и расправила на себе платье.

— А где живете вы? — спросил Гарри. Он скучал по ней, по их урокам и их беседам. На Инисавале Валери Эвергрин стала отчаянно далекой.

— Через три дня состоится наша помолвка, а пока мы с Глорианом живем в доме его отца. Он расположен почти в самой середине острова. Если вам что-то понадобится, спросите дорогу у любого Эльфа, вас проведут, — ее плащ сверкнул серебром в темном проеме дверей, и Валери исчезла.

— Она стала похожа на них, — с дрожью в голосе произнесла Джинни, закутываясь поплотнее в теплую мантию Флер. — Такая же бесплотная и неестественно спокойная. Мне страшно, что теперь с нами будет? Гермиона, что это за Верховный Совет Магов?

— Джинни, надо было лучше учить Историю Магии, — буркнула Гермиона. Видок у нее был подозрительно безрадостный. — Но, если честно, я не знаю, чем нам сможет помочь этот Верховный Совет Магов. Сейчас там царит полнейший разброд. Многие волшебники саксонского происхождения убиты в битве при Гастингсе, норманнские маги лезут в Совет, вытесняя остальных, все дерутся друг с другом за власть. В таких условиях вряд ли мы дождемся от них помощи.

Гриффиндорцы угрюмо замолчали. Их будущее, вернее, бывшее настоящее, с его дементорами, Вольдемортом и Упивающимися Смертью представлялось теперь почти недостижимым раем.

Жизнь на Инисавале потекла принося то открытия, то приступы отчаяния. Гарри с интересом изучал жизнь Эльфов. Одинаковые и казавшиеся иногда совершенно безликими существа, они точно никогда не испытывали никаких чувств. Всегда неизменно добры и вежливы, Эльфы, тем не менее, не выпускали ребят из виду, и от этого Гарри казалось, что на него надели короткий поводок. Привыкнув к относительно свободной жизни и в Хогвартсе, где Дамблдор ничем старался его не ограничивать, и в Доме на Болотах, где Валери верила, что он, уже взрослый человек, не совершит никаких глупостей, Гарри немного тяготился постоянным присутствием кого-то из Древнего народа за спиной. От этого удовольствие постижения совершенно нового для него мира изредка смазывалось. Они с Роном и Гермионой часто отправлялись в долгие прогулки по острову, закутавшись в пушистые теплые одеяния Эльфов, легкие, точно сплетенные из паутины и лунного света. Алар, отвечающий за гриффиндорский дом, принес всем высокие мягкие эльфийские сапоги, в которых было удобно ходить хоть круглые сутки. За три первых дня Гарри, Рон и Гермиона в сопровождении Добби излазили все скалы на локтях острова, изучили все пещерки и овраги, плоские равнины, покрытые мерзлой желтой травой и древними дольменами, возле которых мягко пульсировала магическая энергия. Добби показывал Гарри и его друзьям разные укромные уголки и остатки древних храмов и всякий раз благоговейно затихал, бочком пробираясь под сень хрупких портиков или приближаясь к очередному гигантскому дольмену. Иногда все четверо приходили на край левого мизинца и, приложив ладони к глазам, рассматривали стада пасущихся на другом берегу белоснежных единорогов. А иногда Гарри садился на колени возле больших старинных камней и, закрыв глаза, слушал, как у него внутри, точно бурное море, шумит магия, принося ему мысли находящихся рядом Рона и Гермионы. Рон хохотал, когда Гарри ухитрялся попасть в точку, Гермиона чувствовала себя немного неуютно, но тоже смущенно хихикала, когда Гарри очередной раз объявлял ей, что не следует так часто думать об оставленных в Северной скале гриффиндорцах, которые находились на ее попечении. Открывая глаза, Гарри всякий раз видел вдалеке спокойное лицо одного из Эльфов. Древний поворачивался и уходил, оставляя неприятный осадок в душе у Гарри. Единственным человеком, относящимся к ним с трогательной открытостью и добротой была Мэри Аржантейль. Гарри уже знал, что ее брак с Аларом, пожалуй, самым красивым из всех Древних Эльфов, не считая Глориана, конечно, был спланирован главой рода. Долгие годы ожидая, что вернется его сын и продолжит династию Глендэйлов, Куно, в конце концов, решил что раз

Глориан не вернулся, то вместо него в брак с женщиной вступит другой эльф. Среди беглецов из Хогвартса прошел слух, что для многих Древних связи с женщинами вовсе не были чем-то необычным, но детей у них еще никогда не рождалось, поэтому все с таким нетерпением ждали, когда же родится ребенок Мэри.

Гуляли по острову не только они втроем с Добби в качестве проводника. Всем ребятам было интересно изучить этот странный мир, поэтому в своих прогулках Гарри видел и плящущихся на очередного эльфийского большеглазого красавца Парвати и Лаванду, Гвинетт и Стеллу; Дина Томаса, угольком рисующего на больших листах пергамента местные лунные пейзажи на склонах ладоней, покрытые обломками белых колонн; Теда Тойли, обожающе рассматривающего группу единорогов, грациозно изгибающих шеи; Терри Бута, увлеченно совершенствующего эльфийский в обществе трех мрачноватых Древних; Клару Ярнли, которая выводила погулять на шлейке Северину почему-то всегда в опасной близости к священному эльфийскому кромлеху. Клару сокровища не интересовали, нераскрытые тайны древнего кромлеха волновали ее гораздо больше.

— Ну, Гарри! — ныла Клара очередной раз, когда Гарри и Гермиона, пытаясь, стаскивали ее с камня, куда она полезла, по ее страстным заверениям, за отвязавшейся Севериной. — Ну, Гермиона! Я же *еще ничего* не сделала!

— Хорошо, что мы поймали тебя. Пока ты ничего сделать не успела, — сурово отчитывала ее Гермиона, пока Гарри сдерживал Северину, рвущуюся с поводка и старательно просовывавшую нос ему в карманы пушистого одеяния. — Клара, я уже устала тебе говорить, насколько ты безответственна!

— Тогда не говори больше, — посоветовала гриффиндорская герцогиня, выпутываясь из цепких объятий Гермионы.

— Ты ставишь нас в неловкое положение перед Эльфами, — решил внести свою лепту Гарри, хотя прекрасно знал, что его суровые интонации, так же как и назойливо воспитывающий тон Гермионы, не возымеют никакого успеха.

— Да плевать им на эту штуковину, — отмахнулась Клара, указывая на темные камни кромлеха, закрывающие вход в подземелье. — Они и сами ее боятся!

— Свои измышления оставь при себе, — ворчала Гермиона, за ухо провожая леди Ярнли к Северной скале. — Иначе нам всем не поздоровится.

Гарри, хмыкая, шел за ними следом, волоча за собой упирающуюся Северину и тут неожиданно наткнулся на Сьюзен.

— Гарри!

— Ох, Сью! Привет! Извини, извини... — Гарри постарался спрятать Северину за спину, но белка высунула нос из-за его левой брючины и с любопытством принялась обнюхивать плащ Сьюзен.

— Да ничего, Гарри, — смутилась Сью. Она держала букет из колючих веток ежевики и оранжевых гроздьев рябины. Гарри еще раз глупо улыбнулся ей и начал вытаскивать из руки колючки. — О нет! Я тебя поранила?!

Она отбросила букет, достала палочку и принялась залечивать порезы. Гарри умоляюще посмотрел на Гермиону и Клару, но они удалялись все дальше и не могли избавить его от неловкой ситуации. Они стояли почти рядом с маленькими, похожими на грибы, домиками, в которых жили хуффльпуффцы, и их со Сью могли заметить в любой момент: вокруг бродила масса народу, от учеников Хуффльпуффа до Эльфов, всегда находившихся рядом. Клара обернулась и, хитро прищурившись, помахала Гарри напоследок.

— К-как вы устроились? — заикаясь, поинтересовался Гарри. — Как там Джастин поживает? — он не смог не съязвить в этот момент.

— Все замечательно, — так же смутившись, ответила Сью, стараясь не поднимать глаза. Ее палочка закончила свою работу, и девушка осторожными движениями начала поглаживать ладонь Гарри, чтобы убедиться, что царапин не осталось. Этот жест Сьюзен заставил Гарри шумно втянуть воздух и напрячься, чтобы не выдать своего волнения. — Очень удобно, тепло... Жаль только, не дома...

— Не дома, — эхом откликнулся Гарри. Память подбросило ему воспоминание: они со Сью сидят на подоконнике, болтая ногами, а на кровати небрежно развалился Джим, изящно посасывая сигаретку с марихуаной. — О черт! Как я мог забыть! Джим!

— Гарри, о чем ты?

— Джамаледдин! — невнятно пробормотал Гарри. — Я же взял с собой бутылку! Можно спросить его, как нам выбраться отсюда. Или он, возможно, сумеет нас перенести обратно! Ну почему я до сих пор до этого не додумался, какой же я дурень!

— Гарри, но... если я не ошибаюсь, это будет твое последнее желание. А вдруг оно не сработает? Или Джим выкинет что-то вне программы?

— Но попробовать можно, — убеждал ее Гарри, таща за собой к Северной скале.

* * *

— *Ваддиваси!* — Когда они вчетвером надежно забаррикадировали комнату, и расселись на полу, Гарри открыл бутылку с джинном.

— Мой господин, как же мне осточертело сидеть и скучать в этом проклятом сосуде, — ныл Джим, тонким облачком вылезая из горлышка. — Никаких развлечений, ничего интересного вокруг не происходит. В последний раз мне даже понравилось исполнять ваше желание, хоть и опасное же оно было! Но я показал себя молодцом! Да-да, представители профсоюза джиннов могли бы стереть меня в порошок за то, что я выполнил такое сложнейшее желание без малейшей страховки, но мой высокородный отец и великий дед — Алим Премудрый гордились бы тем, что Джамаледдин Кудам-ибн-Омар-ибн-Алим-абд-аль-Азим сумел проделать все с таким изяществом!.. — самовлюбленность этого полупрозрачного субъекта не знала границ. — А, собственно, где это мы находимся? — наконец соизволил заинтересоваться Джим, высывая смуглый нос в окошко и с удивлением разглядывая незнакомый пейзаж.

— Наконец-то ты заметил, — раздраженно проворчал Гарри. — Угадай с трех раз.

— У меня не такая богатая фантазия, — засмутился джинн.

— Да ладно, Гарри! — не выдержал Рон, вскакивая с пола. — Не будем влиять, Джим, все очень плохо! Знаешь, какой сейчас год?

— Э-э-э, хозяин, кажется, говорил что-то про тысяча девятьсот...

— Ни фиги! Тысяча девяносто шестой! — заорал Рон.

Джимова челюсть от неожиданности отвалилась настолько, что стали видны гниловатые зубы любителя восточных сладостей.

— Как это?

— Вот так, — прошептала Сьюзен. — Джим, скажи, ты сможешь вернуть нас назад? Назад в наш год?

— Нас всех, то есть, сто пятьдесят два человека, — быстро поправила ее Гермиона.

Джамаледдин сел на пол, выпучив глаза. Видно было, что эта просьба его огорошила сильнее, чем все остальные желания, которые он выполнял в своей жизни. Ребята умоляюще смотрели на него, пока Джим задумчиво ковырял пуговицы на своем модном пиджаке, не поднимая глаз на своего хозяина и его друзей.

— Ну что, Джим?! — нервно спросил Гарри. — Берешься за такое желание? Джим, пойми, нам отсюда никак иначе не выбраться. Мисс Эвергрин уже перебрала все возможные варианты. Она ничего не говорит нам, ободрить пытается, но мы же не маленькие, Джим, мы же понимаем, что это не в ее силах! Нам больше никто не может помочь, кроме тебя! Джим, пожалуйста, скажи, что ты...

— Нет, — четко сказал Джамаледдин, все еще не глядя на Гарри. Его руки оставили в покое пуговицы и перебрались на обшлага рубашки. — Я не могу, хозяин. Это и не в моих силах тоже.

— Как, не можешь? — прошептала Сью. По ее щекам против воли потекли слезы.

— Я не обладаю таким могучими силами, о мой великолепнейший и суровейший хозяин, — тихо пробормотал Джим. То, что он не выл и не катался во прахе перед Гарри, сказало юноше куда больше, чем беспорядочные извинения и трагические завывания. — Для того чтобы перебросить в прошлое одного человека, каким бы могучим волшебником он ни был, требуется не много волшебных способностей джинна. Но на сто пятьдесят человек у меня не хватит никаких усилий, — Джамаледдин Кудам-ибн-Омар-ибн-Алим-абд-аль-Азим оглядел шестнадцатилетних подростков с таким выражением на узком темном лице, словно был готов расплакаться. И он не шутил.

Гарри стало страшно: Джим был сейчас как никогда искренен. Этот путь, последний путь домой, был для них закрыт. Гарри привалился к холодному каменному узору на сундуке и закрыл глаза.

Навсегда. Навсегда здесь.

Это был приговор.

Он почувствовал, как ладонь Сьюзен отбрасывает челку с его лица, почувствовал, как она приникает щекой к его плечу, притянул ее к себе и обнял. Сквозь приоткрытые веки он видел, как Джим положил руки на плечи Рону и Гермione.

Когда на следующий день Гарри стоял в толпе гриффиндорцев и видел, как правитель Куно Глендэйл соединяет руки Валери Эвергрин и своего сына, перевязывая их жгутом из травы и цветов, по его щеке предательски прожурчала слеза. Эта помолвка показалась Гарри началом конца. Валери была как никогда красива. В светло-сером платье с удивительным орнаментом из серебряных цветов и жемчужных листьев, она казалась меньше, точно стала ростом почти со своего будущего мужа. Глориан гордо держал ее за руку. Он, казалось, был единственным из Древних, на чьем лице были написаны какие-то эмоции. Остальные Эльфы молча стояли вокруг, наблюдая за тем, как Куно шелестит что-то на языке Древних, как Глориан кивает в ответ и отвечает что-то, — Гарри не слышал, что, — как Валери оглядывается на сухую фигуру профессора, как тот приближается к священному камню, — черное на черном, — и вполголоса своим знакомым раздражительным тоном бурчит какие-то слова, разматывая сноп цветов и травы и набрасывая его на плечи Валери. И после, когда Валери вслед за Глором положила руку на камень, Снейп тихо отошел в толпу слизеринских второклассников, во все глаза пялившихся на удивительную церемонию. Он, единственный из всех пришельцев, несмотря на холод и выпавший ночью снег, был все в том же старом черном плаще и потертом сюртуке. Лицо у него было синее от холода, но выглядел профессор Алхимии так, точно был готов выдержать все на свете, только не то, что он сейчас видит перед глазами.

Вот почему Эльфы согласились, чтобы Северус Снейп остался, хотя они чувствуют, что с ним что-то не так, подумал Гарри. Нужен был кто-то со стороны Валери Эвергрин, кто-то старший, чтобы возложить на ее плечи эти проклятые цветы — соблюсти этот чертов ритуал. Гарри внезапно понял, что, несмотря на то, как он уважал Глориана Глендэйла, сейчас он был готов на все, чтобы Эльф не держал за руку Валери, не смотрел на нее так нежно, потому что в ее ответной улыбке Гарри чувствовал отблеск отчаяния и приносимой жертвы. Гарри отвернулся, зная, что если эти мысли прочтает кто-то из Эльфов, не поздоровится и ему, и самой Валери: Куно Глендэйл на редкость умный старик, и его Гарри даже не мечтал провести. Взгляд Гарри, блуждавший где угодно, чтобы не возвращаться на жениха и невесту, выполняющих удивительно красивый обряд, внезапно натолкнулся на профессора Снейпа. Северус Снейп почему-то тоже выглядел так, словно принес в жертву что-то дорогое и неизъяснимо любимое. В этот момент Гарри понял, что ни за что на свете не полезет больше в душу к профессору. Он испугался, что обнаружит там одно лишь дымящееся пепелище.

Но среди собравшихся Гарри увидел еще одно лицо, которому эта помолвка была явно не по душе. По бледным щекам Гвеннол Дивир, на которые ниспадала серебристая бахрома подвесок, блуждали красные пятна ревности. Гарри знал, что, хотя Глориан называл прекрасную Эльфийку сестрой, это было лишь выражение дружбы: все Эльфы называли себя братьями и сестрами, а дружба в их обществе была важнее, чем родственные отношения. Пчелиный рой, который составляли все Эльфы, нуждался в постоянной поддержке по отношению друг к другу со стороны всех членов этого общества. И юноша понял, что для Гвеннол Глориан больше, чем брат или друг, потому что только любимого человека можно было бы с такой болью отдать в руки другой женщины, чужой женщины, потому что этого требовали интересы их рода. Гвеннол Дивир, как и остальные женщины — Эльфийки, была бесплодна.

Рон и Гермione, Сьюзен, стоящая рядом с Гарри, да и все остальные, похоже, не видели в совершающемся обряде никакого преступления. Среди школьников Хогвартса еще с сентября бродила сплетня о том, что отношения профессоров по защите от сил зла и Древним Колдовским Языкам далеки от обычных профессиональных или просто дружеских. Позже, многие девицы даже возревновали, когда узнали, что вечера, а иногда и ночи, профессор Эвергрин проводит в бывшей хижине Хагрида, но взглядов, которые влюбленные бросали друг на друга было достаточно, чтобы у фанаток Глора не осталось никаких шансов. Помолвку и свадьбу, которая должна была свершиться через три дня, все приняли как должное. А Добби, переминавшийся с ноги на ногу слева от Гарри, был и вовсе в восторге.

Наконец, все закончилось. Снег пошел еще сильнее, и Эльфы как-то неожиданно все испарились, точно растаяв в его крупных хлопьях: согласно обряду, они все должны были принести жениху и невесте подарки возле дома главы рода. Рядом с древним черным кромлехом остались только Гарри и его друзья, Валери и Глориан. Валери Эвергрин окликнула уходящую вместе с толпой слизеринцев черную спину профессора Зельдедея.

— Северус!

Никогда она еще не звала его по имени, подумал Гарри, видя, как спина вздрогнула.

— Да? — голос был раздраженный, нетерпеливый. Снейп явно не хотел оставаться с ней.

— Спасибо, что согласились быть моим посаженным отцом.

— Не за что.

— Не хотите меня поздравить?

— Я поздравлял вас в прошлом году. Думаю, этого достаточно.

Мнение профессора явно разделял Глориан Глендэйл. Его фиолетовые глаза нетерпеливо сверлили Снейпа, подталкивали, требовали, кричали, чтобы он поскорее ушел.

И он ушел.

— Пойдем, дорогая, — прозвенел счастливый голос Глора. — Пойдем к отцу. Он очень просил.

— Да, да, конечно. Гарри, ну, как тебе?

— Красивая церемония, — без всякого выражения сказал Гарри. — Поздравляю, мисс Эвергрин, Глориан...

— Спасибо, Гарри. Ты же меня понимаешь, правда? — большие синие глаза Валери оказались перед самым лицом Гарри, она поцеловала его в лоб, окатив сладким запахом цветов и заставив его сердце почему-то сжаться от жалости. Несколько шагов — и они с Глорианом исчезли в метели.

Гарри, Рон и Гермиона долго молчали.

— Странный обряд, — прошептала Гермиона. — Почему мне кажется, что все это мне только что приснилось?

— Дико, — пробормотал Рон. — Все это невероятно дико, — он неуютно поежился: снег падал ему за ворот плаща. — Они такие разные... Я до сих пор не могу поверить в то, что она согласилась... Она, *такая* красивая, — и он! Бр-р-р, как холодно! Ну и быстро же здесь наступила зима!

Гарри молчал.

— Она не любит его.

Голос, прозвучавший из-за камня, заставил всех четверых вздрогнуть. Сьюзен оглянулась и увидела Джинни, зябко кутающуюся в заносимую снегом мантию.

— Что ты сказала, Джин? — Рон непонимающе вскинул брови.

— Что слышал, ты, бесчувственный болван, — бесцветно уронила Джинни. — Знаете, мне показалось, что ничего страшнее я никогда не видела.

— Страшнее? — переспросил Рон.

Сью и Гермиона переглянулись с совершенно одинаковыми выражениями на лицах. Они не были уверены, стоит ли заткнуть рот Джинни, прежде чем она со ставшей свойственной ей откровенностью выложит свое мнение. Они не успели.

— Я сказала, что она не любит его. Она любит другого человека, сама, наверное, этого еще не понимает, но любит.

— Джинни, — мягко сказал Гарри. — Не надо...

— *Не надо* меня одергивать, как маленькую девочку, Гарри Поттер! — вспыхнула Джинни. В призрачном свете летящих снежинок ее голубые глаза были похожи на упрямые льдинки. — Я считаю, что это отвратительно!

— Джинни...

— Оставь меня, Сьюзен Боунс! Что ты понимаешь в любви?!

— Джинни!

— И ты заткнись, Гермиона! Тебе все дается с такой легкостью, не понимаю, почему ты до сих пор думаешь, когда перед тобой лежит все готовенькое на блюдечке! Вы все избалованы! — истерично выкрикивала Джинни. — Избалованы любовью!

— Джин, что на тебя нашло? — попытался утихомирить сестру Рон.

— О, какой же ты дурак, Рон, — беспомощно простонала Джинни и заплакала. — И почему она ему не скажет?! Я бы сказала... наверное...

— Если бы она сказала Глориану об этом, то все мы, все сто пятьдесят человек, оказались бы посреди 1096 года, как бездомные на улице, — не выдержал Гарри. — Она пожертвовала собой, чтобы домовые эльфы выступили против Вольдеморта на нашей стороне! Она пожертвовала собой, чтобы нам было, где голову преклонить... Мы не вправе обвинять ее!

— О, какие пылкие речи, Поттер!

Драко Малфой стоял, ухмыляясь, возле большого камня. На нем трепетала черная мантия на собольем меху. С нежностью относившиеся ко всем животным Эльфы уже давно с отвращением на нее поглядывали. Драко же смотрел на Джинни с презрением.

— И тебе не надоело с вожделием глядеть на этого придурка со шрамом, рыжая Уизли? Поттер, почему бы тебе просто не сказать этой дуре: «Отвали, я тебя не хочу, у меня есть своя белокурая телка!»

— Малфой! — Гарри сжал кулаки. В одном из них — палочку. — Еще раз ляпнешь что-нибудь подобное, и — тебе не жить!

— Да ну? — издевательски скривился Драко. Он подбоченился и оперся спиной о камень. — И наш знаменитый Гарри Поттер не боится, что за драку возле эльфийской святыни ему сделают бо-бо? А что если я скажу, что видел, как ты со своими дружками и подружками пытаешься открыть вход в подземелье?

— Ты не посмеешь, сукин сын! — зарычал Рон. — Спорю, ты сам шлялся здесь и ждал, пока все уйдут, чтобы пролезть туда!

— Что за выражения, Уизли?! Посмею, конечно. Тем более что *тебя* заподозрить легче легкого. У кого из нас двоих бОльшая нужда в эльфийских сокровищах? Кто у нас в Хогвартсе самый нищий? Кто носит залатанные мантии? У кого самая старая грязная палочка? Слушай, Грэйнджер, а он дарит тебе цветы, а? Небось, в теплицах у профессора Спаржеллы ворует, на дорогой букет-то у Уизли денег не хватит...

Рон не выдержал и, одним прыжком подскочив к Малфой, припечатал его лопатками к древнему камню. Лицо Драко осталось презрительно непроницаемым, даже когда Рон схватил слизеринца за горло.

— Хочешь убить меня, Уизли? — прохрипел Малфой, не делая ни малейшего движения, чтобы освободиться. — Ты все равно не сможешь, потому что ты — слабак! Для того чтобы убить кого-нибудь, нужна холодная голова и ясный разум. А в твоей головке не наберется даже столько мозгов, сколько у паршивого фlobbera!

— Не смей оскорблять его! — завопила Джинни, срываясь с места. Гермиона хотела ухватить Джинни за подол мантии, но промахнулась, и теперь Джинни, как и Рон, мяла кулачками тощее тело Малфоя, не давая его руке добраться до палочки в кармане. Гарри, Сью и Гермиона пытались растащить их, но не смогли даже разжать пальцы рычащего сквозь зубы Рона — так сильно он впился в горло Малфой. Кучамала яростно визжала девичьими и воинственно орала мальчишечьими голосами. Драко хрипел и продолжал с ненавистью смотреть на Рона. Рука белокурого слизеринца медленно подбиралась к волшебной палочке. Неожиданно, колено Драко, точно прицелившись, резко наподдало Рону пониже живота. Рон побледнел и скривился от боли. Его руки разжались и со всей силы уперлись в камень.

— О, Мерлин! — просипел он, выпучив глаза.

И в этот момент камень пришел в движение. Внутри него что-то скрипнуло, со стоном повернулось, снег посыпался с вершины старинного кромлеха, и камень, закрывающий вход, тяжело ухнул вниз. Рон и Драко, не удержавшись, полетели вниз, в черный зев мрачного провала. Джинни закачалась на краю, сорвалась и тоже рухнула следом.

— Рон! Джинни! — закричал Гарри, бросаясь к темной дыре. Он спустил ноги вниз, послушал секунду — тишина, и, не раздумывая, соскользнул вниз.

— Гарри! Нет! — Сьюзен в ужасе смотрела, как голова Гарри исчезла в темноте каменного провала и как Гермиона решительно сбрасывает мантию и перекидывает ногу через край. — Гермиона, ты куда?!

— Надо вытаскивать их оттуда, ты идешь? — и гриффиндорская староста тоже испарилась.

Сью крепилась недолго: куда страшнее было остаться одной. Ход был узким, и, пока ее тащило по каменному лазу, она исхитрилась порвать юбку в нескольких местах и ужасно испачкаться, собрав по дороге остатки грязи, которые не успели прилипнуть к одежде остальных. Когда она, наконец, обрушилась на что-то твердое, ее подхватила чья-то рука. Она подняла глаза и при свете палочки увидела Гарри. На его щеке наливалась кровью здоровенная ссадина.

— Интересно, куда это мы угодили, — задумчиво сказал он и помотал головой, избавляясь от зарослей паутины во встрепанных волосах.

Глава 22. Преступник и Белая Дама.

Зажглись еще две палочки — Гермионы и Джинни. В углу застонал и завозился спутанный темный клубок: руки и ноги у Рона и Малфоя были переплетены в кучу.

— Рон! — бросилась к нему Гермиона. — Ты жив? Можешь встать?

— Уф-ф-ф... — пробормотал Рон, брезгливо сбрасывая со своей шеи ногу Малфоя и отряхиваясь. — Кажется, могу. Куда это мы угодили?

— Знаете, — с дрожью в голосе сообщила Гермиона, поднимая горящую палочку повыше. — Мне кажется, что мы каким-то образом сумели открыть пещеру. Мы сейчас внутри запретного подземелья Эльфов.

— Люмос! — Гарри поправил зацепившиеся за ухо очки и теперь разглядывал высокие каменные своды. Совсем не похоже на архитектуру Эльфов — нет ни выбитых на стенах цветов или узора из листьев. И не римская архитектура тоже: каменные колонны и уходящие вверх фигуры людей, задрапированные мраморными складками. Тяжелые балки лежали на таких же тяжелых каменных опорах, похожих на древние менгиры, только выставленных в ряд. Камни были обработаны еле заметно, от них веяло какой-то первобытной дикостью и жестокостью, ощущение тяжести и придавленности овладело Гарри.

— Интересно, как нам отсюда выбраться? — произнес он. Голос, отскакивая от тяжелых каменных опор и балок, звучал глухо, как в могиле. — Не лезть же наверх, слишком высоко.

— Да, наверное, надо поискать здесь, — Сьюзен оглядывалась в поисках возможной двери, но ничего похожего в этом каменном мешке не наблюдалось. — Кто-то там говорил о сокровищах... Похоже, все это только слухи. Ничего здесь нет. Даже выхода, — она нервно вздохнула.

— Ничего, Сью, давай посмотрим, где он здесь может быть, — Гермиона вытянула руку с палочкой и прошла в дальний конец пещеры. — Интересно, что мы смогли сделать, чтобы открыть вход? Вдруг то же самое откроет нам проход снова. Рон, ты помнишь, что произошло?

— Малфой дал мне пинка, — мрачно сказал Рон. — Я схватился за камень, выругался, и тут-то мы и полетели вниз, — при свете палочек было видно, что на скуле у него темнеет синяк. — Больше ничего не помню, кроме того, что мерзкие белесые волосы этого ублюдка все время попадали мне в рот, пока мы падали. Джинни, ты как, не пострадала?

— Порядок, Рон, — Джинни осматривала углы пещеры. — А Малфой там жив еще?

— К сожалению, кажется, жив, — Рон пихнул бесформенную кучу ног, и куча издала стон, полный отчаянного страдания. — Сегодня, явно, не мой день, иначе бы...

— Погоди-ка, Рон, — Гермиона, наконец, ощупью добралась до конца помещения, подошла к высокой арке, затянутой завесами паутины и зашарила по кажущейся непроницаемой каменной кладке. — Этот камень, кажется, поддается. Помоги-ка!

Гарри подбежал к Гермионе, Рон уперся в камень с другой стороны, и они втроем попытались осторожно сдвинуть камень с места.

— Гермиона, а почему просто не выбить этот валун Сногшибателем? — поинтересовалась Сью, стоя на коленях в углу возле Малфоя, который продолжал картинно стонать и корчиться, как от сильнейшей боли.

— О нет, Сью, только не это! — замотал головой Гарри. — Рон, помнишь, какой обвал мы учудили в Тайной комнате?

— Ага, и это только обычным Заклятием Забвения. Представляю, что будет, если мы тут Сногшибатель применим. Да нас попросту раздавит этими каменюгами!

— Попробуй только применить Сногшибатель, Уизли! Хочешь, совершить самоубийство, так меня в это не впутывай, — прошипел Драко Малфой, брезгливо отбрасывая руку Сьюзен, щупавшую ему пульс. — Отвали, Боунс!

— Что — папочке нажалуешься? — пыхтя, поинтересовался Рон. Он оставил камень — это бесполезное занятие! — и принялся вслед за Гарри простукивать стены. — Думаю, что *тут* это тебя не спасет, урод... Нет, Гарри, похоже, что этот камень единственный, который можно хоть как-то расшатать... Другого выхода просто нет. О, как же мне осточертело попадать в эти передрыги! Даже если мы отсюда выйдем живыми, Эльфы с нас три шкуры сдерут.

— Стойте, — внезапно приказала Гермиона. — Рон, Джинни, ну-ка, вытяните и покажите мне свои руки! — Она медленно осмотрела камень еще раз, а потом подошла к Рону и Джинни и внимательно начала разглядывать их ладони. — Может быть, я ошибаюсь, но это весьма вероятно... Нет, руки тут не при чем...

— Ты думала, что они могли нажать на какой-то потайной рычаг? — заинтересовался Гарри.

— Гарри, мы не прикасались к камню, на него могли нажать только Рон, Джинни или Малфой! — Гермиона напряженно размышляла. — Рон, ты не помнишь ничего такого? Скрип пружины, например? Джинни, не ты случайно нажала на что-нибудь?

Джинни отрицательно покачала головой.

— Малфой?

— Иди ты к дементорам, лохматая маглокровка... — Драко приводил в порядок оторвавшуюся опушку на мантии.

— Поговори мне еще, — рыкнул Рон.

— Ты сказал, что выругался, Рон, — продолжала допрос Гермиона. — Помнишь, что ты точно сказал?

— Что, хочешь, чтобы я еще раз выругался?

— Рон Уизли, кончай валять дурака, соображай быстрее!

— Ну, у меня в тот момент соскользнули руки. Я уперся в камень, чуть не упал и, — Рон скопировал свои движения, уперев руки в покачивающийся камень. — И, кажется, сказал, О как мне осточертели все малфои на этом свете!

— Врешь, Уизли. Ты ничего такого не говорил! А если бы и сказал, то...

— Рон, Рон, погоди, этот идиот прав, ты не говорил ничего такого! — Джинни опиралась на упрямый камень и взволнованно накручивала волосы на палец. — Что-то попроще...

— Хочешь сказать, что я примитивно выражаю свои чувства?

— Нет, она хочет сказать, что тебе нужно пополнить свой словарный запас, — утешил его Гарри. Сью обалдело посмотрела на них.

— О, Мерлин, Гарри, неужели вы всегда так ругаетесь между собой, когда попадаете в очередную передрагу?

— Что ты сказала? — воскликнул Гарри.

— Вы всегда так...

— Нет! Сначала? — Гарри потряс Сью за плечи, и она непонимающе уставилась на него. Все затихли.

— М-м-м... О, Мерлин...

— Точно! — обрадовался Рон. — Я именно это и произнес тогда! *О, Мерлин...*

Камень заскрипел и, как на шарнире повернулся вокруг своей оси, открывая вход в просторный коридор. Сверху на Рона и Гарри посыпались комья земли и маленькие камешки. Рон пролез в узкую дыру и совершенно растерянно поглядел на Гарри.

— Но я же ничего такого не сделал? — удрученно заметил он. — И никакого заклятия не произнес даже!

— Интересно! — глаза Гермионы горели так же ярко, как и ее палочка. — Это очень похоже на древнее табу!

— Чего?

— *Табу*, Рон, ты что, книг вообще не читаешь?! Многие сильные волшебники использовали свои имена, чтобы запечатывать сокровища, и никто не мог открыть эти тайники, кроме них самих!

— Я-то тут при чем? — поинтересовался Рон несколько раздраженно. — Какое отношение ко мне имеет Мерлин? Погоди-ка, ты хочешь сказать, что это подземелье мог запечатать он?

— Возможно. Здесь все кажется очень древним, — Гермиона светила палочкой Сью и Джинни, пробиравшимся через дыру. Сзади их грубо подтолкнул Малфой.

— Посторонись, Уизли, мне вовсе не улыбается торчать там одному!

— И эти сокровища, которые, по слухам, хранят Эльфы, принадлежат Мерлину? — задумался Гарри. — Гермиона, это как-то... слишком просто, что ли... Больно быстро у нас это разгадать получилось.

— Поттер, тебя удивляет, что у вас на всех отыскалось полфунта мозгов?

— Закрой рот, Малфой, — рассеянно добавил Гарри. Коридор, по которому они шли, неожиданно кончился, и под ногами оказались ступеньки. Гарри подхватил Сью, которая чуть не поскользнулась на них, и принюхался. — Чувствуете? Кажется, воздух здесь более влажный. Наверное, мы уже почти на уровне озера.

— Или под ним, — Гермиона осторожно карабкалась по ступенькам, цепляясь за Рона. Внезапно, палочка выпала у нее из рук и покатила вниз. — О, нет! Я потеряла палочку!

— Мы все равно спускаемся вниз, там и поищем, — Гарри чуть не грохнулся вниз вслед за гермиониной палочкой — камни были изрядно пропитаны влагой и покрыты скользким налетом.

Но тут сзади раздался грохот: Драко Малфой летел вниз по ступенькам на спине и отчаянно орал. Сметая по дороге Сьюзен и Джинни, он больно толкнул ногой Гарри и Рона, и вся дружная компания покатила по скользким ступенькам вниз. Когда они повалились в кучу внизу лестницы, Гарри отряхнулся и нащупал очки у себя за пазухой. Защищенные Неразбиваемым заклятием, очки опять оказались целехоньки. Гермиона шлепала рукой по грязи, устало что-то бурчала и искала свою палочку. Внезапно вспыхнул свет.

— Гарри! — услышал он потрясенный возглас Джинни. Рука, которой она сжимала свою палочку, дрожала. — Рон! Гермиона! Боже, вы только взгляните на *это*!

Это оказалось огромным залом с потолком, теряющимся в высоте и темноте. Прикованные медными кольцами к стене факелы в виде драконьих голов выглядели устрашающе и казались невероятно живыми. Об истинных размерах этого странного помещения можно было только догадываться: Гарри прошел вперед, вытянув руку с горячей палочкой, но так и не смог разглядеть, где же кончается странный зал. А странным он был — Гарри снова споткнулся и чуть не растянулся на полу, — из-за того, чем были покрыты массивные серые плиты этого пола.

Везде, где только хватало глаз, были навалены горы оружия. Старинные пики из потускневшего металла, проржавевшие до основания, громадные боевые топоры с потемневшими лезвиями, изъязвленными темными пятнышками времени, щиты, окованные железными крючьями и шипами, с надписями на непонятном языке, копья с резными деревянными рукоятками и обмотанные полуистлевшими полотнищами незнакомых флагов с древней аляповатой вышивкой, большие рогатые луки и обломки стрел, присыпанные кучками каменных и стальных наконечников. Остатки боевых доспехов: странной формы шлемы в виде драконьих и волчьих голов, сетчатые занавеси кольчуг озерами растекающиеся по полу, поножи и воротники, сваленные в громадные кучи вместе с ржавыми перчатками и звездообразными шпорами. Мечи. Их, наверное, было больше всего — с крестообразными рукоятками, с рукоятками витыми, рукоятками из потемневшего серебра и выточенными из дерева, украшенные драгоценными камнями, ажурным металлическим плетением и простые, совсем без украшений. Все оружие было таким старинным, что казалось ненормальным присутствие нескольких юных учеников Хогвартса на этом кладбище древней славы. Они робко оглядывались, точно боялись потревожить покой неизвестных воинов, бывших обладателей бесчисленного множества оружия, сложенного в этом зале.

— Странно, что тут нет привидений... — пробормотал Рон. — Жуть какая! И ты думаешь, что все это принадлежало Мерлину, Гермиона? Жадный был старичок!

— Помолчи, Рон! — шикнула на него Джинни. Она пошла вдоль рядов выстроившихся вдоль стен доспехов, изредка поднимая палочку, чтобы осветить пустые глазницы их забрал. Каждый ее шаг гулко отдавался в зале, полном старинного металла. — По-моему, здесь очень красиво!..

— Это ты называешь *красотой*, Уизли? — презрительно скривился Малфой. Он отряхнулся от пыли и паутины. — Да это же сплошной хлам! В замке моего отца таких игрушек куда больше, и все они в значительно лучшем состоянии, чем эта рухлядь. К тому же сомневаюсь, что вы вообще понимаете толк в оружии.

— Ты ошибаешься, Малфой, — заметил Гарри, вытаскивая из ближайшей кучи тусклый луч старинного меча с рукояткой в виде раскинувшего крылья орла. — По-моему, этой штуке лет четыреста-пятьсот... Если бы тут не было так влажно, возможно, она бы и получше сохранилась.

— Ой, только не строй из себя знатока, Поттер! Можно подумать, что это к тебе с пяти лет ходил лучший в стране фехтовальщик и учил биться на мечах!

— А к тебе что, ходил? — презрительно скривился Рон.

— Уизли, это твой отец не может себе позволить дать своим многочисленным детям подобающее их роду воспитание. Мои же родители никогда не экономили на этом. Так что советую не становиться у меня на пути, — Драко резко оттер плечом Рона и прошел в другой конец зала. Он небрежно вытянул из кучи наугад какой-то меч и принялся презрительно его разглядывать.

— Умение махать мечом еще ничего не значит, Малфой, — бросила Гермиона. — Главное — зачем ты это делаешь!

— Твоего мнения я не спрашивал, глупая маглорожденная обезьяна, — отвернулся Малфой.

— Ну все, скот ты этакий! — не выдержал Рон. Он протянул руку к ближайшей куче металла и, тоже не глядя, вытащил первый попавшийся меч. — Сейчас я тебе заткну рот!

— Рон, перестань! — Гарри попытался встать между Малфоем, ехидно изогнувшим светлую бровь, покачивающим меч в руке, чтобы перехватить его поудобнее, и Роном, неумело вцепившимся в рукоятку своего. — Слушайте, вы, психи, тут не место!

— Еще какое место, Поттер! Может, ты тоже хочешь выйти против меня? Давайте вдвоем, думаю, вы не протянете и пяти минут!

— Малфой, не смей! — Гермиона взмахнула палочкой.

— Грэйнджер, если ты только попробуешь наложить на меня какое-то заклинание, то, будь уверена, я отрублю тебе руку еще до того, как ты поймешь, что случилось! — Драко Малфой вдруг показался Гарри совсем другим. Привыкнув считать его трусливым хорьком, папенькиным сыном, Гарри, вырастая сам, не замечал, как его вечный враг тоже взрослеет. Гарри только сейчас при тусклом свете из палочек девушек вдруг обратил внимание на то, какие крепкие мускулы у Драко. Шея у Малфоя стала уже не тощая, как в первом классе, а накачанная, почти бычья. Широкие покрасневшие руки с длинными цепкими пальцами вертели меч уверенными движениями, было видно, что Драко в кои-то веки не хвастал, говоря о своих успехах в фехтовании.

— Малфой, оставь его в покое!

— Это и тебя касается, рыжая мелочь! И тебя, поттерова белобрысая шлюха! Если вы поднимите палочки на меня, то...

Этого Гарри уже стерпеть не мог. Пусть это нечестно — двое на одного, плевать, подумал он, когда его рука уже автоматически разыскивала в куче оружия какой-нибудь меч, выпутывала лезвие из ажурных вязей кольчуги, рывком поднимала меч из какой-то тяжелой кучи, повисшей на нем. Несколько пробных взмахов — надо же проверить, как держится в руке оружие, удобно ли? — и Гарри встал в позицию.

Глаза Малфоя безошибочно определили, что отточенные движения Гарри отличаются от неумелых взмахов Рона.

— О, Поттер, это уже интересно? Где ты научился этому? — Гарри мог поклясться, что в глазах Драко на секунду сверкнул искренний интерес.

— Не твое дело, Малфой. Лучше обещай, что оставишь свои попытки...

— Будет тебе ломаться, как баба, Поттер! Бери пример со своего рыжего дружка! Учись принимать правила игры! — с этими словами Малфой так стремительно сделал первый выпад, что Гарри чуть не пропустил его, в последний момент ухитрившись отвести удар от левого плеча Рона.

— Малфой, говорю последний раз — хватит! Ты уже похвалился своими талантами и хамством перед девушками, можно и передохнуть.

— Уже устал, Поттер? Где же твоя гриффиндорская храбрость? — этот удар Малфоя Гарри парировал уже с трудом. Четкости и выверенности движений Драко было не занимать. Гарри скользнул под его рукой, и теперь они с Роном зажали Драко в клещи, впрочем, это было еще под вопросом, так как Рон, не умея махать мечом как следует, поскользнулся и чуть не упал прямо на горку весьма острых предметов, состоящих, в основном из торчащих обломков старинных копий и мечей. Малфой одним ударом переломил заржавленный меч Рона и заносил руку для очередного удара. Гарри пришлось отвлечь внимание Малфоя, пока Рон не поднялся на ноги, но Драко и тут изловчился и подсечкой выбил у него меч из рук.

— Сдавайся, Уизли!.. Поттер, сволочь!

Гарри невинно смотрел, как Малфой выпутывается из огромной кольчуги, размерами напоминающей простыню для гиганта. Девчонок этот эпизод окрылил: Джинни бешено расхохоталась. За то когда Малфой поднялся на ноги, на него страшно было смотреть: красный, злой, он напоминал разъяренного гиппогрифа.

— Убью! — завыл он и бросился на Гарри со скоростью несущейся на врага кобры.

Гарри парировал один его удар, другой. Третий заставил его нагнуться и пришелся по куче полуразложившихся полотнищ старинных флагов. Пыль и труха взметнулись вверх. Пока Гарри надрывно кашлял в туче наседавших на него ошметков, меч Малфоя незаметно подкрался сзади к его шее.

- Гарри! — отчаянно вскрикнула Сьюзен.
 — Ну, все, Поттер? Тебя только на это хватило?
 — Обернись, гад! — прорычал Рон сзади.

Все обернулись и увидели дикую картину. Рон в наезжавшем на лоб старинном шлеме закрывался большим круглым щитом, окованным металлическими бляшками, окружавшими голову дракона, яростно нащупывал в соседней куче новое оружие. Наконец, его пальцы легли на что-то более подходящее, Рон изо всех сил потянул меч на себя, и у него в руке сверкнули бледные камни эфеса. Он поднял меч и скопировал боевую стойку Гарри.

— Ну, подойди, Малfoy! Я сейчас нос тебе отрежу!

— Мой нос пока вполне устраивает меня на его собственном месте, а вот твои свинячьи уши пора укоротить, Уизли! — Драко замахнулся изо всех сил, но тут его рука натолкнулась на меч Рона, и клинок Драко посыпался на пол, как осколки стекла, видимо, меч Рона был куда прочнее. Отскочив от сломанного оружия, меч Рона едва не расколол пополам каменную плиту, приподнимающуюся над полом на несколько дюймов и со скрежетом прочертил глубокую борозду на полустертой надписи «...US ...EX». Малfoy попятился в темноту и натолкнулся на что-то сзади, похожее на низкую каменную колонну приблизительно его роста. Колонна покачнулась, и палочка Гермионы высветила это неожиданное препятствие. Гарри присмотрелся, чтобы разглядеть колонну.

И ахнул.

На самом краю высокого и узкого темного камня с насечкой из резных зубчатых рун покачивалась небольшая чаша или, возможно, маленький кубок, выточенный из цельного куска горного хрусталя. По краям кубка сияли красные и зеленые драгоценные камни. Обработанные довольно грубо, они перемежались переливчатыми дорожками из мелкого речного жемчуга. От точка, едва не повалившего камень, чаша легонько качалась на золотой ножке, обнимавшей низ хрустального творения переплетением блестящих выточенных веток остролиста.

Все замерли. А потом на остром лице Драко появилась хищная ухмылка.

— Вот это уже больше похоже на сокровища!

Он протянул за чашей руку, и тут Гарри осенило.

— Не смей! Это Чаша Зеленого Праздника Эльфов! Это их величайшее сокровище! Если ты что-то сделаешь с ней, то...

— То пусть они разбираются с тобой, Поттер. Я хочу эту штуку, и она будет моя — этого довольно, — Драко скреб пальцами по камню, пытаясь добраться до чаши, которая раскачивалась на самом краю, и Гарри ничего не оставалось, как броситься к Малfoy и перехватить его пальцы. Гарри успел прижать слизеринца в колонне, когда чаша, мелодично звякнув краем о камень, плавно начала пикировать вниз. Гарри был очень занят и не мог отвлекаться на чашу, пока висел на Малfoе мертвой хваткой. Девушкам пришлось бы бежать через ползала, сквозь полутемное пространство, полное незнакомых острых предметов, чтобы подхватить ее. Оставался Рон. Он отбросил свой меч куда-то в очередную кучу оружия и прыгнул. Наверное, это был лучший прыжок в его жизни, потому что поймал он чашу прямо возле самого каменного пола, когда она уже была готова расколоться на миллион осколков. Гермиона вскрикнула, потому что Рон упал очень неловко, прямо на кучу наконечников стрел, и на руке у него появилась кровь. Гарри решил, что Рон ранен, подбежал, чтобы вынуть чашу у него из рук и посмотреть, что случилось с его другом. Но на этом интересном месте на сцене появилось еще несколько участников драмы.

Куно Глендэйл, нет, не с ужасом (ужас Эльфам был как-то не свойствен), но с видом, выдававшим чрезвычайное волнение, смотрел на открывшуюся перед ним картину: Гарри и Рон на полу с чашей, у Гарри в руке — заржавленный меч. Рядом — Драко Малfoy, за долю секунды успевший принять вид оскорбленной невинности, но не успевший выбросить свое оружие, от чего невинность выглядела довольно фальшиво. Застывшая в прыжке над кучей железа Джинни, запутавшаяся в бесконечных железных сетках кольчуг Сьюзен и Гермиона, наставившая на Малfoя палочку, — это довершало драматичность подобной ирреальной картины.

Позади Куно стоял Глориан и неверяще смотрел на Гарри, точно не в силах осознать такое предательство с его стороны. Очевидно было, кто преступник: чаша — в руках у Гарри и Рона, а Малfoy, хоть и с оружием, стоял на довольно большом расстоянии от нее, и подлыми грабителями, вне всяких сомнений, выглядели гриффиндорцы. Рон, сдвигая упавший ему на нос шлем, придушенно заявил:

— Это не мы! Мы не хотели ее брать, сэр!

Неизвестно, к кому он конкретно обращался — к Куно, к Глориану или к Валери, спускающейся по ступенькам в этот самый момент, но вид у него был такой виноватый, а уши пылали просто ужасно даже в свете палочек и факела в руке у Глора, что на месте Куно я бы ни за что Рону не поверил, подумал Гарри. Глориан, наконец, пошевелился, в то время как его отец стоял неподвижно и невидящим взглядом смотрел сквозь юных волшебников, и холодно спросил:

— Как вы сюда попали?

— Случайно, сэр! — взволнованно затараторила Гермиона. Она умоляюще взглянула на Глориана Глендэйла и нетерпеливо продолжила. — Мы как-то ухитрились открыть камень, но мы, правда, не нарочно, сэр! Просто Рон произнес слова, а Джинни и Малфой как-то надавили на камень, не иначе, и он открылся, и мы все упали вниз, было очень темно и больно, и Рон расцарапал всю руку, а Гарри порезал лицо, а потом мы ужасно испугались, что не сумеем выбраться наружу, но Рон вспомнил слова, которые нужно говорить, и камень открылся. Мы попали в это место, хотели выбраться, но натолкнулись на кучу оружия, — кто его оставил здесь, сэр?! — а потом Рон и Малфой поссорились, Малфой нас оскорблял, и Гарри с Роном пытались защитить нас, они взяли мечи из этой вот кучи, и начали вести себя как круглые дураки, а мы ничего не могли поделать. Потом Малфой чуть не опрокинул постамент с этой вазой, то есть, я хотела сказать, чашей, сэр. Он хотел забрать ее, но ребята не дали, и ва... то есть, чаша чуть не разбилась, но они сумели...

— Я все понял, — сказал Глориан.

Оба Эльфа молча застыли на месте, и Гарри мог поклясться, что в данный момент, кто-то из них активно роется у него в голове.

— Все было вовсе не так, сэр! — голосом оскорбленного пай-мальчика возразил Малфой. — Уизли и Поттер толкнули меня, сбросили в эту яму, а потом обвинили во всем меня. Потом они нашли эту прекрасную чашу, и захотели взять ее себе, но поссорились из-за того, кому она достанется. Я схватил меч, чтобы защитить ваше достояние, сэр, и тогда они набросились на меня все вместе! Хорошо, что вы появились, сэр, думаю, они бы меня убили! Они — ненормальные ворюги, говорю вам, сэр!

— Довольно, мистер Малфой, — прорычала Валери, нервно дергая оборку платья, зацепившуюся за какой-то обломок пики. — Сейчас не столь важно, кто из вас вор. Важно другое, вы...

— Нарушили границы нашей святыни, — ровно произнес Куно Глендэйл. В свете факела, который держал его сын, Древний Эльф выглядел еще более древним, а его волосы казались серебряным сугробом снега на голове, из которого сверкали фиолетово-опаловые глаза. — Это — страшное преступление здесь, на Инисавале. Ни один Эльф не позволил бы себе такого. А наказание за это, — он помедлил, а затем подошел к краю той самой плиты, которую расколол меч Рона, прищурился, рассматривая ее, и почти равнодушно добавил. — Смерть.

Гарри скорее почувствовал, чем увидел, как вздрогнула Гермиона. На спине у него мерзкими липкими каплями начал выступать холодный пот. Гарри, не отрываясь, глядел на Драко Малфоя, и испытывал ненормальное удовольствие, наблюдая за тем, как бахвальство сменяется на лице слизеринца смертельным ужасом. Малфой выглядел сейчас так, словно маленькая ядовитая змейка, бившаяся под давящим ее каблуком.

— Но... мы же ничего не сделали, сэр, правитель! — почти взвизгнул он.

— Закон существует для всех, — пожал плечами Глориан. На Гарри он не смотрел.

— Государь, — тихо, но настойчиво возразила Валери Эвергрин. — Я согласна с тем, что незнание или непонимание закона не освобождает от его выполнения, но вы же знаете, что они здесь — пришельцы, чужие. И они — еще дети! И вы же разрешили приходить сюда — мне!

— Дорогая, — незнакомым сухим голосом уронил Глор. — То, что они здесь посторонние, не меняет дела, и они ничем не связаны с этим местом, в отличие от тебя... Ты же почти *моя жена*. А с тем, что они — дети, я не согласен. Здесь взрослеют куда раньше, и они теперь принадлежат *нашему* миру, а не своему.

Пот уже тек по спине Гарри почти струйкой.

— *Наш* мир и *ваш* мир... Глориан, милый, мы, кажется, договорились, что не будем *делить* его, — Валери выглядела как никогда раздраженной. Напряжение последних дней, видимо, доконало ее, и сейчас Гарри вдруг понял, как была права Джинни. Валери сдерживалась, чтобы не наговорить лишнего, а в присутствии Глориана и его отца — даже не думать о том, в чем она, наверное, боялась признаться даже себе. Ее синие глаза в полутьме казались почти черными.

— Что ты хочешь сказать, моя дорогая невеста? — Эльф теперь говорил уже не на своем языке, на котором они общались с самого его возвращения на Инисаваль. — Почему мне кажется, что ты хочешь поссориться со мной? Тебе уже давит на плечи твой веночек?

— Я не отдам вам детей, — четко выговаривала каждое слово Валери.

— Ты думаешь, что я хочу, что я способен убить Гарри?

— Я уже не знаю, на что ты способен, Глориан. Мне страшно от твоих слов. Но детей я вам не отдам, даже если мне для этого придется...

— Придется — что? — певуче прозвучал в холодном влажном сумраке голос правителя Глендэйла.

Валери промолчала. Малфой умоляюще посмотрел на нее. Гарри не мог видеть ни Рона, ни Сью, ни Гермиону, ни Джинни — все они стояли у него за спиной — но их мысли содрогались внутри его черепа, точно птицы, рвущиеся прочь от прутьев клетки. Сам того не желая, Гарри слышал их — настолько были напряжены и их, и его чувства.

На вопрос Куно не ответил никто. Тогда правитель задал другой.

— Мне все же хотелось бы знать, как именно вы оказались здесь. Наш древний камень не мог сдвинуть никто, кроме...

— Кроме кого, сэр? — замирающим голосом спросила Гермиона.

— Нет, ничего... Просто странно, — Куно внимательно разглядывал лица детей. — Странно, потому что этого бы никто из людей сделать не смог, кроме...

— Да кого же кроме-то? — не выдержал Рон.

Куно Глендэйл замолчал. Потом его фиолетовые зрачки пропутешествовали к куче оружия, наваленной на каменной плите.

— Я сейчас должен принять решение, — сказал он медленно. — Закон недвусмысленно гласит: смерть тому, кто нарушит покой древнего святилища и гробницы в нем...

Какой еще гробницы?

— Но я решил изменить закон, из-за того, что за вас просит жена сына моего, — патриарх Эльфов медленно перевел глаза с Гарри на Драко и обратно. — Я оставлю вас в живых. Но через три дня вас здесь быть не должно.

Стало так тихо, что Гарри услышал, как где-то в подземелье с потолка размеренно капает вода.

— Что значит — не должно? — прошептала Валери.

— После свадьбы моего сына и леди Валери Эвергрин все остальные пришельцы должны будут покинуть Инисаваль. Пришельцы должны уйти. Все, — мягко сказал Куно и отвернулся, чтобы выйти прочь. — От них пахнет бедой. И Злом. Особенно вот от них, — он, не глядя, махнул рукой на Малфоя и Гарри. Глориан обомлел.

— Отец, но... Гарри...

— Спроси его сам, сын мой, почему он не сказал тебе, что умеет говорить со змеями.

Снег падал уже не большими мокрыми хлопьями, а сеялся крошечными снежинками, оседавшими на полах гарриной изодранной черной мантии. Ход был узким и грязным. Когда Глориан вывел их прямо к мертво-черному зимнему озеру с покачивающимися на его поверхности эльфийскими ладьями, Рон и Гермиона сразу подошли к морозной воде, чтобы умыться. Гарри разглядывал Валери и его пробирал холод: ее профиль казался вырезанным из мрамора. Глориан же не смотрел на нее, он не смотрел и на Гарри: просто отошел в сторону и сел на камень, видимо, ждал реакции. Но ее не последовало. Гермиона и Рон молча отмывали грязь с рук и ног в воде, Джинни села на заметаемый снегом песок и закрыла лицо худыми руками, а Сьюзен молча опустила рядом с ней, взметнув полами мантии тучу снежинок. Ее пальцы машинально перекатывали комочек снега. Драко Малфой моментально исчез, наверное, тупо подумал Гарри, отправился жаловаться профессору Снейпу на ужасную несправедливость Эльфов и проклинать Поттера, Узли и весь Гриффиндор.

— Ты ничего не хочешь мне сказать? — волосы Глориана падали ему на колени, закрывали лицо.

— Я курить хочу, — нелогично отозвалась Валери, машинально шаря у себя по платью там, где обычно были карманы на ее костюмах. Ее голос дрожал.

Гарри заметил, как странно смотрят на них обоих Рон и Гермиона. Точно видят в первый раз.

— Уходите, — твердо прозвучал голос Валери. Она закончила рассеяно шарить по своему серому с серебром платью и повернулась к гриффиндорцам. — Джинни, отведи, пожалуйста Сьюзен к домам Хуффльпуффа и немедленно отправляйся за своим братом к Северной скале.

Всем оставаться там. Никуда не выходить. Все, — она повернулась к Глориану, и Гарри понял, что сейчас состоится настолько серьезный разговор, что мисс Эвергрин не хочет, чтобы при нем присутствовали посторонние. Он двинулся следом за Роном, но голос профессора Эвергрин остановил его на полпути. — Гарри, а с тобой нам надо поговорить.

Он послушно остановился, запахнул поплотнее плащ, — становилось все холоднее, — и стал ждать, каким образом она выругает его за сегодняшний проступок... нет, уже, наверное, преступление.

Но Гарри не услышал от нее ни слова попрека. Только *это*:

— Гарри, с тех пор, как профессор Дамблдор попросил меня за тобой присматривать прошло уже почти полтора года. Ты сильно изменился за это время, Гарри, ты вырос. Шестнадцать лет — это странный возраст. Ты уже не ребенок, но взрослым человек становится только тогда, когда к нему приходит умение отвечать за свои поступки и решения и не полагаться на окружающих его старших людей. Я сильно привязалась к тебе, Гарри, ты стал для меня как... маленький шкодливый братишка, который вечно попадает в неприятности, и которого из этих неприятностей нужно вытаскивать. Но ты уже не маленький, и сам должен понимать, что *вечно* ждать помощи от других нельзя. Ты *сам* должен научиться помогать себе, — она отвернулась от него, и теперь Гарри видел, как ее золотисто-пшеничный ежик волос намокает под пикирующими на него упрямыми снежинками. — Глориан, ты прав. Я не могу здесь ничего решать. Отчасти потому, что не вправе вмешиваться в дела твоей семьи, пока не стала ее частью. И отчасти... — Она вновь повернулась к Гарри. В ее глазах было отчаяние. — Потому что мы — *не дома*, Гарри! Это не двадцатый век, когда все люди вправе говорить и делать все, что им вздумается. Это — время мужчин, и я не могу здесь принимать решения самостоятельно, этого никто не поймет и не одобрит! Здесь я, пусть и волшебница не без способностей, не имею права голоса, за меня всегда будет решать кто-то другой! Здесь я — *всего лишь женщина!*.. Это отвратительно, но это так! Пока мы не найдем способа вернуться обратно, нам придется смириться с этим, иначе мы не выживем здесь! Поэтому пришло время научиться отвечать за свои действия, Гарри. Ты — мужчина и сам теперь выбираешь себе жизнь! А теперь уходи! Уходи, мне нужно поговорить с Глором, а при тебе у меня не хватит на это смелости!

Ноги Гарри вросли в землю, точно она ударила его. Он думал, что уже давным-давно вырос, а мисс Эвергрин, оказывается, считает, что он еще не научился самостоятельно принимать решения и брать на себя ответственность за свои поступки.

— Уходи, я сказала.

И тогда Гарри повернулся и пошел. Стоило ему завернуть за угол, как он услышал, как Валери сказала Глориану. Очень тихо:

— Глор, я знаю, что ты любишь меня. Иногда мне просто стыдно за то, что подсознательно я ищу доказательства этому — твой выбор нелогичен с моей точки зрения, можно было найти куда более достойную особу. Я прошу, скажи мне сейчас как на духу: ты все-таки решил на мне жениться из-за твоих чувств или больше потому, что этого требовали интересы твоего рода?

Тишина. Затем Глориан неловко пошевелился, точно ему стало неуютно.

— Зачем ты просишь меня ответить на этот вопрос? Разве ты сомневаешься во мне?

— Я же сказала, что не сомневаюсь. Но я должна знать, что для тебя важнее.

Глор молчал.

— Не молчи, пожалуйста, милый! Я не вынесу этого!

— Ты хочешь, чтобы я сказал, что женюсь на тебе по приказу отца? Что я не люблю тебя, и меня заботит лишь продолжение рода Эльфов?

— Я *не* хочу это услышать, но если такова правда, то я должна знать ее, разве не так?

— Зачем?

— Чтобы легче пережить разочарование, — ответила Валери глухо.

— Я никогда бы не посмел разочаровать тебя, Валери, любимая! — Глориан порывисто встал и прошел к берегу. Под его ногами хрустел снег, а потом плеснула вода. — Я никогда не посмею оскорбить тебя, ты же это понимаешь!

— Да? А кто сегодня выгнал отсюда сто пятьдесят бездомных детей? Ты что, всерьез думал, что я соглашусь бросить их и остаться здесь, с тобой? Променять их на тебя? Им нужна моя забота! Особенно здесь! А ты лишь потому, что они по глупости оказались в этом клопином углу, заваленном ржавыми железками, готов вслед за своим отцом назвать их преступниками?!

— Ты преувеличиваешь!

— Я ничего не преувеличиваю! Ваши законы устарели! Они были созданы в те времена, когда и люди, и Эльфы были совсем другими, но эти дети — иные.

— Это правда, многие дети совсем не такие, какими я их себе представлял. Если бы я знал, что Гарри умеет разговаривать со змеями, то...

— То - возненавидел бы его?

Глориан замолчал.

— Я теперь не смогу доверять ему, как прежде, — твердо припечатал он.

— Только из-за этого недоразумения?

— Это — не недоразумение! Он нарушил закон, осквернил священное место. И ты сама знаешь, что змеи...

— Ничего я не знаю. Вы иногда изумляете меня своими страхами. Вы говорите о ЗЛЕ, но никто из вас не видел его воочию! Вы боитесь спускаться в священное подземелье, хотя не представляете, чем оно священно. Твой отец один знает, почему же он хотя бы тебе об этом не расскажет? Почему разрешает спускаться туда лишь тебе и мне? И почему, раз туда, по слухам, так сложно попасть, дети смогли открыть его, произнеся лишь одно слово?! Глориан, несмотря на то, что ты меня любишь, я иногда боюсь тебя, потому что ты — другой! Как же мы будем здесь жить вместе, если на меня все смотрят косо, детей, которые мне дороги и за которых я в ответе, — гонят, а человека готовы уничтожить лишь по дурацкому подозрению, что в нем, видите ли, скрыто Зло?

— Хорошо, что ты напомнила об *этом* человеке. Может, мы опять о нем поговорим? Я думал, что эту тему мы давно уже закрыли!

— Знаешь, Глориан, после того, что случилось, я уже не так уверена в своем решении, как раньше. Мне нужно подумать.

— Ты отказываешь мне? Валери, ты не хочешь быть моей женой?

Шуршание кустов с другой стороны скалы выдало приближение еще одного человека.

— А, ты вовремя, — холодно сказала Валери по-эльфийски. — Я так и думала, что ты подслушиваешь где-нибудь поблизости. Гвеннол, объясни своему «*брату*», что такое милосердие. Он этого, кажется, не понимает, но ты-то женщина, ты должна это знать.

— Я не женщина. Я — Эльф, — раздался тонкий глухой голос Гвеннол Дивир. — Милосердие — это понятие, которое придумали люди.

— И вы утверждаете, будто знаете, что такое Зло? Как можно так говорить. Если не знаешь, что такое добро и милосердие? Мне жаль вас всех: и тебя, Глор, и тебе, моя ласточка. Сердца у вас нет, вот что! Если бы оно у тебя было, Гвеннол, ты бы уже кричала повсюду, что любишь его, ты бы напала на меня и вырывала у меня волосы, била бы меня палкой или сбросила со скалы! Но ты молчишь, ты принимаешь все это. У тебя холодная душа.

— Я всего лишь поступаю так, как велит наш повелитель.

— Вы *страшны*, — ужас в голосе Валери заставил Гарри задрожать. — Как можно любить все живое так, как вы, и вместе с тем так ненавидеть людей? Неужели это лишь потому, что вы умираете, а они — остаются?

Послышались торопливые шаги по воде.

— Куда ты? — отчаяние в голосе Глориана делало его все же не таким монстром, как в данный момент, наверное, казалось Валери.

— Я хочу подумать! И я надеюсь, что ты тоже подумаешь, Глор. Я знаю, наше соглашение все еще в силе, и только моя вздорность сейчас — главное препятствие к нашей свадьбе, но я отдаюсь на волю собственной вздорности! Я уезжаю в Лес Теней, там-то, надеюсь, меня никто не побеспокоит.

— Безумная! Там же опасно!

— Наплевать! — плеск весла подсказал Гарри, что Валери оттолкнула лодку от берега и поплыла через озеро.

Молчание. Затем Глориан тихо пробормотал по-эльфийски:

— Гвеннол, где мой отец?

— Правитель вернулся в свой дом, принц Глориан. Он очень рассержен.

— Я пойду, попробую уговорить его.

— Зачем? Пусть они уходят! Пусть уходят все пришлые! От них одно Зло!

— Если они уйдут, Валери тоже не останется, — почти бегом Глориан покинул берег.

Гарри вышел из своего укрытия, думая, что Гвеннол тоже ушла, но она все так же сидела на берегу, и ее медовую косу заносило снегом.

— А, это ты. Мальчик, который умеет говорить со змеями.

— Это не моя природная способность. Мне ее передал один Черный маг, когда хотел меня убить. Но его проклятие отскочило и попало в меня самого. Я не знаю, почему так случилось.

— Это часто бывает, — равнодушно заметила Гвеннол. — Разве ты не знаешь, маленький колдун, что когда один из вас выходит с другим на поединок, то в случае смерти соперника забирает его волшебные силы? Но это все равно не важно. Это Зло было у *него*, теперь оно — в тебе.

— Во мне *нет* Зла! — в ярости выкрикнул Гарри.

— Да? И ты никому не желаешь смерти? Ты никого не можешь ненавидеть? Ты человек, поэтому Зло спит в тебе всегда. Когда-нибудь оно проснется, — Гвеннол Дивир встала и исчезла так быстро, что Гарри не успел подумать, как ей можно возразить.

Он опустил на холодный снег и обхватил голову руками.

Что делать? Они сами виноваты — проклятый Малфой, от него все неприятности! Если бы он не пришел к камню... держу пари, что он уже тогда разнюхивал, как его открыть. Если Эльфы выгонят их — куда им идти? Если Валери откажется выйти замуж за Глориана, союз домовых эльфов и волшебников против Вольдеморта распадется, ничто, кроме приказа обожаемого ими принца, не сможет заставить их выйти воевать против Черного Лорда. А если Валери согласится — она останется здесь, на Инисавале, а им, что, всем придется идти, куда глаза глядят?

Никакого выхода Гарри не видел из этой ситуации. Это нестерпимо глодало его, но еще хуже ему становилось, когда он вновь представлял себе глаза Валери в тот момент, когда она говорила ему, что пора принимать решения самому.

Черт! А еще Глориан... Как он мог так поступить с Валери? Как он мог позволить ей одной отправиться в Лес Теней, когда там полным-полно хищных троллей, крюкорогов, да волков, наконец... И мало ли, каких волков...

И Гарри Поттер принял решение. Последняя лодка покачивалась на волнах, когда он отвязывал ее и залезал на корму. Гарри приложил руку к глазам: за туманной завесой снегопада уже не было видно ни другого берега, ни лодки, на которой плыла Валери. С ума сошла, недовольно подумал он. Ох уж эти женщины! Чуть что — сразу драмы. Ну, зачем ей понадобилось отправляться подумать именно в Лес Теней. Надо вернуть ее. Гарри греб около часа, отгоняя веслом налипавшие на борта кусочки льда, пока дно лодки не царапнуло прибрежный песок. Тогда он вскочил, привязал лодку к отсыревшей коряге, которых здесь было в изобилии, и отправился на поляну, где обычно паслись единороги Древних Эльфов, по дороге размышляя о том, что по закону подлости их там не должно оказаться, а путешествие пешком по заснеженному лесу, полному всякой нечисти, его мало вдохновляло. Как ни странно, ему повезло. На поляне он нашел молодую самку единорога, осторожно выбиравшую из-под снега остатки коры и замерзшие травинки. Гарри осторожно, как его и учили, подошел к единорогу справа, почтительно наклонил голову и предложил единорожке весьма кстати завалившееся в кармане яблоко. Белоснежный зверь сперва осторожно отпрянул от парня, но затем принялся и, с такой же благодарностью, с которой Риок когда-то шарил по гарриным карманам, принял угощение. Гарри любовно похлопал единорога по шее, и молодая единорожка благосклонно фыркнула в ответ. Тогда Гарри решительно уперся ладонями ей в спину и вскочил на животное верхом. Единорог сперва нервно заскакал на месте, задирая на спину золотистый рог и пытаясь сбросить наездника, но Гарри ухитрился удержаться. Спустя несколько минут, когда животное успокоилось, Гарри осторожно сжал коленями ее бока и направил единорожку к лесной тропе, попутно размышляя, куда могла подеваться Валери. Скорее всего, она тоже взяла единорога, об этом можно было догадаться даже по следам на снегу.

Гарри нагнулся, свесившись со спины единорога. Следы вели направо. Гарри вытащил палочку и установил ее на ладони.

— *Укажуй мисс Эвергрин!*

Палочка плавно повернулась на запад. Гарри легонько сжал пятками бока единорога, понуждая повернуться в нужную сторону. Единорожка нервно всхрипнула, но послушно повернулась в затрусил в нужном направлении. Гарри нагибался, когда она несла его через заснеженные заросли, и стряхивал с рук сугробы. Рукава у него быстро промокли, пушистое эльфийское одеяние свалялось клочками, а за голенища сапог начал стекать растаявший на рукавах снег. Гарри порядочно взмок и постоянно нервничал из-за того, что ему пришлось ехать по снегу, из-за этого рысь единорога была тряской и нечеткой, и парню приходилось вцепляться изо всех сил в его гриву, что единорожке не слишком нравилось. Ездить без седла для Гарри уже не было такой большой проблемой, но он все же чувствовал себя неудобно, потому что спина животного была довольно скользкой. Все же он удержался от желания наколдовать упряжь и направил единорога дальше на запад.

Пока ему везло, и никого из лесных обитателей он не встретил. Возможно, тролли в такой холод не рисковали высовывать свои вонючие лапы из нор, да и остальные звери вели себя так же осторожно. Лес молчал, словно вымер. Эта тишина не показалась Гарри подозрительной, напротив, он вздохнул с облегчением: никто его не увидит и не услышит. Казалось невозможным, чтобы кто-то из маглов забрел сюда: сам Лес Теней выглядел достаточно устрашающе, и его не делал менее опасным белый блестящий покров снега. Поэтому осторожность все-таки не помешает.

Гарри ехал на единороге уже больше часа, и уже начинало заметно темнеть. Заваленные снегом гирлянды мха на столетних деревьях принялись слегка покачиваться от ветра. Увидев, что снова начинается метель, Гарри забеспокоился. Он был уверен, что найдет обратную дорогу к озеру, но сомневался, что теперь в быстро вступающей в свои права ночи он сумеет отыскать Валери. Поэтому он набрался храбрости и позвал ее:

— Мисс Эвергрин!!!

Гарри прислушался. Никто ему не ответил, однако, Лес точно зашевелился вдруг. Единорог вздрогнул и чуть заметно взбрыкнул, но Гарри счел, что самка просто испугалась его крика, и легонько потрепал ее по гриве, стараясь успокоить. Это не помогло. Тем более, что где-то слева вдруг послышалась какая-то возня: не то потревоженный медведь решительно выбирался из берлоги с твердым намерением надрать шею крикуну, не то один лесных троллей решил, что голод страшнее холода и тоже вышел на охоту за ним. У Гарри пробежал холодок по спине, хотя ему стало холодно уже задолго до этого. Держась за гриву единорога обеими руками, Гарри сжимал палочку не слишком удобно, поэтому ему никак не удавалось наложить Согревающее заклятие. Шорох раздавался уже совсем рядом.

— Мисс Эвергрин? — осторожно спросил Гарри у шуршащего куста. За ним (он вздохнул с облегчением) послышался топот, наверняка издаваемый копытами единорога. Гарри раздвинул кусты, намереваясь выяснить раз и навсегда, нашел ли он Валери или нет, но тут поскок копыт стал еще громче, Гарри еле успел пригнуться, и тут через покрытые снегом заросли шиповника перескочил всадник.

Возможно, это была и Валери, Гарри не успел разглядеть. Эта умелая всадница, безусловно, была женщиной, он понял это по оборке юбки, выглядывающей из-под широкого белого с серебром плаща и по маленькой ножке, мелькнувшей в стремях. Стоп! Стремя? Так это — не единорог? Это — не мисс Эвергрин? Гарри не удержался и погнался за всадницей, чтобы убедиться в этом.

Белый конь незнакомки несся как стрела, так что Гарри не успевал за ней, но единственное, что он успел пока разглядеть, это то, что всадница была вся одета в белое, и ее накидка оторочена мехом горноста. Наверняка не Валери. К тому же Валери никогда на памяти Гарри не погоняла Ройсин или Зигзага так, словно за ней неслась стая оголодавших гиппогрифов. Гарри уже хотел остановить единорога, чтобы не попасться на глаза незнакомой всаднице, как его пронзила внезапная идея.

Кто может вот так просто разъезжать по Лесу Теней, не боясь ни троллей, ни другого хищного волшебного зверья, кроме волшебника? Что, если эта женщина — могущественная ведьма? Что, если это и есть...

Белая Дама...

Гарри не успел додумать эту мысль, как перед ним внезапно материализовался огромный древесный сук, с которого свисали заснеженные клочья мха. Отвлечшись от дороги, Гарри его не заметил, и, не успев повернуть единорога, изо всех сил ударился об него головой так, что у него загудело в ушах. Животное дернулось, сбрасывая его, потом Гарри сквозь непрекращающийся

шум в голове и нарастающую боль в правом виске успел заметить, как далеко впереди белый конь уносится прочь со своей всадницей, и все расплылось в кровавом мареве. Гарри почувствовал, что кровь из раны течет у него по лбу и щекам, услышал отдаленное ржание своего единорога, а потом не стало ничего, кроме ощущения холода, потому что замерзать Гарри стал сразу же, как только начал терять сознание. Мир черно-белым волчком повернулся вокруг него в последний раз и исчез.

Глава 23. Хельга Хуффльпупф и Ровена Рэйвенкло.

Шептались два голоса. Это он почему-то понял еще до того, как сознание полностью вернулось к нему, в голове перестало ныть на редкость упрямое привидение («Да плюнь ты на него, Гарри! Опять наш придурочный упырь выть завелся!»), а в ушах — гудеть настырная мелодия, что-то вроде тех жутких звуков, которые Гарри иногда ухитрялся извлекать из Поющих Поганок. Почему-то ему показалось, что он снова во втором классе, снова в гостях у Рона, и сейчас спит в его комнате. Вот заходят Джинни и Фред и начинают громко разговаривать прямо у его постели. Гарри хотел повернуться, бросить в Фреда подушкой и сказать, чтобы он проваливал к черту и не мешал ему спать. Но Фред почему-то исчез еще до того, как Гарри сказал ему хоть одно слово, а потом и Джинни растаяла в небытии. Вместо ощущения тепла от оранжевого одеяла Рона Гарри почувствовал холод и тогда вспомнил, что с ним произошло. Проклятая ветка, здоровенный вскочит синяк — будет, чем похвалиться перед Сьюзен, хотя ему пока еще далеко до Джастина с его чертовой сломанной ногой, — единорог, заснеженный Лес Теней. И незнакомая женщина.

Белая Дама.

Гарри хотел пошевелиться, но тут до него дошло, что он уже не в лесу, а в каком-то помещении. Было тепло, он явно лежал на кровати (хотя матрас был ужасный, весь в буграх, и, похоже, набит самой колючей в мире соломой) под вязаным одеялом. Раздетый...

Похоже, обо мне кто-то позаботился.

Быть может, тот, кто разговаривал сейчас рядом с ним? Гарри прислушался, стараясь казаться спящим на тот случай, если вдруг оба говорящих захотят проверить, пришел ли он в себя.

Двое. Мужчина и женщина. Латынь. Примерно те же классические формы употребляли в речи отец Карадок и Джеффри Монмут, только толстый келарь говорил на более вульгарной, народной речи, язык Джеффри был грамотнее, хотя он изъяснялся с легким акцентом. Эти же люди говорили на чистой латыни, не сдобренной никакими диалектными излишествами, точно читали по книге. Хотя, пожалуй, язык мужчины был более груб... Латынь Гарри понимал хорошо, без нее невозможно составить ни одно заклинание, поэтому чувствовал, что говорящие — люди образованные. А кто может быть настолько хорошо образован в XI веке? Кто может так отлично знать латынь?

Мужчина сказал несколько слов на другом языке. Кажется, какой-то диалект, или может, саксонский язык?

— Говорите на латыни, — предупредила его женщина. Не очень молодая, подумал Гарри, уже за сорок. До него донесся шелест её платья. — Он валлиец, и, скорее всего, плохо понимает её.

— Необразованный дурак, — сказал мужчина и фыркнул. — Если уж подбираешь всех маглов, которые нуждаются в помощи, делай это осторожно, сама знаешь, как *он* к этому относится. Спровадить бы обоих отсюда, пока *он* не вернется. Боюсь, что *наш друг* способен почистить им память без помощи *Обливиате*, помню, как *он* раскроил череп нашему *архитектору*... и потом полдня ходил по замку с брызгами его мозгов на мантии, грязнуля.

Маглы?! Брызги мозгов?!

— Какая разница, кто он, сэр? Рыцарь нуждается в помощи не меньше чем этот милый юноша, которого вы привезли вчера.

— Странная история, дорогуша, — протянул мужчина. Гарри услышал, как он агрессивно забрякал чем-то, опасно напоминающим оружие. — Паренек лет семнадцати... хотя нет, наверное, ему меньше... что он мог делать в этом проклятом месте, дементор его зацелуй?! Я видел следы копыт на снегу, похоже, он был верхом. Судя по всему, лошадь его сбросила, когда он ударился головой о ветку над тропинкой. Будет теперь у него еще один шрам на лбу, сама же видела — у него шрам от проклятия. Хорошо, что я успел его вывезти оттуда — парень уже был холодный, как ледышка! Интересно, кто он может быть? Судя по его рукам, мальчишке не приходилось тяжело работать. И одежда у него странная. Может быть, он сын одного из норманнских лучников, что охраняют границу с королем Эдгаром? Или...

— Все не так просто, сэр. Я видела подобные одежды ещё девочкой. Моя мать тогда брала меня на Праздник Первой Зелени в Священной Чаще. Всего лишь раз в жизни я увидела Эльфов, никогда не забуду это зрелище: они были все как один невысокие, ростом с двенадцатилетних

юнцов, но удивительно красивые в своих пушистых одеяниях и белых плащах. Мне, девочке, казалось, что от них исходит сияние.

— На этом тоже был светлый плащ, кстати, выделан он довольно странно.

— И сапоги точно эльфийские. Я их хорошо запомнила, высокие такие, с застежками сзади. К тому же вот еще одно доказательство, видите, сэр? Это я нашла у него на одежде, — что-то зашуршало, и Гарри отчаянно сдержался, чтобы не открыть глаза и не посмотреть, что именно нашла женщина. Какое-то время незнакомцы молчали, разглядывая *это*, а потом мужчина вздохнул и сказал:

— Хм, вижу, шерсть единорога. Но что же получается, он — Эльф? Этого быть не может, он чересчур здоровенный для Эльфа.

— Нет, мальчик явно не Эльф, сэр: уши-то у него обыкновенные, — рассмеялась женщина. — А вот и его палочка, — Гарри машинально сжал рукав, в котором обычно хранил волшебное орудие труда, но тот был пуст. — Он один из наших, но явно не здешний житель. Его лицо мне незнакомо.

— Гному ясно, что нездешний. Какой местный колдун, даже из опытных, рискнет в одиночку путешествовать по Лесу Теней без надобности. Я еще и нашел у него кое-что - будешь смеяться, — на лице. Вот эта штука была на носу у мальчишки. Мерлин меня побери, если я понимаю, для чего она нужна, — с этими словами мужчина, видимо, продемонстрировал женщине незнакомый предмет, явно не зная, как он называется. Но женщина оказалась более компетентна в этом вопросе.

— А, это! — сказала она. — Молодая госпожа уже видела эту вещь, сэр. Она сказала, что в столице ей попадались такие штуки. Это зрительные стекла. Книгочей придумали, это, говорят, такие стекла, особым образом отшлифованные, помогают различать мир тем людям, что слабы глазами. Может, этот юноша сбежал из какого-то монастыря, замерз в лесу, Эльфы подобрали его, отогрели и дали ему единорога...

— Нет, — возразил мужчина. — Не сходится. Во-первых, креста-то на нем нету, *наш* он. Во-вторых, он бы не смог сесть верхом на эльфийского зверя. Да и сам Древний Народ уже полвека не показывается из лесов, говорят, злы они на людей. Вряд ли Эльфы сжалились бы над мальчишкой. Загадка, да и только.

— Да, загадка, — задумчиво произнесла незнакомка. — Знаете, сэр, это может быть предвестником многих неприятностей...

— Опять ты за свое, — фыркнул мужчина. Гарри услышал, как зашуршал плащ его спасителя. — У нас здесь не Дельфы, моя дорогая. Предсказания — это уже не модно, как выражаются маглы. А если ты говоришь о возможности встречи мальчика с нашим приятелем, то... — тут он сделал жутко неприличную, по мнению ошарашенного Гарри, вещь — громко высморкался прямо на пол. Судя по тому, что его собеседница никак на это не отреагировала, подобное было вполне обычной вещью для этого джентльмена. — Ладно, мне пришлось вернуться из-за мальчишки, но Верховный Совет Магов всё же состоится всего через два дня, поэтому мне лучше поспешить.

— Взяти бы метлу, сэр, — посоветовала женщина, и у Гарри сердце скакнуло в груди, как бабочка. Теперь он был точно уверен, что находится в доме колдунов. — На лошади зимой куда дольше ехать. И мало ли что встретится по дороге, маглы в последнее время совсем нас не переносят.

— Делать мне больше нечего, как натирать мозоли на заднице этой палкой, — брезгливо сказал мужчина, вновь шелестя плащом и щелкая какими-то застежками. Затем Гарри услышал скрежет засовываемого в ножны оружия, кинжала или, может быть, даже меча. — Каждый раз приходится вынимать из своей кормы десятков заноз. Мастер Мастерс не любит шлифовать свои изделия, а я не люблю летать на его штуковинах.

— Купили бы другую метлу, сэр, — предложила женщина. — Гертруда Кеддл говорит, что на последней большой ярмарке в Броккене показывали новые метлы из Анжу: шлифованная до блеска ручка из ясеня, ореховые прутья...

— Не могу же я щеголять при нашем старике новой метлой, сделанной грязными лапами какого-то паршивого норманна, — хмыкнул мужчина. — Папаша Мастерс жутко обидится. Ладно, я поехал, надеюсь, эти столетние червивые дубы меня не превратят в ящерицу, если я опоздаю, — мужчина под конец отпустил еще и такое смачное витиеватое ругательство, что Гарри не был даже уверен, что правильно его понял.

— Крепкой дороги, и да хранит вас Вечный Старец, сэр, — напутствовала его женщина. Раздались шаги, потом хлопнула дверь, и Гарри понял, что его спаситель ушел. Следом за ним ушла и женщина. Она аккуратно положила рядом с постелью гаррины очки и исчезла, оставив после себя приятный запах горячих пирогов и ландыша.

Теперь можно было открыть глаза. Гарри осторожно приоткрыл один, за ним другой и убедился, что за ним никто не наблюдает. Первым делом он надел свои очки, а потом его пальцы нащупали повязку на голове, а под ней — большую шишку. Да уж, теперь придется носить целых два украшения. Лежал Гарри на кровати, почти полностью забаррикадированный кучей вязаных шерстяных одеял и глупых маленьких подушечек, похожих на сосиски. Рядом, на грубо вырубленном столе дымился в плошке травяной отвар, судя по запаху березовых почек и красного вина — Согревающий. Но отвар Гарри на всякий случай пить не стал, настолько ему было интересно. Гарри сполз с кровати, обнаружив, что на нём нет ничего, кроме застиранной ночной сорочки длиной до пят. Завернувшись в один из пёстрых вязаных шедевров, он принялся разглядывать место, где случайно очутился. Он находился в небольшой Г-образной комнатке с полукруглым потолком. На окна были спущены тяжелые черные бархатные занавеси, поэтому было непонятно, ночь ли сейчас или день, на первом ли этаже находится комната или выше. Комната была изрядно захламлена кучками трав, их связки свешивались со стен и потолочных балок вместе со старыми плетёными клетками для птиц, несколькими тупыми садовыми косами, узловатым корневищем мандрагоры и тщательно выпотрошенной тушкой незнакомой птички с золотистым оперением. Пучками трав был завален и большой колченогий стол посреди комнаты, причем на нём стояло несколько горшочков, уже набитых рассортированными травками, цветами и корешками. Десятки таких же горшочков с заботливо выведенными надписями на латыни и на каком-то непонятном Гарри диалекте занимали грубо вырубленные деревянные полки из чёрного дуба. Гарри пошел вдоль полок, читая кривоватые надписи: *Frangulla alnus*, *Ledum groenlandicum*, *Artemisia abrotanum*, *Artemisia dracunculus*... От последнего горшочка едко пахло эстрагоном, а от полки напротив, где выстроилась батарея горшочков поменьше - сухими апельсиновыми корками и миндальным маслом. С большой лавки свисала чистая подстилка из небеленого полотна, похожая на простыню, на которой спал Гарри.

У стен тоже было навалено немало интересного. Гарри обнаружил несколько сломанных метел, двумя из которых уже явно только подметали пол, а третья вообще уже никуда не годилась из-за ее треснутой рукоятки. Остальные метлы были тоже не в лучшем состоянии. Гарри Поттер, ловец гриффиндорской квиддичной команды кое-что знал о метлах и разочарованно смотрел на зазубрины на метловище и нестриженные прутья. Да, с производством метел в XI веке явно была напряженка, решил Гарри и увлекся разглядыванием громадных котлов, которым бы позавидовал и профессор Снейп, старинной астролябии (в хорошем состоянии) и сложенных в корзину, подобно гряде птичьих яиц в гнезде, хрустальных шаров разного размера. Рядом пылились мешки с крупой и мукой, надорванные и заплатанные, короб с поздними желтыми яблоками в соломе и здоровенный кувшин в половину человеческого роста, заткнутый тряпкой и издававший откровенно неблагородный запах самогона. Эта комната напоминала хижину Хагрида и имела, несмотря на свою средневековую спартанскую обстановку, ужасно приятный домашний вид.

Гарри миновал горящий камин, возле которого была навалена куча дров, и завернул за угол, чтобы изучить оставшуюся часть комнаты, но остановился, как вкопанный. За углом стояла вторая кровать, а на ней, полускрытый пыльными крыльями бархатного балдахина и стопкой одеял, развалился человек. Человек ел. Под аппетитное чавканье крылышко цыпленка под напором его длинных кривоватых зубов исчезало, как снег по весне. Увидев Гарри, человек молниеносно схарчевал второе крылышко и грудку, вероятно, чтобы добыча не досталась неприятелю. Затем человек опрокинул в себя полбутылки стоявшего рядом вина, довольно рыгнул и раскатистым радостным рыком приветствовал изумленного Гарри, изо всех сил старавшегося вспомнить, где он мог видеть эту радостную круглую красную физиономию.

— Прекрасный сэр!!!

Эту реплику Гарри оставил без ответа. Красномордый пошевелил по тараканы рыжими усами, почесал конопатый нос-картошку и осведомился о чём-то на незнакомом Гарри наречии. Гарри только виновато руками развел: не понимаю, мол. Низкий лоб незнакомца аж сложился гармошкой, так он нахмурился. Человек ловким жестом бросил в камин куриные кости, вытер руки об одеяло и, с трудом выговаривая слова, попытался ещё раз завязать знакомство:

— Твоя моя не понимать!

Это точно, подумал Гарри.

— Но моя хочет своя представить! — настаивал красномордый. Он небрежным жестом откинул одеяло, оставшись в одном белье (поношенной рубашке с кокетливыми остатками кружев у ворота), спустил ноги с кровати (одна из них оказалась забинтована узкими льняными полосками) и, хромая, встал в позу, из которой принято начинать придворные поклоны. Незнакомец помахал руками, изображая на лице крайнюю степень приятности, от чего его усы приняли почти горизонтальное положение, затем отставил правую ногу с твердым намерением попятиться и поклониться несколько раз, но левая, больная, нога, на которую он неосторожно решил перенести весь вес своего тела, подогнулась, и тараканообразный незнакомец едва не загремел в камин, Гарри едва успел подхватить его.

— Спасибо, благородный сэра! — от всей души поблагодарил парня коренастый кривоногий незнакомец, повисая на Гарри всей тяжестью. Эти слова он ухитрился произнести достаточно понятно.

— Не за что, — пропыхтел Гарри, опуская нового приятеля обратно в постель, и на всякий случай добавил. — Благородный сэра.

Эти слова привели рыжего в бешеный восторг, от которого, вероятно, его словарный запас быстро обогатился. Незнакомка и её собеседник явно ошибались: по-латыни рыцарь говорил если и не слишком правильно, зато бегло.

— А, так я знал, что имею дело не с глупым крестьянином и не с тупым йоменом! Вероятно, вы местный, да? Я так и понял, тут все на северном наречии болтают, и я их не понимаю. Мой юный друг, разрешите представиться...

Гарри еще раздумывал, каким образом, он ухитряется разбирать, что плетет это чучело (оно изъяснялось на жутчайшем по грамотности языке — до Шекспира предстояло дотянуть еще несколько столетий, а этот тип умудрялся болтать на такой кошмарной латыни, что Гарри едва понимал, что тот лепечет), когда чучело провозгласило:

— Благородный рыцарь Герейнт Кэдоген к вашим услугам, сэра!

О, черт, потрясенно сообразил Гарри, как же я раньше его не узнал? Точно, он! Сходство с обладателем толстого пони на одной из картин Хогвартса было поразительным. Пока до Гарри доходило это прозрение, сэра Кэдоген продолжал болтать с той же скоростью, которая была ему свойственна и в нарисованном варианте.

— Да-да, не смотрите на меня так, юный сэра! Я — странствующий рыцарь! Это почетное звание мне было присвоено волей случая, когда я, вернувшись, после недолгой отлучки, обнаружил, что мой замок заняли некие норманнские лорды. Я предпринял попытку уговорить моих крестьян отправиться на штурм моего родового гнезда, но был зверски и безжалостно избит этими негодьями! После этого я решил сам атаковать обидчика и вызвал его на поединок, но подлый мерзавец из окна облил меня скверностью из ночной вазы да приказал своим оруженосцам выкинуть меня вон, и с тех пор, собственно, я и стал... Ой, да что же это я все о себе, да о себе! — спохватился сэра Кэдоген. — А как ваше почтенное имя, достойный юноша?

— Гарри Поттер, — послушно представился Гарри, готовясь выдержать новый напор вопросов и болтовни.

— Сэра Гарри?

— Э-э-э... Нет, наверное, не сэра, — сознался Гарри. — Но дело в том, что я вырос без родителей, и не знаю ничего об их происхождении. Я потерял отца и мать, когда мне был всего год.

— О, несчастное дитя! — сладко всхлипнул сэра Кэдоген, но он быстро пришел в себя после припадка человеколюбия. — А как вы оказались здесь, сэра? Откуда вы родом?

Об этом Гарри как-то никогда не задумывался. Он не знал точно, где постоянно жили его родители.

— Не знаю, сэра. А как здесь очутились вы?

— Когда мне *вынужденно* пришлось оставить мое поместье под Каэрхэмптоном, я решил податься на службу к королю Шотландии. Но по дороге я попал в засаду местного тана, который ограбил меня и избил. Я чудом спас свой меч — фамильный, знаете ли, принадлежал еще моему деду! — украл коня и намеревался вместо Шотландии вернуться в Англию и своим копьем и мечом защищать обиженных от негодных норманнских орд, но смог дотянуть только до Квирдичских пустошей, где я окончательно потерял ориентацию и сознание. Там меня и отыскала эта добрая женщина. Она ухаживает за мной уже неделю, и, скажу вам, сэра, кормит очень и очень неплохо!

— А где, собственно, мы находимся, сэр Кэдоген? Что это за место? — осторожно поинтересовался Гарри. Он хотел было сесть на краешек кровати благородного рыцаря, но подумал, что это, возможно, невежливо и удовольствовался большим поленом, лежащим перед камином. — И кто эта женщина, что ухаживала за нами обоими?

— Это место, — раздался голос за спиной Гарри. Вновь зашелестело платье. — Называется *Хогвартс*.

Если в жизни Гарри Поттера и были такие моменты, когда ему казалось, что сейчас небо обрушится на землю, например, когда он узнал, что является наследником Гриффиндора, то этот момент превзошел всё, что было, и что будет. Он просто стоял, окаменев, и смотрел на женщину в чёрном платье, сообщившую ему это с таким доброжелательным спокойствием, которое было способно поразить Гарри ещё больше в такой момент.

Судя по голосу, женщине не могло быть больше сорока лет. На вид же ей было за шестьдесят. Пушистые белые волосы были стянуты в толстую седую косу, которая короной была уложена надо лбом с помощью нескольких грубо обструганных гребней. Сморщенное, как печеное яблочко, лицо, словно всё состояло из приятных улыбчивых лучиков, среди которых прятались маленькие зоркие голубые глаза. Руки по-монашески скромно скрывались под длинным серым фартуком, а чёрное шерстяное платье с длинным шлейфом создавало эффект ночной тьмы, над которой точно луна сияло круглое добродушное лицо. На её шее покачивалась серебряная цепочка с каким-то жёлтым камнем.

— М-мэм? — дрожащим голосом переспросил её Гарри. Он вдруг поймал себя на мысли, что хочет подойти и потрогать её, чтобы убедиться, что ни она, ни её слова ему не приснились. — Простите, что вы сказали?

— Вы находитесь в замке под названием Хогвартс, молодой господин. Меня зовут *Хельга Хуффльпуфф*, рада служить вам, сэр, — старушка глубоко поклонилась Гарри, видимо, не будучи уверенной, что ему не следует воздавать подобные почести.

— Да что вы... Я не... — забормотал Гарри, потихоньку стараясь вернуть себе, казалось, безнадежно утерянный дар речи. Но, сказал он себе, на моем месте даже Гермиона лишилась бы языка. — Я не сэр, наверное... Меня зовут просто Гарри Поттер.

Сказав это, Гарри сообразил, что, вероятно, ему следует поздороваться более изысканно и изобразить руками что-то вроде того умирающего лебедя, которого пытался разыграть перед ним сэр Кэдоген. Поэтому Гарри вскочил и сделал слабую попытку помахать перед Хельгой Хуффльпуфф конечностями в разные стороны, оставив назад правую ногу. Сэр Герейнт Кэдоген с одобрением взирал на потуги Гарри, но, судя по лицу старушки, гарриному поклону предстояло еще долго жить в её памяти в виде одного из комичнейших моментов в жизни. Она сдержанно поклонилась, явно стараясь скрыть улыбку.

— Весьма приятно, сэр... В наши дни трудно встретить такого вежливого молодого человека. Рада встрече с вами, мастер Гарри Поттер. Сэр Кэдоген, — почтительно обратилась Хельга к довольно топорщившему усищи рыцарю, развалившемуся на постели. — Не нужно ли вам ещё чего-нибудь? — Хельга Хуффльпуфф говорила медленно и четко, чтобы рыцарь понимал её.

— О, благородная леди, золотистый нарцисс местных пустошей, *лока* ничего не надо, благодарю вас! — с жутким акцентом изрек сэр Кэдоген и счастливо принялся за вторую цыплячью ножку. — Рад был познакомиться с вами, сэр Гарри!

Когда Гарри и пожилая леди вернулись к постели парня, то на ней обнаружилась гаррина одежда, уже вычищенная и заплатанная. Он смущенно взялся за светлую ткань эльфийской накидки и робко взглянул на старушку.

— Ухожу, уже ухожу. Когда будете готовы, сэр Гарри, выходите, меня можно будет найти в первой комнате на нижней галерее. Через двор напротив, — она тщательно прикрыла за собой дверь и ушла.

Гарри одевался так поспешно, что ему пришлось несколько раз перепроверить, правильно ли застегнуты сапоги, и не болтается ли плащ на одном плече. Приведя себя в относительный порядок, он сверился со своим расплывчатым отражением в полированном металлическом зеркале. Оттуда на него взглянул растрепанный шестнадцатилетний юноша со шрамом в виде молнии на лбу и нервно прикушенной губой. Гарри Поттер. Мальчик-Который-Выжил-В-Очередной-Раз-Попав-В-Прошлое. И снова оказался в Хогвартсе.

Интересно, кто его вывез из Леса Теней. Тот колдун, должно быть, не робкого десятка.

Гарри вышел из комнаты и плотно притворил за собой дверь. Коридор, в котором он находился, был ему незнаком, но мало ли какие коридоры Хогвартса он не знал, даже Дамблдор,

вспомнил Гарри, говорил, что и не мечтает узнать все секреты школы, которой руководит, думал он почти ошупью пробираясь возле стены. От палочки толку было мало, но вскоре полутёмное помещение с дымящимися на скользких стенах факелами закончилось, и Гарри свернул в холодную открытую галерею с грубо вытесанными из камня колоннами. Гарри знал её: она опоясывала весь внутренний двор Хогвартса до сих пор, но на его памяти в центре двора стоял большой фонтан, а сейчас его еще не было. Гарри вышел на утренний заснеженный двор.

Хогвартс.

У него возникло странное ощущение, что он вернулся домой и обнаружил, что в его комнате поселился кто-то чужой, переставивший все его вещи на другие места и притащивший с собой много новых. С другой стороны, это напоминало картинку «Найди десять отличий». Гарри оглядывал замок, находя, что в данном случае количество отличий явно зашкаливает. Северная башня была не четырехгранная, а круглая, с деревянной крышей и чем-то, вроде, птичьего гнезда, наверху. Окна Большого зала не были украшены фигурными решетками, да что там, даже не были застеклены. Теплицы еще не построили. Двери, ведущие в подземелья, оказались полукруглыми и были украшены аляповатыми изображениями выпускающих искры драконов. Вместо больших стрельчатых окон башни подслеповато шурились узенькими бойницами и ощетинились торчащими из нижних окон копьями. По незнакомой площадке, соединяющей Западную и Южную башни, ходил часовой в самом настоящем шлеме и с факелом в руке, чей свет то и дело выглядывал из-за зубчатых укреплений. В общем, Хогвартс был тем самым Хогвартсом, который Гарри знал, но далеко не тем, к которому привык.

Он пересек двор, опасливо косясь на часового и размышляя, что будет, если его примут за злоумышленника и выпустят тучу стрел в спину, но ничего не произошло. Гарри благополучно достиг противоположного края галереи и заглянул в приоткрытую дверь, за которой шумели голоса.

Это была большая комната, уставленная длинными дубовыми столами, на которых валялись охапки трав и корешков, связанные в пучки. За столами сидели парни и девушки, соскребали землю с корешков и старательно разбирали травинки, отделяя одну от другой. Хельга Хуффлпупфф ходила между столами и изредка наклоняла седую корону из волос над головами учеников, чтобы проверить, насколько тщательно они выполняют задание. Гарри корректно постучал, вошел, и на него тут же устремились глаза сидящих за столами парней и девушек.

Их было всего пятеро, но то, насколько они разные, Гарри понял с первого взгляда. Возле окна сидела худая девушка с впалыми щеками и большими запавшими глазами, периодически хрипло кашлявшая. Длинными пальцами она ловко перебирала узловатые корни зубянки, выбирая те, что получше, в большой деревянный короб, стоящий прямо у неё на коленях и сминающий старенькое платье из серого бархата, а те, что похуже, просто выбрасывая за окно. Рядом с ней притулился робкий мальчик лет двенадцати в бедной одежде, с висящей на шее круглой подвеской из лунного камня. Гарри поразили его белесые, затянутые бельмами глаза — мальчик был слепой. Он ошупью взвешивал какие-то семена на маленьких веревочных весах, и его пальцы, ссыпая семена в мешочек, автоматически умело подсчитывали их количество. За большим из столов сидела длиннокосая девушка одних лет с Гарри, одетая, пожалуй, богаче всех — в шёлковую мантию палевого оттенка, на которой звенели многочисленные серебряные украшения. Она толкла в ступке какие-то корешки, которые ей подбрасывали длинноволосый и остроносый юноша, сидящий слева от неё, и круглолицая девчушка с веснушками на лице. Хельга выпрямилась за ее спиной и приветливо улыбнулась Гарри.

— Вы уже оделись, сэр Гарри? Господа, познакомьтесь, это — сэр Гарри Поттер, которого мы нашли в Лесу Теней вчера вечером.

Гарри, наученный светским опытом в обществе сэра Кэдогена, вежливо раскланялся с присутствующими здесь дамами и джентльменами. Реакция была самой разнообразной: худая девушка у окна любезно протянула ему мизинец, который Гарри почтительно пожал, две девочки встали из-за стола и продемонстрировали ему замечательный средневековый реверанс, мальчик тупо на него вытаращился, а слепой ребенок никак не прореагировал. М-да. Может, он сделал что-то не так?

— Очень приятно, сэр Гарри, — хриловато сказала худая девушка в сером. Было видно, что она здесь старшая — Леди Эдит Фрир.

— Миледи, — еще раз поклонился Гарри.

— Леди Ронвен Шемрок, — улыбнулась сияющая серебром дева.

— Мисс Элинор Огден, — смущенно хихикая, заиграла глазами конопатая девчушка.

— Дамы, — еще раз согнул спину Гарри. Спина начинала болеть от обилия поклонов.

— А это Китто и Комбс, — леди Эдит грациозно взмахнула рукой в сторону мальчиков. Мальчишки закивали, обнажив щербатые рты. Слепой мальчишка улыбнулся на звук голоса Гарри, безошибочно определив, где находится пришелец.

— Мои ученики, — с подчеркнутой гордостью подвела итог Хельга Хуффльпуфф. — Сэр Гарри, скажите, нас всех это очень интересует, как вы оказались в Лесу Теней?

— Это очень долгая история, миледи, — Гарри осторожно решил, что распространяться на эту тему все же не следует. — Сперва я хотел бы спросить, вы не могли бы вернуть мне мою волшебную палочку?

Хельга Хуффльпуфф прошла в конец комнаты. Открыв одну из многочисленных деревянных шкатулочек, стоящих на толстых полках, она извлекла из нее гаррину палочку и вручила ему.

— Благодарю вас, миледи.

— Не зовите меня *миледи*, сэр Гарри. Дама благородного происхождения в этом замке — не я. Я всего лишь управляю замком в отсутствие мужчин.

Кого она имеет в виду? Неужели Годрика Гриффиндора и Салазара Слизерина?

— А где? — начал Гарри и тут же спохватился, чуть не спросив, где же Ровена Рэйвенкло. — Я хотел спросить, где владельцы этого замка? Благородные господа, то есть.

Хельга смерила его пронизывающим взглядом.

— Они в отъезде, но вернуться очень скоро, — на всякий случай быстро сказала она.

— Я не хотел показаться невежливым, — забормотал Гарри. — Мне, наверное, пора уходить...

В этот момент их прервали. В комнату заглянула жутко встревоженная ушастая физиономия парня лет четырнадцати. Лицо у юного джентльмена было все в оспинах.

— Мэм! — воззвала к Хельге физиономия. — Я здесь не забывал свои записи? Уже час ищу!

— Нет, Тео, ничего такого мы не находили, кажется, — мистрис Хуффльпуфф вопросительно посмотрела на своих учеников, но те только разочарованно помотали головами. — Боюсь, что здесь ничего нет.

— Жаль! — уныло изрекла рябая физиономия. — Никак не могу вспомнить, где я их оставил. В библиотеке ничего нет. Кажется, на первом этаже тоже нету, на втором я тоже искал, на третьем меня не было, кажется... Или был? Не помните, леди Фрир, я не оставлял пачку пергаментов на столе в Большом зале?

— Думаю, что на завтрак ты пришел уже без записей, Тео, — вежливо откликнулась худая девушка. — Я не помню ничего такого у тебя в руках.

— Плохо, — помрачнела физиономия. Но тут же воспряла духом. — Может, братья Эгберты её куда-то затащили? В прошлый раз они превратили мой пергамент в *саван*, острияшки нашлись... Пойду поищу у них в комнате. Простите, мэм, — и ушастое вихрастое нечто испарилось. Гарри заметил, как переглядываются хельгины ученики. Видимо, юный склеротик Тео был здесь притчей во языцех.

— Вы, наверное, голодны, сэр Гарри? — заботливо спросила старушка. — Я приглашаю вас отобедать с нами. Госпожа уехала в деревню пополнить запасы, но скоро должна вернуться, и тогда мы сядем за стол в Большом зале.

Гарри жутко хотелось хоть одним глазком взглянуть на Большой зал, но он уже несколько минут размышлял о том, в каком положении оставил своих друзей и всех однокашников на Инисавале. Вернулась ли Валери? Что она решила? И не прогнали ли Эльфы всех в её отсутствие? Или не прогнали, а... Гарри одернул себя и поклялся не думать о своих страхах. О, Мерлин, мисс Эвергрин, наверное, узнав, что он исчез, рвёт и мечет... Его ждет жуткая головомойка. Надо возвращаться побыстрее, конечно, но так хочется увидеть Хогвартс хоть одним глазком изнутри! Жаль, своего предка повидать не удастся, ох, жаль...

— М-м-м... Благодарю, мэм, я бы с радостью, но меня ждут друзья, — решил Гарри, старательно отгоняя от себя мысли о том, в какого слизняка его превратит Валери, когда он вернется, и проклиная эту неизбежность. Сколько всего он мог бы здесь увидеть! Годрика Гриффиндора, например!

— Но вы хотя бы расскажете нам, откуда приехали, сэр? — воскликнула конопатая девчушка, краснея от своей смелости. Сидящая рядом с ней леди Шемрок недовольно нахмурилась.

— Ну-у-у... издали. Это очень трудно объяснить, мисс, — состорожничал Гарри. — Мэм, вы не одолжите мне лошадь, чтобы добраться до... знакомых? Или метлу? Обещаю вернуть!

Хельга Хуффльпуфф искоса бросила на него взгляд. Видимо, от нее не укрылось, что Гарри старательно скрывает и то, откуда он взялся, и то, как оказался в Лесу Теней. Гостеприимство — гостеприимством, милосердие — милосердием, но она с подозрением отнеслась к его появлению в стенах Хогвартса. В любом случае, он был здесь чужой, но, видимо, в конце концов, она всё же поверила ему.

— Конечно, конечно, сэръ Гарри, я провожу вас. Посидите пока с нами здесь, у камина, мы уже заканчиваем. Дамы и господа, прошу, покажите мне, сколько корней вы очистили сегодня! Так, прекрасно, леди Фрир. Мастер Комбс, это ваше? Шелуху нужно было соскребать более тщательно, чтобы сердцевина просвечивала. Мисс, Огден, да, неплохо... Леди Шемрок — замечательно. Мастер Китто?

Слепой мальчик в обносках стоял и с серьезным видом дергал Хельгу за фартук.

— Я сегодня ночью видел сон, — доверительно сообщил он ей, высыпая мешочки с семенами на стол.

— Сон? — встрепенулась старушка. — И что вам снилось, молодой человек?

— Я видел большой корабль, который летел по небу. На нем плыли люди, много людей, и скоро они придут сюда, — забормотал мальчишка, как безумный. Его пальцы нервно сжимали и разжимали подол рубахи. Гарри счёл, что ребенок *заметно* не в себе. — Я видел, как они садятся за стол вместе с нами!

— Китто, ты преувеличиваешь, — отозвался Комбс с другого конца стола. — Мастер Салазар еле нас с тобой выносит, а уж чужаков-то и подавно сгноит, если они тут появятся, — он боязливо заткнулся, виновато глядя на Гарри.

— Я видел! — упрямо провозгласил слепой мальчуган, сверкая дырками во рту. — Вы мне тоже не верите, мэм? — с тоской спросил он Хельгу, вместе с девушками сгребавшую корни в большой короб.

— Дорогой, — старушка вытерла руки краем фартука и погладила Китто по голове. — У тебя настоящий талант, но его нужно развивать. Не все, что мы видим во сне - сбывается.

— *Это* — сбудется, — твердо стоял на своём мальчуган, вызывая приступ хихиканья у девушек.

Выйдя из комнаты, все пересекли двор и разошлись. Девушки направились к Южной башне и начали подниматься по скрипящей кособокой лесенке. Они тихо шушукались между собой, и Гарри мог даже спиной ощущать на себе их острые взгляды. Все еще ухмыляющийся Комбс повел Китто куда-то в противоположную сторону, а Хельга повернулась к Гарри и поманила его за собой. Гарри послушно свернул следом за старушкой в один из внутренних коридоров, по дороге отметив, что доспехов и картин, видимо, пока в Хогвартсе не накопилось достаточно, чтобы украшать ими стены, проследовал во внутренний дворик и вместо квиддичных раздевалок, чуланчика для метел и огромного стадиона для игры в квиддич увидел несколько покосившихся деревянных строений, явно подсобного характера, а общем, самое настоящее подсобное хозяйство. Он разглядел свинарник, из которого раздавалось громкое сытое хрюканье, колесную мастерскую, кузницу, откуда доносились удары молота, шипение железа, закаляемого в воде, и виднелись вспышки и искры расплавленного металла. Он увидел большие, растянувшиеся на приличное расстояние фруктовые сады, деревья в которых были покрыты снегом. Горшечная мастерская, плотницкая, от которой на морозце приятно пахло свежеструганным деревом, — везде сновали люди, колдуны в остроконечных шапочках и потрепанных мантиях, некоторые — в грязных заляпанных фартуках. Гарри едва не споткнулся о большого полосатого кота, стрелой вылетевшего прямо на него и старательно впившегося зубами в куриную голову. На порог соседней пристройки выскочил толстый колдун в белом колпаке и замахнулся на кота полу ошипанной петушиной тушкой. Подлый ворюга с невиннейшим видом улизнул за телегу, которую смазывали два других колдуна, мрачные и запачканные дёгтем, и принялся жадно вгрызаться в добычу. Гарри хмыкнул, представив на месте этого полосатого воришки миссис Норрис.

Хельга сделала ему знак подойти поближе, и Гарри остановился возле маленькой косо висящей дверцы, перед которой на большом чурбане устроился здоровенный лохматый старик. Рядом в куче мусора играли два малыша. Старик сперва строгал какую-то палку, а затем с помощью кривоватой (с сучками) волшебной палочки принялся наносить на палку Шлифовальное Заклятие. Не очень, впрочем, стараясь и то и дело позевывая.

— Мастер Мастерс, — окликнула старика Хельга.

Старик поднял на неё кустистые брови и хмыкнул в ответ нечто невразумительное.

— Мастер, Мастерс, этому юноше нужна метла. Не одолжите нам что-нибудь из ваших последних работ?

— Хм, хм... Где-то у меня тут завалилась одна штука, остальные *давно* разобрали, — Мастер Мастерс со смаком подчеркнул популярность своих изделий. Говорил он на жутчайшей смеси латыни и какого-то шепеляво-присвистывающего наречия. Старик встал и принялся шарить в грязной куче бревен и досок, наваленной позади. — Брысь, чертенята! Арбалет, иди играй в дом! — Разогнав возившихся в стружках ребятишек, старик вытащил на свет *ужасно грязную* метлу, всю в зазубринах и занозах, с кое-как прикрученной к задней части метловища охапкой ореховых прутьев. Мастерс задумчиво побурчал над ней, обрезал ножом несколько уж совсем торчащих вбок веток и гордо протянул метлу Гарри. — Вот, молодой человек! Лучшее изделие, из всех, что у меня есть! На ней вы пролетите зараз почти сто футов! — С этими словами старик Мастерс ревниво глянул на потенциальных конкурентов, оглушительно ржавших в конюшне напротив.

Оптимистично сказано, уныло подумал Гарри, старательно изображая восторг на лице. Надо же, всего сто футов! Он вспомнил, как лихо нарезал круги на Всплохе, с которого мог не слезать часами, какую скорость развивали Нимбусы братьев Уизли, если их удавалось хорошенько подпихнуть. Эта метла выглядела *так* убого, что, как казалось Гарри, не годилась даже для уборки замка. Но он выдержал эффектную паузу, почтительно поклонился старому колдуну и поблагодарил за всё на весьма витиеватой латыни, которую дед, кажется, даже не понял, что, впрочем, не помешало ему умиленно отказаться от платы за свою работу.

— Я делаю метлы не потому, что мне деньги нужны! — наставительно поднял он вверх заскорузлый от грязи палец с облезшим ногтем. — Создание метлы — это величайший прогресс! — и где только он научился таким словам? — Поэтому ради прогресса я с вас ничего не возьму! Мне кажется, что в ваших руках, юноша, моя метла полетит еще быстрее.

— Спасибо, сэръ!

— Нет, не благодарите! Видите, мэ́м, — обратился мастер Мастерс к Хельге. — Первый человек, который сказал мне спасибо! Какой воспитанный юноша! Не сомневаюсь, он знает толк в хороших метлах! А ваши оболтусы только и способны на то, чтобы переломать все рукоятки, играя в креотценн. Только три дня назад я чинил их. Думаю, и вам, мэ́м, тоже пришлось потрудиться над несколькими дурными мальчишками!

— О, теперь с ними всё в порядке, мастер Мастерс, — улыбнулась старушка. — Главное, головы целы.

— Голова — это их наименее ценная часть тела, — изрёк Мастерс. — Благодарю, юноша. Пусть моя метла принесёт вам удачу.

Еле вырвавшись от смешного старичка, Гарри, тихо фыркая про себя, подошел к воротам вслед за Хельгой. Старушка приказала двум зевавшим на выходе охранникам опустить мост. Мост со скрипом упёрся в противоположный берег рва с водой, окружавшего Хогвартс.

— Спасибо вам за все, мэ́м! — от души поблагодарил её Гарри.

— Да не за что, молодой человек, рада была помочь. Жаль, что вы отказались от обеда, — Хельга Хуффльпуфф сделала Гарри низкий реверанс, и он вскочил на метлу. Сидеть было неудобно, и занозы тут же впились ему в наиболее чувствительное место, он было оттолкнулся одной ногой от земли, как тут послышался топот копыт. Гарри пригляделся и заметил, что по дороге к Хогвартсу несётся процессия из трех всадников и тянувшихся в хвосте нескольких тяжело нагруженных телег обоза. Первый всадник летел на белом коне, а сзади развевался белоснежный плащ.

— О! — радостно воскликнула старая Хельга. — Миледи вернулась!

Гарри застыл, наблюдая за тем, как белый конь, точно ветер, ворвался на мост. Плащ всадника взметнулся еще раз, а потом храпящий конь взвился на дыбы, и всадник соскочил с него. Он сорвал с себя капюшон белого плаща, обнаруживая длинные белокурые косы, оплетённые серебром, синие глаза и невероятные чёрные брови вразлёт, выдающие чистоту породы. Властный взгляд. Кинжалы за поясом, лук и колчан со стрелами за плечами. Меч в руке сверкнул сапфировой искрой, вылетая из ножен. И — к горлу.

— Хельга, кто этот чужак? — требовательно провозгласила молодая женщина, пока Гарри ел глазами эту амазонку, совершенно забыв о том, что в него впивается лезвие обоюдоострого меча. Угрожающе брякнули пластинки не по-женски тяжёлой короткой кольчуги, надетой прямо поверх белого платья. Женщине было едва ли двадцать, и говорила она явно не на латыни, но Гарри как-то её понял.

— Меня зовут Гарри Поттер, — обалдело сказал Гарри, изумляясь тому, как два совершенно далеких друг от друга человека могут быть *так* похожи. Неудивительно, что он спутал *эту* Белую Даму с...

— Не волнуйтесь, миледи. Этот юноша уже уходит, — примирительно сказала старушка, приобнимая Гарри за плечи. — Его нашли раненым в Лесу Теней и принесли сюда.

— Кто вы? — поражённо пролепетал Гарри, уже подсознательно находя ответ на свой вопрос.

— Сэр Гарри, это — леди Ровена Рэйвенкло, одна из владельцев замка Хогвартс, — вежливо представила синеглазую красавицу Хельга Хуффльпуфф.

— Мне всё равно, как тебя зовут, чужеземец! — острый кончик меча приподнял гаррин подбородок. Ровена перешла на более привычный Гарри язык. — Я вижу, что ты прибыл издалека, потому что никто здесь так не говорит: никогда не слышала такого выговора, как у тебя. Признавайся, ты — норманнский разведчик? Хельга готова пригреть любого проходимца, но я никому не позволю отнять у меня мой дом!

Гарри опешил. В ворота заезжали люди, грохотали колёса телег, заваленных мешками, с лошадей прыгивали верховые, но Ровена Рэйвенкло этого не замечала.

— Мисс Э... То есть, простите... леди Рэйвенкло! Я и не претендую на ваш замок!

— Да? — усмехнулась Ровена. Её воинственная красота вновь сверкнула откуда-то из самой глубины синих искр в глазах. — Хельга, сегодня в Хогсмиде говорили, что в двадцати милях отсюда видели норманнский дозор. Откуда нам знать, что это человек — не шпион? Он мог узнать, как у нас мало людей в охране и сообщить это своим лягушководам.

— Я верю ему, — упрямо сказала старушка.

Внезапно Ровена схватила Гарри за голову и с силой прижала её к своему лбу. Лоб был холодный, и в кожу ошалевшего Гарри мгновенно впилась жемчужины обруча в её волосах. От нее пахло ромашками, мальвой и чем-то ещё, какой-то полевой травой.

Она отпустила его так же стремительно.

— Невероятно, — сказала она, пристально сверля Гарри глазами. — Что ж, теперь я тоже ему верю. Но этот юноша явно хочет что-то у нас спросить, Хельга. Ну, мы слушаем тебя, Гарри Поттер, но скажи мне сначала, — она вновь приблизила свои глаза к его лицу, и осторожно прикоснулась пальцем в тонкой кожаной перчатке к его шраму.

Гарри напрягся. Что хочет узнать у него эта странная женщина?

Женщина-ментологус.

— Кто такая Валери Эвергрин, молодой человек? Почему ты думаешь, что я похожа на неё?

Глава 24. Роковая красота.

Гарри устало ёрзал на метле. Средневековое средство передвижения постоянно норовило резко терять высоту и камнем падать вниз, от чего захватывало дух, а в довольно-таки проголодавшемся желудке отчетливо ощущалось отсутствие обеда, судя по гимнам, которые он распевал. Ко всему прочему Гарри еще и промёрз до костей, хотя летел не больше полутора часов. Гарри уже озверел от свиста ветра в ушах и таких диких рывков, точно он ехал на необъезженном скакуне, к тому же, несмотря на его умения, парень с трудом управлялся с метлой и одновременно использовал заклятие Четырех точек, чтобы не сбиться с курса. Лес Теней он преодолел без проблем, только пару раз задел носком сапога верхушки деревьев и один раз обнаружил на поляне весьма агрессивное настроенное семейство гиппогрифов. Глава семейства, очевидно решив, что Гарри покушается на их послеобеденное спокойствие, сделал решительную попытку, взлетев, разобравшись с обидчиком и надрать ему шею, но занозистая метла ООО «Мастерс» неожиданно повела себя послушно и на крутом вираже значительно обогнала разъяренного гиппогрифа, оставив его далеко позади и пустив ему пыль в глаза в буквальном смысле слова — стряхнув на него запутавшиеся в прутьях стружки.

Уже подлетая к острову Гарри заметил, как по берегу мечется какая-то фигурка, и мысленно попросил Мерлина помочь ему выйти живым из грандиозного скандала, который затевался в его честь. Сейчас он уже не думал, что самостоятельно сбежать искать Валери в Лесу Теней было правильным решением взрослого человека. Тормозя перед бледной до синевы Валери, явно не спавшей всю ночь, Гарри приготовился к моральной схватке за свое достоинство. Мисс Эвергрин галопом бросилась к нему по смерзшемуся песку, забыв о всяком достоинстве, которое полагалось иметь почтенному профессору по защите от сил зла. На её лице отчетливо виднелись следы истерики. Когда Гарри приземлился с самым сокрушенным и виноватым видом, который он смог только придать своей физиономии, Валери схватила его и так крепко прижала к себе, что чуть не задушила в объятиях и чуть не утопила в слезах.

— Гарри, господи, где ты был?! Я чуть с ума не сошла! Возвращаюсь — а тебя и след простыл, Глориан сказал, что не видел тебя, никто из Эльфов не смог тебя найти на Инисавале, а в лесу нашли следы единорога и кровь... Я думала, что тебя загрыз тролль или искусили бешеные хлюпнявки...

— Мне уже шестнадцать! — возмутился полупридушенный её взволнованным бюстом Гарри, осторожно освобождаясь от тесной хватки мисс Эвергрин. — С хлюпнявками-то я бы и сам справился!

— Справился?! А если бы ты наткнулся на дикого дракона?! В Лесу Теней и не таких чудовищ встретишь, глупый мальчишка-а-а! — откровенно рыдала Валери.

— Я уже несколько раз был в Запретном Лесу и ничего, живой пока, — отшучивался Гарри, стараясь оттянуть неприятный момент разборок. Ему хотелось побыстрее пройти этот этап, потому что новость, которую он привез мисс Эвергрин и всем остальным, была просто ошеломляющей.

— Живой! — профессор Эвергрин будто очнулась, быстро вытерла слезы и напустилась на парня с утроенной энергией. — А ты знаешь, что мы все здесь пережили?! Мало вам того позора, который вы с друзьями устроили внутри Черного Кромлеха?! Из-за него вы подвергли и себя и своих друзей такому кошмарному риску, который тебе не снился даже на твоём хвалёном Тремудром Турнире! До сих пор не понимаю, почему вдруг Куно решил оставить вас в живых, любого Эльфа ждала бы неминуемая смерть...

— Мисс Эвергрин, я не хотел...

— Молчи, глупый мальчишка! — орала Валери, трепля его за уши. — И после этого происшествия, которое стоило крова тебе и всем остальным — ты ведь знаешь, что всем приказано отсюда выметаться, ты усугубляешь свой проступок и отправляешься к чёрту на рога? У тебя есть хоть какие-то остатки совести? Ты знаешь, что мы здесь пережили? Рон и Гермiona с ума сходят, Сьюзен Боунс плачет, не переставая, правитель Глендэйл чуть не убил профессора Снейпа, потому что решил, что все это — ваш с ним хитрый план...

— Мой — и Снейпа? — Гарри чуть не расхохотался.

— Он, конечно, как только поговорил с ним, убедился, что профессор не при чем, но, ради всего святого, Гарри, где ты был всю ночь?! Боже, какая ссадина, — она только сейчас заметила рану у Гарри на лбу и побледнела от ужаса. — Глориан был в лесу, он сказал, что, скорее всего,

тебя сбросил единорог и ты ударился головой о ветку дерева. Там была кровь на суке и на снегу тоже следы крови. Их немного занесло, но всё равно Эльфы разглядели, что следов было несколько. Там проходил один единорог и две лошади. Сперва одна, а потом другая. Ты, видимо, поскакал за первой, а потом, когда ты лежал на снегу, пришла вторая. Этот-то всадник тебя и увёз оттуда. Гарри, где ты был? Кто эти люди? Это они дали тебе метлу?

— Да, — Гарри посмотрел на тяжело дышащую Валери. Она до сих пор не могла поверить, что видит его перед собой живым и здоровым, и парню стало отчаянно стыдно за то, что заставил её так переволноваться.

— Да не тяни! — закричала Валери возмущенно. — Ты хочешь сказать, что они видели тебя, говорили с тобой... Что ты им натрепал?!

Гарри серьезно посмотрел на Валери Эвергрин, с трудом опустившуюся на холодный прибрежный камень.

— Гарри, скажи мне, что они ничего от тебя не узнали, прошу, скажи...

— Напротив, — решительно возразил Гарри Поттер, хватая быка за рога. — Я им рассказал о нас всё!

— Гарри, ты что, болен? *Всё?* О нас? — бледные губы профессора Эвергрин еле шевелились.

— Да, мисс Эвергрин. И знаете что? Я нашел место, где мы сможем жить.

— Что ты сказал, Гарри Поттер? Повтори, мне это не мерещится?

— Я сказал, что они приглашают нас. Нас всех. Там хватит места для ста пятидесяти человек. О, Мерлин, там для всех хватит места с избытком! — Гарри издал странный почти истеричный смешок. Ему казалось, что это сон. — О, мэм, вы не поверите, когда я вам скажу, как называется этот замок!!! Там-то вы точно сможете думать над предложением Глориана, сколько захотите...

* * *

— Идиот!!! — рыдала Гермиона, колотя кулаками по плечам Гарри. Он, однако, с философским спокойствием воспринял тот факт, что его, видимо, не собираются ругать так сильно, как это себе представлял раньше. Напротив, пережив всплеск эмоций своего опекуна с истрепанными нервами, он теперь терпеливо ждал, пока собравшаяся вокруг него толпа гриффиндорцев закончит делать то же самое. — Как ты мог вот так уйти и не взять нас с собой!

Гарри уже получил исчерпывающую информацию о том, что происходило на Инисавале, когда он исчез. Ребят всех разогнали по домам, Эльфы стали вести себя странно отчужденно: хотя никто, казалось, им этого не приказывал, они, невербально общаясь между собой, ухитрились получать приказы, по-видимому, непосредственно от правителя Глендэйла. Гриффиндорцев отвели к Северной скале и Алар Аржантейль, молчаливый, сменивший приветливое лицо на маску холодного безразличия, наложил какую-то древнюю магию на проход в скале, чтобы никто не смог оттуда выйти. Ребята почувствовали, что они в тюрьме. Со свойственной им гриффиндорской бесшабашностью Рон и Симус уже принялись составлять план побега (они трудились над ним всю ночь, но разногласия помешали им довести дело до логического конца), но он не понадобился потому, что как только Гарри вернулся обратно, всем разрешили выходить. Впрочем, уходить далеко от Северной скалы никому не позволили. На всех девчонок это происшествие произвело такое впечатление, что они дружно изобразили обильные осадки. Ревела Гермиона («Гормоны, Гарри, что поделаешь!») — пояснил Рон и тут же получил по шее от дамы сердца), ревела Джинни («Гарри, ты можешь представить, что мы здесь пережили?!»), ревели Лаванда с Парвати — по привычке, ревели Гвинетт и Стелла — за компанию. Не развезила слезы по щекам только одна Клара Ярнли, напротив, она нетерпеливо дергала Гарри за рукав уже минут пятнадцать и требовала, чтобы он изложил свои приключения в подробностях.

— Да заткнитесь вы все, наконец! — проорала она так громко, что Добби, сунувшийся было в комнату, суматошно ойкнул и шмыгнул обратно за дверь. — Дайте человеку рассказать, где он был!

Испуганные клариным воплем гриффиндорки послушно свернули истерику. Гарри воодушевился. В такой атмосфере рассказывать было намного легче. Он начал с того, как оказался в Лесу Теней, скромно опустив, правда, все, что касалось причин, по которым он туда отправился. Затем перешел к тому, как проснулся в незнакомом месте, вызвал несколько удивленных возгласов (и несколько — недовольных), повествуя о встрече с сэром Кэдогеном, и дождался гробовой тишины, когда дошел до встречи с двумя из Основателей Хогвартса. Закончив свой рассказ эффектным описанием полета обратно на изделии мастера Мастерса, он обвел глазами однокашников, с чувством выполненного долга откашлялся и впился зубами в сушеное

яблоко, лежащее на столе. Тишина несколько секунд стояла мертвая, а потом взорвалась дикими выкриками:

— Гарри, это невероятно!

— Нет, скажи, что ты врешь, а? Ну, скажи! Не может человеку *так* повезти на третий день после того, как он оказался здесь! Почему я не была на твоём месте?!

— Великий Шотландец, Гарри, и ты вышел живым оттуда? Тебя не сожрали бородатые колдуны-людоеды, не вызвали на поединок средневековые рыцари с манией преследования, не сожгли на костре инквизиторы? Тогда всё, что нам пять лет рассказывал Биннз — сплошные враки!

— *Это* — метла? Гарри, и как ты на этом ухвате сумел пересечь Лес Теней и озеро?

— Говоришь, Ровена — красивая? М-м-м...

— Не могу поверить, видел Основателей — и рассказывает об этом, точно всего-навсего выиграл очередной матч по квиддичу!

— Святое не трожь, Гермиона! Квиддич — это наше всё. Слушай, Гарри, ты не спрашивал, они там в него играют?

— Жаль, *нашего* не увидел. Ну, вы понимаете, я Гриффиндора имею в виду...

— Гарри, Гарри, ну и как там, вообще, а? Как Хогвартс — сильно похож на то, какой он сейчас?

Озвереть можно, подумал Гарри, оглядывая шумно бесящуюся толпу гриффиндорцев. Сам он уже, казалось, привык к тому, что с ним произошло. После маленьких инцидентов с философским камнем и Трёмудрым Турниром, нескольких милых тусовок с Вольдемортом, тот факт, что Гарри имел возможность повстречаться с Хельгой Хуффлпуфф и Ровеной Рэйвенкло уже не имел подобной ценности. В конце концов, здраво рассудил Гарри, он виделся и с другими выдающимися людьми прошлого, взять, к примеру, призрачного сэра Томаса Мора или желчного фараона Менкау-Ра. Впрочем, со здравствующими знаменитостями ему раньше встречаться не приходилось. Он спокойно доел яблоко, не без ехидства понаблюдал за тем, с каким благоговением братья Криви притрагиваются к ручке поделки мастера Мастерса (посидели бы на этом антиквариате с часок, посмотрел бы я, сколько заноз пришлось бы вам вытаскивать из... сзади) и сконцентрировался на том, как Добби, осторожно поводя ушами, проталкивается сквозь восхищенно галдящую толпу, глядя на него с величайшим благоговением.

— Гарри Поттер вернулся, Гарри Поттер вернулся! — припевал Добби, подпрыгивая на одной ноге, на которой виднелись остатки растянутого розового носка в оранжевую полоску. — Гарри Поттер опять подвергал себя опасности! — посетовал он, недовольно покачав головой.

— Добби, я не виноват, — постарался убедить его Гарри. Впрочем, видя, как домовый эльф неверяще покачивает головой, собрав губы в строгую полоску, комично напоминающую такое же выражение лица, как у профессора МакГонагалл, Гарри нисколько не сомневался, что и Добби тоже будет его ругать. — Это произошло случайно. Кто знал, что мы находимся так близко от Хогвартса? Профессор Эвергрин сказала, что сто лет назад тут и близко никакого Хогвартса не было!

— Гарри Поттер не должен был сам идти в Лес Теней, — упрямо бубнил Добби, укоризненно мотая головой. — Он мог послать Добби поискать мисс Эвергрин. Добби бы нашел её, нашел обязательно.

— Если бы ты, Добби, отправился бы её искать, то я никогда бы не увидел Хогвартс таким, какой он был через десять лет после постройки, — мечтательно заметил Гарри, забрасывая ногу за ногу. Он сидел на каменном сундуке с резьбой и смотрел на то, как за окном, закрытом Утепляющим Заклятием, падает снег. Мисс Эвергрин отправилась к Куно Глендэйлу с тем предложением, которое он привез из Хогвартса. Нелегко ей, должно быть, будет сообщить *это* Глориану.

Несмотря на то, что Глор — Эльф, он не такой, как все они, он — другой, убеждал себя Гарри, хотя уже меньше и меньше верил в то, что Глориан Глендэйл отличается от своих собратьев. Какой нормальный мужчина отпустил бы любимую женщину в лес, кишачий злобными тварями, вроде голодных троллей? Я не хочу оставаться здесь, с тоской подумал Гарри, чувствуя, как по спине у него бежит холодок. Он взглянул на заносимые снегом древние — куда древнее самих Эльфов! — камни, торчащие из сугробов наподобие надгробных памятников, и внезапно ему захотелось снова сбежать куда-нибудь. Куда-нибудь подальше отсюда, где воздух пропитан ожиданием смерти, страхом перед абстрактным Злом и завистью к людям. К ним — таким живым,

с горячими безрассудными сердцами, к людям, у которых есть душа. У Эльфов же души не было. Их доброта ко всему живому была подернута инеем.

Им надо отсюда уходить.

Гарри посмотрел на Мэри Аржантейль, копавшуюся внизу у подножия Северной скалы и мысленно пожалел её. Не дай бог, Валери Эвергрин уготована такая же судьба. Надо увозить её отсюда, пока не поздно. В этот момент он внезапно почувствовал, что сейчас настала его очередь позаботиться о Валери так же, как раньше она заботилась о нём. Глориан Глендэйл любит её, но хочет ли она этой любви?

— Гарри, Гарри! Да что же ты замолчал! — возбужденно тормозил его Рон. Глаза у него азартно сияли. — Ты сказал, что должен сообщить нам еще что-то очень важное! Гарри!

— Важное? — Гарри очнулся от собственных мыслей. — Ах, да... Нам нельзя здесь больше оставаться. У Эльфов нам теперь небезопасно, они могут захотеть избавиться от нас в любой момент. Любым способом. Поэтому, думаю, стоит принять одно предложение пожаловать в гости, которое поступило мне сегодня утром.

Тишину, воцарившуюся в комнате Гермионы, куда набились все гриффиндорцы, казалось, можно резать ножом.

— Что ты хочешь сказать, Гарри? — дрожащим голосом переспросила Гермиона.

— Думаю, что жить в Хогвартсе нам будет значительно привычнее, — пожал плечами Гарри и ухмыльнулся.

— Нет! — вытаращил глаза Рон.

— Да!

— Не может быть! — завизжала Гермиона.

— Может. Нас ждут сегодня вечером, — хмыкнул Гарри и чуть не утонул в потоке полившихся на него гриффиндорцев. Невилл что-то громко вопил, Дин шлепал Гарри по плечу, Деннис радостно подвывал что-то, отдаленно напоминающее гимн Хогвартса. День обещал стать прекрасным.

Эльфы не издавали коллективные вздохи облегчения, когда провожали детей, переправляя их через озеро на лодках, но было заметно, что им теперь намного спокойнее. Гарри по прежнему терялся в догадках, почему их оставили в живых, их, совершивших по эльфийским меркам ужасное преступление! Что-то древнее и таинственное скрывалось в подземелье, наполненном ржавыми призраками бывшего могущества неизвестного народа. Оружие там было сложено явно не эльфийское: кольчуги и доспехи были сделаны на здоровенных рубак, а не на тонкие фигуры Эльфов, мечи были длинные и тяжелые, не похожие на легкое и изящное оружие Эльфов, сделанное из неизвестного Гарри серебристого сплава. Гарри чувствовал, что, покидая Инисаваль, оставляет неразгаданной ещё одну загадку, но вернуться обратно уже не мог, его нестерпимо тянуло в Хогвартс.

Валери, всё в том же сером с серебром платье, сидела рядом с Гарри, застыв, как изваяние. Рядом замер Глориан. Его фиолетовый взгляд ни на минуту не отрывался от неумолимо приближающейся кромки Леса Теней. ГлорианГлендэйл был мрачен. ГлорианГлендэйлбыл неразговорчив, а его пальцы медленно скользили по эфесу меча на бедре. Напротив них, точно последний осенний листок, трепещущий на ветке, мягко колыхалась ткань плаща Гвеннол Дивир. Сиреневые глаза, казалось, ничего не выражали, но где-то далеко на их металлическом дне Гарри различил что-то, похожее на облегчение. А еще — глубокие рваные зазубрины ревности. Она надеялась.

Гарри в который раз спросил себя, почему же именно ему представилась в жизни такая тяжелая возможность — видеть боль других.

Валери Эвергрин и Глориан Глендэйл уже всё сказали друг другу, и Гарри был свидетелем этой далеко не умиротворенной беседы.

— Это значит, что ты отказываешься от нашего договора?

— Это уже стало всего лишь *договором*, Глор?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду!

— Понимаю, да. Тебя интересует, не означает ли это разрыв нашего контракта?! — последние слова мисс Эвергрин почти выплюнула в лицо своему наречённому жениху.

— Что такое контракт?

— Иди ты к черту, Глор... — Валери невесело усмехнулась, повернулась и резко бросила. — Идем, Гарри. Нас тут больше ничего не держит.

— Мисс Эвергрин, — Гарри знал, что вмешивается не в свое дело, но понимал, что эти двое ведут себя, как дети. Как последние глупые детишки! — Я понимаю, что вы не хотите... Это — ваше решение, но Глориан вас все-таки любит.

— Гарри! — прорычала мисс Эвергрин, шагая так быстро, что длинное платье путалось у неё в ногах. Она с остервенением рванула зацепившуюся за куст оборку, и серебряное кружево неловко повисло на ветке. — Тебе не кажется, что это немного *не твое* дело? Я, наверное, могу и сама решать, что для меня лучше! И не говори мне ничего о договоре между Эльфами и Дамблдором! — предостерегла она Гарри, уже открывшего рот. Рот моментально захлопнулся, хотя хотел спросить вовсе не о том. Валери Эвергрин была сейчас не в том настроении, чтобы отвечать на вопросы. Справедливая учительница и добрый опекун, она в этот момент напоминала разъяренную мегеру.

Но, похоже, она всё же чувствовала, что Глориан Глендэйл всё ещё стоит на склоне пальца и смотрит ей вслед. Ее губы мучительно сжались, а затем уронили напоследок через плечо:

— Глор, это не значит, что я ухожу навсегда. Мне надо побыть одной и подумать. Подумать вдали от тебя. Хотя бы месяц, а потом посмотрим, — она обернулась. — Хотя бы то, что я не могу оставить детей, ты можешь понять?

Глаза Глориана могли бы прожечь дырку в покрытой сухим плющом скале напротив.

— Могу. И я даю тебе еще больше времени — до Зелёного Праздника. Но я все-таки надеюсь, что ты будешь думать побыстрее.

Легкая, чуть горькая ответная улыбка.

— Ладно.

— И, Валери...

— Да?

— Я правда не хотел, чтобы дети уходили отсюда... Ты веришь мне?

У её улыбки усиливается привкус горечи.

— Верю. Ты действительно немного другой. Не такой, как все они.

На что она надеялась, Гарри не знал, но услышал, как Валери, помогая выходить из легкой эльфийской лодки двум второклассницам из Рэйвенкло, негромко сказала Гвеннол Дивир.

— Ты же этого добивалась, моя ласточка? Что ж, попытайся воспользоваться возможностью, пока у тебя ещё есть время!

— Знаешь, насколько вы кажитесь мне омерзительными, вы, *люди*? — Гарри поразило, с каким отвращением Гвеннол произнесла это слово. — У вас слишком горячие сердца! Это заставляет вас постоянно бросать в их топку чьи-то страдания, чтобы жить дальше! Что он нашел в тебе? Что в тебе есть такого, кроме твоей пустой красоты? Он как бабочка летит на твой огонь!..

Валери подняла на Гвеннол глаза, и в их синей глубине плеснула жалость.

— О, кажется, ты наконец сказала, что думаешь. Это уже большое достижение. До свидания, Глориан, — обратилась она к принцу Глендэйлу, ссаживавшему в это время детей из другой лодки на подтаявший снег.

— Я буду тебя ждать, — негромко сказал Глор, когда все садились на единорогов. — Слышишь, Валери! Я всё равно буду ждать тебя!

Единорог Гарри медленно переступал копытами через лесные сугробы. К нему молча приблизились грациозные животные, несущие на спинах Рона и Гермиону.

— Ты видел это? — спросил Рон у Гарри с дрожью в голосе. — Видел, как Эльфы на нас смотрели? Кажется, мы ещё дешево отделались. Мерлин, как же здорово, что нам есть куда теперь податься! Хогвартс, Гарри! Вот повезло.

— Рон, ты и правда, думаешь, что там будет безопасней? — Гарри точно подумал вслух.

— А что? — насторожился Рон. — Ты что-то там такое видел? Что-то опасное? Что, неужто старикашка Слизерин там уже пакостит всюю? Если честно, мне даже интересно на него посмотреть — не может же он быть страшнее Вольдеморта. Гермиона, а ты что скажешь? Эй, Гермиона!

Гермиона, казалось, даже не обращала внимания на то, о чём её спросил Рон. Гарри осторожно потряс её за плечо.

— Эй, Гермиона, ты о чём задумалась? Проснись.

Гермиона встряхнула шевелюрой и зябко поежилась под своим черным плащом.

— Не выходит у меня из головы наша дикая выходка, — призналась она. — Я все время думаю, почему Эльфы не убили нас тогда... Им же было всё равно, кто мы такие, раз нарушили их закон. Похоже, правителя Глендэйла остановил лишь тот факт, что мы смогли как-то туда

проникнуть. Он этого старался не показать, но, мне кажется, что он был чрезвычайно этим удивлен.

— Мне тоже это показалось странным, — приглушенным голосом заметил Гарри. Валери Эвергрин и профессор Снейп ехали неподалеку от них, тоже во главе колонны (Гарри показывал дорогу), изредка негромко переругиваясь. — Ты же помнишь, как они избавлялись от троллей — раз, и испарывали им брюхо! Они могли с нами поступить так же, но, почему-то не поступили.

— Брось, Гарри! Стоит радоваться тому, что нам повезло, и не забивать мозги всякой дрянью! Хотя, если честно, мне даже жалко, что Малфоя Эльфы не прикончили...

— Что весьма странно, если учесть тот факт, что Куно Глендэйл видел всех нас насквозь и, конечно, знал, что за тип Малфой, — негромко сказала Гермиона. Она о чём-то напряженно думала. — Почему ему он ничего даже не сказал

— Как это мне не обидно, Малфой — тоже человек, Рон, — буркнул Гарри, не веря, что говорит такое. — Пусть он — последнее дерьмо, но это же не значит, что его нужно размазать по стенке, как троцкий пирог. Кажется, об него лучше не марать рук.

— О, Гарри, он этого ещё как заслуживает, и ты это знаешь! Я уверен, что именно этот трусливый хорек каким-то образом узнал, как снять защиту с Хогвартса, иначе бы дементоры в жизни туда не проникли, — Рон упорно стоял на своём. Взгляды, которые он бросал на Малфоя, едущего на постоянно брыкающемся единороге неподалеку от них, были далеко не дружественные.

— Да ладно тебе, Рон, — скривилась Гермиона, старательно удерживаясь за шею своего единорога и пытаясь не слишком сильно дергать его за пышную белую гриву. — Малфой, конечно, мерзавец, но у него пока не написано на лбу — *Упивающийся Смертью*.

— И зря, — ворчал Рон. — Было бы легче прицеливаться при отстреле в сезон охоты на Малфоев...

— Привет, — рядом возникла Сью Боунс. Она покраснелась на морозе, ее щеки разругались, а носик лишь чуть-чуть выглядывал из чёрно-желтого хуффльпуффского шарфика. — Гермиона, Рон... Гарри!

Гарри Поттер мгновенно просиял и забыл обо всех тайнах и загадках.

— О, Сью! — помахал рукой Рон. — Как там Джастин поживает? Ногу ему вылечили?

— Профессор Снейп что-то такое ужасное сварил, — кивнула Сьюзен. — Пахло отвратительно, но когда я смазала Джастину ногу этим коричневым э-э-э... варевом, прошло через пару часов. Вон он, едет поблизости.

Финч-Флечли, и верно, скакал неподалеку от Гарри. Выглядел он до отвращения здоровым. С другой стороны, он больше не требовал ухода, и Сьюзен, готовая помочь каждому, не будет больше бросаться к нему по первому зову... стону... Гарри нахмурился, когда у него перед глазами возникла не совсем приятная картина того, как именно протекал процесс излечения джастиновой ноги. Гарри мрачно послал Джастина куда подальше: чёртов кучерявый Финч-Флечли! А как же их перемирие?

— Гарри, я не совсем поняла то, что нам сказала профессор Эвергрин. Неужто мы действительно едем в Хогвартс? Ты уверен, что там мы будем в безопасности? Всё-таки Слизерин... Он ещё здесь?

— Сейчас ни его, ни Гриффиндора нет в замке, — пояснил Гарри. — Нас пригласили мистрисс Хуффльпуфф и леди Рэйвенкло, но они сказали, что берут всё на себя. А ты что, за Джастина беспокоишься? — внезапно съязвил он. — Боишься, что Слизерин его того...

— Ну, — неуверенно начала Сьюзен. — В общем-то, я думала об этом, но, пока мы ещё не встречались со Слизерином, нельзя предсказать, как он себя поведёт. Вдруг он не такой плохой, как мы думаем? Мало ли что могла утаить от нас история, прошло столько времени.

— Жаль, записать всё это никак не могу, — пожаловалась Гермиона. — Чуть только пытаюсь начать делать заметки, Снейп мгновенно меня на этом ловит. Недавно пригрозил наложить на меня Отнимающее Почерк заклятье, если увидит, что я снова что-то записываю. Представляю, как будет разочарован профессор Джонс, когда я вернусь и не смогу ему предоставить ни единой строчки о том, что видела в прошлом.

— Ты сначала вернись, попробуй! — Рон хмуро вглядывался в спину профессора Снейпа впереди. Тот крепко удерживал своего единорога, чтобы тот не забрал влево, где в опасной близости от тропинки жадно шевелились лапы хищных Рычащих Ракит.

— Если мы и вернемся, то застанем ли его в живых, — тихонько добавил Гарри. — Его и всех.

Сьюзен вздохнула. Рана — её отец — была еще совсем свежа. Гарри вспомнил как простодушно и заразительно смеялся Эммет Боунс, описывая свои безопасно хуффлупфские квиддичные приключения, как гордо помахивал потускневшей наградой — кубком Хогwartса по квиддичу за какой-то там давнишний год. С какой любовью смотрел на то, как они со Сью, все перемазанные в земле, возились в саду, сажая трансфигурированные ложки и карандаши. Как восторженно разглядывал Глориана в тот момент, когда Эльф, меланхолично свернувшись в кресле и заложив непокорную прядь волос за ухо, что-то старательно записывал на больших листах пергамента. Ещё одна жертва. Одна из многих. И Гарри пообещал себе, что если будет хоть малейшая надежда на то, что они вернутся обратно, он сам, лично будет готовить Некромортус. Вольдеморт, подумал Гарри, за все свои преступления заслуживает куда худшей участи. Но хуже Мертвой Воды еще пока никто ничего не придумал, поэтому Черному Лорду придется довольствоваться этим. Он сделает это. И пусть его посадят в Азкабан за то, что он занимался чёрной магией. Он все равно сделает это сам.

Впрочем, где собрать слезы мученика и тому подобные кошмарные ингредиенты, Гарри пока не знал.

Обогнув кромку Леса Теней, Гарри и его друзья, следовавшие за ним, оказались перед огромным заснеженным полем. Крохотный незамерзающий ручеек, вившийся по обледеневшей тропинке, огибая усыпанные снегом кусты ежевики, резко подавался вправо и вливался в голубоватые полузамершие воды озера, освобождая ребятам дорогу прямо над казавшимися кружевными от инея и кудрявыми от наносов снега ветками. В образовавшийся проход проскользнул сперва единорог Гарри, затем животное Рона, потом — Гермионы и, наконец, Сьюзен. Открывшаяся картина Гарри потрясла.

Наверное, ничего прекраснее ему еще никогда видеть не приходилось. Далеко на горизонте вздымались башни Хогwartса, покрытые снегом. Внушительные ворота, которых не было тогда, когда Гарри уже поступил в школу, были закрыты мощным подъёмным мостом, а под ним, поднимая клубы горячего пара, бежала кипящая вода — несомненно, одна из выдумок Ровены, подумал Гарри, только она была способна на такую умную оборонительную уловку. Вместо опасного леса, в котором могли скрываться враги, перед замком расстилалась обширная равнина, вся в снегу, покрытом следами лошадей. На сторожевых постах над воротами и вокруг башни Гарри заметил часовых. Их ждали, но ни Хельга, ни, тем более, Ровена, не стали бы ради того, чтобы продемонстрировать свое гостеприимство, забывать о безопасности замка. История, рассказанная им Гарри, была настолько невероятна, настолько безумна, что, как выразилась Ровена после долгих раздумий, могла быть только правдой. Но не подстраховаться они не могли. Этот мир был слишком агрессивен, чтобы ожидать от него только мира и счастья.

— Ух ты! — Рон с восторгом осматривал замок. Его возглас восхищения не был единственным, позади многие ребята охали и ахали, потрясенные тем, что видят Хогwartс таким, каким он был за девятьсот лет до их рождения. — Получается, что Лес Теней — это НАШ Запретный лес?! Никогда бы не подумал! А это же... НАШ Хогwartс! — заметил он, критически оглядывая наружную замковую стену с узкими бойницами. — Но все равно, я чувствую себя здесь куда спокойнее. Я словно бы домой попал! В *наш* Хогwartс!

— Наш, да не наш, Рон, — осторожно поправила его Гермиона. — Мы не должны забывать о том, что не мы сейчас здесь учимся, это — не наш мир, и вести себя нужно крайне осторожно. Эти люди не такие, как мы.

— Они мне не показались такими уж страшными, — пожал плечами Гарри. — Правда, я немногих видел, но скажу я вам, Ровена Рэйвенкло так лихо управляется с мечом, словно это зубочистка или иголка. Хельга добра, но Ровене палец в рот не клади — она очень умна.

— Ты что-то недоговариваешь, Гарри? — Гермиона пронизательно взглянула на него. — Что ты хотел сказать?

— Ровена Рэйвенкло еще и ментолегус. Но это не так странно, как то, что она ужасно похожа на...

— Кого? — удивилась Сьюзен.

— А вот увидишь. Я до сих пор понять не могу, как вообще два разных человека могут быть такими похожими. Они иногда даже ведут себя одинаково!

Чем ближе они подъезжали к Хогwartсу, тем больше волнения ощущалось на больших воротах крепости. Из бойниц все дальше высывались острые наконечники копий, скрип натягиваемой тетивы туго звякнул в морозном воздухе. Гарри заметил, что привратники и часовые засуетились. Он не успел подумать о том, примут ли их всё-таки здесь, как за пятьдесят

ярдов, оставшихся до крепости, единороги перешли на медленный шаг, а затем и вовсе остановились, точно что-то не пускало их внутрь.

Гарри переглянулся с Роном и Гермионой.

— Наверное, нам лучше спешиться? — неуверенно предположила Гермиона, безуспешно пытаясь заставить своего единорога двигаться дальше.

— Пожалуй, — Гарри спрыгнул со своего великолепного серебристо-белого зверя и дружески потрепал его по шее, благодаря. Единорог тихо заржал, точно прощаясь, и, повернувшись, затрусил обратно к лесу. Животные Рона, Сьюзен и Гермионы отправились вслед за ним. Гарри увидел, как мисс Эвергрин, профессор Снейп и остальные ребята тоже спрыгивают в снег. Единороги отправились назад, почти теряясь из виду на фоне заснеженной равнины.

Они пошли пешком. Ворота со скрипом опускались через ров, наполненный кипятком и к тому моменту, когда пришельцы достигли рва, верхняя дубовая перекладина, обитая железом, гулко стукнулась о противоположный берег. За воротами виднелись силуэты часовых в кольчугах и несколько фигур с чем-то в руках, похоже, с волшебными палочками.

— Палочки спрятать, — хрипло сказал профессор Снейп, доставая, однако, свою. — Тот идиот, который посмеет сотворить хоть малейшее колдовство, будет немедленно превращен в...

Никто не стал дослушивать, все были настолько захвачены моментом, что обычные угрозы Снейпа не возымели никакого действия. Гарри видел, что Драко Малфой, шедший в безопасной близости от профессора Снейпа, засунул палочку не в карман мантии и не за пояс, а спрятал в рукаве так, чтобы при необходимости быстро её выхватить. Как ни странно, Гарри признал, что Малфой прав, и какого бы теплого приема они ни ждали, нужно быть осторожнее.

Профессор Эвергрин помедлила и вступила на мост. Она шла к встречающим её колдунам мелкими осторожными шажками. Плащ колыхался за её спиной, короткий ежик светлых волос золотисто полыхнул на солнце, когда оно вдруг осветило шпили Хогвартса и скользнуло по снегу. В воцарившейся тишине Гарри увидел, как на подъемном мосту с другой стороны возникла фигура женщины. Ровена Рэйвенкло оперлась на длинный меч и поджидала Валери. Палочки у неё в руках не было. Когда профессор Эвергрин приблизилась вплотную к одной из Основателей, Ровена со звоном вложила оружие в ножны, висевшие у неё на бедре. Золотистая коса мелькнула на плече полоской света и зашла за тучу ее тёмно-синего плаща. Бронзовые цепочки подвесок на её боевом поясе зашелестели, когда она поклонилась пришельце до самой земли. Уже давно подметив это невероятное сходство, Гарри сейчас с изумлением рассматривал обеих женщин, воочию убеждаясь в своей правоте. Обе высокие — Ровена куда выше всех женщин, которых он уже видел здесь, — светловолосые, с большими синими глазами, похожие, как близнецы. Те же удивленно разлетающиеся брови, длинные ресницы, каждый нос — с легкой горбинкой. Широкие плечи и в то же время — мягкие, женственные изгибы фигур. Одна женщина была старше другой на девятьсот лет, но казалась младше: Ровене на вид было не больше двадцати.

— Хогвартс приветствует своих потомков, — негромко сказала она по-латыни. Рука на эфесе, глаза — пожирают Валери Эвергрин. — Мы рады дать вам приют!

— Глянь, глянь, Джиллиан, наша башня еще не достроена!

— Конюшня, курятник, свиарник... Неужто они тут все своими руками делают? М-да, домовых эльфов точно ещё нет. Средневековая грязьца...

— Ой, какой поросеночек!

— Ханна, прекрати сюсюкать, на нервы действует. Хм, наружные ворота крепкие. Надеюсь.

— И фонтан ещё не сделали.

— Тут хоть кто-нибудь *Историю Хогвартса* читал? Фонтан построили в семнадцатом веке.

— Я ни черта не понял из того, о чем они говорили!

— Языки нужно было учить получше, Невилл!

— Черт, почему внутри так холодно?!

— А картины с горным грифом нету. Видимо, не нарисовали пока.

— Не вижу шкафчика для метел на первом этаже. Как считаете, они все пользуются громоздкими штуками, вроде той, на которой прилетел Гарри? Ух и неудобная же метла!

— Слушайте, как они похожи? Не родственники ли?

— Мать честная, мерлинова пятка! Никогда не думал, что увижу Ровену Рэйвенкло! Да ещё и такой молодой и красивой!

— Слушайте, а как она может быть главой своего факультета, если ей даже тридцати нет?

— И это — мудрая Ровена Рэйвенкло? Глазки и ножки, ничего больше... Впрочем, ножки, наверное, ничего...

— Заткнись, Малфой!

— Урою, Малфой!

— Прекрати цепляться за мой рукав, Ярнли, оторвешь опушку!

— Для тебя — *леди* Ярнли, ублюдок!

— Соплячка!

— Мне кажется, что меня снова МакГонаголл ведёт по лестнице наверх... Сколько лет прошло!

— А где Хельга Хуффльпуфф?

Все эти разговоры — тихие, вполголоса, — перемежающиеся восторженными охами-вздохами, витали над толпой пришельцев, пока Ровена медленно вела их наверх по главной лестнице замка. Профессора Эвергрин и Снейп шли бок о бок с леди Рэйвенкло и о чём-то тихо разговаривали с ней на латыни. Поднявшись на верхнюю площадку лестницы перед Большим залом, Ровена повернулась к детям. Болтовня тотчас же стихла.

— Хогвартс счастлив, что смог дать вам пристанище, — Ровена говорила негромко, но её голос звучно разносился по всем уголкам коридора. Свет чадающих на стенах факелов играл переливами серебра и жемчуга на обруче у неё в волосах. — Хогвартс постарается помочь вам вернуться домой. Здесь всегда рады гостям, если они не несут с собой угрозы для нашего замка. Коли вы будете вести себя уважительно к обитателям замка, они тоже вас не обидят. Прошу, пройдёте за мной в Большой зал. Там вас поприветствуют от имени хозяев замка, — Ровена подошла к дверям и с силой распахнула их.

Яркий свет сотен свечей ударил в лицо Гарри, когда следом за мисс Эвергрин и профессором Снейпом он переступил порог Большого зала. Он оглядел стены и потолок. Ничего, ну, просто ничегошеньки в них не изменилось — все те же полукруглые балки и прозрачный потолок, сквозь который виднелось быстро темнеющее мерзлое небо, освещаемое отблесками факелов на стенах и свечек, парящих под самыми звездами. И под этим безграничным звездным небом он увидел вытянутый буквой Г преподавательский стол за боковой стороной которого сидела уже знакомая ему старушка с белоснежной седой косой, уложенной вокруг головы, улыбающаяся ему радостной, но несколько смущённой улыбкой. Гарри улыбнулся ей в ответ, но тут его внимание плавно переключилось на другой стол, большой и квадратный, за которым сидели несколько человек и с любопытством разглядывали пришельцев.

Учеников в Хогвартсе было не больше двадцати. Девушки и юноши сидели отдельно, по разные стороны стола, но не слишком далеко друг от друга. Только небольшая группка из пяти человек отодвинулась подальше, на крайний левый угол, четверо уже вполне взрослых юношей сгрудились вокруг молодой девушки в богатом зеленом платье, точно защищали её от чего-то. Гарри скользнул глазами по их лицам, но, не запомнив, начал выискивать среди учеников Хогвартса уже знакомых ему людей. Он без труда узнал высокую худую леди Эдит Фрир, разрезавшую хлеб для слепого Китто, сидящего напротив. Мальчик, не видя тех, кто вошел в зал, тем не менее, повернулся к ним своими глазами — на каждом синеватое бельмо — и прислушался к их шагам. Перемазанная чем-то зелёным физиономия Комбса и перемазанная чем-то чёрным, похожим на чернила, физиономия рябого Тео тоже были знакомы Гарри, а со своего места рядом с леди Эдит отчаянно играла глазками и теребила браслет на руке леди Шемрок.

Сорок глаз были устремлены на них, сорок глаз жадно оглядывали потомков тех, кто, возможно, сейчас сидел за этим самым столом.

Ровена быстро прошла мимо плящущихся на незнакомцев учеников к столу преподавателей и что-то шепнула Хельге. Старушка поднялась.

— Устраивайтесь, дорогие гости! — она взмахнула палочкой. — Увы, здесь несколько тесновато, и вам пока негде сесть, но мы сейчас попробуем это исправить. Три, возможно, будет достаточно, как думаете, миледи?

— Пожалуй, четыре, Хельга, — отозвалась Ровена. Ее глаза настойчиво пересчитывали вошедших в зал детей. — Да, четыре. Всё же сто пятьдесят человек...

— Как скажете, — Хельга Хуффльпуфф пробормотала какое-то заклинание, и большой квадратный стол точно расплылся в воздухе вместе со стоящей на нём едой, а потом вновь проявился. Но не один. Столов стало ровно четыре. — Прошу вас, леди и джентльмены, присаживайтесь, окажите нам честь!

За каждым столом теперь находилось по пять человек. Гарри хотел было подсесть к тем, кого уже знал, — к леди Фрир и Китто с Комбсом, которые вызывали у него больше доверия, но тут его кто-то потянул за рукав.

— Тебе зовут сэр Гарри Поттер, правильно? — на уровне плеч Гарри маячила знакомая рябая физиономия. Щербатый рот радостно улыбался. — Ух ты, какой шрам! Это от проклятия, да? А я и не знал, что ты тоже — оттуда! Садись, садись сюда, с нами! — Тео почти силой усадил Гарри рядом с собой, вцепившись в его руку. Рону и Гермионе ничего не осталось, как сесть рядом с ним. За этот же стол начали опускаться и другие гриффиндорцы. Гарри в отчаянии искал глазами Сьюзен, но толпа их разъединила, и когда Гарри все же ухитрился разглядеть ее светлые косички, они уже находились за дальним столом рядом с леди Эдит Фрир. С другой стороны от Сьюзен сидел Джастин Финч-Флечли. Вот напасть!

— Ты должен рассказать мне всё-всё про то, что будет дальше, сэр Гарри Поттер, — без умолку трещал Тео. Зашуршали листки пергамента, и рябой мальчишка извлек на свет божий колоссальную тетрадищу, исчерканную какими-то косолапыми значками, среди которых Гарри различить смог исключительно привычные ему латинские буквы. Истрепанное перо и деревянная чернильница появились на столе так же мгновенно. — Расскажи, скоро ли кончатся дрязги между норманнскими лордами и местными танами? А что будет с этим ублюдком — королем Ги Рыжим? Вернутся ли потомки Альфреда на британский престол?

— Эй, Квинтус, ты опять? — прошипел кто-то сзади. Гарри обернулся. В лицо ему смотрела выхоленная палочка из темно-коричневого дерева. Палочка метнулась к Тео и обратно к Гарри. — Если ты, грязное отродье троллей, еще вякнешь хоть слово о государе Вильгельме, то я превращу и тебя, и твоего нового дружка в кучи лошадиного навоза!

— Это кто тут грязное отродье? — басом осведомился у вращавшего палочкой возле гарриного носа здоровенный детина, сидящий слева от Тео. — Положи палочку, сквиб безмозглый, сын брауни, или у твоего отца не останется наследников, и род Кэмпбеллов сгниет во веки веков. Впрочем, он уже и так давно сгнил! — с удовлетворением отметил здоровяк, вставая из-за стола. Рост у него был как у небольшого слона. — Продажные шкуры норманнов, макбетовы прихвостни!

— Убью, Макьюэн! — завопил остроносый и плосколицый парень по имени Кэмпбэлл.

— Не дотянешься, гадёныш! — захохотал здоровенный Макьюэн, уперев руки в бока.

— Макьюэн! — восторженно воскликнул гриффиндорский второклассник с такой же фамилией. — Вот это круто! — Гордон вцепился в клетчатый рукав однофамильца и оживленно с ним заговорил.

Кэмпбелл уже полез через стол, чтобы схватиться со своим недоброжелателем, как тут прозвенел мелодичный девичий голосок:

— Сэр Росс, не нужно пошлых сцен. Если хотите отомстить, для этого есть другие способы. Я прошу вас не драться сейчас, когда у нас гости. Это невежливо по отношению к ним.

Гарри взглянул на говорившую эти слова девушку и обомлел. Он никогда не встречал женщин, кроме вейл, конечно, которых можно было с такой уверенностью назвать прекрасными. Но эта девушка была прекрасна, и к этому слову, казалось, нельзя нечего добавить. На него смотрели огромные влажные зеленые глаза, полуприкрытые пушистыми стрелками ресниц (Парвати завистливо вздохнула где-то рядом). Длинные черные волосы, похожие на гладкий шелк, растекались по ее обнаженным плечам, мягко спускаясь по зеленому бархату низко вырезанного вышитого серебром платья. Огромный изумруд украшал её высокий и белый лоб, а пухлые алые губы были похожи на полураспустившийся бутон розы. Маленькие белые ручки были увешаны перстнями и браслетами. Ресницы взмахнули еще раз.

— Сядьте, сэр Росс, — слова были сказаны тоном приказа, голосом, привыкшим повелевать.

Плосколицый Росс Кэмпбелл что-то проворчал и сел, нервно вертя в руках палочку.

— Если еще раз оскорбишь мою семью, Макьюэн, или *нашего* короля Вильгельма — убью.

— Твой король — просто глупый рыжий пьяница, он ничего не умеет, кроме как охотиться, — проворчал Тео.

— Зато он — из семьи волшебников, а не мерзкий маггл, как ваш Альфред!

— Но твой Вилли, кажется, сквиб, не так ли, Росс, дорогуша? — поинтересовались с другого конца стола. Гарри бросил взгляд на удивительную троицу, сидящую там. Трое абсолютно рыжих и настолько похожих друг на друга людей, несомненно, должны быть родственниками. Как Уизли. На Гарри смотрели двое совершенно идентичных парней и одна девушка, близнецы.

Встрепанностью шевелюры парни напоминали Рона, а глаза девушки сверкали искорками веселья.

Росс вновь дернулся, но один из парней, сидящих рядом с ним, ухватил его за локоть и силой усадил на место.

— Маглорожденное дерьмо, — высокомерно сказал Росс напоследок.

— Оставь Эгбертов, не связывайся, они на всё способны, — тихо произнес его сосед. Рыжеволосая девушка хмыкнула и повернулась к Квинтусу.

— Тео, ты, кажется знаком с этим юношей? Представь нас, пожалуйста! — её глаза шаловливо шурились. Гарри покраснел.

— Мисс Эгберт, сэр Гарри Поттер, — наскоро провозгласил Тео, вежливо помахав руками, и впился зубами в цыплячью ножку, лежащую перед ним.

— Я — не сэр! — попробовал возразить Гарри, но его не дослушали. Братья Эгберты полезли через стол здороваться.

— Очень приятно, благородный сэ-э-эр! — шкодливо поклонился первый из близнецов. — Я — Эдмунд Эгберт, а это — мой недалекий братец Эдвин! — он толкнул брата в бок, и оба захохотали. — А на Эльвиру внимания не обращайтесь, она так впивается в каждого обладателя штанов в радиусе десяти футов, если он — не ученик Змееуста, что отцепиться нет никакой возможности!

Стол потонул в хохоте.

— Рон, тебе не кажется, что эти трое очень смахивают на... — Гарри толкал Рона в бок. — Эй, Рон! Да что это с тобой!

Рон не сводил взгляда с девушки в зеленом за соседним столом. Она же, словно сознавая свою красоту, грациозно откинула волосы, упавшие ей на лицо, небрежно выставив на всеобщее обозрение глубокий вырез платья с серебряной бахромой. Рон шумно сглотнул.

— Рон, что это ты там увидел? — недобро поинтересовалась Гермиона, нервно постукивая пальцами по столу.

— Н-ничего, — очнулся Рон. — Эй, Гарри, что ты только что мне говорил?

Гарри не успел ответить, потому что в этот момент из-за стола преподавателей, где сбоку от Ровены уже сидели профессор Снейп и мисс Эвергрин, поднялась Хельга Хуффльпуфф. Шум в зале стих.

— По обычаю, — смущенно сказала старушка. — Хозяева, оказывающие гостеприимство, должны сказать тост в честь своих гостей, и это право традиционно предоставляется самой благородной даме из здесь присутствующих. *Баронесса Матильда фон Гриндельвальд*, прошу вас!

На столах мгновенно появились кубки с вином. Гарри видел, что все оглядываются куда-то за его спину, и понял, что обладательница ужасно знакомого титула сидит где-то поблизости. Он повернулся и увидел, что из-за стола встает та самая девушка, на которую так откровенно пялился Рон.

Матильда фон Гриндельвальд!

— Прекрасные дамы и благородные господа, — пропела Матильда, поднимая кубок. — Мы счастливы приветствовать вас в Хогвартсе! Добро пожаловать!

Глава 25. Годрик Гриффиндор.

— Сарацин! — вдруг послышался испуганный девичий писк из-за другого стола.

Гарри резко отвлёкся от большого пирога с потрохами и повернулся на голос. Элинор Огден трясущейся рукой показывала на Дина Томаса и отчаянно визжала. Краем глаза Гарри успел заметить, как переглянулись за учительским столом мисс Эвергрин и профессор Снейп.

Дин был не единственным, кто вызывал такую бурную реакцию. Братья Эгберты осторожно поглядывали на чернокожую Стеллу Таргет, сестры Патил, каждая — за своим столом, тоже вызвали немало перешептываний по причине своей неевропейской красоты и смуглой кожи, а третьеклассница из Рэйвенкло, Су Ли, сидела, обиженно глядя в угол: высокий белесый парень и молодой человек в хламиде, напоминающей ношенный подрясник, между которыми она сидела, отодвинулись от нее настолько, насколько было возможно в такой тесноте, и бросали на нее настороженные взгляды.

— Это же надо, — сквозь зубы процедил Симус. — Мало нам других проблем, так еще и объяснять им нужно, что Дин ни на кого не нападет и не укусит.

— Будут пялиться — укушу, — пообещал Дин и послал Элинор Огден через стол такую люксовую улыбку, что у девушки отвисла челюсть. Довольный произведенным эффектом Дин еще и помахал ей рукой. — Ну что? — поинтересовался он у сидящих рядом гриффиндорцев. — Как думаете, теперь она не будет принимать меня за тролля? — Гарри обратил внимание на то, что сидящая за одним столом с Элинор леди Эдит перехватила предостерегающий взгляд Хельги Хуффльпуфф и наклонилась к девушке.

Гермиона осторожно разглядывала лица обитателей Хогвартса и напряженно вздрагивала от каждого шороха за ее спиной, который производили слизеринцы.

— Хорошо, что Слизерина сейчас нет, — прошептала она. — Бог знает, что он выкинул бы, когда нас увидел.

— Это вы про Змееуста? — жизнерадостно поинтересовался Тео, приканчивая остатки куропатки. Было непонятно, где в нем помещается вся еда, паренек был тощий, как крылышко, которое он только что закончил обглаживать. — Только тихо говорите, — предостерег он, наклоняясь ближе к Гарри и Гермионе. — Они, — он мотнул головой в сторону слизеринского стола, где Драко Малфой как раз с придворными поклонами припадал к ручке зеленоглазой красавицы. — Все ему доносят. Высокомерные мерзавцы. Змееуст подбирает к себе в ученики только чистокровных, да еще и из самых богатых колдовских семей. Заметили: у него абы кто не учится — только детки аристократов. Возьмите этого остроносого уroda Кэмпбелла, или этого труса Уоррика, или норманнского обжору де Вьепонта — все они ему платят, чтобы научиться тем же гадостям, которые он знает.

— Он учит только своих? — поинтересовался Рон, испепеляя взглядом Малфоя, подобострастно лобызавшего край платья Матильды фон Гриндельвальд.

Гермиона нахмурилась еще больше, но тут ее внимание привлек юноша, сидящий по правую руку от баронессы с такой зловеще знакомой фамилией. Он был одет не в зеленое, как все остальные ученики Слизерина, а в простую темную мантию. Юноша сверлил Гермиону угольно-черными глазами, да так, что она поежилась. Но не зная, как правильно нужно реагировать на такое внимание к ее особе, она решила на всякий случай кивнуть ему. И улыбнуться. Гарри, наблюдавший всю эту игру взглядами, отметил, что этот простой жест вежливости со стороны Гермионы вызвал бурю эмоций у молодого черноволосого волшебника. Парень, по мнению Гарри, не был похож на потенциального негодяя на побегушках у Салазара Слизерина.

— Нет, что вы, сэр, *всех чистокровных и высокородных* волшебников. Но не всем *хочется* ходить к нему. Наш Алистер говорит, что лучше сожрет свой спорран, чем добровольно явится к Змееусту на занятия. А леди Эдит, например, тоже из древнего, пусть и захудалого волшебного рода, но она никогда не ходит слушать, о чем он рассказывает, она презирает его. К тому же, геральдику она и так знает отлично, а крутить шашни со слизеринцами — на это только *та* зеленая змейка способна, — Тео ехидно улыбнулся. Видимо, высокородная баронесса фон Гриндельвальд не ходила у него в любимицах.

— Геральдику? — глаза Гермионы широко открылись.

— А как же! Все благородные господа должны уметь составлять себе герб, объяснять, что он значит, и читать гербы других рыцарей, — икнул Тео, допивая вино из кубка. Столь пристальное

внимание к его особе настроило паренька на такой благодушный лад, что Гарри понял: раньше не каждый день Тео Квинтус ухитрялся собрать такой аншлаг.

— А тебя кто привел сюда, Тео? — спросил Гарри.

Квинтус воодушевился.

— О, он великий человек!

— Кто? — загорелись глаза у Гермियोны.

— Сэр Годрик! О, это такой человек, такой!.. — от избытка чувств на глаза Тео навернулись слезы, а затем он бухнулся носом на стол и захрапел.

— Ну вот, наш писака уже наклюкался, — раздался добродушный бас, и над столом вознеслась круглая физиономия Макьюэна старшего, за которой маячили восторженные мордашки Гордона и Люка Дэниелса. Здоровенный детина, обмотанный клетчатými тряпками, подошел к Тео Квинтусу, легко закинул его тощее тело к себе на плечо и поинтересовался у пришельцев. — Никто не хочет маленько вздремнуть? Могу показать, где будут спать мужчины.

— Разве здесь у каждого из факультетов нет своей гостиной? — несколько разочарованно поинтересовался Рон.

— Факультетов?

— Не бери в голову, — посоветовал Гарри Алистеру. Он обратил внимание на то, что многие его однокашники за гриффиндорским тепер уже столом зевают просто неприлично, и свалиться от усталости под стол им мешает не вежливость по отношению к хозяевам, а исключительно любопытство — что еще интересного они успеют узнать, пока не уснут. Но, похоже, силы у большинства были уже на исходе. Даже Клара, еще полчаса назад стрелявшая глазами во все стороны в поисках новой информации и потенциальных проказ (она тут же положила глаз на семейство Эгбертов, как на возможных сообщников), уже потихоньку подремывала, устроив голову на плече у Невилла (Северина прикорнула на другом). Невилл геройски выдерживал такой напор и уныло поглядывал на Джинни, сидевшую довольно далеко от него и увлеченную болтовней с Эльвирой Эгберт.

— Так что? — поинтересовался Алистер. — Проводить вас или нет? Сами вы не найдете...

— Проводить, — решил Гарри. — Пошли, Рон.

— А может, еще посидим немножко? — нерешительно предположил Рональд Уизли, покосившись на Матильду, но тут его взгляд был пойман, расшифрован и истолкован Гермियोной Грэйнджер, Девушкой-Ходячие-Мозги, как потенциально опасный и даже преступный.

— Идите, идите! — она принялась подталкивать Рона и Гарри. Гарри еле успел ухватить со стола последний кусочек хлеба. — Завтра встретимся, и вы мне расскажете, что еще интересного вам удалось узнать!

Алистер с разрешения Ровены собрал довольно большую группу гостей и повел их по каким-то переходам наверх. Гарри и Рон вновь ощутили себя как в первом классе, но, как Гарри уже давно успел заметить, древний Хогвартс был не слишком-то похож на тот, что бы ему знаком. Лестницы располагались сплошь не там, где он привык, двигались они тоже в обратную сторону, за все время, пока они проходили по коридорам и ныряли в потайные ходы за спрятанными в стенных панелях дверями, Гарри увидел лишь одну картину, на которой двигалось изображение битвы при Гастингсе, если он правильно разобрал витиеватую надпись при скупом свете чадающего факела. Воины в доспехах, больше похожих на рыбу чешую, лихо махали мечами в плоских руках, но почему-то ограничивались лишь тем, что сбивали друг с друга круглые шлемы, похожие на горшки, и периодически опрокидывали друг друга в стилизованные зубцы морских волн, на которых плескались изображения норманнских кораблей. Привидений видно не было, ими Хогвартс явно еще не обзавелся.

Алистер Макьюэн завернул в очередной тускло освещенный коридор с бесконечными колоннами и подвел их к большой каменной чаше, заполненной водой, в которой отражались блестящие точки гнилушек, висевших под потолком коридора. Высокий шотландец осторожно нагнулся над чашей и четко произнес:

— Золотая омела!

Чаша тут же пришла в движение. Вода с журчанием ушла из нее куда-то вниз, а тяжелое каменное основание со скрипом задвигалось, скользя вправо и открывая в стене узкий проход.

— Осторожно, ступеньки скользкие! — предупредил Алистер, ловя за шиворот Тоби, поскользнувшегося на лестнице.

Гарри и Рон вслед за Алистером и остальными спустились в темный проход за чашей. Затем, почти оцупью они выбрались на площадку лестницы, располагавшейся чуть повыше, и побрели

уже наверх, пока узкий лаз не вывел их к широкому коридору, увешанному гобеленами с изображениями охоты на сниджетов. В коридоре гулял сквозняк, а двери всех комнат (их всего было около двадцати) оказались распахнуты настежь. Гарри заглянул в ближайшие апартаменты и был удивлен тем как средневековый аскетизм обстановки здесь сочетается со средневековым же, своеобразным, но уютом. В каждой комнате стояло по пять-семь кроватей, покрытых вязаными одеялами и задернутых вытертыми бархатными пологам, пол был застелен звериными шкурами, а окна, на которых стекол не было и в помине, оказались при ближайшем рассмотрении защищены Согревающим заклятием. Из обстановки в той комнате, которую облюбовали гриффиндорцы-шестиклассники, Гарри обнаружил еще только большой серебряный кувшин с водой, стоящий в серебряном тазике. Один на всех. Когда же Рон устало стягивал с себя сапоги, то угодил ногой еще в один предмет первой необходимости: пузатый глиняный ночной горшок веселенького оранжево-красного гриффиндорского цвета. Одноклассники порадовались такой находке и тут же полезли под свои кровати, дабы удостовериться, что Рон — не единственный счастливый обладатель ночной вазы. Удостоверились. После того, как все по очереди умылись из кувшина и растянулись на кроватях, Гарри измученно заметил:

— Вам не кажется, что нам здесь постоянно везет, как последним... С нами за это время могло случиться все, что угодно: нас могли сожрать тролли, убить Древние Эльфы, сжечь средневековые святоши. Даже Ровена могла нас, не разобравшись, зарубить своим мечом!

— погоди! — шепотом утешил его Невилл (Рон, Дин и Симус уже крепко спали, а Симус даже похрапывал в длинную шелковую подушку, похожую на сосиску). — Вот Слизерин придет — полетят клочки по закоулочкам, — Невилл Лонгботтом, будучи человеком, испытавшим в жизни массу проблем, привык с опаской смотреть в будущее.

— Ну, Ровена сказала, что уже получила ответных сов с согласием — и его, и Годрика Гриффиндора, — заметил Гарри, ворочаясь в ворохе маленьких неудобных подушечек на соломенном тюфяке. — Но это странно, потому что... Невилл, как ты думаешь, какой он, Годрик Гриффиндор?

Но Невилл уже уснул, с головой завернувшись в одеяло, точь-в-точь похожее на пеструю занавеску в гостиной миссис Уизли, и оставил Гарри наедине с его собственными мыслями.

Наутро Гарри проснулся, уставился в деревянные перекрытия потолка и долго не мог вспомнить, где он, и что здесь делает. Когда, наконец, память к нему вернулась целиком и полностью, он развил бешеную деятельность: вскочил с кровати, расшвырял одеяла и маленькие бесполезные подушечки по всем углам и подбежал к окну. Вид открывался на внутренний двор Хогвартса, где по искрящемуся снегу носились воробьи, оглушительно щебеча под ярким утренним солнцем. Издалека было видно, что он явно заспался: из ворот конюшни уже выводили лошадей, под навесом мычали коровы, а неподалеку раздавались мерные удары молота о металл: местный кузнец подковывал лошадь. Стайка девушек вдалеке играла в какую-то неизвестную ему игру, похожую на горелки, и их визги доносились даже до четвертого этажа замка, из окна которого Гарри выглядывал. Все вокруг располагало к немедленной деятельности, и Гарри начал с того, что растолкал Рона.

— Куда? — заныл Рон, спросонья бросая в Гарри подушкой. — Слушай, у меня после вчерашнего ноги гудят! Мне даже во сне приснилось, что я опять на единороге еду!

— Пошли, Рон! — нетерпеливо тряс его Гарри. — Посмотрим здесь все! Неужели тебе не интересно?

— Попозже...

— Ты даже не знаешь, как там Джинни...

— Попозже... Ы-ы-ыа-у-у!..

— И Гермиона...

— Попо... Ладно, встаю, — Рон хмуро сбросил с себя одеяло.

Выходя из комнаты Гарри и Рон тут же наткнулись на Тео Квинтуса.

— Доброе утро, сэр Гарри, сэр Рональд! — радостно приветствовал их Тео. Гарри тут же заподозрил, что настырный юный книгочей дежурит под дверью уже не один час, подстерегая их. — Как вам спалось? Правда, удобные комнаты?

— О, конечно! — невнятно ответил Гарри, вспоминая, какой замечательный матрас был в его комнате в том Хогвартсе, который они оставили, кажется, уже так давно. Там не было ни единой колючей соломинки. — Все просто замечательно! А ты где живешь?

— Моя комната рядом, — пояснил Тео, нащупывая чернильницу на поясе. — Я один живу, мне разрешили с тех пор, как Эдвин, хохмач этакий, опрокинул ночной горшок на мои записи.

Понадобилось штук десять заклинаний, чтобы очистить труд всей моей жизни. К тому же, один я могу работать и ночью. Сижу себе и пишу...

— Историю Ордена Феникса? — не подумавши, брякнул Гарри.

— Какого феникса? — растерялся Тео. По его обалдевшему виду было понятно, что он и слыхом не слыхивал ни о чем таком.

— Не бери в голову, — оттер его от Гарри Рон. — Слушай, Тео, почему бы тебе не показать нам здесь все? Заодно и расскажешь, откуда вы тут все взялись.

— И про ваших учителей тоже, — вернул Гарри, умирая от нетерпения узнать подробности биографии Годрика Гриффиндора.

— Ладно, — покладисто кивнул Теофилус Квинтус. Уже с утра у него на носу виднелось чернильное пятно. — Только зайдем на кухню сначала, ладно? А то уже совсем живот подвело, я вас тут с рассвета жду, а завтрак вы проспали.

Кухню Тео находил, по всей видимости, по запаху. Аромат свежее испеченного хлеба начал дразнить его нос еще на медленно скользящей влево лестнице второго этажа, от чего, видимо, Тео решил пробежать по ней несколько быстрее и, прыгнув, достичь перехода еще до того, как каменные перила с грохотом впечатались в стенку. Гарри не успел почувствовать, как у него тоже заняло в пустом желудке, как Тео уже отворил какую-то дверь, выпустив из нее большой клуб вкусно пахнущего мясным бульоном пара, и громко поинтересовался в нее:

— Как дела, дядюшка Лоуф? Что у нас будет на обед?

В ответ раздались несколько разъяренных воплей, затем автор снабдил их десятком *очень средневековых* ругательств, и в открытую дверь пулей вылетел небольшой каравай горячего хлеба. Тео ухмыльнулся и поймал хлеб на лету.

— Спасибо, мастер Лоуф! — выкрикнул он дымному чаду кухни и, удаляясь, пояснил обалдевшим Гарри и Рону. — Наш главный повар, дядюшка Лоуф, всегда прикидывается жутко вредным, но сердце у него доброе. Всегда дает что-нибудь перекусить, если ты проголодался, — он разломил дымящийся каравай и щедро оделил краюхами хлеба Гарри и Рона. — Или, если ты мешаешь ему готовить, и он хочет отвязаться!

Гарри с наслаждением вгрызлся в горячий душистый хлеб и шел вслед за рябым Тео по лестнице наверх. Гарри совсем не удивился, когда они поднялись на третий этаж другой башни, и перед ними открылась массивная дверь с надписью сверху «*MAGNA LIBRORUM*». Гарри переглянулся с Роном. Видимо, Тео Квинтус считал библиотеку главной достопримечательностью Хогвартса.

— Знаете, какие здесь есть замечательные древние рукописи?! — говорил он, выпучив глаза и пропихивая парней вперед себя в двери. — Первое руководство по гербологии Теофраста! Мистрисс Хельга его не дает нам в руки, говорит, там полно сведений о всяких ядах. И *Драконистика* с рисунками самого Лизардуса Уивера! И *История Атлантиды, Страны, Водами Океана Погребенной* — знаете, какая эта рукопись старая?! Леди Ровена привезла ее из Кэтбери, купила у одного бродячего монаха. Она отвечает за библиотеку и часто привозит сюда много новых книг, хотя, по правде говоря, и другие господа профессора ее все время пополняют. Мистрисс Хуффлпуфф однажды прислали целый воз рукописей и старинных свитков: умер один из ее родственников и оставил их ей, он был библиотекарем самого короля Кнута и собрал кучу всяких редкостей. Сэр Годрик тоже привозит книги из своих поездок, но редко что-то нужное, в основном, разные руководства по боевой магии. А вот Змееуст тащит сюда исключительно фолианты по Черной магии, гад... Будто больше здесь и читать нечего! Здесь столько всего интересного, я клянусь, что когда-нибудь проглочу библиотеку целиком! — он так вертелся между полками, что они, и без того перегруженные старыми пергаменами, грозили упасть прямо на голову Квинтусу.

Гарри медленно пошел вдоль длинных стеллажей с пыльной мудростью веков. Библиотека, конечно, не могла тягаться с той, что была в Хогвартсе уже при нем, но она все равно была достаточно велика, чтобы удивить средневеково необразованного человека. На то, чтобы ухитриться составить подобное собрание, требовались немалые годы. Внезапно пришедшая мысль заставила его окликнуть их рябого проводника, все еще распинавшегося перед порядком утомленным его болтовней Роном:

— Эй, Тео! А как давно был построен Хогвартс? Неужели возможно собрать такую кучу книг за пару лет?

— Пару лет? — чуть не поперхнулся своей краюхой Тео. — Да наша школа, почитай, уже лет десять как построена!

— Десять лет? Так вы — не первые ученики в Хогвартсе? — удивился Рон.

— Нет, что вы, сэр Рональд! До нас владельцы замка собирали детей колдунов уже дважды. Правда, сперва это делали только сэр Годрик и сэр Салазар, три года спустя к ним присоединилась мистрисс Хуффльпуфф, хотя она жила здесь в качестве сенешаля замка с тех пор, как помер ее муж, который занимал эту должность, а четыре года назад леди Ровена тоже поселилась здесь навсегда. Она была в первом выпуске сэра Годрика, — голоса удалялись все дальше, в направлении больших стеллажей со свернутыми, как рулоны истлевших тканей, древними картами и большой надписи на железной двери «*SECTIO INTERDICTO*».

Это уже оказалось интересно! Гарри привык считать, что школу совместными усилиями построили четыре волшебника, которые уже к тому времени были достаточно стары и знамениты. Первый раз его знание истории Хогвартса, основанное лишь на ежегодных песнях сортировочной Шляпы, было поколеблено тем фактом, что Хельга Хуффльпуфф, хоть и была одной из четырех учителей, оказалась не ровней по происхождению остальным Основателям. Второй раз он испытал шок, увидев Ровену Рэйвенкло такой молодой. Так Хогвартс, оказывается, строили не четверо, а двое? Гриффиндор и Слизерин? Гарри принялся выбирать из-за пыльных полок, ошеломленный этим открытием, но споткнулся о залежи древних рукописей и растянулся на полу.

— Осторожнее, пожалуйста! — раздался знакомый недовольный возглас. Гарри удивленно поднял голову: за тяжело срубленным дубовым столом в окружении самых разных пергаментов, рукописных книг и тяжелых склеившихся от времени фолиантов сидела Гермиона.

— Что ты тут делаешь? — изумился Гарри. Он встал и отряхнулся от насевших на брюки кусочков пергамента. — Еще только раннее утро, а ты уже нашла, где здесь библиотека и сидишь над книжками?

— Утро далеко не раннее, — оборвала его Гермиона, грозно шелестя страницами книги в жидковатом матерчатом переплете мрачного серого цвета. — Лучше объясни, Гарри, где это вы пропадали? Вы же знаете, что нам нужно как можно скорее уходить отсюда?

— Уходить! Гермиона, да ты что! — взмолился Гарри. — Хоть одним глазком взглянуть на Годрика!.. — начал он, но Гермиона его перебила.

— Гарри, честное слово, вы с Роном ведете себя так, словно на экскурсию сюда попали! Как можно быть такими легкомысленными! Салазару Слизерину палец в рот не клади, и ты сам это прекрасно знаешь! Хорошо бы нам убраться отсюда *до того*, как он вернется. К тому же, не забывай, мы любым неверным движением можем изменить прошлое, а значит и будущее. И ты уже забыл, в каком положении мы оставили всех преподавателей и Дамблдора, когда отправились сюда? Он спас нас, а мы должны спасти его!

— О чем ты говоришь, Гермиона? — Гарри подошел и присел рядом, глядя на то, как пыль играет в луче солнца, ползущем по столу.

— Нам нужно не только узнать, как вернуться обратно, Гарри, но и то, как побороть дементоров, окруживших Хогвартс в наши дни, — решительно сказала Гермиона и вновь зашелестела страницами. — Может, в библиотеке найдется хоть что-нибудь, но тут столько книг на разных языках, что у меня просто руки опускаются!

Гарри молча посмотрел на нее, затем на морозный двор, залитый зимним солнцем, затем опять на упрямо скособочившуюся над книгами Гермиону. Затем вздохнул и подсел к ней.

Время потекло своим чередом. Гарри постепенно перестал обращать внимание на то, что этот Хогвартс — не тот, в котором он учился и жил пять с половиной лет. Все здесь казалось ему до странного привычным. Если не считать отсутствия домовых эльфов и, соответственно, необходимости самому следить за собственным гардеробом, здесь было не так уж плохо. Тем более что гардероб требовал пересмотра его понятий о средневековой моде. На них косились, и косились по вполне определенной причине: никто здесь в глаза не видел ни джинсов, ни коротких юбок. Одежду нужно было как-то исправить или сменить, чего настоятельно потребовала и профессор Эвергрин. Валери предложила свои услуги, вернее, устроила что-то, вроде, ускоренного обучения волшебной кройке и шитью, в результате чего многие из его одноклассников уже обзавелись более подходящими для одиннадцатого века одеяниями; мальчики — кошмарно узкими штанами и длиннющими хламидами. Некоторые, не боящиеся риска, даже осмелились сотворить ужасно модные башмаки с острыми носами, решительно загибающимися вверх, но Гарри про себя решил, что в жизни ничего такого не наденет. С девочками все было куда сложнее. Парвати и Лаванда первыми явились на обед в таком виде, что от досады чуть не лопнули даже теперешние обитательницы Хогвартса. Длинные платья с подолами, волочащимися по полу, создавали массу проблем, но воспринимались здесь как

последний писк моды Темных Веков, поэтому подлежали обязательному ношению. Мисс Эвергрин даже пригрозила, что если увидит кого-нибудь из девочек в короткой юбке, то переоденет виновницу в сутану: короткие юбки привлекали к себе излишне много внимания со стороны здешнего сильного пола. Наконец, настал день, когда, ворча, средневековую одежду напялила на себя и Гермiona, не большая поклонница подобной моды. Гарри, впрочем, не слишком возражал против этих правил: с одной стороны, если уж они живут здесь, то нужно следовать правилам, общим для всех, а с другой — черт, эти платья, обрисовывающие фигуру, эти длинные изящные рукава и глубокие вырезы заставляли его волноваться куда больше, чем раньше! Особенно с тех пор, как он увидел Сьюзен в новом голубом наряде с распущенными волосами — это зрелище вызвало у него повышенное сердцебиение и заставило с глупым видом сидеть в уголке и любоваться ею, пока не пришел Рон и со свойственной ему непосредственностью поинтересовался, почему у Гарри такой глупый вид, и не болит ли у него что-нибудь.

Отсутствие душа или ванны тоже смущало, в основном, девочек. За пару недель пребывания в Хогвартсе Гарри привык и спать на соломенном тюфяке, и к тому, что на него и его шрам пялились точно так же, как и раньше. Он даже понемногу научился разбираться в многочисленных диалектах, на которых между собой говорили здешние ученики. Саксонский язык доставил ему, как и другим пришельцам, немало трудностей, но он уже начал понимать некоторые слова и выражения, а Лаванда и Парвати, к его удивлению, даже принялись на нем сносно болтать. Они уже начали привыкать. К ним тоже уже почти привыкли, и никто больше не вскакивал в испуге с места при виде Дина Томаса или Падмы Патил. Ровена строго настрого запретила всем приставать к пришельцам или оскорблять их, и, по-видимому, авторитет ее был настолько велик даже среди учеников Хогвартса, за исключением, пожалуй, детей Слизерина, что ее послушались. Валери Эвергрин и профессор Снейп вечерами запирались в комнате Ровены возле библиотеки и вместе с леди Рэйвенкло и мистрисс Хуффльпупфф обсуждали возможности возвращения домой: подбирали заклятия, рылись в старинных документах, но пока безрезультатно. Профессор Эвергрин заверила обеих наставниц Хогвартса, что ее ученики никогда даже жестом не оскорбят тех, кто им дал приют, и взамен получила разрешение для Гарри и остальных своих учеников на совершенную свободу передвижения по территории Хогвартса. Наружу их не пускали, но эта предосторожность была им только на пользу: мало ли, в какую передрыгу они могли угодить. Местные ребята часто ездили вместе с другими колдунами то в лес за дровами, то с Хельгой или Ровеной за провизией в деревню, но Гарри туда не тянуло: он еще не все увидел здесь. Впрочем, даже Клара нашла в Хогвартсе столько всего интересного для себя, что ее совершенно не тянуло туда, куда ей запретили ходить, что на нее было совсем не похоже. Она настолько часто забиралась в уголок комнаты леди Ровены Рэйвенкло перед началом занятий, что ее вскоре перестали просить уйти оттуда — все равно это было бесполезно, тем более что многие другие вскоре последовали ее примеру.

Во время своих скитаний по Хогвартсу Гарри ухитрился познакомить своих друзей с чрезвычайно общительным сэром Герейнтом Кэдогеном. Нога его до сих пор причиняла Хельге всяческие мучения, а его постоянные капризы вообще доводили несчастную старушку до белого каления, но в силу своей природной воспитанности она, конечно, ничего не говорила капризному странствующему рыцарю. Сэр Кэдоген расшаркался с Гермioniой, совершая невероятно галантные телодвижения, потом рассыпался в восхвалениях Рону, но, в конце концов, очередной раз присосался к бутылке с вином и забыл о своих гостях. Рон и Гермiona жутко смеялись: от своего портрета сэр Кэдоген практически не отличался.

Невозможно было держаться от обитателей Хогвартса подальше, как приказал профессор Снейп, руководствуясь одному ему известными опасениями; они ели вместе, спали в соседних комнатах, постоянно встречались и беседовали. Многие из знакомых Гарри уже подружились с хогвартсовскими обитателями: Тед Тойли частенько заглядывал на конюшню, чтобы поддержать ногу лошади, пока кузнец подковывал ее, Симус Финниган и братья Криви часами торчали возле сарая мастера Мастерса и обсуждали с ним достоинства и недостатки разных метел (единственной сложностью в их общении казалась невозможность объяснить пожилому колдуну понятие «аэродинамические характеристики»). Драко Малфой включился в список обожателей Матильды фон Гриндельвальд, и не уступал не в чем мрачным норманнским юношам, дравшимся из-за каждого ее взгляда или возможности поднять ее платок. Сьюзен с обожанием смотрела в рот леди Эдит Фрир и взяла за привычку ходить с ней на уроки Гербологии к Хельге, а Парвати и ее сестра Падма везде водили за собой слепого Китто и нянчились с ним, как с

родным, за что мистрисс Хуффльпуфф была им чрезвычайно благодарна. Удивляло Гарри то, что обитатели замка отнеслись к ним не с подозрением или восхищением (Тео был не в счет — он находил предметы для восхищения приблизительно один раз в пять минут), не смотрели на них, как на чудо природы или пришельцев из космоса. Напротив, они воспринимали новичков с таким спокойствием, что за ним можно было бы заподозрить равнодушие, если бы, по мнению Гарри, на самом деле, за этой линией поведения не пряталась бы элементарная тактичность. Здесь, как ни странно, несмотря на то, что количество детей из простых семей почти перевешивало количество детей из семей благородных, все вели себя далеко не так развязно, как можно было ожидать от малообразованных представителей Средневековья. Большинство учеников старого Хогвартса оказались прекрасно воспитаны, Гарри подозревал, что дело тут в той работе, которую над ними проделала Ровена Рэйвенкло, которая держала себя потрясающе сдержанно и требовала этого и от других.

Она запретила всем ученикам расспрашивать пришельцев о том, что случится в будущем. Исключение составлял только Тео Квинтус. Он постоянно таскался за Гарри, Роном и Гермионой хвостиком, как раньше — братья Криви и надоедал вопросами. Даже если Гарри и другие отказывались ему отвечать, он все равно доставал свои измазанные пергаменты и, старательно высунув язык, что-то быстренько принимался на них строчить. Тео уже получал за это несколько выговоров, в последний раз Хельга Хуффльпуфф, сурово сдвинув брови, пообещала посадить его в подземелье на хлеб и воду, но, зная ее доброту, Тео никак не прореагировал на столь грозное замечание. Если Гарри и Гермиона торчали в библиотеке — он тоже отправлялся туда. Если Рон и Гарри сидели в Большом зале за столом — он подсаживался к ним поближе. Поначалу всех ужасно раздражало присутствие Тео где-то поблизости: невозможно было спокойно поговорить. Но однажды вечером Алистер Макьюэн как-то рассказал Гарри историю Тео. Она была крайне занимательна, но, по словам Алистера, довольно типична.

Теофилус Квинтус был сиротой. Не бог весть какая новость, после нашествия норманнов на Британию многие дети остались сиротами, но у Тео не осталось никого из родных, никого, кого бы он помнил. Как маленький зверек он жил в землянке на опушке леса где-то в Кенте, пока однажды епископ, направлявшийся с инспекцией из Кентербери в Гластонбери, не подобрал его, сжалившись, и не взял с собой. Тео умыли, переодели, стали учить читать и писать. Так он стал послушником обители. Учеником мальчик оказался способным, все хватал на лету, но с ним вечно приключались какие-то неприятности: то в самый разгар службы вокруг него потухали все свечи, то свиньи, которых он пас за стеной монастыря, оказывались на деревьях, а однажды во время уборки в церкви Св.Гильдаса парадное облачение настоятеля улетело под купол и наотрез отказалось вернуться. О юном послушнике поползли нехорошие слухи, и тут дела Тео могли бы стать совсем плохи, если бы однажды на церковном подворье не попросили ночлега два шотландца, господин и слуга. Поклонившись местным святыням (святые отцы не заметили, что сделали незнакомцы это довольно небрежно и пренебрегли многими обязательными для паломников обрядами) оба пришельца вышли на двор испить воды, а потом испарились, прихватив с собой мальчишку-послушника. Монахи поохали-поохали, но рады были, в конечном счете, что отделались от приносящего неприятности Тео Квинтуса так легко. Исчезнувшими паломниками были Годрик Гриффиндор и его новый ученик Алистер Макьюэн.

— Мастер Годрик забрал меня у родителей, — рассказывал здоровяк Алистер, сидя на окне и покачивая здоровенной ногой в разношенном сапоге, не обращая ни малейшего внимания на то, как Симус и Дин хихикают над его коротким килтом. — А они и рады были от меня отделаться. У них кроме меня еще двенадцать детей, и всех кормить нужно.

— А как вы оказались в Гластонбери? — заинтересовался Рон.

— Мастер Годрик отправился в Кент потому, что обнаружил там еще троих маглорожденных ребятишек. Рыжих Эгбертов. Мерлин, как они орали, когда он забирал их у родителей! И эта троица совсем ведь ничего не умела, но в первую же ночь кто-то из них наколдовал мне рога, мастер Годрик так и не дознался, кто это сделал. Потом Эльвира как-то ухитрилась сделать так, что у меня рукава стали втрое длиннее, в общем, им и до сих пор доверять надо с опаской. Я вздохнул с облегчением, только когда мы достигли Хогвартса, но как видите, меня обязали мучиться с ними до сих пор, — мордаха Алистера была полна уныния. В Хогвартсе пока не знали такой должности как «староста», но по традиции двое самых старших по возрасту, парень и девушка, помогали владельцам замка приглядывать за младшими, а Алистер был самым старшим, ему было уже восемнадцать, поэтому сию почетную обязанность возложили на него и леди Эдит.

Гарри совсем не удивился, когда обнаружил, что Тео сидит в этой же комнате, забившись под потолочную балку, и старательно водит пером по пергаменту, одновременно прислушиваясь к их разговору.

— Пишешь летопись своей жизни Тео? — поинтересовался он, давясь от хохота.

— Жизнеописание святого Теофилуса, гы, — ухмыльнулся Алистер, взглянув наверх.

— Да бросьте вы над ним смеяться! — возмутилась Гермиона, всегда защищавшая маленького писаку. Ее взгляд стал внимательнее. — Тео, когда ты жил в Гластонбери, ты не встречал одного парнишку по имени Джефффри Монмут?

От удивления Тео чуть не слетел с перекрытия.

— Джефффри! Конечно, я его знаю! Мы вместе с ним пропадали в библиотеке, нас вместе читать обучали. Мировой парень, и тоже истории разные любил писать! Жалко, он магл, а то бы мы и дальше вместе бы учились. А откуда вам известно его имя, леди Гермиона?

Гермиона зарделась. В Хогвартсе жили дети из самых разных семей, попадались и богатые и бедные, но к женщинам, какого бы они ни были происхождения, все относились одинаково уважительно, преклонялись перед ними, как перед королевами, и подобное отношение не могло не нравиться Гермионе. Если бы не слизеринское шипение за спиной (прозвище «маглокровка», как обнаружилось, изобрели довольно давно), она бы чувствовала себя почти на вершине блаженства, так как раньше с ней считались только из-за ее ума, а когда девушку называют ходячей энциклопедией, то этот комплимент можно считать достаточно двусмысленным. Тем более что обнаружился удивительный факт: если раньше в Хогвартсе первыми красавицами считались сестры Патил, то теперь Гермиона обратила внимание на несколько пар глаз, которые постоянно следят за ней, куда бы она ни пошла. Следят восторженно, с упоением. И глаза Рона не были в их числе, это даже Гарри с удивлением заметил. Взгляд Рона все чаще обращался к зеленоглазой красавице со зловещей фамилией Гриндельвальд, и это почему-то заставляло Гарри содрогаться от странного предчувствия.

На исходе двух недель, накануне Хэллоуина, Гарри, Гермиона и Рон сидели вечером за гриффиндорским столом в Большом зале и потирали промерзшие ладони. Второй день мела метель, а ветер так завывал в холодных коридорах, что кашлять начала не только бледная худая леди Эдит, но и многие другие ребята. Все жались к большим каминам зала, стараясь не обращать внимания на гуляющий между столами сквозняк, и зябко кутались в мантии и плащи. То и дело над их головами проносился шепот — Валери Эвергрин обновляла Согревающее заклятие, но из-за того, что зал был чересчур велик, а детей много, это помогало не настолько эффективно, насколько хотелось бы. Северус Снейп выглядел еще более угрюмым и похудевшим, его нос сильно заострился, и язвительный профессор как никогда сегодня напоминал свое любимое домашнее животное. Сидя за учительским столом, он что-то мрачно мешал в большом котле, понемногу добавляя то один, то другой ингредиент из корзины, которую ему принесла Хельга Хуффльпуфф. Над залом тянулся едкий запах перечной микстуры.

Гарри уткнулся носом в окно, защищенное заклятием от снега и мрачно смотрел на то, как мастер Мастерс, ругаясь и путаясь в порывах ветра, ловит во дворе то и дело убегающую от него метлу. Где-то рядом Китто тонким голоском рассказывал всем желающим послушать очередной свой сон. Гарри невольно пожалел мальчика — неужели никто до сих пор не додумался дать ему Зелье для сна без сновидений? Он только хотел повернуться к Рону и Гермионе, клевавшим носами на подоконнике рядом с ним, но тут произошло нечто непредвиденное.

Двери Большого зала распахнулись, словно от удара ноги, и на пороге показалось странное существо. Человечек был по самые уши закутан в большую клетчатую... простыню? Ноги в кошмарно огромных сапогах, совершенно промокших от снега и оставляющих грязные следы на полу, прочавкали мимо изумленных Джинни и Клары, вправляющих крыло одной из контуженных метелью сов, затем мимо Невилла, резко проснувшегося над старинным пособием по Трансфигурации (*«Воплощения и Развоплощения для тщащихся к разумению»*) и зашагали прямо на Гарри. А Гарри вместо того, чтобы посторониться, широко раскрытыми глазами смотрел на низкорослого кривоногого человечка, разматывающего свой необъятный плащ в красную и желтую клетку, открывая всему миру острые колени, торчащие из-под коротковатого килта, здоровенный меч, раздражающе царапавший камни пола и полдюжина кинжалов за поясом большой ребристой кольчуги. Капюшон плаща отлетел назад, незнакомец одним рывком сдернул с головы большую потрепанную шляпу и одним движением руки отправил ее сушиться на большой кривой крюк над камином, обнажив бритую голову, на которой над многочисленными ссадинами и следами от старых ран местами клубился какой-то несолидный, почти детский

рыжеватый пушок. Колючая нижняя челюсть что-то брезгливо пережевывала, а сломанный в нескольких местах нос упорно смотрел на сторону. Острый локоть пришельца не слишком вежливо отпихнул Гарри в сторону, складки клетчатого плаща проехали по лицу юноши, и новоприбывший косолапо устремился дальше к учительскому столу, за которым застыли двое. Валери Эвергрин подняла глаза от какого-то старинного пергамента и изумленно уставилась на кривоногого пришельца, упрямо топавшего прямо к ней. Рядом профессор Снейп застыл над котлом с перекипающим через край зельем, не сводя глаз, полных отвращения, с прибывшего колдуна. Хельга Хуффльпуфф радостно заулыбалась, слезла со своего чересчур высокого стула и подошла к кривоногому мужчине.

— С возвращением! Ужасная сегодня погода, не находите?

Вместо ответа пришелец плюхнулся за стол, вытянув в проход ноги в мокрых сапогах, мгновенно сотворил кубок с вином, одним махом выбросил жидкость в рот и довольно рыгнул.

— Хельга, здесь есть что-нибудь пожрать? — раздраженно осведомился Годрик Гриффиндор.

Глава 26. И Салазар Слизерин.

Гарри зачарованно смотрел на Годрика Гриффиндора. Он оказался не совсем таким, каким Гарри представлял его раньше, так что это, определенно, было гигантским потрясением для парня. Но еще одним потрясением стал тот факт, что, когда Годрик заговорил, Гарри тут же узнал голос того человека, с которым беседовала Хельга в тот день, когда он очнулся в ее комнате. Невероятно! Значит, тогда, в лесу, его спас именно Годрик Гриффиндор? Гарри жадно пожирал глазами сухую фигуру человека без возраста, сгорбившегося над блюдом с запеченным фазаном. Годрик непристойно чавкал, рылся хлебным мякишем в подливке и разрывал мясо руками, шумно заглатывая большие куски. Он явно проголодался. На учеников, которых за время его отсутствия заметно прибыло, он не смотрел. Не смотрел и на двух новых людей, оказавшихся за его столом. Мисс Валери Эвергрин, несколько неприлично открыв рот от удивления, созерцала то, как Гриффиндор управляет с печеной птицей, профессор Северус Снейп уставился на Годрика с видом, выражающим крайнюю степень омерзения, точно Гриффиндор вызывал у него аллергию, и не обращал ни малейшего внимания на то, как глухо булькал котел у него под самым носом.

Сюрпризы, однако, на этом не кончились.

— Салазар обещал быть здесь к моему приезду, — брюзгливо заметил Годрик, вытирая рот рукавом рубашки. Он бросил на блюдо полуобглоданную кость и, выпрямившись, посмотрел на Хельгу. Годрик не обращал ни малейшего внимания на тот факт, что его ученики радостно смотрят на него, а пришельцы переглядываются и перешептываются. Закончив вытирать руки о килт он выжидающе уставился на Хельгу Хуффльпуфф. — И где же он, а? Он собирался опробовать какой-то новый способ перемещения. Надеюсь, старый дурак не сломает себе шею на этот раз.

По лицу Хельги нельзя было сказать, что она желает Салазару Слизерину того же.

— После той совы он больше не подавал о себе вестей, — холодно проинформировала она Годрика.

— Ага, значит, он тоже знает, да? И что он сказал? Опять начал распинаться относительно количества маглорожденных?

— Здравствуйте, мастер Годрик. В том то и дело, что нет, — Ровена незаметно вошла в зал из левой дверцы и теперь задумчиво стояла над Годриком, легонько покачиваясь на каблуках. Коса мягко подрагивала у нее на плече. — В его письме было лишь одно слово — *Согласен*.

Годрик даже перестал жевать.

— Это странно, — заметил он и пригладил рыжеватый пушок на голове все еще липкой рукой. — До такой степени не похоже на него, что я даже... Ах, да, у нас же гости! — он посмотрел на Валери и Северуса, сидящих с ним за одним столом, так, словно только сейчас заметил их. — Миледи...

— Валери Эвергрин, — профессор по защите от сил зла встала и склонилась перед Годриком Гриффиндором в изящнейшем реверансе. Нельзя было сказать, что она в этом длинном старинном платье похожа на ту Валери, которая была способна водить джип на огромной скорости, бросать в цель и дартс, и нож с одинаковой точностью и читать лекции о влиянии смеха на Черную магию. — Профессор по защите от сил зла.

— Как вы сказали? Эвергрин? Любопытно... Годрик Гриффиндор из горных МакГриффинов, очень приятно, — Годрик приложился к ее ручке. — Защита от сил зла — и такая очаровательная леди! Надо же!

— Профессор Зельделения и Алхимии Северус Снейп, — мрачно представился второй гость, по-видимому не испытывая никакого желания прохаживаться в придворных поклонах.

Это имя Годрику ни о чем не говорило. Но предмет, который преподавал Снейп, заставил его наострить уши.

— Алхимия? Великая наука! Жаль, у меня нет к ней никаких способностей. Честное слово, хотелось бы просить вас задержаться подольше! — он залихватски подмигнул Ровене и откинулся на стуле.

Профессор Снейп нахмурился.

— Не имею никакого желания здесь задерживаться, — внятно произнес он, глядя Годрику прямо в глаза. — Нам дали понять, что вы могли бы помочь нам вернуться обратно. Вы и ваш коллега, — Снейп метнул глазами в сторону слизеринского стола, где Драко Малфой галантно

придерживал перед Матильдой свиток из немного подгнившей телячьей кожи, пока она что-то из него переписывала изящным пером. — И что у вас есть связи, которые в случае неудачи могут оказаться полезны для дальнейших изысканий.

— Профессор Снейп!.. Простите его, сэр, — извинилась мисс Эвергрин перед Годриком, бросая убийственный взгляд на Снейпа. — Профессор сильно беспокоится о детях. Наши ребята воспитаны совсем по-другому, можно сказать, более свободно, и не имеют понятия о том, как нужно себя вести, оказавшись в XI веке.

— Дети... Да-да, конечно, дети, — Годрик очнулся от откровенного созерцания ее бюста, взволнованно вздымающегося под тонкой тканью серого платья. — А тот мальчик, которого я тогда нашел в лесу, он — тоже из ваших?

— Гарри? Гарри Поттер? Да, мы благодарны вам от всего сердца! Гарри, поди-ка сюда! — скомандовала Валери, оторвав его от наблюдения за своим предком с открытым ртом. Рон и Гермиона с обеих сторон пихнули Гарри локтями, выталкивая из-за стола. Перед ним проплыло восторженное лицо Рона, пальцы Гермионы, спешно записывающие что-то на отрывок пергамента, и через секунду Гарри уже стоял перед преподавательским столом. Прямо перед Годриком Гриффиндором. Гарри замялся, не зная, что ему нужно сказать или сделать. Кланяться, что ли? Но тут Валери шепотом подсказала. — Поблагодари!

— Э-хм-м, спасибо за помощь, сэр, — пробормотал Гарри, не зная, что еще любезного можно сказать своему предку за то, что тот спас его от смерти в Лесу Теней. Он отчаянно порылся в своих запасах галантной лексики и выудил еще одну фразу. — Я — ваш должник сэр!

Эта фраза ввергла Гарри в серию одобрительных хмыканий и основательных похлопываний по плечу. Годрик Гриффиндор выпрямился и оглядел дам с таким видом, будто он сам лично растил и воспитывал Гарри, а теперь требует оценить результаты своего труда.

— Вежливый юноша! — заметил Годрик и легким пинком отправил Гарри на место.

— Какой он! — Гарри зачарованно плюхнулся на скамью рядом с друзьями.

— Кто? Годрик? — Гермиона внимательно оглядывала легендарную личность, в данный момент сильно занятую чем-то у себя в носу. — Он немного не такой, как я себе представляла.

— Он — *классный!* — выдохнул Гарри, любуясь своим предком.

— Мама отстегала бы меня метлой, если бы я вел себя так за столом, — с сомнением заметил Рон.

— Да бросьте, здесь же вам не XX век, — возмутился Гарри. — Манеры сейчас куда грубее, и вилок еще не изобрели. Спорим, даже король ест не изящнее?

— Посмотри, разве Матильда фон Гриндельвальд ест так, как он? — заметил Рон. — А ведь она баронесса! — последние слова были произнесены с оттенком глупого, и, по мнению Гарри, детского восхищения.

— Про эту *баронессу* мы еще поговорим, Рон, — зло сказала Гермиона, доставая из стопки неровно сшитых рукописей (*Сильнейшие заклятия Древних Магов, Как разбудить принцессу? Магия деревьев и Заговоры Перехода Сущностей*) особенно потрепанный экземпляр и делая вид, что им чрезвычайно увлечена. — Когда у тебя глаза окажутся на месте, и ты вспомнишь, кто такой Гриндельвальд!

— Он жил в XX веке, а она не имеет ни малейшего отношения к тому, чем занимался ее потомок, — Рон раздраженно отвернулся. — Гарри, ты разве меня не поддержишь?

— Что? — Гарри с неохотой отвлекся от беседы профессоров с Годриком. Тот, бурно жестикулируя, объяснял, какие заклятия, по его мнению, могут оказаться полезны при межвременном переходе.

— Ничего, — обиженно буркнул Рон. — Гермиона, а откуда у тебя эти свитки? Ровена разрешила тебе взять их из библиотеки? Ты не говорила, что беседовала с ней.

К Ровене Рэйвенкло Гермиона испытывала чувства, граничащие с благоговением. Еще бы, знаменитая средневековая колдунья в дни своей молодости была не только красива, но и необычайно умна, а ее поведение, наверное, нельзя было бы назвать общепринятым для всех средневековых дам. Она ходила где ей вздумается, одевалась как угодно, даже в мужское платье, свободно беседовала с юношами любого возраста и ее примеру следовало большинство девочек и девушек в Хогвартсе. Скорее всего, более типично было поведение Матильды фон Гриндельвальд. Юная красавица всегда была окружена поклонниками, все ученики Слизерина благоговейно следовали за ней по пятам, выполняли ее малейший каприз и были готовы растерзать любого, кто нелестно отзывался о Матильде, а за взмах ресниц над огромными глазами с поволокой, похожими на затянутые ряской древние озера, они были готовы убить кого

угодно. Особенно усердствовал Росс Кэмпбелл, мерзопакостный, по мнению Гарри, тип, чуть ли не открыто выказывавший свое презрение Ровене Рэйвенкло. Среди учеников Ровены не было людей настолько высокого происхождения, чтобы ответить на любой вызов со стороны высокородженных слизеринцев, поэтому и Мартин Морвен, бывший монастырский послушник, как и Тео, и Канут Бальд, длинный и угрюмый белобрысый парень из древней, но бедной саксонской семьи, и маленький круглоголовый Дуайр О'Линн, по слухам непревзойденный мастер метлы, единственный ученик Хогвартса, которого Ровена привезла аж из Ирландии (Симус Финниган тут же с ним сдружился) молчали, скрипя зубами, но ничего поделывать не могли. Слизеринцев, по видимому, не любили не только в те времена, которые еще так недавно оставил Гарри. Впрочем, и Хельга, и сама Ровена, язвительные замечания о молодости которой частенько отпускали Кэмпбелл и Уоррик, вели себя так, словно ничего не замечали. Годрик же Гриффиндор, по мнению Гарри, далеко не выглядел всепрощающим. Гарри от волнения заерзал на лавке. Интересно, а можно будет просто так подойти и сказать, мол, я — ваш прямой потомок? Гарри почему-то казалось, что нет, он решил, что надо бы еще и оказаться достойным Гриффиндора. Он еще не сделал ничего, чтобы Годрик обрадовался тому, что они с Гарри — родственники...

Гарри очнулся от своих размышлений, когда пламя в большом очаге вдруг вспыхнуло зелеными искрами и лизнуло каминную трубу, чуть не опалив шляпу Годрика, висевшую тут же, поблизости. Все с удивлением обернулись, и тут в камине возник силуэт высокого мужчины. Гарри не успел подобрать челюсть, как мужчина уже шагнул из огня, обдав сажей сидящих неподалеку ребят. Длинный черный плащ заметал оставленную на полу кучу пепла и скользил в направлении учительского стола. Гарри уже подсознательно понял, *кто* этот незнакомец, и поразился его несхождению с изображением в Тайной Комнате. Пришелец в отличие от Годрика был высок и классическую черную мантию мага с узким капюшоном и высоким воротником носил с каким-то прирожденным достоинством, шагая не широко, но словно плывя в направлении стола. Лица его Гарри пока не видел, и ужасающее любопытство заставило его, не выдержав, привстать над столом. Он не был единственным: многие из его друзей тоже жадно вытягивали шеи, стараясь разглядеть лицо человека в черном плаще.

Пришелец дошел до преподавательского возвышения и изящно наклонился к руке Ровены.

— Госпожа, леди Рэйвенкло...

— Добрый вечер, сэр, — сухо отреагировала она на его любезность и отняла у него свою руку.

Хельгу Хуффлпупф человек, казалось, совершенно не заметил.

— Годрик, дружище! — плащ качнулся в сторону Гриффиндора, трудившегося над чашей вина.

— Салазар, старина, — дружелюбно отозвался обладатель кривого носа и шрамов на голове. — С приездом. Испытания прошли успешно, я вижу.

— Неплохо, совсем не плохо, — Салазар Слизерин стащил с головы капюшон мантии, открывая всем на обозрение копну длинных черных волос с легкой проседью, по последней средневековой моде завитых на концах. — Могу с уверенностью посоветовать этот способ перемещения всем и каждому. Куда быстрее лошадей и ваших кривых британских метел. Ах, это новые дети у нас... — Он оглянулся, не дожидаясь утвердительного ответа со стороны Годрика. По лицам присутствующих скользнули пронзительно пронизательные

черные глаза.

Гарри был потрясен не меньше, чем когда увидел Годрика Гриффиндора. Салазар Слизерин оказался молод. Ну, не совсем, конечно, но на вид ему никак нельзя было дать больше сорока, а странные седые пряди в волосах придавали его облику легкую изысканность. Он казался родным братом профессора Снейпа: те же длинные волосы (разве что куда более ухоженные), тонкие черты лица, острые черные глаза... Сходства с монстром, вырубленным на стене Тайной Комнаты, не было никакого! Впрочем, у Слизерина было одно странное качество, отличавшее его от профессора Зельдедея и дававшее сходство с той темной древней статуей: кожа у него была

необычайно смуглой, точно он провел не много лет среди суровых английских зим и хмурых весен. Да, машинально отметил Гарри, наблюдая за тем, как Слизерин медленно снимает плащ и одним изящным движением руки складывает его до размеров носового платка. Салазар Слизерин был красив. Видно было, что человек он чрезвычайно утонченный, в отличие от Годрика. Его манеры были безукоризненны даже для XI века. Говорил Салазар Слизерин на латыни с каким-то странным акцентом, не свойственным, кажется, больше никому в Хогвартсе.

— Прекрасная леди! — Салазар Слизерин просто, но эффектно поклонился Валери Эвергрин и прижал к губам край ее мантии с серебристым узором. — Счастлив приветствовать вас в нашей скромной обители. Надеюсь, мы сможем разрешить вашу проблему не слишком скоро, потому что видеть вас почаще было бы настоящим блаженством для моих глаз.

— Напротив, сэр Салазар, — возразила Валери, не зная, как вырвать подол мантии из цепких лап Слизерина и испытывая по этому поводу некоторый психологический дискомфорт. — Я верю в то, что мы не слишком долго будем злоупотреблять вашим гостеприимством и сможем быстро вернуться назад.

— Ну что вы, что вы, мадам! Я уверяю вас, что видеть столь благородную леди здесь, в Хогвартсе, большая редкость. Кроме нашей дорогой Ровены, моей милой воспитанницы Матильды и двух-трех других дам здесь больше некому рассказать о прелестях лунной ночи, не с кем почитать оды Марцелла или обсудить последние изменения в гербе королей Арагонских. С вашим появлением здесь многое изменится, я уверяю вас!

Ровена мрачно посмотрела на Валери и Салазара, но ничего не сказала. Она отошла к столу, за которым сидели ее ученики и начала о чем-то раздраженно беседовать с маленькой тонкой Итис Свейн, отвечающей за сохранность древних рукописей в библиотеке.

— Вы слишком любезны, сэр Салазар, — Валери, наконец, удалось вырвать мантию из пальцев Слизерина. Он немедленно, все еще лучась улыбкой, повернулся к профессору Снейпу.

— Благородный сэр!

Снейп пробурчал в ответ нечто невразумительное и вновь уткнулся в свой котел, но Гарри видел, как он пристально разглядывает Слизерина исподлобья. Еще бы, подумал Гарри, ему *тоже* интересно. Ощущать свою схожесть с профессором Зельдедея было не слишком приятно, несмотря на некоторое потепление их отношений за последнее время. Но наблюдать, как профессор Снейп тайком разглядывает своего предка, как Гарри только что рассматривал своего — это казалось ему странным. Точно Гарри заглянул в зеркало и обнаружил там...

— Я не согласна! — заявила громким шепотом Гермиона, спугнув гаррину мысль. Она резко развернулась на скамье и случайно толкнула Гарри под локоть с такой силой, что он пролил себе на штаны красное вино, а остатками обляпал одного из Эгбертов, сидевших рядом.

— Эй, осторожнее, благородный сэр! — возмутился Эдмунд (это был он).

— Простите, — Гарри устранил неприятность в виде винного пятна на собственных штанах и рубашке Эгберта и повернулся к Гермионе. — С чем ты не согласна?

— Гарри, ты что, не слышал, о чем они говорили? — дернула его Гермиона за рукав. — Я ничего не понимаю, он что, сам хочет, чтобы мы остались?..

В это время до Гарри донесся вкрадчиво шелестящий голос Слизерина.

— В самом деле, если дела обстоят именно так, то вы сможете вернуться обратно в тот же самый миг, из которого сюда попали. А месяц-другой здесь ничего не изменит!

— Дети станут старше почти на полгода, — резко бросил Снейп. — А то и больше!

— Какая разница? — небрежно пожал плечами Салазар Слизерин. Он сидел в большом кресле с высокой спинкой и поигрывал на подлокотнике пальцами, на которых блестели драгоценные камни. — Какая разница, дорогой мой сэр, где получить знания — здесь или у вас? Знания важны любые, откуда бы они ни были получены? Верно, дорогая? — промурлыкал он, обращаясь к Ровене, приближавшейся к преподавательскому столу.

Та заколебалась. Со словами Салазара она не хотела спорить, но тот, из чьих уст они прозвучали, не внушал ей ничего, кроме отвращения. Ровена Рэйвенкло встала перед дилеммой.

— Я тоже не против того, чтобы дети оставались здесь еще некоторое время, — осторожно заметила она. — Но такое больше количество учеников... Сможем ли мы выдержать это? Нас всего четверо.

— Нас шестеро, — Валери Эвергрин сказала это настолько громко, что ее услышали ребята и на самых дальних краях стола. — Почему вы не берете в расчет и нас с профессором, леди Рэйвенкло? К тому же мы не понаслышке знаем об учебных планах, я в последнее время вела

уроки в группах, где было больше пятидесяти человек, а профессор является еще и деканом целого факультета, и ему не впервой составлять расписание занятий.

Салазар с удовлетворением закивал. Гарри показалось странным, что Слизерин так явно стремится удержать их здесь. Что ему нужно? А вот Ровене эта мысль почему-то не понравилась. Снейпу тоже.

— Вы за меня не отвечайте! — прошипел он, яростным движением смахивая огонь из-под котла. — Я ни на минуту здесь не задержусь! — Тут его взгляд уткнулся в тонкие орлиные черты Слизерина, и он запнулся.

— Ну что вы такое говорите, рыцарь! — Салазару сама мысль о том, что в Хогвартсе может кому-то не понравиться, явно не пришлась по душе. — Здесь вам будет очень удобно! Вам предоставят отдельный кабинет для занятий, вы сможете свободно ставить любые опыты и работать в библиотеке с любыми летописями и свитками.

— Я дам вам любые ингредиенты для зелий, — робко вмешалась Хельга Хуффльпуфф. Слизерин нахмурился, и она осеклась.

— Не называйте меня рыцарем, мне это не нравится, — отрезал Снейп. Он вообще вел себя странно, отметил Гарри. То ли хорохорился, то ли сама мысль о том, чтобы остаться здесь, была ему отвратительна.

— Что бы вы там ни говорили, вы — благородного происхождения, сэр, — заметил Слизерин, одним движением создавая из воздуха кувшин с вином и пару кубков. — Я могу это определить с легкостью, у меня есть опыт.

— Да уж, — несколько язвительно бросила Ровена. — На маглорожденных у вас нюх, не правда ли, сэр?

— Хорошо, что напомнили, дорогая леди! — улыбка Слизерина блистала благодарностью. — На моих занятиях я маглорожденных не потерплю! Это мой маленький каприз. Пусть ходят к Хельге.

— Пусть ходят ко мне, — простодушно согласилась старушка. — У меня большой аудиториум.

Слизерин презрительно скривился, и тут вмешался Годрик. Все это время он вновь потратил на истребление фазана, а когда дичь перед ним закончилась, он начал потягивать вино, периодически прислушиваясь к разговору.

— Послушай, Салазар, а что если мы поднимем *те самые записи*, — он со значением посмотрел на Слизерина, и уголок рта у того нервно дернулся. Видимо, волшебник не слишком хотел, чтобы Годрик Гриффиндор вспоминал о *тех самых записях*. — Если в них нашлось достаточно волшебной силы, чтобы защитить Хогвартс от атаки враждебно настроенных колдунов, возможно, каким-то образом эти заметки удастся применить и к этому случаю?

— Там нет ничего о времени и переносе тел из одного века в другой, — слишком рьяно запротестовал Салазар.

Что он скрывает?

— О каких записях идет речь? — тоже мгновенно среагировала Гермиона, взволнованно цепляясь за рукав Гарри.

— Но свиток Ллуда еще не расшифрован до конца, — возразил Годрик. — И, вероятно, он скрывает куда более странные и могущественные вещи! Почему бы ни посмотреть в нем? Давай сейчас и посмотрим!

Слизерину явно очень не хотелось это делать, но на него смотрели все преподаватели, и он скрепя сердце подчинился мнению большинства. В конце концов, отказывать было бы подозрительно.

— Хорошо, — он одарил Валери ослепительной улыбкой. — Сегодня вечером милости прошу в мой кабинет, а пока, если меня извинят дамы, мне нужно спуститься к себе, переодеться и отдохнуть. Я сильно устал после опыта.

Он ускользнул. Гарри и Гермиона тут же повернулись друг к другу.

— Что такое Свиток Ллуда? — выпалили они одновременно.

— Ты не знаешь? — разочарованно протянул Гарри. Он был уверен, что Гермиона знает все или почти все. Свиток Ллуда явно относился к этому «почти».

— Но я знаю, кто нам может дать консультацию! — озарила Гермиону мысль. — Тео!

Тео Квинтус не слушал, о чем говорили Основатели. Он оторвался от куриной ножки с явным неудовольствием, но увидев, что он нужен сэру Гарри и леди Гермионе, воспрял духом.

— Да, миледи!

— Тео, — с загадочным видом начала Гермiona. — Ты знаешь все книги, которые есть в библиотеке, верно?

— Ну, — неуверенно почесал в затылке парень. — Возможно.

— А ты никогда не встречал ничего, что бы называлось *Свиток Ллуда*? — поинтересовался Гарри.

Тео вытаращился на них.

— Нет! А с чего вы взяли, что он здесь есть?

— Змееуст только что сказал, — со значением заметила Гермiona.

— Хм, не знаю... Возможно, он хранит его у себя, но к нему я не сунусь ни за какие коврижки. Увольте! — запротестовал Тео.

Гарри и Гермiona посмотрели друг на друга.

— У меня есть папин плащ, — со значением подчеркнул Гарри.

— Но Слизерин сейчас ушел к себе, — неуверенно пробормотала Гермiona. — И вряд ли выйдет до тех пор, пока они сами к нему не спустятся.

— Думаешь, что его нужно выманить из кабинета?

Тео слушал их планы, вытаращив глаза.

— Гарри! — ужаснулась Гермiona. — Ты понимаешь, о чем говоришь? Это же Салазар Слизерин! Самый известный темный волшебник Средних Веков!

Рон очнулся от своих грез и неодобрительно посмотрел на Гермiona. Для этого ему пришлось отвести пылающий взгляд от слизеринского стола.

— Мне он не показался таким уж страшным и злобным, — хмуро сказал он.

— Но если мы вломимся к нему в кабинет, он таким и окажется, будь уверен, Рон, — убежденно заверила его Гермiona. — Что же делать? Кто может знать, где у него хранится свиток?

— Я в этих делах не участвую, — мрачно сказал Рон. — Держу пари, что и мисс Эвергрин бы не одобрила этих планов. Черт знает, как мы можем вляпаться, если выкинем что-нибудь подобное.

Это было настолько не похоже на Рона, что Гарри удивленно вытаращился. Раньше «на дело» они всегда ходили вместе, а выговаривала им Гермiona. На этот раз Рон почему-то поменялся с ней ролями.

— Рон, мы же хотим придумать способ вернуться! — возвала к его совести Гермiona.

— Вот и придумывайте что-то попроще, — пробормотал Рон, мечтательно скользнув взглядом по соблазнительной фигурке Матильды. Девушка только что поднялась из-за стола; ее зеленый шлейф тянулся следом за ней в сторону дверей из Большого зала. Увидев, что Малфой почтительно подошел к Матильде и, встав на одно колено, поцеловал край ее шлейфа, Рон нахмурился как туча.

Глаза Гермiony метали молнии, но она промолчала. Гарри показалось, что зря. Это тянется слишком долго, подумал он. Пора бы им откровенно поговорить.

— Я знаю того, кому наверняка известно, где лежит свиток, — вдруг нерешительно сказал Тео. — Но *он* вряд ли согласится помочь.

Рон отвернулся, окончательно отказываясь от участия в затее, и угрюмо провожал глазами Драко Малфоя, с куртуазными ужимками предлагавшего руку Матильде. Она приняла ее, но через плечо Драко улыбнулась Рону, да так, что он остался сидеть на месте с выпученными глазами.

Его Гарри уже видел раньше. *Он* оказался темноволосым угрюмоватым юношей в длинной черной хламиде. Единственный из слизеринских учеников, не носивший зеленое; все остальные его соученики одевались исключительно в зеленые одежды, дабы понравиться даме своего сердца, потому что это был любимый цвет Матильды фон Гриндельвальд.

— Чего ты хочешь? — холодно спросил он у Тео, нерешительно смотревшего на него из-под рыжеватых косм. Они с Гарри подошли к юноше после ужина, когда все остальные ученики Слизерина уже разошлись. Нужный же им человек продолжал сидеть за столом, сверля глазами какую-то древнюю рукопись по боевой магии. — Говори, что тебе нужно, Квинтус, или убирайся, — он скользнул взглядом по Гарри и ничего не сказал. На Гермiona он почему-то вообще не взглянул, но Гарри показалось, что это равнодушие слегка нарочито. Он пристально рассматривал юношу из-за спины Тео и прятал плащ-невидимку у себя под мантией.

— Да ничего, сэр Роберт, — тут же принялся смущенно оправдываться Тео. Юный историк весь пошел красными пятнами. Он сразу как-то съезжился и жалобно исподлобья взглянул на угрюмого юношу. — Просто мы хотели спросить у вас...

— Спрашивай и убирайся.

— Сэр Роберт, мы знаем, что сэр Салазар вам доверяет. У него в кабинете есть одна рукопись, которую мы хотели бы посмотреть, но неловко обращаться прямо к нему, понимаете, и поэтому...

— И поэтому, — насмешливо продолжил юноша. — Ты решил, что я смогу дать тебе ее сам, верно?

— О, сэр Роберт, вы — единственный, кому мастер Слизерин разрешает изучать рукописи в своем собственном хранилище, он же больше никого к ним не подпускает. А мне только одним глазком бы взглянуть на...

— Это нужно тебе? — сухо поинтересовался сэр Роберт. — Или ему? — он повел бровью в сторону выжидательно наблюдающего за этой сценой Гарри.

Слизеринские ученики с подозрением относились к пришельцам, а некоторые из них и вообще считали, что те зря едят их хлеб. Отношение этого молодого человека к их присутствию в Хогвартсе было пока не ясно, но Гарри заподозрил, что ничего хорошего из плана Тео не получится.

— Ну-у-у... — нерешительно протянул Тео, не зная, ответить ли честно, или соврать. Врал он не так виртуозно, как Эгберты.

Гермиона не выдержала.

— Это нужно нам всем, сэр Роберт, — она раздвинула Гарри и Тео в стороны, и между их плечами появилось ее умоляющее личико. — Я почти уверена, что в Свитке Ллуда содержится ключ к нашему возвращению домой! Мы бы одним глазком только посмотрели те заклятия, которые содержатся в свитке, а потом вернули бы вам его в целостности и сохранности.

При появлении Гермионы Роберт резко вздрогнул.

— Где твои манеры, Квинтус? Представь меня, — коротко приказал он Тео.

— Леди Гермиона Грейнджер, сэр Роберт Эверетт из Нормандии, — послушно зачастил Тео. — Сэр Гарри Поттер.

Роберт смотрел на Гермиону, не отрываясь, и не слушал, что Тео говорил ему про Гарри. Девушка немного покраснела от такого пристального взгляда, но Роберт глаз не отвел.

— Грейнджер, — пробормотал он и тут же очнулся. — Гермиона... Красивое имя, миледи. Вы откуда родом? Кто ваши родители? Не маглы, случайно?

Гермиона открыла было рот, чтобы просветить этого любителя генеалогии относительно ее происхождения, и пусть все пошло бы прахом, лишь бы он отстал, и чтоб их к черту всех, слизеринцев проклятых, но Гарри вовремя наступил ей на ногу.

— Леди Гермиона из очень уважаемой лондонской семьи, у нее в роду все занимались наукой и очень любили книги. Ее родители, — он помедлил и рискнул. — Лекари.

Гермиона напряженно дернулась.

— Я — ведьма в первом поколении, — вызывающе бросила она.

А сэр Роберт словно бы и не обратил внимания на то, что она сказала. Такой реакции не ожидал от него, наверное, никто.

— Прекрасная леди, — он вежливо поклонился. — Буду счастлив, если мои скромные усилия вам помогут, — он поднял на Гермиону большие черные глаза. — Всегда рад оказать помощь такой прекрасной даме, как вы. Свиток Ллуда, вы говорите? Кажется, мастер Слизерин с особым пиететом относится к сохранности именно этой рукописи. Но, насколько мне известно, в этом свитке никаких заклятий нет. Это исторические заметки. Весьма разрозненные. И перепутанные с какими-то древними и довольно туманными предсказаниями, — его интонации явно говорили о том, что предсказания отнюдь не являются любимым его предметом.

— О, предсказания! — пренебрежительно оттопырила губу Гермиона. Кажется, этот жест с ее стороны еще больше понравился Роберту. Он воспрял духом, а в его глазах сверкнули искорки. — Но исторические заметки могли бы нам как-то помочь. Там может находиться указание на то, каким образом колдуны перемещались во времени в древние времена, если это вообще возможно. Я уже прочитала множество книг в библиотеке, и нигде не нашла упоминаний об этом.

— Вы любите читать, миледи? — осведомился сэр Роберт особенно задушевым голосом. — Я мог бы показать вам некоторые интересные экземпляры исторических записок. Мои личные. Они не менее интересны, чем свиток Ллуда, правда, черной магии в них куда меньше.

— А я тоже хочу посмотреть Свиток Ллуда! — вспыхнул желанием Тео.

— А ты будешь стоять на стреме, — огорошил его Гарри, заставляя Тео задуматься о том, что такое *стрем* и зачем на нем стоять. — Скажешь нам, если Салазар будет бродить где-то поблизости.

— Это вполне приемлемо, — согласился Роберт Эверетт. — Но у меня есть идея получше. Да, и можно вас на пару слов, сэр?

— Да, благородный сэр, — покладисто кивнул Гарри. Он уже почти приноровился к местной аристократически цветистой манере выражаться.

— Леди Гермиона — ваша сестра? — грозно спросил Роберт, задвинув Гарри в угол. Гарри слабо улыбнулся. Его нос почти доставал до подбородка очень высокого Роберта. Не люблю я эти проклятые разборки в стиле «мальчик-девочка», подумал он.

— Нет, но мы друзья уже много лет. Просто *друзья*, — подчеркнул он, надеясь, что Роберт ему поверит. Давнишнее приключение с Виктором Крумом его убедило, что в таких случаях с собеседником нужно обращаться осторожно, как с душевнобольным ребенком. Эк пробрало его, удивился он, поражаясь тому, что такого парни находят в Гермионе. Ну да, она красивая, особенно в этом платье цвета темного шоколада, хотя рукава висят немножко (Гермиона так и не научилась хорошенько подгонять под себя волшебную выкройку, хотя для этого требовалась простая арифмантика). Но есть девушки куда красивее, Сьюзен, например.

— Друзья? — Роберт Эверетт с подозрением оглядел Гарри, но решил, что пока можно положиться на слова незнакомого пришельца (Гарри соорудил самую невинную физиономию из арсенала имеющихся). — А у нее есть рыцарь?

— Кто?

— У леди Гермионы есть человек, который посвятил свою жизнь служению ее красотам? — деловито пояснил Роберт Гарри, как малолетнему ребенку, не знающему простых истин. — Рыцарь, который защищает ее, сражается на турнирах во славу ее прелестей, исполняет серенады под ее окном, присылает ей драгоценные подарки со своим пажом или менестрелем?

Гарри всесторонне обдумал вопрос. Рон, конечно, пришло ему на ум. С другой стороны, Рон не сражался на турнирах, кроме как на шахматных, подарки Рона всегда были скромны, хотя Гермионе он старался ни в чем не отказывать. Пел он ей, это правда, но не серенады и не под окном. Гарри представил, что бы устроила Гермиона, если бы Рон вздумал разбудить ее среди ночи восторженным воем под окном ее комнаты (с голосом у Рона были проблемы, хотя инструментальные вещи он исполнял необыкновенно красиво). Но в последнее время Рон проявлял не слишком большое рвение в отношении ухаживаний за Гермионой, увлекшись зеленоглазой красавицей баронессой. Гермиона же, казалось, на это реагировала довольно вяло, виной тому было, скорее всего, то, что для нее сейчас на первом месте стоял поиск возможностей возвращения домой, где «эта маленькая зеленая гадючка» не побеспокоила бы ни ее, ни Рона.

— В общем, есть, — признался Гарри. — Но он, кажется, в последнее время несколько... Не я должен об этом говорить вам, прекрасный сэр, — добавил он поспешно.

Роберт Эверетт с этим неожиданно согласился.

— Простите, в самом деле, сэр, не к лицу нам обсуждать личные дела благородной леди, точно мы глупые вилланы без всяких манер. Прошу прощения за свой вопрос.

— Ничего, благородный сэр! — махнул рукой Гарри. — Так что же, вы поможете нам со Свитком Ллуда?

— Если леди Гермиона согласится посмотреть кое-какие саксонские рукописи вместе со мной завтра после обеда, то я обещаю, что окажу вам эту услугу, — громко сказал Роберт, с истинно слизеринским подходом сразу требуя платы за свою работу.

— Рукописи интересные? — загорелись глаза у Гермионы. — Правда, с саксонским у меня пока не очень-то, но я с радостью, мистер Роберт... То есть, прекрасный сэр!

Она, кажется, не совсем хорошо осознает опасность этой ситуации, озабоченно подумал Гарри. Теперь поди отделайся от этого Эверетта. Если он и дальше будет за ней таскаться, как восторженные обожатели Матильды фон Гриндельвальд за предметом своей страсти, то и шагу нельзя будет ступить, чтобы на него не наткнуться.

Роберт же Эверетт развил бешеную деятельность, как только получил от Гермионы согласие. Отдав Тео несколько коротких приказов, он дождался, пока тот испарится и поманил за собой Гарри и Гермиону.

— Сюда, — он вышел из зала и вместо того, чтобы спуститься по лестнице в подземелье, где находился кабинет Слизерина (кроме учеников самого Салазара остальные ребята обходили

стороной эти места), завернул за угол, нажал на какой-то незаметный камень в стенной кладке, и стены разъехались в разные стороны. Перед изумленными Гарри и Гермионой открылась небольшая узкая лестница, ведущая вниз, в темноту. Гермиона немного нервно взялась рукой за скользкую стену.

— Там темно...

— Обопритесь о мою руку, леди Гермиона, и ничего не бойтесь, — уверенно сказал Роберт. Гермиона робко взялась за его крепкую ладонь и исчезла в черном провале стены вслед за Робертом Эвереттом. Гарри, решив не оставлять Гермиону одну с этим подозрительным типом (он все же ученик Слизерина!), тоже начал спускаться следом.

Проход вился ужом, подскакивал вверх и вилял в стороны, но вскоре Гарри уткнулся носом прямо в широкую спину Роберта, автоматически отметив, что тот, кажется, носит под одеждой кольчугу. Интересно, чего он опасается...

— *Люмос!* — шепнул Эверетт. Проход осветился тусклым светом его волшебной палочки, и Гарри увидел, что они стоят перед маленькой дверцей, обитой железом. Мысль о том, чтобы найти ее на карте Мародера, пришла ему в голову сразу, но тут же его огорошило сомнение: а видел ли он этот ход на карте раньше? Кажется, нет. Странно.

— Где мы? — удивленно пробормотала Гермиона, пытаясь заглянуть в щелку между двумя дубовыми досками. — Это что — секретный проход в его кабинет?

— Здесь его опочивальня, — так же шепотом ответил Роберт, осторожно отодвигаясь, чтобы не коснуться Гермионы. Такая щепетильность приятно удивила Гермиону, и она припала глазом к маленькому отверстию.

— Он здесь, — охнула она, попятившись. Гарри чуть не слетел со ступенек.

— Где? — прошептал он.

— Лежит на кровати. Отдыхает. Кажется, ничего не получится, — уныло закончила Гермиона.

— О нет, — шепотом запротестовал Роберт Эверетт. — Мой план должен сработать!

Гарри осторожно потеснил Гермиону и заглянул в щель. Потайная дверь, видимо, была замаскирована в алькове, прямо за большой постелью, покрытой зеленым бархатным одеялом. На постели лежал Салазар Слизерин. Он уже снял свои длинные черные одежды и сейчас был облачен только в шелковую сорочку и халат, смахивающий на турецкий. В углу из большого янтарного чубука, лежащего на узорчатом кальяне, курилась струйка дыма, аромат которого дотягивался и до щелки, к которой жадно припал Гарри. Комната Слизерина была не чета тем простым спальням, в которые поселили ребят: большое квадратное помещение, сплошь увешанное коврами и старинными темными гобеленами, на коих располагалась внушительная коллекция магловского оружия. Гарри показалось, что среди больших и тяжелых рыцарских мечей, изогнутых сарацинских сабель, древних четырехгранных кинжалов и римских ритуальных стилетов мелькнули золотые не то китайские, не то японские иероглифы на ножнах одного из предметов коллекции Слизерина. На стене между узкими щелками окон висело металлическое зеркало, а справа от кровати к стене была прислонена метла, на вид куда более приличная, чем творения мастера Мастерса. Книг не было видно, но, видимо, они хранились в другой комнате, отделенной от спальни длинной черной портьерой, за которой Гарри смутно различил край книжной полки, забитой какими-то манускриптами.

Слизерин спал. Его волшебная палочка, длинная и черная, лежала на постели рядом с ним, а возле палочки переливалась узкая сталь длинного кинжала с ручкой в виде змеи, обвившейся вокруг когтистой птичьей лапы. Видно было, что врасплох его не застать. Гарри не сомневался, что спал Слизерин чутко и может подскочить от малейшего шороха, поэтому парень испугался, не может ли он услышать, как они переговариваются почти что у него за спиной. Но, казалось, Салазар ничего пока не слышал. Его длинные черные волосы разметались по вышитой подушке, смуглые пальцы сжали край халата, богато украшенного золотистыми изображениями драконов. Возле него трепетал на столе огонек негасимой свечи. Удивительно, но сейчас он не казался ужасным темным волшебником, таким, каким его представляли потомки тех, кого он сейчас учил. Гарри впервые засомневался, а права ли была *История Хогвартса*, когда рассказывала о таинственных и страшных силах, которыми обладал Слизерин?

— Сейчас, — бормотал Роберт. — Сейчас... По моим расчетам они уже скоро должны быть здесь...

Внезапно до ребят донеслись отголоски отдаленного грохота. И тут Гарри стал свидетелем удивительно точной, несомненно, выработанной годами реакции: Слизерин мгновенно открыл

глаза, одна его рука молниеносно впилась в палочку, другая нашла кинжал, он вскочил с постели, рывком запахнул на себе халат и рванулся в проем за темными занавесями.

— Сейчас, — прошептал Роберт. — *Алоомора!*

Дверь бесшумно открылась, точно петли в ней давно смазывали специально для этого случая. Трио преступников бесшумно проскользнуло в комнату. Гарри прислушался, и смог разобрать голоса, доносившиеся из коридора.

— О, нет, мастер Слизерин! Это не я! Я просто...

— Проклятый грязнокровый ублюдок! Ты помешал мне спать! Я провел в дороге несколько часов и устал от тяжелого опыта, а когда попытался уснуть в этом вертепе, то именно тебе, Квинтус, не посчастливилось мне помешать!..

— Не надо, мастер Салазар! Ай!.. Уй!..

— Маленький паршивец! А-а-а-а!!!

Снова жуткий грохот. И тишина. А затем тишина словно взорвалась проклятиями Слизерина, дикими воплями Тео, отдаленным хохотом и отчетливым ужасающим низким воем. Выли самозабвенно, со вкусом, услаждая слух окружающих все новыми и новыми скорбными переливчатыми руладами, рвущими сердце. Рулады чередовались с громкими проклятиями Салазара Слизерина.

— Замечательно! Он выпустил из клетки ручного авгура мистрисс Хуффльпуфф. Теперь этого уroda не так-то просто будет поймать, а нам даст возможность забрать то, за чем мы пришли, — совершенно спокойноотреагировал на эту ситуацию Роберт Эверетт, открывая дверцу потайного хода. Они втроем ввалились в спальню Салазара Слизерина, толкаясь и рискуя быть услышанными, потому что Гермiona случайно перевернула кальян, стоявший в опасной близости от потайной двери. Но, к счастью, Слизерин был весьма увлечен наведением порядка и прочисткой мозгов Тео Квинтусу, наглицам, которым приключилось посмеяться поблизости, и всем, кто имел наглость находиться рядом да еще и выть дурным голосом.

Гарри впопыхах огляделся и протянул руку Гермione, запутавшейся в одеяле, свалившемся с кровати.

— Оставь меня, Гарри, быстрее! Забирайте свиток и уходим! — приказала Гермiona.

Роберт метнулся к занавесу, отделявшему опочивальню от кабинета Салазара Слизерина.

— Там, — пробормотал он. — Левый от камина шкаф. Вторая полка сверху, нужно потянуть за корешок зеленой книги снизу вверх, и откроется тайник.

Гарри осторожно выглянул из-за занавески. Слизерин стоял в дверях кабинета и продолжал изрыгать проклятия, держа за ухо извивающегося Квинтуса, а в ногах его беспорядочно металась какая-то птица. Положение Салазара относительно двери, увы, не оставляло им никаких шансов, хоть Слизерин и стол к ним спиной.

— Скорей! — прошептала Гермiona. Она все еще дергала ногой, пытаясь избавиться от одеяла, обвившегося вокруг ее ног. Салазар Слизерин, наконец, вышел за дверь и прикрыл ее за собой, продолжая кричать на Тео. Незнакомая птица барахталась за дверью, и было слышно, как она скреблась в дверь так отчаянно, точно ее кто-то оттаскивал за хвост. Гарри уловил краем уха голоса братьев Эгбертов, что-то объяснявших Слизерину.

— Я рискну, — сухо уронил Роберт Эверетт, решительно отдергивая занавеску. И замер.

Воздух в кабинете Слизерина, заваленном книгами и древними рукописями, вдруг сгустился и точно запульсировал. Запахло озоном, послышался легкий треск, и посреди комнаты вдруг из ничего возник мужчина, сперва голова, затем плечи, потом мелькнула нога, и стало ясно, что он — в плаще-невидимке. Его лица не было видно, можно было рассмотреть только встрепанные черные волосы и курносый, кажется, несколько раз перебитый нос. Гарри только открыл рот, чтобы не то закричать, не то предупредить Роберта, но к тому времени, как Гарри выхватил свою палочку, у Роберта в руке уже мелькнула его собственная. Но они опоздали. Мужчина с быстротой молнии нажал на корешок нужной книги, точно знал, где искать, запустил руку в открывшееся отверстие и выхватил какой-то древний кусок пергамента.

— Стоять, — тихо и хрипло сказал Гарри. Палочка в его руке дрожала. Роберт подвинулся ближе и взмахнул своей:

— *Ассио...*

Он не договорил. Вор повернулся к ним лицом, и у Гарри подкосились ноги, потому что он узнал грабителя. *Неможетбытьнеможетбытьнеможетбыть*, неслось в голове у Гарри, потом скользнуло страшное желание броситься на шею этому человеку, потому что об этом Гарри мечтал всю свою жизнь. Но он опоздал. Мелькнуло выражение настороженности, а потом

пронесли отражения двух юношей в стеклах очков, рука вынырнула из ничего, раскручивая на пальце маленькую золотую цепочку с песочными часами на ней. Послышался слабый треск, воздух вновь заискрился, и Джеймс Поттер исчез вместе со Свитком Ллуда.

— Гарри, скорей!

Гарри Поттер плохо соображал, что делает, и где находится. Из какой глубины подсознания мог выплыть этот образ? Сколько раз он представлял себе еще в детстве, что его отец вернется за ним, увидит его, обнимет... Этого не может быть, говорил Гарри сам себе, просыпаясь от очередной мечты в чулане под лестницей у Дурслей.

Этого не может быть, снова сказал себе Гарри Поттер.

Роберт и Гермиона втащили его в тайный ход и еле успели захлопнуть за собой дверь, как Слизерин вернулся. Сквозь щель между двумя дубовыми досками Гарри видел, как тот, явно чертыхаясь на каком-то неизвестном языке, с размаху бросил палочку на кровать и нервно схватил чубук кальяна. Глубоко затянувшись, Салазар скомкал одеяло и бросил его на пол, а потом перехватил свой кинжал и с размаху запустил его в вышитый гобелен, изображающий мрачного старика, что-то пишущего красными чернилами, по интенсивности цвета похожими на кровь, на маленьком черном листке. Словно следуя примеру нарисованного старца, Салазар вытащил из-за пазухи перо, извлек откуда-то лист пергамента и принялся что-то писать. Нацарапав несколько строк, он свернул письмо, капнул на сгиб воском из горевшей тут же свечи и запечатал письмо своим перстнем. Он встал, подошел к камину и, одним жестом извлекая огонь из холодной золы очага, вызвал столб зеленого пламени.

— Ко мне! — резко скомандовал он кому-то прямо в очаг. Гулко гудящий огонь в последний раз пыхнул и потух. Гарри как-то подсознательно понял, о чем идет речь, хотя Слизерин говорил явно не по-латыни. Возможно, на каком-то диалекте. Но додумать эту мысль времени не было, потому что в узкое окно впорхнула большая летучая мышь и угловато замелькала над головой Слизерина. Волшебник привязал письмо к ее лапке и пристально посмотрел на зверька.

— Мельница у Темного Брода, — громко сказал он. Широкий рукав взметнулся, и рука с перстнями на пальцах указала на окно. Мышь тонко заклекотала и нырнула в узкую щель, через которую уже было видно звезды.

— Пора! — прошептал Роберт Эверетт, осторожно потянув Гарри за рукав. — Мы здесь и так засиделись.

Сцена с летучей мышью не произвела на Гарри ни малейшего впечатления, он был слишком захвачен другой, только что состоявшейся в кабинете Слизерина. Гарри позволил оттащить себя от щелки, позволил вывести себя по темному проходу обратно (он все время падал, точно Невилл какой-нибудь, и Роберту приходилось крепко придерживать Гарри за мантию), позволил себе выйти в толпу учеников в коридоре. Гарри тут же заблудился в огромной куче народу, валившей из Большого зала, оставив Гермиону и Роберта далеко позади. Ему уже не пришло в голову, что оставлять их одних немного неловко, ему уже не казалось, что нужно поговорить с Роном, чтобы тот не вел себя как дурак. Гарри уже не помнил ничего из того, что хотел сделать: образ отца стоял у него перед глазами. Он не понимал, куда идет, и только когда свернул в совершенно незнакомый коридор, только тогда немного очнулся.

Что его отец мог здесь делать?

Это могло быть какое-то задание Дамблдора, мучительно размышлял Гарри. Свиток Ллуда мог понадобиться ему, поэтому его отец воспользовался времяворотом и проник в древний Хогвартс. Но откуда он мог знать, где хранится свиток? И для чего он его забрал? Возможно, в Свитке Ллуда действительно имеется информация о мощной древней магии, которая могла бы помочь в борьбе с Вольдемортом, и...

Стоп!

Стоп.

«Если в этих записях нашлось достаточно древней силы, чтобы защитить Хогвартс...»

Слова Годрика Гриффиндора резко прозвучали у Гарри в голове.

Ну конечно!

Он добрал до какой-то резной каменной скамьи, возле которой мрачно ронял на пол смолу небольшой тусклый факел, и машинально сел на нее. Головоломка сложилась. Защита Хогвартса — вот для чего понадобился Дамблдору Свиток Ллуда! Возможно, эта магия не действует вечно, со временем заклятие стерлось — сколько веков прошло! — и он решил, что только оно может оградить школу волшебников от нападения Черного Лорда. Но за многие столетия свиток исчез, и его можно было достать только одним способом — воспользовавшись

времяворотом и добыв его в том промежутке времени, когда он лежал себе спокойно в этом тайнике. Отец добыл свиток — Хогвартс до сих пор стоит на своем месте, и Вольдеморт тогда не смог или побоялся осадить древний замок. Но тут вопросы у Гарри стали вновь накапливаться с устрашающей быстротой. Откуда Дамблдор знал о тайнике? Или откуда мог знать о тайнике его отец? От кого? И вернул ли он свиток на место?

Пот выступил на ладонях у Гарри. Неужели отец еще вернется сюда, чтобы положить свиток на место? Можно будет... и можно будет увидеть его снова? Голова у парня закружилась, Гарри невидящими глазами уставился прямо на огонь потрескивающего факела, пока в его голове роились десятки планов. Засесть в засаде в кабинете Слизерина, спрятавшись под плащом-невидимкой, возможно, отец вернется минут через десять, не больше! Когда они с Гермионой экспериментировали с времяворотом, им понадобилось совсем немного времени, чтобы вернуться почти в тот же момент, из которого они исчезли.

Гарри не стал раздумывать. За Роном или Гермионой бежать смысла не было, он лишь упустит время. Он вытащил из-под мантии заранее припасенный для сегодняшней эскапады плащ-невидимку. Тот же самый плащ. Скорее, подгонял он себя, скорее! Гарри перепрыгнул еще через несколько ступенек и птичкой перелетел через перила движущейся лестницы, не дожидаясь, пока она соизволит приземлиться в нужном ему месте. Нужно успеть! Нужно успеть! Гарри уже знал, что он хочет сделать. И знал, что это — непростительное преступление, что это — верный поворот времени не в том направлении, в котором оно развивалось уже пятнадцать лет, что поступая так, он подводит их всех, и подводит Валери, которая много раз предупреждала их об опасности, подстерегающей в прошлом — изменении будущего из-за малейшей случайной оплошности. Но он знал, что должен сделать это. Он не мог не сделать этого!

Гарри Поттер решил предупредить своего отца о предательстве и грозящей ему смерти.

Глава 27. Врозь.

— Прошу, — коротко сказал Салазар Слизерин, впуская гостей.

Гарри осторожно проскользнул под рукой Ровены Рэйвенкло и просочился в кабинет Слизерина.

Горели свечи, полыхал камин. Гарри осторожно огляделся. Сейчас кабинет не казался мрачным и темным, напротив, он был довольно уютен, а Гермионе бы и вовсе понравился: огромное количество книжных полок, уходящих в высоту, длинный дубовый стол, закапанный свечным воском, какими-то зельями и покрытый могучим слоем пыли. На узких амбразурах окон, защищенных, как и все остальные окна замка, Согревающим заклятием, чтобы обитатель апартаментов не мог замерзнуть долгими зимними ночами, валялись толстые фолианты, переплетенные в кожу, и какие-то древние реторты. На большом узком столе у стены, похожем на верстак, вместо инструментов стояли те же старинные реторты, под которыми полыхало пламя магического огня. Тут же лежали миски и стояли небольшие лари с какими-то травами, висели клетки с жабами и выщербленно пялились на посетителей глиняные тазы с плавающими в них тритонами, блюдца, полные птичьих яиц и корзинки с нарезанными вишневыми ветками и сухой полынью, а в уголке, в котором маглы обычно хранили иконы, стояла неразборчиво блестящая фигурка какого-то древнего божка, перед которой курилась пара палочек благовоний и жглись листья лаврового дерева. В углу пылился медный предок глобуса, представляющий собой загадочную помесь астрологии и нагромождения блестящих конструкций, больше похожих на современную инсталляцию абстракциониста. И везде, везде были набросаны книги на разных языках. Гарри, опасливо обходя Слизерина, увидел стопку пергаментов на греческом языке, несколько телачьих переплетов с надписями на арабском и робко забытую на краю стола каменную пластинку с руническими письменами. Пахло руты и полынью. Кабинет древнего волшебника был именно таким, каким Гарри его себе воображал: полным таинственных волшебных предметов и интересных вещей, но, к удивлению Гарри, рабочая комната Салазара Слизерина не внушала ему трепета или страха.

Джеймс Поттер не появился. Гарри понял, что угодил в ловушку, потому что если бы он открыл дверь и вышел, все четверо Основателей сразу бы догадались, что к чему. Поэтому он осторожно забился в уголок и стал ждать. Возможно, его отец, не зная, что здесь кто-то есть, снова появится прямо перед всеми. А может быть, тот факт, что в прошлый раз ему пришлось столкнуться лицом к лицу с незнакомцами (с незнакомцами!), отпугнул его, нервно размышлял Гарри, глядя на то, как Ровена величаво опускается на бархатную подушку кресла. Хельга скромно присела в уголке на маленькую скамеечку, а Годрик уложил свой укутанный в клетчатую простыню старинного килта торс на стул с высокой спинкой и выставил на всеобщее обозрение худые кривоватые колени. Гарри решил подождать, пока кто-нибудь не выйдет наружу, чтобы иметь возможность ускользнуть следом.

— Нам пришлось попросить леди Валери и сэра Северуса подождать, — словно бы извиняясь, пояснила Хельга.

— Хорошо, — заметил Годрик. — Я думаю, что вначале нам бы следует обсудить кое-какие вопросы, с ними не связанные напрямую. Я хотел бы рассказать, как прошла встреча в Совете Верховных магов. Думаю, что и Салазару есть о чем нам поведать, верно, дружище? Что слышно в Лондоне? О чем поют норманнские пташки в Белой башне? Может, стряслось что-то серьезное, поэтому ты так задержался?

— Ничего хорошего — пока, — сдержанно заметил Слизерин, опускаясь на дорогое кресло темного дерева. Он изящно подпер щеку тонкой ладонью, и отблеск свечи мигнул в большом изумруде в оправе из бриллиантов на пальце. Выражение лица у него было самое безразличное. — Наш добрый король Руфус стал нервным и раздражительным — боится всякого дурного знака, что человеку с его рождением вовсе не пристало...

— А что такого с его рождением? — высокомерно спросила Ровена. — Он — всего лишь внук ведьмы, а не маг с абсолютно чистой кровью. Его бабка Арлетта Фарлезская, приворожившая его деда, Роберта Норманнского, была дочерью простого дубильщика кож. Странно, что вы, мастер Слизерин, восхваляя чистокровных магов, с таким же пиететом упоминаете об этих норманнских выскочках!

— Леди Ровена, конечно, не хотела сказать ничего обидного для вас, сэр Салазар, — тут же умиротворяюще заметила Хельга, бросая умоляющие взгляды на Ровену Рэйвенкло, которая упрямо выставила подбородок и поджала губы.

— Я не сомневаюсь в этом, — тонко улыбнулся Салазар. Его лицо вдруг показалось Гарри похожим на маску, под которой жил совершенно другой человек. — Однако мы можем спорить часами, леди Ровена, но это вряд ли удалит норманнскую династию с престола.

— Увы, — отозвалась Ровена Рэйвенкло.

Разговор велся, естественно, на латыни. Впрочем, это было объяснимо: Ровена и Хельга были саксонками, Годрик — шотландцем с далекого севера, где еще говорили на сложных горных наречиях. Что до Слизерина, Гарри даже и представить не мог, откуда он родом. Поэтому единственным языком, который хорошо знали все они, был латинский, что Гарри устраивало как нельзя больше.

— Я продолжу, с вашего позволения, — осведомился Слизерин, и когда Ровена хмуро кивнула, сообщил. — Мне не нравится, что в последнее время при дворе ведутся разговоры о целесообразности нашей школы. Раньше такого не было. С тех пор, как существует Хогвартс, никто даже не посмел нас тронуть, а теперь даже маглы имеют наглость вмешиваться в наши дела!

— Маглы? — удивленно поднял бровь Годрик Гриффиндор.

— Именно! В тронном зале собралось такое количество маглов и грязнокровок, что их мерзкий дух меня чуть не заставил задохнуться! И судя по их перешептыванию, многие из них уже были в курсе наших дел. Мне строил ужасные рожи этот чопорный зануда Рандульф Кентерберийский — еще не хватало, чтобы магловские церковники о Хогвартсе пронюхали, и так наша конкуренция им не дает спать спокойно! Когда я пришел к королю, рыжий сидел на троне, жрал собственноручно добытого вальдшнепа и, чавкая не меньше тебя, Годрик, объявил, что, оказывается, есть претенденты на земли Хогсмиды и Хогвартса!

— Что?! — вскричала Ровена. Она подскочила, ее глаза метали молнии. — Кто посмел?!

— Этого мне пока не удалось узнать, и, я скажу вам, господа, это — дурной знак. Если все держится в такой тайне, то я подозреваю одно — заговор. У нас хотят отнять Хогвартс, и король в курсе этих планов.

Основатели молча переваривали услышанное. Гарри испуганно взглянул на Годрика. Тот, казалось, пребывал в глубокой задумчивости, но, как показалось Гарри, новостью объявление Слизерина для него не стало.

— Я понял приблизительно то же самое, — задумчиво добавил он, автоматически почесывая жидкую щетину на голове. — Когда эта продажная скотина Этебальд Фиолетовый начал заискивающе хихикать на Совете мне прямо в лицо, а Гудрун Черный прямо заявил, что неизвестно, чему мы обучаем детей в нашей школе, было ясно, что они уже все решили за нашей спиной. Они навалились на меня всем скопом, пытались уговорить разрешить спор малой кровью, мол, это выгодно и нам, и им, и королю. Эта свора продажных дворняжек, готовых удавиться за кость, которую им кидает рыжий Ги, явно подкуплена. Они хотели, чтобы мы произвели обмен владений на что-то жутко далекое и болотистое, подумайте только, где? В Нормандии!

— В Нормандии! — ахнула Хельга.

— К вонючим норманнам отправиться? Никогда! — глаза Ровены вспыхнули от ярости.

— Ну да! А там, всем известно, заправляет сейчас Годо Кривоглаз, постельник малолетки Вилли Крето. Говорят, что пока герцог Роберт, жадный вепрь, не вернется из их чертова магловского крестового похода, он там — царь и бог! Уж Годо нам точно не даст развернуться, Нормандия — это его епархия уже почти сто лет. Его ставленники не дадут нам открыть там школу, так что все у них схвачено. Интересно, какому это мерзавцу понадобилась наша земля? Ведь здесь довольно опасно обороняться от местных кланов. Если бы у тебя, Салазар, не учился сынок Кэмпбелла-Обжоры, не знаю, как бы мы с ними поладили.

— Сразу видно, что на Хогвартс положил глаз какой-то жадный норманнский падальщик, — запальчиво воскликнула Ровена, впиваясь ногтями в деревянное кресло.

— Обороняться нам придется на двух фронтах, — закивал Годрик. — Совет магов нам не поможет — все они куплены на корню ставленниками короля, может, даже самим архиепископом, старые пердуны-предатели!

Дамы сморщили носы.

— И со стороны французских волков нам не будет покоя, раз они продвигают сюда своего человека... Надо решать, что будем делать.

— Владения мы менять не будем точно, — припечатала Ровена Рэйвенкло.

— Нет смысла, — согласился Слизерин.

— Крутить и вертеть королем вечно не выйдет.

— Но как же закон? — тихо возразила Хельга Хуффльпуфф. — Еще со времен Альфреда есть закон, запрещающий грабительно присваивать чужие земли!

— Молчи, если не знаешь, что плетешь, — грубо оборвал ее Слизерин. — Сейчас всем на это наплевать. Кто больше даст короне, тот и получит от нее больше благ. Я предлагаю первый вариант, хотя он мне самому не слишком нравится — откупиться!

— Что??? — заорал Годрик, остервенело размахивая руками. — Да как ты мог подумать, что мы опустимся до такого?! Это мерзко!

— Или сговориться о взаимовыгодном решении, а потом — избавиться от претендента на наши земли. *Умело избавиться*, чтобы никто не придрался, — сухо уронил Слизерин, разглядывая свои перстни и никому не глядя в глаза.

Все замолчали, переваривая услышанное. У старушки Хельги глаза были от ужаса как плоски.

— Ты рехнулся? — осведомился Годрик, уставившись на Слизерина, точно не веря тому, что маг только что предложил.

— Я серьезен как никогда, — жестко припечатал Слизерин. Он встал, и полы его черной мантии взметнулись, как ночной ветер. — Я что — зря играл в кости на эти поля и леса с самим королем Вильгельмом? Я зря вкладывал все силы в постройку Хогвартса? Зря доезжал аж до Анжу, чтобы найти учеников? Я мотался по свету всю жизнь, и Хогвартс теперь мой единственный дом! Разве я соглашусь его отдать кому-нибудь? Каким-то мерзким маглом или маглокровкам? Да никогда! Я скорее убью каждого, кто покусится на мой замок!

— Наш замок, мастер Салазар, — взгляд Ровены Рэйвенкло был похож на заостренный клинок.

Слизерин так стремительно обернулся, что чуть не задел Гарри. Парень шарахнулся к столу и едва не снес на пол корзинку с большой жирной и сонной жабой, томно урчащей, точно после сытного обеда. К счастью, никто ничего не заметил.

— Не-е-ет, — жестко уточнил Слизерин. — Нет, моя дорогая! *Мой! Мой замок!* По закону, на который вы все так надеетесь, он принадлежит мне, ведь я же выиграл его в кости! Я и имею полное право решать, что с ним делать. Но отдавать его в грязные руки маглов я не собираюсь. Война — значит война!

— Не слишком ли ты высоко метишь? — поинтересовался Годрик сухо.

— Думаю, мне не нужно напоминать вам еще раз, что учить *своих* учеников вы можете *только* по моей доброте душевной, — грубо отрезал Слизерин.

Теперь Гарри видел, кто перед ним. Салазар Слизерин вдруг предстал перед Гарри именно в том свете, в котором парень привык его видеть.

— Салазар, старик, никто не оспаривает твое имущественное право, — заметил Гриффиндор. — Но война... Стоит ли в это втягиваться снова? Разве мы мало воевали — каждый в свое время? К тому же мы теперь должны позаботиться и о наших гостях... Совет магов на наше сообщение никак не отреагировал, немудрено, раз у нас такие проблемы и без этих несчастных детей...

— Хорошо, что напомнил, — хохотнул Слизерин. — Наши гости нам будут отнюдь не в тягость, наоборот! Когда начнется наш спор за владение, их способности и силы могут нам пригодиться. В крайнем случае, если дело обернется против нас, мы сможем свалить на них ответственность за конфликт! Вуаля! — он торжествующе развел руками.

— Вы сошли с ума! — тихо, но с трудом сдерживая ярость, прошипела Ровена.

— Молчи, женщина! Твое место — в библиотеке, а здесь решать будут мужчины!

— Среди них есть еще дети! — воскликнула старушка. — Как можно!

— Отправить их обратно! — уже кричала Ровена Рэйвенкло. — И немедленно! Где? Где Свиток Ллуда?

Годрик энергично закивал.

— Дамы и господа, сомневаюсь, что это возможно, — Слизерин сделал эффектную паузу, как плохой актер, считающий, что он — будущая звезда телешоу, и скорбно закончил. — Я только что обнаружил, что Свиток Ллуда — исчез.

Годрик Гриффиндор подался вперед в своем кресле.

— Исчез? — недоверчиво переспросил он. — Как? Каким образом он мог исчезнуть? Салазар, может, ты напутал что-то и сунул его куда-то не туда? О том, где лежит свиток, знали лишь мы с тобой!

— Вот именно, — холодно закончил Слизерин, нависая над Годриком и раскачиваясь на пятках. — Странно, что ты не захотел проверить мои слова, и не полез в тайник...

— Что ты хочешь сказать, Салазар? Что я взял свиток? Но, клянусь кровью моего первого тролля, на кой черт он мне нужен? Думай, что несешь! — мгновенно рассвирепел Годрик, хватаясь за кинжал на боку.

Хельга Хуффльпуфф мягко положила руку на плечо Годрика.

— Успокойтесь, сэр! Я уверена, что дон Салазар вас ни в чем не обвиняет.

— С чего ты взяла? — прорычал Слизерин. Длинная мантия прошуршала по полу, и он одним рывком приподнял маленькую старушку из кресла. — Я не обвиняю его, я ему угрожаю, поняла, маглорожденная?

Из соседнего кресла донесся какой-то металлический звук. Слизерин не успел среагировать должным образом, и возле его шеи как по волшебству возникло лезвие меча.

— Сядьте, мастер Слизерин, — холодно сказала Ровена Рэйвенкло. Острие ее оружия легонько кольнуло шею Салазара в том месте, где располагается сонная артерия: саксонка не шутила. Она вообще не была склонна шутить. Ее светлая коса, увитая серебряной цепочкой, раздраженно дернулась. — Кажется, не время и не место для подобных шуток. Я не считаю, что можно обвинять мастера Гриффиндора в похищении свитка. С таким же успехом я могла бы сказать, что это вы прикарманили его для каких-то собственных целей, — она была довольна реакцией, которую вызвала: Слизерин стих, несмотря на то, что характер ровениных обвинений ему был явно оскорбителен. Но Гарри не понравилось, как он ехидно прищурился. Слизерин пока не шел на открытый конфликт, он выжидал удобного случая.

— И с таким же успехом вы могли бы обвинить и нас с леди Рэйвенкло, — несколько обиженно протянула старушка Хельга. — Но это абсурдно! Сэр Годрик знал, где лежит свиток, но в ваше отсутствие он не смог бы войти сюда, так много здесь заклятий на дверях.

— Не мелите чушь, любезнейшая, — раздраженно рявкнул Слизерин, отталкивая от своей шеи меч Ровены. — Вы, может быть, и не смогли бы войти, а Годрик, конечно, не семи пядей во лбу, но проникнуть сюда смог бы — при сильном желании даже он сумел бы пошевелить мозгами и найти нужные заклинания снятия запоров. Ты-то, конечно, ничего не смогла бы сделать из-за своей тупости, которой обязана струе магловской крови в твоих венах, а вот наша милая Ровена... Кто знает, зачем она ездит в Лес Теней каждую неделю... Не передала ли она Свиток Ллуда своему таинственному любовнику на одном из свиданий?

Ровена никак не отреагировала на эти инсинуации, разве что ее нижняя губа дрогнула еще презрительнее.

— Кровь Вечного Старца! — взревел Годрик, старательно выбираясь из кресла и бряцая своей «домашней» кольчугой. — Дай мне только добраться до твоей шкуры, я на ней живого места не оставлю! — он выхватил палочку и начал с ее помощью совершать какие-то, несомненно, грозные движения.

— Не суетись, Гриффиндор, — презрительно бросил Слизерин в лицо разъяренному и красному от гнева Годрику. — Слушайте вы все! Я снова уеду, и, наверное, надолго. Я должен узнать, кто устроил эту шутку с нами, кому так нужен Хогвартс, что он прет сюда, как боевой слон Ганнибала! Вы остаетесь здесь, и не вздумайте что-то выкинуть, вам ясно! И, клянусь ифритовым пламенем, тому, кто мне помешает, не поздоровится! — Салазар Слизерин точно вдруг вырос. Он нависал над привставшим Годриком, ошеломленной Ровеной и испуганной Хельгой, как ястреб, его лицо заострилось, потемнело и стало напоминать череп, обтянутый смуглой кожей.

— *Вам ясно?*

Хельга робко закивала. Ровена не отрывала ненавидящего взгляда от Слизерина. Годрик вновь спокойно сел, но потом так же спокойно заметил:

— Салазар, ты, кажется, не шутишь, старина.

— Именно.

— Ты хочешь сказать, что если мы будем возражать тебе, то ты не разрешишь нам учить здесь детей?

— То есть, выкину вас вон? В общем-то, я имею на это право, и если вы пойдете против меня, я это сделаю.

— Мы не приносили тебе вассальной присяги.

— И что? Вы все живете здесь из милости, Гриффиндор, разве не так? Куда вам идти? Эта, — он брезгливо покосился на Хельгу. — Крестьянская дочь, дочь маглорожденной прачки! Она, — он кивнул на Ровену, пышущую ядом. — Лишенная наследства своими богатенькими родителями из-за того, что хотела показать, насколько она умнее их... Ну и ты, — Годрик подобрался. — Бастард нищего тана. Поэтому вы будете слушать, что я вам говорю и подчиняться мне! Что вы по сравнению со мной? Да *ничто!*

— Мы — учителя, — негромко сказала Ровена. — Мы собираем тех, у кого нет родителей, чтобы воспитать их. Мы учим наших детей добру, даем им знания. Хотим, чтобы все они были грамотны, чтобы могли выжить в этом тяжелом мире. А что делаешь ты? Собираешь потенциальных убийц, блюдолизов и предателей, чтобы учить их твоему искусству черной магии? Чего ты добиваешься, Салазар? Хочешь власти, не так ли? Думаешь, когда-нибудь они встанут все вместе, чтобы помочь тебе добиться большего?

— Они встанут, — сказал Слизерин тоном, не терпящим возражения. Изогнутая бровь выражала крайнее презрение мнению Ровены Рэйвенкло. — Ради знаний, которые даю им я — встанут. И твои маглорожденные ничем не смогут тебе помочь, потому что к тому времени я избавлю от них Хогвартс.

— Ты ошибаешься. Когда настанет твой час, твои ученики первые предадут тебя.

— Мне не интересно мнение зарвавшейся юной девицы, — насмешливо протянул Слизерин. — Из всех вас только Годрик, пожалуй, смог бы со мной потягаться, да и то не в магии, а на ристалище. В магии наш Годрик профан по сравнению со мной, не так ли? — оскорбительно расхохотался волшебник.

— Я убью тебя! — зарычал Гриффиндор, вскакивая с кресла и замахиваясь мечом.

— Правда? Я не вооружен, а ты же у нас так благороден, что не убьешь безоружного человека, — расхохотался Салазар Слизерин.

— Ты не человек, ты — исчадие ада! — рявкнул Гриффиндор, наступая на него.

— Если и так, то ты не сможешь мне противостоять потому, что сам ты — всего лишь человек. Трактир у Темного Брода! — Слизерин обернулся к камину, его рука нырнула в складки мантии, молниеносно извлекла оттуда крохотный мешочек, и щепотка порошка заставила огонь вспыхнуть зеленой стеной. Слизерин шагнул в него и — исчез, все еще хохоча.

С минуту все молчали. Затем Годрик, стоящий возле камина, пошевелился, словно ему было холодно.

— Да, — уронил он. — Этот способ перемещения действительно эффективен, но я еще никогда так не желал, чтобы он сгорел в этом чертовом пламени.

— Сэр Годрик, — голос Хельги трясся. — Вы считаете, что это возможно? Он и правда может выгнать нас отсюда? А что же будет с нашими детьми? Он выгонит и их? Почти все они потеряли родных очень давно, куда же они пойдут?

— Боюсь, Хельга, дорогая, что они никуда не пойдут, — отрывисто сказал Годрик и повернулся спиной к дамам, а лицом — к огненным сполохам еще скачущим в камине. — Мне не кажется, что наш дружище Салазар способен оставить в живых свидетелей того, как он ловко разобрался с этой проблемой.

— То есть, — ровно проговорила Ровена Рэйвенкло. — Он убьет всех маглорожденных?

— Вероятнее всего. А возможно, и не только маглорожденных. Вы же слышали, какие у него планы относительно наших гостей.

Они помолчали. Гарри ждал и считал капли пота, выступающие у него на ладонях. Спаслись, называется. Угодили между молотом и наковальней. Интересно, что лучше — с дементорами пообщаться или перейти дорогу разъяренному Салазару Слизерину?

— Что будем делать? — деловито поинтересовалась леди Рэйвенкло. — Хельга, дорогая, не нужно расстраиваться прежде времени. Мы же не дадим ему разрушить то, что уже успели сделать.

— Не дадим, — решительно подтвердил Годрик.

— И как мы поступим? — Хельга Хуффльпуфф украдкой вытерла слезы.

— Я предлагаю пока не предпринимать ничего, что может заставить Салазара обратить против нас силы, которые одолеть невозможно и...

— Он действительно обладает такими силами? — скептически поинтересовалась Ровена.

— Поверьте мне на слово, дитя мое, я знаю его куда дольше, чем вы. Салазар Слизерин способен на все. Я и правда не знаю, какая преисподняя выплюнула его на свет, но если лично я не побоюсь выйти против него, то вам делать этого не советую, — решительно повернулся

Годрик Гриффиндор к женщинам. — Не знаю, говорит ли он правду относительно Свитка Ллуда. Хотелось бы верить, что да...

— Правду, сэ, — Ровена подалась в кресле немного вперед. — Поверьте мне на слово.

— Ага! — довольно сказал Годрик. — Значит, моя девочка слушала его грязные мысли! Ай-яй-яй! Как ты могла? — его глаза ехидно ухмылялись.

— Это был непростительный поступок моей стороны, — фыркнула Ровена Рэйвенкло. — Но зато я точно знаю, что свиток не у него.

— Может, его забрал кто-то из наших гостей? — задумчиво проговорил Годрик, постукивая палочкой по каминной доске.

— Что вы, сэ! — воскликнула Хельга — Я не верю в это! Они не способны на такое предательство!

— Нельзя исключать ничего, дорогая, — объяснил Годрик. — Я, наверное, переговорю с сэром Северусом, повыспрошу его. Он производит приятное впечатление, как и леди Валери. Думаю, пока их детям следует обучаться с нашими, чтобы они не болтались без дела.

— Согласна. Я предложу им это и займусь подготовкой аудиториумов для бОльшего количества детей, — Ровена поднялась.

— В таком случае, я займусь организацией обороны замка, — объявил Годрик. — Боюсь, что боевые тренировки придется переложить на нашу дорогую Ровену, но я просто не успею сделать все. Мне нужно подхватить еще и занятия Салазара, а Хельга займется поставками продовольствия вместо тебе, моя детка.

— У меня есть предложение, сэ. Дело в том, что тот раненый рыцарь, которого я оставила пока в нашей лечебнице... что если попросить его тренировать молодых людей? Он вполне здоров и выглядит знающим свое дело, — предложила Хельга Хуффльпуфф.

— Отличная мысль, дорогая. В таком случае, Ровена пока присмотрит за нашими гостями.

— Я продолжу поиски заклятия, которое могло бы им помочь.

— Вот и славно, вот и славно, детка, — эти слова Годрик произнес, уже открывая дверь в темный коридор. Гарри очнулся и осторожно выскользнул из-под его руки наружу.

Мыслей в голове, казалось Гарри, почти не осталось. Он понимал одно: он должен добраться до мисс Эвергрин и рассказать ей все. Не просто все, а все! Валери Эвергрин должна знать, что это он виновен в том, что они здесь оказались. А для этого ему нужен один предмет...

Валери сидела в своей комнате, немного спартанской, но довольно уютной. В большом очаге полыхал огонь, а перед ней лежало очередное, пока не законченное письмо Глориану Глендейлу: Гарри знал, что она писала ему каждый день и отправляла послание с совами Хельги. Ответы приходили незамедлительно, и Гарри частенько имел возможность наблюдать, как Валери в укромном уголке читает письма Глора и улыбается. Гарри с таким грохотом распахнул дверь, что напугал Гермиону, сидящую напротив Валери. Было от чего испугаться: плащ-невидимка почти полностью съехал с его плеч и запутался в ногах, поэтому казалось, что в воздухе виднеется исключительно верхняя часть Гарри. Он влетел в комнату, рывком скинул плащ и со стуком поставил на стол бутылку из-под знаменитого магловского напитка.

Валери удивленно посмотрела на него, перевела глаза на бутылку, затем снова на Гарри.

— Что это? — осведомилась она. — Сувенир из двадцатого века? И, Гарри, почему ты в *этом* плаще?

Гермиона сделала огромные страшные глаза, но Гарри проигнорировал этот демарш.

— Гермиона уже рассказала вам, что мы видели? — запыхавшись, выкрикнул он.

— Что вы видели какого-то человека, забравшего Свиток Ллуда раньше вас? Да? Рассказала, — спокойно ответила Валери. — Думаю, это был сотрудник Министерства Магии, только вот зачем...

— Черта с два! — прорычал Гарри. — Это был мой отец!

Гермиона вскочила, Валери осталась неподвижной.

— Гермиона, пожалуйста, позови профессора Снейпа, — попросила она. — Его апартаменты находятся этажом выше, прямо над нами.

Гермиона испуганно кивнула и вышла. Когда она закрыла за собой дверь Валери быстро повернулась к Гарри.

— Ты не ошибся?

— Нет! Я сто раз видел его фотографии! И разве я могу забыть его лицо после того, как видел его в том проклятом зеркале в первом классе?! — у Гарри вдруг затряслись руки. — Я считаю, что

он забрал свиток, чтобы защитить Хогвартс. Там, в будущем. Поэтому тогда Хогвартс будет защищен, а вот здесь и сейчас нам уже ничего не сможет помочь.

— Почему ты так говоришь, Гарри? Не все еще потеряно. Твой отец может вернуть обратно Свиток Ллуда, — возразила Валери, отложив письмо в сторону. — Любой сотрудник Отдела тайн, работающий с времяворотом, знает, что необходимо вернуться в тот же миг, из которого ты появился! Или, по крайней мере, в ближайшие десять минут!

— Я был там! — воскликнул Гарри. — Но он не вернулся! Я не знаю, что могло его задержать, но он не вернулся! А я так хотел... — он осекся.

— Хотел — что? — резко настиг его голос Валери.

Гарри не ответил. Валери посмотрела на него очень внимательно.

— Иди сюда.

Гарри подошел, она встала из-за стола и просто обняла его. Гарри чувствовал, как к горлу подкатывает мучительный острый комок, но ничего не мог с этим поделать. Он впился пальцами одной руки в шершавую поверхность стола, другой — в плечо мисс Эвергрин, и молился, чтобы та слабость, которая отчаянно проступала сейчас в его глазах, была следствием того, что он что-то есть силы уставился на колышущийся огонек горящей свечи. Он еле слышно хлюпнул носом и принялся свирепо стирать кулаком с лица предательскую влагу.

Скрипнула дверь.

— Поттер, вы пришли попросить профессора Эвергрин, чтобы она сменила вам подгузник? — этот язвительный голос нельзя было ни с чем перепутать.

— Профессор, — пропел не менее язвительный голос Валери. — Почему мне приходится так долго вас ждать? Выбирали, в каком из оттенков черного вы будете наиболее неотразимы?

— Делать мне больше нечего, как наряжаться, чтобы нанести визит вам и Поттеру, — сварливо рыкнул Снейп. — Что вам было угодно, профессор?

— Гарри хотел нам что-то рассказать, верно, Гарри? — Валери подняла лицо Гарри за подбородок и незаметным движением смахнула последнюю каплю отчаяния в уголке его глаза. — Расскажи нам точно и в подробностях, что ты видел. И при чем здесь — это, — она повертела в руке бутылку. — Странно. Она теплая на ощупь, и в ней точно что-то движется. Внутри. Гарри, что это?

— Это, — решился парень. — То, с чего все началось. То, из-за чего мы попали сюда.

Он опустил на стул и принялся рассказывать все с самого начала. Как он выловил летом из моря бутылку с джином и как скрывал его почти полгода. Про свое первое желание, и как Джим спас жизнь им с Роном и Гермионой. Как он все время думал о том, что можно сделать с Вольдемортом при помощи Джима. Про свое второе желание и то, как Джим отказался отправить их обратно. Про то, как его отец украл Свиток Ллуда прямо из-под носа Салазара Слизерина. И, наконец, заикаясь от напряжения, про беседу основателей, которую он только что подслушал.

— Я думаю, что если бы я не пожелал, чтобы Вольдеморт исчез из этого мира, ничего бы не случилось! — под конец Гарри разгорячился не на шутку. — Тогда бы Бладштейн и Малфой не приказали дементорам штурмовать Хогвартс! И мы бы не оказались здесь! Свиток, по всей видимости, действительно содержит информацию о сильных заклятиях, иначе бы Дамблдор не попросил бы отца достать его!

Оба профессора посмотрели друг на друга.

— Поттер, утихомирьте свои комплексы, — сердито каркнул Снейп. — Не могу в это поверить! От вашего папаши, конечно, можно было всякого ожидать, да и вы всегда ухитрялись влезать в неприятности, но это уже слишком! Один украл наш единственный шанс на спасение, а второй... Вы превзошли сами себя, Поттер! Вам известно, что Министерство осуществляет строгий контроль над найденными джинами, чтобы никакой остопоп вроде вас не мог их использовать в своих целях? Самоуправство в таких случаях карается заключением в Азкабане!

— Когда Гарри вернется назад, то, боюсь, Азкабан покажется ему наименьшим из зол, которые будут подстерегать его, — заметила мисс Эвергрин, презрительно проехавшись тяжелым, как танк взглядом по Снейпу, скукожившемуся на другом краю стола возле тусклой свечи и мрачно разглядывающему ее недописанное послание Глору. — Что это вы там рассматриваете?

— Ничего, — буркнул Снейп, презрительно отворачиваясь от ее личной переписки.

— Прекрасно. Тогда нам нужно решить, что теперь делать. Остаться ли в Хогвартсе или искать другое место.

— Вы можете предложить несколько? — насмешливо протянул Снейп. — Если я правильно понял, местный Совет магов не сделает ничего, пальцем не пошевелит, чтобы нам помочь, а, напротив, с радостью использует в своих целях и дрязгах с маглами. Мало того, что мы угодили не в самое для нас приятное время — маглы собираются в свой идиотский крестовый поход, жадные мерзавцы, и их попы разжигают в простецах религиозную истерию, так еще и основатели Хогвартса устраивают скандалы именно сейчас, когда мы здесь!

— Ну, насчет религиозной истерии вы загнули, любезнейший. Разве маги-маглоненавистники не вели себя так же во все времена? Вот Салазар Слизерин меня беспокоит куда больше...

— Не думаю, что все это так серьезно.

— А я думаю, профессор, что это и есть та самая легендарная ссора Основателей, и мы сейчас оказались в большом...

— Г-хм! — угрожающе захрипел Снейп. Валери осеклась. Они оба уже говорили так, словно Гарри не было рядом.

— Думаю, что если уж нам суждено остаться здесь, то дети действительно должны продолжать учиться. У кого это только возможно. Для них сейчас важны любые знания, которые помогут им выжить.

— Вы уже говорите не о жизни даже, а о выживании? — усмехнулся Снейп.

— Боюсь, что да. Мне кажется, что профессор Дамблдор тоже предвидел нечто подобное. Помнится, он сказал, что нам потребуются все наши силы и знания. Кажется, этот момент настал. Гарри!

— Да, мисс Валери?

— Открой-ка этот сосуд. Нам нужно побеседовать с твоим приятелем — зеленым змием из бутылки. Жаль, что он просто... как ты его там назвал?

— Джамаледдин Кудама-ибн-Омар-ибн-Алим-абд-аль-Азим, — скороговоркой объяснил Гарри.

— Вот именно. Везет же некоторым на имена и на количество родственников.

Гарри открыл бутылку и теперь смотрел, как узкая струйка дыма медленно плывет над колеблющимся пламенем свечи меж двух застывших по обе стороны стола фигур — в белом и в черном.

— Да, сэ-э-эр. Что прикажете, сэ-э-эр? — поднимаясь из бутылки, Джим старательно шлифовал ногти замшевой шлифовкой в платиновой оправе. Гарри механически отметил, что Джим сегодня принарядился в торжественный фрак, целлулоидную манишку и розовую бабочку в зеленый горошек, от чего стал похож на загорелого малахольного пингвина. — Ну, как, получается у меня быть похожим на образцового слугу английского джентльмена?.. Ой, кто это? Тоже ваши друзья, господин?

Гарри помялся.

— Так это и есть то самое *существо*, из-за которого мы здесь оказались? — скрипуче прокаркал Снейп. — Думаю, что стоит покончить с детскими играми, Поттер, и убрать вашу опасную погремушку, — он направил на джинна длинную черную палочку и теперь смотрел на реакцию «существа». Джинн выронил шлифовку, присел, и его коленки мелко затряслись, но даже в таком положении он попытался выкрутиться с достоинством.

— Господин, спасите! — визгливо заголосил он.

— Да нет, Джамаледдин, мы не сделаем тебе ничего плохого! — уверила Валери, решительно отводя подальше от джинна руку Снейпа с палочкой наперевес.

— Правда, господин? — строго спросил Джим, выпрямляясь.

— Правда, правда. Это мои... м-м-м... друзья. Они только зададут тебе несколько вопросов и...

— Я его боюсь, — Джамаледдин неприлично тыкал пальцем в сторону мрачного Снейпа. — Он опасен, о мой благороднейший господин! Он может...

— Представь нас, Гарри, милый, — решительно положила руку на плечо Гарри Валери, прерывая душевные терзания джинна. — Думаю, все это — лишь недоразумение.

Недоразумение выяснилось. С трудом, учитывая присутствие Снейпа. Приблизительно через час Джим, болтая полупрозрачными пятками, сидел на столе возле своей бутылки и в сотый раз объяснял двум гарриным преподавателям, почему вернуться назад с его помощью совершенно невозможно.

— Колдовской КПД маловат, ясно, — уныло подвела мисс Эвергрин итог его речам. — Профессор, как считаете, а если использовать что-то, что может увеличить его мощность?

Гарри оскорбился за Джима. Его здесь, похоже, воспринимали как исполняющую желания машину, а он вполне живой человек, вон, даже чешет лысину почти так же, как Годрик.

— Не пойдет, — ответ Снейпа был предельно краток, но он смилостивился и немного презрительно пояснил, судя по тону — специально для Гарри. — Если бы он был обыкновенным магом, зелье для увеличения колдовских сил возымело бы действие, но он находится под проклятием привязывающим его к предмету и хозяину, которому он служит. Пока он — джинн, его силы постоянны и не могут ни возрасти, ни уменьшиться.

— Жаль. Но, быть может, он сумел бы перенести обратно кого-нибудь одного, чтобы привести на помощь сотрудников Министерства?

— Любезная, о каком Министерстве вы говорите? Если я не ошибаюсь, его уже давно не существует. Впрочем, наверное, человек, у которого есть связи в бывшем Министерстве, может отправиться туда и найти кого-то, кто в силах вытянуть нас из одиннадцатого века. Среди нас есть только *один* такой человек, — он многозначительно посмотрел на Валери.

— Что?! — возмутилась она. — Вы, профессор, что, на меня намекаете? Вы считаете, что я могу бросить здесь всех детей и вас тоже? Спасти свою шкуру самой и оставить всех в беде? Вы меня слишком плохо знаете. Может быть, — обратилась она к Джамаледдину. — Вы смогли бы унести отсюда двоих? Было бы неплохо, профессор, чтобы к Дамблдору вернулись вы и взяли с собой Гарри...

— Нет! — хором ответили Снейп и Гарри, а потом с неприязнью оглядели друг друга.

— Я не доверю вам сто пятьдесят детей, — проворчал Снейп.

— Я не брошу здесь вас и своих друзей! — возмутился Гарри.

— Мне как-то все равно, кто это будет, — тактично напомнил о своем присутствии Джим. — Но я все равно не утащу двоих — тяжеленько!

— У тебя только одно желание осталось, Гарри?

— Одно, — вздохнул парень.

— Тогда не трать его пока. Мы еще подумаем, что можно сделать.

На следующее утро Гарри Поттер, Рон Уизли и Гермиона Грэйнджер сидели на окне в Большом зале и смотрели, как во дворе брата Криви пытаются вдвоем оседлать одну из норовистых метел мастера Мастерса. В это утро у Гарри не осталось ни малейшего признака активности, которая одолевала его вчера. Он был полностью опустошен. Гермиона тоже выглядела так, будто не спала много ночей. Она устало опиралась на холодный подоконник, а ее пальцы, впивающиеся в серый гранит отделки и бурый известняк каменной кладки, мелко дрожали. Гарри подумал, что ей, наверное, холодно. Или страшно. Им всем должно быть страшно.

— Почему это должно было случиться именно с нами? — вопрос Гарри не был обращен к его друзьям. Это — мысль вслух.

— Что? — поднял голову Рон. Он пристально рассматривал в окно стайку девушек, кормящих в стойле старого толстого тяжеловоза пучками морковной ботвы. Рон определенно искал кого-то среди них.

— Почему — *мы*, Рон? — повторил Гарри. — Это могло случиться с другими ста пятьюдесятью людьми, они могли попасть в окружение дементоров и отправиться в прошлое, чтобы остаться там навсегда. Но это случилось с нами. Как ты думаешь, это случайность или так и должно было быть?

— Ты хочешь сказать, что все предопределено? — мысли Рона бродили, очевидно, где-то очень далеко, потому что его голос прозвучал как эхо. — Как тогда, в третьем классе, когда ты спас сам себя от дементоров?

— Не совсем, Рон. Тогда мы все-таки вернулись, а сейчас...

Гарри не хотел думать, что будет, если им придется остаться здесь навсегда. Он знал только одно, что ему кошмарно не хочется начинать жизнь здесь. Там, в родном и уютном (если не считать Вольдеморта) двадцатом веке все было ясно. Он окончит школу, он пойдет в колледж авроров, потом — на работу в Министерство; он будет и дальше бороться против Вольдеморта вместе с Орденом Феникса, пока не уничтожит Черного Лорда. Всегда рядом будут Рон и Гермиона, а если он решится и перестанет вести себя как малолетний идиот, то и Сьюзен. Этого ему хотелось больше всего на свете, и вот — жизнь приходится планировать заново. Что он может делать здесь? Он тут чужой, они все тут чужие.

— Сейчас, — медленно произнес Рон. — Сейчас все становится куда важнее, чем раньше, так? Мы сами должны будем соображать, что нам делать и как жить. Надо подумать, что мы

сможем здесь делать. Гарри, как считаешь, можно будет пойти наемниками в армию к этому королю, как его там... Рыжему? Вчера я слышал, как Рене де Вьепонт рассказывал, что им платят бешеные деньги золотом.

Гарри повернулся к Рону, не веря своим ушам. Краем глаза он уловил, как подбородок Гермионы резко рванулся вверх, точно ее сильно ударили. Точно она не хотела, чтобы кто-то увидел ее глаза.

— Ты что, рехнулся?

— Наоборот, — Рон был само спокойствие. — Надо как-то жить. У меня есть Джинни, о ней надо позаботиться, она не должна ни в чем нуждаться. Я хочу убедиться, что смогу защищать ее, пока она не найдет для этой цели кого-то другого. Невилл мало для этого годится, не находишь, Гарри? Я вчера видел, как Эдвин Эгберт расстился перед ней, это было бы даже неплохо...

— Рон! Ты в своем уме?! Кто как не ты рвал на себе рубашку и кричал, что тебе надо обязательно вернуться, что твоя мама не переживет, если потеряет еще и вас двоих? Мне кажется, что это не ты говоришь сейчас со мной, а какой-то незнакомый, чужой человек!

Рон не слушал.

— Гарри, ты — мой друг, — он решительно повернулся, и Гарри был поражен, насколько твердыми и холодными стали глаза Рона. — Но это не значит, что ты должен указывать мне, черт побери, как жить! Я просто стараюсь выжить здесь, вот и все! Я думаю о будущем! И сейчас это — главное! Я должен что-то сделать, чтобы у меня появились деньги, и мне все равно, придется ли для этого оборонять границу от троллей и скоттов или мотать за тридевять земель, чтобы полюбоваться на гроб как его там... не помню, и заодно сколотить себе состояние. Я ведь тоже не планирую провести один всю жизнь, а содержать семью... Здесь нужны деньги, много денег, Гарри, как ты не понимаешь, без них ничего не добьешься! Замок я построить точно не смогу, но вот дом...

— А почему ты меня не пригласишь вступить в клуб искателей средневековых приключений на свою задницу? И, кстати, ты у Гермионы спросил, как она относится к этой идее? — фыркнул Гарри, абсолютно уверенный, что у Рона сегодня прорезалось удивительное чувство юмора. — Она-то согласится ждать, пока ты не вернешься из своего крестового похода за сокровищами сарацинских земель? Или ты и ее потащишь на крупе своего коня?

— Нет, — ровно ответила Гермиона. Она стояла все так же отвернувшись от Гарри и Рона. — У меня он не спрашивал. И, наверное, он и не собирался спрашивать. Да, Рон, я права?

Рон помолчал. Его палец ковырял известковую стену поблизости от гермиониного пальца, но не касался его.

— Пойду я, — интонации его голоса были совершенно непонятны Гарри. Точно Рон пытался поскорее смыться и от этого ужасного разговора, и от своих друзей. — Тео вчера сказал мне, что у кого-то из учеников Ровены есть лютия. Хочу попросить... ненадолго.

Он повернулся и чуть ли не бегом спасся от Гарри и Гермионы. Гарри же стоял, как столб, не понимая, что стряслось с Роном. Может, его кто-то заколдовал?

— Ну и денек! — выдохнул Гарри. — Рон, похоже, рехнулся. Не могу поверить, что он говорил серьезно... Эй, Гермиона, ты чего?

Плечи Гермионы сотрясались не то от бессильного гнева, не то от рыданий. Палец яростно скреб по той самой ямке, которую только что раскопал в стене Рон.

— Почему?! Ну почему это должно было произойти прямо сейчас! — голос у нее был похож на отчаянный стон. — Я знала! Я чувствовала, что он скоро скажет мне это! Но он не говорил, и все становилось хуже и хуже! Я знала, что это кончилось! Кончилось, Гарри, понимаешь! После того, что мы вместе пережили, после того, что мы говорили друг другу, это — кончилось. Я стала ему чужой, потому что он представлял меня совсем другой, не такой, какая я на самом деле. Он думал, что сумеет меня переделать, но это же невозможно! Я тоже не в восторге от некоторых его привычек, например, от того, что он обожает лук и чеснок или от того, что он спит в оранжевой пижаме с розовыми кроликами, но я никогда не пыталась переделать его...

— С розовыми кроликами? — обалдело переспросил Гарри. — Никогда у него такой не видел! А ты откуда зна... — тут он сообразил, что интересоваться подобными вещами у Гермионы было бы несколько неловко и быстренько заткнулся. Впрочем, Гермиона его даже не услышала, она тонула в таком бездонном страдании, что Гарри даже испугался.

— Как он мог! Он же обещал! Он же мне обещал, что всегда будет рядом! А теперь, стоило ему увидеть чьи-то длинные ресницы и соблазнительную улыбку, как он тут же повелся! Я никогда не думала, что он окажется таким... таким предателем!

С точки зрения Гарри это была глупость, а не предательство. Ну, или не совсем предательство. Он еще раздумывал, как можно покорректнее объяснить Гермионе некоторые особенности мужского организма, физиологические потребности которого часто наступают на горло моральным принципам, когда Гермиона встала с подоконника и одернула на себе длинное темно-коричневое платье. Она в нем казалась маленькой и худенькой, за последний месяц шея у нее стала тонкой, как у воробушка, а худые лопатки остро торчали, чуть ли не протыкая шелк платья. Глаза глубоко запали, и когда она подняла их на Гарри, то парень с ужасом увидел в самой глубине их безнадежность и холодный расчет. Почти как у Рона.

— Извини, Гарри, но мне нужно идти. Я обещала Роберту посмотреть его саксонские манускрипты. Он сказал, что может научить меня французскому, ну, тому, на котором сейчас говорят. Роберт такой милый, не находишь? Такой вежливый, — она говорила все это с каким-то странным оттенком значимости, от которого у Гарри мороз пошел по коже. — Я никогда не могла представить, что в меня можно с первого взгляда влюбиться, и если бы мне это сказал кто-нибудь там, то я бы сочла это шуткой, — «там» было сказано с горькой безнадежностью.

— Гермиона, только не говори мне, что...

— И не скажу. Но это — моя жизнь, и я должна решать сама, что для меня лучше. Прости, Гарри, но совета я не спрашиваю. Я уже знаю, что мне делать.

— Гермиона, одумайся! — Гарри был вне себя. — Как ты можешь! Это же, это... ненормально! Рон — дурак, но он вернется! На него нашло какое-то затмение, не иначе! Или кто-то наложил на него проклятие.

— Да никакое это не проклятие, Гарри, — холодно ответила Гермиона. — Просто я поняла, он — не тот, кем я его считала, не тот, на кого надеялась. Я по глупости решила, что это он — тот самый рыцарь в сияющих доспехах. Но я ошиблась, я ему не нужна, Гарри, вот и все. Теперь у каждого из нас своя жизнь. Мы уже не дети и можем решать сами, что нам нужно делать. Я переживу это.

— Это нечестно, Гермиона! — закричал Гарри, ударив кулаком стену. Твердый гранит стены равнодушно отозвался болью в упрямом кулаке. — Вспомни, что ты говорила мне этим летом? Ты сказала, что мы все всегда будем вместе, и что теперь? Из-за похотливых глаз какой-то богатой уродины мы — уже не то, чем были раньше? Да бред это! Мы пережили худшие беды, потому что поддерживали друг друга. Что было бы со мной, если бы вы меня не спасли? Что было бы с Роном этим летом, если бы не твоя поддержка?

— Гарри, ты не понял меня. Это случилось не сразу, не только из-за того, что Рон так поступил со мной. Просто мы выросли! Мы не можем провести вместе всю оставшуюся жизнь! Пусть Рон делает, что хочет, он вправе поступать, как ему угодно, но и я не собираюсь оставаться одна!

— Ты не одна, Гермиона! Ведь есть еще я.

— Гарри, — Гермиона невесело усмехнулась и провела своими сухими похудевшими пальцами по его щеке. Ее пальцы были холодные. — Ты всегда будешь дорог мне, но у нас всех есть и своя жизнь. У этого ничтожного вруна, у меня, и у тебя тоже есть. Или будет. Друзья это еще не все. Мы всегда были слишком разные.

— Не говори ерунды, Гермиона, — резко взвился Гарри. — То, что мы разные, нам никогда не мешало! Наоборот, мы всегда дополняли друг друга! Если бы не друзья, то каждый из нас... То, что ты делаешь, Гермиона, — тоже самое, что сделал Рон, это — предательство! Ты предаешь нашу дружбу, предаешь нас...

— *Нас* больше нет, Гарри. Прости, но ты должен, наконец, это признать. Плохо, что это случилось сейчас, но когда-нибудь это бы все-таки произошло. Просто в такое время нам будет еще тяжелее, но это же ничего не меняет, правда? *Нас* больше нет.

Глава 28. Изобретение квиддича.

Гарри тупо уставился в окно.
Один. Он остался один.

Как это могло произойти? Они же всегда были вместе! Всегда! Что бы ни случилось, Рон и Гермиона были рядом с ним, поддерживали его, вместе помогали выбираться из самых кошмарных ситуаций. Картины прошлого поплыли у него перед глазами. Вот Рон командует громадными шахматными фигурами, чтобы он, Гарри, мог пройти дальше и спасти философский камень. Вот Гермиона готовит шкворчащую Всеэссенцию. Вот Рон и Гермиона вместе висят на Сириусе Блэке, а вот они сжигают лиану-кровосос и подхватывают Гарри под руки. Спасают его.

Гарри словно ударило: а чем бы он был без Рона и Гермионы? Мальчик-Который-Выжил, потомок Годрика Гриффиндора, знамя надежды, как его называл Римус Люпин — что он значил без друзей? Его отрезали от пуповины: больше не было никого, кто мог бы поддержать его. Гарри почувствовал, что у него вдруг ушла почва из под ног. Он остался один. в самом деле, как он раньше не подумал о том, что когда-нибудь настанет такой момент, и ему придется строить свою жизнь самому, без помощи друзей? Но он считал, что, несмотря ни на что, они всегда будут рядом, и он никогда не потеряет их. Он ошибался.

Или еще не все потеряно? Может, он сможет примирить Рона и Гермиону? Спаси то, что еще можно спасти? Пусть они и не будут вместе, но зато они будут рядом с ним! Я жалкий эгоист, с болью оборвал себя Гарри. И какой же ценой я снова обрету друзей? Им все равно не будет комфортно вместе, но они останутся рядом из-за меня и будут страдать. Что мне делать?

Гарри понимал, что ему еще больнее из-за того, что все это произошло одновременно: он расстался с друзьями, остался в незнакомой ему, почти дикой стране, не смог предупредить отца. Отец! Явление вчерашнего почти призрака — первый и единственный раз Гарри увидел своего отца во плоти, — нанесло ему очередную душевную рану. Разочарование и отчаяние охватывали его так, что ему стало холодно. Гарри схватился руками за плечи — его бил озноб. Что делать? Что теперь делать? Он с силой подавил в себе желание пойти к Валери Эвергрин и уткнуться к ней в колени, почувствовать на своей голове утешающую руку. Нет. Валери ясно дала ему понять, что он — взрослый человек и должен научиться сам решать свои проблемы. Она, конечно, пожалела бы его, утешила, но это лишь оттянуло у него осознание одиночества, и тем больнее оно ударило бы его позже. Гарри чувствовал отчаянную необходимость с кем-то поговорить. Хоть с Невиллом, хоть с профессором Снейпом. Но даже Невиллу было куда хуже, чем ему, вспомнил Гарри страшную тайну своего одноклассника. А Снейпу приходилось переживать и более страшные вещи, чем потерю друзей, пронеслось в голове у Гарри, да и способен ли язвительный профессор на жалость к нему в такой ситуации? Нет, наверное, что бы у него ни происходило внутри, снаружи Снейп оставался все тем же холодным и расчетливым слизеринцем, способным в ответ на подобные излияния лишь презрительно изогнуть бровь.

Гарри медленно шел по коридору, автоматически заглядывая в учебные залы и не осознавая, куда именно ему хочется прийти. Но так уж сложились обстоятельства, что в этот час он внезапно оказался возле аудиториума Хельги Хуффльпуфф. Автоматически заглянув внутрь, Гарри ожидал увидеть здесь, по крайней мере, десять-двенадцать парней и девушек, но там никого не оказалось, кроме двоих сидевших на столе. Джастин Финч-Флечли размахивал руками, болтал ногами и смеялся. Его кучерявые волосы растрепались и взъерошено топорщились во все стороны, и выглядел он сегодня немножко чокнутым и подозрительно счастливым. Сьюзен улыбалась немного скованно, но Гарри тут же заподозрил, что ей очень приятно находиться рядом с Джастином. от девушки будто доносился аромат сладкого очарования, теплой доброты и покоя, то, что так нужно было сейчас Гарри, и то, что Сьюзен сейчас, возможно сама не осознавая, отдавала другому. Гарри ревниво решил, что он тут лишний и тут же поймал себя на том, что подозревает, будто Жидкое Зло вновь бурлит в нем.

— Сьюзен, знаешь, а я вчера снова написал стихи, — услышал Гарри голос Джастина. Нервный, возбужденный и взволнованный. Надо же, подумал Гарри, какие мерзкие интонации. Тот факт, что они с Финч-Флечли заключили перемирие, быстро выветрился из его головы.

— Джастин, правда? Мне ужасно нравятся твои стихи. от них, — Сью немного помолчала, подыскивая нужное слово. — от них точно исходит свет. Тебе непременно нужно писать дальше.

— Это из-за тебя, — дрогнувшим голосом сообщил Джастин, и Гарри чуть не проглотил себе язык, так ему захотелось выйти из-за двери и вогнать Джастина в краску. — Я опять написал стихотворение для тебя, Сьюзен.

— Джастин, я давно хотела тебе сказать, тебе не кажется, что ты немного... приукрашиваешь меня в своих стихах? Я на самом деле совсем не такая! — запротестовала Сьюзен.

— Нет! Что ты! — замахал руками Джастин и тут же стал, по мнению Гарри, снова похож на отвратительную ветряную мельницу. — Сьюзен, я вижу тебя только так! Ты не можешь быть другой, просто не можешь, ты самая-самая...

— Не говори так, Джастин, мне неловко, — Сью прыгнула со стола. — Ты, наверное, сам этого не понимаешь, но я далеко не так идеальна, как ты обо мне думаешь, как ты пишешь обо мне! Ты — настоящий поэт, ты создаешь такие прекрасные стихи, они великолепны, и я не знаю никого, кроме тебя, кто бы чувствовал так глубоко, точно тебе становится больно от того, что ты видишь и о чем пишешь. Но я, право, удивлена, что ты так высоко меня ставишь, не из-за того же, что я лечила твою ногу, верно?

— Я посвятил тебе стихи, — твердо сказал Джастин. — Если бы не ты, я бы никогда не смог закончить ту поэму!

— Джас, ты преувеличиваешь. Разве я гожусь на роль музы? у меня не тот характер, — сквозь обычную застенчивость Сью проглянула решительность. не то стихи Финч-Флечли были в ее глазах так плохи, не то их автор физиономией не вышел. Гарри предпочел верить в последнее. — Ты замечательный друг, ты очень милый, но...

— Ты невероятно прекрасна, Сьюзен, — пылко возразил Джастин, взирая на Сьюзен, по мнению Гарри, как кот по весне, явно не слушая, о чем говорила Сью. Его рука плавно переключалась из горизонтального положения на столе в вертикальное положение на плечо Сьюзен. Сью деликатно кашлянула в надежде на то, что Джастин несколько одумается и не переборщит с иллюстрациями к своим эпитетам, но это только взбудрило влюбленного хуффльпуффца. — Я давно хотел тебе сказать, что...

Гарри открыл дверь.

— Привет, Джастин, — сказал он мрачно.

— Гарри! — просияла Сью. Она выглядела так, словно ее спасли из лап людоеда, только что решившего завязать с диетой.

— Привет, Гарри, — уныло поздоровался Джастин, скоренько убирая руки. Джастин был довольно высок, но Гарри по всем параметрам превосходил его физически и сейчас благодарил за это квиддичную практику в течение нескольких лет.

— Ты, кажется, читал тут стихи, Джастин? — осведомился Гарри. — И как, они понравились Сью?

— Гарри, почему ты так выглядишь? Что-то случилось? — видимо, внешний вид Гарри что-то подсказал Сью, и она тут же заподозрила неладное.

— Да нет, то есть — да, — хмуро уронил Гарри. — Я очень хотел поговорить с тобой, Сью.

— Да, конечно. Извини нас, Джастин, — Гарри очень порадовала скорость, с которой Сьюзен отправилась к нему прямо из-под носа Джастина. Финч-Флечли с крайне несчастным видом уселся на лавку обдумывать свои дальнейшие произведения.

— Гарри, что ты у меня хотел спросить?

— Я скучал! — вырвалось у Гарри.

Серые глаза Сью вдруг оказались так близко, что и предательство Рона, и отчаяние Гермионы, и весть о том, что дом для них теперь — здесь куда-то делись. Гарри отчаянно захотелось сказать ей что-то хорошее, и он подсознательно понял, что теперь все выглядит так, словно он, как сопливый младенец, помчался к Сью за сочувствием. Или, он пришел к ней за чем-то другим? Но тогда он должен был прийти к ней намного, намного раньше! И чего я боялся, подумал он. Гарри не помнил этого больше. Серые глаза оказались целой Вселенной, и он, уставший, разгоряченный, измученный окунулся в них, как в прохладные ласкающие воды горного озера, опустил в них, как на луг, полный полевых цветов. Сьюзен вздрогнула, испуганно подалась назад, когда он крепко прижал ее к себе и больно прикусил ее губу, но потом Гарри почувствовал, как ее маленькая ручка скользит по его воротнику, шее, пальцы начали ласкать его жесткие черные волосы, и потом больше не было ничего, только что-то жаркое и близкое, такое родное, такое отчаянно родное, что хотелось кричать от чувства, переполнявшего его.

— Я тоже так скучала по тебе, Гарри, — шумно выдохнула Сьюзен, когда они с трудом оторвались друг от друга.

Вид ее покрасневших губ, опухших от его требовательных поцелуев, так возбудил Гарри, что ему уже было наплевать на все — на то, что они стоят посреди холодного, продуваемого сквозняками коридора, в котором их в любую минуту могли увидеть, на то, что за дверью стоит его соперник. на то, что еще несколько минут назад он понял, что его бросили друзья. Сейчас все это стало вдруг неважно. Главным было то, что когда он, голодный, вновь жадно потянулся к Сьюзен, она уже не отпрянула, а сама прильнула к нему.

— Я так долго ждала. Я так хотела, чтобы *ты* пришел...

За дверью Джастин безуспешно подбирал рифмы.

* * *

В это же утро всех «приблудных», как презрительно называл пришельцев слизеринец Годвин Уоррик, погнали на первое занятие. у девочек это оказалась ровенина лекция по заклинаниям, а у мальчиков — первая тренировка с сэром Кэдогеном, *практический курс средневековой драки*, как тут же окрестил ее хохмач Симус Финниган.

Сэр Герейнт Кэдоген стоял посреди двора, опираясь на внушительный меч, однако, сам рыцарь выглядел далеко не внушительно, ибо, как оказалось, ростом он не вышел. Чересчур длинная для него кольчуга с металлическими пластинами внизу болталась ниже колен, как платье с оборками, поножи гремели на ходу, как полковой оркестр, а скрипучие боевые перчатки обглодала ржавчина. Но, несмотря на общий непрезентабельный вид, сэр Кэдоген сиял улыбкой, показывая всему миру две дырки от выбитых зубов сквозь погнутые прутья забрала шлема. на горизонте, возле конюшни пасся большой грязноватый битюг — верховая лошадь благородного рыцаря. Когда конь нагибался, чтобы ухватить очередной сноп сена, Гарри ясно слышал, как животное побряхтывает от старости.

— Прекрасные сэры! — торжественно провозгласил рыцарь. — Вы собрались здесь, чтобы изучить благородную науку сражения! Настоящий мужчина должен не только уметь владеть мечом, пикою, кинжалом и палицей, но и до тонкостей знать искусство...

— Короче, — пробурчали из задних рядов.

— ...И до тонкостей знать искусство поведения на ратном поле и ристалище, дабы не посрамить честь свою и не оскорбить память предков ваших!..

— Ужас какой, — совершенно серьезно заметил Эрни Макмиллан. — Неужели нам предстоит терпеть это каждый день?

Стоящие рядом с ним дружно вздохнули.

— ...Что отличает благородного рыцаря или доблестного йомена от простого крестьянина или грязного раба!..

— Скоро он заткнется? — несколько нервно поинтересовался Люк Дэниэлс. — Больше дела, меньше трепач!

— Боюсь, завелся надолго, — приуныл Тоби.

— ...И ваши отцы и деды будут гордиться вами, если узнают, что вы постигли сию премудрость под началом такого высокорожденного и опытного воина, как ваш покорный слуга! — скромно закончил сэр Кэдоген и восторженно оглядел позевывающих учеников, предвкушая широкое поле деятельности. — Итак, благородные сэры, сперва мы учимся кланяться так, как принято на ристалище! — он выпустил из рук меч, намертво застрявший в мерзлой земле (меч заскрипел и угрожающе закачался), и принялся выделывать руками придворные пируэты.

Ворчащие дети расползлись по двору, растянулись в цепочку и, придерживая сбоку палки, выданные им пока вместо мечей, принялись упражняться в фигурах высшего политеса. Сэр Кэдоген наблюдал за ними с выражением величайшего блаженства на покрасневшей от мороза физиономии. Он оставил попытки вытащить из земли свой меч, и теперь удовлетворенно наблюдал, как младая поросль рыцарства во всем следует его указаниям. Налюбовавшись, он, громыхая источенными временем наплечниками, помахал рукой.

— Достаточно, любезные сэры! А теперь мы перейдем, собственно, к военной премудрости, кою вам надобно постичь с величайшим тщанием, дабы не пасть в грязь лицом и суметь в минуту опасности...

Гарри лениво почесал за ухом. с другого конца послышался недовольный и раздраженный голос Драко Малфоя:

— Будет трепаться! Может, начнем?

Сэр Кэдоген, будучи не в состоянии осознать, что имеет в виду юноша, удивленно лязгнул забралом, предъявив миру пару колючих по-тараканьи рыжих усов, и осведомился:

— Что значит «трепаться», благородный сэра?

Хохотали все, включая не только самого Малфоя, но и не удержавшегося Гарри. Так у них и начались уроки *средневековой драки*. Все парни ходили на них с большим удовольствием, не только из-за того, что им было необходимо научиться держать оружие в руках — никто, кроме, наверное, Рона да еще Драко Малфоя, всерьез не верил в то, что им придется с кем-то сражаться (Гарри знал о планах Слизерина, но пока помалкивал, потому что Валери строго-настрого приказала ему держать рот на замке). Ребят ужасно смешил их почтенный преподаватель, сэра Герейнт Кэдоген, один в один похожий на свой портрет — такой же крикливый, самолюбивый и громогласно изрекавший, как ему казалось, святые истины. Кроме этого, сэра Кэдоген был ужасным растяпой и частенько уходил с заднего двора, где они тренировались (сам рыцарь важно окрестил этот клочок земли *ристалищем*), теряя по дороге шпоры и перчатки. Но гонял он ребят будь здоров, и Гарри, как и всем остальным, пришлось попотеть. Кроме того, что он учился владеть мечом, — куда большим и тяжелым, чем эльфийские легкие и короткие клинки, — сэра Кэдоген заставлял их таскать на себе немыслимую тяжесть в виде кошмарно древних доспехов, которые Годрик Гриффиндор выкопал из подвалов Хогвартса и собрал у всех знакомых в радиусе пятидесяти миль. Жутко неудобный шлем все время норовил съехать на глаза, кольчуга была невероятно тяжелой, хотя это был еще и облегченный вариант, сплетенный из железной проволоки, как рыболовная сеть. Сэра Кэдоген приказывал им бегать по двору во всей этой амуниции, а потом с воплями выскакивал на них из укромного места и витиевато вызывал на поединок, бросаясь в учеников ржавыми перчатками. Правилам вызова на поединки тоже оказались посвящены многие занятия. Упрямый рыцарь выматывал их до предела, и на обед ребята тащились совершенно без сил. Но упрямый учитель все равно частенько бывал ими недоволен.

— Не пристало рыцарю иметь такие объемы, — ворчал сэра Кэдоген, очередной раз выбивая тренировочный меч из рук отчаянно пытящего Невилла. — Жирным, подобно хряку, быть позорно благородному сэру!

Невилл, только что проглотивший несколько булок прямо из печки дядюшки Лоуфа, отчаянно покраснел, стараясь не обращать внимания на язвительные комментарии слизеринцев на реплику сэра учителя в ржавых доспехах. Вытерев кровь, текущую из ссадины на лбу, он постарался выровнять дыхание.

— Я не виноват! — начал оправдываться он, подбирая меч и неумело вертя им, пытаюсь защититься от беспорядочных выпадов сэра Кэдогена. — Даже когда мало ем, я все равно толстею!

— Позор, позор! — продолжал вещать рыцарь, словно забывая о том, что и сам с трудом помещался на своем битюге, которому, видимо, было не впервой таскать тяжести. — Я не буду учить такого нерасторопного и жирного йомена! Отнимаете у меня время, сэра! Пока не похудеете, не думайте даже заглядывать на ристалище! Эй, доблестный сэра Гарри, отведите эту развалину к мистрисс Хельге, пусть залечит ему его ничтожные царапины! — с этими словами он в очередной раз обезоружил Невилла и отошел к группе хуффльпупфцев, оставив гриффиндорца потерянно стоять посреди двора.

Гарри подошел к Невиллу и похлопал его по плечу.

— Брось, Невилл, не дрейфь. Этот коротышка скоро забудет, что сказал тебе. Думаю, через пару дней можно будет смело идти на занятия.

— Он прав, я — просто тряпка, — всхлипнул Невилл. — Мне уже шестнадцать, а из-за того, что я такой толстый, на меня ни одна девушка не посмотрит. Если бы я захотел, то уже давно похудел бы...

— Да ладно тебе, Невилл! — возмутился Гарри. — не внешность красит человека! Вот посмотри, Эрни Макмиллан тоже не худенький, но он жуткий зануда, а ты — парень хоть куда!

— Не говори так, Гарри, — буркнул Невилл, отчаянно краснея. Он, прихрамывая, заковылял к задней калитке Хогвартса. — Это я-то — хоть куда? Да я просто никчемный бесталаный бездарь... — он с силой дернул на себя дверь и чуть не столкнулся с выходящей оттуда леди Ровеной Рэйвенкло.

— Что случилось? — холодно спросила Ровена. Она не выносила, когда ученики прогуливали уроки.

— Сэра Кэдоген выгнал Невилла, — пояснил Гарри. — Сказал, что не будет учить его, пока он не похудеет.

Породистые брови Ровены поднялись почти до самой диадемы в волосах.

— В самом деле? — он перевела взгляд на Невилла. Тот только вздохнул. — Это совершенная чушь. Я поговорю с ним...

Из разговора ничего не получилось. Сэр Кэдоген оказался обладателем в высшей степени средневековых предрассудков. Странно, но даже тот факт, что он живет в замке, наполненном колдунами и ведьмами, несколько не изменил его взглядов на жизнь. Сэр Кэдоген совершенно не боялся волшебников, что говорило не то о его бесстрашии, не то о совершеннейшей глупости.

— Благородная госпожа! — изрек он с самой светской улыбкой. — Оставьте эту проблему мужчине. не пристало даме вникать в столь суетные дела, как обучение молодых господ ратному делу, — он торжественно отдал ей честь источенным древностью мечом и важно удалился.

Ровена рвала и метала. Если бы у нее был с собой меч, то маленький рыцарь был бы давно положен на лопатки, но палочку она не хотела использовать против магла. Это было бы недостойно. Поэтому она развернулась и под ехидные замечания со стороны малфоевских прихлебателей бросила Невиллу:

— Пойдем, мальчик. Если здесь тебе не хотят помочь, то можно найти помощь и в другом месте.

Невилл, вздыхая, поплелся за Ровеной, сопровождаемый любопытными взглядами одноклассников. Когда Гарри, Симус и другие ребята возвращались с тренировки, то в боковом коридоре, ведущем к Большому Залу, услышали звон оружия и крики. из любопытства они сунули носы в дверную щель и обнаружили Невилла, старательно сжимающего в руках здоровенный меч. Напротив него стояла Ровена в легкой кольчуге, надетой прямо на белое платье.

— В позицию! — приказала она, и Невилл послушно встал в позицию. — Что ж, пожалуй, мы на этом пока закончим. Неплохо двигаешься, мальчик, совсем не так безнадежно, как думает твой учитель. Завтра в это же время.

— Вы теперь постоянно будете учить меня, миледи? — захлебываясь от восхищения спросил Невилл.

— Пока да, — кратко ответила Ровена Рэйвенкло и удалилась, оставив Невилла любоваться со спины ее точеной фигурой, которую не портила даже кольчуга и железные наплечники и бледно золотистой косой, перевитой сверкающей нитью серебра. Гарри с Симусом и Дином переглянулись и решили, что Невиллу, пожалуй, лучше сейчас побыть одному.

Вот с этого дня и началось их обучение. Каждое утро следовало вставать в шесть часов, умываться ледяной водой, которую только с помощью палочки можно было сделать нормальной комнатной температуры (обходиться без душа Гарри уже постепенно учился) и сбегать по одной из извивающихся ужом лестниц вниз, в Большой зал, где их поджидал завтрак, минимальный для того, чтобы не упасть с голоду — Годрик приказал экономить припасы. Впрочем, у доброго дядюшки Лоуфа всегда можно было разжиться какой-нибудь едой, частенько повар сердито выбрасывал требуемое за дверь, чтобы ему не мешали готовить обед. Дядюшка Лоуф не выносил, когда голодные дети просят есть, его доброе сердце, скрытое под мощными складками грудных мышц, покоящихся на здоровенном брюхе, всегда можно было тронуть просьбой дать что-нибудь перекусить, потому что до обеда (ужина, завтрака) еще далеко. Он периодически грозно ревел, бешено вращал глазами и размахивал прокопченной сковородой на большой деревянной ручке, но это никого не могло ввести в заблуждение, и поэтому ссылка на кухню за любую провинность считалась весьма удачным местом отбывания наказания.

После завтрака ученики разделялись. Мальчики отправлялись к сэру Кэдогену на *прикладной мордобой*, девочки — на занятия по чарам и заклинаниям к Ровене Рэйвенкло или к Хельге — на Гербологию или Уход за Волшебными существами. Хельга держала некоторых из них в грубо сколоченных клетках в сарайчике возле конюшни, и девочкам частенько приходилось кормить гномами раздражаров или тараканами — выскакунчиков. После обеда мальчики отправлялись уже к Годрику — изучать на этот раз Боевую магию, кошмарное количество заклятий и проклятий в которой, наверное, считал Гарри, не смогла бы запомнить даже Гермiona. Но девочкам туда ходить не полагалось. Основатели, весьма демократичные в отношении общения парней и девушек вне класса, настаивали на том, чтобы учились они отдельно друг от друга. Чтобы джентльмены не отвлекались на уроках из-за прекрасных дам, подозревал Гарри. Валери Эвергрин, как и Ровена, отдельно учила и девочек и мальчиков, но если леди Рэйвенкло читала еще и историю магии, и Древние Языки, то Валери сосредоточилась исключительно на защите от сил зла и на том, чтобы найти заклятие возвращения. Снейпу было наплевать, кого учить, главное, чтобы студент не отвлекался на занятиях во избежание возгорания собственного котла. Исправно поставляемые ему Хельгой ингредиенты он тщательно изучал, осматривая их своими

цепкими черными глазами, обнюхивал их длинным крючковатым носом и складировал в разные мешочки, горшочки и колбочки, которые самолично выдувал в подземелье, отведенном ему под лабораторию. Занятия Снейпа были так же ужасны, как и раньше. Он с мрачным видом ходил мимо длинных столов, над которыми подрагивали огоньки волшебных костерков, и раздраженно порывивал на недотеп, не умеющих отличить шинкованные кишки ежа от шинкованного желудка скучечервя.

Но Алхимия оказалась не единственным предметом, который, к его неудовольствию ему пришлось вести. После исчезновения Слизерина оставались не занятыми лекции по Геральдике. Хельга их проводить, очевидно, не могла в силу своего происхождения и весьма отдаленного знакомства с этой наукой. Годрик помимо своих уроков по Боевой магии, оставляющих ему по шраму в день, был чрезвычайно занят хозяйственными делами и охраной замка. Ровена могла бы вести их и в силу своего происхождения и в силу весьма основательных знаний в этой области, но она и без того была загружена больше всех. Валери на вопрос, знакома ли она с этой наукой, пожалала плечами и заметила, что никогда не уделяла много внимания происхождению человека и тому, что за картинка намалевана у входа в его дом. Оставался Снейп. Изрыгая проклятия, от которых краснел даже Годрик с его простонародно откровенными ругательствами, Снейп отказывался наотрез, но его схватили, скрутили и заставили. Профессор Снейп вырывался и кричал, что не доверит поиски заклятия одной только Валери Эвергрин, но это его не спасло, к тому же, оказалось, что он отлично знает Геральдику. Поэтому Гарри пришлось выносить еще и пытку гербами, цветами, полями, разнообразными тварями, изображаемыми на них, и черт знает еще чем. Гарри угасал от скуки под монотонно-сухое чтение Снейпа и каждый раз с трудом удерживался от того, чтобы не зевнуть. за каждый зевок Снейп делал выговор и приказывал ученикам либо рассортировывать его непрезентабельные зельведельческие запасы по банкам, либо с ехидной ухмылкой отправлял чистить конюшни.

Так они провели больше трех месяцев. Заклинание до сих пор не было найдено, и, поочередно пройдя периоды безумной надежды, глубокого отчаяния и истеричных детских плачей в стиле «хочу к маме!» все впали в состояние глубокого ступора. А Гарри к тому же еще и ежедневно ждал, что вернется Салазар Слизерин в обществе нового хозяина замка, но о нем не было ни слуху, ни духу. Если бы Сью не было рядом, все эти дни были бы для Гарри сущим адом. Мало того, что его выматывали до невозможности занятия с сэром Кэдогеном, ядовитые реплики Снейпа, холодная требовательность Ровены и даже упрямство Годрика в отношении вызубривания наизусть заклятий по Боевой магии. Странно было чувствовать отвращение к предмету, который вел его собственный предок, и странно было переносить раздражение на него — манеры Гриффиндора вытирать нос рукавом и скверно ругаться производили на него не слишком приятное впечатление. Учителем Годрик оказался далеко не таким умелым и опытным, как профессор Эвергрин или профессор Снейп. Та же леди Ровена обладала куда большей педагогической сноровкой, несмотря на ее молодость. Она усаживала всех учеников вокруг себя на небольшие скамеечки и, таким образом, все внимание их было направлено на то, как она негромко, сухо и всегда по существу рассказывает о каких-то событиях Магической Истории или объясняет, как пользоваться Сортирующим заклятием. Годрик же был прост, как сапог.

— Ступефа-а-ай!!! — орал он, яростно взмахивая палочкой и отправляя очередной камень, он же подручное средство, в стенку напротив прямо над головами учеников. в результате все орали и разбегались. И хотя эффективности приобретенным заклятиям поведение Годрика не убавляло, его простонародная дикость иногда корбила Гарри.

Но хуже было другое: сидеть рядом с Роном и не иметь возможности поговорить с ним — они упорно дулись друг на друга, несмотря ни на что, — было слишком тяжело. Это — всего лишь желание, всего лишь один из мучительных приступов, которые так часто случаются с парнями в нашем возрасте, пытался объяснить Гарри себе поведение Рона, но его друг был другого мнения. Он считал, что Гарри не вправе вмешиваться в его жизнь и оспаривать его выбор, и Гарри, разозлившись, забыл, что раньше пытался объяснить роновы поползновения всплеском гормонов. Он постановил для себя, что считает поведение приятеля не чем иным как предательством, а влюбленные взгляды в сторону Матильды, кажущейся не просто исключительно вежливой с Роном, но как подозревал Гарри, искренне заинтересованной в его ухаживаниях, определил, как разновидность тяжелой болезни, которую Рон подхватил от учеников Слизерина. Одним из осложнений этой болезни стала лютня. Рон постоянно таскал

ее с собой и периодически исчезал из поля зрения гриффиндорцев, чтобы поиграть. Но уже не Гермионе.

Гермиона же, как показалось Гарри, вначале смертельно оскорбленная предательством Рона, сейчас и сама влюбилась не на шутку. Она проводила с Робертом Эвереттом вечер за вечером, сперва явно из чувства благодарности за попытку помочь, но затем, видимо, сама незаметно увлеклась красивым черноглазым юношей, обычно немного мрачноватым, но неизменно вежливым с ней. Гарри при виде этой странной пары вспоминал Крума, и нехотя признавал, что если в Викторе Гермиону явно привлекала не внешность, а серьезный, мощный ум, то Роберт выигрывал у Крума сто очков вперед в уме, а в привлекательности — все двести. И теперь Роберт явно был поражен той же стрелой, что и Виктор когда-то. Глядя на то, как Роберт с поклоном подает Гермионе очередную книгу и при этом смотрит на нее с почти болезненным восторгом и желанием, Гарри осознал, что это настоящая страсть. у них троих — у него, Рона и у Гермионы теперь по молчаливому соглашению была своя жизнь, но странно было наблюдать то, как его друзья, которые, как он считал раньше, были созданы друг для друга, сейчас даже не разговаривают друг с другом, а все внимание дарят *чужим*, с точки зрения Гарри, людям. Нет, он не имел ничего против Роберта, тем более что его все ученики Хогвартса считали очень порядочным, но в этом юноше скрывалась загадка.

Роберт был ровесником Алистера Макъюэна, и, по словам Тео Квинтуса, ему тоже когда-то предлагали присматривать за младшими, что-то, вроде, должности старосты. Но Роберт Эверетт отказался, мотивируя это тем, что он здесь для того, чтобы учиться, а не для того, чтобы вытирать малышам носы. И он учился, причем, отменно. по слухам, он был единственным учеником Салазара Слизерина, который не платил ему за обучение, и единственным из Салазаровых «детешек» — с темным происхождением. о его происхождении ходило немало слухов, но основным был следующий. Роберт был сыном чистокровного волшебника, одного из норманнских рыцарей — вассалов короля Вильгельма и ведьмы... крестьянки. Отец от него отказался, и он влачил довольно жалкое существование в дальнем углу отцовского имения, забытый и брошенный, пока в этот дальний угол не заглянул Салазар Слизерин, возвращаясь из Бургундии. Неизвестно, по какой причине Слизерин остановил на Роберте свой выбор, когда искал учеников, но с первого же дня маг доверял мальчику безоговорочно: Роберт Эверетт был единственным, кроме Матильды, кому разрешался доступ в святая святых его учителя. по слухам, которые Тео Квинтус исправно приносил Гарри от Элинон Огден и Эльвиры Эгберт — главных сплетниц Хогвартса, до встречи с Гермионой единственной страстью Роберта Эверетта было знание, и он усиленно нападал на старинные летописи, пергаментные свитки и древние книги в библиотеке Хогвартса, конкурируя в этом с самим Тео, готовил у себя в комнате невообразимые зелья, владел мечом лучше всех учеников в Хогвартсе и ежедневно упражнялся в заклятиях боевой магии так, будто каждую секунду ожидал нападения. Он носил кольчугу круглые сутки и, как шепотом передавали друг другу девушки, никогда не ложился спать без оружия. Роберт не был похож на гору мускулов, как Алистер, но в его движениях чувствовалась опасность. Да, он был опасен. И красив, как иногда можно было понять по сдавленному хихиканью девчушек за соседними столами. Но Гарри видел в нем и другое — мощный, изворотливый ум, добивавшийся всего и любыми путями, слизеринские настойчивость и упорство в стремлении к цели. к какой цели шел Эверетт, так жадно поглощая знания, никто не знал. Но его уважали, причем уважали и побаивались Роберта даже юные слизеринские нахалы куда более благородного происхождения. И Гарри сознавался себе, что ему импонирует этот юноша, что он чем-то напоминает саму Гермиону — и не потому ли она сейчас смотрела на Роберта взволнованными блестящими глазами и что-то быстро говорила, сбиваясь под его пристальным взглядом? — и кого-то еще. Кого, Гарри не мог вспомнить, и это его пугало. Поэтому он взял с самого себя слово приглядывать за Гермионой. Пусть она уперлась в своем отчаянии, пусть не сводит глаз с этого типа, но он — темная лошадка и с ним следовало быть осторожнее. Дабы не вызвать у Гермионы взрыв эмоций и не испортить отношений окончательно, Гарри решил больше не настаивать ее на путь истинный, втайне чувствуя себя не вправе это делать. Но с Эверетта спускать глаз не следовало.

Точно так же не следовало спускать глаз и с баронессы Матильды фон Гриндельвальд. не только Гарри смущала страсть Рона, Джинни тоже устроила ему колоссальную выволочку и орала, точно миссис Уизли, увидевшая гнома в банке варенья. Но Рон одержал победу на всех фронтах, оставив младшую сестру в слезах в окружении единодушно осуждавших его поведение подруг Джинни. Почему-то она только здесь смогла подружиться с другими девочками, хотя

раньше проводила время, в основном, в окружении своих братьев и их друзей. Сухость и холодность, которые Джинни излучала последние несколько месяцев после смерти Фреда, куда-то незаметно делись. Джинни стала более женственной, тихой и какой-то таинственной, будто ей открылись некие потаенные женские знания. на нее стали обращать внимание многие парни, но Рон, занятый исключительно своей новой любовью, этого не видел в упор, хотя раньше бы с наслаждением набил морду любому, кого бы заподозрил в недостойном поведении относительно его сестры.

Матильда, горделивая красавица, разбила уже много сердец. Рычание, которое издавал Рон, при виде того, как перед ней стелется очередной поклонник, уже не смешило Гарри, а пугало. Если бы он своими глазами не видел, как Рон впал в беспамятство при первой же встрече с Матильдой, то решил бы, что его друга опоили любовным зельем. на вейлу юная баронесса была совершенно не похожа, так что оставалась последняя версия: Рон влюбился в первого взгляда. И трудно было сомневаться, что это возможно: глубокие зеленые искры, которые высекали глаза Матильды, всегда били точно в цель, отскакивая, пожалуй, лишь от Роберта Эверетта, остававшегося совершенно равнодушного к ее красотам.

Решению Гарри приглядывать за Матильдой весьма способствовал тот факт, что она явно была притчей во языцех задолго до появления пришельцев в Хогвартсе. Поэтому девушек, сплетничающих о ней, можно было найти в любом укромном уголке. в результате нехитрых допросов Парвати, Лаванды и Эльвиры Эгберт Гарри выяснил, что юная баронесса Матильда — весьма и весьма богата, и человек, который станет ее мужем, в придачу к громкому титулу унаследует еще и крупное состояние. Гарри сомневался, что Рона интересуют состояние Матильды, такого он не хотел ожидать даже от Рона, который много лет втайне мечтал о неожиданно свалившемся бы на него богатстве. Он предпочитал думать, что его друг просто пал жертвой чар, обильно окружающих Матильду фон Гриндельвальд, где бы она ни появилась. Когда он решил спросить мнения Сьюзен о том, как ему поступить, девушка решительно запретила ему что-либо предпринимать.

— Гарри, если она действительно что-то замышляет, то он должен сам это понять. Твой друг влюблен, сейчас он не увидит в ней ни единого изъяна, и обидится на тебя еще больше, если ты захочешь открыть ему глаза.

— Но что же мне делать? — угрюмо спросил Гарри. Они разместились на подоконнике в Большом зале, где еще недавно Гарри сидел с Гермионой и Роном.

— Нужно ждать, Гарри. Рон вернется, как только поймет, что неправильно ведет себя. Он вернется, я уверена.

* * *

Уже в конце февраля Гарри ощутил привычную весеннюю ломоту в костях. Все тело ныло, точно в ожидании чего-то незнакомого и волнующего. Вдобавок ко всему, у него, впервые за много лет, обильно начали расти волосы, причем не только на голове. Гарри со странным ощущением разглядывал темную дорожку, спускающуюся по его животу, и не знал, что бы это могло значить; скорее всего, то, что он уже совсем не мальчик. Под мышками колосась черная щетинка и заставляла Гарри нервно почесываться, когда он был уверен, что его никто не видит. Что же до его шевелюры, то он с удивлением обнаружил, что она стала расти настолько быстро, что вскоре ему понадобился шнурок, чтобы подвязывать волосы, доросшие до плеч. к счастью, на этом дело и кончилось, но подстричь лохмы было трудновато: как когда-то тетя Петунья мучалась с его стрижкой, так теперь и сам Гарри пришел к выводу, что ему самому не справиться с этой проблемой. Волосы упрямо отрастали до плеч даже после радикального использования Бреющего заклятия, которое на лице работало отменно. Да-да, и на лице! Гарри нервничал из-за невозможности прилично помыться, волосы на голове постоянно скатывались в комок, из-за чего Клара Ярнли, хихикая, дразнила его «маленьким Снейпом».

Первый день весны не задался. Странные ощущения прочно угнездилась у него в сознании, и это никак не способствовало поднятию интереса к урокам. на утреннем занятии у сэра Кэдогена Гарри поскользнулся на грязных наносах мокрого снега и разбил колено. После обеда на уроке у Ровены Рэйвенкло он получил суровый выговор за то, что целиком пропустил мимо ушей ее рассказ о том, как колдун Геркулес из Арголиды ухитрился с помощью волшебного зелья увеличить свои силы и победить на поединке сильнейшего мага кровавого культа Земли Антеуса Танжерского. И, наконец, на своем занятии Снейп ехидно поинтересовался, помнит ли Гарри составляющие напитка Живой Смерти. Так как это была тема первого класса, Гарри естественно,

не мог ничего вспомнить, и в результате получил тройную порцию снейповой язвительности и приказ собрать всех лягушек, которых Невилл рассыпал в коридоре перед уроком.

Именно там, возле аудитории Алхимии, Клара Ярнли и настигла Гарри: он с несчастным видом собирал в подол мантии разбегавшихся лягушек. Клара волокла за собой метлу.

— Гарри! Гарри! Ты не представляешь, что мы придумали! — она почти подпрыгивала от возбуждения, и метла, подскакивая следом за ней, зависала в воздухе рядом с Кларой, а потом устало плюхалась на каменный пол.

— Не представляю. Кстати, кто это — *мы*, и что вы придумали? — Гарри послушно выдал именно ту реакцию, которой ждала Клара.

— Гарри, мы решили научить местных играть в *квиддич*, — гордо провозгласила Клара, сияя, как новенький галлеон.

Гарри от неожиданности снова уронил лягушек на пол, и они радостно запрыгали во все стороны, спасаясь бегством.

— Ты что, — заорал Гарри на Клару. Он прекрасно понимал, что так нельзя разговаривать с младшими, с девочками и с представителями высшей знати, к коим Клара принадлежала, но сдержаться Гарри не смог. — Ты спятила, что ли? Этого нельзя делать! Его же еще не изобрели!

— Так мы изобретем! — принялась убеждать его Клара. Она прислонилась к стенке свою метлу и, нагнувшись, стала помогать Гарри вылавливать лягушек из-под массивного щита, служившего потайной дверью на единственную неподвижную лестницу. — Они и так уже слышали про квиддич, даже не знаю, откуда, может, кто из наших проболтался...

— Кто же именно из наших? — ядовито поинтересовался Гарри, но Клара тут же уклонилась от ответа.

— Мы тут от скуки помираем, занятий мало — Ровена и Хельга все время заняты, Годрик достал со своей боевой магией, а геральдика в изложении Снейпа выглядит еще хуже, чем Зельдеделие! Тебе еще хорошо — ходишь учиться драться к психу Кэдогену, а нам, девчонкам, что делать? Я уже погибаю со скуки! Тем более что тут ничего нельзя — в лес пойти погулять нельзя, в деревню ходить тоже нельзя. Оказывается, в Хогсмите живут только маглы, представляешь!

— Всегда в нем только волшебники жили, — возразил Гарри, водворяя последнюю зеленую беглянку в карман мантии.

— А вот сейчас пока не живут! Гарри, я *ужжжжасно* тебя прошу — помоги уговорить профессора Эвергрин, пусть разрешит нам тренироваться и учить играть здешних, а? — умоляюще заныла Клара. — Мы бы тогда организовали чемпионат по квиддичу, как раньше! Четыре факультета... Гермиона сказала, что у тебя и снитч есть! — разоблачающе прошептала Клара и захихикала.

— Снитч я взял потому, что это подарок друга, — возразил Гарри. — Я не хотел, чтобы он достался дементорам.

— Врешь! — торжествующе припечатала Клара. — Признайся, ты надеялся здесь поиграть, верно? Да ладно, Гарри, не скромничай! Все знают, как ты квиддич любишь, так чего же не сыграть? Мы с тобой, братья Криви, и Симус Финниган — он классно летает, а потом еще кого-нибудь подберем. Соглашайся, Гарри, ну же!

Гарри задумался, и лягушки снова разбежались. Если мисс Эвергрин даст добро, то не будет ли это значить, что путь к отступлению назад полностью отрезан, и они со Снейпом разочаровались в попытках вернуть всех обратно? Когда он все же решил прийти к ней за советом, то обнаружил, что он — далеко не первый, и с просьбами здесь нужно выстраиваться в очередь. Возле Валери собралась большая компания ребят из всех колледжей, даже слизеринец Монтегю маячил где-то сзади, и все уговаривали ее разрешить им играть. Профессора по защите от сил зла оттеснили в угол от стола, загруженного листами пергамента, исписанными формулами заклятий, которые она подбирала явно не для занятий. Своими рассказами о квиддиче фанаты этого вида спорта явно заразили и аборигенов, потому что Гарри увидел среди упрасивающих и братьев Эгбертов. Под таким натиском упорство Валери начало слабеть.

— Ну, хорошо! — взвилась она, громко стукнув кулаком по столу, заглушая многоголосное нытьё. — Разрешаю! Но с одним условием!

Торжествующий рев поглотил ее условие, но, прочистив горло, Валери громко и требовательно рявкнула:

— С одним условием: далеко не залетать, никого не оскорблять и играть честно!

— Обещаем! — завопили все. Гарри увидел, как братья Криви в углу обменялись торжественным рукопожатием с Эдмундом и Эдвином Эгбертами.

— И если вы посмеете нарушать правила и мухлевать, то...

— Вы превратите виновника в бородавчатую жабу, знаем, знаем, — счастливо закивал Тед Тойли, с трудом гася довольную ухмылку на добродушной физиономии.

— О, нет, я попрошу разобраться в ситуации профессора Снейпа, а у него, кажется, более изощренная фантазия в области наказаний, — успокоила его мисс Эвергрин.

Имени Снейпа оказалось довольно, чтобы все тут же клятвенно заверили профессора Эвергрин в своей честности и порядочности. Она милостиво согласилась принять к сведению их обещание и прорычала:

— Добились, чего хотели? А теперь проваливайте, и не мешайте работать!

Все с восторженным воем вылились в коридор и принялись поздравлять друг друга.

— Гарри, здорово, правда? — восторженно проорал Колин Криви, шлепая Гарри по спине. — Снова будем вместе играть! А когда устроим просмотр для новых игроков? Денниса возьмем? Я его натаскивал этим летом, он здорово битой работает, в отбивалы сгодится! И еще Клару...

— Колин! — возвел Гарри глаза к небу.

— Гарри, если бы ты видел, как она летает! Мелкая еще, а балансировка первоклассная, почти профессиональная. И у нее такая интересная манера нагибаться в сторону, когда она разгоняет метлу вверх, это замечательно помогает маневрировать на больших скоростях, когда метлу можно с трудом останавливать вручную, а переброска веса...

— КОЛИН!

— Ладно, ладно, молчу, молчу. Но мы обязательно должны собраться после занятий. Я побегу заказывать метлы у мастера Мастерса!.. — и Колин умчался.

Гарри вздохнул: все началось по новой. Но в глубине души он был рад, что возникла необходимость думать о чем-то другом и не концентрироваться на тех проблемах, что мучили его все это время, к тому же на тренировках не будет возможности думать о предательстве Рона и Гермионы. Утешало это слабо, но Гарри ужасно любил квиддич. Может, это хоть как-то поможет забыть?

Весь древний Хогвартс одиннадцатого века немедленно встал на уши. Кто был виноват в утечке информации, Гарри так и не довелось выяснить, но процесс тренировок жадно захватил его целиком, сказывались несколько лет без квиддича. Он не играл с того года, как было объявлено о Трехмудром турнире, поэтому решил посвятить тренировкам все свободное время. Главным камнем преткновения тут же стали метлы. Аэродинамические свойства созданий мастера Мастерса были из рук вон плохи: метлы заваливались в обе стороны, обожали резко нырять вниз и прямо в полете некстати распушать прутья в разные стороны. Но выбора не было и приходилось летать на таких, хотя страдали все от этого просто ужасно. Симус Финниган, оказавшийся действительно первоклассным игроком, однажды не вытерпел и, спикировав в неба на задний двор, принялся трудиться над своей метлой, накладывая на нее заклятие за заклятием. Через пару часов он гордо продемонстрировал всем свое творение: рукоятка метлы стала гладкая и удобная после наложенных на нее десятка Шлифовальных и Полировочных чар, прутья равномерно подстрижены, а с обеих сторон метлы появились удобные тормоза. Все возликовали, и на Симуса посыпался град заказов. Не желая обижать и так недовольно бурчащего от обилия работы старика Мастерса (втайне он был жутко доволен своей популярностью) народ тайком приносил Симусу свои метлы, и он довольно трудился над ними от зари до зари, чуть ли не с трудом вспоминая о занятиях. Многие пытались последовать его примеру и тоже шлифовать свои метлы, но талант Симуса остался непревзойденным, и только на метлы, обработанные его способом, можно было садиться без опасения унести на себе после тренировки десятков заноз. Гарри доверял Симусу и вместе со всеми превозносил его внезапно открывшийся талант, но свою метлу, ту самую, оставшуюся у него еще с первого визита в Хогвартс, доверил шлифовать только Сьюзен. Девушка справилась со своей задачей удивительно быстро и практично, Гарри невольно сравнил ее умения с гермиониными, и его вновь кольнуло неприятное чувство пустоты, которое оставили в сердце его друга. Гермиона с такой же легкостью смогла бы наложить на метлу столько удачных заклятий, но Гермиона не особенно любила квиддич. И ее рядом не было.

Не было рядом и Рона, но если с Гермионой Гарри продолжал общаться регулярно, хотя их несколько натянутые разговоры и причиняли ему боль, своей поверхностностью, то Рон отказался даже смотреть в сторону Гарри. Он будто бы принял постулат: «Хочешь дружить со мной, прими тот факт, что я люблю эту девушку». с каждым днем отношения Рона с Драко Малфоем

становились все напряженнее и огнеопаснее, куда хуже, чем раньше. с остальными поклонниками Матильды Рон разобрался довольно быстро: остроносая физиономия Росса Кэмпелла украсилась несколькими живописными синяками, Рене де Вьепонт, тушеобразностью напоминавший Гарри Дадли, старался спрятать ото всех фиолетовую шерсть, выросшую на ладонях, а Годвин Уоррик забивался в угол при встречах с Роном и заискивающе хихикал. Матильда периодически окидывала высокого рыжего парня долгим оценивающим женским взглядом, снабженным завлекательнейшим помахиванием ресниц; Рон при этом багровел, еле сдерживая пар из ноздрей, а Малфой бесился. Эта чрезвычайно острая проблема — как отвадить от Матильды всех поклонников, — видимо очень занимала Рона. До такой степени занимала, что времени на квиддич у него уже не оставалось, хотя раньше он и дня не мог прожить, не обсудив с Гарри стратегию очередной игры «Пуляющих Пушек».

Теоретически, тренироваться нужно было по очереди, но удержаться никто не мог, и, так уж получилось, что на выделенном им участке после обеда толклись сразу все. Хельга отвела для ребятам для тренировок все свободное пространство заднего двора, где по весне на огороде начали проклевываться первые ростки, и предупредила, что за примятую рассаду виновник будет отправлен чистить стойло молодых гиппогрифов, которых Хельга подобрала прошлой осенью, когда они выпали из материнского гнезда. Гиппогрифы были шумными грязнулями, топотающими как слоны, и норовившими при любой возможности вцепиться острыми клювами в руки кормящих их колдунов, поэтому никому не улыбалось разделить их общество. Приходилось ухитряться всеми способами, чтобы летать на метлах старика Мастерса и не падать. Хотя шлифовальные таланты Симуса и оставались непревзойденными, сама старинная готическая конструкция метлы не позволяла ей сравниться не только со Всполохами или Нимбусами века двадцатого, но даже с Чистометом-01, обладателем тяжелого и уродливого метловища в стиле барокко. Мастер Мастерс, гордый тем, что на его метлах поголовно летает целый Хогвартс, с помощью еще двух колдунов-работников установил шесть больших корзин по обе стороны огорода и часто приходил полюбоваться, как дети гоняют туда-сюда в погоне за мячом. Кваффл сшили девушки под руководством Эдит Фрир, а Липкочары на него наложила сама Ровена Рэйвенкло, втайне не одобрявшая подобного легкомысленного времяпровождения, заменившего многим чтение книг, но заразившаяся всеобщим энтузиазмом. Годрик, после того, как вместе со Снейпом и Валери наложил Ограждающие чары на огород, частенько сам приходил поглазеть на то, как летают его ученики и отпускал смачные шуточки, глядя на то, как неумело раскачиваются на метлах многие ребята — мол, кормовая часть перевешивает. Девушкам вроде бы никто не препятствовал в освоении новой игры, но по какому-то молчаливому согласию все они отказались играть, кроме Клары, стремления которой сестра на метлу ничто не могло сдержать. Тихонько летавшая раньше только по вечерам, сейчас она развернулась вовсю и иногда гордо оставляла в кильватере даже Дуайра О'Линна, точности разворота которого Гарри даже завидовал. Остальные ученики Ровены не слишком жаждали играть в квиддич на самом матче, но обожали наблюдать за игрой. Фанатов было немало. Многие девушки одобрительно визжали, когда мимо них проносился на своей метле очередной лихач. Дин Томас тоже был тут: делал наброски кусочком угля на больших пергаментных листах. из под его руки выходили рисунки метел, лица игроков и болельщиков — в основном болельщиц, в основном — Парвати Патил, но любимейшим его натурщиком стал сэр Кэдоген. Нескладный рыцарь оказался весьма азартным фанатом квиддича, с хватками завязанного тиффози. Быстро выучив правила, он, ничуть не смущенный таким обилием колдунов и ведьм вокруг, верхом на своих орудиях труда, зачарованных явно самим Сатаной, громкими воплями поощрял самых отчаянных и был почти готов организовать фан-клуб Клары Ярнли, такой же лихачке на метле, как и он сам — на лошади. Дин посмеивался, глядя на то, как сэр Кэдоген, погромыхивая ржавым кольчужным подшлемником и восторженно шевеля тараканьими усами, с одобрительными криками мечется вокруг зачарованного огорода, а на пергаменте, тем временем, появлялись очертания безумных глазищ, лохматого вихра и глуповатой улыбки благородного сэра рыцаря. Частенько Дин рисовал и Гарри. Гарри как-то незаметно из участника тренировки постепенно стал тренером, а когда он ухитрился однажды поймать одновременно и снитч, и падающего Невилла Лонгботтома — за шиворот, то сорвал громкие аплодисменты.

Он пока не знал, кого включить в команду Гриффиндора, кроме братьев Криви и Клары. Увлеченный процессом создания метел Симус теперь куда меньше интересовался процессом самой игры. Алистер и Гордон Макъюэны настаивали на своем участии в команде, но Алистер был слишком мощен для метлы, а Гордон слишком легок. Братья Эгберты внушали некоторые

надежды как отбивалы — верхом на скрипящих от натуги метлах они до ужаса напоминали Фреда и Джорджа Уизли — такие же хитрые, — но Гарри пока не знал, на чьей кандидатуре точно остановиться. Куча народу носилась в воздухе, радостно вопя, толкая друг друга и гоняясь за потертым кожаным мячом и маленьким крумовым снитчем, то и дело мелькавшим среди игроков. Места было явно маловато, и Гарри не раз сталкивался в воздухе с Драко Малфоем. Малфой, памятуя о прошлогоднем выигрыше у Гриффиндора, явно был настроен царить на поле. Он делил функции тренера с Гарри, но вел себя куда более осмотрительно: тренировал не всех, но лишь тех, кого присмотрел себе в команду — капитанский титул он возложил на себя сам и был готов убить всякого, кто его оспорит.

Из учителей лишь Валери ни разу не пришла посмотреть на то, как играют ребята, она была слишком занята — уроками и древними библиотечными пергаменами. Профессор Снейп явился только раз, презрительно оглядел грубые ивовые корзины и кривобокий кваффл, искоса посмотрел на пируэты, которые с одной стороны поля выписывал Гарри, одобрительно хмыкнул приободрившемуся при его появлении Драко и исчез. в тот же день на ужине в Большом зале Годрик поднялся и хмуро заявил, что все профессора посовещались и решили, что такое количество задействованных в игре и тренировках учеников подрывает обороноспособность замка.

— Мы решили сократить количество участников игры до двух смешанных команд, — провозгласил он, одергивая килт. — Остальным нужно будет нести стражу на башнях, складах, у колодца и на других стратегически важных позициях. на огороде будут летать только те, кто входит в ко... команды, и один запасной, а зевакам там делать нечего — у нас и без этого много работы.

Унылое ворчание было ему ответом. Никому эта новость по душе не пришлась.

— Зато мы отыскали вам место для игры, — с воодушевлением продолжил Годрик. — в десятке миль отсюда лежат болотистые пустоши. Маглов там почти не бывает, и нас никто не увидит, кроме жителей небольшого хутора, а они — колдуны. с ними все уже договорено и...

— Держу пари, это Снейп его надоумил! — пискляво объявил Деннис Криви, когда вечером парни отправились в свое крыло. — Видели, какая у него была довольная рожа?

— Я могу понять, что нужно охранять замок, — ворчал Тоби, ставя свою метлу в угол. — Но разве для этого нужны сразу все мы? Почему только четырнадцать человек смогут играть? Это нечестно!

— Гарри, уговори профессора Эвергрин вмешаться! — взвыли все гриффиндорцы.

— Она совершенно равнодушна к квиддичу, не уверен даже, знает ли она правила игры, — уныло ответил Гарри, полируя метлу кусочком ткани. Его мысли теперь сосредоточились на том, что нужно объединять ребят из разных факультетов, и он не знал, кто согласится играть с ними. Кларенса Дэйвиса и Теда Тойли он не решался попросить, ему было стыдно за свое поведение в прошлом году, да и не был Гарри уверен в том, что оба семиклассника согласятся играть за его команду. — А где Рон? — вдруг встрепенулся Гарри. — Никто его не видел?

Симус и Дин переглянулись.

— Он, того... взял лютню и ушел, — выдавил Симус. — А ты не знал?

— Нет, — буркнул Гарри, но любопытство пересилило, и он небрежно поинтересовался. — И куда его понесло?

Захихикали все парни в их комнате. Невилл подавил смешок и изобразил Рона, стоящего на одном колене и играющего на лютне. Все заржали еще громче.

— Вы чего? — сунул нос в их комнату Тео Квинтус. за его руку цеплялся маленький Китто.

— Сэр Рональд ушел исполнять серенаду для своей дамы сердца! — провозгласил Симус, и комнату мальчиков тут же заполнил дикий хохот.

Гарри не мог поверить своим ушам.

— Куда он ушел???

— А ты не знал? Он сказал сегодня, что вечером пойдет споет серенаду для *своей девушки*. Только не уверен, что для Гермионы, — между двумя хихиканьями пояснил Дин. — Гарри, не могу поверить, неужто Рон так втрескался в эту зеленоглазую нимфу, что даже серенады ей решил исполнять?

Симуса скрутило от хохота. Гарри сидел на кровати, мрачный и раздраженный. Тео непонимающе воззрился на ребят.

— А что тут такого? — недоуменно спросил он. — у сэра Рона хоть лютня. Когда Алистер делал авансы леди Эдит, то полночи стоял под ее окнами с волынкой. Она, конечно, слишком

тактична, чтобы крикнуть ему, мол, не мешай спать и убирайся, но на третью ночь девчонки не выдержали и облили его сверху...

Невилл зашелся в смеховой истерике.

— Чего смеетесь? — обиделся Тео. — Все было очень прилично! Всего лишь горшок Ушеувеличивающего Зелья! Правда, противоядия долго никто не мог найти, потому что Змееуста в то время не было в замке, а с зельями обычно возится он. Когда он вернулся, то страшно ругался, но вылечил уши Алистера. Правда, сперва Змееуст сварил противозелье для одного уха, а для другого — только через три дня... Леди Эдит ужасно смеялась, а Алистеру приходилось прятать уши под шапкой почти целую седмицу. Думаю, это было самое страшное потрясение в его жизни.

— А Слизерин часто уезжает? — как бы невзначай поинтересовался Гарри у Тео.

— Да частенько, — неопределенно пояснил Квинтус. — Он все в Лондон ездит — любит при дворе вертеться, возле тамошних колдунов, все связи заводит. Хитрый он, как змеюка.

— А разве у него нет знакомых поблизости? — продолжил Гарри свой хитрый допрос. — Ну, с колдунами-соседями он не общается?

Рядом с Хогвартсом не было крупных замков, где жили бы волшебники. Правда, как поговаривали, на западе есть башня, в которой один магг-рыцарь заточил свою жену-колдунью, и с тех пор ее никто не видел, а на побережье Нотумбрии возле большого города было целое поместье, где жили только колдуны, но Гарри никогда не видел, чтобы в Хогвартс приезжали гости. Годрик, как ему рассказали братья Эгберты, раньше уезжал куда-то на север, в те места, где родился, а о ровениных тайных вылазках в Лес Теней, похоже, тоже все знали, хотя и не предполагали, с кем она может там встречаться. Хельга Хуффлупф частенько навещала многочисленную родню в южном Уэльсе — чуть ли не правнуков, но и с теми колдунами, что жили где-то на расстоянии десяти миль от Хогвартса, была в хороших отношениях.

— Да нет, нету поблизости желающих продлить с ним знакомство, — фыркнул Квинтус, приглаживая вихры пятерней.

— А разве колдуны с мельницы у Темного Брода не общаются с мастером Салазаром? — как можно более равнодушно уронил Гарри.

Теофилус Квинтус выпучил глаза. у Гарри ёкнуло сердце, но Тео удивленно протянул.

— А там разве живут колдуны? Сроду на той мельнице никого из волшебников не водилось, все мельники маглами были!

Ладно, подумал Гарри, недолёт. Придется искать новую версию. от обдумывания оной его оторвали звуки лютни снизу и какой-то торжественный дикий вой, похожий на боевой клич викингов. Парни бросились к узкому окошку-амбразуре и, толкаясь, принялись высматривать предполагаемого противника в ночной темноте. Долго искать не пришлось: во дворе, осененный слабым колеблющимся светом факелов, стоял Рон. Он медленно перебирал струны лютни, и из-под его пальцев вытекала удивительно нежная мелодия. Физиономия у Рона светилась необычайной одухотворенностью, и было видно, что в исполнение он вкладывает всю свою страсть. И все бы хорошо, если бы Рону не приспичило петь самому. Гарри сравнивал эффект от этой песни и прошлогоднего шоу на балу в Хогвартсе — текст, безусловно, был хорош, но голос Рона явно не был приспособлен для пения и был похож на гул, издаваемый солидной бочкой. Под громогласный хохот одноклассников, облепивших немногочисленные окна замка, Рон с ужасно серьезным лицом, направленным на небольшой балкончик, старательно пел:

Встретить любовь и не жди,
Если ты к ней не готова.
Тебе безразлично почти
Любишь того иль другого.
Верность — не праздное слово!
Нигде не найти
Верного сердца такого,
Как в этой груди!¹

¹ Эта серенада заимствована у анонимного трубадура XI века. Изначально написанная на латинском языке, позже она была переведена на провансальский.

Симус позади Гарри так зашелся от хохота, что повалился на пол и, болтая ногами, выли от смеха. Зато Тео оскорбился:

— Не смейтесь, благородный сэръ! Главное не то, *как* поет сэръ Рональд, а то, как это воспримет его *дама*!

— Если бы мне кто-нибудь сказал, что Рон будет ночью выть под окном какой-то девушки, я ни за что бы не поверил! — скорчился на подоконнике Невилл. Он отвоевал себе самое удобное место для обзора и теперь с интересом ожидал реакции от маленького балкончика на соседней башне.

— Он поет не Гермионе, вот во что трудно поверить, — буркнул Гарри. Несмотря на дикость ситуации, он уже предвидел, как Матильда фон Гриндельвальд опустит Рона с его трубными воплями, что было бы совсем неплохо. Он оглядел окошки. Все они были забиты любопытствующими зеваками, жаждавшими продолжения комедии. Из башни напротив на Рона угрюмо взирал матильдин фан-клуб, а из соседнего окна высунулся полуодетый Драко Малфой и проревел:

— Уизли, если ты еще раз позволишь себе что-то подобное, то я вышибу из тебя дух!

Драко набрал воздуха в легкие, чтобы обложить Рона по полной программе, но тут с легким стуком отворилось маленькое окошко на узком балкончике, показалась смутная тень женской фигурки, и высокий соблазнительный женский голос мелодично пропел в ответ:

Плачу всю ночь напролет.
Чуть позабудусь дремою,
Сон как рукою сметет:
Мнится, мой милый со мною.
Что ж он порою ночью
И въявь не придет?
Боже, пред ночью одною
Все муки не в счет!

От такого неожиданного поворота событий все зеваки потрясенно замолчали, а Гарри так и вовсе был сражен откровенностью средневековых нравов. Словно во сне он наблюдал, как с балкончика спустилась веревочная лестница, а Рон с видом завоевателя, входящего в покоренную крепость, подхватил лютню и начал карабкаться по лестнице вверх. Когда он достиг цели, чья-то рука втянула лестницу обратно, и окошко с нетерпеливым стуком захлопнулось за героическим любителем серенад. Свет в комнате погас.

С минуту все пораженно смотрели друг на друга, причем в некоторых глазах виднелась откровенная зависть, а затем Гарри перевел взгляд на соседнюю башню. Драко Малфой, высунувшись почти по пояс из окна, изрыгал *такие* страшные проклятия и угрожал Рону *такими* ужасными карами, что такой бурной реакции даже от него этого никто не ожидал. Пока все любовались реакцией неудачливого любовника, Гарри обратил внимание, что за одним из окон мелькнуло знакомое лицо, красное и заплаканное. Гермиона тоже оказалась свидетельницей этой сцены.

Бледные слепые глаза малыша Китто с сожалением скользнули по стене замка, не видя ни камешка.

— Я чувствую Тьму, — сказал он тонким детским голоском.

Глава 29. Поляна, полная звезд.

Рон явился только под утро. Вначале, одноклассники рассчитывали встретить его с шутками-прибаутками, готовились к подушечной атаке, соскребали в общий котел все зачатки своего остроумия и предвкушали красочное и подробное описание любовной победы в покорившейся победителю крепости. Но время шло, с кроватей все чаще и чаще стали доноситься нетерпеливые разочарованные зевки, а потом всех одолел такой сон, что заснули ребята практически одновременно. не спал только Гарри, впрочем, это было немудрено, если учесть, что от постели Невилла по соседству доносился такой раскатистый храп, будто там изволило почивать целое стадо китов, сквозь дрему пускающих мощные струи воды через дыхала.

Гарри ерзал в кровати почти до пяти утра. в полшестого, стоило ему немного задремать, вернулся Рон. Он осторожно приотворил дверь, на цыпочках проскользнул в комнату, с размаху стянул через голову мантию, бросил ее на кровать и прошел к подоконнику. Сквозь полуприкрытые ресницы Гарри видел, как Рон тихонько снял с окна Согревающее заклятие и подставил рыжие вихры холодному ветру ранней весны. Он тяжело дышал и бессмысленно, почти по-детски улыбался. Никогда, как в этот момент он не казался Гарри таким безумным. Или счастливым. Но боль была слишком сильной, чтобы Гарри не решился сказать ему что-нибудь обидное. Он отбросил вязаное одеяло и резко сел на постели.

— Полагаю, тебя можно поздравить? — сухо спросил он вполголоса.

Рон обернулся, и его глаза полыхнули изнутри таким мощным приступом счастья, что он не сразу понял издевки в словах Гарри. Когда до него дошло, он небрежным движением палочки вернул окну прежний вид и повернулся к Гарри, сложив руки на груди. Его лицо изменилось за одну секунду и стало таким злым и язвительным, что Рон вполне мог бы переплюнуть Снейпа, давно взявшего патент на подобные физиономии.

— Полагаю, что да, — усмехнулся Рон. Он сел на узкий подоконник, уперся одной ногой в темный камень и расслабленно свесил вторую вниз. — Но я не напрашиваюсь на твои поздравления.

Гарри промолчал. Если бы сейчас он ляпнул что-нибудь не то, то их отношения были бы окончательно испорчены. Поэтому он счел за лучшее опять закрыться одеялом и лечь спать. Но тут уже Рон полез в бутылку.

— Тогда, я думаю, тебе не терпится, чтобы я тебе все рассказал. в подробностях, верно?

— Избавь меня от подробностей, — буркнул Гарри, поворачиваясь на другой бок. — Если тебе так хочется похвалиться, почему бы тебе не сделать это перед кем-то другим. Перед Гермионой, например. Уж она точно будет в восторге, особенно после того, как увидела весь этот цирк, что ты устроил, из своего окна.

Рон беспокойно шевельнулся.

— Гермиона видела это? — как-то испуганно спросил он.

Гарри сердито обернулся.

— А ты думал, что эти заунывные любовные завывания, предназначенные другой девушке, никто не увидит и не услышит, кроме твоей чернявой красотки? Видимо ты так одурел от любви, что не заметил, как на тебя пялился весь Хогвартс! Кстати, куда ты задевал лютню? Забыл у постели этой...

— Не смей так говорить о ней! — вспыхнул Рон. Рядом сонно заворочался Невилл. — Ты сам не знаешь, что плетешь!

— Правда? А то, что ты, как гад последний поступил с девушкой, которая тебя любит, тебя нимало не волнует, правда? — Гарри не вытерпел и вскочил-таки с кровати. — Я никогда не думал, что ты способен на такое!

— Она тут же нашла мне замену! — закричал Рон в ответ, снимая с ноги сапог и бросая его в Гарри. Тот наклонился, и метательное орудие угодило в Дина Томаса, который спросонья ничего не понял и автоматически подскочил, протирая глаза.

— Что стряслось? Тролли? — невнятно спросил он.

— Ни черта не случилось, дрыхни дальше, — пренебрежительно бросил Рон и, обернувшись к Гарри, прорычал. — Если ей так хочется поизображать гордую и недоступную особу — пожалуйста! Но я не намерен ждать, пока она соизволит...

— Остановись, Рон, только послушай, какую ты несешь околесицу! — проорал Гарри, окончательно разбудив остальных одноклассников. Все недовольно заворчали. — Ты просто взбесился — гормоны забродили! А теперь ты и сам ревнуешь, как идиот!

— Это она меня ревновала, хотя не имела на это никакого права, впрочем, судя по тому, как Гермиона себя ведет, она быстро утешилась! — выкрикнул Рон.

— Ты первый полез на сторону, — честно предупредил его Гарри.

— А тебе какое дело? Хочешь за мной и в постели подсматривать?! — рассвирепел Рон.

— Ребят, ну вы чего? — взмолился недоспавший Симус Финниган. — Вставать еще только через полчаса!

— Заткнись! — рявкнул Рон. — Он подошел к Гарри и потряс у него кулаком перед носом. — Последний раз предупреждаю, Поттер, не лезь в мои дела!

— Ах, значит, теперь я — Поттер? Значит, стоило между нами мелькнуть подолу какой-то девицы легкого поведения, и ты тут же забыл о нашей дружбе? — Гарри отшвырнул подушку. Теперь они с Роном стояли друг против друга и сверлили друг друга испепеляющими взглядами.

— Да ты — просто ничтожество, — выдавил Рон. Было видно, как у него заходили желваки от злости. — Ты думаешь, что друзья существуют только для того, чтобы вытаскивать из всех неприятностей твою ничтожную задницу? Так вот, это не так, у меня есть право на собственную жизнь, без этих твоих вечных неприятностей, ты понял, Мальчик-Который-Выжил-Чтобы-Стать-Придурком?

— Что? — растерялся Гарри. Невилл и Симус переглянулись, а Рон, распалясь, продолжил наступление.

— Ты просто мелко завидуешь! — орал он, побагровев от злости. — Ты завидуешь, потому что всегда получаешь все первый, а мне достаются объедки, но сегодня ты пролетел! Тебе не обломилось! Ты завидуешь, потому что я пришел сейчас от своей первой женщины, а все, что тебе пока перепало — это бесцветная финтифлюшка из Хуффльпуффа! Ничего, когда ей надоест вытирать твои сопли, она сбежит от тебя, Поттер! Ты думаешь, что нравишься ей, идиот? Да это же просто жалость, больше ничего — она из милосердия пригрела тебя, бедного сиротку! Попомни мои слова...

В этот момент Гарри не выдержал и засветил Рону в челюсть. Симус и Дин тут же вскочили, чтобы их разнять и вцепились в руки Гарри, который рычал и рвался в бой, но Рон не спеша поднялся, явно не собираясь продолжать схватку. на его щеке наливался кровью огромный сизый синяк, а на лице застыла маска горечи и презрения. Сейчас он был совершенно не похож на себя. Гарри вдруг испугался. Что я наделал, в ужасе подумал он. Я ударил своего друга. Своего единственного друга! Гарри не знал, куда девать проклятые кулаки... как он мог? Но Рон, как он мог так сказать о Сьюзен?!

— Чтоб меня дракон укусил, если я еще хоть раз назову тебя другом, Поттер, — спокойно сказал Рон в унисон мыслям Гарри. Голос его был почти равнодушным, и от этого Гарри стало еще хуже. А потом в мозг непрошено ударил гром понимания.

— Рон, я... прости, я не хотел... не хотел тебя ударить.

— А, пошел ты!

На утренней тренировке Рон не появился.

* * *

— Квирдичские болота! — объявил Годрик, сопроводив объявление картинным жестом, и отступил назад, дабы полюбоваться реакцией. Реакция не замедлила последовать: ученики старого Хогвартса, знавшие, что это за место, уныло и недовольно забубнили, а ученики Хогвартса нового, будучи в курсе того, *чем именно* знамениты Квирдичские болота, наоборот, пришли в возбуждение. — Итак, через месяц — будет, э-э-э... как ее там, спортивная схватка!

— Соревнование, — мрачно поправил его сидящий рядом Снейп.

— О, да... конечно, — прокашлялся Годрик. — с сегодняшнего дня можно выбирать оружие... членов кома... команды, — старательно закончил он. Годрик еще немного помахал для вида полой клетчатой мантии и, сочтя обязанность глашатая исполненной, сел за стол и с удовольствием приступил к завтраку.

— Квирдичские пустоши! — воскликнула Клара. Ее глаза горели фанатичным огнем. — Это значит... это же значит, что мы...

— Изобрели квиддич, — хмуро согласился Гарри. не спавший всю ночь он сонно взбалтывал в стакане травяной отвар, которыми их пичкала Хельга во избежание всяческих болезней. Но так

как в последнее время мистрисс Хуффльпуфф была очень занята, так как на ней висела организация снабжения всего Хогвартса, то у Гарри возникали справедливые подозрения, что готовил эту полезную гадость, по цвету и консистенции напоминающую слегка подгнившую болотную жижу, человек, имеющий непосредственное отношение к Зельям.

— Я же говорила! — возрадовалась герцогиня Яртли, в эйфории стукнув кулаком по гриффиндорскому столу так, что кубок Тео опрокинулся на платье Эльвире Эгберт. — И чего все так стращали нас тем, что мы испортим время... Вовсе нет! Наоборот, все, оказывается, взаимосвязано! Но почему наших имен не сохранила история? — этот факт ее чрезвычайно угнетал.

— Клара, нечего говорить о том, чего не знаешь наверняка, может, мы уже изменили историю квиддича? — отрезала Гермиона. — Профессор Джонс прав: пока мы ничего не знаем о том, *что такое время*, делать подобные вещи здесь опасно! Я не понимаю, почему профессор Эвергрин поощрила это!

Гарри переглянулся с сидевшим поблизости Невиллом. Тот тут же уткнулся в глиняное блюдо с жареной рыбой и тихонько предположил:

— А если она поняла, что не сможет найти заклатья?

Разговоры тут же смолкли не только за их столом, но и за соседним столом Хуффльпуффа тоже. Ребята, завтракавшие далеко от Невилла и Гарри, начали вертеть головами и шумно интересоваться у своих соседей, в чем, собственно дело. Сью сидела как раз за спиной Невилла (после того, как они с Гарри сегодня утром «поздоровались» в коридоре, пока их никто не заметил, и Сью отправилась за стол своего факультета, Гарри мучительно разглядывал ее, ловя каждое движение — а что, если Рон прав?), и она так резко оглянулась, услышав его слова, что Гарри чуть не вскочил. Джинни смотрела на Невилла расширенными блестящими глазами, и Гарри мог бы поклясться, что в них мелькнуло отчаяние, а потом — ненависть к Невиллу, посмевавшему вслух и при всех высказать ту страшную мысль, которая несколько месяцев огромным ржавым гвоздем сидела в мозгу у каждого из них.

За спиной Невилла как привидение проплыл профессор Снейп.

— Если бы мы были в двадцатом веке, мистер Лонгботтом, я бы снял с вашего факультета сто баллов за пораженческие настроения. Мисс Грэйнджер, что это вы пишете? Я велел вам учить все только наизусть!

— Ничего профессор! — Гермиона с невинным видом развела руками и предъявила Снейпу пустой стол. Тот поджал губы — подловить не удалось.

— Что-то вы слишком долго завтракаете, — сварливо каркнул Снейп на ходу. — Заканчивайте, вас уже ждут на тренировке!

— А у меня тренировка в другом месте, — хмыкнул Невилл, когда Снейпа унесло в ту сторону, где Годрик о чем-то доверительно шептался с леди Рэйвенкло.

Гарри перевел взгляд на Гермиону. Она была бледной, совершенно невыспавшейся, как и он сам, а под глазами у нее висели голубоватые мешочки усталости и собирались мелкие морщинки. Гарри отчаянно хотел сказать ей что-то утешающее, но не смог, точно ее слова о том, что они стали совсем чужими друг другу, до сих пор жгли его изнутри, поставив между ними какой-то барьер. Гермионе будет только больнее, если я начну ее успокаивать, мысленно пытался утихомирить свою совесть Гарри, но лучше от этого ему не становилось. Он знал, что идиотская гордость, точно бритва, медленно проводила по его надежде холодным лезвием, оставляя за собой наливающийся кровью алый след, и мешала просто подойти к ним обоим, просто сказать, что он был не прав, что все они были не правы. Рон сидел на одном конце стола, даже не пытаясь скрыть свой подплывший синяк от любопытных взглядов, Гермиона — на другом. Она порылась в холщовой сумке, лежащей рядом, и демонстративно уткнулась в переплетенное в кожу оборотня древнее «учебное пособие» *«Магие траве и деревие»*, переписанное неудобоваримым почерком на саксонском языке. Рядом с ее локтем лежал пергамент наполненный острым убористым почерком сэра Роберта: словарь, который он составил, чтобы ему было проще изучать саксонский язык. Теперь этот свиток он отдал Гермионе.

Обе причины одиночества Гарри — истинные ученики Слизерина, — Роберт и Матильда сидели, как обычно, за своим столом. Матильда, не обращая внимания на взгляды, которыми ее окатывали почти все сидящие в зале, преспокойно улыбалась Драко Малфою, который отвечал ей на это немного нервным взглядом. Уголок его рта странно подергивался. Роберт же вел себя не слишком обычно. Всегда холодный и молчаливый, он неловко ерзал на своем месте, то и дело устремляя тяжелый взгляд на Гермиону. Гарри вдруг заметил, что Драко склонился к Роберту и

что-то негромко сказал ему на ухо. Юноша холодно взглянул на Драко и пожал плечами. Малфой понимающе кивнул и продолжал что-то шептать на ухо Роберту. Крэбб и Гойл напряженно вслушивались в его вкрадчиво шелестящие интонации и довольно скалили зубы в ожидании... Но тут Роберт что-то ответил Драко, что-то презрительное и холодное, и верные оруженосцы Малфоя вытянулись по струнке, готовые размазать обидчика по стене. Но Роберт лишь мрачно посмотрел на них, и один лишь этот взгляд размазал по стенке самих Крэбба и Гойла. Малфой скрипнул зубами, наблюдая за тем, как Роберт Эверетт собирает свитки и уходит. Да, за столом слизеринцев медленно, но верно, рождалась какая-то интрига.

Весна обрушилась на Гарри в тот же момент, когда он вышел во двор. на безопасном расстоянии от сэра Кэдогена и вольеров с брыкающимися в нем гиппогрифами (у них начался брачный период, поэтому мистрисс Хельга с помощью нескольких работников вчера рассадила драчунов по разным загонам) паслись лошади. Сегодня предстояла борьба с гипотетическим вражиной с помощью копий, пик и лошадей. у сэра Кэдогена к этому времени уже сложился круг любимцев, которым он доверял первые эксперименты с оружием, поэтому Гарри не сильно удивился, когда господин профессор Кэдоген помахал ему, чтобы демонстрацию провел именно он. Гарри со вздохом влез на ближайшую тощую коняку, подхватил здоровенную пику, благоговейно поданную ему Деннисом Криви, и несколько раз тщательно потыкал ею с разбега в кривоватый мешок, набитый соломой. Это вызвало у сэра Кэдогена взрыв восторга, а у Драко Малфоя, случившегося тут же поблизости, припадок неконтролируемой зависти. Она нашла свое выражение в том, что пока Гарри слезал со своего росинанта, Драко изящным движением перерезал ему подпругу, вследствие чего Гарри ухнул на землю вместе со всем своим ржавым снаряжением, коим его перед забегом на короткую дистанцию снабдил сэр учитель. Отряхнувшись, Гарри заметил, что ржали вокруг не только слизеринцы. Рон стоял в стороне и наблюдал за тем, как Гарри барахтается в скорлупках своих доспехов, словно перевернутая черепаха, с ехиднейшей из улыбок. Если бы не полыхавшая огнем шевелюра, его можно было бы принять за Малфоя — вон, как радуется моей неудаче, оскорбленно подумал Гарри, собирая по колечкам свою кольчугу. Пока он выгребал из молодой травки свою амуницию, Драко Малфой изящно вспрыгнул на здоровенного чалого коня, направил его на многострадальный мешок с соломой и пронзил насквозь воображаемого врага с такой силой, что Гарри заподозрил, будто Драко в этот момент представил на месте мешка кого-нибудь другого. Все это могло мне только показаться, и вообще, после утренней разборки с Роном у меня начинается мания преследования, мрачно думал Гарри, но все же у него оставалось стойкое впечатление: Малфой что-то замышляет. у Гарри зачесались кулаки надрать Малфоем шкуру, но это могло плохо кончиться — сэр Кэдоген не поощрял драки на собственных занятиях, хотя сами занятия, собственно, были одной большой дракой. Виновникам доставалось по полной программе: после тренировок они вручную, без помощи магии затаскивали в подземелья горы доспехов и оружия.

После Гарри и его недруга на «ристалище» по очереди продолжили тренироваться другие ребята. Сэр Кэдоген периодически подбадривал их зычным боевым кличем, так напоминающим брачный зов гиппогрифа, что самки из соседней клетки начали кокетливо откликаться на него утробным курлыканием, похожим на икоту объевшегося льва. Гарри немного понаблюдал за тем, как Симус и Тед Тойли общими усилиями снимают с конца копьяд Тоби Табби (он промазал на несколько футов мимо мешка, а затем копье перевесило, вонзилось в землю и оставило Тоби уныло болтаться на рукоятке копьяд посреди двора, в то время как его молодая лошадка игриво ускакала прочь от незадачливого рыцаря), а потом не выдержал и решительно подошел к спокойно сидящему на большой колоде Роберту Эверетту. Роберт так и так был лучшим из учеников сэра Кэдогена, способным за какие-то полминуты разделать злополучный мешок с соломой под орех, поэтому он, показав свое мастерство, был отпущен отдыхать.

— Сэр Роберт? — вежливо окликнул его Гарри. — Можно задать вам один вопрос?

— Я слушаю вас, сэр Гарри, — откликнулся Роберт, равнодушно созерцая то, как процедуру снятия с копьяд новичка повторяет уже Алистер Макьюэен со своим дальним родственником.

— Могу я узнать, о чем вы беседовали с Драко Малфоем сегодня утром за завтраком?

Вопрос мог показаться оскорбительным для благородного рыцаря, ибо Гарри Поттер очевидно лез в его личные дела, но Роберт решил не казаться суровым со знакомым, и, по-видимому, единственным другом леди Гермионы.

— Он видел, как я летаю, когда играю в эту вашу игру — квиддич, — спокойно заметил он. — Спрашивал, не соглашусь ли я сыграть за их команду, — летал Роберт Эверетт великолепно, разворачивался с легкостью и уже несколько раз на глазах Гарри ухитрялся проделывать нечто,

напоминающее Обманку Вральского. Но была одна проблема: Роберт не слишком любил то, что ему легко удавалось, а летать ему удавалось отлично.

— Их команду? Он уже собрал команду? — недоверчиво переспросил Гарри. Вот как, Малфой его, оказывается, уже опередил?

— Именно. Он предлагал мне защищать корзину, но, откровенно говоря, защищать корзину — это несколько оскорбительное предложение для меня, не находите? Я не стал превращать его в червивый пень, поскольку в этот момент вокруг нас было много людей, но если эта маленькая бледная поганка еще раз обратиться ко мне с предложением, задевающим мою честь — ему не миновать вызова на поединок. Обратите внимание, сэр Гарри, он довольно ловок, с оружием этот мальчишка обращаться умеет, но он слишком сильно занят тем, как выглядит со стороны его умение. Серьезный противник покрепче в кости и пошире в плечах свалит его за одно мгновение...

— Вы все это видите? — удивился Гарри.

— Воин должен уметь оценивать недостатки и достоинства своего потенциального врага. в этом и заключается стратегия и тактика, которые обязан знать и настоящий рыцарь, и настоящий волшебник, если он хочет чему-то научиться, — несколько назидательно уронил сэр Эверетт, напомнив своей поучающей интонацией саму Гермиону. Он встал и снял тяжелые металлические перчатки. — Если хотите выиграть у него — никогда не поддавайтесь на уловки, это главный козырь таких петухов как он и ему подобные, — многозначительно сказал Роберт. — И, думаю, он еще не успел взять в команду О'Линна, Дуайр — магпорожденный, а этот... не слишком умен для того, чтобы использовать *такую* возможность для выигрыша. Вам нужно воспользоваться этой промашкой. Братья Эгберты и Дуайр — хорошее подспорье для вашей команды, сэр Гарри, а если забивать голы возьмется леди Клара, весьма решительная молодая особа, то выигрыш вам обеспечен.

Гарри не успел ничего сказать, как Роберт повернулся и отправился к замку.

Станный парень. Интересно, почему он не похож на остальных слизеринских лизоблюдов? Он помог им с Гермионой, дал дельный совет относительно игры. не похоже, чтобы он играл в команде Слизерин-Малфой, но Гарри почему-то думал, что с Робертом не все так просто.

После обеда перед воротами из Хогвартса встретились Гарри, Колин Криви и Клара. в руках у каждого были метлы, Клара нетерпеливо подбрасывала кваффл, а Колин под мышкой сдерживал рвущиеся на свободу обтесанные камни: бладжерами служили огромные, неровно отшлифованные куски гальки. Удар по голове таким увесистым предметом мог навсегда перечеркнуть надежду на будущее у любого игрока.

— Кто еще? — возбужденно спрашивал Колин.

— Я послал горлиц остальным, надеюсь, придут, — Гарри вглядывался в лестницу, ведущую в замок. Сов здесь выпускали только по ночам, а днем пользовались почтовыми голубями и горлицами.

— А как же ты добился того, чтобы нам разрешили взглянуть на Квирдичские пустоши? — воскликнула Клара. — Я думала, что нас за пределы Хогвартса все равно не отпустят!

— Я посоветовался с профессором Эвергрин, и она договорилась, что за нами присмотрят.

— Кто?

— Не в курсе. Она сказала, что эти люди будут ждать нас прямо там.

— Ух ты! — воскликнула Клара, углядев, как из замка спускаются пять человек. — Гарри! Неужели ты пригласил!..

— Они играют лучше всех! — убежденно заметил Гарри и сделал знак часовому открыть ворота.

Навстречу ему уже шли с метлами Дуайр О'Линн, Эдвин и Эдмунд Эгберты, Тед Тойли и Кларенс Дэйвис.

— Привет, — поздоровался Гарри. — Спасибо, что пришли.

— Не благодари, Поттер, — сухо сказал Кларенс. — Я еще не забыл того, что ты учинил в прошлом году. Разные слухи ходят, Парвати и Падма, правда, сказали, что ты не был виноват, но...

— Думаю, что это уже в прошлом, — примирительно потрепал его по руке здоровяк Тойли. — Чего ты хотел, Гарри?

— Я приглашаю вас всех играть в нашей команде, — просто сказал Гарри.

Дуайр радостно выкрикнул что-то уж очень сильно гэльское и исполнил радостный пляс на метле, нечто среднее между рилом и акробатическим рок-н-роллом.

— Ух! Ну, держитесь, змееустовы прихвостни! — воскликнул он. — Я буду играть кваффлем!

— Кваффлом. Я и хотел предложить, чтобы ты был нападающим, Дуайр

— А мы? — заинтересовался Эдмунд.

— У вас замечательно получится работать дубинками, наверное, только вы сумеете отогнать от всех эти булыжники, — Гарри кивнул на ношу Колина.

— А что! — поддержал Гарри Эдмунд. Он радостно потер руки. — Неужто не справимся с этими штуками? А что будет делать сэр Кларенс?

— Я еще не решил, буду играть с тобой, Поттер, или нет! — предостерег Кларенс Дэйвис. — Впрочем, это хороший шанс натянуть Малфою нос. Говорят, из здешних он взял играть Вьепонта, да и то — на ворота, а после того, как Росс Кэмпбелл и Годвин Уоррик что-то ему наобещали — и их тоже.

— Наверное, решил, что его туша закроет сразу все три корзины, — захихикал Эдмунд.

— Но-но, полегче! — насупился Колин. — Защищать кольца — это не так просто, как мячик таскать!

Кларенс еще некоторое время раздумывал, но потом решительно кивнул.

— Ладно, я — с вами. А что же будет делать Тед? Нас ведь уже семеро.

— А он будет ловцом, — заметил Гарри.

Грбовая тишина.

— А как же ты, Гарри? — уныло опустили уголки рта у Клары.

— А я буду ловцом-запасным. на тот случай, если Малфой что-то выкинет, а он на это способен. Каждой команде можно иметь только одного запасного игрока, вот я им и буду, — Гарри затаил дыхание, ожидая, что скажут Кларенс и Тед. Он надеялся, что хоть теперь они поймут, что он не стремится к популярности.

— Ты и в самом деле не хочешь играть? — не веря своим ушам, переспросил Тойли.

— Я уже наигрался, — хмуро сказал Гарри. — Так что, беремся за это дело?

— Идет, — Кларенс кивнул ворохом хиппово спутанных волос. — Руку, Поттер. Извини, я в тебе ошибался, — он тяжело ударил по руке Гарри своей сухой цепкой ладонью.

— Это же надо! Мы откроем век квиддича! Мы с вами! — умилился Тед, так крепко обнимая Эдвина и Колина, что они придушенно засопели. — А кто знает, куда лететь-то?

— Я вас поведу, — объяснил Дуайр. — Сто раз там бывал, когда меня посылали за лекарем Кеддлом. Держитесь меня и не отставайте, — и он взмыл вверх на максимально бреющем полете, который был возможен на его метле.

Болота оказались в часе лета от замка. Квиддичские пустоши были удачно ими отрезаны от раскинувшихся слева холмов, в которых тут и там мелькали магловские деревушки, а с другой стороны их защищал темный полукруг Леса Теней, в одиннадцатом веке протянувшийся куда дальше с севера на юг, чем в те времена, из которых сюда попали ребята. на краю болот росло несколько одиноких деревьев.

— Смотрите, — возбужденно отметила Клара, делая круг над пустошью. — Можно повесить корзины вон там и там! со стороны леса и с этой стороны тоже. Очень удобно!

— А размер поля? — поинтересовался Дуайр. — не криво ли? Я думал, оно должно быть круглым.

— Ты что, этот размер потом будет стандартным для любого квиддичного поля, — воскликнул Гарри. Снижаясь, он взгляделся в одинокую фигурку на краю леса, возле которой маячило серебристо-белое пятно, а рядом подпрыгивало что-то, издавая напоминающее встревоженную блоху. — не может быть!

— Кто это? — Колин прикрыл рукой глаза от весеннего солнца.

— Не может быть, — шептал Гарри. — Глориан!

— Вот это да! — выдохнул Эдмунд. — Настоящий Эльф!

Действительно, это был наследный принц Леса Теней. Он стоял, положив руку на шею большому единорогу, и улыбался. Рядом с ним Добби счастливо махал руками и ушами, а подпрыгивая, ухитрялся махать даже ногами. Все ребята приземлились неподалеку и робко, бочком подобралась к эльфам — Древнему и домовому, не зная, как себя вести. Особенно смущались братья Эгберты, в обычном состоянии почти не способные на это. Зато Дуайр О'Линн почти не был удивлен. на его родине в Ирландии Эльфы не сторонились людей, как здесь, и он уже раньше их видел.

— Добрый день, — сказал Глориан Глендэйл. Он вел себя так, словно ничего не случилось.

— Гарри Поттер! Добби так скучал по Гарри Поттеру! Добби будет смотреть, как Гарри Поттер играет в квиддич! — домовый эльф скакал как оглашенный. Единорог осторожно переступил через Добби, пребывающем в эйфории, и направился к ребятам, чтобы ему почесали шею. Пока Клара и Тед ублажали благородного зверя, Гарри, немного помявшись, все же спросил:

— Сэр... Принц Гле... Глориан... Вы... Ты на меня больше не... сердись? Я же — преступник. Я умею разговаривать со змеями.

— А я — с единорогами, — Глориан пристально смотрел на Гарри. Парень никак не мог понять, что значит его взгляд.

— Я... чуть не разбил вашу священную чашу!

— Я чуть не разбил зеркало в ванной комнате у Валери в первый же день — испугался собственного отражения, — ухмыльнулся Глор. — не думаю, что она бы это одобрила, но, в конечном итоге, и чаша, и зеркало остались целы.

— Я не могу поверить, — воскликнул Гарри и скосил глаза на короткий меч на поясе у Глора. — Вы простили нас? Мы же...

— Я просил отца забыть об этом. Для этого есть причина, поверь, Гарри. Он согласился со мной.

— Но мы залезли в вашу священную пещеру! за это у вас полагается...

— Да уж, вы и не представляете себе, насколько она священна. Для эльфов — и для людей, — Глориан медленно посмотрел на Гарри, и тому показалось, что принц его не видит, вместо Гарри он сейчас разглядывал что-то другое. — А где твой друг, Рон? И его милая сестренка? И Гермиона? Я думал, что они будут с тобой.

— Мы поссорились, — небрежно сказал Гарри и тут же пожалел, что упомянул об этом так, словно друзья ничего не значат для него.

— А что случилось? — обеспокоился Глориан. Он приобнял Гарри за плечи и, пока остальные, убедившись, что Глориан Глендэйл не зарежет Гарри на месте, расползлись по полю, прикидывая траекторию атак, осторожным нажимом на плечо усадил Гарри рядом. Добби похлопал единорога по боку и тоже шумно свалился в не по-мартовски высокую траву где-то поблизости, насколько можно было судить по шевелящимся в зарослях ушам.

— Ничего, — буркнул Гарри. — Так...

— Ага, — понимающе кивнул Глор. — Девушка, значит...

— Откуда ты знаешь? — взвился Гарри. Он вдруг испугался, что Глориан может прочесть его мысли о Сью. Когда у него была такая возможность раньше, Гарри еще не чувствовал того, что, как он был уверен, он чувствует теперь, и эти мысли он постарался тщательно замаскировать. Ставить барьер, как говорил профессор Снейп. Надо ставить барьер... — Ничего и не девушка! Просто... они такие зануды стали... Взрослые, называется! А вести себя по-взрослому все никак не научатся!

— Думаю, что они поймут, насколько ты им нужен, — медленно сказал Глориан. — Вы все нужны друг другу. у каждого из вас есть то, что дополняет других. у каждого из вас — свой дар. Скажи, а как там моя... как Валери?

— Устает очень, — вздохнул Гарри, вспомнив, как на вчерашнем уроке Валери внезапно побледнела и схватилась за край стола худой, истончившейся рукой. — Она много работает, а ночами ищет заклинание в старых книгах и свитках. Мне кажется... кажется, она уже начала терять надежду, — откровенно сказал Гарри.

Глор остановился, как вкопанный.

— Что?!

— Мне кажется, она больше не надеется вернуть нас домой. Она настаивает, чтобы мы хорошо и внимательно учились, особенно налегали на эти кошмарные тренировки с психованным рыцарем, который учит нас средневековым способам убийства без помощи волшебной палочки... Я не знаю, что ней случилось. Может, она уже жалеет, что ушла с Инисаваля?

— Я верну ее, — просто заметил Глориан. — Или она сама вернется... Ей плохо сейчас, потому что она одна, но когда она поймет, что я действительно люблю ее, она вернется. Она, кстати, попросила меня присмотреть за тобой на тренировках по квиддичу, потому что знала, что я не откажусь. Ну, и я ее попросил об одном одолжении тоже... — он нахмурился, и запах весенней травы вдруг стал резче и тяжелее. Гарри знал, что Эльфы в состоянии запахом выдавать свои эмоции, и заподозрил, что Глор о чем-то сильно волнуется. Парень вспомнил напряженную совиную переписку между замком и Лесом Теней. Интересно, о каком одолжении речь?

— Ладно, Гарри, иди, твои друзья уже тебя ждут. Жаль, что вы не взяли в команду Рона. А кто будет играть против вас?

— Малфой, — фыркнул Гарри, оседывая метлу. — Драко Малфой. Тот самый парень, который...

— Помню. Интересно... — Глор уселся поудобнее лицом к кувыркающимся в воздухе игрокам и о чем-то напряженно задумался.

Гарри взмыл в небо и выпустил снитч. Глориан Глендэйл снова стал таким же, каким был раньше. Добрым и чутким. Станные они, эти Древние Эльфы. Никогда не знаешь, чего от них ждать. Интересно, смог ли я поставить защиту? Надо еще поработать над этим. Снейп меня со свету сживет, если я брошу этим заниматься, — и он переключился на опасную ситуацию на импровизированных *воротах* (на самом деле, пока он беседовал с Глором, братья Эгберты приспособили вместо корзины большое воронье гнездо), которую затеяли Дуайр, Клара и Колин. Совершив несколько кульбитов в поисках снитча, Гарри внезапно уловил отчаянно вопящий что-то голос Добби.

— Добби будет подбирать кваффл для игроков Гарри Поттера! — слышался с земли восторженный вопль домового эльфа. Добби немного повертелся и умоляюще спросил. — Гарри Поттер не мог бы... Добби всю жизнь мечтал... не мог бы... э-э-э...

— Да, Добби? — Гарри просвистел мимо маленького эльфа на приличной скорости, уворачиваясь от нехоти появившегося на пути дерева. Снитч мелькнул где-то далеко над ним, и Гарри увидел, как ему наперерез мчится Тед. Снитч не успел еще раз взмахнуть прозрачными крылышками, как их пальцы одновременно схватили крохотный шарик. Тед и Гарри рассмеялись, и Гарри снова опустился вниз. — Что ты хотел попросить?

— Гарри Поттер не сможет покатасть Добби на метле? — дрожащим голосом осведомился Добби и тут же бросился к дереву, чтобы побиться об него головой — еще бы, такая оскорбительная просьба!

— Без проблем, Добби, — рассмеялся Гарри. Он на лету подхватил хилую фигурку эльфа и рывком посадил его перед собой. Добби в ужасе впился длинными пальцами в древко метлы и отчаянно зажмурился. Гарри осторожно снизил скорость, чтобы не напугать Добби, и сделал несколько изящных пируэтов, немного опасаясь, выдержат ли хлипкая старинная метла и нервы домового эльфа такую перегрузку.

Добби, в свою очередь, отчаянно завопил. от радости.

— Гарри Поттер катает Добби на метле! У-у-ух! Добби лети-и-ит! Добби — первый летающий домовый эльф! Гарри Поттер катает Добби на метле-е-е!!! — орал Добби, на бешеной скорости проносясь мимо остальных игроков.

Все смеялись, Колин даже чуть со своей метлы не свалился от хохота, Глор махал руками снизу, Гарри взмыл еще выше, вызвав у Добби очередной восторженный вопль, постепенно переходящий в полный восхищения вой. Затем вой стих. Да, первый раз вот так полетать на метле, да еще и со спецэффектами — не слабо, не переборщил ли я с выкрутасами, подумал Гарри, аккуратно снижаясь. Добби слез с метлы с трудом, ноги у него расползались в разные стороны, руки все еще не желали отпустить метловище, зеленые глазищи расфокусировано вращались, но он был безумно горд своим достижением.

— Добби видел небо! — просипел он, пребывая в полной эйфории. — Добби летал в небо! Гарри Поттер взял Добби с собой на небо!.. — тут он поперхнулся, его глаза смущенно заморгали и разъехались в разные стороны, а потом Добби взвизгнул и бешено припустил за ближайшее дерево. Судя по всему, он увидел не только небо, но и все звездочки на нем. Все чуть с ума не сошли от хохота, казалось, даже единорог хитро улыбается, скосив большой темный глаз в сторону Гарри. Глориан показал большой палец — продолжай в том же духе.

— Потрясающе! — заметил Кларенс. — Домовый эльф в небесах! Это стоит запечатлеть в веках. Эксцентричная картинка для первой полосы *Дейли Пророка*!

Все тут же замолкли. Первая полоса Пророка — как это было от них далеко. Колин вздохнул. Клара резко встрепенулась и дернула Гарри за рукав.

— У меня есть предложение! — сообщила она, хитро улыбаясь. — Для того чтобы запечатлеть в веках это событие, предлагаю первую в истории команду по квиддичу назвать *Эксцентричные Эльфы*!

Все пошевелили мозгами.

— А что — неплохо, — заулыбался Тед Тойли. — Могу представить, как Малфой назовет свою команду!

— Ты думаешь, он захочет стать капитаном?

— Он всегда хочет все и сразу. Я не сомневаюсь.

— А кто будет капитаном у нас? — нерешительно спросил Колин, косясь на Гарри.

Такое впечатление, что все повторили его взгляд. Гарри вскипел.

— Да не хочу я! Чего вы на меня все уставились? Вон, Кларенс играет в квиддич столько же, сколько и я! И Тед тоже меня старше!

— Дело ведь не в возрасте, Гарри, — примирительно заметил здоровяк Тойли. — А в харизме, скажи, Кларенс? из меня, например, капитан никакой, я не могу одновременно ловить снитч и следить за остальными игроками, прошлый год это весьма красноречиво доказал.

— А мне как-то не улыбается заниматься стратегией, — махнул рукой Кларенс. — Эгберты и Дуайр не играют и месяца, они ничего об этой кухне не знают, Колин...

— Нет, нет, я не буду капитаном! — выпалил Криви испуганно.

— Ну вот! А Ярнли еще маленькая.

— Получишь, Дэйвис, *по крупному*, если будешь обзывать, — предупредила Клара, грозно насупись и закатывая рукава.

— Ой, спасите..., — хмыкнул Кларенс, защищаясь от маленьких кулачков Клары.

— Гарри, сам видишь, это — твоя судьба. Ты — единственный не занятый непосредственно игрой член команды, так даже проще.

— Ну, уморили! — воскликнул Гарри недовольно. — Тоже мне причина!

— Проголосуем? — спросил Тойли хитро.

— Да зачем? И так все ясно! — захихикал Эдмунд Эгберт. — Сэр Гарри — наш капитан!

— Гарри Поттер будет замечательным капитаном! — слабо подал Добби голос из-за дерева. Его все еще мutilо, и огромные зеленые глаза закатывались от дурноты

— Вот черт... — пробурчал Гарри.

Теперь Рон будет думать, что я и капитаном стал из-за желания привлечь внимание к своей персоне. Вот черт... Гарри оглянулся на Глориана и внезапно почувствовал, что тот его понимает. Понимает его сомнения. Странно, такой хороший парень, и почему мисс Эвергрин...

С другой стороны... тролли... Зло... Все это как-то странно.

Глор, такой умный, приятный, красивый — все равно, несмотря ни на что, излучал угрозу.

* * *

Когда они летели обратно, Дуайр объяснил им, что можно срезать угол и вместо того, чтобы облетать холмы по краю, сделав солидный крюк, просто пролететь над Лесом Теней. Все согласились, потому что они жутко устали и тратить лишнее время просто для безопасности полета никому не хотелось. Колин отчаянно зевал на метле, отчего она то и дело пыталась нырнуть вниз. Колина уже несколько раз отлавливали, пока Тойли не привязал его метлу к своей во избежание несчастного случая, пока Колин не *уснул за рулем*. Клара сонно выправляла метлу, которая постоянно норовила забрать влево и спасалась от того, чтобы не заснуть, разговаривая с Дуайром (ирландец, восхищенный тем, как она летает, смотрел ей в рот и называл ее то «Ваша Милость», то «Ваша Светлость», а иногда и «Ваше Величество»). Братья Эгберты перебрасывались кваффлом с Кларенсом через голову Гарри, беседуя о различных способах преодоления сопротивления на воротах противника, и, как заподозрил Гарри, заранее организовав заговор против команды Малфоя. Очень быстро темнело и вскоре пришлось достать палочки и зажечь свет.

— Ох, профессор Эвергрин нас убьет за то, что мы так задержались! — тяжело вздохнул Тед, подтягивая вновь посапывающего Колина к себе поближе, чтобы тот не упал.

— А о том, что леди Рэйвенкло с нами сделает, я даже думать не хочу, — содрогнулся Дуайр О'Линн. — Вполне может запретить посещать библиотеку целую седмицу!

— Да ладно вам, ничего не будет, — примирительно заметила Клара. — Смотрите, мы уже приближаемся, видите вон там огни на башнях Хогвартса? — она показала на несколько сияющих звездочек, сверкавших далеко и внизу за спутанными ветвями Леса Теней.

Дуайр присмотрелся и покачал головой.

— Нет, это не Хогвартс. Слишком далеко до него пока .

— Может, деревня какая-то? — предположил Гарри. — Свернем, а то огни от наших палочек могут увидеть.

— Какая деревня? — возразил Эдвин. — Мы же над лесом летим!

— Откуда же тогда огни? — удивился Кларенс.

— А давайте посмотрим! — воодушевилась Клара.

— Ты что! Уже почти ночь, а ты собралась в Лес Теней прогуляться? А если это тролли? Или охотники разожгли костры, а ты на них сверху свалишься верхом на метле? Они же тебя в этом костре и спалят, ведьма ты этакая!

— Ведьма, ведьма, совершенно верно, — согласилась Клара. — Все равно охота посмотреть! Айда! — и она лихо сиганула вниз, прямо на мерцающую стаю огней.

— Сумасшедшая! — заорал Гарри. — Давайте за ней! на перехват! — он ринулся вниз следом за Кларой, чувствуя, как вибрирует под ним метла от слишком резкого виража. Он слышал, как метлы остальных ребят свистят следом за ним. Потом он в размаху вписался в темную путаницу ветвей, по его боку прошлось что-то колючее, и мириады поблескивающих огоньков врезались ему в глаза. Приземление было не из легких.

Клара стояла посреди огромной поляны, покрытой светящимися цветами, и зачарованно разглядывала один из них, который только что сорвала.

— Класс, — сказала она прерывающимся голосом. Она поднесла цветок поближе к лицу Гарри, и он ощутил тонкий лилейный запах. Крохотный цветочек поворачивался перед Гарри, тонкие загнутые золотистые лепестки сияли, отражая воздушное, неземное свечение, исходящее из чашечки, в глубине которой прятались крохотные блестящие тычинки, на концах которых точно сверкали алмазы. — Гарри, погляди, какое чудо!

Сзади приземлились остальные ребята. Послышались возгласы восторга, пока все разглядывали удивительный мир светящихся цветов.

— Ух ты! — восхищенно выдал Дуайр. — Что это? Что это за цветы.

— Редкая штука! — торжественно объявил Тед. Он осторожно присел перед цветком, и тот тут же кокетливо повернулся к нему, словно для того, чтобы Тед рассмотрел его получше. — у этого цветка много названий. Королевское копье. Златоцветник. Златоок. Или просто *Asphodelus magicus albus*.

— Что? — у Гарри перехватило дыхание.

— Асфодель волшебный белый, — пояснил Тед. — Цветет исключительно в первое новолуние весны плюс еще три дня. Его могут опылять только пикси.

Асфодель. Так вот как он выглядит, когда цветет. Как золотая звезда.

Гарри не мог сейчас вспомнить, что *точно* говорилось в *том самом рецепте*, о котором он слышал. Но асфодели там были, факт. Что надо было у них взять — цветы, листья, корни? Надо собрать все, на всякий случай.

— Нарвем, — решительно сказал он.

— Ты что, Гарри! Зачем обносить поляну? Так красиво! — воскликнул Тед.

— Гарри прав! — оживилась Клара. — Эта штука — ценный ингредиент для разных зелий. Может, если мы притащим охапку асфоделей, Снейп не будет нас так уж жутко ругать?

— А я уже! — объявил Эдвин Эгберт, предъявляя большую кучу цветов. — Леди Джинни понравится!

— Еще бы не понравится. Только понравится ей тот букет, который я ей принесу, а не эта метла, которую ты прячешь за пазуху, — съязвил его брат.

— Только попробуй, балбес, схлопочешь!

— Тише вы! — отчаянно попросил Гарри. Эгберты удивленно повернулись. — Здесь... не хочется ссориться. Такая красота...

— Да-а-а, — протянул Колин. Он зачарованно оглядывался и рассматривал крохотные точки серебристых пикси, летавших на звездными венчиками цветов на краю поляны. — Как в сказку попал. Жаль, что все это нельзя сфотографировать.

— Чего-чего? — не понял Дуайр.

— Сфотографировать, — начал объяснять Колин, нагибаясь за очередным цветком. — Что-то вроде того, как рисует Дин Томас, только с помощью специальной машины...

* * *

В Хогвартс они вернулись около полуночи. Первое, что они увидели, когда снизились прямо на лестнице перед главным входом в замок, была сторбленная фигура Снейпа, упершего руки в бока. Его глаза излучали холодную ярость.

— Где вас носило, Поттер?!

— Сэр, мы тренировались на болотах! — пискнула Клара.

— Я не спрашиваю вас, мисс Ярнли, меня интересует ответ Поттера!

— Клара же вам сказала...

— Вы осмеливаетесь дерзить мне, Поттер?

— Нет, сэр! Но нам надо было...

— Значит, вам надо было тренироваться всю ночь напролет? — ядовито прошипел Снейп.

— Но еще не утро! — запротестовал Кларенс.

— Молчать, Дэйвис! Вы знаете, что мы уже отправили нескольких работников искать вас? Вы знаете, что профессор Эвергрин уже раз двадцать гоняла сову на Инисаваль и обратно? Мистрисс Хуффлпуфф места себе не находит, сэр Гриффиндор отправил верховых в лес — вас искать, а Леди Рэйвенкло уже... Что это? — он принялся. — Что это вы притащили с собой, Поттер?

— Асфodelи, сэр, — Гарри послушно полез под мантию и вытащил оттуда немного помятый букет. — Когда мы летели обратно, то наткнулись на поляну, полную... Что с вами. профессор?

Снейп был блее мела.

— Живо несите цветы в мою лабораторию! — произнес он дрожащим голосом и выхватил букет из рук стоящего рядом Эдмунда. Тот запротестовал.

— Но сэр, я хотел подарить его...

— Это неважно! — рявкнул Снейп. — Неважно, что вы хотели сделать... У вас еще будет другая возможность... Поттер, где эта поляна, говорите живо!

— Мы можем вам показать, профессор, — Гарри пожал плечами. — Я решил собрать немного, чтобы, в общем, для...

— Я знаю, Поттер, *для чего* вы решили их собрать, — раскаленные угли глаз Снейпа оказались совсем близко от лица Гарри. — Я прекрасно все понимаю, но ваш *длинный язык*... не складывайте цветы в одну кучу! — заорал он на Теда, собравшегося положить свою охапку на букет Клары. — Отдельно, отдельно кладите! И *обязательно* укажите, где чья связка!

— Рехнулся, — вполголоса пояснила Клара Дуайру. — Ничего, с ним такое часто бывает.

— Я все слышал, леди Ярнли, — не оборачиваясь прошипел Снейп. — Завтра вы все отправитесь вместе со мной и остальными учениками и соберете еще больше цветов. Скажите спасибо, что здесь пока не принято снимать баллы, — это было произнесено с явным сожалением. — Но наказание я вам придумаю не маленькое... Убирать навоз до утра, думаю, всем понравится.

Все взвыли, а Гарри смотрел на то, как Снейп трясущимися руками перебирает цветы. Злобный профессор, очевидно, еще не потерял надежду.

Всю ночь Гарри вместе с другими провинившимися бедолагами из своей команды выгребал навоз из конюшни. Грязно там было до умопомрачения, точно все лошади специально постарались усложнить им жизнь, предварительно сговорившись со Снейпом. Гарри возвратился в спальню только под утро, весь мокрый, грязный, мечтающий только о том, чтобы добраться до ванны, которой им служила кошмарного размера лохань, где они с помощью волшебства нагревали воду. Попрощаясь с Кларой на лестнице, ведущей в комнаты девочек (Клара была вся перемазана птичьим пометом — чистила клетку особенно крикливых авгуров), Гарри поднялся к себе, но, не в силах доползти до корыта и нагреть воду, упал на свою кровать и заснул, благополучно проспав весь завтрак и большую часть тренировки с сэром Кэдогеном.

На заднем дворе он появился уже ближе к полудню. Накрапывал дождик. Сэр Кэдоген орал на Дина, который даже в перерывах между схватками на затупленных мечах ухитрялся что-то рисовать на обрывках пергамента.

— Не пристало истинному рыцарю баловаться малеванием картинок вместо изучения благородного дела вызова на поединок!

— Да разве я собираюсь кого-то вызывать на поединок, сэр? — изумленно спросил Дин под фыркание одноклассников. — Я человек мирный.

— Не скажите, не скажите, юный сэр, — настаивал сэр Кэдоген, с трудом опираясь на свой большой зазубренный меч и еле удерживаясь, чтобы не упасть, потому что меч с легкостью входил во влажную мартовскую землю. — А если вы сами по незнанию оскорбите кого-нибудь из рыцарей или прекрасных дам? Вам нужно знать, что отвечать, какое выбирать оружие и как защищаться! А глупое марание пергамента не даст вам тех знаний, что так нужны рыцарю в его жизни нелегкой! — в своем педагогическом порыве сэр Кэдоген легко перешел вновь на выпренный стиль.

— Я рисовал вас, сэр Кэдоген, — возмутился Дин. Парни за его спиной захихикали еще сильнее. — Разве это — глупое марание пергамента?

Маленький рыцарь осторожно обошел Дина и взглянул на его набросок со спины.

— Хм, а и, правда, неплохо, — пробормотал он, залихватски подкручивая тараканий ус. — Что ж, сэра Дин, я... не против ваших занятий с пергаментом, но не тогда, когда мы изучаем так необходимое юным рыцарям ратное дело.

— О, а что, если вы будете позировать мне после занятий, сэра? — просиял Дин.

Сэр Кэдоген нахмурился, не до конца уяснив себе, что имел в виду Дин Томас, попросив его ему позировать. Рыцарю, впрочем, все объяснили. Тогда он оживился.

— На лошади! — провозгласил он важно. — в полном боевом снаряжении! И с мечом! И с копьем! с луком и боевыми стрелами! — тут он замолчал, видимо, обдумывая, как ухитриться пристроить на себя всю эту амуницию без риска для своей лошади пенсионного возраста.

— А как же, а как же, сэра! — довольно поддакнул Дин.

Гарри еще немного поухмылялся вместе со всеми над тем, как радикально изменилось отношение сэра Кэдогена к Дину, и только приступил к вызову на поединок Терри Бута, с которым работал в паре («У вас дьявольски испорченный стиль, сэра Гарри! Где вы научились так держать оружие? Попроворнее, попроворнее, сэра Теренс!»), как на заднем дворе показался профессор Снейп. Вид его был чрезвычайно решителен, что не предвещало ничего хорошего. Снейп пошептался с сэром Кэдогеном, а затем с обычным кислым видом объявил:

— Через пять минут всем собраться возле ворот замка. Нужно съездить в лес, чтобы заготовить кое-какие ингредиенты для зелий.

— О, это мне нравится! — оживился Тео Квинтус, бросая меч в кучу сена. — Лучше в Лес Теней прогуляться, чем тратить время на бесполезное махание этими железками!

— Сэр Теофилус, как вы могли изречь подобное? — подавился смехом Симус Финниган. — Ужель вам не по нраву изучение дела ратного, юный йомен?

— Не по нраву, — серьезно ответил Тео, сбрасывая колючий наколенник и отшвыривая его прочь, как консервную банку. — Лучше бы в библиотеке посидеть.

В библиотеке, впрочем, посидеть не пришлось. Все население Хогвартса, включая преподавателей и работников, отправлялось за асфоделями. Валери и Ровена гарцевали впереди на белых лошадях, одинаковых, как и их всадницы, охраняемые вооруженными воинами, у которых, не считая мечей на боках и колчанов со стрелами за спиной, основным вооружением были волшебные палочки. Годрик Гриффиндор о чем-то беседовал со Снейпом, мрачно покачивающимся в седле, и то и дело весело смеялся. Огромный меч постукивал по крупу его коня в такт движению. Гарри поразился, с каким странным выражением Снейп смотрит на Годрика, всякий раз морщась, когда шотландец бесцеремонно сплевывал на землю или почесывал волосатую коленку, торчащую из-под древнего килта, как странно цедит сквозь зубы слова, когда разговаривает с мастером Гриффиндором. Да, Гриффиндор был некрасив, кривоног и неотесан, но это же был *тот самый Годрик Гриффиндор!* по мнению Гарри, Снейпу следовало бы относиться к нему с большим уважением.

Поляна с цветами находилась, как оказалось, совсем недалеко от замка, во всяком случае, верхом до нее они добрались довольно быстро. Через полчаса все уже были на месте, и повсюду раздавались восторженные восклицания — цветы были невероятно прекрасны! по мнению Гарри, ночью, когда асфодели распускались, поляна выглядела гораздо красивее, но и теперь, когда их головки были закрыты и излучали сияние блестящей пыльцы сквозь золотистые створки лепестков, асфодели были похожи на блестящие звезды, упавшие на землю. Девочки тут же начали радостно ахать, но мистрисс Хуффлпуфф быстро их осадила.

— Дамы, мы еще успеем налюбоваться этими цветами, у нас впереди три дня.

— Всего три дня, — уныло простонала Эльвира Эгберт.

— Да, но подумайте о том, сколькими полезными свойствами обладают эти растения! Разве вы не помните, мисс Эгберт, как я рассказывала вам об асфоделях?

Ребята рассыпались по поляне, осторожно выкапывая каждый цветок вместе с корнем, чем-то средним между уродливым клубеньком и облезлой луковицей. Гарри старательно орудовал небольшой кривоватой лопаткой, которую ему выдал старик Мастерс, пока не заметил, как невдалеке раздался крик Денниса Криви: ребята нашли еще одну поляну, куда больше этой. Многие тут же бросили возиться с цветами на маленькой полянке и ринулись на ту, что побольше: по прибытии в лес Годрик пообещал, что тому, кто соберет асфоделей больше всех, достанется какая-то награда, и за нее тут же решили побороться несколько слизеринцев, которые только недавно ворчали, что копанье в земле — занятие не для благородных рыцарей, а для грязных крестьян и вонючих йоменов. Все они мгновенно устремились за наградой, хотя Гарри

подозревал, что приз победителю соревнования представляет собой нечто банальное — например, недельное освобождение от несения караула на башнях. Так уж получилось, что Гарри остался на поляне один; дергая за один особенно упрямый корешок, он нагнулся пониже в траву и услышал тихий шепот:

— Сюда!

Гарри замер. Так шипеть могла только одна гадюка — Драко Малфой. Интересно, нужно ли мне обнаруживать свое присутствие или... я думаю, как чертов слизеринец!.. Гарри не успел прийти к окончательному решению, как кусты на краю поляны раздвинулись, и показалась гладкая чернокобая головка Матильды фон Гриндельвальд, покрытая прозрачным шелковым шарфом.

— Шевалье Малфой? — улыбнулась она.

— Госпожа баронесса! — расплылся Драко в улыбке и склонился к ее руке. Матильда подала ему два пальца с таким томным видом, будто совершила величайшую милость по отношению к белокурому парню. — Ваша Светлость хотела о чем-то со мной поговорить?

И они заговорили. Хотя их разговор был краток, Гарри тут же обнаружил, что Малфой не терял времени и за несколько месяцев ухитрился преуспеть во французском, вернее, норманнском диалекте. Они с Матильдой общались практически свободно, и Гарри тут же мысленно выругал себя за то, что не удосужился обратить свои старания на этот язык, все на что его хватило — местный саксонский говор. Впрочем, что-то из их диалога он все-таки понял. Матильда, с приятной улыбкой обращаясь к Драко, явно рассказывала ему о чем-то. в первые секунды Драко застыл на месте с открытым ртом, но тут же захлопнул его, светски поклонился и ответил ей что-то, привычно растягивая слова. Матильда внезапно сменила выражение лица и коротко что-то сообщила Драко. Тот серьезно посмотрел на нее и медленно кивнул.

— Вы согласны, шевалье?

Еще один, более решительный кивок.

— Прекрасно. Я рассчитываю на вас, — кокетливо склонила головку Матильда.

— Когда? — этот диалог Гарри понял без переводчика.

— Скоро, — она завлекательно подняла бровь и протянула Драко Малфойю одну из асфоделей, букет которых она прижимала к себе. Драко принял от нее этот дар с таким видом, словно ему презентовали, по меньшей мере, полцарства.

Что ж, этим следовало удовлетвориться, потому что сразу после их странной беседы Матильда осторожно приподняла край платья и, перешагнув через росистые заросли травы, исчезла в лесу. Драко Малфой огляделся, чтобы убедиться что их никто не слышал (Гарри нагнулся еще ниже и почти припал лицом к влажной земле), а затем пересек поляну и испарился в противоположном направлении. Гарри подождал еще немного и решил вылезти из своего укрытия.

Здесь был явный заговор. Он понял это, даже не разобрав всех подробностей разговора. Малфой, на виду у остальных прикидывающийся пылко влюбленным в Матильду и не оставивший своих попыток ее завоевать даже после того, как она решительно оказала предпочтение Рону, явно на деле думал не о любви. Страстью тут не пахло, пахло предательством.

Гарри, задумавшись, стоял посреди моря цветов, автоматически прижимая к себе букет асфоделей, и не сразу услышал шорох среди кустов на другом конце поляны. Затем кусты раздвинулись, и девичий голос жалобно попросил:

— Гарри? Это ты? Помоги мне, пожалуйста!

Сьюзен!

Она была похожа на ангела с картин художников эпохи Возрождения. Но в отличие от их неземных прекрасно-бесчувственных ликов Сьюзен Боунс была земной девушкой. Длинные светлые волосы, распушившись, оведали облаком ее бледное узкое личико с нежным румянцем, а серые глаза под стрелками темных бровей казались огромными озерами. Гарри замер от восхищения. у него мелькнула мысль, что когда-то давно (может, в прошлой жизни?) он уже видел эту картину: огромная поляна, покрытая золотыми цветами, и прекрасная девушка, идущая к нему с букетом в руках. Сью сгибалась под тяжестью ОГРОМНОГО вороха асфоделей, Гарри принял у нее из рук благоухающую копну цветов, перемигивающихся между собой, как люди. Даже сорванные, в руках у Сью асфодели продолжали легонько покачиваться, точно живые, но стоило ей с огромным трудом взвалить эту ношу на Гарри, как асфодели тут же поникли.

— Не могу поверить, — хмыкнул Гарри. — Ты хочешь получить приз? Это на тебя не похоже.

— Нет, это Джастин расщедрился. Вот тут внизу — мой скромный букетик, а здесь — его. Он сказал, что потом наберет еще для профессора Снейпа, а эту кучу отдал мне. Ума не приложу,

что делать с таким количеством цветов... Ах, кстати, о награде... Это зависит от того, что считать призом, — отпарировала Сьюзен, делано равнодушно пожав плечами. Палевое платье колыхнулось. — Вот *ты* бы что хотел получить?

— Ты спрашиваешь, что я хотел бы получить? — переспросил Гарри, глядя на то, как ткань желтой накидки на груди колыхнется от теплого дыхания Сьюзен. Он подошел ближе. Весна вдруг сгустилась вокруг него ароматным зеленовато-белым туманом, в котором сияли проблески золотистых звездочек, окружающие безмятежные ласковые глаза Сьюзен. Когда Гарри придвинулся еще ближе, в ее глазах сверкнул отблеск тихого счастья. — Я хотел бы... хотел бы...

Букеты полетели в траву. Весна оказалась совсем рядом, окутала их обоих пряными запахами цветов, пульсировала вокруг, заставляя губы Сью порхать по его лицу, а его — бешено втягивать ее в себя всю целиком. Она была такая теплая, мягкая, ее хотелось прижать к себе так крепко, чтобы это никогда не кончилось, чтобы весенний сон продолжался и продолжался, чтобы ее веки вечно так робко подрагивали под его настойчивыми поцелуями, чтобы он все время мог чувствовать сладость ее бархатистых губ, чтобы тонкая белая кожа всегда так завораживающе пахла, когда он жадно впивался в дрожащую на ее шее жилку, спускаясь все ниже к вырезу платья, чтобы шорох шелковой накидки, тихо опадающей вниз, так же заставлял его пальцы с еще по-детски обкусанными ногтями быстро перебирать ее волосы, спускающиеся на плечи... И дальше — вниз, по ее теплой груди, своей неуклюжей и нетерпеливой рукой, дрожащей от нежности, а потом снова — вверх, пальцами ловить ее тихие вздохи и...

— Где Гарри? Эй, Гарри, мы уходим! — силуэты, мелькнувшие за деревьями, помахали Гарри и удалились куда-то влево. Гарри вздрогнул.

Первое, что он увидел, когда нехотя отстранился, был нервно вздымающийся вырез платья, неровное дыхание и выше — покрасневшая от стыда и смущения шейка, тонкая и хрупкая, порозовевшие щеки и — отчаянно влюбленные глаза.

А вторым — ехидно скривившаяся морда уважаемого профессора Зельдеделя. Снейп стоял за деревьями и совершенно спокойно наблюдал за тем, что происходит на поляне, полной тяжелого сладкого запаха асфоделей и первой настоящей любви.

Глава 30. Эксцентричные Эльфы против Драчливых Драконов.

Матч должен был состояться в конце апреля. Гарри думал только о нем и с огромным трудом заставлял себя не отвлекаться на остальное. Остальным были всегдашние проблемы: возвращение, Рон, Гермиона. Малфой. Матильда не была проблемой — она была зудящей занозой. Роберт Эверетт тоже не был проблемой. Он был тайной, которую Гарри уже почти отчаялся разгадать. И еще проблемой было возвращение Салазара Слизерина. Многие друзья Гарри даже забыли о нем и думать, нередко Гарри слышал от них заявления, типа, «ну, вот он и ушел, слава Мерлину, без него куда спокойнее», и никак не мог согласиться с ними. Он знал, что Салазар вернется, не так он был прост, чтобы сдать крепость без боя, имея в руках все козыри. Тем более что, по слухам, ему чертовски везло в игре, доказательством чего служил Хогвартс.

Сьюзен не была остальным. Она была мучением, горящим в Гарри постоянно. После тех незабываемых поцелуев на поляне, полной цветов, Гарри словно бы ежесекундно ощущал ее присутствие и мучился, если ее на самом деле не оказывалось рядом. об их романе знали уже практически все (да и можно ли было им обоим скрыть отчаянно пылающие щеки после того, как Снейп отыскал их на поляне и ехидно прокомментировал увиденную им сцену посреди большого количества собеседников по дороге обратно). Но Гарри было напевать на то, что профессор все еще продолжал в его присутствии проявлять свою безразмерную язвительность. в конце концов под потолком подземелий уже были развешаны почти две сотни сушащихся букетов асфodelей с надписями «Клара Ярнли», «Невилл Лонгботтом», «Теофилус Квинтус» и т.д., и его больше нельзя было пристроить к работе лишь потому, что он, видите ли, целовался у всех на глазах. Некоторые девушки какое-то время смотрели на Гарри оскорбленно, точно он их чем-то обидел, что очень раздражало Гарри. Ему жутко осточертело то, что многие до сих пор видят в нем знаменитость с исковерканной судьбой, звезду, которую можно и восторженно обожать, и стремиться приглубить, поворковав над несчастным сиротинушкой. Гарри бесился. по его мнению, многие из этих девиц уже давно должны были понять, что он — не локхартообразная звезда, но это ничего не меняло, на него все так же, вздыхая, поглядывали отдельные экземпляры женского пола. Сьюзен удостаивалась с их стороны исключительно шипения сквозь зубы, презрительного сравнения с дохлой рыбой и угроз превратить в оную рыбу ее самое. Они с Гарри виделись почти каждый час, но ему этого было ужасающе мало. И когда приходилось утром брести на очередное духовыбивательное занятие или лететь на болота тренироваться перед матчем, Гарри мучился от того, что им приходится расставаться еще на какое-то время, вел себя крайне агрессивно на уроках по средневековому рукоприкладству и раздражался, видя на тренировках толпы местных колдунов и ведьм, приходящих подивиться на новую, доселе неизвестную игру. Но когда они со Сьюзен встречались, было только хуже. Запах ее кожи кружил ему голову, он чувствовал себя диким зверем, ему хотелось зарываться в ее волосы, прижимать к себе так крепко, чтобы слышать, как где-то близко-близко испуганно и счастливо стучит ее маленькое горячее сердце, но они — черт возьми! — почти никогда не бывали одни, постоянно кто-то крутился рядом, что-то писал, читал или с кем-то говорил. Гарри начал почти понимать Рона, который, несомненно, судя по его мучительно жадным взглядам, чувствовал себя так же по отношению к Матильде. Но Рон не хотел мириться, и Гарри это только бесило. Что ж, если этот дурак и дальше не хочет замечать очевидное — то, что Матильда не просто так остановила на нем свой выбор, — то это его вина. Гарри не знал даже, придет ли Рон на матч между их командой и командой Малфоя, но это занимало его мысли только до тех пор, пока они вновь не возвращались к Сью.

Накануне соревнования (*Первый в истории матч по квиддичу!!!*) Годрик с работниками и старшими учениками что-то долго мастерил на заднем дворе, ухитрившись втянуть в это дело даже профессора Снейпа и сэра Кэдогена. *Это* оказалось кособоким предком трибун для зрителей с наколдованными подушками. Трибуны шлифовал мастер Мастерс, поэтому они все были сплошь в занозах, а подушки поминутно норовили превратиться в кошек и вцепиться вам в... одно из самых чувствительных мест. Подушками занимался Алистер, поэтому он долго прятал глаза от леди Эдит, неосмотрительно решившей по его приглашению проверить мягкость одной из подушек. Леди Эдит долго успокаивали и чинили ей платье, а Алистеру Ровена велела перечитать полтора десятка свитков по Преобразованиям (древний вид Трансфигурации). Гарри знал, что с той самой подушкой перед демонстрацией пошалили братья и сестра Эгберты, но

не выдал их. Рыжая парочка Эдмунд и Эдвин жутко нервничала накануне матча и выплескивала свое волнение в самых неожиданных выходках. Эдмунд превратил нос Невилла в мухомор, заподозрив, что он как-то *не так* смотрит на Джинни, а Эдвин проэкспериментировал с Запирающим заклятием на дверях аудитории профессора Эвергрин, после чего всем пришлось попадать в класс исключительно на метлах через соседнее окно, а Эдвину было предложено починить замок без помощи волшебной палочки. К его чести, к концу занятия он почти справился, и остаток двери уже можно было легко выдавить плечом. Колин Криви на занятиях по Алхимии наступил на ногу профессору Снейпу и даже не извинился, за что и был обозван «малолетним преступником» и еще десятком таких же выразительных слов. Да и сам Гарри так переживал, что не мог сосредоточиться, и его попытки прочесть во время ужина мысли сидящего прямо напротив него Тео потерпели крах. Впрочем, Гарри поспешил объяснить свой провал тем, что Тео думал на родном кентском диалекте, а на ужин была подана неудобоваримая смесь вареных овощей и пригорелых куропаток. Дядюшка Лоуф, замковый повар, был страстным болельщиком и фанатом «*Эксцентричных Эльфов*», поэтому он тоже очень переживал перед матчем, что и сказалось на качестве подаваемой трапезы.

Гарри сосредоточился еще раз. Ничего. Черт. Черт!

— Не нервничай, Гарри! — ободряюще шепнул Невилл.

— Я не нервничаю... ох, — пробормотал Гарри, пытаясь разобраться с исключительно вредной бараньей ногой, которую нужно было есть без ножа и вилки. Поковырявшись немного, он бросил это пустое занятие. Все равно ничего не выйдет. Не влезет в него сегодня ничего. Он кинул ногу обратно на расписное глиняное блюдо и закрыл лицо руками.

Жуткая ответственность, ничего не скажешь. Здорово будет, если он продует первый в истории матч по квиддичу. Интересно, за кого будет болеть Годрик? М-да...

— Хорошей погоды! — пожелала ему Джинни. Совет был актуален. С утра небо немного хмурилось, и иногда срывались редкие капельки холодного апрельского дождя.

Джинни сидела совсем рядом с Гарри и меланхолично смотрела на то, как Эдмунд Эгберт старательно превращает чернильницу на поясе Тео в лягушку. Видимо, это ее не слишком радовало, поэтому, удрученный таким равнодушием Эдмунд не мог сосредоточиться — его лягушка все еще дрыгала маленькими деревянными лапками и отчаянно плевалась чернилами. Теофилус, будущий великий историк магического мира, не обращал на это никакого внимания, а братья Эгберты наслаждались последними минутками покоя перед матчем.

— Гарри, мы обязательно выиграем! — уверенно сказал Тео. — Если сомневаешься, спроси малыша Китто или леди баронессу, пусть предскажут, что сегодня случится.

— Она правды не скажет, — презрительно фыркнул Алистер. Он ужасно волновался за друзей, хотя и был разочарован тем, что его не взяли в команду.

— Не надо трогать бедняжку Китто, — покачала головой Эльвира, с захватывающим интересом наблюдающая за перевоплощениями чернильницы. — Леди Лаванда сказала, что он сегодня плохо спал. Кричал и вертелся.

— Неужели опять страшные сны? — озабоченно спросила Гермиона. — Думаю, он просто болезненный ребенок. Ему нужно лучше питаться.

— Нет! Я уверена, это был прорицательский транс! — воскликнула Эльвира, простодушно убежденная в том, что все разделяют ее уважение к этому виду колдовского таланта. Она ошиблась. Гермиона презрительно фыркнула и с головой ушла в проблему одушевленности саксонских существительных. Квиддич ее уже мало интересовал, хотя она, как и все остальные, собиралась пойти посмотреть на то, как все будут играть.

Гарри с надеждой посмотрел на нее. Неужели Гермиона так и не пожелает ему выиграть? От Рона этого ждать явно не приходилось. Но нет, и Гермиона тоже молчала, видимо, не желая отвлекаться от интересной книги на мелочи жизни.

— Ладно, — хрипло сказал Гарри, отодвигая грубо сколоченный скрипучий табурет. — Я пошел. Жду вас внизу.

— Погоди, Гарри, — завопила Клара, с трудом прожевывая кусочек вареного яйца. Второе она ухитрилась запихнуть в рот целиком, поэтому размахиванием рук она пыталась объяснить своему капитану, что уже почти готова. — Я шечаш!

В коридоре было холодно и дули сквозняки.

— Гарри!

Гарри обернулся. Сьюзен стояла у двери в Большой зал.

— Удачи...

— Спасибо, Сьюки.

— И... Гарри, — Сьюзен смущенно оглянулась, надеясь, что ее никто не видит. Она торопливо подбежала к нему и торопливо и как-то отчаянно обхватила его руками. — Я верю в тебя.

— Хорошо, хоть ты мне веришь, — Гарри схватил ее за плечи и сжал. Пальцы у него дрожали. — Сью, ты можешь мне пообещать кое-что?

— Все, что хочешь, Гарри!

— После матча ты придешь в аудиториум Хельги?

— Что? — личико Сьюзен отчаянно заалело.

— Придешь? — с какой-то мучительной надеждой спросил Гарри. Он и сам не понимал, что говорит, за него говорило его тело. — Ты же понимаешь, зачем, правда? Скажи, что придешь, Сьюки, я...

— Гарри, я не... не знаю.

— Что? — полубессознательно Гарри все крепче и крепче сжимал ее плечо. — Нет, обещай мне, обещай, что...

— Гарри я не могу!

— Но почему? — скрипнул внутри Гарри какой-то ржавый винтик отчаяния. — Сью, ты же... мы же... я тебе не... ты любишь меня?

— Но почему ты не спросил меня об этом раньше? — тихо и разочарованно спросила Сьюзен. Она сняла руку Гарри со своего плеча. Ее пальцы были холодны как лед. — Прежде чем попросил меня прийти?! И сам не сказал ничего...

— Нет, Сью, ты не так поняла!

— Гарри, нет. не надо, — когда она уходила, Гарри тупо наблюдал, как в замедленной пленке, как Сью расправляет худенькие решительные плечи. Рывок тонкой руки, маленький белый платочек машинально вытер слезинку. А потом рука на отлете впиалась в дверную ручку, дернула ее — и ускользнула прочь.

Гарри застонал. Ну, кто его тянул за язык! Вернее, *что* его за язык потянуло? Ясно что, конечно проклятое, проклятое желание! Неужели он так и не сможет совладать с этим предательским телом? Ненавижу, ненавижу себя... дурак несчастный!

Попозже все *Эксцентричные Эльфы* собрались возле ворот Хогвартса. Гарри оглядел свою команду: близнецы Эгберты делали вид, что полируют ручки своих метел, Колин Криви бледнел и жаловался на то, что у него болит живот, Кларенс и Дуайр последний раз прорабатывали наступательную стратегию с такими мрачными лицами, будто это — последняя игра в их жизни, а у Теда Тойли тряслись руки. Гарри после разговора со Сью решил принять как должное то, что они запросто могут проиграть. Вряд ли он заметит что-то на поле.

Одна Клара была счастлива, как никогда. Она не могла спокойно стоять на месте, и вертелась не хуже Северины, деловито переползавшей с одного ее плеча на другое.

— Сегодня мы точно переплюнем Малфоя! — язвительно заметила юная герцогиня. — Если он осмелится...

— Осмелится, точно, — хмуро заметил Дэйвис, отрываясь на минутку от запутанных рассуждений с Дуайром. — Уж больно мерзкая у него была рожа, когда утром мы столкнулись на лестнице.

— Да брось, столько народу будет! Тем более что мастер Годрик предупредил, что тем, кто мухлюет, придется летом полоть сорняки на грядках с Живыми Колючками.

— Мы тут так долго не задержимся, — уверенно махнула рукой Клара. — Ух, папка не поверит, когда я ему расскажу, что играла в самой первой команде по квиддичу. О, а вот и профессор Эвергрин! Скажите, профессор, мы уже летим? Уже летим, да? — радостно воскликнула Клара.

Валери потрепала ее по плечу, сняла с другого Северину и оглядела новую форму для квиддича на *Эксцентричных Эльфах*. Дабы не нарушать традиций и не отдавать предпочтения цвету какого-то одного факультета, было решено сделать форму немного другой. Защитные щитки ухитрились сшить из кожи и зачаровать их Отталкивающими заклятиями, но пока команда ломала голову над покроем мантий и цветом одежды, слизеринцы уже хвастались новехонькой зеленой формой с серебряными застежками и изображением большого черного дракона на спине. *Драчливые Драконы*. Это название выбрал для них сам Драко, и никто не был удивлен его решением. Формы они просто заказали сшить в соседней колдовской деревне, где проживал в полном составе клан Кэмпбеллов, к которому принадлежал один из учеников Слизерина. *Эльфам* требовалось срочно завершить и садиться за изготовление формы, но

Гарри решительно возразил против того, чтобы тратить время на тряпки. Ему было все равно, как они будут выглядеть, главное — как они будут играть. в результате за изготовление формы взялись Эльвира Эгберт и ее подружки — Элинор Огден и Ронвен Шемрок. Они закончили накануне игры, и теперь сборная команда остальных колледжей щеголяла бы желтыми штанами, синими куртками и красными плащами, но, к счастью, вмешалась Валери, успокоила обиженных девушек, утихомирила бушующего Кларенса, отказывающегося надевать желтые подштанники, и с помощью заклятия *Колорум* поменяла цвет на белый. Теперь на мантиях *Эльфов* сзади готической вязью было написано название их команды, и на этом скандал закончился.

— Гарри, скажи что-нибудь, — попросил Тед. — Ох, давно у меня так поджилки не тряслись...

— Да что говорить, — успокоил всех Гарри (хотя у него у самого внутренности ходили ходуном от волнения). — Мы уже сто раз говорили об этом. Будем играть сперва вполсилы, чтобы посмотреть, что приготовили слизеринцы, а потом прибавляем темп. Мы победим, я правда в это верю. Мы слишком хорошая команда для того, чтобы проиграть.

— Вот это хорошо сказано, — Валери обняла Гарри. — Я за вас даже не волнуюсь.

— Правда? — с сомнением переспросил Гарри. Он помнил, как Валери перепугалась, когда он вернулся из Леса Теней. Она всегда нервничала, когда он улетал на тренировку, иначе не попросила бы Глора приглядывать за Гарри. И сегодня отправлялась на поле, несмотря на то, что не была особенной поклонницей этого вида спорта. Он казался ей куда brutальней каратэ, американского футбола и канадского хоккея вместе взятых.

— Ну, разве что самую чуточку, — призналась она.

Прибыв на поле, Гарри увидел, что некоторые из трибун уже забиты народом доверху. Местное население уже шумело вовсю, вертясь на кошках-подушках. Деревенские колдуны в больших потертых остроконечных шляпах и небрежных пыльных мантиях, лохматые ведьмы в клетчатых накидках с бахромой и деревянных башмаках, несколько шотландских волшебников в маленьких шапочках, надвинутых на макушку, и лихо развевающихся плащах и килтах, неряшливые дети, восторженно вертящиеся на местах — все собрались, чтобы посмотреть матч. Никто до этого не устраивал игр на метлах *такого* масштаба, и все явно предвкушали выдающееся представление. Гарри передернуло. Интересно, Сьюзен придет после того, что он ляпнул ей сегодня утром?

— О, вот и наши, — возбужденно сказал Кларенс, высунувшись из маленького шатра, служившего им раздевалкой. Действительно, на севере, выстроившись в воздухе клином, показались маленькие точки метел, и через пять минут на поле спикировали новоиспеченные юные фанаты квиддича. Они возбужденно переговаривались, огороженное снитче-кваффло-блаждероотталкивающими заклятиями игровое поле мгновенно заполнил радостный гомон предвкушающих развлечение ребят. Все ученики Хогвартса полезли на трибуны, то тут, то там замелькало несколько плакатов групп поддержки — «*Наши Эльфы — самые Эксцентричные в Британии!*» и «*Кубок Квиддича — Драчливым Драконам!*» Гарри оглянулся, и заметил, что из соседнего черного шатра на всеобщую кутерьму пялится Малфой. Рукой в темной кожаной перчатке Драко оттянул занавесь и так внимательно высматривал что-то на трибунах, что Гарри решил, будто слизеринец подсчитывает количество фанатов.

Рано радуешься, подлец, плакатов в нашу поддержку почти вдвое больше, подумал Гарри. Еще увидим, кто победит. Малфой, точно услышав мысли Гарри, смерил его таким презрительным взглядом, словно увидел скучечервя и хитро оскалился. у Драконов явно было припасено много неприятных сюрпризов. Внезапно на трибунах поднялся шум, люди повскакивали со своих мест и, размахивая руками, начали тыкать куда-то в сторону леса. Через пару минут стало ясно, кого они все увидели. Небрежно, будто делая величайшее одолжение тем, кто на него смотрит, в ворота зашел прекрасный серебристый единорог. Он встряхнул сияющей гривой, качнул длинным рогом и слегка присел, давая возможность своему невысокому всаднику спешиться. Зрители замерли, когда Глориан Глендэйл спрыгнул с единорога на землю. Сегодня он был удивительно красив, наверное, как никогда. Пушистый искрящийся эльфийский наряд закрывал белоснежный плащ с серебром на воротнике, а длинные волосы переливались фиолетовыми цветами, под цвет его глаз и камней на эфесе меча. Гарри показалось, что он даже издали чувствует сладкий запах маленьких звездочек в светлых волосах Эльфа.

— *Tussilago farfara*, — мечтательно произнес сзади Теодор.

— Что?

— Мать-и-мачеха, — пояснил Тед, пока Гарри наблюдал, как Глор невозмутимо, не обращая внимания на пляшущую на него толпу, присаживается рядом с взволнованной Валери и целует ей руку.

Следовало поторопиться.

— Все готовы? — осведомился Гарри у угрюмой кучи сзади. Кларенс и Дуайр в последний раз проверяли технические характеристики своих средств передвижения. Клара с расширенными от волнения глазами что-то бормотала про себя, точно молилась над древком собственной метлы. Колин нервно раскачивался на краешке лавки. Тед Тойли благодушно позволил братьям Эгбертам несколькими нервными взмахами волшебных палочек превратить свою квиддичную форму в чешуйчатый плащ и обратно — это расслабляло шумную парочку. Тед терпеливо подождал, пока они закончат, смахнул немножко чешуи с белой форменной мантии и хрипло осведомился:

— Ну что, пошли?

Гарри кивнул. Он распахнул полог шатра и вышел наружу. Его тут же оглушил рев толпы, свист болельщиков Драконов и восторженные вопли собственных фанатов. Он подхватил свою метлу, заботливо отполированную Сьюзен (не думать о Сью, только не сейчас!) и первым отправился на поле. За ним решительно шагнула Клара, за ней — Дэйвис, Тойли, О'Линн, Криви и замыкали шествие Эдвин и Эдмунд Эгберты. Они кое-как на трясущихся ногах добрались до белой черты, отмечающей край поля и теряющейся в затянутой лужами траве. Проходя мимо сидений зрителей, Гарри краем глаза заметил, как ему машут Невилл и Симус, как сэр Кэдоген, явившийся посмотреть на «колдовское ристалище», с любопытством вертит головой на тонкой шее, высывающейся из воротника помятых железных лат, разглядывая колоссальное сборище волшебников. Стольких магов сразу он еще никогда не видел, поэтому умирал от любопытства, и его рыжие встопорщенные усы взволнованно шевелились, как живые.

Посреди поля взмыла вверх толстушка ведьма из соседней деревни — одна из самых преданных фанаток квиддича. Гвеног МакГилликади торчала на каждой тренировке и Эльфов, и Драконов, ухитрилась выучить все правила наизусть и постоянно приставала к игрокам, когда они эти правила нарушали. Поэтому ничего удивительного не было в том, что когда встал вопрос о рефери, было решено пригласить именно миссис МакГилликади.

— Эксцентричные Эльфы на поле! Поприветствуем первую команду! — прокатился ее голос над трибунами.

Зрители радостно взвыли.

— А теперь на поле появляются Драчливые Драконы!

Снова аплодисменты, не менее громкие.

Гарри увидел, как Малфой, криво усмехаясь, занимает свое место напротив него. За ним топталась могучая туша Рене де Вьепонта, сзади напирают Монтегю и Уоррингтон. Норд, бывший капитан команды, ныне сосланный в запасные, казалось, не обращал внимания на то, что ему придется, скорее всего, проторчать на скамейке целую игру. То, что, в отличие от Гарри, он всегда рвался командовать, а сегодня просто сдал Драко свои позиции, выглядело чрезвычайно подозрительно. Ян Норд ядовито оскалился в сторону Гарри.

— Капитаны, пожмите друг другу руки! — зычно провозгласила Гвеног МакГилликади.

Гарри и Драко схлестнулись взглядами. Гарри нехотя протянул ему ладонь, но Малфой сложил руки на груди и презрительно хмыкнул.

— Ты считаешь, что я позволю твоим маглокровым конечностям прикоснуться ко мне, Поттер?

— Ну, держись, Малфой! — не смог не ответить Гарри. — Попробуй только что-то выкинуть!

— Не беспокойся, попробую, — ухмыльнулся Драко. — Думаешь, что если тебе страшно играть против меня, то сможешь отсидеться на скамье запасных? не выйдет, Поттер, так и знай! — и светловолосый слизеринец нагло ухмыльнулся и отошел.

Гарри поймал обеспокоенный взгляд Теда Тойли. Черт, Малфой, как пить дать, что-то замышляет! Но сейчас уже поздно сомневаться. МакГилликади взлетела в центр поля и резко подкинула мяч вверх.

— Кваффл брошен. Игра началась!

Гарри со скамьи запасных, сидя через ряд от Норда, увидел, как Клара тут же резво цапнула кваффл и понеслась к корзинам Драконов. Уоррингтон уже летел ей наперерез, да так быстро, что почтенная мадам судья МакГилликади еле успела убраться с его дороги. Но Клара, поднырнув по его руку, спустилась чуть ли не к самой поверхности поля, ее ноги задела кустик осоки, а затем она повернула метлу и взлетела отвесно вверх. Неповоротливый Рене не сразу

понял, что опасность грозит ему не сверху, а снизу, и не успел и оглянуться, как мяч уже скакал в корзине Драконов. Толпа зрителей радостно взвыла.

— Десять — ноль в пользу Эльфов! — пронесся над трибунами торжествующий ломающийся голос Денниса Криви.

Для начала неплохо, подумал Гарри, напряженно наблюдая за тем, как перегруппировывается команда Малфоя. Снитч еще не появлялся. Пока все шло так, как они и задумывали на тренировке: Эгберты зажимают в клещи Блаунта, летящего на Кларенса, как стрела, Клара отвлекает внимание Монтегю, зловеще размахивающего дубинкой, а Уоррингтона прижимает к краю поля Дуайр О'Линн. Дэйвис перехватил мяч и ринулся на корзину противника. Рене, неуклюже растопырил руки, стараясь удержаться на метле, но его толстые ладони звонко шлепнули мимо, и кваффл снова закрутился в левой корзине Драконов, а сам вратарь неловко засучил ногами вокруг тормозов, но не смог справиться с управлением метлы и тяжело ухнул вниз. Возле самой земли ему удалось выправить равновесие, и он виновато заскользил обратно на свое место.

— Двадцать очков Гриффи... Эксцентричным Эльфам! — от радости путаясь в словах объявил Деннис.

Даже с того места, где он сидел, Гарри отчетливо услышал, как Малфой заскрипел зубами. Но у него явно было что-то в запасе, потому что он резко рванул вверх и сделал знак Кэмпбеллу и Уоррику следовать за ним. Над ними Кларенс уже торжествующе неся на корзины Вьепонта, когда снизу в него врезались сразу трое. Кларенс завертелся вокруг своей оси, и ручка метлы у него отчаянно заскрипела. в то же время, пока взгляды всех зрителей был прикованы к ситуации с Дэйвисом, и судья МакГилликади, сурово размахивая кулаком, летела к слизеринцам, Блаунт преспокойно обошел Колина на воротах и забил первый гол.

Трибуны завопили: такого развлечения здешний народ уже давно не имел. Сегодня Средние века, несомненно, обогатили сегодня свою историю. Зрители продолжали бы ликовать еще долго, если бы по плечу расстроенного Колина не проскользнула золотая искорка, зажужжав крохотными крылышками. Появился снитч.

Гарри вскочил и напряженно всмотрелся в то, что происходило на поле. Малфой, обиженно прикусив аристократическую губу, выслушивал поток проклятий, которые вываливала на него МакГилликади. Рядом мрачно покачивались Уоррик и Кэмпбелл. Тед Тойли осторожно пролетел мимо, так и не заметил снитча. О, Мерлин, Тед, да вот же он, вот он! Прямо у тебя под носом, мучительно подумал Гарри. не отвлекайся, не отвлекайся! Внезапно, Клара, ускользнув от грозно надвигающейся на нее дубинки Монтегю и бладжер, посланного в нее Уоррингтоном, резко обернулась. Ее глаза расширились.

— Те-е-е-ед! — завопила она так громко, что на болотах радостно откликнулись первые в этом году лягушачьи хоры.

Тойли развернулся и погнался за снитчем. Малфой, проигнорировав грозные вопли МакГилликади, — тоже. Они мчались почти параллельно друг другу, их руки тянулись к маленькому золотистому шарiku, трепетавшему почти возле самой правой трибуны, где сидели запасные. Тед погнался свою метлу, как бешеный, он обошел летящий ему навстречу бладжер, рывком достиг трибуны, скосив дорогу Малфою взбрыкнувшими прутьями своей метлы — и тут ему в лицо полетел комок грязи.

Гарри развернулся. в соседнем с ним загончике сидел донельзя довольный Януариус Норд и отряхивал вымазанные землей руки.

— Да как ты... Да ты! — возмущенный, Гарри вознамерился перелезть через ограду и накостылять Яну по шее, но он сдержался и бросился смотреть, где снитч. Но секунда форы, которую получил Малфой, пропала зря: золотой мячик вновь испарился.

— Гад!

— Мерзавец!

— Подлец! — этими красочными названиями Эксцентричные Эльфы наградили запасного Драконов. Особенно не стеснялась в выражениях гецигиня-второклассница, она открыла рот и изрекла такое замысловатое ругательство, что замахнувшийся на нее дубинкой Монтегю аж челюсть отвесил, совершенно обалдев. Леди Клара Ярнли скромненько замолчала, покраснела и виновато заморгала: видимо, ей пришло в голову, что бы сказал на это сэр Преториус Ярнли, он же папа-герцог. Видимо, ничего хорошего, решил Гарри. Клара, тем не менее, обошла два блаждера сразу, перекинула мяч Дуайру, и спустя секунду, кваффл уже скакнул в корзину Драконов. Реванш за оскорбление Теда был взят. не прошло и минуты, как в наказание

за нарушение правил к воротам свободно направился Кларенс. Он пробил пенальти, но с трудом, потому что объемы Рене де Вьепонта с трудом позволяли даже в двух шагах увидеть корзины. Но радоваться было еще рано, потому что кваффл тут же подхватил Уоррик, перебросил его Блаунту, а тот — Кэмпбеллу. Счет быстро стал сорок — двадцать. Деннис Криви, забыв о том, что его горло находится под заклятием *Сонорус*, загудел что-то обиженное и не совсем приличное, зрители заорали. Оглянувшись, Гарри отыскал глазами Глориана. Эльф сидел, внимательно следя за игрой, его большие фиолетовые глаза перескакивали с Драко на Теда, подолгу задерживаясь на слизеринце.

Гарри не успел удивиться этому, как события начали развиваться с невероятной быстротой. Снитч снова появился. Он возник чуть ниже корзины Эльфов, легонько задел хвост метлы Колина и устремился прямо на Теда, точно сам летел ему в руки. Тойли развернулся и погнал метлу навстречу золотому снитчу, но и Драконы отреагировали на это моментально. Драко Малфой развернулся так лихо, что чуть не снес голову Дуайру О'Линну, затем черно-зеленое одеяние ловца Драконов пронеслось мимо Теда на свистящей скорости, а догоняли Драко две каменные глыбы, запущенные братьями Эгбертами. Но когда глыбы пронеслись мимо скопившихся в центре слизеринцев, Росс Кэмпбелл что-то прошептал себе под нос и пихнул локтем Уоррика — Гарри ясно видел это, — а Годвин совершил какое-то странное движение, точно в рукаве у него скрывалась волшебная палочка. Бладжеры, как по команде, застыли посреди поля, дружно развернулись в сторону Теда Тойли и сиганули за ним. Тед не сразу увидел, что его преследуют два булыжника, он уже летел навстречу снитчу с выражением торжества на лице, постепенно увеличивая скорость, и вот — даже хлопающее на ветру одеяние Малфоя уже не могло его догнать. Но вдруг снитч скакнул вверх, Малфой, обойдя Теда на крутом вираже, нырнул вниз, заставив его притормозить, и бладжеры настигли ловца Эльфов. Гарри со своего места услышал громкий треск ломающихся костей, когда камни впились в правое плечо и левый локоть Теда, а потом Тойли закружился в воздухе и полетел на землю, навстречу кочкам и зарослям болотных репьев, если бы Годрик Гриффиндор, скакнув на поле как тигр, не вытянул руку с протянутой в ней палочкой. Тело Теда мягко приземлилось в лужу, к которой, перепугано подобрав юбки, уже неслась Хельга Хуффлпуфф. Малфой с торжествующим воплем протянул руку за снитчем — зрители уже вовсю драли глотки, и поле накрыла волна потрясающего рева, — как на его пути возникла свирепая круглая мордашка Гвеног МакГилликади.

— Преднамеренное нарушение! — рявкнула она так, что все ее подбородки затряслись от возмущения.

— Что?! Да я!..

— Не вы, сэр. Удаление в команде Драчливых Драконов! за использование волшебной палочки сэр Годвин Уоррик удаляется до конца игры! Сэр Януариус Норд выходит на замену Уоррику.

Малфой ухмыльнулся и нагло посмотрел на Гарри, уже открывавшего дверцу своей ложи запасных.

— Сэр Теодор Тойли удаляется с поля в связи с травмой. Сэр Гарри Поттер, капитан команды Эксцентричных Эльфов, выходит на замену своему ловцу!

— Привет, Поттер! Давно не виделись! — ехидно бросил Малфой, когда кваффл снова взвился в воздух.

— Отвали, подлая морда. Это была твоя идея с бладжерами, верно? Уоррик — не самый лучший игрок в твоей команде, им можно было пожертвовать, — Гарри мрачно рассматривал поле в поисках снитча.

— Точно, Поттер. А ты что, решил, что мы будем играть как все гриффиндорцы — благородно и глупо? Или прошлый год тебя все-таки чему-то научил?

Гарри не ответил. Дуайр несся к воротам, не обращая никакого внимания на свистевшие у него за спиной бладжеры. Пятьдесят — двадцать! Норд, чуть ли не спихивая Колина с метлы, прорывается к воротам и — пятьдесят — тридцать! Клара, пытая от натуги, дотягивается, едва не нарушая правило, до самых корзины. Шестьдесят — тридцать! Игра ускорила так, что Деннис не успевал выкрикивать счет. Норд получил передачу от Блаунта и снова добрался до корзины Эльфов, прибавив Драконам еще десять очков. И тут Малфой не смог сдержать радостного восклицания — снитч спикировал прямо на вратаря Драконов, толстяка де Вьепонта, и закружился над ним, точно надоедливая муха. Гарри дал шенкелей своей метле и помчался за Малфоем, думая только о том, что тот непременно что-то задумал и на этот раз, так же как и

с Тедом. не видя перед собой ничего, кроме пляшущего над Рене мячика, Гарри внезапно отключился от всего остального мира. в голове привычно загудело.

Драко Малфой так и не понял, почему его маневр с Призывным заклятием для бладжеров не сработал вторично. Гарри свечкой взмыл вверх, и один из бладжеров чуть не сломал руку самому Драко, а второй угрожающе просвистел мимо уха его вратаря. в тумане ярости он смог увидеть только, как Поттер выходит из тройной мертвой петли над правой корзиной Драчливых Драконов. в руке у него трепыхалась золотая звездочка снитча.

Трибуны взорвались овациями. Гарри тут же оказался окружен белыми пятнами мантий членов его команды. Все радостно орали. Клара подскакивала на метле, как бешеная, Колин на радостях почти ухитрился повторить гаррин подвиг с мертвой петлей, но его вовремя поймали за мантию. Близнецы Эгберты обнимались с Дуайром, а Кларенс Дэйвис обхватил Гарри за плечи и потряс так сильно, что чуть не стряхнул с метлы вообще.

— Гарри, ты... Ты молодчина! Ты лучше всех!

— Да ладно вам! — попытался отбиться Гарри. — Лучше давайте скорее посмотрим, как там Тед! Я даже не знаю, живой он или нет.

Тед был жив, но сильно потрепан. Один из бладжеров разбил ему плечо, другой сломал руку, над которой уже кудахтала Хельга, смазывая ее липким коричневым раствором, сладко пахнущим лесным медом. Но настроение у ловца Эльфов было расчудесное.

— Мне уже все рассказали! О, Гарри, ты — гений квиддича! Мы выиграли! Выиграли первый в истории матч!!! Как ты ухитрился догадаться, что он задумал? — Тед восторженно вертелся на лежанке, игнорируя тот факт, что медовыми каплями он ухитрился усеять все и всех кругом.

Да уж, подумал Гарри. Интересно, я честно выиграл или нет? Ведь я воспользовался своим даром... с другой стороны, если бы я этого не сделал, бладжеры снесли бы мне голову, как того и добивался Малфой. Так что мы, наверное, квиты. Странно, что я сумел в суতোлке матча прочесть его мысли. Фу, аж противно... Больше никогда не полезу в его грязную башку... И он навесил на лицо смущенную мину, отчаянно прося Мерлина о том, чтобы никто не заметил его горящих от стыда ушей.

Потом было вручение приза — здоровенной серебряной миски из каких-то немислимых запасов Хогвартса. Годрик прослезился, вручая эту тяжеленную посудину Гарри, и на радостях ощутимо потрепал его по пылающим ушам. Это было невероятно: получать приз из рук своего предка за первый в истории выигранный матч по квиддичу, и Гарри ощутил, нет, не гордость... Это было что-то невыразимо большое и высокое, что-то, заставившее его руки трястись под тяжестью старинной миски, ноги — подгибаться, а нос — терпеливо снести запах лошадиного пота, которым был пропитан килт Годрика. Голубые глаза над рыжеватым пушком так гордо засияли, словно Гарри действительно был его, Годрика Гриффиндора сыном. И Гарри забыл о своих сомнениях и почувствовал себя героем.

— Э-хм, у тебя превосходная реакция, мальчик, — одобрительно кашлянул Годрик. Он выпрямился и поправил клетчатый огрызок килта, болтающийся у него за спиной — точь-в-точь старушечий полушалок. — Сэр Кэдоген упоминал о твоих успехах в ратном деле. Если вдруг все сложится не так, как вы хотите, думаю, ты сумеешь пробить себе дорогу в жизни.

Гарри, раскрыв рот, слушал, не совсем понимая, что Годрик имел в виду, когда сказал, будто у *них* все может «не сложиться». не может быть, чтобы... в этот момент их оттерла друг от друга толпа поздравляющих, и Гарри успел только мельком увидеть, как Гриффиндор повернулся к профессору Снейпу и кивнул в ответ на какой-то вопрос. А затем он ушел вслед за пробирающейся между белыми и черно-зелеными ленточками средневековых болельщиков фигурой Снейпа и исчез из виду.

Во главе восторженных поклонников к Гарри подбежала Валери Эвергрин и со свойственной ей импульсивностью обняла его так крепко, что он почувствовал исходящий от нее запах мать-и-мачехи. Глориан.

— Гарри, ты не представляешь, как я тобой горжусь! Это было великолепно! Я никогда раньше не видела такой игры! Ты словно создан для того, чтобы летать!

— Мои поздравления Гарри, — раздался рядом голос Глора. Эльф подошел и положил руку на плечо парня. Он выглядел как-то странно, отметил Гарри, точно хотел ему что-то сказать, но прилюдно не осмелился. — Намного лучше, чем было на всех твоих тренировках. Когда Добби об этом узнает, то он умрет от восторга! И еще — интересное у вашей команды название...

— Пойдемте, — затормошила их Валери. — Полетели в Хогвартс. Сэр Годрик и леди Ровена приглашают всех отметить победу Эльфов. Все приглашаются в Хогвартс! — прокричала она

собравшимся вокруг фанатам команды Гарри и помахала рукой. Все радостно засобирались. Гвеног, прихватив где-то большой бочонок с таинственным содержимым, в сопровождении подружек садилась на свою метлу. от метлы уже разило элем, и некоторые из сопровождающих МакГилликади девиц-перестарок воротили нос от такого аромата.

Со времени основания Хогвартс, определенно, не видел лучшей вечеринки в собственных стенах. Колдуны-работники нескончаемо поставляли на стол восхитительные творения дядюшки Лоуфа, Ровена и Валери украсили Большой зал фонариками из шкурки пикси и зелеными гирляндами остролиста, мистрисс Хельга Хуффльпуфф принесла из собственных запасов несколько Поющих Поганок, и Большой зал тут же украсили их нечленораздельные рулады. Мастер Мастерс, хитро подмигнув, исчез куда-то на пару минут и появился в сопровождении огромной бочки эля, которую встретили овациями. Только Годрика Гриффиндора и профессора Снейпа нигде не было видно.

Пришедшие на праздник волшебники и ведьмы устроили замечательный дебош вместе со студентами Хогвартса: деревенские колдуны лихо отплясывали какой-то дикий танец возле одного из больших каминов, увлеченно притопывая деревянными башмаками, да так, что со стен сыпалась пыль. Гарри, уже разомлев под действием медового эля, лениво наблюдал, как в круг танцующих понемногу втягивались не только ученики Ровены, Хельги и Годрика, но и его собственные одноклассники и знакомые. Драко Малфоя не было — видимо, зализывал раны своей неудачи: уже прошел шепоток, что Норд поставил Малфоя фингал под глазом за «не оправданные им надежды». Симус Финниган бодро подпрыгивал в танце вместе с остальными колдунами, громко гаркал и подмигивал Лаванде, которая, тоже, явно находясь под воздействием расслабляющих паров эля, кокетливо хихикала ему в ответ. Сэр Кэдоген, которого тоже, конечно, не могли оставить в стороне, бодро шевелил своими усами и потрясал кольчугой, которую решительно отказался снять, где-то в районе сестер Патил, чем вызывал на себя ревнивые взгляды Кларенса. Дэйвис присел рядом с Гарри, пьяно поплакался ему в жилетку на негодяйку Парвати, которая, явно, нашла себе рыцаря на стороне и неопределенно пригрозил, что вызовет учителя по дракам на поединок и растерзает его на сотню маленьких кэдогенов. После этого Кларенс медленно убрел в тот угол, где Джинни, Эльвира, Элинора, Итис Свейн из ровенининых учеников и еще несколько девушек затеяли какую-то игру, похожую на горелки, попутно высекая из палочек искры разного цвета, и попытался присоединиться к их кружку, вызвав тем самым приступ хиханек. в противоположном углу ребята громкими возгласами подбадривали двух молодых гиппогрифов, яростно сражавшихся в наколдованном загончике. Невилл ставил свою шляпу против палочки Денниса Криви на то, что победит большой гиппогриф с искрой цвета электрик на правом крыле. Судьба не меняла своего отношения к Невиллу Лонгботтому и привычно повернулась к нему спиной и на этот раз: Деннис, ухмыляясь во весь рот, уже напяливал шляпу Невилла на себя, утопая в ней по самый подбородок. Клара под потолком выделявала фирменные пируэты на своей победоносной метле, а за ней тянулся заколдованный шлейф пестрого дыма в виде надписи «*Эльфы — форева!*». за ее плечо отчаянно цеплялась Северина. Ведьмы — подружки Гвеног МакГилликади — степенно посиживали за чашечкой травяного отвара за столом рядом с Хельгой, неодобрительно косились на визжащую молодежь и, судя по их виду, единодушно обсасывали мысль «а мы в их годы вели себя куда приличней». Гарри окутали пары эля, исходящие от Блаунта, старосты слизеринцев. Спяну не разобравшись, кто сидит рядом с ним, Блаунт мрачно обвинил «этого маленького засранца Поттера» в том, что он, как всегда, привлек к себе всеобщее внимание своими выкрутасами, а «этого гаденыша Малфоя» за то, что он вообще появился на свет. Потом Блаунт повалился на плечо Гарри и попытался уснуть, дыша ему в лицо парами эля, а Гарри почти полчаса пытался от него избавиться, насупясь, наблюдая за тем, как столы раздвигают, освобождая место, и Джастин несется к Сьюзен сломя голову, чтобы пригласить ее на средневековый пляс, что-то вроде хоровода с притопами и игры в «ручеек» вместе взятых. Гарри, конечно, опоздал и теперь ему приходилось только молча наблюдать, как Джастин кружит Сьюзен (черт! ей, кажется, это нравится!), как Колин Криви скрипит рядом с ним зубами на Невилла (они оба посмели пригласить Джинни на танец), как Дин Томас ангажирует маленькую второклассницу Стеллу Таргет, для такого дела отложив очередной набросок портрета сэра Кэдогена. Рон, жадно глядя во влажные глаза Матильды фон Гриндельвальд, заиграл на лютне что-то проникновенное и вполне подходящее по ритму, какой-то колдун рядом наяривал на древнем подобии скрипки, другой управлялся с арфой, звучавшей весьма и весьма мелодично, а третий резво выдувал задорные переливы из рожка. Вечеринка удалась на славу, за исключением того, что Гарри на ней совсем

не нравилось. Без Гермионы, которую осторожно, будто она хрустальная, вел в танце Роберт Эверетт, без Рона, не обращавшего ни на Гермиону, ни на Гарри никакого внимания, и, главное, без Сью, которая, как ему казалось, отнюдь не скучала в объятиях Финч-Флечли, Гарри мрачнел и уже который раз сдерживал себя, чтобы с горя окончательно не напиться вдрызг, когда вдруг увидел Китто. Маленький ученик Хельги смиренно сидел за столом недалеко от Гарри перед полной тарелкой всякой снеди, которую ему притащили сестры Патил, и не прикасался к еде. Гарри поразил вид мальчика: Китто склонил голову набок, точно слушая чей-то далекий голос, рассказывающий ему страшную сказку. Серебристые бельма смотрели прямо на Гарри, и от этого юноше стало жутко.

Он еле удержался, чтобы не встать и подойти к ребенку, но внезапно к Гарри подсел мастер Мастерс. Он уже был сильно навеселе, но еще старательно держался на ногах. После того, как он спьяну осмелился пригласить на танец леди Ровену и ему было отказано в самой решительной форме (теперь на носу у него как сигнальная лампочка, вспыхивала красным и тут же гасла большая бородавка), он приставал к Гарри и выпрашивал у него снитч — «полюбоваться, черт возьми, на эту заковыристую штуковину». Уставившись глазами, в которых отчетливо вскипала пивная пена, на золотой шарик, дядюшка Мастерс клятвенно заверил Гарри, что когда-нибудь сделает эту штуку. Ах, техноло... технологии еще не дошли? Ну не он, так его внук сделает когда-нибудь...

Гарри только избавился от настырного старикашки, как на лестнице, ведущей в подземелья, показался Годрик Гриффиндор. Он прошел мимо, был угрюм и нервно погромыхивал небольшой коллекцией кинжалов на поясе, направляясь к преподавательскому столу. Так как Гарри было уже море по колено, ему пришла в голову неожиданная мысль — а не сказать ли Годрику сейчас, что он, Гарри Поттер, — его потомок? Все-таки я теперь чемпион по квиддичу, лениво поворачивалась мысль у Гарри в голове. Он сказал, что гордится мной... почему бы и мне не объяснить ему, кто я такой? Гарри только собрался выполнить свою гениальную задумку, как из подземелий показался профессор Снейп, тоже мрачный, как никогда. Северус Снейп прошествовал мимо, оскорбленно косясь на развеселую толчею в зале и явно воспринимая ее как личное ему оскорбление. Уголки его рта подергивались не то от напряжения, не то от злости. Он только собрался пройти к компании второклассников, развлекающихся превращением метлы в гигантскую стрекозу и как следует отчитать их, как дверь на лестницу скрипнула и показалась Валери. Ее придерживал за руку Глориан Глендэйл, но из-за небольшого роста наследного принца Леса Теней казалось, что он просто висит у нее на руке. Валери блистала ярко-алым платьем с вышитым на юбке золотым гриффиндорским львом. Снейп поглядел на нее с таким видом, словно у него прихватило живот, и гордо удалился в сторону Ровены Рэйвенкло, даже не поздоровавшись с Эльфом и явно забыв о желании надрать второкласскам уши.

Валери не обратила на это ни малейшего внимания. Поравнявшись в Гарри, она потрепала его по взлохмаченным волосам.

— Гуляешь, герой дня?

— Что-то, вроде, — пробормотал Гарри, глядя на то, как пушистое одеяние Глора переливается в свете свечей и факелов.

— Не похоже, чтобы ты радовался, — нахмурилась Валери. — в чем дело?

— Да... так, — пожал плечами Гарри. — Я, наверное, пойду проветрюсь, душно тут...

— Гарри!

— Да, — хмуро повернулся к ней юноша.

— Мы с тобой еще поговорим. После праздника.

— Ага...

— И, Гарри...

— Да, Глор?

— Завтра я приглашаю всех вас на Инисаваль. Собственно, я приехал, чтобы сказать вам об этом.

— Не понял, — Гарри потряс головой, прогоняя дымку эля. — Разве вы с нами ничего не... Зачем вы зовете нас? Кстати, кого это — нас, а? Всех — из Хогвартса?

— Нет, Гарри. Тех, кто тогда проник в нашу пещеру — тебя, Рона Уизли и его сестру, Гермиону Грэйнджер, Сьюзен Боунс и Драко Малфоя.

— И — Малфоя? Зачем? — против своей воли, Гарри ощутил холодок, пробежавший по спине.

— Завтра — день Зеленого Праздника Эльфов. Мы хотим позвать вас всех для того, чтобы кое-что проверить. Да, и Валери, конечно, тоже.

— Зачем...

— Я подумала и окончательно согласилась принять предложение Глориана, — ободряюще улыбнулась Валери Эвергрин и потащила своего будущего жениха дальше в тесный круг танцующих.

Все-таки согласилась. Она согласилась. Это значит, что... Гарри машинально завернул за угол, еще даже не зная, куда идет, как натолкнулся на захватывающую картину: возле окна, прямо среди протянувшихся по полу бледных линий лунного света стоял на одном колене Роберт Эверетт. Над ним склонилась Гермiona, и лицо у нее выражало удивительную, обычно совершенно не свойственную ей страсть. И — нежность. И — мягкость. И... любовь?

Гарри торопливо смылся за статую какого-то древнего колдуна с лопатообразной бородой, он не был уверен в том, что Гермione не понадобится помощь. Кто знает, что этот слизеринец может ей сделать? Но Гарри ошибался: Роберт осторожно коснулся ладонью руки Гермiony и что-то быстро заговорил. При свете луны Гарри заметил, как расширились и блеснули глаза у Гермiony, как она опустила на каменный пол рядом с Робертом, ее длинные кудрявые, изрядно выросшие волосы защекотали щеки угрюмому юноше, и Роберт бережно откинул их и наклонился к ее губам. А потом Гарри уже ничего не видел, потому что повернулся и просто ушел; ему совершенно не хотелось, чтобы они заметили его в такой важный для них обоим момент.

Ветер на башне немного освежил Гарри голову, и он вновь обрел способность соображать. Он потряс головой и попытался осознать, что он только что видел. Гермiona в объятиях этого, по сути, совершенно незнакомого юноши, а еще раньше — Рон с этой... Гарри никак не мог справиться с мыслью, что Рон действительно любит Матильду. Может, я ошибаюсь, с тоской подумал Гарри. Может, я уже единственный, кто хочет вернуться домой? Мисс Эвергрин тоже, видимо, потеряла надежду. А ребята? Да нет, не может быть, чтобы Невилл не хотел вернуться. А Джинни? Она-то страшно переживала, что будет с ее родными? Но тут же память подбросила Гарри воспоминание о том, как вела себя Джинни еще недавно. Девушка не один месяц пребывала на грани истерики, потому что ей приходилось держать на себе всю семью, финансы магазинчика Уизли и собственное горе. И собственные переживания — тоже. Гарри вспомнил джиннины растерянные и смущенные взгляды — первый класс, второй, третий... Он был, конечно, неправ тогда, когда так решительно дал ей от ворот поворот, это было чересчур жестоко по отношению к бедной девочке. Весь этот год Джинни по-настоящему поддерживал только ее дядя Джон, сейчас она, наверное, скучает по нему. Но у нее, кажется, только здесь появились первые настоящие подруги, раньше Джинни общалась исключительно с друзьями своих братьев. А Невилл, как бы он ни переживал за свою бабушку и дядюшку Элджи, только сейчас обрел настоящую поддержку в лице леди Ровены Рэйвенкло. Гарри видел, как Невилл меняется на глазах: неповоротливый увалень превращался в сильного, крепкого парня, на которого начинали заглядываться девушки. Вон, как ему сегодня строила глазки Элинор Огден. Когда после матча Алистер в порыве восторга хлопнул по плечу Невилла своей огромной лапищей, тот и не подумал прогнуться под таким могучим дружеским тычком.

Наверное, из моих друзей больше некто уже всерьез не думает о возвращении домой, пронеслось в голове у Гарри. Кроме Клары, конечно. Удивительно, до чего же она уверена в том, что они вернутся обратно, я бы сейчас на это ни за что не поспорил. Смелая девчонка, хотя, возможно, она просто еще не все понимает, она же совсем маленькая. Остальные радуются сегодняшнему дню, не думают о том, что будет завтра. А если завтра вернется Салазар Слизерин? Если он приведет с собою нового владельца Хогвартса? Он, конечно, обманет и его, и всех остальных. Интересно, если попробую прочесть мысли Слизерина, он это поймет? Надо постараться. Постараться поставить защиту, Снейп же учил его. Если тренироваться в чтении мыслей у Гарри времени вполне хватало, взять хотя бы сегодняшний матч, то защищать сою голову от постороннего вмешательства он так и не научился. Гарри пообещал себе, что попробует сделать это снова как только у него выдастся время. Попрошу Снейпа снова мне помочь, решил парень, но не сегодня, конечно. Если я к нему подойду сегодня, он меня заживо проглотит после поражения его любимчиков. Или Глориана попрошу...

Мысли Гарри перескочили на Глора и его странную смену отношения к Гарри. Непонятно, почему после того, как его отец чуть не убил всех нас, после того, как все Эльфы были к нам настолько враждебно настроены, он вернулся и вновь приглашает их на Инисаваль. Всех, кто побывал в подземелье Эльфов на острове в тот злосчастный вечер, даже Драко Малфоя. Нет ли

здесь какой-то ловушки? Но Гарри тут же отверг эту возможность: Глориан был не таков, чтобы хитро завлечь кого-то на Инисаваль, а затем убить. Глор на такое не способен. Он или убил бы их на месте, или не причинил бы им никакого вреда. И Валери идет с ними, а при ней... Что все-таки, Эльфы хотят от нас?

И, интересно, Зеленый Праздник — что это? Зачем он Эльфам, что он для них означает? Гарри ничего не знал про него, кроме кое-каких мелочей, которые Глориан поведал ему еще летом и теперь Гарри не терпелось увидеть все своими глазами. Волновало его еще и другое обстоятельство: Валери обещала дать Глору ответ на Зеленом празднике. Неужели она останется с ними, с Эльфами, при том, что кроме Глориана, который ее любит, и Куно Глендэйла, который ее уважает, там не будет ни одной близкой ей души? Гарри передернуло. Эльфы, конечно, хорошие по сути своей, но когда что-то делается не по их правилам, он становится похожими на ледяные статуи или хищных зверей. Неужели Валери согласится? Оставит его одного?

Рона больше нет рядом, Гермионы — тоже. После того, как Гарри увидел, как Сью сегодня вечером танцует с Джастином Финч-Флечли, он уже пришел к выводу, что девушка больше никогда не простит ему его пошлый промах. Это же надо было ей такое сказать... его Сью, такой родной, светлой и чистой. А теперь и Валери уйдет, и больше рядом не останется никого.

Совпадение. Не успел Гарри додумать эту мысль, как Валери вышла на широкую замковую стену прямо под окном, на котором сидел Гарри. Она наклонилась и помахала кому-то внизу рукой, а потом Гарри услышал, как открылись ворота, пропуская всадника, послышался топот, и на дороге, ведущей к Лесу Теней, сверкнула серебристая точка. Глориан Глендэйл верхом на единороге возвращался в свои владения.

Валери смотрела вслед Глору, и Гарри не мог видеть ее взгляда, потому что стоял к ней спиной. При свете чадящих факелов он только заметил, как тяжело опустились у нее плечи, а потом ладонь заскользила от камня перил и судорожно сжала другую руку. Гарри хотел окликнуть ее, но тут где-то внизу упрямо заскрипела тяжелая дубовая дверь, обитая железом, и знакомый сварливый голос осведомился:

— Профессор? Что вы здесь делаете? Дышите ночным воздухом?

— А, это вы, — безо всякого выражения отозвалась мисс Эвергрин. — Что вам здесь нужно?

— Вы, как всегда, предельно вежливы, — заметил Снейп саркастически. Он закрыл за собой створку двери, и его темный силуэт остановился в двух шагах от красного с золотом пятна в круге света — Валери. Она заметно дрожала. — Вам холодно?

— Нет, — ответила Валери, но Северус Снейп все равно заметил, как дрожат ее руки.

— Врёте, профессор, — ехидно прокомментировал он. — Снова врёте. Вам холодно. И страшно. И — мерзко.

— С чего это бы... А-а-а, опять вы за свое! И что, почерпнули что-то интересное в моих мыслях?

— О, да, очень многое, — хмуро заметил Снейп. Он сбросил свой длинный черный плащ и накинул его на плечи женщине. — Сегодня вы слишком много лгали, поэтому так паршиво чувствуете себя, не правда ли? Лгали, когда приняли предложение от этого карлика, лгали, когда счастливо улыбались всем и принимали поздравления. А сейчас вы лгали своему коротконогому избраннику, когда махали ему с крепостной стены, как героиня какого-то пошлого магловского романа.

— Не все магловские романы — пошлые, как вы изволили выразиться, профессор, — Валери говорила в знакомой Гарри манере общения, которую она включала лишь тогда, когда на горизонте возникал профессор Зельдедия. — Вероятно, это вы прочитали лишь самые пошлые из них, и составили по ним мнение обо всех остальных.

— Это не меняет дела. Представляю, как вам пакостно сейчас.

— Что, по опыту представляете? — немного раздраженно и поэтому зло парировала Валери. — Уж вы-то за свою жизнь лгали куда больше меня!

— Я скрывал многое, это верно. Но не лгал. А вот вы сегодня перешли все границы. Отдаться этому сморчку — зачем? Иногда мне становится страшно, когда я думаю, до каких пределов унижения может дойти женщина.

— Вы начинаете хамить!

— Не прикидывайтесь нежным цветочком, профессор! Когда вам что-то не нравится, вы тоже принимаетесь хамить и ругаться да так, как даже бывалый докер не смог бы вас переплюнуть! — торжествующе припечатал Снейп.

Валери обернулась. Ее глаза метали молнии.

— Ах, так вы вспомнили... — она была разъярена, как кошка. Гарри показалось, что она собралась выцарапать профессору Алхимии глаза, если он произнесет еще хоть слово.

— Именно, — лицо Снейпа пылало в тусклом факельном освещении. — Никогда не забуду, как вы дернули ту тварь за хвост... а когда она зашипела на вас, что ж, вы выразились оччень своеобразно! не припомню, чтобы подобная лексика раньше звучала в вашем исполнении!

— О да, грязно ругнуться прямо в морду мантикоре — кто бы знал, что это, оказывается, лучшее заклятие против этих чудовищ, — ядовито рассмеялась Валери. — Но это же сработало, не так ли? с тех пор в моей новой палочке даже сидит презент от одной из мантикор — волос из ее гривы. Помнится, покойный Огден Олливандер уговаривал меня не афишировать это обстоятельство и говорить всем, что это — шерсть единорога.

— Жаль, что нельзя об этом рассказать во всеуслышание, не правда ли? — насмешливо бросил Снейп, складывая руки на груди. — Интересно, вы бы написали об этом статью в *Вестник Аврора* или в *Очерки по монстрологии*? Насколько я вас помню в том возрасте, вы все свои идеи превращали в научные статьи, должно быть, набивали себе цену, пробивали дорогу в будущее...

— Ох, профессор, идите вы к... троллям! Представляете, как я бы написала научную работу о том, что открыла противомантикорное заклятие, когда выругалась после того, как одна из этих дряней наступила на мою волшебную палочку своей лапищей и сломала ее самым подлым образом? И о том, что все это произошло в подземельях Хогвартса, в присутствии неадекватно ведущего себя профессора Зельделения, декана факультета Слизерин, страдающего суицидальными наклонностями...

— Вы забываетесь... — прошипел Снейп, меняясь в лице.

— ...который полез туда, для того, чтобы...

— Заткнитесь, Валери!

— Которого даже без помощи палочки сумела оттуда извлечь выпускница Гриффиндора и привести в чувство крепкой пощечиной... Что вы сказали?

— Я сказал — заткнитесь!

— Нет, я о другом. Если не ошибаюсь, вы сейчас меня назвали по имени? — Валери повернулась к нему лицом, и Гарри увидел, как она тяжело и нервно дышит.

— Назвал, — вызывающе бросил Северус Снейп.

И тут произошло что-то необъяснимое, во всяком случае, с точки зрения Гарри. Вечно грязный, отвратительно пахнущий профессор Алхимии с мерзким характером и отталкивающей внешностью, бывший предатель и Упивающийся Смертью в один шаг преодолел расстояние между ним и изумленной Валери Эвергрин и, прежде чем он успела что-то возразить, схватил ее за плечи, рывком притянул к себе и начал бешено целовать с такой страстью, словно это был его последний шанс что-то получить от этой жизни.

Куда идет мир, успел подумать Гарри Поттер, медленно сползая по подоконнику. Мисс Эвергрин — и этот... но он же грязный! Да, он, возможно, внутри не так плох, как кажется снаружи, но... он же Снейп! Слизеринец! И — с нами Мерлин! — сын Вольдеморта!

О чем она думает? Фу-у-у!

Эти мысли пришли в голову Гарри, когда он заметил, как одна маленькая рука Валери, решительно отбивавшаяся от наглого завоевателя, крепко вцепилась в его рукав, а вторая — проникла в как всегда сальные волосы Северуса Снейпа и осторожно, точно пробуя его на ощупь, погладила по голове.

Глава 31. Зеленый праздник.

Это видение (Гарри уже начал сомневаться, не выпил он сегодня гораздо больше, чем следовало) продлилось какие-то секунды. Не успел Гарри осознать, чему он только что стал свидетелем, как две фигуры, осяянные искрящимся чадом факелов, — красная и черная, — резко отстранились друг от друга. Потом взметнулся красный рукав, и тишину точно ножом разрезал звук пощечины.

— Мерзавец!

Даже с того места, куда Гарри предусмотрительно сполз, было видно, как на щеках у Валери горят красные пятна. Снейп оказался обладателем всего лишь одного пятна на щеке, но зато куда более яркого оттенка. Почти такого же, как губы мисс Эвергрин, ох-хо-хо...

— В самом деле? — губы Снейпа, всегда бледные, а сейчас — кроваво красные, точно у вампира, растянулись в привычной усмешке, которая сейчас выглядела довольно жалко. — Вам не понравилось?

— Вы слишком много о себе возомнили, профессор! — никогда Гарри еще не видел мисс Эвергрин такой разозленной. Сейчас, если бы ей попался под руку средних размеров черный гибридный дракон, то от него бы ничего не осталось. — Думаете, что любая женщина, увидев на горизонте существо, подобное вам, тут же устремится к нему в объятия?! У вас нет совести! Я — почти замужем!..

— Вот как? Вы хотите сказать, что ваш карлик лучше целуется? Даже когда встает на цыпочки, чтобы до вас дотянуться?

— Наглец! Неужели вы не понимаете, что я на это согласилась потому, что люблю его?

— Вы лжётё!

— Нет, не лгу! Он в тысячу раз лучше вас! Он умен, красив, добр, и знаете, какое у него главное достоинство? Он уважает меня! Он никогда в жизни бы не оскорбил меня, как вы это только что сделали!

— А мне показалось, профессор, что вы не восприняли мое поведение, как оскорбление, — медоточивым голосом заметил Снейп. Он снова скрестил руки на груди и принял обыкновенно самоуверенный вид.

— Значит, вам *показалось*, профессор! — рвала и метала Валери. — Даже если бы я не любила Глориана, думаете, я бы соблазнилась когда-нибудь на такого, как вы? Бред! Посмотрите на себя — вы вечно грязны, от вас несет, как из конюшни, вы постоянно мрачны, ненавидите всех вокруг, оскорбляете детей, бросаетесь на людей, будто они виноваты в том, что вы сами выстроили вокруг себя непроницаемую стену и ведете себя, как трагический герой из пошлого магловского романа!

— Ах, пошлого магловского романа... Помнится, вы говорили...

— Плевать на то, что я говорила! Вы строите из себя несчастненького, хотя если бы хотели, то давно бы уже сами освободились от того, что связывает вас с вашим отцом, раз вы считаете его таким ужасным. Ваши комплексы больше подходят ребенку, а не взрослому человеку! Вы инфантильны до отвращения! Какая женщина сможет полюбить такое существо, как вы!

— Дракон меня раздери, я клянусь, что вам понравилось, когда я... — заревел Снейп.

— Не клянитесь, профессор, — ядовито бросила Валери. — Если вы и придумали себе что-то относительно меня, что проливалось бы бальзам на ваше мужское самолюбие, то вы ошиблись. Мне просто стало вас жалко!

— Что?

— То, что слышали! Я пожалела вас!

— Только и всего? — свистящим шепотом переспросил Снейп. Его всего трясло.

— Только и всего, — отрезала Валери Эвергрин. Она швырнула плащ обратно в руки профессору Алхимии и тяжело грохнула дверью, ведущей в галерею нижнего этажа, оставив Снейпа в ярости кусать губы, а Гарри — удивляться тому, сколько еще сюрпризов ему преподнесут эти двое.

Проходя по галерее, Гарри увидел, как профессор нетвердыми шагами возвращается в подземелья по другой лестнице, ведущей с внешней стены вниз. Потом Северус Снейп остановился, и Гарри услышал, как по безразличной каменной стене несколько раз глухо и отчаянно стукнул кулак. А за спиной профессора вдруг возникла крошечная белая точка, мелькнула и понеслась в сторону Леса Теней. Гарри бросился к окну, но не смог различить

всадника, торопящегося куда-то в полночь. Точка в последний раз блеснула на дороге в полях и исчезла за освещенным луной озером.

В эту ночь Гарри не смог лечь спать, не поговорив с кем-нибудь.

Джинн выскочил из бутылки с таким видом, словно ему в постель подложили ежа. Его смуглую лысину аккуратно прикрывал фланелевый ночной колпак с небрежно болтающейся на конце розовой кисточкой, а с одного уха свисала резинка с наглазниками, отороченными по краю ирландскими кружевами.

— Мой прекраснейший и мудрейший! — взвыл он, недовольно оправляя на себе голубенькую ночную сорочку, симпатично разукрашенную желтыми слониками. — Что за надобность заставила твой благословенный взор обратиться на мое скромное жилище в такой неурочный час? Надеюсь, причиной было твое последнее желание, иначе я за себя не отвечаю, — пригрозил он Гарри кривоватым пальцем. — Ты разбудил меня посреди сна о саде, полном прекрасных пери, обнаженных и страстных...

— Джим, скажи, почему люди так несовершенно устроены? — Гарри пристроился на подоконнике рядом с открытой бутылкой.

Джамаледдин несколько оступело посмотрел на Гарри.

Когда мы кого-то любим, этот кто-то не любит нас... Или наоборот: когда кто-то любит тебя — он сам тебе не нра...

— Чего? — не понял Джим.

— А, ладно... Если ты не понимаешь, то... — Гарри начал слезать с окна.

— погоди, погоди, о мудрейший! — джинн, развевая полы ночной рубашки, перелетел через Гарри и преградил ему дорогу. — Если твой ничтожный слуга не ошибается, тебя что-то гнетет? Не желаешь ли облегчить душу, о величайший? Не желаешь ли поговорить о том, что наболело, с презреннейшим из твоих слуг? Возможно, собака Джамаледдин сумеет дать тебе хороший совет? — намекнул он и щедро добавил. — Взаймы. За желание считаться не будет.

Гарри кивнул, снова опустился на холодный камень подоконника и начал рассказывать. Ночь проходила очень быстро. Луна стремительно неслась над вершинами Леса Теней, отражаясь на поверхности озера, приятно щекочущий холодком весенний ветер задумчиво посвистывал где-то на вместительных чердаках Хогвартса, шевеля соломенную кровлю крыш. Время шло.

— И ты сказал ей это? — задумчиво переспросил Джим Гарри. Он сидел перед своим господином в совершенно неподходящей позе: на корточках, со смятой на волосатых бедрах рубашкой, и почесывался с серьезным видом. Колпак съехал ему на ухо. — Так и сказал? Она же женщина! С ней нельзя так! За женщиной нужно ухаживать постепенно, сперва — цветы, потом — сюрпризы, потом — хурму и рахат-лукум, и когда ей станет уже совсем больше нечего предложить — тогда говорить о том, как ты ее сильно любишь и вести себя соответственно, а ее в... Гхм!..

Они уже несколько часов, как окончательно перешли на «ты».

— Сью не такая, — уныло сообщил Гарри, задумчиво вертя в руках дорожный золотой кубок (из запасов Джима) с подозрительной травяной настойкой, по запаху напоминающей желудочное варево Снейпа, а по вкусу — хороший коньяк двадцатилетней выдержки. Джинн расщедрился, и теперь они сидели и по-братски смаковали эту смесь, пока небо постепенно бледнело на востоке. Снизу, со двора, еще доносились обрывки песен и нетвердая речь загулявших колдунов. — Она... как тебе объяснить... Она... — Гарри нетвердой рукой попытался изобразить в воздухе силуэт Сьюзен, но не обладая артистичностью фантазии, не сумел приблизить к реальности свои представления. — Нежная... Она — теплая такая... Добрая. И — лучшая. Она — лучше всех девушек, которых я знаю...

— Лучше госпожи Гермионы? — присосался к своему кубку Джим. — А ведь у нее такие ножки... А волосы!..

— Гермиона, ну... она тоже милая. Только она — другая... Не могу сказать, что Гермиона мне никогда не нравилась, просто мы были всегда друзьями и я... я знал, что Рон к ней неравнодушен, вот и... Нет! Книжки, зубрежка... не-е-ет! Это не по мне!

— А леди Валери, — игриво подмигнул Гарри Джамаледдин. — Ух! Вот это женщина, я понимаю: глаза голубые, как бирюзовое море у берегов Испании, губки — как пурпурная роза из лучших оазисов Алжира... Если бы я жил с ней в соседних комнатах, я бы...

— Нет, — не очень уверенно из-за витающих над ним винных паров изрек Гарри. — Она — старше! — и тут же вспомнил, какие круги нарезал Рон вокруг Валери Эвергрин в прошлом году.

— Ну, а этот черный мрачный... злобный... Он-то чего смотрит? Чего он медлит? Или он в нее не..

— Не-а, он — уже. И давно, — Гарри поискал остатки пошла на дне кубка, но к величайшему своему сожалению ничего не нашел.

— А — она? — с захватывающим интересом спросил Джим.

— Она... Не знаю... — задумался Гарри. Сегодняшняя сцена на замковой стене представилась ему вдруг в ином свете. Он вдруг вспомнил, какими наблюдениями когда-то с ним поделилась Джинни. А если она была права? Мисс Эвергрин не была похожа сегодня на даму, пылко влюбленную в снеиповы достоинства, но кто знает, что кошмарный стресс ответственности способен был с ней сделать за эти несколько месяцев? Он задумался о том, что чувствует человек, будучи связанным с тем, кого он уважает, но не любит. А если ты еще и к кому-то другому привязан?

— Эй! — джинни с приветливой пьяной улыбкой помахал у Гарри перед носом собственной бутылкой. — Заснул? Или желание загадываешь?

— Нет пока...

— Тогда скажи мне, о мой маленький господин, Малик-бей ибн-Асад, как ты думаешь, если я попытаюсь приударить за белокурой бриттской пери по имени Валери, тот злобный черный дэв мне ничего не сделает? Он может...

— Я не знаю, на что он способен, — тихо ответил Гарри. — Особенно теперь... Джим!

— Ау!

— Мне так надоело, что все самое отвратительное происходит рядом со мной. А теперь у меня кроме тебя вообще никого не осталось. Рон меня ненавидит, хотя я ему желаю только добра. Гермиона больше не обращает на нас внимания, она, наверное, тоже влюбилась в этого старинного *паладина*, поэтому так изменилась. Мисс Эвергрин скоро уйдет навсегда. Знаешь, мне так домой хочется, и чтобы никаких дементоров и Упивающихся... — Гарри откинулся на спину и сонно уставился на медленно тающий в небе рожок месяца и россыпь звезд, в которой ему почему-то чудилась задорная морда, веселый вишневым глазом и шаловливая грива Риока...

Джамаледдин-ибн-Омар-ибн-Алим абд аль Азим сочувственно посмотрел на своего юного и сейчас, кажется, совершенно захмелевшего с непривычки господина. Эх, бедняга... Если бы можно было ему помочь, он, Джамаледдин, конечно бы исполнил ма-а-аленькое желанье своего хозяина в кредит. Но, увы, заклятия, накладываемые на каждого джинна, этого не позволяли. Да и не согласился бы Малик-бей один отправиться обратно, без своих друзей: госпожи Чайной розы, госпожи Свежей жимолости и господина Золотая голова. Джим осторожно сотворил спящему Гарри подушку и одеяло, сел у него в головах и начал думать о том, что бы он мог сделать для этого еще такого маленького, и уже такого взрослого мальчика, родившегося с раной в сердце.

— Вы, кхе, кхе, свободны на весь сегодняшний день, уважаемые сэры и милые дамы, — объяснил Годрик Гриффиндор Гарри, Рону, Джинни, Гермионе и Драко, когда они наутро собрались в Большом зале после завтрака. От ежедневной пытки копьем и мечом у сэра Кэдогена в этот день юноши были благополучно избавлены. — Принц Глендэйл лично просил меня отпустить вас с леди Валери в его владения.

— Что он хочет от нас, этот сморчок? — немедленно взвился Малфой. Его, очевидно, пугала перспектива еще более внушительной трепки, чем та, которую ему вчера закатил Норд. Визги Панси, с воплями бросавшейся грудью защищать своего «милого Драко», широко обсуждались во всех комнатах замка. Все парни и девушки единогласно посчитали Малфоя трусом за то, что он прятался за женские юбки, даже его квадратные дружки Крэбб и Гойл, похоже, испытывали кое-какие сомнения относительно поддержания дружбы с Малфоем, однако, самому Драко, на это было, кажется, наплевать, и уже одно это казалось Гарри подозрительным. Драко Малфой был не таков, чтобы позволять кому-то насмехаться над собой или пренебрегать его персоной, а эта ситуация, когда он остался в дураках уже не в своем родном XX века, а гораздо раньше, в том времени, где, по слухам, был твердо намерен сам выстроить свою судьбу, не могла не действовать ему на нервы. Это только подтверждало версию Гарри о том, что Малфой, несомненно, что-то задумал, иначе бы не решился сносить издевательства над собой, коими его закармила уже половина Хогвартса. Но сейчас он принялся и явно ощутил, что в воздухе витает запах опасности. А ну как его забирают обратно на Инисаваль, чтобы наказать за то

преступление, которое он там совершил вместе с неразлучной (еще так недавно) троицей и их подружками?

— Собственно, нас приглашают на праздник, Малфой, если тебя это так волнует, — сонно ответил ему Гарри. Юноша совершенно не выспался, и поэтому прореагировал на вопли слизеринца довольно вяло. — Они не станут марать руки о такое ничтожество, как ты, если ты об этом.

Рот Рона Уизли довольно растянулся при этом заявлении Гарри, но он быстро вспомнил, что они в ссоре и старательно сменил выражение лица.

— Поттер, если ты вякнешь еще хоть одно слово в таком тоне, то я вызову тебя на поединок, — прошипел Малфой. — И тогда посмотрим, кто из нас — лучший, а об кого, действительно, не стоит и рук марать.

— Да в грубу я видел твой поединок, придурок, — зевнул Гарри и осекся: Сю только что вошла в зал. Гарри ревниво оглядел ее и решил, что у нее вид невыспавшийся — припухшие глаза, немного встрепанные волосы. Скромное черное платье, которое было на девушке, только заставляло сильнее искриться ее золотые волосы, и у Гарри снова защемило сердце. Сьюзен была здесь, но она пришла не к нему.

— Сэры, извольте соблюдать порядок! — рявкнул Годрик и пригрозил Гарри и Драко своей сучковатой волшебной палочкой. — Лошади для вас будут оседланы через час. Счастливого пути и... — легендарный основатель помялся, и вдруг на его покрытом конопушками лице мелькнуло выражение детской зависти. — Надо же, снова Эльфов увидите... Везет вам, дамы и господа.

— Везет! — возвел Малфой очи к небесам, когда за Годриком Гриффиндором закрылась дверь. — Не поеду я туда, и все тут! Надеюсь, никто меня не заставит?

— Заставит, — мрачно сказала Валери. Ребята не заметили, как она вошла через другую дверь и остановилась в центре зала. Палочка в ее руке нервно дернулась. — Я заставлю. Сегодня вы все мне будет там нужны. Там. На Инисавале.

Гарри обратил внимание на то, что Валери в это утро была как-то по особенному хороша. Длинное белое шелковое платье, крошечный высоко зашнурованный жилет, подчеркивающий тонкую талию, украшенное цветами декольте и — выражение безграничной усталости и раздражения на лице. В последнее время оно стало ее визитной карточкой. Валери выглядела так, словно она просидела всю ночь над книгами или провела несколько часов в седле, но Гарри был уверен, что все дело — во вчерашней милой беседе на крепостной стене замка. Вид у Валери был такой, словно она отправлялась не на праздник, за которым неминуемо последует ее свадьба, а на похороны.

— Доброе утро, профессор Эвергрин, — по глупости рискнул сделать комплимент Рон. — Прекрасно выглядите, — Рон, видимо, счел, что комплимент может поднять ее, мягко говоря, не лучшее настроение, и ошибся.

— Доброе, доброе, — голосом человека, страдающего от зубной боли, откликнулась мисс Эвергрин. — Не заставляйте меня второй раз повторять вам слова мастера Годрика. Марш одеваться — и прилично, прилично! — затем спускаетесь вниз, во двор, и ждете меня там! Ясно?

Все пробубнили что-то, вроде «ясно». Не выдержала одна лишь Гермиона.

— Профессор Эвергрин, мы едем на вашу сва...

— Пока нет, — рыкнула Валери, моментально превращаясь из женщины, страдающей зубной болью, в фурию, страдающую зубной болью. — Но сегодня — день Зеленого Праздника Эльфов, и правитель Куно просил, чтобы вы обязательно на нем присутствовали. Это все, — с этими словами она вынеслась из зала с такой скоростью, что показалась Гарри похожей на взметнувшийся порыв метели.

Они переоделись (Гарри нашел на кровати в своей комнате белую рубашку с ужасающе дорогими кружевами и совершенно кошмарное, по его мнению, средневековое одеяние, похожее на женское платье из черного бархата; его пришлось укоротить настолько, насколько Гарри позволяли его скудные познания в Магическом Домоводстве) и вышли наружу, все так же скованно себя чувствуя в присутствии друг друга. Гермиона и Рон друг на друга не смотрели принципиально, это у них было заведено уже около месяца. Издалека было видно, как Сьюзен перебросилась несколькими фразами с Джинни, но с приближением Гарри обе девушки как по команде отвернулись друг от друга и замолчали. Драко Малфой, в таком же, как и у Гарри черном бархатном наряде стоял недалеко от Рона и кормил морковкой свою лошадь, изредка бросая презрительные взгляды на шевелюру рыжего гриффиндорца. Гарри обратил внимание, что на Малфое старинный бархатный лапсердак смотрелся совершенно естественно, и не сумел

сдержат приступ зависти. Рон, не привыкший к такой роскошной одежде, нервно одергивал обшлага на рукавах и раздраженно сопротивлялся попыткам Джинни поправить ему воротник. Гермиона, похудевшая и бледная, стояла в стороне от всех в таком же простом белом платье, как и на остальных девушках. Ее сильно отросшие волосы были насильно стянуты в две длинные косы и перевиты лентами. Когда их с Гарри взгляды встретились, юноша заметил, как в глубине темных миндалевидных глаз девушки мелькнуло что-то, похожее на застарелую тоску. Гермиона выглядела, наверное, ужасней всех, настолько изменилась когда-то такая умная и шустрая девушка, которую преподаватели всегда называли лучшей ученицей Хогвартса. Но когда Гермиона увидела, что Гарри смотрит на нее, то помрачнела и отвернулась.

Вскоре подошла и Валери. Одетая в белый плащ, она сама походила на одну из Эльфиек, такое неземной казалась теперь ее красота.

— Поедем, — она, не глядя на остальных, вспрыгнула на лошадь. Гарри заметил, как Рон подсаживает Джинни, а затем направляется к Гермионе. Та, не слова ни говоря, сама вскочила в седло и легко поскакала за Валери в ворота замка. Сюзен последовала за ней, не дав Гарри даже повода поддержать ей стремя, за ней в ворота, язвительно усмехнувшись Гарри, понесся Малфой. Когда он, поравнявшись с Гарри, специально направил свою лошадь в лужу, чтобы обрызгать гриффиндорца, и она плюхнула копытом, облив грязью новый неприлично роскошный наряд вчерашнего победителя первого квиддичного матча, Гарри услышал, как под рубашкой Драко звякнул металл. Слизеринец явно застраховался, надев на себя кольчугу.

Уложенные в корону золотые косы Сью мучительно маячили прямо перед носом у Гарри, и он так волновался, рассматривая их, что его конь чуть не впился в вылетевшего из лесу всадника, а затем другого. Гарри оказался совершенно затерт между лошадьми Ровены Рэйвенкло и Невилла Лонгботтома.

— Мне так понравилось! — возбужденно что-то говорил Невилл Ровене. — Хотя для меня это слишком большая честь, госпожа! Ой, Гарри...

— Напротив, это — честь для нас, — возразила Ровена, и тут ее белый конь запутался сбруей в уздечке гарриного скакуна. — Осторожнее, юноша!

— Простите, — пробормотал Гарри. Он спешил и принялся распутывать клубок, который образовался из сбруи трех лошадей, искоса наблюдая за тем, как Ровена меланхолично расправляет свой белоснежный плащ (такой же, как у Валери) и отбрасывает длинные косы за спину. Интересно, что они оба делали ночью в Лесу Теней? На завтраке их не было, и, кажется, Дин сегодня говорил что-то о том, что Невилл не ночевал в своей комнате, вызвав бурю восторгов и слухов по всем гриффиндорским спальням. Не тренировались же?

Гарри скосил глаза на пояс Ровены. Она привычным жестом придерживала меч на серебристой перевязи. Голубые камни переливались на старинных кованых ножнах. Затем парень перевел взгляд на Невилла. Тот был как огурчик, и уже приобретшей кое-какой опыт рукой сдерживал приплясывающего на месте скакуна.

Подъехала Валери.

— Доброе утро, миледи Рэйвенкло.

— И вам доброго утра, леди Валери, — Ровена рассматривала мисс Эвергрин с каким-то странным выражением слегка приглушенной на лице жалости. Валери, напротив, держалась подчеркнуто гордо, что всегда было ей свойственно в присутствии леди Рэйвенкло. Валери всегда была вежлива с Ровеной, и иногда Гарри даже казалось, что обе молодые женщины исподтишка разглядывают друг друга.

— Время настало? — тихо поинтересовалась Ровена, испытующе блеснув синими глазами из-под пушистых ресниц.

— Да, — равнодушно уронила Валери.

— Я говорила вам, леди Валери, что всегда есть выбор... — так же предупреждающе тихо продолжила Ровена, и Гарри мог поклясться, что в этот момент она тщательно просматривает мысли в голове мисс Эвергрин.

— Простите, леди Ровена, но, возможно, я не так смела, как вы, — сухо заметила Валери. — К тому же когда вы принимали самое важное в вашей жизни решение, за вашу юбку не цеплялись сто пятьдесят малых детей, верно?

— Что ж, тогда удачи, — высокомерно вскинула голову Ровена. Несмотря на свою явную молодость, эта дама явно не любила, когда ее советами пренебрегают. Она нетерпеливо вырвала повод своей лошади из рук Гарри и понеслась в сторону Хогвартса.

Невилл и Гарри обменялись непонимающими взглядами, а потом Невилл, виновато махнув остальным на прощание, пришпорил коня и поехал вслед за Ровеной Рэйвенкло. Его грузноватая фигура немного неловко раскачивалась в седле, а слегка длинноватый для него меч в ножнах периодически шлепал его по боку.

— Мы задержались, — мрачно прокомментировала Валери, подтолкнув животное Гарри. — Надо торопиться.

Ехать было ужасающе неприятно. Рон не разговаривал с Гермионой, Сьюзен не разговаривала с Гарри, Малфой не разговаривал ни с кем, а после того, как Валери настигла его в тот момент, когда он уже собрался улизнуть в обширные кусты папоротника, и заставила ехать в двух шагах от себя, Драко угрюмо ей подчинился, но с этого момента ни на секунду не снимал правой руки с эфеса меча. Джинни, угнетенная всеобщим смятением и дурным настроением, тоже молчала. Все девушки ехали, сбившись в кучку, и лишь изредка перебрасывались словом-другим, их тоже поглотил страх перед тем, что им предстояло увидеть на Инисавале.

Гарри тоже не знал, чему верить. С одной стороны, он не мог себе представить, что Глориан Глендэйл, с которым они еще, казалось, так недавно слушали тихий вековой шепот ветра в черных менгирах, может поднять на него меч в отместку за то, что он, Гарри, по незнанию и случайности попал туда, куда ему не следовало попадать. В конце концов, это с ним происходило не впервой. С другой стороны, блеск меча, с чавканьем входящего в глотку огромному лесному троллю, так просто не забудешь.

Да. Эльфы. Неумолимы, как смерть, кажется, это пришло ему в голову так давно.

Их путешествие напоминало похоронную процессию. Странно было ехать рядом с Роном и не иметь возможности переброситься с ним хоть словом. Странно было не слышать уверенной болтовни Гермионы и вместо ее вечно ищущего, любопытного взгляда наткнуться на опустошенное каким-то слишком большим для нее чувством лицо. Странно было ехать рядом с Драко Малфоем и признаваться себе в том, что где-то в глубине души ты боишься смерти так же, как и он сейчас.

И страшно было видеть покойное, умиротворенное лицо Валери Эвергрин, женщины, которой ты восхищался, которая казалась тебе похожей на древних героинь старины, дух которой, ты считал, невозможно сломить ничем, на магическую силу которой напоролся даже Вольдеморт и почти потерпел поражение, и видеть, как по ее щеке воровато сбегает предательская слезинка и падает, растворяясь в белом, так похожем на подвенечный, шелке. Сильная — да. Но — всего лишь женщина. И — несчастная.

Но страшнее всего было ехать с девушкой, от одного вида которой у тебя сжимается сердце, а потом взлетает куда-то высоко-высоко и поет, точно первый соловей этой весной, и не говорить ей ничего, и спотыкаться об ее холодные и серые как камни глаза, и думать, что ты готов продать душу за то, чтобы она тебя простила.

Если бы сейчас им на пути встретились тролли, Гарри бы выхватил оружие, небольшой чуть затупленный от многочисленных тренировок меч и рубил, резал, колот бы... убивал, пока ему не стало бы плохо от запаха крови, от воплей и хрипа его хищных жертв, пока эта золотистая корона из светлых кос не исчезла бы за кровавым маревом, не забылось бы выражение ее лица в *тот* момент, ее рука — на двери Большого зала. Ее глаза — серые на сером лице.

Но они никого не встретили. Было странно чувствовать себя таким — одним! — в лесу, полном каких-то загадочных зеленых тайн. Весна обрушивалась на шестерых юнцов свистяще-шумящими звуками леса, запахами травы и цветов, среди которых уже не чувствовался тонкий, чуть терпкий аромат асфоделей, сквозь которые еще так недавно просвечивали горящие от страха глаза Сью — от страха за ее первую и настоящую любовь. Он тоже что-то значит для нее... Не может быть, чтобы все ушло просто так. Гарри верил в это.

Они достигли озера через много часов после полудня, когда солнце уже уверенно продвигалось к западу, и вновь увидели единорогов, мирно пасшихся на берегу перед глубоко ушедшей в песок длинной эльфийской лодкой. Инисаваль, как и прежде, покоился где-то там, за стеной сплошного тумана, несмотря на солнечный яркий день, не было видно ни пальца. И никто их не встречал возле воды, никто не предлагал помочь перевезти их на остров. Гарри счел это дурным предзнаменованием. Спешившись, они отпустили своих лошадей пастись вместе с единорогами, и Гарри заметил, как те недовольно зафыркали.

Общими усилиями они столкнули лодку в воду и сели на весла. Гарри наблюдал за тем, как Малфой неохотно гребет в сторону густого пара, поднимающегося от воды и скрывающего остров, как Рон равнодушно что-то говорит Джинни. Гермиона и Сьюзен, одинаково сжавшиеся на

корме, выглядели так, будто они обе замерзли и больше никогда не смогут согреться. Валери безжизненно сложила руки на коленях и невидящим взглядом уставилась на медленно вырисовывающиеся из-за стены тумана пальцы Инисаваля, точно в отчаянии протянутые к ней руки тонущего исполина. Туман расступался, темные скалы, покрытые, точно зеленоватым пухом, молодой травой и редкими кустами, приближались все быстрее. Течение подхватило лодку и понесло их в сторону уже знакомого грота с древними ступенями, которые не одно столетие, а, кто знает, может, и не одну тысячу лет мыли воды глубокого безымянного озера. Гарри помнил, что давным-давно, еще задолго до того времени, в котором они теперь оказались, на островах посреди таких озер жили хранители древних святилищ, охраняя тайны самой сокровенной из магий. Вода и камень, огонь и ветер, все прорастало здесь, под сенью этих немислимо старых деревьев, которые мертво лежали сейчас на берегу Инисаваля, сваленные в бесформенные кучи, мертво протягивая вверх сухие и черные обломки корней. Остатки старых священных римских колонн громоздились между гранитных обломков старых дольменов и прорастали буйной травой, осокой, камышом, а на местах посуше — и папоротником. Даже покрытый зеленью весны, остров не перестал быть похожим на что-то невыносимо древнее, устаревшее, разрушавшееся на глазах под действием наступающего на него беспощадного времени. Но тут лодка нырнула в грот, ткнулась носом в первую же поросшую водорослями ступеньку и пришлось вылезать наружу.

Лестница вглубь острова тоже изменилась. Почти невидимая во тьме в прошлый раз, сейчас она сияла переливами золотистых и фиолетовых цветов, которыми были увиты венки из каменных листьев, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся на стенах темного хода. Пикси смиренно сидели на венках и, болтая крохотными ножками и шелестя прозрачными стрекозьевидными крылышками, испускали призрачный свет, который был им свойственен исключительно весной: самцы — голубоватый, а пикси женского пола — зеленоватый. Лица Джинни и Гермियोны, поднимающихся сразу за Гарри, казались бесцветными, а глаза, казалось, так глубоко запади в глазницы, что на их месте остались темные провалы. Подросшие до плеч волосы мисс Эвергрин серебрились где-то впереди, ступенек на двадцать-тридцать, а за ней тянулся длинный шлейф Сьюзен, и Гарри мучительно вдыхал аромат ее платья.

Когда они поднялись наверх, Гарри выдохнул спертый воздух подземелья и потрясенно обвел взглядом вечеряющее небо над островом. Под первыми звездами искрились обломки древних разрушенных храмов — пикси обсели каждую колонну и теперь слабо мигали, как светлячки, перелетая с места на место и освещая холмы и низины, поросшие зеленой травой и весенними цветами. Старые римские капители белели в траве, как тела поверженных богинь, а одиноко стоящие дольмены мрачно клонили над ними гранитные торсы. И везде были Эльфы. Они стояли среди травы и цветов, держа на ладонях золотые огоньки живого пламени, их фигуры виднелись из-за редких деревьев и осыпанных белыми звездочками кустарников. Лиц Эльфов видно не было. Пахло бузиной и — неожиданно — свечным воском, как в церкви, что заставило Гарри еще больше поверить в торжественность церемонии. Когда он увидел, что навстречу им степенно движется Куно, то убедился в этом еще больше. Традиционные пушистые одежды Эльфов их глава сменил на струящиеся белые шелка, и, будучи, довольно высоким по стандартам своего народа, теперь почему-то казался совсем маленьким светлым пятнышком на фоне торжественной церемонии. Глориана видно не было.

— Мы ждали вас, — произнес Куно, по-эльфийски сочно растягивая слова.

Валери Эвергрин склонила голову. Ее примеру последовали остальные. Гарри вскользь заметил, как остро бегают глаза под светлой челкой Драко, точно он ждет нападения в любой момент. Зашелестел край платья стоящей рядом Гермियोны.

— Мы готовы, — спокойно ответила Валери.

Куно Глендэйл повернулся, приглашая их следовать за собой. Они прошли через поросшую клевером лощину и спустились в глубокую расселину, осторожно обходя лежащие в траве обломки белых колонн. Где-то рядом слышался шум воды небольшого водопада. Гарри мельком увидел на одном из обломков старого храма исковерканное дождем и ветром лицо женщины — осколок древней скульптуры — с чуть припухшими, по-детски полураскрытыми губами. По белому, невидящему мраморному глазу ползла божья коровка.

Шум воды становился все громче, и вскоре они подошли к маленькому водопаду; вода, несущаяся сверху, громко обрушивалась в небольшое круглое озерцо, по краям поросшее камышами и желтоватыми купавами. Большая узловатая древняя черемуха, распространяя вокруг удушающий аромат мелких бледных цветочков, наклонилась к самой воде, скрывая под колючими пальцами старых ветвей узкую сырую тропинку, на которой отчетливо виднелись

маленькие аккуратные следы мягких эльфийских сапог. Куно приподнял верхнюю ветку черемухи, осыпав Валери белыми точками лепестков, и женщина проскользнула в открывшийся перед ней провал темного хода, подобрав край платья, чтобы не намочить его. Гарри последовал за ней. Сзади сердито пыхтел Рон, выпутываясь из зарослей камыша, поймавшего его одной из стрелок за бархатный средневековый наряд. Сюю осторожно перешагнула через размазанную глину узкой дорожки, проигнорировав протянутую ей Гарри руку. К ее левой щеке прилип лепесток черемухи.

Скользкая размытая тропка спускалась за каменистый выступ скалы, поросшей осокой, и поворачивала вправо, во внезапно открывающуюся взгляду пещеру. Снаружи вход в пещеру был надежно скрыт от посторонних глаз густым камышом, узловатой веткой черемухи и отвесно несущимися вниз струями водопада. Гарри перешагнул через каменный выступ скалы и сердито покосился на Малфоя, недовольно пихнувшего в спину Сьюзен, задержавшуюся на краю камня. Вслед за Куно и Валери по витой тропке все начали спускаться вниз, в искрящуюся таинственными отблесками мглу пещеры. Вокруг все было усеяно растущими с потолка пещеры сталактитами и поднимающимися вверх сталагмитами; стены подземной пещеры были похожи на абстрактную живопись, различные каменные породы причудливо сплетались, образуя странные узоры и разноцветные разводы. Кое-где поблескивали блестящие вкрапления каких-то драгоценных металлов. Малфой настойчиво их разглядывал, пока не получил сердитый тычок в спину от Рона. Сзади Гарри услышал восхищенный вздох Джинни, но остановиться и полюбоваться на эту красоту у них не было времени. Звук падающей воды уже было не слышно, тропинка резко завернула вправо, и когда они оказались на месте, Гарри не смог сдержать восторженного возгласа, вырвавшегося у него, потому что зрелище было невероятное по масштабности.

Подземный зал, куда они попали, был настолько огромен, что его каменистый потолок скрывался во тьме наверху, были видны только края свисающих сверху громадных сталактитов, на которых чувствовалось какое-то шевеление, точно там засела целая стая летучих мышей. Зал был неравномерно освещен можжевеловыми факелами, от которых исходил приятный и немного терпкий запах, на стенах шевелились стайки пикси. Огромные неясные тени, испуганно жавшиеся к стенам, оказались, когда Гарри пригляделся к ним, их собственными: его восторженная голова напоминала раздраженное темное привидение, силуэт Рона был похож на телеграфный столб, а головка Сьюзен с уложенными на ней косами напоминала лицо королевы в короне. Но они и их тени не были единственными присутствующими в зале, а каменные наросты и пикси на стенах пещеры не были единственным украшением подземелья. Все пространство, сколько хватало глаз, занимала огромная плоская каменная площадка, похожая на стол. Камень был невероятно древним, по его краям бежали старые трещины, исчезая где-то внизу, выщерблины и ямки покрывали его поверхность, как морщины — лицо старика. Но при этом камень представлял собой идеальный круг. Кто сделал его таким, кто педантично придавал огромной глыбе такую правильную форму — Гарри терялся в догадках. Он не мог даже представить себе, что в древние времена, когда магия волшебников была направлена больше на борьбу друг с другом за власть, чем на усовершенствование мира, нашелся такой умелец, который бы смог проделать такую гигантскую работу. А может, этот камень тесали именно гиганты? Или Эльфам был известен секрет такой обработки? Но эту мысль Гарри тут же отменил: если бы Древние Эльфы могли так обрабатывать камни, то почему они не жили в каменных домах, а в скалах или в деревянных домиках странной формы, похожих на шалаши? К тому же Гарри не давала покоя мысль о том, что он уже где-то либо слышал, либо читал об этом загадочном камне, но вспомнить сейчас у него времени не было, потому что приведший их сюда Куно Глендэйл остановился, сделал им знак оставаться на месте, в небольшой природной нише в углу пещеры, а сам прошел к огромному каменному сооружению и встал «во главе стола». Во всяком случае, так показалось Гарри, потому что небольшая светящаяся фигура правителя Эльфов располагалась как раз между двух гирлянд сталактитов, напоминающих королевский трон, над которым симметрично располагались искрящиеся факелы.

Эльф протянул руки к центру стола, и он пришел в движение. Гигантский столп света извергся из его глубин, из самой середины. И тут Гарри понял, что почувствовал себя как-то иначе. Этот камень, скорее всего, обладал какой-то очень древней и сильной магией, человеческой ли, эльфийской — Гарри не знал, но он осязал ее в самых кончиках пальцев, ощущал, как она пробегает у него по венам, подобно мощному электрическому заряду. Сзади него изумленно вскрикнула Гермиона — она тоже чувствует это, подумал Гарри. Стоя рядом с Валери и глядя на Куно Глендэйла, Гарри ощущал, как загадочная магия поднимается в нем все выше и выше,

приближаясь к мозгу. А потом последовал толчок, и его сознание точно осветилось изнутри, глаза застил яркий свет, а по подземному залу поплыл аромат полевых цветов. Длинные тонкие руки правителя Эльфов взлетели вверх, факелы вспыхнули зеленым пламенем, и тут же за столом оказалось много Эльфов. Они молча стояли по краям каменного круга, точно ожидая чего-то, и это что-то пришло. Пещера наполнилась неясным шепотом, и ее вдруг начали заполнять странные тени. Над мигающими огнями факелов рядом с ребятами пронеслись два-три темных силуэта, заставив Джинни и Сью тихо вскрикнуть. Размытые, нечеткие, призраки начали обступать стол со всех сторон, просачиваясь сквозь стены, выступая из тьмы дальних закоулков пещеры и спускаясь с ее потолка. Они собрались вокруг камня и замерли, ни призраки, ни Эльфы не обращали внимания друг на друга, точно их и не существовало. В зале стало ощутимо холодно. Гарри поежился. Призраки были разные и представляли собой полупрозрачные фигуры людей, одетых в какие-то странные балахоны и старинные кольчуги. Совсем близко от того места, где стояли ребята и Валери Эвергрин, Гарри заметил двух древних воинов в низко надвинутых на лоб тяжелых шлемах. Один был высок и худ, мощный разворот плеч показывал, что при жизни он был невероятно силен, рука умершего воина покоилась на рукояти длинного тяжелого меча. На его полупрозрачном лице Гарри разглядел тяжелую складку и кривой шрам на щеке. Огромные глаза древнего героя с тоской смотрели в никуда. Рядом с ним стоял, опершись на прозрачный круглый щит с изображенным на нем крестом, совсем молодой человек, юноша, еще почти мальчик. Длинные волосы обрамляли его по-детски открытое лицо, любопытный нос с породистой горбинкой и — Гарри удивленно заметил, что, когда он к нему приглядывается, дух точно обретает более четкую форму, — длинные пушистые ресницы, благородные руки. Окованная железными пластинками боевая куртка-доспех была явно велика этому мертвому мальчику-воину.

Гарри с трудом оторвался от созерцания древних героев прошлого и вздрогнул, увидев, как Рон так же напряженно уставился на высокого воина, стоящего прямо за плечом у Куно Глендэйла. Длинная борода, пальцы, напряженно вцепившиеся в тяжелый щит перед собой, как и у многих других призраков. И — тяжелый обруч с зубцами, в которых переливались драгоценные камни, на лбу. Джинни, нервно схватившая Рона за рукав, Гермiona, что-то потрясенно шепчущая Сьюзен, Драко Малfoy, цепко вылавливающий из окружающей его тайны разные мелкие детали... Гарри чувствовал, как его голова идет кругом. Он точно погрузился еще дальше в глубину веков, дальше, чем сам сейчас находился. Это сон, сказал он себе неуверенно, глядя на то, как мисс Эвергрин внимательно разглядывает женщину, стоящую рядом с призраком-королем; высокая красавица с длинными волосами, усыпанными драгоценностями. Она выглядела такой печальной, словно всю жизнь была очень несчастна, почему-то пришло в голову Гарри. И тут, точно два ярких огня вспыхнули в зале. Обернулись все — и Эльфы, и призраки. Гарри вздрогнул.

Слева из темного малоприметного коридора на свет вышли двое. Гвеннол Дивир несла ту самую чашу Зеленого праздника, из-за которой несколько месяцев назад разгорелся ужасный скандал, после того как Гарри так неосмотрительно схватил ее в тайном подземелье Эльфов. Чаша сияла, словно икона в драгоценном окладе. Маленькая Эльфийка двигалась тихо и осторожно, ее голову и плечи прикрывало прозрачное покрывало, концы которого ниспадали на чашу, но это не приглушало пронзительного сияния таинственного предмета в неверном свете факелов. Рядом с ней бесшумно шагал Глориан. Он держал в руках большой до блеска начищенный серебряный кувшин с орнаментом из листьев вокруг горлышка. Они обошли каменный стол с обеих сторон, и все Эльфы, включая Куно, склонили головы перед ними, а призраки преклонили туманные колени. Древние воины стояли, склонив лица и держась за щиты. Гарри видел, как у высокого воина со шрамом на лице дрожит рука, покоясь на серебряном щите с тремя темными полосами, и поразился тому, какое действие этот странный предмет оказывает на загадочного призрака даже после его смерти. Гвеннол Дивир и Глориан Глендэйл встали по обе стороны от Правителя Эльфов. Гвеннол опустила покрывало с чаши, и та сверкнула как отражение звезды, а Глориан наклонил тяжелый кувшин и оттуда в чашу полился какой-то странный напиток цвета гречишного меда. По пещере распространился тяжелый сладкий запах каких-то трав и цветов, Гарри различил боярышник, мак, цветы бузины и еще что-то знакомое почудилось ему в этом завораживающем аромате. Рядом беспокойно зашевелилась Гермiona.

Куно Глендэйл отпил и передал чашу своему сыну. Глор осторожно прикоснулся губами к напитку и отдал его Гвеннол. Та с улыбкой взяла чашу, выпила немного и передала следующему Эльфу мимо прозрачных лиц привидений, не отрывающих глаз от переходящей из рук в руки чаши. Чаша обошла стол и вновь приблизилась к Правителю Эльфов.

— Подойдите, — тихо сказал Куно Глендэйл, и Гарри понял, что Эльф обращается к ним. Валери помедлила и приблизилась к столу. Когда Куно протянул ей чашу, ее рука чуть дрогнула, но она осторожно взялась за драгоценную святыню Эльфов и нерешительно посмотрела на Глориана.

— Выпей и ничего не бойся, — улыбнулся он. Куно внимательно следил за тем, как ее рука сжимает резную вязь ножки. Когда Валери подняла чашу, он тихо что-то прошептал.

Гарри увидел только, как Валери поднесла чашу к губам, затем эльфийская святыня качнулась, но Валери удержала ее в руке. Когда она передавала чашу Гермione, Гарри заметил, как ее глаза расширились, зрачки стали совсем черные, а дыхание участилось...

Напиток в чаше, еще недавно отливающий золотисто-коричневым, теперь приобрел бирюзовый оттенок. Гермione не без страха взялась за чашу, отпила и передала ее Сьюзен. Та пригубила и отдала Джинни, а та — Рону. Следующим в ряду был Гарри. Он осторожно принял из рук Рона хрупкий сосуд (руки эти изрядно тряслись) и заглянул внутрь. Внутри плескался напиток ярко-голубого цвета, и не думавший заканчиваться, точно чаша была рогом изобилия. Гарри бросил взгляд на своих друзей и был поражен — все застыли, покачиваясь на месте, и смотрели в одну точку. Рон что-то бессвязно шептал. Наркотик, вдруг понял Гарри, им дали какой-то наркотик, одурманили — зачем? Чтобы было легче справиться с ними — беззащитными? Он замотал головой, пытаясь оттолкнуть от себя чашу, отдалить приход — чего? Чего-то... Знакомый запах, поднимающийся от напитка цвета весеннего утра, кружил ему голову, ему слышались какие-то далекие голоса, а потом возникло лицо Глора и его рука, подталкивающая чашу к его рту. Гарри, не в силах больше сопротивляться, покорно поднес чашу к губам и отпил.

Его глаза уставились в широкое горлышко странного сосуда. На поверхности жидкости всплыли блестящие пузырьки, а потом напиток внезапно вспенился и снова стал густого медового цвета. В голове загудело. Гарри понял, что сейчас или упадет, или уснет на месте, и успел только почувствовать, как кто-то берет чашу у него из рук. Рядом с ним говорили два голоса, один, кажется Драко Малфоя, визгливо кричал, что не позволит отравить или опоить себя... Второй — Глора? Куно? Чей-то еще? — мягкий, но решительный голос, — убеждал Драко, что напиток не принесет ему вреда, напротив... Мир начал расплываться перед Гарри, блестящие грани чаши сверкнули перед ним ярким, ослепительным пятном, мелькнуло перекошенное ужасом лицо Малфоя, а потом чаша внезапно исчезла, так и не коснувшись рук Драко, а свет стал таким режущим, таким настойчивым, что Гарри пришлось прикрыть глаза и после этого он уже не помнил ничего, кроме странного покалывания во всем теле и ощущения того, что на него снизошло какое-то могучее весеннее откровение, которое пахло, как волосы Сьюзен в тот день, когда он в первый раз поцеловал ее.

Глава 32. Снова в осаде.

Тело было легким, точно перышко. Гарри счастливо засмеялся и протянул руки к сияющему впереди него золотому пятну света. Солнце обжигало его пальцы... нет, это не солнце. Пальцы покалывало, как маленькими иголочками: Гарри посмотрел на свои руки, и увидел, что кончики его ногтей излучают яркий свет. Он удивленно потряс руками, но свет не исчез, его нельзя было стряхнуть прочь. Где-то неподалеку послышался неясный вскрик Джинни, и Гарри удивленно обернулся: как она может кричать, если от этого напитка им сделалось так хорошо? Или только он видит перед собой этот свет и чувствует, что сейчас мог бы совершить какое-то великое волшебство? Его переполняла магия, она пульсировала в нем, словно гигантское сердце, перекачивая миллионы крошечных красных кровяных шариков из одной части тела в другую, неся с собой колоссальные возможности. Гарри чувствовал, что сейчас он в состоянии сделать все, о чем можно было только мечтать, исполнить любое свое желание. Он взлетел высоко-высоко без всякой метлы и счастливо засмеялся: весь мир был у него под ногами, Инисаваль из величественного острова стал крошечными ручонками, просяще протянутыми к нему; Лес Теней оказался похож на кусочек зеленого мха среди серых болотных клякс, а где-то там, далеко, находился Хогвартс, миниатюрный и смешной, точно неловко слепленный из песка малышом. Гарри поднимался все выше, солнце грело его все больше, его лучи жарко тянулись к юноше. Гарри желал все и сразу — он хотел все знать, и чувствовал, что знания прибывают к нему, точно внезапно нахлынувшая волна. Он видел все — прошлое, настоящее и будущее, видел огромные толпы древних магов в плащах и остроконечных шляпах, из чьих посохов хлестал огонь, поражая все вокруг. Видел бесчисленных троллей, ревуших от боли, когда в них вонзались стрелы Убийственного проклятия. Он слышал яростные крики гоблинов и хруст их костей, когда на них наступали огромные лапы гигантов. Видел бескрайние поля, потонувшие в крови и мертвых телах, над которыми кружили вороны. Слышал оглушительные душераздирающие рыдания женщин и писк детей. Вот две армии, закованные в железо, с грохотом столкнулись друг с другом на поле брани... И везде, везде в воздухе свистели и искрились, прочерчивая яркие линии, стрелы порч и проклятий.

Где я, в ужасе подумал Гарри и испугался, что упадет, если вдруг в него попадет какое-то заклинание. И тут же, действительно, начал падать с головокружительной высоты, неровно взмахивая руками, пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь. Но воздух сделался горячим и жестким, дышать стало трудно, а вопрос, который Гарри хотел задать, так и остался незадаанным, а что-то важное, что он хотел узнать, осталось не узнанным.

Кто я, запоздало мелькнуло в его голове, и последнее, что он вспомнил, это высокого мужчину перед зеркалом в пустой комнате. Человек в мантии стоял, взявшись руками за тяжелую раму, по верхнему карнизу которой бежала руническая надпись. Незнакомец изо всех сил ударил кулаком по стеклу, встряхнул лохматыми черными волосами и начал разворачиваться к Гарри лицом, но не успел. Тело Гарри встретилось с землей в остром взрыве боли и разлетелось на тысячи осколков...

Гарри открыл глаза. Боль была во всем теле, точно он без седла проехал верхом много миль.

Где же небо, подумал он. Все сначала было так хорошо... Так прекрасно.

Он попытался встать, но у него не получилось. Судя по запаху трав и звонкому журчанию воды, он был все еще на Инисавале, недалеко от миниатюрного водопада, скрывающего вход в... И тут Гарри все вспомнил.

Пещера. Станный каменный круг. Призраки. Эльфы. Гвеннол с чашей и Глор — с кувшином, в котором был удивительный напиток. Напиток, который не кончался в чаше, сколько бы народу к ней не прикладывалось. Напиток, то меняющий свой цвет на голубой, то остающийся теплого светло-коричневого оттенка. В зависимости от того, кто из него пил или нет? Гарри сделал попытку снова открыть глаза, но вокруг была тьма. Он сперва испугался, но тут же сообразил, что сейчас, должно быть, ночь, хотя где-то далеко за деревьями уже ползла по небу первая полоска рассвета — валялся он без памяти несколько часов. Поэтому, когда глаза, наконец, привыкли к темноте, он осторожно ощупал себя руками, убедился, что боль во всем теле начала затихать и медленно сел на траве.

Крохотные зеленые и голубые весенние огоньки пикси перелетали где-то далеко от дерева к дереву, изредка вспыхивая в глубине зарослей больших папоротников и прячась в свисающих с деревьев и древних камней гирляндах мха. Ощущение боли проходило, и оставляло после себя

солоноватый привкус крови во рту, тупой зуд в голове, будто Гарри что-то забыл, да так и не смог вспомнить, и густую патоку разочарования, в которой, как мухи, увязали мысли. Гарри почему-то чувствовал, что еще недавно он мог все — мог увидеть будущее, мог снова оказаться вместе со Сьюзен и своими друзьями, мог отправить всех домой.

Мог вернуть отца.

Да что же это... Гарри вновь попытался подняться, но в голове опять зашумело. Чем его опоили Эльфы? Никогда не ожидал такого от Глора, подумал Гарри сердито, все еще злой на себя из-за того, что он так и не успел распорядиться своими фантастическими возможностями и его единственный шанс пропал зря. Или это ему привиделось, и все, что он чувствовал — всего лишь галлюцинация? Напиток обладал странным вкусом, немного знакомым, и это тоже заставило Гарри поломать голову (которая и без того гудела, как встревоженный улей) над тем, где он мог пробовать такое зелье? Там явно были какие-то добавки — мак, немного цветов белладонны, листья смородины, кажется, — чтобы смягчить запах. Наркотик. Еще не хватало. Ох, нет, надо полежать. Еще чуточку. Гарри опрокинул свою беспрестанно кружащуюся голову обратно в траву и затих. К тому же, сейчас, когда его мозг начал немного расслабляться после пережитой встряски, он вдруг понял, что шум водопада заглушает два голоса, спорящих по-эльфийски.

— Если бы я знала, что именно вы собираетесь дать детям, Глор, я бы ни за что не позволила! — бушевало знакомое сварливое сопрано Валери Эвергрин.

— Это было необходимо, — ответил спокойный голос Эльфа.

— Необходимо? Необходимо! — нервно перекивала его Валери. — А если бы у них оказалась аллергия на компоненты этого зелья? Если бы с детьми случился приступ? Джинни мы еле откачали!

— Зато мы теперь знаем то, что должны были узнать, — Глориан был непреклонен. — Пойми, милая, ради этого откровения мы, Эльфы, жили несколько сотен лет!

— К дьяволу ваше откровение! К дьяволу ваши дурацкие разговоры о Добре и Зле! Я не могу больше это слушать!

— И не нужно. Мы, Эльфы, больше ни за что не отвечаем. Мы нашли того, кто возьмет на себя эту ответственность.

— Но это же еще ребенок, Глор, ребенок, пойми! Не вздумайте втянуть ребенка в ваши таинственные дела!

— Они — уже не тайна. Да ты и сама теперь все знаешь, ты сумела задать правильный вопрос, правда?

Валери затихла, а потом нехотя признала:

— Да.

— Вот видишь. Он тоже смог. Он знает, кто он. Это — тяжелая ответственность.

— Вот именно. Не рано ли перекладывать ответственность на его плечи? Ему сейчас и так несладко...

— Когда его пра-пра-прадед подошел к тому же камню, что и он, тот далекий мальчик не знал, кто его отец, и что ждет в этой жизни его самого. Знание дало ему силу.

— Но даст ли знание силу *этому* бедному мальчику, Глор?

— Он готов к нему. Просто ты так привыкла кудахтать над ними, что иногда не замечаешь, что они давно выросли. Они уже давно делают то, что считают нужным. Ты дала им тепло, дом, кров, ощущение домашнего уюта...

— Домашнего уюта — я? — невесело усмехнулась мисс Эвергрин.

— Ты воспитывала в них душу.

— Ничего я в них не воспитывала. Они росли сами, без всякой опеки. Я никогда не вела с ними душеспасительных бесед. Откровенно говоря, я была никудышным воспитателем.

— Ты была рядом. Разве этого мало? Я знаю по себе, что одно твое присутствие придает уверенность. У тебя есть дар вести за собой, воспитывать не нудными нотациями, а своим примером.

— Мои пример устал от воспитательной работы, — замучено откликнулась Валери. Гарри услышал, как она без сил опустилась в траву. — Как был прав старик — это те еще сорванцы! Но, если честно, я не совсем понимаю, почему это оказался не Гарри. Все-таки, с ним я была больше, он дольше находился рядом со мной. Я привыкла считать Гарри мальчиком, у которого есть дар. Они оба мне дороги, но Гарри... Он за последние полгода стал для меня как сын, которого у меня

никогда не было... Я не могу его постоянно держать в поле зрения, но я знаю, что если понадоблюсь ему, то сверну полмира, чтобы помочь.

— Да, видишь, и в тебе говорит голос крови, — с каким-то особенным нажимом заметил Глориан Глендэйл. — Он когда-то воспитывал одного мальчика, она — другого...

— И что из этого вышло? — горько спросила Валери. — Кончилось тем, что эти мальчики подросли, да так и не смогли поделить одну женщину, которая любила их обоих и страдала от этой любви так же, как они сами.

— Сейчас все зависит не от женщины, а от того, как мужчины могут держать оружие в своих руках.

— Не говори так! — голос Валери дрогнул.

— Ты же это видела.

— Я не хочу этого знать! О, Ме... О, черт, видеть, как умирает тот, кого ты любишь!

— И не помешать этому? Я тоже хочу помешать ему. Поэтому я сделал все, чтобы вернуть тебя. А знаешь? — спросил Глор с какой-то особенной интонацией. — Будущее... Валери, оно ведь уже совсем близко.

— Близко, да, — устало согласилась женщина. Гарри вновь услышал, как зашумела трава: видимо, Валери упала на нее без сил. — Ты же знаешь, что вон там, в скалах, сейчас родилось ваше будущее, Глор. Ваше, — отрезала она. Помолчала, и добавила с тихой тоской. — Не мое. Прости.

— Что ты сказала? — воскликнул Глориан.

— То, что ты слышал, Глор. Ты сказал, что если все будет в порядке с ребенком Алара и Мэри, то мы сможем быть вместе навсегда. С ним не все в порядке. Это сейчас происходит...

— Что — происходит? — голос Глориана Глендэйла напрягся.

— То, что я увидела этой ночью. Странная вещь, это ваш напиток. Для вас это панацея, исцеляющая любую рану, душевную или телесную, для людей — наркотик, расширяющий сознание... Когда я ехала к тебе, сюда, я верила, что уже не вернусь обратно, что останусь на Инисавале навсегда. Теперь, после встречи с призраками моего прошлого этой ночью, я понимаю, что ошибалась. Прости меня, но я должна и дальше оберегать *этих* ребят. Сейчас это важнее, чем сохранение рода Эльфов.

— Нет...

— Глориан Глендэйл, — печальный шепот Валери Эвергрин царапал слух, словно ножом. — Я не выйду за тебя замуж... У нас не будет детей. Я не...

— Нет, — голос Глора был пуст и почти неслышим. — Не говори этого. Мне будет лучше, если я прощу тебя за то, что, ты не захотела иметь ребенка-урода...

— Они — не уроды, Глор!..

— ... Чем корить тебя за то, что ты отказалась выйти за меня замуж по любви...

А потом был шорох шагов, и их обоих больше не было, и звезды вновь закружились над лицом Гарри, заставляя гадать, что это было — танец пикси или тяжелый ковшик Большой Медведицы. Засыпая, он пытался поймать последнюю мысль — кого нашли Эльфы? Нет, это не Малфой. Не он сам... Рон? Он — кто? Звезды превратились в одно сияющее кольцо, а кольцо растянулось в широкую лунную дорожку на воде. По ней плыла лодка, а сидящий в ней Эльф шумно греб единственным веслом, и луна освещала его безумные глаза, из которых лились слезы отчаяния. А откуда-то издалека, как одинокий тоскующий крик птицы, доносился безумный вопль женщины:

— Алар! Ала-а-а-ар! Не уходи! Не уходи-и-и!

Женщина, спотыкаясь, брела по берегу и звала сидящего в лодке человека, но луна ушла, туман скрыл лодку, Алара Аржантейля, сгорбившегося в ней, и истерично кричащую женщину. А потом Гарри услышал ее безумный смех, близко-близко прошуршали по песку ее шаги, и послышался плеск воды. Все дальше, дальше, дальше... В последний раз он потянулся рукой к смутной фигуре, уходящей под воду, желая ее остановить, но круги на воде разгладились, и вот — луна вновь переливается над зеркальной гладью безымянного озера, и никто не смеется больше, и плеск весел не слышен. Только Добби сидит на берегу, нежно покачивая в сморщенных зеленоватых ручках маленький плачущий сверток, и тихо напевает себе под нос:

Мальчик очень маленький,
Мальчик очень слабенький.
Дорогая деточка,
Золотая веточка,

Крохотные рученьки
 К голове закинута.
 В две широких стороны,
 Ушки твои вскинута.
 Баю-баю, махонькой,
 Баю-баю, мой родной.

И пришел сон, и, наконец, успокоил Гарри. Но пока он засыпал, ему все еще мерещилась безумная женщина, ушедшая под воду вместе со своей любовью, и перекошенное ужасом красивое лицо Эльфа, в отчаянии бегущего прочь от маленького, беззащитно хнычущего свертка в добрых лапках Добби, и большие ничего не понимающие жалобные глазки, длинные острые ушки и старческие морщины на зеленоватом личике первого новорожденного домового эльфа...

— Гарри!!!

Гарри Поттер вскочил, не веря своим ушам: он был почти уверен, что ему это приснилось — Рон зовет его по имени.

— Что?!

Рон действительно склонился над ним.

— Нам ехать пора...

Гарри поднялся. От того, что он провел ночь на траве под открытым небом, он порядком замерз, а его суставы болели, как у старичка. Гарри зябко поежился и крепче обмотал мантию вокруг своего неудобного средневекового одеяния.

— Где остальные? — сонно спросил он, совсем не ожидая, что Рон ему ответит.

— Сейчас придут, — Рон вскарабкался на склон за водопадом, скрывающим тайную пещеру Эльфов и подал Гарри руку. — Девочки с мисс Эвергрин там, внизу, у Эльфов. А Малфой исчез.

— Как — исчез? — Гарри от неожиданности чуть не выпустил руку Рона.

— Очень просто. Его уже по всему острову искали. Даже думали, что он снова в пещеру полез, но его, конечно, там быть не могло. А потом кто-то из Эльфов обнаружил, что вместо одной лодки не хватает двух. Смылся, трус несчастный...

— Вместо одной лодки? — Гарри внезапно вспомнил все, что ему снилось. — А где еще одна лодка? Мне казалось... Кажется, это был только сон, но, Алар, тот Эльф, который присматривал за нами в прошлый раз... Мне почему-то привиделось, что в той лодке был — он... Он плыл через озеро.

— Привиделось? — Рон, наконец, втащил Гарри наверх и теперь стоял, уперев руку в бок. Вторая нервно гуляла по лицу, убирая со лба отросшие рыжие лохмы и упрямо закрывая от Гарри глаза. — Нет, это не сон был. Мне тоже вначале показалось, что это был всего лишь сон. Но потом я узнал, что Алар Аржантейль на самом деле бежал с Инисаваля.

— Когда? Куда? И — почему?

— У него ночью родился сын, — объяснил Рон. Он помахал рукой трем маленьким фигуркам, копошившимся на склоне холма. Фигурки начали подниматься к ним. — Но он оказался далеко не таким, как хотели Эльфы...

В Гарри точно молния ударила.

— Так значит, это был не сон! — прошептал он.

— Окстись, конечно нет! Эльфы дали нам вчера свой волшебный напиток. Я сперва думал, что они решили отравить нас за то, что мы тогда забрались в ту гро... в их святое место, а оказалось, что... В общем, в эту ночь они как-то ухитрились вызвать у нас всех странные видения из прошлого и будущего. Я сперва не понял, что это со мной происходит, но Джинни тоже много чего видела. Того же, что и я.

— И что вы видели? — спросил Гарри. Он вдруг понял, что одежда Рона как-то странно оттопыривается на груди, точно он прятал за пазухой какой-то длинный тяжелый предмет.

Рон промолчал. Все это время Гарри гадал, почему их страшная ссора, случившаяся уже не один месяц назад, заставившая их не обращать внимания друг на друга, забыть об их многолетней дружбе и ненавидеть саму мысль о том, чтобы помириться, в это странное утро исчезла, точно ее и не было.

— Рон...

— Чего?

— Ты решил забыть о нашей ссоре?

— Решил, да, — Рон посмотрел на Гарри так спокойно и честно, что тому стало пакостно. Гарри почувствовал, что в их с Роном ссоре был виноват он один. — Я хочу попросить у тебя прощения, Гарри, за то, что не сдержался тогда и наговорил глупостей.

— Но это же я нарушил нашу клятву, помнишь, Рон? Я обещал никогда не поднимать на тебя руку и ударил тебя, а просишь у меня прощения — ты! И почему — сегодня?

— Сегодня ночью я многое понял, — Рон устало жевал травинку и наблюдал, как мисс Эвергрин, Гермиона и Сьюзен взбираются на холм. — Все это было так странно, но удивительно реально. Гарри, мы, кажется, совершили с тобой совершенно идиотскую ошибку. Мы не должны ссориться. И не только потому, что обещали это друг другу, просто... Просто поверь мне, нам больше так поступать нельзя. От этого будет хуже не только нам. Так было уже, раньше, давным-давно... Я не хочу этого, ты тоже этого не хочешь — зачем же мы причиняем друг другу боль?

— В самом деле, зачем? — пробормотал Гарри. — Я был вовсе не обязан говорить, что я думаю о твоей девушке... Какой бы она мне ни казалась... — даже сейчас он изо всех сил удерживался, чтобы не рассказать Рону о заговоре, который скрепила поляна, полная асфоделей.

— Я тоже... Знаешь, сам не понимаю, почему тогда сказал тебе такую гадость: Сьюзен совсем не глупая, и никакая не уродина, чтобы я так по-хамски себя повел. К тому же, она, кажется, втюрилась в тебя без памяти...

— О, нет, вот в этом ты ошибаешься! — мрачно усмехнувшись поведал ему Гарри. — Я ей глубоко безразличен!

— Да ну, гонишь, Гарри. Она аж трясется, когда на тебя смотрит! Краснеет и тут же отворачивается, — хмыкнул Рон, пихнув Гарри локтем в бок.

— Да ну тебя. Вокруг нее уже давно вертится Финч-Флечли. Думаю, ему недолго ждать осталось. Рон, а ты не хочешь помириться с Гермионой?

Услышав эти слова от Гарри, Рон побагровел и стал нервно вертеться на траве.

— Я с ней не ссорился. Я просто... Ну, я не знаю, что теперь делать! — он умоляюще смотрел на Гарри. — Гарри, ты прав, я поступил как последняя сволочь, но, пойми, сердцу не прикажешь! Она такая... — по восторженному тону Рона Гарри понял, что тот говорил о Матильде. — Такая прекрасная! Она — удивительна! И ко всему прочему, Матильда обещает стать могучей волшебницей, она все знает о магии, она — потомственная ведьма. Пойми, дружище, я и сам не знал, что меня так прихватит, но ничего не поделаешь. Я люблю ее!

Рон, по мнению Гарри, выглядел, как восторженный слепой кутенок. Но ему был слишком дорог мир с Роном, чтобы высказывать свой взгляд на вещи. Поэтому он только похлопал Рона по плечу, а потом крепко его обнял.

— Рон.

— Да?

— Ты когда-нибудь расскажешь мне, что увидел сегодня, кроме того, что происходит у Эльфов?

— М-м-м... *когда-нибудь*, Гарри. Когда-нибудь, я обещаю, расскажу все-все. Но сейчас это пока тайна. Куно Глендэйл просил меня не открывать ее никому.

— Они для чего-то выбрали тебя? — Гарри отстранился и пристально посмотрел Рону в лицо. Тот мгновенно постарался сотворить суровую физиономию «рот на замке». От такого старания его уши отчаянно зашевелились, а щеки покрылись краской. — Неужели, после рождения этого маленького уродца Эльфы разочаровались в собственном будущем и своем предназначении? Только не говори, что они теперь решили, что кто-то должен унаследовать их право на борьбу со злом? Рон, объясни...

— Не могу объяснить! — отчаянно выкрикнул Рон. — Поверь, Гарри, это слишком важно! Я бы хотел кому-то рассказать, меня душит изнутри это знание! Но я обещал Куно, что не проговорюсь...

На пригорок, подобрав подол белого платья, наконец, забралась Валери.

— Ффух! Ну и подъем! — пожаловалась она. — Вы что не слышали, как мы снизу кричали? Не могли помочь подняться? Джентльмены, называется, рыцари!

Глаза у нее были заплаканы.

Их никто не вышел провожать, кроме правителя Куно. Глориан не пришел. Гарри молча рассматривал красивое старое лицо Эльфа и думал, что вот он, момент вечного прощания с Древними Эльфами. Больше он никогда их не увидит.

— Прощайте, маленькие волшебники, — Куно Глендэйл подошел совсем близко к Гарри и Рону и положил руки им на плечи. — Помните, что теперь все зависит от вас, от людей. Эльфы больше не смогут охранять Добро. Отныне вам самим придется беречь его.

— Мы обещаем, что сделаем все, что в наших силах, — голос Рона прозвучал как-то особенно сильно. Гермиона с удивлением повернулась к нему, но тут же, словно ведомая каким-то непонятным чувством, опустила глаза. Джинни же смотрела на Рона странно, точно что-то высчитывала, в этот момент она точно вновь погрузилась в пучину документов магазинчика Уизли, как подумалось Гарри. А Сьюзен поверх голов Рона и Гарри следила, как на песок медленно накатывает небольшая волна, шевеля траву. Ее глаза были совершенно прозрачны, но Гарри каким-то образом чувствовал, что все не так просто. Сью явно о чем-то напряженно думала, возможно, о том, что она видела этой ночью, но Гарри не решился спросить у нее об этом, и уж, тем более, прочесть ее мысли. Сейчас прибегать к своему дару по отношению к Сью было бы верхом наглости. *Особенно сейчас.*

Когда их лодка заворачивала за мыс, на высоком обрывистом берегу Гарри заметил Добби. Крохотный, казавшийся издали еще меньше, домовый эльф бережно прижимал к себе одной лапкой миниатюрный сверток, а другой изо всех сил махал на прощание удаляющейся ладье. Сверток шевелился, и до Гарри донесся отзвук жалобного детского плача.

Путешествие обратно могло бы быть куда приятнее того, что они проделали на Инисаваль, погода была солнечная, Лес Теней был словно освещен изнутри, и светлые лучи, золотясь, пронизывали высокие кусты и древние деревья. И Рон ехал поблизости, и... в общем, если Гермиона и Сью могли тоже участвовать в их разговоре, то, казалось, что все вернулось бы на свои места... если бы можно было еще исключить из памяти те тяжелые мысли об Эльфах, о Глоре, и о Валери, которая ехала впереди, так неестественно прямо держа спину, что Гарри заподозрил, что его опекун просто удерживается от того, чтобы никто не увидел того, как она плачет. Но на все его попытки обогнать Валери и посмотреть ей в лицо, лошадь мисс Эвергрин отвечала ускоряющейся рысью, а белое платье мелькало далеко впереди. Рон, тоже забеспокоившийся, предложил окликнуть мисс Эвергрин, чтобы поговорить с ней, и Гарри согласился, но Джинни предостерегла их обоих:

— Ей нужно побыть одной, не трогайте ее сейчас.

— Да ладно, Джин! — возразил Рон, едва не сверзившись с лошади, споткнувшейся о здоровенную ветку. — Разве мы сделаем ей больно? Когда она поговорит с нами, то ей станет легче! Тем лучше, что она избавилась от этого... этого... человека.

Гарри с интересом посмотрел на Рона. Странно изменилось, однако, отношение его друга к Эльфам, будто потеплело. Пожалел он их что ли?

— Не мешай ей быть сильной, Рон, — вздохнула Джинни. Ее рыжие косички запрыгали по плечам, и девушка повернула назад, к неспешно шагающим лошадам Гермионы и Сьюзен. Накидка Джинни, когда она скакнула мимо Гарри, откинулась, и на ее поясе зазвенели застёжки, ударяясь о маленький бархатный мешочек. Гарри украдкой оглянулся и посмотрел на то, как она подъехала к двум остальным девочкам. Еще никогда они обе не казались ему такими похожими. Настолько разные внешне, Гермиона и Сьюзен, казалось, излучали боль и печаль. Ему вдруг подумалось, что и Рон, и он сам виноваты в этом. О, Мерлин, если бы рядом никого не было, он мог сейчас подъехать к Сью, спешиться, встать перед ней на колени и попросить прощения за свою идиотскую глупость, которую он сказал ей тогда; все сделать, что угодно сделать для того, чтобы ее глаза перестали быть похожими на холодные серые камни, на тяжелые морские волны в шторм, на свинцово-мрачное грозное небо. Сьюзен... Гарри встряхнул головой. Нет, они были не одни. А ведь все могло быть иначе! Скоро, уже через несколько часов покажется Хогвартс, а там — Джастин, там — много других людей... там... Задумавшись, Гарри чуть было не налетел на лошадь Валери, она встала посреди дороги, как вкопанная.

— Что случилось? — Рон тоже подъехал поближе, но Валери обернулась к ним. В руке ее сама собой возникла волшебная палочка, и теперь женщина тщательно присматривалась к тому, что лежало в кустах за лесной дорогой, по которой они ехали. Гарри слез с коня.

— Не ходи дальше, Гарри!

— Что там? — Гарри тоже извлек свою палочку и осторожно пошевелил кусты.

— Я сказала — не ходи! — лошадь Валери, повинувшись легкому толчку, преградила ему дорогу, но он все же успел увидеть...

— Что там, Гарри? — взволнованно переспросил Рон. — Черт, что с тобой?!

Гарри отвернулся, чтобы его не стошнило. Над кустом вились мухи.

— Гарри, что...

— Джинни, не подходи близко! — закричал побледневший Рон. Ему с лошади уже стало все видно.

— Отъезжайте вперед шагов на тридцать, — коротко приказала Валери. Она спрыгнула с коня и, преодолевая отвращение, наклонилась над зарослями папоротника. — Соберитесь вместе и достаньте палочки!

— Профессор, что слу...

— Гермiona, я сказала — поезжайте дальше! Рон, Гарри, прикройте девочек с обеих сторон дороги!

— Рон, что случилось?! — потребовала объяснений Джинни, как только они отъехали на нужное расстояние. Гарри видел, как мрачная Валери вышла из зарослей на краю поляны. В ее руке был длинный окровавленный нож. — Что там было?

— Джинни, перестань, лучше тебе этого знать, — предостерег Рон и мельком бросил взгляд на Гермionу. Она наставила палочку на темный провал среди деревьев и прислушивалась к звукам Леса Теней, будто ожидала нападения. У Сью палочка в руке ходила ходуном.

— Гарри! — взвыла Джинни. — Ну, объясни хоть ты! Рон, видно, считает, что я еще...

— Там лежал труп.

Претензии Джинни тут же стихли.

— Боже, Гарри, кто это был?

— Тот Эльф... Алар Аржантейль... Он мертв, — Гарри содрогнулся, заметив, как Валери осторожно пробует пальцем лезвие ножа. Острое...

Сью зажала рот руками.

— Тролли? — в ужасе переспросила Джинни. — Несчастный Алар!

— Нет, люди, — хрипло сказал Рон. — Видишь, она нашла оружие.

— Мерлин... — глаза Джинни расширились от страха. — Кто же мог? Кто его — так?

Гарри быстро взглянул на Сью. Нет, все в порядке, только очень волнуется. Уздечку своей лошади она сжала, так сильно натянув поводья, что животное тихо и жалобно заржало, прося ослабить хватку.

Закончив осматривать оружие, мисс Эвергрин оглядела дорогу, по которой они ехали, и прикусила губу от досады. Затем Валери сбросила накидку, осторожно завернула в нее нож и привязала свою страшную находку к луке седла. Ее конь нервно заржал, чувствуя запах крови, но она погладила его, перебирая пальцами гриву, вспрыгнула в седло и подъехала к ребятам.

— Надо немедленно возвращаться в Хогвартс, скакать, что есть сил, — бросила она.

— Чье это оружие, мисс Эвергрин? — содрогнулась Гермiona. Несмотря на то, что она тоже сильно испугалась, ее больше интересовали ответы на ее вопросы.

— Не местное, это точно. Ребята, те мечи и длинные ножи, которые вы используете на занятиях с сэром Кэдогеном, если я не ошибаюсь, на конце лезвия закруглены?

— Да, а что? — с замиранием сердца переспросил Рон.

— Это совсем другой нож. Трехгранный, без насечек на рукояти, лезвие узкое и заостренное с обеих сторон на конце. Боюсь, опасения леди Ровены оказались оправданы: это норманнский нож. Алара убило не животное, и не местный разбойник, а норманнский всадник.

— Почему именно всадник? — задыхаясь, спросил Гарри. Они неслись по лесной тропе таким жутким галопом, что аж свистело в ушах, и говорить было трудно. Рон, почему-то придерживая рукой воротник, гнал своего коня далеко впереди, за ними скакали девушки, а Валери и Гарри замыкали кавалькаду.

— Нож был брошен сверху, с большой высоты, а деревья на том месте все низкорослые, и кустов много, так что с дерева бросить нож не могли. К Алару подъехал всадник, видимо что-то спросил у него, а потом метнул в него нож, и притом так быстро, что Эльф не успел отреагировать. Его убийца, мне кажется, был весьма изощрен в таких вещах. Бывалый человек. И он был не один. Ну что мне стоило приглядеться к дороге с самого начала! До нас здесь проехала, по меньшей мере, целая армия, как я не заметила обломанные по краям тропы кусты! Если бы я не думала о том, что уже нельзя исправить...

— Норманны? — воскликнул Гарри.

— Точно, — очнулась от самобичевания Валери. — А вот куда они направляются... Надеюсь, что это не те гости, которых мы ждали с самой зимы. Когда мы будем в замке, нужно будет выслать отряд на поиски Драко. Если этот мальчик попадет в лапы к норманнам, — конь Валери звонко заржал и метнулся вперед, поэтому Гарри не услышал конец фразы.

Когда они достигли Хогвартса, уже стемнело.

— Что-то мне не нравится все это, — тихо прошептала Гермиона, сдерживая свою лошадь. Та напряженно принюхивалась к незнакомому запаху, витавшему так близко от дома. — Профессор Эвергрин, смотрите, огни в башнях не горят, кажется, только в Большом зале... Зато вокруг ворот замка кто-то разжег костры.

Поле перед Хогвартсом неузнаваемо изменилось. До ребят донеслось ржание чужих лошадей и резкие возгласы на незнакомом языке. Вокруг костров расположились какие-то люди. То тут, то там раздавалось жалобное мычание быков и звон оружия. По всему периметру поля стояли палатки и составленные в козлы мечи и топоры, а мимо них ходили воины в крепких кольчугах. То и дело между палатками проскакивали внушительные отряды всадников, бряцая оружием. Хогвартс был окружен. Пока все молча переваривали увиденное, Гарри принялся считать солдат. Если бы они сидели на месте, это получилось бы куда удачнее, но в третий раз Гарри, считая, сбился уже на четвертой сотне и впечатлился количеством войск противника. Совсем рядом с лесом десяток солдат над большим костром поворачивали большого козленка, переговаривались между собой и громко хохотали.

— Норманнский диалект. Так говорили ученики Слизерина, — негромко сказала Сьюзен.

— Они здесь! — выдохнул Рон, осторожно высунув нос из-за свисающих со старого дуба завесей мха. — Но они же... мисс Эвергрин, они же не захватили Хогвартс, нет?

— Пока рано об этом говорить, — пробормотала Валери. — Сначала нужно проникнуть внутрь. Только как же это сделать?

— Я отвлеку на себя внимание, — расхрабрился Рон. — А вы, профессор, сможете пробраться в замок со стороны кухни.

— Еще чего, — проворчала Валери. — Смелчак нашелся.

— А нам обязательно нужно скрываться от них? — поинтересовалась Гермиона. Она стояла, держа повод в руке и старательно зажимая морду своей лошади, чтобы та не подала голос. — Почему вы решили, что если они увидят нас, то поступят так же, как и с несчастным Аларом? Потом, мы же все-таки волшебники, неужели мы сможем справиться с маглами?

— Боюсь, Гермиона, что мы наверняка это узнаем только тогда, когда они нас заметят.

— Эй вы! Там, в кустах! Стоять! — послышался грозный окрик одного из пеших воинов, и все услышали пение тетивы арбалета, а потом в дерево прямо над гарриной шевелюрой впилась толстая и тяжелая арбалетная стрела. Гарри рывком лег на траву, повинувшись тяжелой руке мисс Эвергрин. Рядом, точно так же опустив нос в землю, в неудобной позе застыл Рон. Вторая стрела прозвенела чуть ниже, и позади послышалось отчаянное жалобное ржание и глухой удар о землю. Лучник застрелил одну из их лошадей.

— Черт побери мою любовь к белому цвету! — ругнулась Валери, явно проклиная тот день. Когда она решила надеть такое заметное белое платье. — Придется проникать в замок прямой дорожкой.

— Какая к'асивая женщина! — восхищался глазастый лучник, когда по его повелению их дружную компанию вытаскивали из кустов. Говорил он ужасно невнятно, присвистывал и пришепetyвал. — Откуда вы здесь появились, мадам? Кто эти демуазели и иоммме... йомменны?

— Я могу попробовать обезоружить его, пока вы не выхватите палочки, — оптимистично предложил Рон.

— Не смей! — взвилась Гермиона. — Вспомни об Аларе!

— Не 'азгова'ивать! — приказал косноязычный норманн. Их уже окружило больше двух десятков солдат. Сзади на мощных, закованных в броню по самые копыта лошадях покачивались рыцари с обнаженными мечами. — Кто вы такие?

— Жители замка, — обворожительно улыбнулась Валери, вызвав серию одобрительных присвистываний у стоявших поблизости воинов. — Возвращаемся с прогулки.

— Гулялль? По *этот* лес? — захохотал один из норманнов.

— Заткнись, Оливье, — самый высокий всадник подъехал к ним поближе. Лица его Гарри не видел, но сквозь забрало его похожего на железное ведро шлема можно было заметить острые глаза, цепко уставившиеся на то, как к горлу каждого из пойманных пришельцев тянулись мечи, ножи и стрелы с тяжелыми металлическими наконечниками. — Если вы — жители замка, мадам, я провожу вас, — заметил он. Его голос звучал глухо из-за железного ящика, в который было заключено его лицо. Гарри обратил внимание, что при появлении этого человека, остальные

норманны затихли и перестали переговариваться. Пешие вытянулись перед ним, как перед начальником. — Отпустить их, немедленно.

Этот человек был высок и тяжел. Кольчуга на нем была, как минимум, втрое надежнее, чем на обычных воинах, к тому же она была украшена спереди изображением серебряной кабаньей головы с золотыми клыками. На его поясе поблескивали драгоценные камни, а плащ у горла был сколот старинной золотой фибулой. Впрочем, блеск на этом заканчивался и начиналась нищета. Плащ рыцаря был искусно и почти незаметно, но все же залатан, на левой шпоре болталась звездочка, а сапоги были растоптаны до неузнаваемости их первоначальной формы. Гребень тяжелого шлема был погнут и кривился вбок, как точно такое же украшение на голове у петуха, придавая облику рыцаря немного забавную, хоть и, в целом, грозную внешность. Видно было, что его здесь боится каждый солдат, и не каждый смеет перед ним оправдываться. Однако косноязычный грязнуля, взявший в плен шестерых незнакомцев, посмел.

— Но, господин ба'он, я пе'вый их заметил! Это мои пленные! — заканючил грязноватый лучник. Вокруг него зароптали солдаты, видимо, поражаясь его наглости.

Дальше Гарри не успел даже ничего понять, потому что все случилось слишком быстро. Всадник, которого косноязычный лучник назвал бароном, направил своего коня ближе, прямо в толпу, звякнув тяжелыми шпорами. Мощный гривастый зверь расшвырял грудью солдат, а потом на странную железную кепку косноязычного лучника откуда-то сверху со свистом опустил огромный тяжелый меч, и тело, неловко загребая ногами, с шумом свалилось на траву. Рядом с Гарри тяжело ухнул на землю мощный, окованный железом арбалет. Тетива на нем еще дрожала.

— Теперь, — холодно проинформировал солдат их начальник. — Это — *мои* пленные.

Громко взвизгнула Джинни. На ее платье набухало большое кровавое пятно.

— Джин! — бросился к ней Рон. Ему тут же преградили дорогу два огромных копья.

— Стоять, — негромко приказал всадник в шлеме. — Вы ранены, мадемуазель? — равнодушно поинтересовался он.

Гермиона уже стояла на коленях возле без чувств опустившейся на землю Джинни. Сюю поддерживала рыжеволосую девушку за плечи, и ее лицо походило цветом на ее собственное платье.

— Жива, не ранена, — Гермиона сказала это по-французски, и норманнский барон понял ее. — Это кровь того... того солдата.

— Обыскать их, господин барон?

— Нет смысла. Вы у них найдете только деревянные палочки. Что ж, — по голосу норманна нельзя было понять, что он только что на глазах у десятков людей кого-то убил. — Идите за мной, дамы и господа. Если обитатели этого замка согласятся впустить внутрь замка вас, а заодно и моих доблестных воинов, вы будете свободны, и я даже не потребую за вас выкупа. Если же нет — сожалею, но сами понимаете, как в таком случае поступают с заложниками. Очень жаль, мадам, — он коротко поклонился Валери, проедая ее взглядом, и пропустил ее и ребят вперед. Их повели к воротам Хогвартса.

— Если *мы* захватим его в плен, то нас пропустят в замок, — быстро шепнул Гарри Рону. — У нас не забрали палочки. И мы сможем спокойно пройти...

— Не смей, Гарри, — разъярилась мисс Эвергрин, услышав его шепот. — Не смей рисковать! Откуда ты знаешь, как поступят его воины? А если они просто перестреляют вас всех?

— Я могу прочитать их мысли.

— Но внушить им, что стрелять в нас нельзя, ты не сможешь. Не храбрись, их сейчас больше чем вас.

— Но мы — волшебники, — заметил Рон несколько обиженно. — Почему мы должны бояться маглов и их оружия, мы и сами...

— Потому что их больше. Только тех, что сейчас находятся с нашей стороны замка, шестьсот семьдесят восемь человек. А нас шестеро.

Да, она посчитала куда лучше, чем я, уныло сообразил Гарри. И какой же отсюда следует вывод? Из этой ловушки нет выхода. Он внимательно осмотрел стены Хогвартса. Замок явно был укреплен. Все окна были плотно закрыты, зубцы башен оцетинились торчащими из-за них стрелами дозорных, из щелей ворот высывались острые копья, подъемный мост был поднят, а кипяток, плескавшийся во рву, периодически поднимал грозно урчащие волны и накатывал их на противоположный берег к уязвимым стоявшим на нем норманнских солдат.

Подъехав к самому рву с кипящей водой, всадник пнул ногой сидящего на берегу воина с огромным боевым рогом в руке. Тот тотчас же вскочил и, видимо, отлично зная характер своего господина, угодливо распластался перед ним в поклоне.

— Кончай валяться, ленивая тварь! Труби! — рявкнул норманнский барон.

— Да, господин барон, сию минуту, господин барон! — герольд высоко вскинул рог и извлек из него нечто среднее между иканием подавившегося морковкой слона и брачным воем охрипшего волка. Впрочем, барон остался вполне доволен этим результатом.

На передней стене замка появилась фигура женщины в кольчуге. Ровена.

— Что еще вам нужно? — ее голос, усиленный заклятием, разнесся по всей округе, заставив заколыхаться верхушки деревьев Леса Теней. Некоторые норманны зашептали что-то и начали суматошно креститься.

— У меня здесь кое-кто из ваших вассалов, — безымянный барон указал своим огромным мечом на группу ребят и мисс Эвергрин, которых по его знаку выпихнули вперед, чтобы Ровена могла их лучше видеть. — Или это ваши родственники? Если вам дорога их жизнь, откройте ворота и впустите их... и нас. Вы знаете, мадемуазель, что у меня имеются ленные права на этот замок, так что вы не вправе нам препятствовать, как вам уже, наверное, сообщило мое доверенное лицо. Теперь у меня есть еще и эти люди, мои заложники. Вместо выкупа я требую, чтобы вы открыли ворота для меня и моего войска. Это все. Даю вам час на размышление и обещаю в случае добровольной сдачи оставить в живых всех вас. Вам ясно, красавица?

— Слово норманна! — презрительно прогрохотала Ровена. Ветер пронесся над полем, и солдаты вновь зашептались.

— Слово дворянина, — резко откликнулся барон. Фигура Ровены на замковой стене напоминала белую статую, которую овевала синяя накидка. Этаким монумент презрению.

— Оно ничего не стоит, потому что вылетело из ваших...

— Я не склонен спорить, мадемуазель, но я уже высказал свое мнение относительно моих пленных и менять его не стану. Если через час нас не впустят внутрь, я убью на ваших глазах сначала этих юношей, а потом и женщин, — с этими словами норманн развернулся и отъехал назад, показывая, что разговор окончен. Жестом он на что-то указал своей охране, а сам спешился и вошел в один из ближайших шатров. Охранники решительно подступили к пленникам, а спустя пару минут Гарри уже ощупывал на своих запястьях толстые веревки и раздумывал, как их незаметно снять. Палочка осталась лежать в кармане мантии, но ее достать было почти невозможно на глазах у приставленных к ним десяти солдат.

Ровена повернулась и ушла. А что ей еще оставалось?

— И что? — спросил Рон. — Значит, через час нас укокошат?

Ему явно не слишком верилось в такое развитие событий. Напротив, Гермiona, Джинни и Сью были настроены совершенно противоположным образом.

— Я уверена, что леди Рэйвенкло не станет подвергать нас такой опасности, — голос Сью заметно дрожал, и она крепилась с трудом.

— Конечно, конечно не станет, Сьюзен, — успокаивающе заметил Гарри.

— О, Гарри, — не выдержав, зарыдала она.

— Сью, не волнуйся, все будет хорошо, — Гарри попытался высвободить руки, чтобы дотронуться до Сьюзен, но ему в спину тут же ощутимо уперлось острие копья. Сью разрыдалась и уткнулась ему в грудь, от чего бархатный средневековый лапсердак тут же вымок насквозь. — Не бойся, род... родная...

Гермиону же волновало совершенно другое.

— В *«Истории Хогвартса»* не было написано ни о чем таком! — громко возмущалась она, явно потрясенная тем, что какая-то информация о Хогвартсе могла быть ей незнакома. — Если бы я знала, что нашу школу когда-то осаждала армия норманнов, то никогда бы не полезла бы на рожон. Подумать только, мы сейчас можем стать причиной уничтожения замка. Или — его сдачи. Если бы я знала заранее, если бы...

— И что бы ты сделала?

— Я, я не... не знаю, — в глазах у Гермiony тоже появились слезы.

Рон успокаивающе хмыкнул.

Джинни прислонилась головой к плечу Гермiony.

— Почему нас не обыскали? — вполголоса спросила она. — Мисс Эвергрин, почему они не стали отбирать у нас палочки? Этот барон знал, что мы — волшебники. Он сознает, что мы собой представляем. Станный он, этот барон-магл.

— Действительно, странный, — пробормотала Валери. Она сквозь зубы улыбнулась своим церберам, окованным железом.

— И *хорошо*, что нас не обыскали, Джин, — шепнул Рон.

— Хогвартс ненаходим, после исчезновения Слизерина мы с Годриком и Ровеной сами сделали его таким, — продолжала думать вслух Валери. — Значит, только кто-то из магов мог показать дорогу норманнскому войску. Кто-то из здешних колдунов — предатель!

— Или из самого Хогвартса, — добавил Гарри.

Ответ на этот вопрос они получили, когда час уже почти прошел. Полог шатра, в котором находился барон, откинулся, и оттуда вышел... нет, не он, а...

Драко Малфой.

Оглавление

Глава 1. Начало лета.....	3
Глава 2. Жених профессора Эвергрин.....	10
Глава 3. Дом на болотах.....	20
Глава 4. Древние Эльфы.....	27
Глава 5. История Ордена Феникса.....	35
Глава 6. Встреча.....	44
Глава 7. Исполняющий желания.....	53
Глава 8. Ореховый прутик и Пять Стихий.....	63
Глава 9. Мыслив профессора Эвергрин.....	73
Глава 10. Личная жизнь ментолегуса.....	83
Глава 11. Самаркандский скоростной снегоградодождеотталкивающий!.....	94
Глава 12. Сто пятьдесят.....	104
Глава 13. Таланты.....	115
Глава 14. Факультатив по мыслечтению.....	125
Глава 15. Переворот.....	136
Глава 16. Второе желание.....	149
Глава 17. Запретный прыжок.....	157
Глава 18. Пленники прошлого.....	167
Глава 19. Волшебное средневековье.....	177
Глава 20. Инисаваль.....	188
Глава 21. Обряд.....	196
Глава 22. Преступник и Белая Дама.....	205
Глава 23. Хельга Хуффльпуфф и Ровена Рэйвенкло.....	217
Глава 24. Роковая красота.....	227
Глава 25. Годрик Гриффиндор.....	238
Глава 26. И Салазар Слизерин.....	247
Глава 27. Врозь.....	259
Глава 28. Изобретение квиддича.....	270
Глава 29. Поляна, полная звезд.....	284
Глава 30. Эксцентричные Эльфы против Драчливых Драконов.....	298
Глава 31. Зеленый праздник.....	311
Глава 32. Снова в осаде.....	321